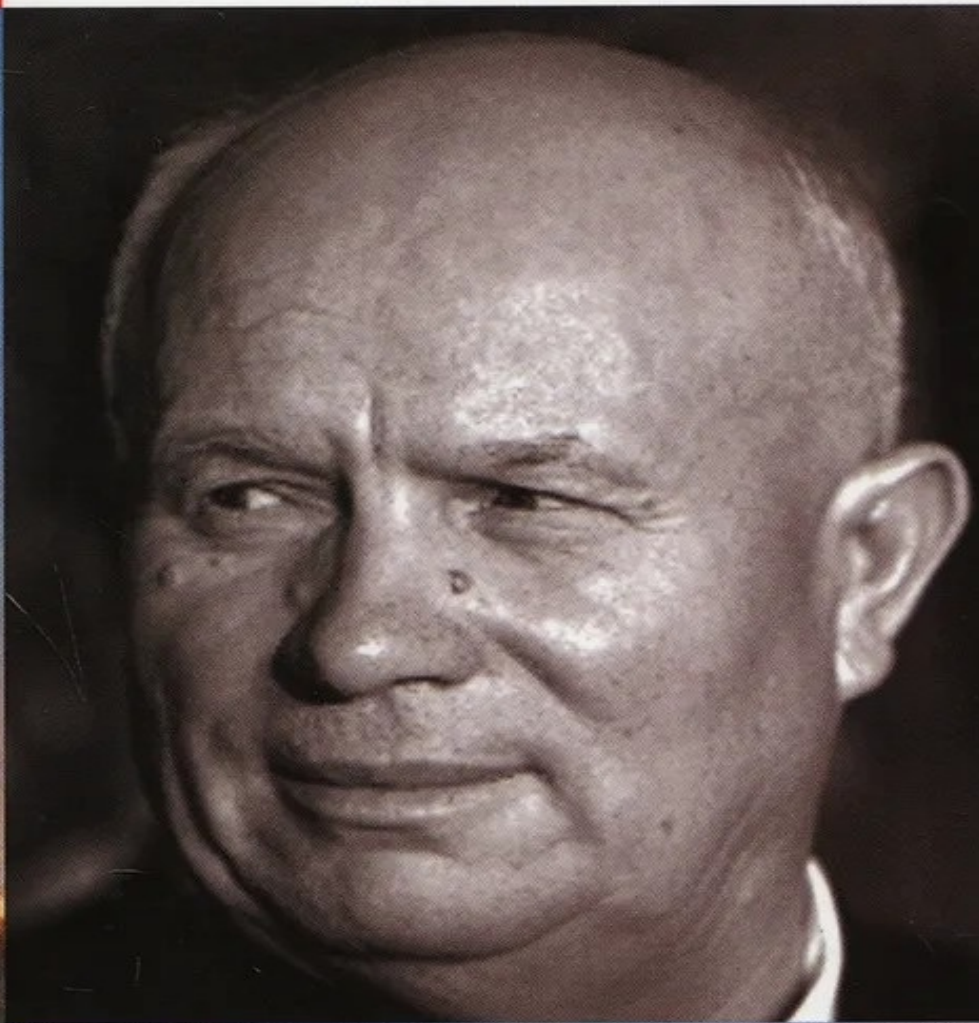

НИКИТА ХРУЩЕВ

Леонид
Млечин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Что сделал Хрущев для страны, которой руководил целое десятилетие? Он создал ракетно-ядерный потенциал и отправил в космос Юрия Гагарина. Он накормил людей и добился прорыва в экономике. Он начал строить жилье. Он провел десталинизацию, выпустив и реабилитировав миллионы. При нем расцвели литература, искусство, кинематограф, живопись, театр. Он был человеком фантастической энергии, огромных и нереализованных возможностей. Непредсказуемый и неуправляемый, невероятный хитрец, он был наделен взрывным темпераментом, склонностью к новым, революционным идеям и готовностью, ни с кем и ни с чем не считаясь, немедленно воплощать их в жизнь. Его политику можно было бы назвать романтическим авантюризмом. Этаким *Romanticus sovieticus*. Но до сих пор роль Никиты Хрущева в истории нашей страны так и не осмыслена, а личность не раскрыта.

- [Леонид Михайлович Млечин](#)
 -
 - [Информация от издательства](#)
 - [ЗАЧЕМ МЫ ЕГО ВСПОМИНАЕМ?](#)
 - [Вместо предисловия](#)
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.](#)
 - [Он мог стать заводчиком](#)
 - [Стремительное восхождение](#)
 - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ.](#)
 -
 - [«Вы можете его арестовать?»](#)
 - [Появление Степана Бандеры](#)
 - [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.](#)
 -
 - [Сражение за Киев](#)
 - [Сталинград. Кипящие в котле](#)
 - [Возращение на Украину](#)
 - [ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.](#)
 -
 - [Вместе с Кагановичем. И без него](#)
 - [Возращение в Москву](#)

- [Бюро Президиума ЦК. Новый орган власти](#)
- [Последний ужин на Ближней даче](#)
- [Что делать с Берией?](#)
- [Маленкова век не долог](#)
- [ЧАСТЬ ПЯТАЯ.](#)
 -
 - [Кто узнал первым?](#)
 - [Судьба Леонида Хрущева](#)
 - [Ради чего он это сделал?](#)
 - [Прошлое не умирает](#)
 - [Большая чистка в Риге](#)
 - [«И это коммунисты?»](#)
- [ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.](#)
 -
 - [Как избавиться от Молотова](#)
 - [Антипартийная группа](#)
 - [Маршал Жуков. Один шаг до власти](#)
- [ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.](#)
 -
 - [Зачем поехали на целину?](#)
 - [Догнать и перегнать Америку!](#)
 - [Трагедия в Новочеркасске](#)
 - [Чиновники лишились мягких кресел](#)
 - [Жизнь при коммунизме](#)
- [ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ.](#)
 -
 - [Зэка Королев и зэка Глушко](#)
 - [Трагедия Янгеля и успех Челомея](#)
 - [«Разгоним Академию наук»](#)
- [ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ.](#)
 -
 - [Проблемы с Мао Цзэдуном](#)
 - [Немецкий вопрос](#)
 - [Помириться с шахом](#)
 - [На крейсере в Лондон](#)
 - [Новый курс в третьем мире](#)
 - [Польская интрига](#)
 - [Танки в Будапеште](#)
 - [На кухне с вицепрезидентом Никсоном](#)

- [У-2: сбит над Свердловском](#)
 - [Чья земля? Спор с Китаем](#)
 - [Встреча с Кеннеди в Вене](#)
 - [Берлинская стена](#)
 - [Карибский кризис](#)
- [ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ.](#)
 -
 - [Шелепин и Семичастный](#)
 - [«Тюрьма на Лубянке пустовала»](#)
 - [Второй секретарь первому помеха](#)
 - [«А женись, как Аджубей»](#)
 - [На идеологическом фронте](#)
 - [Никита Сергеевич расслабился](#)
 - [«Если нужно, я уеду из Москвы»](#)
 - [Почему предпочли Брежнева?](#)
 - [Судьба ближнего круга](#)
- [ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ.](#)
 -
 - [Он ожидал худшего](#)
 - [История с мемуарами](#)
 - [Прощание и похороны](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н. С. ХРУЩЕВА](#)
- [ЛИТЕРАТУРА](#)
 - [Документы](#)
 - [Воспоминания](#)
 - [Монографии](#)
- [НАД КНИГОЙ РАБОТАЛИ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)

- [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
-

Леонид Михайлович Млечин
Никита Хрущев

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2021

Информация от издательства

Млечин Л. М.

Никита Хрущев / Леонид Млечин. — М.: Молодая гвардия, 2021. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1892).

ISBN 978-5-235-04470-8

*Что сделал Хрущев для страны, которой руководил целое десятилетие? Он создал ракетно-ядерный потенциал и отправил в космос Юрия Гагарина. Он накормил людей и добился прорыва в экономике. Он начал строить жилье. Он провел десталинизацию, выпустив и реабилитировав миллионы. При нем расцвели литература, искусство, кинематограф, живопись, театр. Он был человеком фантастической энергии, огромных и нереализованных возможностей. Непредсказуемый и неуправляемый, невероятный хитрец, он был наделен взрывным темпераментом, склонностью к новым, революционным идеям и готовностью, ни с кем и ни с чем не считаясь, немедленно воплощать их в жизнь. Его политику можно было бы назвать романтическим авантюризмом. Этаким *Romanticus sovieticus*. Но до сих пор роль Никиты Хрущева в истории нашей страны так и не осмыслена, а личность не раскрыта.*

16+

© Млечин Л. М., 2021

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2021

ЗАЧЕМ МЫ ЕГО ВСПОМИНАЕМ?

Вместо предисловия

Тринадцатого октября 1964 года первый секретарь ЦК КПСС, председатель Совета министров СССР и Совета обороны Союза ССР Никита Сергеевич Хрущев вернулся в Москву из Пицунды, где он проводил отпуск.

В правительственном аэропорту Внуково-2 он не увидел ни одного из членов Президиума ЦК партии. В нарушение заведенного порядка его встречал лишь председатель Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР Владимир Ефимович Семичастный.

Хрущев не догадывался, что Семичастный, которого он считал своим воспитанником, приехал в аэропорт не только по долгу службы. Товарищи по партийному руководству, которые сговорились отстранить Хрущева от власти, поручили председателю КГБ важную миссию: заменить личную охрану первого секретаря ЦК и вообще проследить, чтобы темпераментный и непредсказуемый Никита Сергеевич не предпринял каких-то неожиданных действий.

Не всякий решился бы в тот момент оказаться один на один с Хрущевым. Никита Сергеевич многие годы был полновластным хозяином страны, и его боялись.

Спустившись по трапу, Хрущев хмуро спросил Семичастного:

— Где остальные?

— В Кремле.

Никита Сергеевич уточнил:

— Они уже обедали?

— Нет, кажется, вас ждут.

Хрущев из аэропорта сразу поехал в Кремль. Члены Президиума ЦК КПСС уже собрались.

Хрущев, недовольный, что ему сорвали отдых, поздоровался и спросил:

— Ну, что случилось?

Он по-хозяйски занял председательское кресло и повторил:

— Кто будет говорить? В чем суть вопроса?

Конечно же, в ту минуту первый секретарь ЦК КПСС и председатель Совета министров СССР не сознавал, что его долгая и блистательная политическая карьера уже завершилась и впереди только пенсия, тоска и забвение.

Накануне, 12 октября, около девяти вечера телефонистка коммутатора междугородней правительственной высокочастотной связи соединила Л. И. Брежнева с Хрущевым. Никита Сергеевич наслаждался отпуском на государственной даче в Пицунде. Секретарь ЦК Брежнев оставался в Москве на хозяйстве.

Леонид Ильич сильно волновался. Побледнел, губы посинели, он говорил с дрожью в голосе. От имени Президиума ЦК он настойчиво просил Хрущева срочно вернуться в Москву: необходимо обсудить намеченную им же полную реорганизацию сельского хозяйства.

Никита Сергеевич ответил с нескрываемым неудовольствием:

— Хорошо, я завтра в одиннадцать утра вылетаю.

У Хрущева оставалось примерно полдня, чтобы решить, как ему поступить. Покориться судьбе или расправиться с заговорщиками. Для него это была не первая схватка, в которой на кону стояла власть, а то и жизнь. Все предыдущие он выиграл.

Все действующие лица драматической истории, которая изменит судьбу страны, той ночью спали плохо. Руководители партии и государства, желавшие сменить хозяина страны, все еще боялись его. Никита Сергеевич не раз расправлялся с теми, кто покушался на его кресло. Что он придумает на этот раз?

По сей день ходят слухи, что Хрущев, конечно же, понял, зачем его вызывают в Москву. И собрался лететь не в столицу, а в Киев и заручиться поддержкой командующего войсками Киевского военного округа генерала армии П. К. Кошевого. Украина считалась опорой Никиты Сергеевича, а генерал Кошевой — верным ему человеком.

Хрущев вырос на Украине. Много лет работал в Киеве. Сросся с республикой. Уже будучи хозяином всей страны, чаще всего и с наибольшим удовольствием приезжал на Украину. Повсюду расставленные им и лично ему преданные люди, в том числе в погонах... Говорили, что 13 октября на этот случай по маршруту следования правительственного авиалайнера привели в боевую готовность зенитноракетные части, чтобы в крайнем случае сбить самолет первого секретаря.

Заместителя начальника Отдела правительственной связи (ОПС) вызвал председатель КГБ Семичастный.

Властно приказал:

Мне нужно знать, кто названивает Хрущеву. Докладывайте каждый час.

Если бы Хрущев пожелал побеседовать с кем-то, кто мог представлять опасность для заговорщиков, им об этом сразу стало бы известно. Ну а мог

бы Никита Сергеевич и в самом деле обратиться к кому-то из военачальников с просьбой поддержать его всей мощью вооруженных сил?

Даже если бы кто-то из генералов попытался самочинно поднять вверенные ему войска, у него ничего бы не вышло. Председатель КГБ приказал начальнику 3-го управления КГБ (военная контрразведка) генерал-майору Ивану Анисимовичу Фадейкину информировать его даже о незначительных передвижениях войск. В Советской армии ни один приказ не отдавался без ведома особистов.

В реальности Хрущев не собирался лететь в Киев и просить военных о помощи. Решительно все, кто занимал высшие посты в партии и государстве — и не только на Украине, но в первую очередь в Москве, — его ставленники. Своим высоким положением и завидной карьерой они были обязаны ему лично. Он не мог себе представить, что они все его предадут.

Но все-таки Никита Сергеевич что-то подозревал! Он от природы был наделен завидным политическим инстинктом. Иначе бы не выжил в постоянной подковой борьбе и не добрался до вершины власти. Возможно, именно этим объясняется его неожиданный звонок маршалу Советского Союза Георгию Константиновичу Жукову накануне отъезда в свой последний отпуск.

До этого они семь лет не виделись и не разговаривали! В октябре 1957 года именно Хрущев убрал Жукова с поста министра обороны СССР.

Георгий Константинович заботился об армии, но не уважал политработников и противопоставил себя партийному аппарату. Маршала обвинили в том, что он пренебрегает Центральным комитетом, самовольно сократил политорганы в Вооруженных силах, что он груб, жесток, да еще и тайно сформировал несколько батальонов армейского спецназа и, следовательно, готовит военный переворот... После оскорбительной и унижительной проработки Жукова сняли с должности министра и вывели из состава Президиума ЦК.

Хрущев не желал видеть рядом с собой популярного, решительного и амбициозного военачальника, полководца Победы. Его пугали жесткий характер, самостоятельность и властность Жукова. А ну как маршал с его всенародной славой захочет сам возглавить государство?

После увольнения с поста министра обороны Жуков рассчитывал, что ему позволят перейти в Военную академию Генерального штаба Вооруженных сил СССР. А его постановлением Совета министров СССР отправили в отставку, хотя у маршалов таковой не бывает. Он жил на даче, подаренной ему после Битвы под Москвой. Его никуда не приглашали. Из

истории войны его имя старательно вымарывали.

Хрущев распорядился установить оперативное наблюдение за маршалом. На даче Жукова установили прослушивающую аппаратуру. Записывались даже его разговоры с женой в спальне. Он был лишен всех постов, исключен из политической жизни, но его все равно продолжали держать под постоянным контролем. О настроениях и разговорах маршала председатель Комитета госбезопасности докладывал лично первому секретарю ЦК. Жукова боялись, да еще и завидовали его славе и всенародной любви...

Очередная записка председателя Комитета госбезопасности поступила в Президиум ЦК 27 мая 1963 года. Семичастный информировал руководителей страны о настроениях Жукова, который позволил себе не слишком благожелательно отозваться о них, о недавних соратниках по руководству Вооруженными силами.

Хрущев поручил Брежневу вместе с руководителями Комитета партийного контроля при ЦК КПСС вызвать Жукова и строго предупредить.

— Если не поймет, — грозно добавил первый секретарь ЦК, — тогда исключить из партии и арестовать.

А год спустя, летом 1964 года, Никита Сергеевич, как ни в чем не бывало, вдруг сам позвонил Георгию Константиновичу. Примирительно сказал:

— Тебя оговорили. Нам надо встретиться.

Фактически извинился перед маршалом за то, что отправил его в отставку:

— Знаешь, мне тогда трудно было разобраться, что у тебя в голове. Но ко мне приходили и говорили: «Жуков — опасный человек, он игнорирует тебя, в любой момент он может сделать все, что захочет. Слишком велик его авторитет в армии».

Жуков укорил Никиту Сергеевича:

— Как же можно было решать судьбу человека на основании таких домыслов?

Хрущев даже не стал оправдываться :

— Сейчас я крепко занят. Вернусь с отдыха — встретимся и подружески поговорим.

Помощник первого секретаря ЦК записал распоряжение Хрущева: после отпуска в Пицунде запланировать встречу с маршалом.

Никита Сергеевич, чувствуя, что теряет поддержку в стране, явно решил опереться на национального героя. Судя по всему, намеревался

вернуть маршала в политику. Точнее, призвать его себе на помощь. Зачем? Если бы Жуков осенью 1964 года был министром обороны СССР и членом Президиума ЦК, противники Хрущева не могли бы рассчитывать на поддержку армии.

Но увидеться им было не суждено.

Из отпуска Хрущев вернулся раньше, чем предполагал. И он уже никого не мог ни назначить на высокую должность, ни снять с нее...

Почему мы вообще вспоминаем Хрущева? Что он сделал для страны, которой руководил целое десятилетие?

Первая заслуга Никиты Сергеевича — создание ракетно-ядерного потенциала, который надежно защищает наше государство и по сей день. Именно Хрущев первым поверил в ракетную технику и дал возможность творить выдающимся конструкторам Сергею Павловичу Королеву и Валентину Петровичу Глушко, которых при Сталине чуть не сгноили в лагерях. Вслед за первым спутником Земли Хрущев отправил в космос Юрия Гагарина и прославил нашу страну.

Второе. Он накормил людей. Британскому премьер-министру Уинстону Черчиллю приписывают фразу о Сталине: «Он принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой». Черчилль никогда этого не говорил. Сталин «принял страну» не с сохой, а в период расцвета НЭПа, когда Россия не только сама себя кормила, но и экспортировала хлеб. А вот Хрущев принял у Сталина страну полуголодной. При Сталине каждый год тот или иной регион голодал. Статистика свидетельствует: десять лет, когда страной управлял Хрущев — лучшие в советской истории. Вторая половина 50-х — время феноменальных достижений отечественной экономики. А дальше началось затухание экономического роста.

Третье. Он начал строить жилье. При Сталине практически не было гражданского строительства, возводили лишь здания министерств и дома для начальства. Хрущев выводил людей из землянок, из бараков, из общежитий, из огромных коммуналок и переселял в квартиры. Строились детские сады, поликлиники, школы.

Четвертое. Десталинизация была не только актом гуманности — выпустили ни за что оказавшихся в лагерях, реабилитировали невинно убиенных, целые народы вернули в родные края. Это был полный переворот жизни. Исчез страх, люди ощутили себя свободными. Никита Сергеевич создал в стране атмосферу, которая способствовала невероятному духовному подъему. Хрущевские годы — время расцвета литературы, искусства, кинематографа, живописи, театра.

И вот главный показатель успешности развития страны при Хрущеве.

В начале XX века ожидаемая продолжительность жизни в России была на 15 лет меньше, чем в Соединенных Штатах. В конце 50-х годов, при Хрущеве, произошел столь быстрый рост продолжительности жизни, что разрыв с США был почти полностью ликвидирован! А после Хрущева, при Брежневе, началось снижение продолжительности жизни у мужчин, и разрыв быстро нарастал.

Оставшийся в памяти необузданным бузотером, нелепо выглядевший, Никита Сергеевич недооценен отечественной историей. Он был человеком фантастической энергии, огромных и нереализованных возможностей. Непредсказуемый и неуправляемый, невероятный хитрец, он был наделен взрывным темпераментом, склонностью к новым, революционным идеям и готовностью, ни с кем и ни с чем не считаясь, немедленно воплощать их в жизнь. Его политику можно было бы назвать романтическим авантюризмом.

Автор этой книги под руководством Никиты Сергеевича полтора месяца строил коммунизм.

Я пошел в школу 1 сентября 1964 года, еще при Хрущеве. Наша классная руководительница — не очень грамотная, ее образование ограничивалось педагогическим техникумом в Мордовии, и училась она явно не на пятерки, — вдохновенно готовила нас к скорому приходу коммунизма. И наши скромные успехи в постижении правил правописания и арифметики следовало считать вкладом в общее великое дело.

В середине октября разговоры о коммунизме внезапно прекратились. Я запомнил тот день, когда мои родители достали из почтового ящика свежий номер газеты «Правда», первую полосу которой украшали портреты новых руководителей партии и правительства. А имя Хрущева перестали упоминать, словно и не было Никиты Сергеевича.

И почти шесть десятилетий спустя приходится констатировать, что роль его в истории нашей страны еще не осмыслена, а личность не раскрыта. Так каким же был Никита Сергеевич Хрущев?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОЛОДОСТЬ

Он мог стать заводчиком

Чувства и страхи, испытанные в детстве, остаются навсегда и возвращаются вновь и вновь, если начинается стресс. Мы понимаем, что все это было давным-давно, но какая-то часть нашего мозга все еще воспринимает мир так, словно мы маленькие. Эмоциональная память заставляет нас вести себя так же, как мы вели себя в детстве.

Важно, конечно, и поведение тех, кто находится рядом с человеком с юных лет. Реакция окружающих формирует стереотипы поведения, которым человек следует всю свою жизнь.

Детство Никиты Сергеевича Хрущева можно назвать счастливым. Жила семья скудно, но это не имело тогда для него значения. Главной была родительская любовь, и это создавало ощущение гармонии и счастья.

От природы энергичный и прямой, он излучал энергию. Не скрытный. Не таил в себе эмоции. Легко взрывался, выпуская раздражение, и столь же быстро успокаивался. Это свидетельство крепкой нервной системы.

Жизнь лучше, если мы избегаем ссор, скандалов и выяснения отношений. Прекрасно если человек наделен легким нравом и чувством юмора, это избавляет от многих проблем. Но земная жизнь — не райские кущи, без конфликтов не обойтись. И Хрущев считал, что неправильно всеми силами их избегать, не уклонялся от откровенного выяснения отношений. Не считал, что ничего нет хуже спора и ссоры.

Никита Хрущев родился в 1894 году в селе Калиновка Дмитриевского уезда Курской губернии, где крестьянствовали его родители Ксения Ивановна (она ушла из жизни в 1945 году) и Сергей Никанорович (умер в 1937 году). В селе была церковь, помещичий дом, казавшийся дворцом, и земская школа, куда и отдали маленького Никиту.

Хрущев вспоминал: «В 1908 году отец и мать нанялись в богатое имение помещика Васильченко. Я уже был подростком, мне исполнилось четырнадцать лет, и я там работал на пахоте погонщиком волов. Труд для моего возраста был тяжелым, надо было поднимать ярмо, запрягая волов в плуг. Это входило в обязанность погонщика, а не плугаря».

Там он прожил недолго, но позже никогда не забывал односельчан, живо интересовался жизнью курян и заботился о родной деревне Калиновке. Когда Хрущев оказался в зените власти, руководители Курской области проявляли особую заботу о его родной деревне.

Ему было 14 лет, когда семья переехала в Юзовку^[1]. Отец, Сергей

Никанорович, работал шахтером, и он сам начал трудиться слесарем в 18 лет. Шла Первая мировая война, но в армию его не призвали: как шахтеру, ему была положена отсрочка.

Это были трудные годы. Увиденное и пережитое тогда приучило его к тому, что в жизни возможны неприятности, потери и поражения.

Никита Сергеевич не собирался быть революционером, он хотел учиться горному делу. Не случись революции, стал бы инженером, управлял шахтой, пошел бы по этой стезе и явно добился бы больших успехов. Но 1917 год прервал нормальное течение жизни. Большевистскими идеями его соблазнил Лазарь Каганович, который позже станет одним из самых близких к Сталину людей.

Лазарь Моисеевич присоединился к большевикам в 18 лет. Его самого к революционной деятельности приобщил старший брат Михаил, который уехал в город и поступил на завод.

Когда Михаил Каганович приезжал в деревню навестить родных, крестьяне его спрашивали:

— Михаль, що робыться на свити?

Михаил снабжал подпольной литературой младшего брата Лазаря, который тоже вскоре уехал в город.

Провожавшие его крестьяне утешали родителей:

— Лейзар у вас хлопэц моторный, а язык у його такый, що нэ тильки, як кажуть, до Києва доведэ.

Односельчане оказались правы. Бешеная энергия Кагановича быстро привела его в Москву. Правда, перед этим ему пришлось поработать на лесопилке, грузчиком на мельнице. В 1911 году вступил в партию. Февральскую революцию 1917 года Каганович встретил в Юзовке, центре Донецкого угольного бассейна. Там впервые выступал на митинге и был избран заместителем председателя городского совета, чем невероятно гордился. Он запомнил услышанный на митинге разговор.

Один из рабочих говорил о Кагановиче:

— Кажуть, що выступаты будэ жид.

Другой возразил ему:

— Дурак ты. Хоть жид, да наш.

Никита Сергеевич познакомился с Кагановичем в первые дни Февральской революции, когда Лазарь Моисеевич, работавший в Юзовке, выступал на митинге. Хрущев восторженно его слушал.

В 1917 году Украина раскололась. В отречении императора Николая II национально мыслящие украинцы увидели редчайший шанс обрести независимость. В Киеве образовалась власть, которая видела республику

самостоятельной. Центральная рада потребовала от советской власти признать независимость Украины.

Большевикам, провозгласившим лозунг «самоопределение народов», возразить было нечего. Однако и отпускать Украину не хотелось. Нашли выход — признали создание независимой Украинской народной республики, но не полномочия самопровозглашенной Центральной рады. А в Харькове образовалась другая власть, большевистская, она желала тесного союза с Россией. Вот эту власть Москва признала и обещала украинским единомышленникам братскую помощь. В 1918 году большевистский Харьков объявил войну самостийному Киеву. Донбасс немедленно отсоединился от остальной Украины. Российский нарком по военным и морским делам Лев Давидович Троцкий исходил из того, что удержание Донецкого угольного бассейна важнее всего.

На территории Украины столкнулись три силы: собственно украинская армия, отстаивавшая независимость республики, большевистские войска и Белая армия генерала Антона Ивановича Деникина, который не признавал самостоятельной Украины.

Гражданская война здесь была особенно жестокой и кровопролитной. Ни одна политическая сила не могла объединить столь разнородное сообщество. Слабая власть постоянно менялась. Киев несколько раз переходил из рук в руки. Целые регионы были охвачены грабежами и насилием, там хозяйничали такие атаманы, как командующий Революционной повстанческой армии Украины Нестор Иванович Махно и намеревавшийся стать новым гетманом Украины Никифор Александрович Григорьев.

Никита Хрущев вступил в Красную армию и оказался на политработе. Сторонники украинской национальной идеи потерпели поражение. «Для украинского возрождения, — писал академик Владимир Иванович Вернадский, создатель Академии наук Украины, — совершилось почти историческое чудо, дав возможность достигнуть никем серьезно не чаянного — благодаря стечению исключительно благоприятных обстоятельств. Но едва ли при условиях, какие есть в стране, может возродиться Украина с чисто украинским языком и культурой. Для этого нет ни одного слоя, который бы поддерживал и был охвачен этой идеей».

С каким багажом вернулся в мирную жизнь молодой Хрущев?

Гражданская война, продолжавшаяся долгие годы и завершившаяся полной победой большевиков, сформировала целое поколение, определив представления советских людей о морали и нравственности. Что такое Гражданская война? Одна Россия уничтожала или изгоняла другую.

Широко распространилась жестокость, ничем не сдерживаемая. Беспощадность поощрялась с самого верха. За либерализм могли сурово наказать, за излишнее рвение слегка пожурить. Это Хрущев сразу усвоил.

Столицей Советской Украины объявили Харьков. Там обосновалось республиканское правительство. А также штаб Украинского военного округа, которым командовал Михаил Васильевич Фрунзе. Подписывал он свои приказы так: командующий войсками Украины и Крыма или коротко — Комвоенсилукр.

Лазарь Каганович, оценив Хрущева, повел его за собой по партийной линии. Но Никита Сергеевич хотел получить образование. В 1922 году пошел учиться на рабочий факультет Донецкого техникума в Юзовке, проучился три года. Секретарем Юзовского уездного комитета партии был Авраамий Павлович Завенягин, который после прихода Хрущева к власти станет заместителем главы правительства.

Тогда Никита Сергеевич познакомился и с будущим маршалом Климентом Ефремовичем Ворошиловым:

— Приехал товарищ Ворошилов в Донбасс. Мы собрали митинг в Макеевке. Собрались шахтеры. После Ворошилова парка не стало — люди лезли на заборы, повалили их, деревья поломали...

Надо заметить, что у Никиты Сергеевича Хрущева была счастливая семья, и этим он отличался от многих других советских руководителей. Совсем молодым человеком в Юзовке Хрущев женился на Ефросинье Ивановне Писаревой, красивой рыжеволосой женщине, дочери его старшего товарища.

Правнучка Никиты Сергеевича, Нина Львовна Хрущева, ставшая профессором международных отношений в Новой школе в Нью-Йорке, опираясь на семейные архивы, пишет: «Фрося, как называли ее друзья, была на два года младше Никиты. У нее были ярко-рыжие волосы, белая кожа, мягкие черты лица и тонкая талия. Она была из образованной семьи; и сама она, и четыре ее младшие сестры, которых она помогала растить, — все посещали местную гимназию, образовательное учреждение для благородных девиц.

Никита, квалифицированный рабочий с приличным заработком, был выгодной партией, и вскоре после знакомства в 1914 году они поженились. Через год у пары родилась дочь Юлия, а в 1917 году — сын Леонид.

На снимках, сделанных примерно в 1916 году, привлекательная пара в своих лучших воскресных нарядах: Ефросинья в белой блузке, Никита в темном пиджаке и галстук-бабочке. Он — худой и стройный, но ниже ее ростом и уже начинающий лысеть. Меня поражал респектабельный, почти

буржуазный вид дореволюционных Хрущевых, совершенно не похожих на грязных рабочих или замученных крестьян царской поры, фотографиями которых обычно иллюстрировали советские учебники истории».

Но Ефросинья Ивановна умерла в 1919 году от тифа, оставив Никиту Сергеевича с двумя детьми.

Американский биограф Хрущева известный историк Уильям Таубман писал, что, окончив рабфак и вернувшись в Юзовку в 1922 году, Хрущев женился во второй раз на юной девушке. Брак оказался очень недолгим, Никита Сергеевич о второй жене вспоминать не любил, поэтому известно только ее имя — Маруся...

Но откуда такие сведения? В семье Хрущевых об этой загадочной женщине никто ничего не знал.

Подругой жизни стала Нина Петровна Кухарчук, женщина более образованная, чем ее муж, и твердо верившая в коммунистические идеалы. Нина Хрущева пишет о своей прабабушке, в честь которой ее и назвали: «Нина Петровна родилась в 1900 году на Западной Украине в крестьянской семье Петра и Екатерины Кухарчук, живших в деревне Васильево близ города Холм (ныне Хелм) Люблинской губернии, входящей сегодня в состав Польши.

Кухарчуки имели свой дом, надел земли и даже лошадь. “Мы жили получше Хрущевых в России”, — бывало, говорила она с выражением шутивого превосходства. Она также гордилась тем, что всегда очень хорошо училась, настолько хорошо, что местный пастор убедил ее отца, что она должна продолжить образование. Так Нина оказалась в Одессе. Успешно окончив курсы при элитной Мариинской женской гимназии, Нина осталась в Одессе учить науку и манерам юных девушек.

После года учебы на высших пропагандистских курсах в Москве, бабушка получила новое революционное назначение: преподавать историю компартии и теорию марксизма в районных партшколах Донбасса. В 1922 году она приступила к работе в Юзовке».

Нина Петровна была спокойной женщиной с твердым характером. Она родила троих — Раду, Сергея и Елену. Таким образом, Хрущев — редкость среди членов Политбюро — был многодетным отцом, растил пятерых детей. Большая семья его радовала. Он любил вечером сесть за общий стол и видеть вокруг себя счастливые лица.

Первые годы политической карьеры Хрущева — время новой экономической политики. НЭП спас страну от голода, помог восстановить разрушенную во время революции и Гражданской войны экономику.

В России еще оставались миллионы людей, которые хотели и умели

работать. И даже ограниченное, опасливое возвращение к рынку позволило им развернуться. Новая экономическая политика, разрешившая частную инициативу, быстро дала результаты: промышленное и сельскохозяйственное производство достигло довоенного уровня. Россия не только полностью обеспечивала свои потребности, но и вновь экспортировала зерно.

НЭП возродил промышленность и дал людям работу. У крестьянина появилась материальная заинтересованность в напряженном труде. Частное владение землей запрещалось, но можно было брать ее в аренду. Разрешили нанимать работников себе в помощь, и это позволило быстро поднять эффективность сельского хозяйства.

Не только обычные граждане, но и члены партии задумались: зачем строить коммунизм, если все необходимое для жизни дает рыночная экономика, основанная на частной собственности? В 1921—1922 годах из партии вышли три четверти вступивших в нее крестьян, в ряде мест партийный аппарат в деревне практически перестал существовать.

НЭП явственно показал ненужность партийного аппарата, который только мешал нормальной жизни. Поэтому аппаратчики, включая Хрущева, считали новую политику опасной и всячески с ней боролись. Ненависть к любому частному предпринимательству сохранилась у Хрущева на всю жизнь.

Никита Сергеевич начинал карьеру, когда в партии шли острые дискуссии о том, как строить новую жизнь. Член Политбюро ЦК партии и председатель Реввоенсовета Республики Лев Троцкий предупреждал, что в партии исчезает демократия, дискуссии становятся невозможными, партийные организации привыкают к тому, что не избранные, а назначенные сверху секретари ими просто командуют. Аппарат встал над партией.

Но новый правящий класс — партийно-государственные чиновники — безоговорочно поддерживал линию И. В. Сталина, который устроил аппарату комфортную жизнь. Здесь все было просто: привилегии в обмен на лояльность и беспрекословное исполнение указаний. Аппарат сплотился против инакомыслящих: партийцев, которые хранили верность идеалам, призывали учесть интересы рабочего класса и требовали свободного обсуждения ситуации в стране, сохранения внутрипартийной демократии. А в 1923 году многие партийные организации голосовали в поддержку идей Л. Д. Троцкого, считая их вполне разумными.

Много лет спустя, во время столкновения между руководителями партии в 1957 году, Лазарь Каганович решил нанести Хрущеву самый

страшный удар — рассказал, что Никита Сергеевич в молодые годы поддержал троцкистскую платформу.

— Хрущев, — припомнил Лазарь Моисеевич, — был в 23—24-м годах троцкистом. И только в 25-м он пересмотрел свои взгляды и покаялся в своем грехе.

Обвинение в троцкизме было крайне опасным, и Хрущев попросил члена Президиума ЦК КПСС А. И. Микояна прийти ему на помощь. Анастас Иванович втолковывал молодым членам ЦК, плохо осведомленным о реальной истории партии:

— В 23-м году Троцкий выдвинул лозунг внутрипартийной демократии и обратился с ним к молодежи. Он собрал много голосов студенческой молодежи, и была опасность, что он может взять в свои руки руководство партией. Во время этой дискуссии на одном из первых собраний Хрущев выступал в пользу этой позиции Троцкого, но затем, раскусив, в чем дело, в той же организации активно выступал против Троцкого. Не надо забывать, что Троцкий был тогда членом Политбюро, ратовал за внутрипартийную демократию. Надо знать психологию того времени и подходить к фактам исторически...

Забавно, что всякий раз, когда Хрущев, подчиняясь человеческим чувствам, выступал за демократию в партии или в защиту невинно расстрелянных, его обвиняли в троцкизме. Партийные работники и после его отставки уверенно говорили: «Хрущев троцкист, хотя о Троцком высказывался уклончиво. Ему пары лет не хватило, чтобы его реабилитировать».

Сталин расширил состав ЦК за счет своих сторонников с мест и стал полным хозяином в партии. Один из главных его лозунгов — обновление партийного руководства за счет молодых выдвиженцев. Высшие должности он отдавал людям, которые своим стремительным восхождением были обязаны не собственным заслугам, а воле генерального секретаря — а этот пост Иосиф Сталин занимал в ЦК с апреля 1922 года. Они его за это боготворили. Молодые партийные секретари помогли Сталину в борьбе против внутрипартийной оппозиции.

В апреле 1925 года в Москве собралась XIV Всесоюзная партконференция. Хрущева избрали делегатом: «Я рано вставал и пешком шел в Кремль, чтобы прийти раньше других делегатов и занять выгодное место. Каждая делегация имела отведенные ей места, а уж внутри делегации каждый делегат занимал то место, которое было свободно. Вот мы и хотели сохранить за собой первые места перед трибуной. Поэтому надо было вставать пораньше и бежать туда без завтрака. Однажды я

вышел и сел на трамвай, не зная маршрутных номеров, а трамвай, оказывается, не туда шел, куда мне нужно, и он меня завез неизвестно куда. Тогда я отказался от услуг транспорта и стал ходить пешком. Приходилось рано вставать и бежать, но зато я заметил путь, как добраться безошибочно в Кремль с тем, чтобы занять в зале место поближе».

Юзовская делегация обратилась к Сталину с просьбой вместе сфотографироваться. Сталин пришел. Снимал известный в ту пору фотограф Петров. Человек опытный, он всем стал объяснять, кому как стоять и куда смотреть.

Сталин не выдержал:

— Товарищ Петров командовать любит, а у нас командовать нельзя. Нельзя командовать!

Всем его слова понравились.

В 1926—1927 годах Хрущев заведовал орготделом Юзовского окружного комитета партии. Слушатели окружной партийной школы поехали в Москву, смотреть столичные достопримечательности. Руководитель партшколы Л. А. Римский позвонил Сталину. Времена были еще простые, и его соединили с генеральным секретарем. Лев Абрамович попросил принять слушателей школы. Сталин согласился. Кремль еще не был закрыт: юзовские коммунисты прошли через Никольские ворота.

Римский обратился к Сталину:

— Товарищ Сталин, сейчас Юзовка переименована и носит ваше имя^[2]. Поэтому мы хотели, чтобы вы письмо написали юзовским, сталинским рабочим. Это произвело бы хорошее впечатление на население Сталинского округа.

Сталин ответил:

— Я не помещик, а рабочие завода не мои крепостные. Я им писать не буду и не люблю, когда это делают другие.

Римский всем рассказывал об этом эпизоде. На многих, среди них и на Хрущева, он произвел сильное впечатление. Сталин тогда хотел нравиться: он вел ожесточенную борьбу против очень заметных в партии людей, которые позволяли себе роскошь иметь собственное мнение и которых он зачислил в оппозицию. Эта борьба имела еще одно пагубное для страны последствие — уничтожение любой критики и малейших сомнений в правоте высшей власти.

Сталин на одном из пленумов ЦК предупредил оппозицию:

— Придется их погромить, придется помять им бока. Пусть нас извинят товарищи, что в случае нежелания ликвидировать свои ошибки нам придется поневоле помять бока кое-кому. Уж закон борьбы таков,

ничего не поделаешь.

Хрущев вспоминал, как на ХУ съезде ВКП(б) в декабре 1927 года делегация металлистов Сталинграда передала в президиум съезда стальную метлу. Председательствовал на заседании глава советского правительства А. И. Рыков. Алексей Иванович взял эту метлу и сказал:

— Я передаю эту метлу товарищу Сталину, пусть он выметает ею наших врагов.

Зал смеялся и аплодировал. Рыков широко улыбался. Он не знал, что вскоре сам будет включен в список врагов и расстрелян.

Сталин принял решение провести «орабочивание» партии — принимать в РКП(б) рабочих «от станка». Под лозунгом борьбы с оппозицией из партии постепенно вымывался более-менее образованный слой. Партия изменилась до неузнаваемости. Люди стремились получить партбилет просто потому, что это давало шанс добиться успеха. Молодые члены партии быстро продвигались по карьерной лестнице. Принцип «кто был ничем, тот станет всем» реализовывался на практике. Выдвиженцы из низов становились большими начальниками. Насаждалась бездумная дисциплина: подчиняйся и не задавай лишних вопросов.

Сталин заботливо относился к аппарату, создавал все условия для приличной по тем временам жизни, раздавал привилегии. Молодые карьеристы в кожанках жаждали власти и комфортной жизни и славили человека, который обещал им все это.

Путевку в жизнь Хрущеву дал Л. М. Каганович. У Лазаря Моисеевича были сложные отношения с украинскими большевиками старшего поколения, поэтому он опирался на партийные организации Донбасса. Хрущев понравился, и Каганович перевел его в Харьков, определив в орготдел республиканского ЦК.

Лазарь Каганович был человеком малограмотным, писал с ошибками, два класса народной школы в Кабанах — все образование. Но он сразу поверил в звезду Сталина и всю свою жизнь преданно ему служил, не зная сомнений и колебаний. Сталин доверял Лазарю Моисеевичу, потому что более преданного человека у него не было. Каганович никогда не возражал вождю, никогда не отстаивал своего мнения, а подхватывал любую сталинскую мысль.

В. М. Молотов сказал о нем:

— Он среди нас был сталинистом двухсотпроцентным. Каганович — преданнейший Сталину человек, в этом его слабость и неподготовленность к самостоятельной мысли, потому что и у Сталина не все правильно.

Каганович помогал Сталину в борьбе за власть. Обеспечивал

назначение на высшие посты тех, кто присягнул на верность вождю, отсеивал оппозиционеров. И успешно отбивал атаки тех, кто считал, что такая практика уничтожает внутривнутрипартийную демократию.

Хрущев: «Каганович — четкий и деятельный человек : это действительно буря. Он может даже наломать дров, но решит задачу, которая ставится Центральным комитетом».

В июле 1928 года Сталин вернул Кагановича в Москву, где тот в декабре стал секретарем ЦК, а затем одновременно возглавил Московскую областную (в апреле 1930 года) и городскую (в феврале 1931 года) партийные организации. Лазарь Моисеевич забрал Хрущева с собой в столицу. Многие годы Никита Сергеевич Хрущев воспринимался в партии как человек Кагановича.

Стремительное восхождение

На заседании Политбюро ЦК 10 октября 1938 года Сталин говорил о задачах партийной пропаганды: по случаю выхода в свет «Краткого курса истории ВКП(б)» — сборника исторических догм, на котором воспитывались поколения советских людей. Между делом вождь заметил:

— Товарищ Хрущев думает, что он до сих пор остается рабочим, а между тем он интеллигент [веселое оживление в зале — отмечено в стенограмме]. Он перестал быть рабочим, потому что живет интеллектом, работает головой, отошел от физического труда, вышел из среды рабочих.

Но на деле Никите Сергеевичу отчаянно не хватало образования.

В 1929 году его зачислили слушателем во Всесоюзную Промышленную академию, которая готовила руководящие кадры для советской промышленности. Хрущев вспоминал: «Стипендия приличная, столовая неплохая и общежитие хорошее: у каждого — комната». Но в мае 1930 года его избрали секретарем партбюро академии, забот по партийной линии у него значительно прибавилось, что вредило учебе. Трехгодичного курса он так и не окончил.

В Промакадемии училась жена Сталина Надежда Сергеевна Аллилуева, это сыграло важнейшую роль в карьере молодого Хрущева. Никита Сергеевич вспоминал:

«Она была парторгом академической группы. Как-то приходит она ко мне и говорит: “Я хотела бы с вами согласовать нашу линию, сейчас партийная группа обсуждает такой-то вопрос, как нам правильно записать политическую характеристику момента?” Обсуждение было связано с борьбой с “правыми”.

Я ответил ей, а сам потом, когда она ушла, думаю: “Она, придя домой, расскажет Сталину, и что он скажет?” Но на следующий день она ничего не сказала, а я ее не спрашивал. Видимо, моя оценка оказалась правильной.

Когда я стал встречаться со Сталиным, то сначала ничего не понимал, почему он упоминал какие-то факты из моей деятельности в Промышленной академии. Я молчал и не отвечал: не знал, радоваться мне или ежиться из-за этого. А сам думал: “Откуда он знает?” Потом смотрю, вроде он улыбается. Тогда я сообразил: видимо, Надежда Сергеевна подробно информировала его о жизни нашей партийной организации и о моей роли как ее секретаря, представив меня в хорошем свете. Вероятно, Сталин и сказал после этого Кагановичу: “Возьмите Хрущева на работу в

МК”».

В январе 1931 года Никиту Сергеевича сделали первым секретарем Бауманского, в июле — Краснопресненского райкома партии, в январе следующего года — вторым секретарем столичного горкома.

Нина Хрущева: «Высокий пост обеспечил Хрущеву квартиру в престижном Замоскворецком районе столицы с видом на красные кремлевские звезды. В распоряжении семьи теперь были пять просторных комнат на пятом этаже “Дома на набережной”^[3] — пугающего вида серого одиннадцатизэтажного здания, где проживала советская политическая элита».

В первые годы советской власти Москва в административном смысле была частью области, и городской комитет партии оказался на вторых ролях. Когда Хрущев стал одним из руководителей столицы, все изменилось. 20 февраля 1931 года Политбюро ЦК постановило: «Признать необходимым выделение Москвы в самостоятельную административно-хозяйственную единицу с собственным бюджетом и провести соответствующее решение через Московский Совет и Московский областной съезд».

Москвичам это пошло на пользу, столичных жителей стали немного лучше кормить: вскоре последовали новые решения

Политбюро ЦК:

«Предложить Наркомату снабжения СССР выделить особо план снабжения Москвы продуктами питания и предметами широкого потребления из общего плана снабжения области.

Предложить Наркомснабу СССР не позднее 10 апреля создать в Москве месячные запасы по хлебу, сахару, крупе, керосину, соли, рыбе и сельдям...

Предложить Наркомснабу СССР увеличить план снабжения Москвы хлебом на второй квартал 1931 года на 40 тыс. тонн и Ленинграда — на 25 тыс. тонн».

Столица — витрина советской власти. Неспособность обеспечить продовольствием страну, которая до коллективизации и раскулачивания экспортировала зерно, признать было невозможно. Так что искали виноватых. Обвиняли спекулянтов — дескать, хлеба полно, перекупщики его прячут.

В решение Политбюро ЦК записали: «Считать позором для Московской организации, что хлеб, предназначенный для снабжения рабочих и служащих, попадает в количестве не менее десятков тысяч пудов ежемесячно в руки спекулянтов, благодаря отсутствию контроля со

стороны Московской организации. Обязать Московскую организацию положить конец этой вакханалии кормления спекулянтов за счет рабочих».

Никита Сергеевич занимался всеми городскими делами. Каганович, в ту пору ближайший помощник вождя, находил время только для таких колоссальных проектов, как строительство метро. Сам Хрущев вспоминал: «Главные его силы поглощала работа в ЦК, где он был фактически вторым секретарем ЦК, замещая Сталина. Поэтому на мои плечи постепенно перекладывались и большая работа по Москве, и большая ответственность. Это требовало огромного напряжения сил, если учесть, что соответствующих знаний и опыта у меня не было.

Приходилось брать усердием и старанием, затрачивая массу усилий. Московская парторганизация была сложным организмом».

Лазарь Моисеевич был тронут, когда Сталин написал письмо столичным властям с просьбой присвоить Московскому метрополитену его, Кагановича, имя.

Журналист Лазарь Константинович Бронтман, работавший в «Правде», записал в дневнике 23 января 1935 года: «Последние предпусковые дни метро. Сегодня вечером я поехал на станцию “Комсомольская площадь”, чтобы дать небольшой очерк об опытном поезде метро. Встретил Петриковского — директора метрополитена. Ходит взволнованный, на вопросы отвечал отрывисто. Тут же вертится начальник штаба особой охраны метро. Стал ждать.

Часов около десяти приехал Л. М. Каганович, с ним вместе Н. А. Булганин, Хрущев — в робе и ватнике. Каганович быстро осмотрел станцию, коротко ее одобрил и предложил поехать по опытной трассе. Поезд стоял, дожидаясь. Сам Каганович встал в кабину машиниста. Доехали до Красносельской. Осмотрели. Одобрил, понравилась — “с большим вкусом”. Дальше поехал в вагоне. “Это что, дерматин на диванах? Немедленно заменить кожей, рваться будет. Лампочек слишком много: зажигать через одну”. Подъезжаем к Сокольникам. Каганович выглядывает в окно: “Вот она, красавица!”

Внимательно смотрел все. Разговорился с начальником службы связи:

— Фамилия?

Каганович твердо смотрит ему в глаза и страшно внимателен.

— Кувшинников.

— Где работали раньше? Кем?

— На Курской, помнач станции.

— За границей были?

— Нет.

— Обязательно надо побывать, и чем скорее, тем лучше. Это же страшно сложное хозяйство. Дело знаете?

— Знаю.

— Любите?

— Люблю.

— Крушений по вашей вине не будет?

— Нет.

— Хорошо. А за границу его все-таки послать надо.

Такой же разговор произошел с нач. движения Зотовым. А через неделю их всех сделали помощниками, а начальниками назначили побывавших за границей».

В середине 30-х на демонстрациях портретов Кагановича было немногим меньше, чем портретов вождя. Но степень самостоятельности Кагановича была невелика. Если вождь уезжал из Москвы, то Лазарь Моисеевич чуть ли не каждый день писал Сталину, спрашивая его мнение относительно всех сколько-нибудь значительных вопросов.

Сталин подробно отвечал по каждому пункту, решение принималось только с его санкции.

Председателем Исполкома Моссовета назначили (формально выбрали) Николая Александровича Булганина, которого тоже ждала стремительная карьера. Они с Хрущевым жили в одном доме, даже на одной лестничной площадке, дружили семьями. Сталин всегда приглашал их вместе, с легкой иронией называл «отцами города».

В январе 1934 года Сталин выдвинул Хрущева на самостоятельную работу — поставил во главе столичного горкома партии, а через год также и во главе всей парторганизации Московской области.

Хрущев: «До того времени я постоянно возил с собою и хранил свой личный инструмент. Как у всякого слесаря, это были кронциркуль, литромер, метр, керн, чертилка, всякие угольнички. Я еще не порвал мысленно связь со своей былой профессией, считал, что партийная работа — выборная и что в любое время могу быть неизбранным, а тогда вернуться к основной своей деятельности — слесаря. Но постепенно я превращался в профессионального общественного и партийного работника».

Никита Сергеевич сменил Лазаря Моисеевича в роли хозяина столичного региона. Понимал: стремительным возвышением он обязан лично Сталину.

Как Хрущев к нему относился? В ту пору, несомненно, считал вождем. Наделял высшей мудростью и полностью доверял. Заведомо соглашался с тем, что Сталин вправе смотреть на него критически и свысока, поскольку

вождь все делает правильно и противоречить ему немыслимо. Сомневаться в величии вождя способен лишь глупец и упрямец. Позже его взгляд на Сталина начнет меняться, и для Хрущева это будет очень болезненно. Трудно разочаровываться в том, кому безоговорочно доверял, кого наделял мудростью, которой, как выяснилось, нет.

Столицу активно переустраивали. В ноябре 1934 года в Москве взрывами снесли стену Китай-города, Сухареву башню, Иверские ворота. В тот момент казалось, что москвичи радуются переменам в городе.

В 1937 году Николай Булганин, председатель Моссовета, выступил на I Всесоюзном съезде архитекторов с речью «Реконструкция городов, жилищное строительство и задачи архитектора».

Городской голова с гордостью сказал:

— Когда мы ломали Иверскую часовню, многие говорили: «Хуже будет». Сломали — лучше стало.

Стенограмма зафиксировала: в зале аплодисменты.

В процессе реконструкции Москвы вырубали деревья на Садовом кольце. Одновременно пропагандировался лозунг «озеленения» столицы.

Булганину пришлось объясняться по этому поводу на съезде архитекторов:

— Следующий вопрос наиболее пикантный, и я думаю, многие ждут, что я по этому поводу скажу, — это об озеленении [смех в зале]. Мне говорили товарищи: хотелось бы послушать Булганина, как он выкрутится из этого положения [смех в зале, аплодисменты]...

Булганин объяснил, что вырубка деревьев совершенно не противоречит озеленению:

— Вырубали деревья, и стало лучше, товарищи.

В зале опять раздались смех и аплодисменты.

Политбюро ЦК ВКП(б) совместно с СНК СССР приняло 10 июля 1935 года Постановление № 1435 «О Генеральном плане реконструкции Москвы»:

«Стихийно развивающаяся на протяжении многих веков Москва отражала даже в лучшие годы своего развития характер варварского русского капитализма.

Узкие и кривые улицы, изрезанность кварталов множеством переулков и тупиков, неравномерная застройка центра и периферии, загроможденность центра складами и мелкими предприятиями, низкая этажность и ветхость домов при крайней их скученности, беспорядочное размещение промышленных

предприятий, железнодорожного транспорта и других отраслей хозяйства и быта мешают нормальной жизни бурно развивающегося города, в особенности городскому движению, и требуют коренного и планомерного переустройства.

Огромные работы по реконструкции городского хозяйства, еще больший размах этих работ в ближайшем будущем придают твердому плану застройки города исключительное значение, ибо широкое развертывание строительства Москвы без единого плана может в дальнейшем чрезвычайно усложнить жизнь и переустройство города».

С разрешения Хрущева 14 августа 1936 года Булганин получил отпуск и вместе с группой инженеров и сотрудников Моссовета поехал знакомиться с городским хозяйством европейских столиц — Берлина, Вены, Парижа и Лондона. Поездка произвела сильное впечатление.

В сентябре Булганин телеграфировал в Москву:

«Сталину.

При ознакомлении с коммунальным хозяйством и строительством в Париже, Лондоне видели оборудование и механизмы, представляющие интерес для московского хозяйства. Образцы некоторых наиболее интересных механизмов, не изготавлиющихся на наших заводах, считаю полезным купить.

Прошу ассигновать на покупку образцов сто пятьдесят тысяч рублей с покупкой их в Лондоне, Париже, Стокгольме по моему указанию».

Каганович переслал телеграмму находившемуся в отпуске Сталину, приписав: «Мы думаем, что можно отпустить просимые Булганиным 150 тысяч рублей. Просим сообщить Ваше мнение». Сталин согласился.

Хрущев вспоминал: «Город рос, он требовал раздвинуть границы его улиц, появлялся новый транспорт, извозчик исчез, трамвай изживал себя в центре города, заработал метрополитен, появились троллейбусы и новые автобусные линии.

На мою долю выпала честь помогать прокладке первых троллейбусных линий. Я очень много потратил сил для того, чтобы внедрить их. Существовала масса противников этого способа передвижения. Когда троллейбусная линия была уже готова и надо было ее испытать, раздался вдруг телефонный звонок от Кагановича: “Не делать

этого!” Я говорю: “Так ведь уже испытали”. — “Ну и как?” — “Все хорошо”.

Оказывается, Сталин усомнился, как бы вагон троллейбуса не перевернулся при испытаниях. Почему-то многие считали, что троллейбус обязательно должен перевернуться, например, на улице Горького — на спуске у здания Центрального телеграфа. И Сталин, боясь, что неудача может быть использована заграничной пропагандой, запретил испытания, но опоздал. Они прошли удачно, и троллейбус вошел в нашу жизнь. Тут же ему доложили, что все кончилось хорошо и что этот вид транспорта даже облагораживает город: он бесшумен, работает на электричестве и не загрязняет воздуха.

Когда мы купили двухэтажный (трехосный) троллейбус, Сталин все-таки запретил его использовать: он опять боялся, что тот перевернется. Сколько мы его ни убеждали в обратном, не помогало. Однажды, проезжая по Москве, он увидел такой двухэтажный троллейбус на пробной линии, возмутился нашим непослушанием и приказал: “Снять!”».

Долгое время, когда Сталин уезжал из Москвы, его фактически заменял Каганович. Потом вождь его отодвинул. В предвоенные годы начал критиковать публично. Выяснилось, что Лазарь Моисеевич перестал быть неприкасаемым. Характерная черта Сталина как прирожденного политика состояла в том, что он преспокойно расставался с недавними фаворитами.

Политбюро заседало тогда три-четыре раза в месяц. Начинали в 11 утра, заканчивали иногда в 7 вечера, но делали перерыв на обед. Приглашенные толпились в Секретариате — небольшой соседней комнате; их вызывали по очереди.

Хрущева приглашали на заседания Политбюро, и он знакомился с тем, как делается большая политика: «Тогда Политбюро заседало долго, и час, и два, и больше, делали перерыв, после чего все уходило в другой зал, где стояли столы со стульями и подавался чай с бутербродами. Тогда было голодное время даже для таких людей, как я, занимавших довольно высокое положение, жили мы более чем скромно, даже не всегда можно было вдоволь поесть у себя дома. Поэтому, приходя в Кремль, наедались там досыта бутербродами с колбасой и ветчиной, пили сладкий чай и пользовались всеми благами, как люди, не избалованные яствами изысканной кухни».

Масштабные сталинские планы преобразования экономики — индустриализация и коллективизация — приводили вовсе не к тем результатам, на которые вождь рассчитывал. Признание собственных ошибок исключалось, а следовательно от подчиненных требовалось быстро

найти виновных.

Сталин хотел освободиться от тех людей, которые работали с Лениным, которые помогли ему одолеть оппозицию. Не любит диктатор, когда рядом стоит человек, который ему когда-то чем-то помог. Вокруг него уже появились молодые выдвиженцы, которые воспринимали его как полубога. Сталин осуществил смену поколений, причем по всей стране, до последнего сельского райкома.

Понимал ли Хрущев подлинный характер массового террора?

Привычка видеть повсюду врагов, которые виновны во всех недостатках и неудачах, формировалась долгие годы советской власти. Конечно, возникали сомнения, когда брали тех, кого лично знал. Но предпочитали лишнего не говорить: главное самому не попасть под подозрение. Такая жизнь формировала привычку к двоемыслию и полнейшее равнодушие ко всему, что тебя лично не касается.

Хрущев вспоминал: «Сталин тогда выдвинул идею, что секретари обкомов партии должны ходить в тюрьмы и проверять правильность действий чекистских органов. Поэтому я тоже ходил. Помню, Реденс был тогда начальником Управления ОГПУ Московской области^[4]. Это тоже интересная фигура. Реденс, бедняга, тоже кончил жизнь трагически. Он был арестован и расстрелян, несмотря на то, что был женат на сестре Надежды Сергеевны Аллилуевой, то есть являлся свояком Сталина.

Вот с этим-то Реденсом ходили мы и проверяли тюрьмы. Это была ужасная картина. Помню, зашел я в женское отделение одной тюрьмы. Жарища, дело было летом, камера переполнена... Реденс предупредил меня, что там можно встретиться с такой-то и такой-то, там попадаются знакомые. Действительно, сидела там одна очень активная и умная женщина — Бетти Глан^[5]. Была она вторым по счету директором Центрального парка культуры и отдыха имени Горького в Москве. Она была полуголая, как и другие, потому что стояла жарища. Говорит: “Товарищ Хрущев, ну какой же я враг народа? Я честный человек, я преданный партии человек”. Вышли мы оттуда, зашли в мужское отделение.

Тут я встретил Трейваса^[6], с которым работал в Бауманском райкоме. Трейвас тоже говорит мне: “Товарищ Хрущев, разве я такой-сякой?” Я тут же обратился к Реденсу, а он отвечает: “Товарищ Хрущев, они все так. Они все отрицают. Они просто врут”».

Хрущева сделали кандидатом в члены Политбюро, это изменило его аппаратный вес. Он вошел в состав высшего руководства страны и получил

право участвовать в заседаниях Политбюро, которое принимало главные решения в стране. Он постоянно приезжал в Москву на заседания Политбюро из Киева, ему по рассылке стали приходить ранее недоступные материалы.

Он стал чаще видеть вождя — и в неформальной обстановке. После заседания Политбюро Сталин приглашал всех поужинать. И это общение было особенно ценным, тем более что вождь утратил интерес к формальным заседаниям.

Хрущев: «Я получал только те материалы, которые Сталин направлял по своему личному указанию. Эти материалы касались чаще всего “врагов народа”: их показания — целая кипа “признаний”, уже якобы проверенных и доказанных. Материалы рассылались для того, чтобы члены Политбюро видели, как опутали нас враги, окружили со всех сторон».

Хрущев вспоминал, как в июне 1937 года арестовали Н. К. Антипова, заместителя председателя Совнаркома и главу Комиссии советского контроля:

«Мне позвонили от Сталина и сказали, чтобы я немедленно ехал в Кремль, там гуляет сам, и он вызывает вас. Приехал я в Кремль и вижу: гуляет Сталин с Молотовым. Тогда в Кремле только что парк сделали, дорожки проложили. Подошел к Сталину.

Он смотрит на меня и говорит:

— На вас дает показания Антипов.

Я тогда еще не знал, что Антипов арестован, и сказал, что ни Антипов, ни кто-либо другой не могут на меня дать никаких показаний, потому что нечего давать. Сталин тут же перешел к другому вопросу, по которому он меня вызывал...

Таким образом, это была психологическая провокация. Видимо, Сталин придавал ей определенное значение. Вероятно, следил, как поведет себя человек, и этим способом определял, является тот преступником или нет. Знаете, даже честный человек может быть сбит с толку, как-то дрогнуть, когда отвечает вождю партии, и тем самым создать впечатление у того, кто добивается, будто он тоже замешан».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ВО ГЛАВЕ СОВЕТСКОЙ УКРАИНЫ

В конце января 1938 года Сталин сменил руководство Украины, снял с должности первого секретаря республиканского ЦК Станислава Викентьевича Косиора, а на его место из Москвы в Киев перевел понравившегося ему Хрущева.

Никита Сергеевич высказал сомнения: «Я человек русский; хотя и понимаю украинский язык, но не так, как нужно руководителю. Говорить на украинском я совсем не могу, а это тоже имеет большой минус. Украинцы, особенно интеллигенция, могут принять меня очень холодно, и я бы не хотел ставить себя в такое положение.

Сталин:

— Нет, что вы! Косиор — вообще поляк. Почему поляк для украинцев лучше, чем русский?

Я ответил:

— Косиор — поляк, но он знает украинский язык и может выступать на украинском языке, а я не могу. Кроме того, у Косиора больше опыта.

Однако Сталин уже принял решение».

Сталин ввел Хрущева в Политбюро ЦК КП(б). Так Никита Сергеевич перешел в высшую лигу. Ему предстояло сыграть немалую роль в те годы, когда на Украине происходили драматические, а то и трагические перемены.

Республиканское начальство перебралось из Харькова в Киев в 1934 году. Так решили в Москве на Политбюро: «Имея в виду необходимость приближения правительства Украины и центрального партийного и советского аппарата к важнейшим сельскохозяйственным районам, какими являются районы, расположенные на правом берегу Украины, а также для дальнейшего и быстреего развития национально-культурного строительства и большевистской украинизации на базе индустриализации, коллективизации — перенести столицу Украины в Киев, являющийся ее естественным географическим центром».

Новый хозяин республики разместился в бывшем особняке Шестакова на улице Карла Либкнехта^[7], 14. Его сын, Сергей Никитич, вспоминал, что окна, выходящие на улицу, закрасили, чтобы прохожим ничего не было видно.

Отъезд в Киев отдалил Хрущева от московских дел, от принятия решений, от вождя, что ему не очень нравилось. Но он впервые оказался в роли самостоятельного хозяина огромного региона, посмотрел на жизнь другими глазами и многое понял.

«Вы можете его арестовать?»

Отныне Хрущев отвечал за все, что происходило в республике, которая Сталину сильно не нравилась.

Сталин считал, что на Украине хлебозаготовкам мешает «заговор петлюровцев», которые сохранили в подполье свои кадры. Они и саботируют планы сдачи зерна. Украинские крестьяне восставали против колхозов, а Сталин трактовал их возмущение как войну против советской власти. Вождь писал Кагановичу: «Если не возьмемся теперь же за выправление положения на Украине, Украину можем потерять. В Украинской компартии (500 тысяч членов, хе-хе) обретается немало (да, немало) гнилых элементов, сознательных и бессознательных петлюровцев, наконец — прямых агентов Пилсудского. Как только дела станут хуже, эти элементы не замедлят открыть фронт внутри (и вне) партии, против партии».

Никита Сергеевич провел 13—18 июня 1938 года свой первый (а по номеру XIV) съезд Компартии Украины. Завел речь о самом больном — о продовольственном снабжении:

— Перебои с овощами — результат вражеской работы, потому что разве можно допустить, чтобы на Украине не было капусты или огурцов. Ну, кто может поверить, чтобы Украина была без капусты, была без огурцов, была без картошки. Это вообще не укладывается в голове. Когда нам сдавали в ЦК КП(б)У дела, мы спросили старое руководство — как же можно объяснить перебои с овощами. Они вместо ответа вертелись, как все равно карась на горячей сковороде, потому что объяснить это безобразие ничем нельзя. Это только лишь вражеская работа может довести до такого состояния дело с овощами.. С помощью ЦК ВКП(б) и лично товарища Сталина, с помощью всего украинского народа мы почистили, очищаем и будем очищать украинскую землю от врагов народа.

Новый первый секретарь ЦК Украины 8 июня 1938 года выступил на партийной конференции Пограничных войск НКВД Украины:

— Товарищи, исключительная любовь в народе к НКВД. Это, товарищи, особенности нашего строя. Везде органы сыска и политического сыска ненавистны, к ним народ питает ненависть, а у нас — исключительную любовь.

Никита Сергеевич сердечно поблагодарил союзного и республиканского наркомов внутренних дел:

— После приезда Николая Ивановича Ежова на Украину, с приходом товарища Успенского в Наркомат внутренних дел Украины начался на Украине настоящий разгром вражеских гнезд. Исключительная заслуга органов НКВД, персонально товарища Успенского в деле разоблачения Косиора. Этот пилсудчик проводил от начала до конца все, что ему приказывал Пилсудский, все, что ему приказывала польская банда.

Предшественник Хрущева — Станислав Косиор — в январе 1938 года был назначен Сталиным заместителем главы союзного правительства и председателем Комиссии советского контроля, а уже 3 мая арестован. 26 февраля следующего года Косиора расстреляли.

Разумеется, Хрущев не предполагал, что оба наркома, союзный и республиканский, очень быстро сами перейдут в категорию «врагов народа». Через несколько месяцев рухнула карьера наркома внутренних дел Украины комиссара госбезопасности 3-го ранга Александра Ивановича Успенского. Уже на пенсии Хрущев вспоминал, как в октябре 1938 года позвонил Сталин. Сказал, что имеются данные, согласно которым надо арестовать наркома Успенского. Слышно было плохо. Хрущеву послышалось: не Успенского, а Усенко. (Степан Иванович Усенко был первым секретарем ЦК ЛКСМ Украины. На главного комсомольского вожака республики тоже собрали показания, и он ждал решения своей участи.)

— Вы можете, — спросил Сталин, — арестовать его?

— Можем, — уверенно ответил Никита Сергеевич.

— Но это вы сами должны сделать.

И Сталин повторил фамилию. Тут Хрущев понял, что арестовать следует не главу республиканского комсомола, а главного чекиста Украины. Впрочем, Степана Усенко тоже арестовали — 1 ноября, а со временем и расстреляли...

Вскоре Сталин перезвонил:

— Мы вот посоветовались и решили, чтобы вы Успенского не арестовывали. Мы вызовем его в Москву и арестуем здесь. Не вмешивайтесь в эти дела.

Хрущев тем временем поехал в Днепропетровск. Здесь, в обкоме партии, его застал звонок из Москвы, у телефона был Лаврентий Павлович Берия, новый первый заместитель Ежова в союзном Наркомате внутренних дел.

— Ты в Днепропетровске, — упрекнул его Берия, — а Успенский сбежал^[8]. Сделай все, чтобы не ушел за границу.

Хрущев успокоил Лаврентия Павловича:

— Ночь у нас была с густым туманом, поэтому машиной сейчас доехать из Киева до границы совершенно невозможно.

— Тебе, видимо, надо вернуться в Киев, — посоветовал Берия.

— Хорошо, все, что можно сделать, сейчас сделаем. Закроем границу, предупреджу погранвойска, чтобы они усилили охрану сухопутной и морской границы.

А. И. Успенский оставил в наркомате записку: «Ухожу из жизни. Труп ищите на берегу реки». Его одежду действительно обнаружили на берегу Днепра. Водолазы сетями и крючьями обшарили весь Днепр и речной берег. Нашли утонувшую свинью, а Успенского не оказалось. Бывший нарком скитался по стране, но в апреле следующего года его все-таки отыскали, а в январе 1940-го расстреляли.

Когда Хрущев приехал в Москву, Сталин сказал ему :

— Я с вами говорил по телефону, а Успенский подслушал. Хотя нам объясняют, что подслушать ВЧ^[9] нельзя, видимо, чекисты все же могут подслушать, и он подслушал.

Есть и другая версия, видимо более реалистичная. Разговаривая по телефону с Н. И. Ежовым, Успенский понял по его обреченному тону, что дела союзного наркома плохи и надо спасаться, пока не поздно. Сознал, что смена хозяина Лубянки влечет за собой и уничтожение прежней команды.

Уже много позже Хрущев вспоминал: «Тысячи невинных людей были в те годы арестованы: и члены партии, и кандидаты в члены партии, и комсомольцы. Собственно говоря, вся руководящая верхушка страны. Думаю, что она была арестована и погибла в составе трех поколений руководителей, если не больше! Партийные органы были совершенно сведены на нет. Руководство было парализовано, никого нельзя было выдвинуть без апробации со стороны НКВД. Если НКВД давал положительную оценку тому или другому человеку, который намечался к выдвижению, только тот и выдвигался. Но и апробация со стороны НКВД никаких гарантий не давала. Имели место случаи, когда назначали человека, и буквально через несколько дней его уже не оказывалось на свободе, он арестовывался».

В декабре 1938 года на Пленуме ЦК ЛКСМ Украины Хрущев мрачно шутил:

— Товарищи, может ли кто-нибудь укрыться в наших условиях, чтобы его никто не увидел? Куда он укроется, особенно если это ответственный работник — все собаки его знают [смех в зале]. Я иной раз фамилию назвать не могу, потому что не знаю, кто сидит здесь, кто в тюрьме [смех в

зале].

Настроения изменились. Глава республики уже не благодарил чекистов, а упрекал за ротозейство и благодушие, за неспособность разглядеть шпионов и предателей у себя под носом. 13 декабря на партийном собрании в республиканском Наркомате внутренних дел Хрущев объяснил, почему сам велел арестовать начальника 1-го отдела Управления госбезопасности НКВД Украины — это спецчасть, которая доставляла руководству все секретные документы — старшего лейтенанта госбезопасности Николая Петровича Дальского-Белюса.

Никите Сергеевичу не нравилось, что вокруг него крутится слишком много чекистов. А вдруг кто-то из них замаскировавшийся враг:

— Если будет выстрел, это организовано первым отделом. Враг думает, что я поехал этой дорогой, а я другой по-ехал. Но первый отдел знает, когда и куда я хожу, и ему легче это сделать. Я бы хотел, чтобы этих людей больше не было. Они говорят, что они меня обслуживают. Ведь Дальский всегда за моей спиной стоял, я его дыхание всегда чувствовал. Я говорил товарищу Бурмистенко^[10], так бы и в морду хотелось дать ему...

В разгар Большого террора до Хрущева дошли сведения, что на допросах арестованных и на него собирают показания. Пытаясь предупредить чекистов, пожаловался Сталину. Вождь выслушал Никиту Сергеевича без особого интереса, иезуитски равнодушно заметил:

— Да, бывают такие извращения. И на меня тоже собирают материалы.

Когда наркомом внутренних дел был Ежов, по всей стране арестовывали поляков. Хрущев вспоминал, как приехал в Москву с Украины на заседание Политбюро ЦК:

«Сталин вошел в зал и сразу же направился к нам.

Подошел, ткнул меня пальцем в плечо и спросил:

— Ваша фамилия?

— Товарищ Сталин, я всегда Хрущевым был.

— Нет, вы не Хрущев, — он всегда так резко говорил. — Вы не Хрущев. — И назвал какую-то польскую фамилию.

— Что вы, товарищ Сталин, мать моя еще жива. Завод стоит, где я провел детство и работал. Моя родина Калиновка в Курской области. Проверить можно, кто я такой.

— Это говорит Ежов, — ответил Сталин.

Ежов стал отрицать. Сталин сейчас же в свидетели позвал Маленкова. Он сослался, что Маленков ему рассказал о подозрениях Ежова, что Хрущев не Хрущев, а поляк. Тот тоже стал отрицать. Вот какой оборот

приняло дело, начали повсюду искать поляков. А если поляков не находили, то из русских делали поляков».

Никита Сергеевич стал заметной фигурой, и глава союзного правительства Молотов захотел сделать его своим заместителем.

Хрущев: «Молотов просил, чтобы меня утвердили заместителем председателя Совнаркома СССР. Сталин согласился с этим и уже сказал мне об этом. Но я очень не хотел такого назначения и начал просить Сталина не делать этого. Сталин вроде бы прислушался к моим словам.

А я уговаривал: “Товарищ Сталин, дело идет к войне. Сейчас меня более или менее узнали на Украине, да и я узнал эту республику, узнал ее кадры. Придет новый человек, ему будет сложнее. Мне полезнее находиться сейчас на Украине, чем идти к товарищу Молотову, хотя товарищ Молотов много раз меня уговаривал идти к нему”.

Сталин согласился с моим аргументом насчет близости войны и сказал: “Ладно, пусть Хрущев остается на Украине”».

Почему Никита Сергеевич не пожелал вернуться в Москву и занять высокий пост? Не хотел уходить с партийной работы, которая открывала широкие перспективы. И тем более его не прельщала мысль становиться чьим-то заместителем — даже Молотова, считавшегося в ту пору вторым человеком в стране.

Нового наркома внутренних дел для Украины вместо Успенского долго не могли подобрать, пока не остановились на кандидатуре Ивана Александровича Серова, которого взяли в органы в январе 1939 года после окончания Военной академии РККА. 2 сентября 1939 года, на следующий день после начала Второй мировой войны, когда нацистская Германия напала на Польшу, Иван Серов стал наркомом внутренних дел Украинской ССР. Через два дня его произвели в комиссары госбезопасности 3-го ранга.

В Киеве жизнь связала Серова с первым секретарем ЦК компартии Украины, первым секретарем Киевского обкома и горкома партии Никитой Хрущевым. Поначалу они повздорили. Серов даже жаловался Берии на недоброжелательное отношение первого секретаря Украины к чекистам. Но потом отношения наладились.

Через две недели после переезда Серова в Киев Красная армия вступила на территорию Польши. Западную Украину включили в состав Советского Союза, и органы НКВД ускоренными темпами проводили чистку новых областей от антисоветских элементов. Для непосредственного руководства операциями нарком Серов из Киева перебрался во Львов, культурный и исторический центр Западной Украины.

Появление Степана Бандеры

Новый республиканский нарком внутренних дел 24 сентября 1939 года докладывал в Москву: «Части Красной армии вступили во Львов в 14.00. На главной улице из некоторых домов раздались редкие выстрелы.

Войсковые части, очевидно, не предупрежденные о том, чтобы не открывать огня, сразу открыли огонь ружейный и пулеметный. Началась паника на главной улице.

Все бойцы Красной армии стреляют, но большинство не видят цели. Многие стреляют по окнам домов. Не попадая в окна, пули поднимают пыль, и другой боец, принимая эту пыль за дым выстрела, открывал огонь. Никакого руководства со стороны командного состава стрельбой не было. Кто хотел, тот и стрелял».

Серов живописал появление весьма раздраженных Хрущева и Тимошенко. Командарм 1-го ранга Семен Константинович Тимошенко возглавил Украинский фронт, созданный для занятия Западной Украины. Первый секретарь ЦК компартии Украины Хрущев стал членом Военного совета фронта.

Тимошенко был недоволен работой штаба группы войск комкора Филиппа Ивановича Голикова:

— Надо весь штаб группы расстрелять, видно, что тут сидят сволочи.

Распорядился сосредоточить танковую бригаду на западной окраине Львова. Но выяснилось, что из 160 танков на ходу только 40, остальные отстали. После этого Тимошенко совершенно рассвирепел. А Хрущев накинулся на начальника Особого отдела фронта капитана госбезопасности Анатолия Николаевича Михеева:

— Что вы по тылам болтаетесь? Вам нужно больше работать! Не видно вашей работы. Ни одного расстрелянного!

Михеев стал оправдываться:

— В Золочеве расстреляли двенадцать человек.

Хрущев переключился на наркома:

— Товарищ Серов, я должен вам заявить, что работой НКВД и Особым отделом я недоволен!

Уверенный в себе посланец Москвы стал возражать первому секретарю.

Хрущев возмутился:

— Ишь ты, гусь какой! Знаем мы, как ваши работники стараются

подмять партийное руководство под себя!

Во Львове к Серову присоединился командированный из Москвы первый заместитель союзного наркома внутренних дел Всеволод Николаевич Меркулов.

Он тоже столкнулся с Хрущевым, который возмутился:

— Чекисты зазнались! Надев форму, считают, что они уже не подчиняются партии. Таких чекистов нужно одергивать.

Меркулов давно уже привык к почтительно-опасливому отношению решительно всех, в том числе и партийных секретарей. Он пожаловался Берии на Хрущева: «О нормальном контакте в дальнейшем между нами не может быть и речи. Я старался держать себя максимально выдержанно и не отвечал на грубости грубостями только потому, что не хотел взять на себя инициативу полного разрыва». Промахнулся Меркулов.

Со временем его расстреляют вместе с Лаврентием Павловичем.

А Серова, который сумел поладить с Никитой Сергеевичем, не тронут.

Ненависть украинцев к полякам была настолько сильной, что вступление Красной армии на территорию Западной Украины осенью 1939 года прошло спокойно. Красноармейцев встречали цветами как освободителей от польского гнета. Поначалу социальная политика советской власти даже нравилась. Но как только началась ускоренная советизация, настроения изменились.

Заместитель наркома внутренних дел Украины старший майор государственной безопасности Николай Дмитриевич Горлинский 4 ноября доложил в ЦК, что первый эшелон с безработными с Западной Украины доставлен в Сталино (ныне Донецк) для работы на угольных шахтах. Николай Дмитриевич бодро сообщал: «Настроения среди прибывших хорошие. В своих выступлениях они подчеркивали благодарность коммунистической партии и Советскому правительству за освобождение от кабалы и угнетения польской шляхтой и за предоставление им человеческих условий к жизни и труду».

Звучит как издевка. Из 1100 человек горняков было всего пятеро, остальные, как сказано в записке замнаркома, «служащие и люди так называемых свободных профессий: скульпторы, адвокаты, художники, литераторы, врачи». Что они могли делать на угольной шахте? Безработными они стали после прихода Красной армии...

Крестьян оттолкнула насильственная коллективизация. Начались массовые высылки «кулаков». Из родных мест органы НКВД под руководством наркома Серова изгнали почти миллион человек.

Известный кинорежиссер и драматург Александр Петрович Довженко

в июле 1940 года поехал на Буковину, куда только что вступили советские войска. Делился впечатлениями:

— Народу там, в Буковине, жилось значительно лучше, чем у нас. Когда у нас едешь поездом, то нигде не встретишь радостных лиц, нарядного убранства. Всюду убогость, бедность, придавленность. А там все красочно, весело, приятно.

Он с горечью говорил:

— Но наши ведут себя плохо: на Западной Украине нас встречали в прошлом году изумительно, а теперь мы довели до того, что там ширится повстанческое движение. Теперь то же самое повторяют в Буковине. Хватают без разбору людей правых и виноватых. Мы туда несем нашу грубость, неделикатность, некультурность. Они удивленно видят, как при нас все разрушается, как все жадно расхватывают вещи.

Именно тогда Организация украинских националистов (ОУН) стала представлять себя единственной защитницей украинского народа.

После Первой мировой западноукраинские земли достались Польше, здесь и зародился между двумя войнами воинственный украинский национализм. Самые деятельные и радикальные сторонники соединения всех украинских земель в единое самостоятельное государство вошли в ОУН. Они взяли на вооружение террор. Идеологи движения объяснили свою позицию: если легальные, политические методы ничего не дают, подневольный народ имеет право на революционное сопротивление государственному террору. Главный враг — поляки, поскольку Западная Украина входила на тот момент в состав Польши. Первоочередная задача — противостояние антиукраинской политике польских властей. А заодно и месть большевикам за подавление национального движения в Советской Украине. Боевики из Организации украинских националистов мечтали о своем государстве, в котором установят национальную диктатуру, избавятся от поляков, русских, евреев и останутся, наконец, одни! Украина — только для этнических украинцев, остальные народы, живущие рядом, — враги, лишние на этой земле: их надо изгнать или уничтожить.

Краевую экзекутиву ОУН на западноукраинских землях возглавил молодой и амбициозный уроженец Галиции Степан Бандера. В 1936 году польский суд приговорил его к пожизненному тюремному заключению за организацию убийств директора Львовской академической гимназии Ивана Бабия и студента Якова Бачинского. Судьбу украинского националиста решил Адольф Гитлер, напав на Польшу 1 сентября 1939 года. Бандера отбывал срок в тюрьме в Бресте, который тогда был польским и именовался Брестом-над-Бугом. Польша рухнула, политические

заключенные вышли на свободу. Они сразу же потребовали места в руководстве ОУН, в результате чего организация раскололась на две части: «традиционалистов» возглавил Андрей Мельник, «революционеров» — Бандера.

Разгром и оккупация Польши осенью 1939-го стали праздником для украинских националистов: враг повержен и унижен! На оккупированной немцами польской территории оуновцы оказались в привилегированном положении. Учитывая ненависть украинских националистов к полякам, евреям и русским, немцы формировали из них подразделения вспомогательной полиции. Нацистская Германия не случайно проявила интерес к украинцам. В Берлине исходили из того, что они понадобятся.

Оккупационная администрация позволила учреждать в польском Кракове украинские культурно-просветительские организации. В объединения, которым покровительствовали немцы, входило 50 тысяч человек. Издавались украинские газеты, открылись школы с преподаванием на украинском языке.

Абвер, немецкая военная разведка и контрразведка, видел в украинских националистах возможных пособников в будущей войне против Советского Союза. Украинских боевиков обучали в Данциге^[11]. А Бандера решил, что нацисты дадут украинцам то, в чем им отказывали поляки и русские: независимое государство — Гитлер уничтожит Сталина, а Украина достанется украинцам. Степан Бандера абсолютно неправильно истолковал намерения фюрера...

Нарком Серов еще до войны обещал Хрущеву ликвидировать оуновское подполье в западных областях Украины. В декабре 1940 года чекисты провели серию арестов, взяли около тысячи активистов националистического движения — с оружием, литературой и документами.

Хрущев жаловался Сталину, что судьи заменяют расстрельные приговоры оуновцам тюремным заключением: «В дополнение к посланной Вам шифровке сообщаю новые факты либерального подхода Верховного Суда СССР при определении меры наказания оуновцам и другим участникам контрреволюционных организаций в западных областях Украины». Расстрельная мельница работала с полной нагрузкой, но партийным секретарям и чекистам казалось, что врагов советской власти мало наказывают.

Под крылом Хрущева начинал на Украине будущий генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев: 7 февраля 1939 года его избрали секретарем Днепропетровского обкома партии по пропаганде и агитации. Это был по-настоящему высокий пост. Днепропетровский обком по

утвержденной ЦК иерархии принадлежал ко 2-й группе (к 1-й относились только Киевский и Харьковский), численность аппарата превысила 150 человек. Но идеологическая работа Брежневу не нравилась. Он настолько не любил читать, что толком не освоил даже обязательный набор догматических установок. Да и не охота было ему корпеть над бумагами! Через много лет, вспоминая свою идеологическую должность, генсек Брежнев в узком кругу заметил брезгливо:

— Я это ненавижу, не люблю заниматься бесконечной болтовней. Так что еле-еле отбрыкался.

Брежнева поддерживал Константин Степанович Грушевой, с которым они вместе учились в Каменском металлургическом институте. Константин Степанович раньше начал делать партийную карьеру. В январе 1939 года его избрали вторым секретарем Днепропетровского обкома КП(б)У. В 1940 году в обкоме по указанию Москвы ввели дополнительную должность секретаря по оборонной промышленности — в связи с тем, что многие предприятия переходили на выпуск военной продукции. Грушевой предложил поручить это дело своему однокашнику. Кандидатуру Леонида Ильича одобрил возглавлявший Компартию Украины Хрущев, который приезжал в область изучать новые кадры. В апреле 1941 года Брежнева утвердили в новой должности. Ему было всего 34 года. Со всей энергией он взялся за дело, ему хотелось показать себя. Но началась война.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ФРОНТ

Хрущев был по должности включен в состав Военного совета Киевского особого военного округа, которым в 1938—1940 годах командовал командарм 1-го ранга С. К. Тимошенко.

«Сталин знал Тимошенко лучше, чем я, — вспоминал Хрущев. — Еще по Первой конной армии Буденного. Тимошенко вообще был на виду, особенно после репрессирования командного состава Красной Армии в тридцатые годы. На фоне оставшихся командиров Тимошенко выглядел довольно заметно.

Когда я уезжал из Москвы в Киев первым секретарем ЦК КП(б)У, Сталин дал о нем благоприятный отзыв и хорошую характеристику. Правда, характеристика заключалась главным образом в том, что это честный человек, на которого можно положиться».

В результате массовых репрессий командного состава войска округа находились в трудном положении. Но уже через месяц после приезда Семен Константинович вместе с Никитой Сергеевичем подписали постановление Военного совета Киевского ОВО «О состоянии кадров командного, начальствующего и политического состава округа». В нем, среди прочего, значилось:

«В результате большой работы по очищению рядов РККА от враждебных элементов и выдвижению из низов беззаветно преданных делу партии Ленина—Сталина командиров, политработников, кадры командного, начальствующего и политсостава крепко сплочены вокруг нашей партии, вождя народа товарища Сталина и обеспечивают политическую крепость и успех в деле боевой мощи частей РККА».

Сражение за Киев

В сентябре 1939 года Тимошенко был назначен командующим войсками Украинского фронта, части которого вступили на территорию входившей в Польшу Западной Украины, а в феврале 1940 года возглавил Северо-Западный фронт с задачей сокрушить финскую оборону. Участников Польской и Финской кампаний вождь щедро награждал. Тимошенко 21 марта 1940-го стал Героем Советского Союза. Сталину казалось, что с такими проверенными в бою военачальниками он может чувствовать себя уверенно.

Седьмого мая 1940 года Президиум Верховного совета СССР принял указ «Об установлении генеральских и адмиральских званий для высшего начальствующего состава Красной Армии и Военно-Морского флота». Командармы 1-го ранга должны были стать генералами армии.

Но Сталин сделал широкий жест: все три командарма 1-го ранга — Семен Константинович Тимошенко, начальник Генштаба РККА Борис Михайлович Шапошников и заместитель наркома обороны Григорий Иванович Кулик получили маршальские звезды. Это вообще был большой день для Тимошенко: именно 7 мая 1940 года Сталин назначил его наркомом обороны СССР вместо показавшего свою некомпетентность Клина Ворошилова.

Перед войной, 14 января 1941 года, Киевский особый военный округ принял Михаил Петрович Кирпонос. В 30-е годы он служил начальником Казанского пехотного училища имени Верховного совета Татарской АССР. Оттуда его забрали на финскую войну. Его 70-я стрелковая дивизия отличилась в боях. 21 марта 1940 года Кирпоносу было присвоено звание Героя Советского Союза, а 4 июня он получил звание генерал-лейтенанта и принял командование войсками Ленинградского военного округа. Имея опыт всего лишь дивизионного командира, Кирпонос сразу получил под свое начало целые объединения войск. Не успел освоиться в новой роли — перевели с повышением в Киев.

Хрущев: «У него не было опыта руководства таким огромным количеством войск. Видимо, других, более подходящих командиров, после кровавой мясорубки 1937—1938 годов, просто не осталось. Отсутствие же опыта потом сказалось на организации боев в ходе столкновений с гитлеровскими войсками. Кирпонос был далеко не Якир!»

(Командарм 1-го ранга Иона Эммунилович Якир, один из самых

храбрых советских военачальников, много лет успешно командовал Киевским округом. Якир и командующий войсками Белорусского военного округа командарм 1-го ранга Иероним Петрович Уборевич следили за современной военной мыслью. Они были сторонниками внедрения новой боевой техники, танков, авиации, создания крупных моторизованных и воздушно-десантных частей. Знаменитые маневры Киевского особого военного округа, организованные Якиром, проводились с 12 по 15 сентября 1935 года. В маневрах участвовали все рода войск и свыше тысячи танков, что произвело сильнейшее впечатление на присутствовавших там военных атташе разных стран. Но в 1937 году Якира арестовали и расстреляли.)

В 3 часа 10 минут 22 июня 1941 года Управление Наркомата госбезопасности УССР по Львовской области доложило по телефону в республиканский наркомат в Киеве, что границу в районе Сокаля перешел ефрейтор 221-го саперного полка 15-й дивизии^[12] вермахта «Лисков Альфред Германович, 30 лет, рабочий, столяр мебельной фабрики в г. Кольберг (Бавария)». Он сообщил львовским чекистам, что является коммунистом и членом Союза красных фронтовиков. Главное : «Вечером командир роты лейтенант Шульц отдал приказ и заявил, что сегодня ночью после артиллерийской подготовки их часть начнет переход Буга на плотках, лодках и понтонах. Как сторонник Советской власти, узнав об этом, он решил бежать к нам и сообщить».

Подобный случай не был единичным. Начальник штаба округа генерал-лейтенант Максим Алексеевич Пуркаев связался с Генеральным штабом. Занимавший на тот момент пост начальника Генштаба генерал армии Г. К. Жуков вспоминал: «Вечером 21 июня мне позвонил начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант М. А. Пуркаев и доложил, что к пограничникам явился перебежчик — немецкий фельдфебель, утверждающий, что немецкие войска выходят в исходные районы для наступления, которое начнется утром 22 июня. Я тотчас же доложил наркому и И. В. Сталину то, что передал мне М. А. Пуркаев». Без десяти девять вечера руководители Наркомата обороны вошли в кремлевский кабинет Сталина. Они убедили вождя привести пять приграничных округов в частичную боевую готовность.

Но приказ в войска Киевского особого военного округа, доложил генерал Пуркаев, пришел с опозданием и «войска прикрытия по плану обороны начали выходить на государственную границу в 4—6 часов утра 22 июня 1941 года, то есть тогда, когда война уже началась».

Многие соединения вообще не успели получить никаких указаний — до того, как немцы начали их бомбить.

Округ переименовали в Юго-Западный фронт.

Командир 9-го механизированного корпуса генерал-майор Константин Константинович Рокоссовский прибыл в Киев с докладом к командующему Юго-Западным фронтом генерал-полковнику М. П. Кирпоносу. «Крещатик, обычно в это время кишевший народом, оглашавшийся громкими разговорами, шумом, смехом и сияющий огнями витрин, был пуст, молчалив и погружен в темноту, — вспоминал Рокоссовский. — Ни одной живой души не видно на улицах. Остановив машину для того, чтобы узнать, где можно найти штаб фронта, я закурил папиросу. И тут же из мрака на меня обрушилось: “Гаси огонь!..”, “Что, жизнь тебе надоела?..”, “Немедленно гаси!..” Раздались и другие слова, уже покрепче. Это, должен признаться, меня сильно удивило. Уж очень истерические были голоса. Это походило уже не на разумную осторожность, а на признаки панического страха».

Рокоссовского принял командующий фронтом: «Меня крайне удивила его резко бросающаяся в глаза растерянность. Заметив, видимо, мое удивление, он пытался напустить на себя спокойствие, но это ему не удалось.

Мою сжатую информацию об обстановке на участке 5-й армии и корпуса он то рассеянно слушал, то часто прерывал, подбегая к окну с возгласами:

— Что же делает ПВО? Самолеты летают, и никто их не сбивает... Безобразия!

Приказывая бросать в бой то одну, то две дивизии, командующий даже не интересовался, могут ли названные соединения контратаковать, не объяснял конкретной задачи их использования. Создавалось впечатление, что он или не знает обстановки, или не хочет ее знать. Я окончательно пришел к выводу, что не по плечу этому человеку столь объемные, сложные и ответственные обязанности, и горе войскам, ему вверенным».

Константин Константинович был прав. Сам он лучше бы справился с этой должностью. Но он перед войной сидел в тюрьме, пока другие офицеры быстро поднимались по служебной лестнице.

Рокоссовский вспоминал: «Войска Киевского особого военного округа с первого же дня войны оказались совершенно неподготовленными к встрече врага. Их дислокация не соответствовала создавшемуся у нашей границы положению явной угрозы возможного нападения. Многие соединения не имели положенного комплекта боеприпасов и артиллерии, последнюю вывезли на полигоны, расположенные у самой границы, да там и оставили».

Связь отсутствовала, дивизии и корпуса дрались без взаимодействия с соседями, без поддержки авиацией. Попытки Кирпоноса и его штаба вывести войска из-под удара и организовать надежную оборону натывались на приказы Ставки наносить контрудары. Фронт исполнял указания Ставки и всякий раз терпел неудачу, что воспринималось в штабе фронта крайне болезненно. 28 июня после доклада о неудаче, постигшей 5-й механизированный корпус, который послали в контрнаступление, а он попал в окружение, член Военного совета фронта корпусной комиссар Николай Николаевич Вашугин побледнел, ушел в свой кабинет и застрелился.

Сохранилась запись разговора Сталина с командующим Юго-Западным фронтом М. П. Кирпоносом и членом Военного совета Н. С. Хрущевым.

Сталин:

— Здравствуйте! Первое. Следовало бы при главкоме создать Военный совет и включить в него товарища Хрущева. В Военных советах обоих фронтов могли бы состоять в качестве членов [председатель СНК УССР] Корниец, Бурмистенко и еще кто-либо из секретарей ЦК компартии Украины. Ваше мнение?

Хрущев, Кирпонос:

— С предложением согласны.

Сталин:

— Очень хорошо... Что касается того, чтобы я поддержал вас в деле пополнения и снабжения ваших частей, то я, конечно, приму все возможные и невозможные меры для того, чтобы помочь вам. Но я все же просил вас больше рассчитывать на себя. Было бы неразумно думать, что вам подадут все в готовом виде со стороны. Учитесь сами снабжать и пополнять себя. Создайте при армиях запасные части. Приспособьте некоторые заводы к производству винтовок, пулеметов, пошевеливайтесь как следует, и вы увидите, что можно многое создать для фронта на самой Украине. Так поступает в настоящее время Ленинград, используя свои машиностроительные базы...

Кирпонос после недели боев принял решение отвести механизированные корпуса, чтобы «за 3—4 дня подготовить мощный контрудар». Но через несколько часов ему передали приказ Москвы: «Ставка запретила отход и требует продолжать контрудар. Ни дня не давать покоя агрессору».

А Кирпонос был прав. Армии ежедневно получали приказ переходить в наступление и отступали на десятки километров в день, потому что

приказы не позволяли им зацепиться и создать прочную оборону. Это была, как признавал позднее маршал Советского Союза Василий Данилович Соколовский, «игра в поддавки». Кирпонос не решался спорить с Москвой и доказывать свою правоту.

Хрущев 5 июля сообщил Сталину шифротелеграммой: «Можно организовать в Киеве народное ополчение 50 тысяч человек, Харькове — 50 тысяч человек, Одессе — 40 тысяч человек, Днепропетровске — 40 тысяч человек, городах Сталинской области — 100 тысяч человек, городах Ворошиловградской области — 80 тысяч человек, Днепродзержинске и Кривом Роге — по 15 тысяч человек. Оружия для ополченцев нет».

— Нам нужно оружие, — обратился Хрущев к члену ГКО Г. М. Маленкову.

— Оружия нет, — отвечал Маленков, — а те запасы, которые были, направляются на вооружение рабочих в Москве и Ленинграде.

— Что же нам делать? — спросил Хрущев. — У нас же нет своих оружейных заводов.

— А вы куйте ножи, пики и вооружайте ими рабочих, — посоветовал Маленков.

И. А. Серова еще в феврале отозвали в Москву на повышение (он стал первым заместителем наркома государственной безопасности), и наркомом внутренних дел Украины назначили старшего майора госбезопасности Василия Тимофеевича Сергиенко. Бдительный нарком поспешил доложить в Москву, что Хрущев намерен сдать Киев, не хочет оборонять город. Сталин обвинил Хрущева и командование ЮгоЗападного фронта в трусости и 11 июля отправил Хрущеву гневную телеграмму:

«Получены достоверные сведения, что вы все, от командующего Юго-Западным фронтом до членов Военного совета, настроены панически и намерены произвести отвод войск на левый берег Днепра.

Предупреждаю вас, что, если вы сделаете хоть один шаг в сторону отвода войск на левый берег Днепра, не будете до последней возможности защищать районы Укрепрайонов на правом берегу Днепра, вас всех постигнет жестокая кара как трусов и дезертиров».

В реальности, когда немцы подходили к Киеву, именно нарком внутренних дел Сергиенко, как говорится в документах, «проявил растерянность и трусость». Попав в окружение, обреченно сказал подчиненным: «Я вам теперь не нарком, делайте, что хотите». В результате 800 человек из аппарата республиканского Наркомата внутренних дел либо попали в плен, либо погибли. Сам Сергиенко некоторое время жил в оккупированном немцами Харькове, потом все-таки перешел линию

фронта. Берия его прикрыл, и Василий Тимофеевич стал заместителем начальника Центрального штаба партизанского движения, в октябре 1943 года — наркомом внутренних дел Крымской АССР. После того как Берия ушел с Лубянки, Сергиенко впал в немилость. Его назначили начальником одного из лагерей, где он создал из заключенных оркестр и услаждал себя музыкой. После смерти Сталина и прихода Хрущева в декабре 1954 года его вчистую уволили из органов, а через несколько дней — лишили и звания генерал-лейтенанта...

Ситуация на фронте ухудшалась с каждым днем. 29 июля начальник Генштаба РККА Г. К. Жуков доложил Сталину, что Юго-Западный фронт необходимо целиком отвести за Днепр.

— А как же Киев? — спросил Сталин.

— Киев придется оставить, — твердо сказал Жуков.

— Что за чепуха? — взорвался Сталин. — Как вы могли додуматься сдать врагу Киев?

Жуков писал в мемуарах, что предложение оставить столицу Украины и отойти за Днепр стало причиной его отставки с поста начальника Генерального штаба. Жукова отправили командовать войсками Резервного фронта.

В 20-х числах августа немецкие танки Гейнца Гудериана и Эвальда фон Клейста обошли Юго-Западный фронт с флангов. К концу месяца возникла совершенно реальная угроза глубокому тылу фронта. В любой момент Юго-Западный фронт мог оказаться в гигантском котле.

Дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант Василий Степанович Петров описал, что происходило с войсками, которые попали в окружение на днепровском рубеже:

«Система оперативного руководства войсками исчерпала свои возможности. Спротивление пошло на убыль. Прекратилось снабжение. Не пополнялся расход боеприпасов, горючего. Моторы глохли, останавливались танки, автотранспорт, орудия. Ни частей, ни соединений не существовало. Пылали бесчисленные колонны на дорогах, а мимо брели толпой тысячи, десятки тысяч людей. Никто не ставил им задач, не торопил, не назначал срок. Они предоставлены сами себе. Хочешь — иди, хочешь — оставайся в деревушке, во дворе, который приглянулся. Кольцо окружения с каждым днем сжималось. Войска ЮгоЗападного фронта сделали свое дело в великий час войны и сошли со сцены.

Пришла в упадок организационно-штатная структура. Кольцо окружения с каждым днем сжималось. Выли пикирующие бомбардировщики, рвались бомбы. Все пути на восток перехвачены, на

буграх — танки, заслоны мотопехоты».

Одиннадцатого сентября главком ЮгоЗападного направления маршал Советского Союза Семен Михайлович Буденный телеграфировал Сталину: «Промедление с отходом ЮгоЗападного фронта может повлечь потерю войск и огромного количества матчасти».

Пока кольцо окружения окончательно не замкнулось, еще можно было прорваться. Военный совет фронта просил Ставку разрешить взять артиллерию из Киева и попытаться перекрыть направление главного удара немцев, чтобы не допустить полного окружения. Вместо ответа прилетел маршал С. К. Тимошенко с предписанием С. М. Буденному сдать ему командование Юго-Западным направлением.

Прощаясь с Хрущевым, Семен Михайлович сказал:

— Вот каков результат нашей инициативы.

Тимошенко прибыл с твердым указанием Сталина «покончить с пораженческими настроениями и удержать Киев». Оказавшись на фронте, маршал своими глазами увидел, что положение окруженных войск ухудшается с каждым часом.

«Переменили главнокомандующего, но обстановка не изменилась, так как новый главнокомандующий приехал с голыми руками, — вспоминал Хрущев. — Следует отдать должное Тимошенко. Он отлично понимал обстановку, все видел и представлял, что для наших войск здесь разразится катастрофа. Но каких-либо средств, чтобы парализовать это, не было.

Несколько раз выезжали мы с Тимошенко в войска, как ездили раньше с Буденным. Выезжали, например, как помню, западнее Полтавы. Там у нас была механизированная группа, командовал ею генерал Фекленко^[13]. Когда Фекленко увидел нас, буквально глаза вытаращил от какого-то не то изумления, не то страха. Мы попросили, чтобы он доложил обстановку.

Он кратко доложил и тут же попросил:

— Поскорее уезжайте отсюда!

Обстановка была такая тяжелая, что он не был уверен в нашей безопасности. Действительно, там, кроме остатков войск Фекленко, ничего не было. Над нами совершенно безнаказанно летал похожий на У-2 итальянский самолет-разведчик. Враг пользовался безнаказанностью, и даже в дневное время спокойно летал такой тихоход».

На рассвете 14 сентября, после бессонной ночи, начальник штаба ЮгоЗападного фронта генерал-майор Василий Иванович Тупиков через голову М. П. Кирпоноса (командующий отказался подписывать телеграмму) и С. К. Тимошенко обратился напрямую в Генеральный штаб с просьбой разрешить войскам вырваться из кольца окружения. Это был

последний шанс. Генерал служил в армии с 1922 года, окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе, был начальником штаба 33-го корпуса и Харьковского военного округа, а с декабря 1940-го и до начала войны занимал должность военного атташе при постпредстве/посольстве СССР в Германии и одновременно возглавлял резидентуру военной разведки. Штаб фронта он возглавил всего за две недели до этих событий: 29 июля.

Телеграмма Тупикова заканчивалась словами: «Начало понятной вам катастрофы — дело пары дней». Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников, возвращенный на пост начальника Генерального штаба РККА, доложил о телеграмме вождю. Услышав негативный ответ, перечить не посмел и отчитал командуемого фронтом: «Генерал-майор Тупиков представил в Генштаб паническое донесение. Обстановка, наоборот, требует сохранения исключительного хладнокровия и выдержки командиров всех степеней».

Сталин связался со штабом ЮгоЗападного фронта 14 сентября.

Сталин: Согласен ли товарищ Кирпонос с содержанием телеграммы Тупикова, его выводами и предложением? Отвечайте.

Бурмистенко: У аппарата член Военного совета, здравствуйте, товарищ Сталин. Командующий и я не согласны с паническими настроениями Тупикова. Мы не разделяем его необъективной оценки обстановки и готовы удерживать Киев любой ценой.

Сталин: Я требую ответа у Кирпоноса, командуемого. Кто командует фронтом — Кирпонос или Бурмистенко? Почему за командуемого отвечает член Военного совета, он что — больше всех знает? У Кирпоноса разве нет своего мнения? Что у вас случилось после нашего с вами разговора 8 августа? Отвечайте.

Кирпонос: Фронтом команду я, товарищ Сталин. С оценкой обстановки и предложениями Тупикова не согласен. Разделяю мнение Бурмистенко. Примем все меры, чтобы Киев удержать. Соображения на этот счет сегодня направляю в Генштаб. Верьте нам, товарищ Сталин. Я Вам докладывал и повторяю вновь: все, что имеется в нашем распоряжении, будет использовано для обороны Киева. Вашу задачу выполним — Киев врагу не сдадим.

Сталин: Почему Тупиков паникует? Попросите его к аппарату. Вы, товарищ Тупиков, по-прежнему настаиваете на своих выводах или изменили свое мнение? Отвечайте честно, без паники.

Тупиков: Товарищ Сталин, я по-прежнему настаиваю на своем мнении. Войска фронта на грани катастрофы. Отвод войск на левый берег Днепра требуется начать сегодня, 14 сентября. Завтра будет поздно. План отвода

войск и дальнейших действий разработан и направлен в Генштаб. Прошу Вас, товарищ Сталин, разрешить отвод войск сегодня. У меня все.

На следующий день, 15 сентября, танки Гудериана и Клейста встретились в районе Конотопа и основные силы ЮгоЗападного фронта — остатки 5-й, 21-й, 26-й и 37-й армий — были полностью окружены... Только в ночь на 18 сентября из Генштаба по радио пришел приказ войскам, оборонявшим Киев, оставить город. Но было поздно. Выполнить распоряжение Ставки уже было невозможно, тем более что у штаба фронта больше не было с ней связи. Окруженные армии были рассечены и утратили боеспособность. Кто мог, вырывался из окружения поодиночке или небольшими группами.

В Киев немцы вошли 19 сентября. В плен попали более 600 тысяч бойцов и командиров, три с лишним тысячи орудий, более 800 танков. При попытке выйти из окружения была разгромлена в роще Шумейково, в 12 километрах от Лохвиц, колонна штаба фронта, погибли командующий фронтом Кирпонос, начальник штаба генерал Тупиков, член Военного совета Бурмистенко.

Из окружения вышел будущий маршал Советского Союза, а тогда командующий 15-м стрелковым корпусом генерал-майор артиллерии Кирилл Семенович Москаленко. «Он был очень злобно настроен в отношении своих же украинцев, ругал их, что все они предатели, что всех их надо выслать в Сибирь, — вспоминал Хрущев. — Мне, конечно, неприятно было слушать, как он говорит несуразные вещи о народе, о целой нации в результате пережитого им потрясения. Народ не может быть предателем.

И я спросил его:

— А как же тогда поступить с вами? Вы, по-моему, тоже украинец? Ваша фамилия — Москаленко?

— Да, я украинец, из Гришино.

— Я-то знаю Гришино, это в Донбассе.

— Я совсем не такой.

— А какой же вы? Ты же Москаленко, тоже украинец. Вы неправильно думаете и неправильно говорите.

Тогда я первый раз в жизни увидел разъяренного Тимошенко. Они, видимо, хорошо знали друг друга.

Тимошенко обрушился на Москаленко и довольно грубо обошелся с ним:

— Что же ты ругаешь украинцев? Что они, предатели? Что они, против Красной армии? Что они, плохо с тобой поступили?

Москаленко, ругая их, приводил такой довод: он спрятался в коровнике. Пришла крестьянка-колхозница, заметила его и выгнала из сарая, не дала укрыться.

Тимошенко реагировал очень остро:

— Да, она правильно сделала. Ведь если бы ты залез в коровник в генеральских штанах и в генеральском мундире... А ты туда каким-то оборванцем залез. Она разве думала, что в ее коровнике прячется генерал Красной армии? Она думала, что залез какой-то воришка».

После гибели М. П. Кирпоноса войска ЮгоЗападного фронта, вернее, то, что от них осталось, 30 сентября возглавил С. К. Тимошенко. Фактически фронт приходилось формировать заново. Штаб Тимошенко разместился в большом деревянном доме. Там его нашел заместитель военного прокурора диввоенюрист Николай Порфильевич Афанасьев. Сам маршал вместе с Хрущевым расположились на втором этаже.

Посредине стоял большой стол, на котором накрыт ужин, у стены — другой стол с картами.

— А, прокуратура уже здесь, — сказал Семен Константинович. — Садись, ужинать будем. Что, судить нас приехал за то, что вместо Берлина мы здесь, как в берлоге медведи, сидим?

Он налил прокурору водки. Афанасьев отказался, сославшись на язву желудка.

Тимошенко не поверил:

— Как хочешь. Знаю я этих юристов. Пьете не меньше других, но втихую.

Тимошенко объяснил, что ситуация тяжелая:

— Некоторые части выходят из окружения. Подходят подкрепления. Так что немцев в Харьков не пустим.

Но немцы взяли Харьков 25 октября. Трагические события первых месяцев войны Хрущев никогда не сможет забыть, этот опыт повлияет на Никиту Сергеевича, когда возникнет спор о роли Сталина в войну.

Сталинград. Кипящие в котле

Почти всю войну Хрущев провел на фронте в роли члена Военных советов различных фронтов.

Еще до Великой Отечественной в военных округах, армиях и на флотах создавались Военные советы в составе командующего (председатель) и двух членов. По Положению, утвержденному 16 мая 1937 года, «Военный Совет является высшим представителем военной власти в округе. Военному Совету подчиняются все войсковые части и учреждения, расположенные на территории округа... Военный Совет подчиняется непосредственно Наркому Обороне». Иначе говоря, командующий лишался единоличной власти над подчиненными ему войсками. Без подписи члена Военного совета его приказ был недействителен. Все приказы должны были подписываться командующим, членом Военного совета и начальником штаба.

В июле 1937 года Политбюро ЦК ВКП(б) постановило, что одним из членов Военного совета становится местный партийный руководитель — секретарь обкома, крайкома или ЦК национальной республики. Это должно было усилить контроль над армией со стороны партийного аппарата.

Должность члена Военного совета фронта требовала высказывать свое мнение по чисто военным вопросам, но у Хрущева, как и других партийных работников, отправленных в армию, военное образование и опыт отсутствовали.

Так чем же должен был заниматься член Военного совета? Тылом? Для этого существовал второй член Военного совета. Политработой? Этим ведал начальник Политуправления со своим аппаратом. Задача первого члена Военного совета — контролировать командующих и докладывать лично Сталину обо всех непорядках.

В январе 1942 года маршал Советского Союза С. К. Тимошенко предложил организовать наступление с Барвенковского выступа, чтобы для начала освободить Харьков, затем Донбасс. Начальник Генштаба маршал Советского Союза Б. М. Шапошников возражал: нельзя наступать, подставляя левый фланг под удар противника. Не слушая голоса скептиков, Сталин охотно подхватил идею наступления, план утвердил и даже запретил Генштабу вмешиваться в эту операцию, чтобы не мешать Тимошенко. Член Военного совета фронта Хрущев, который оставался первым секретарем ЦК компартии оккупированной немцами Украины,

конечно же, всей душой стремился к освобождению республики и поддерживал замысел Тимошенко.

Наступление началось 12 мая. Поначалу войска успешно продвигались к Харькову. Сталин упрекнул Генштаб за недооценку идеи

С. К. Тимошенко и поздравил маршала. Семен Константинович был на седьмом небе от счастья. Ни в Москве, ни в штабе Тимошенко не заметили, что в районе Краматорска скрытно сосредоточились части 1-й немецкой танковой армии генерал-полковника Эвальда фон Клейста с большим количеством танков.

Через четыре дня, 17 мая, фон Клейст нанес удар. Темп и напор немецкого наступления с каждым днем нарастали. В Москве первый заместитель начальника Генштаба РККА генерал-лейтенант Александр Михайлович Василевский, сознавая грозящую войскам опасность, забеспокоился. Он предложил немедленно прекратить наступление и развернуть имеющиеся силы против танков Клейста.

Сталину жаль было останавливать наступление, и он не прислушался к Василевскому. Тем более что Тимошенко поддерживал в Верховном оптимистическое настроение и по-прежнему сулил победу. 18 мая ситуация ухудшилась. Теперь уже забеспокоилось командование фронта. Решили прекратить наступление и приготовиться к обороне.

Вечером Хрущев вернулся к себе, собираясь лечь спать. Вошел начальник штаба фронта будущий маршал Советского Союза Иван Христофорович Баграмян:

— Я к вам, товарищ Хрущев. Наш приказ отменен Москвой.

— А кто отменил?

— Не знаю, потому что с Москвой разговаривал по телефону Семен Константинович. Он отдал мне распоряжение отменить наш приказ, а сам пошел спать. Я совершенно убежден, что отмена нашего приказа и распоряжение о продолжении операции приведут в ближайшие дни к катастрофе. Я очень прошу вас лично поговорить со Сталиным. Это единственная возможность спастись.

В таком состоянии Хрущев еще Баграмяна не видел.

«Я знал Сталина и представлял себе, какие трудности ждут меня в разговоре с ним, — вспоминал Хрущев . — Повернуть его понимание событий надо так, чтобы Сталин поверил нам. А он уже нам не поверил, раз отменил приказ. Следовательно, теперь следует доказать, что он не прав, заставить его усомниться и отменить свой приказ. Я знал самолюбие Сталина в этих вопросах. Тем более при разговорах по телефону».

Никита Сергеевич решил позвонить сначала в Генеральный штаб.

Ответил Василевский.

— Александр Михайлович, отменили наш приказ.

— Да, я знаю. Товарищ Сталин отдал распоряжение.

Хрущев попросил его:

— Александр Михайлович, вы знаете по штабным картам и расположение наших войск, и концентрацию войск другой стороны, более конкретно представляете себе, какая сложилась у нас обстановка. Возьмите карту, Александр Михайлович, поезжайте к Сталину.

— Товарищ Сталин сейчас на Ближней даче.

— Вы поезжайте туда, он вас всегда примет, война же идет. Вы с картой поезжайте — с такой картой, где видно расположение войск, а не с такой картой, на которой пальцем можно закрыть целый фронт. Сталин поймет, что мы поступили совершенно разумно, отдав приказ о приостановлении наступления и перегруппировке наших главных сил, особенно бронетанковых, на левый фланг.

— Нет, товарищ Хрущев, товарищ Сталин уже отдал приказ!

«Я положил трубку и опять стал думать, что же делать? — рассказывал Хрущев. — Звонить Сталину? Она меня обжигала, эта трубка. Обжигала не потому, что я боялся Сталина. Нет, я боялся того, что это может оказаться для наших войск роковым звонком. Если я ему позвоню, а Сталин откажет, то не останется никакого другого выхода, как продолжать операцию. А я был абсолютно убежден, что тут начало катастрофы наших войск...»

Он еще раз позвонил Василевскому :

— Александр Михайлович, вы же отлично понимаете, в каком положении находятся наши войска. Вы же знаете, чем это может кончиться. Единственное, что нужно сейчас сделать, это разрешить нам перегруппировку. Иначе войска погибнут. Я вас прошу, Александр Михайлович, поезжайте к товарищу Сталину.

Но Василевский тем же ровным голосом ответил:

— Никита Сергеевич, товарищ Сталин дал распоряжение.

Пришлось Хрущеву самому звонить Сталину:

«Я знал, что Сталин находится на ближней даче, хорошо знал ее расположение. Знал, что и где стоит и даже кто и где стоит. Знал, где стоит столик с телефонами, сколько шагов надо пройти Сталину, чтобы подойти к телефону. Сколько раз я наблюдал, как он это делает, когда раздавался звонок».

Трубку снял Г. М. Маленков. Поздоровались.

— Прошу товарища Сталина.

Маленков громко сказал вождю, что звонит Хрущев и просит к

телефону. Слов Сталина не было слышно.

Маленков сообщил:

— Товарищ Сталин говорит, чтобы ты сказал мне, а я передам ему.

Никита Сергеевич повторил:

— Товарищ Маленков, я прошу товарища Сталина. Я хочу доложить товарищу Сталину об обстановке, которая сейчас складывается у нас.

Маленков повторил:

— Товарищ Сталин говорит, чтобы ты сказал мне, а я передам ему.

Хрущев: «Не захотел меня выслушать. Вероятно, ему доложил Генеральный штаб, что командованием фронта решение принято неправильное: операция проходит успешно, наши войска, не встречая сопротивления, движутся на запад, а приказ о перегруппировке вызван излишней осторожностью командующего фронтом и члена Военного совета.

Когда я просил, чтобы Сталин взял трубку, он про-ворчал:

— Хрущев сует свой нос в военные вопросы. Он не военный человек, а наши военные разобрались во всем, и решение менять не будем.

Об этом рассказал Анастас Иванович Микоян, который присутствовал при этом».

Хрущев объяснял Маленкову:

— Мы растягиваем фронт, ослабляем его и создаем условия для нанесения нам удара с левого фланга. Этот удар неизбежен, а нам нечем парировать.

Маленков передал все Сталину.

Повторил его ответ:

— Товарищ Сталин сказал, что надо наступать, а не останавливать наступление.

— Перед нами нет противника. Это-то нас и тревожит. Мы видим, что наше наступление совпадает с желанием противника. Мы, принимая решение, все взвесили.

— Товарищ Сталин говорит, что это ты навязал его командующему.

— Вы знаете характер Тимошенко. Если он не согласен, то навязать ему решение невозможно, да я никогда такой цели и не преследовал.

Маленков опять повторил слова вождя:

— Надо наступать.

Разговор окончился...

Только к концу дня 19 мая Тимошенко остановил наступление на Харьков и приказал развернуть войска навстречу танкам Клейста. Но было поздно. 30 мая на Военном совете ЮгоЗападного направления Тимошенко

подвел печальные итоги операции. Общие потери — 230 тысяч красноармейцев, полтысячи танков, три с половиной тысячи орудий и минометов.

Смелости Хрущеву было не занимать.

Его личный пилот полковник Николай Иванович Цыбин во время войны вел дневник. Летал Хрущев на полученных по ленд-лизу американских военно-транспортных самолетах «Дуглас» DC-3 и C-47. Полеты были трудными и опасными:

«19 августа 1941 года. Перелет Харьков — Полтава. Взлет и посадка ночью. Истребители сопровождения побились. Летчики получили легкие ранения».

Машину Хрущева полагалось охранять. Прикрывать полет члена Политбюро отправляли хороших летчиков-истребителей. Но их не учили летать ночью.

«21 декабря 1941 года. Перелет Москва — Рязань — Мичуринск — Воронеж. Плохая погода. Туман. По выходе из тумана обстрел из зенитной артиллерии (района г. Ряжск). Два самолета П-3 сгорели. Экипажи погибли. Остальные четыре самолета вернулись на аэродром».

«12 февраля 1942 года. Перелет Нижняя Дуванка — Россошь — Воронеж. Полет в плохую погоду по всему маршруту: туман и обледенение. Самолеты сопровождения: один сгорел, экипаж погиб; второй сел вынужденно».

«28 февраля 1942 года. Перелет Ростов-на-Дону — Сватово. Полет в плохую погоду, туман в районе Донбасса. Самолеты сопровождения вернулись на свой аэродром».

«4 марта 1943 года. Полет Москва — Мичуринск — Воронеж — Уразово. Полет в плохую погоду. Туман и снегопад в районе Мичуринска и Воронежа. Самолеты сопровождения рассеялись вынужденно, и только один пришел в Уразово спустя несколько минут».

«28 октября 1944 года. Перелет Киев — Ровно — Львов. Участок Ровно—Львов — снег с туманом, обледенение, град. Истребители сопровождения вернулись обратно».

С полковником Цыбиным Никите Сергеевичу повезло. И он ценил своего пилота. А Хрущева ценили в войсках.

Будущий генерал армии Семен Павлович Иванов, во время войны — начальник штаба ЮгоЗападного, Воронежского, 1-го и 3-го Украинских фронтов — вспоминал:

«Колоритной фигурой был член Военного совета фронта Н. С. Хрущев. Этот небольшого роста, полноватый человек с простецкой улыбкой всегда

оставался, если допустимо так сказать, стабилизатором обстановки внутри того круга военачальников, которые руководили войсками в Сталинградской битве.

Ситуация была напряженная, трудились все буквально до изнеможения, поэтому нередко случались нервные срывы, обострялись взаимоотношения. Никита Сергеевич, похоже, предугадывал возникновение таких моментов и сейчас же находил верный тон, успокаивающий конфликтующих. Ведь тогда у нас при одном командующем было два в общем-то равнозначных штаба, причем амбиций у некоторых работников имелось немало.

Если затевался спор, то член Военного совета предлагал обеим сторонам поочередно доложить свои соображения, а затем говорил, что не видит между ними принципиальных расхождений, и очень убедительно высказывал третью, так сказать синтезирующую точку зрения, с которой обычно соглашались все.

Много он делал и в организации снабжения фронтов продукцией сталинградских заводов и фабрик. Постоянно бывал в рабочих коллективах, помогал оперативно решать вопросы взаимодействия предприятий и всех городских служб.

Хрущев отличался неиссякаемым оптимизмом. Ему было свойственно чувство юмора, он умел поднять настроение в самых критических обстоятельствах.

При разговорах со Сталиным Хрущев совершенно преображался. Исчезала его напускная простоватость, он не позволял себе ни одного лишнего слова. Говорил четко, лаконично, показывая свою осведомленность во всех фронтовых делах. Никита Сергеевич не боялся высказывать просьбы, которые, как правило, удовлетворялись. Трудиться рядом с ним было легко и спокойно».

На долю Хрущева выпало участие в Сталинградской битве.

Летом 1942 года немецкие войска перешли в наступление и прорвали оборону в полосе около 300 километров. Ими руководил генерал танковых войск Фридрих Паулюс. В должности 1-го обер-квартирмейстера Генерального штаба сухопутных войск он с мая 1940 года участвовал в разработке всех планов вермахта, в том числе нападения на Советский Союз. В январе 1942-го он принял 6-ю армию, считавшуюся лучшей в вермахте. В августе получил Рыцарский крест. После взятия Сталинграда Гитлер планировал вернуть Паулюса в Ставку. Его ждал пост начальника Штаба оперативного руководства вермахтом. Генерал стал бы ближайшим советником фюрера по военным делам.

Наступление Паулюса поддерживала 4-я танковая армия генерал-полковника Германа Гота. Один из самых известных немецких танкистов, он участвовал во всех кампаниях вермахта, начиная с Польской осенью 1939 года. 23 августа 1942-го танки Гота вышли к Волге.

Через неделю, 31 августа, генералу армии Г. К. Жукову, командовавшему Западным фронтом, позвонил Сталин:

— Оставьте за себя начальника штаба, а сами немедленно выезжайте в Ставку.

Вызов Жукова в Кремль почти всегда означал, что на фронте беда. Этот беспредельно жесткий и уверенный в себе человек вселял в вождя уверенность.

Сталин сказал:

— Плохо получилось у нас на юге. Может случиться то, что немцы захватят Сталинград. Не лучше обстоят дела и на Северном Кавказе. Очень плохо показал себя Тимошенко. В самые тяжелые моменты Тимошенко бросал штаб фронта и уезжал с адъютантом на Дон купаться. Мы его сняли. Решили назначить вас заместителем Верховного главнокомандующего и послать в Сталинград для руководства войсками на месте.

Начались переформирования, в конце сентября — начале октября были практически заново созданы сразу три фронта: Сталинградский, Донской и Юго-Западный.

Кого назначить командующим? Вождь уже разочаровался в большинстве своих любимцев. В 1941 году он перепробовал 28 генералов на роль командующих фронтами. Через месяц-другой снимал их с должности. Те, кого он выдвинул в годы массовых репрессий, уничтожив более талантливых и опытных, оказались никудышными полководцами.

Донской фронт принял генерал-лейтенант Константин Рокоссовский. Он чудом уцелел, когда шло уничтожение командных кадров Красной армии. В августе 1937 года Рокоссовский был арестован как польский шпион. Но ему повезло — следствие по его делу затянулось, а потом из тех, кого не успели расстрелять, кое-кого даже освободили. В марте 1940 года отпустили и будущего маршала. Рокоссовский понадобился в самые тяжелые дни.

Сталин был мрачен. Серо-землистое лицо казалось осунувшимся. Глядя Рокоссовскому в глаза, сказал:

— Надо спасти Сталинград!

«Поверьте мне — я вздрогнул, — вспоминал Рокоссовский. — Я знал, что дела на юге идут плохо. Но такая смертельная угроза Сталинграду?»

Рокоссовский был военным до мозга костей. Сражаясь с немцами, нисколько не ощущал их превосходства. Он был не менее талантлив в военном деле, чем его противники. Рокоссовский не выносил командиров, отдававших приказ: стоять насмерть! За этим приказом стояла профессиональная беспомощность. Люди, допустившие немцев к Волге, не умели воевать. А он не считал возможным требовать от солдат, чтобы они стояли насмерть и умирали, компенсируя бездарность своих командиров. Он неизменно находил военное решение, которое позволяло с блеском выполнить задачу без лишних потерь.

Юго-Западный фронт возглавил генерал-лейтенант Николай Федорович Ватутин, недавний первый заместитель начальника Генерального штаба. Его явно ждала виднейшая должность начальника Генштаба, но ему хотелось самому громить врага. Одаренный военачальник, он стал самым молодым командующим фронтом.

Сталинградский фронт принял генерал-полковник Андрей Иванович Еременко. По мнению историков, стойкий и упорный командир, но излишне самоуверенный и непомерно честолюбивый. Но вождь чувствовал себя спокойнее, когда рядом самоуверенные и brave генералы...

Ожесточеннее боев еще не было. Накануне контрнаступления советские войска удерживали лишь узкую полосу берега и небольшую часть города, от которого остались одни развалины. То и дело схватывались врукопашную. Дрались штыками и ножами. Но сбросить красноармейцев в Волгу и овладеть городом у немцев не получалось.

Девятнадцатого и 20 ноября 1942 года армии всех трех советских фронтов перешли в наступление. Ключевую роль сыграли сосредоточенные на главных направлениях удара четыре танковых и два механизированных корпуса — в общей сложности 900 танков. За три дня наступающие советские войска окружили 17 дивизий 6-й немецкой армии и 5 дивизий 4-й танковой. Рассчитывали, что легко задавят Паулюса, но немцы не собирались капитулировать. Ошиблась и советская разведка: в котле оказалось вдвое, а то и втрое больше немецких войск, чем предполагали.

Немцы сражались упорно. Суровая зима — морозы до 32°C, сильные ветры с метелями — для советских войск была столь же тяжелой, как и для немцев: войска располагались в открытой степи. Гитлер запретил прорываться из окружения. Обещал Паулюсу, что его выручит генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн. Созданная под его началом группа армий «Дон» должна была пробить кольцо окружения и восстановить связь с 6-й армией. Манштейн считался одним из самых способных немецких генералов. Именно он разработал в 1940 году план операции на Западе,

закончившейся полным разгромом объединенных сил французов и англичан. Нажим танковых частей Манштейна был сильным. Фронт генерала Еременко нес потери и пятился назад.

Никита Сергеевич Хрущев, член Военного совета Сталинградского фронта, вспоминал, как Г. К. Жуков, вернувшись с боевых позиций, рассказал:

— Ты знаешь, ехал я к линии фронта, а раненые шли оттуда. И выругался: “А, леворучники!” (тогда гуляло такое слово: подставляли левую руку под пули, чтобы получить ранение и уйти в тыл). Один из них говорит: “Товарищ генерал, леворучники идут потому, что они еще могут ходить, а вот те, которые получили пули в голову, они все там лежат. Я-то видел, сколько их там лежит”. И глянул на меня выразительно. А ведь правду он сказал. Не могу забыть, как он на меня посмотрел пронзительно...

Возникла реальная угроза, что Манштейн прорвется. От окруженных войск Паулюса его танкистов отделяло каких-нибудь сорок километров.

«Если они соединятся, — рассуждал начальник Генерального штаба РККА генерал-полковник А. М. Василевский, — Паулюс уйдет из Сталинграда. Рухнет надежда на уничтожение его группировки в кольце, созданном с таким трудом. И вообще это будет иметь большие последствия для всего хода военных действий».

Василевский уговорил Ставку бросить против Манштейна 2-ю гвардейскую армию под командованием будущего министра обороны СССР и маршала Советского Союза, а тогда генерал-лейтенанта Родиона Яковлевича Малиновского, полководца с непростой судьбой. Летом 1942 года немцы, наступая, смяли Южный фронт, которым командовал Малиновский, и без боя заняли хорошо укрепленный Ростов. Сталин был вне себя. Тогда же у Малиновского исчез адъютант, и это взяли на заметку: а не к немцам ли сбежал? А 25 декабря 1942 года покончил с собой генерал-майор Илларион Иванович Ларин, член Военного совета 2-й гвардейской армии. Он был другом Малиновского с довоенных времен, и воевали они все время вместе. Рассказывали разное. Генерал Ларин вроде бы искал смерти. Выехал на передовую и даже не пытался укрыться от пуль. Он был ранен, а потом застрелился. Ларин оставил записку, которая заканчивалась словами: «Да здравствует Ленин!» В Москве заинтересовались, а почему генерал Ларин написал так, а не «Да здравствует Сталин!». Один из высших чиновников произнес зловещую фразу:

— Может быть, он против товарища Сталина?

Самоубийство видного армейского политработника вызвало подозрение у вождя:

— Что-то у Малиновского не так. Надо проверить. Так все просто не бывает.

Вождь собирался отдать генерала своим чекистам.

Но Хрущев поручился за Малиновского. Тогда Сталин фактически отозвал Хрущева с фронта и отправил проверить, что происходит у генерала. Он продиктовал записку Никите Сергеевичу:

«Тов. Хрущеву

Получил Вашу шифровку насчет Вашего выезда во 2-ю гвардейскую армию для работы там. Я считаю, что Вам придется в ближайшие два месяца остаться там, в Военном Совете 2-й гвардейской армии, и иметь серьезное наблюдение за работой Малиновского.

Не случайно, что во время отступления Южного фронта личный адъютант Малиновского покинул наш фронт и ушел будто бы в партизаны, а на деле, видимо, ушел к немцам. Не случайно также, что член Военного Совета 2-й гвардейской армии и личный друг Малиновского Ларин кончил самоубийством, оставив записку непонятного, странного содержания. Что должна означать в записке Ларина фраза “я не причем”. В чем он здесь оправдывается? Почему Ларин мог думать, что мы тронем его семью, тоже непонятно. Почему в записке Ларина говорится о Родионе как об умном человеке?

А Малиновский набрал в рот воды и молчит, как будто это его не касается. Порасспросите обо всем этом Малиновского, а также об его личном адъютанте, — посмотрим, что скажет. Заберите к себе несколько человек, опытных особистов, и с их помощью организуйте строжайшее наблюдение за Малиновским.

Если вскрыется какая-либо фальшь в поведении Малиновского, немедленно сигнализируйте мне, чтобы сразу освободить его под тем или иным благовидным предлогом и заменить другим. Соберите данные о Крейзере^[14], возможно, что вполне подойдет для замены Малиновского, если эта замена окажется необходимой.

Регулярно информируйте меня о результатах Вашего наблюдения».

Хрущев выполнил поручение. Он неотлучно находился у Малиновского. Они сдружились. Малиновский вытащил счастливый билет — он понравился Хрущеву, и это определило всю его будущую жизнь.

Никита Сергеевич целый год опекал Родиона Яковлевича. Когда жена покойного члена Военного совета Ларина прислала письмо с обвинениями в адрес Малиновского, Хрущев переслал его Сталину с рекомендацией арестовать ее и допросить, что и было сделано. Все подозрения с Малиновского сняли. Спас его Никита Сергеевич.

Воевал Родион Яковлевич умело. Его 2-я гвардейская армия, свежая, хорошо обученная, оснащенная боевой техникой, остановила танкистов Манштейна, а затем погнала назад. Известный историк Александр Моисеевич Некрич вспоминал: «Это было в ночь под Рождество, 24 декабря 1942 года, под Сталинградом, на внешнем обводе Сталинградского “котла”».

“Некрич, быстро!” — в дверях появился мой начальник капитан Аркадий Квасов. Застегивая на ходу шинель, я полу-бежал вместе с Квасовым к окраинному дому. Сейчас будут допрашивать немцев из армии Манштейна.

В просторной горнице несколько человек. Поглядывают на дверь, видимо, ожидают начальство. Дверь распахивается, и вместе с порывом морозного декабрьского ветра в двери появляется и на секунду замирает фигура приземистого человека. За ним еще кто-то. Хрущев! Член Военного Совета фронта Никита Сергеевич Хрущев, собственной персоной. “Черт побери, — думаю я про себя, — дело-то, видимо, предстоит серьезное”.

Хрущев поочередно здоровается со всеми. Я самый младший по званию, поэтому и представляюсь последним.

“Лейтенант Некрич”, — отчеканиваю я.

Хрущев, улыбаясь, пожимает мне руку.

Итак, Хрущев будет сам беседовать с военнопленными. Он предложит им отправиться в “котел”, в окруженную армию Паулюса и быть как бы живыми свидетелями поражения, которое понес спешивший на выручку Паулюсу генерал-полковник Манштейн.

Хрущев говорит дружелюбно, чуть насмешливо, рассказывает немцам, как гибнет окруженная 300-тысячная армия. “Это бессмыслица!” — восклицает он. И объясняет немцам, что они могут помочь избежать излишнего кровопролития, помочь своим землякам, рассказав им правду. А она очень проста: Манштейн никогда не придет на выручку Паулюсу — он разбит... Военнопленные ушли в “котел”. Они приняли на себя миссию, предложенную Хрущевым».

Окончательный разгром Паулюса поручили Рокоссовскому. Генерал-полковник Еременко обиделся: самая престижная операция — ликвидация окруженных немцев — досталась Константину Константиновичу.

На рассвете 31 января 1943 года советские солдаты стояли у входа в сталинградский Центральный универмаг. Верхние этажи были разрушены, дом выгорел, но в подвале, где до войны был склад, скрывались немецкие генералы во главе с командующим 6-й полевой армией Фридрихом Паулюсом. В этот день фюрер и рейхсканцлер германского рейха Адольф Гитлер присвоил ему высшее воинское звание генерал-фельдмаршала. Адьютант командующего сделал запись в военном билете. Но положенный жезл и новенькие погоны сдавшийся в плен Паулюс получить не успел.

Красноармейцам бросилось в глаза чисто нацистское объявление: «Не для русских!». Последнее убежище генерал-фельдмаршала Паулюса больше походило на отхожее место, чем на штаб командующего армией. В подвале были два туалета. Повсюду грязь, гадость, нечистоты, человеческие экскременты и еще Бог знает что... Немцы боялись выходить на улицу и справляли нужду прямо в подвале. Спальню Паулюса от помещения штаба отгородили ширмой. Но и сюда проникали смрад и зловоние.

«Паулюс лежал на кровати, когда я вошел, — вспоминал один из советских офицеров. — Он был в шинели и в фуражке. На щеках двухнедельная щетина. Похоже, он начисто утратил мужество».

У схоронившихся в подвале офицеров вермахта оставалось личное оружие. Могли застрелиться. Но предпочли этого не делать. Взявшие их в плен советские офицеры презрительно говорили, что Паулюс и его подчиненные явно не хотели отдавать свою жизнь за Германию.

Жалко выглядевшие сталинградские немцы не походили на победоносных солдат вермахта, покоривших пол-Европы, каких показывала немецкая кинохроника. И уверенные в себе советские солдаты тоже ничем не напоминали жалкие фигуры красноармейцев, которые мелькали в фильмах нацистского министра пропаганды Йозефа Геббельса.

На следующий день после окончания Сталинградской битвы, 3 февраля, самый яркий публицист Великой Отечественной Илья Григорьевич Эренбург, статьи которого на фронте читали и перечитывали, писал в «Красной звезде»: «Немцы называют окружение “котлом”. Что же, большой Сталинградский котел откипел. Но немцам теперь приходится привыкать к окружениям: котлов и котелков довольно много, и в каждом из них варятся немцы. Мы теперь тоже кое к чему привыкли: мы привыкли бить немцев оптом, и это дело мы доведем до конца».

Рокоссовский был произведен в генерал-полковники. Получил только что учрежденный полководческий орден Суворова 1-й степени.

4 февраля 1943-го его вызвали в Ставку. На Центральном аэродроме в Москве он увидел офицеров с золотыми погонами и недоуменно спросил:

— Куда это мы попали?

Тут только ему объяснили, что еще 6 января Сталин ввел погоны. Это стало большим событием, ведь командиры Красной армии с гордостью рассказывали, как в Гражданскую «рубали золотопогонников».

«Сталин увидел нас и бросился навстречу, — вспоминал Рокоссовский. — Не пошел, а побежал, как давно уже не бегал в свои шестьдесят с лишним лет. Невысокий, по-стариковски приземистый и отяжелевший, он пробежал по всему кабинету к нам.

Сталин схватил мою руку и с кавказским акцентом сказал:

— Харашо, харашо, замечательно у вас получилось!»

Позже, в хрущевские годы, военные историки быстро перестроились, и главным в истории битвы стал Сталинградский фронт, где Никита Сергеевич был членом Военного совета, а главным полководцем — Андрей Иванович Еременко. Хрущев произвел его в маршалы Советского Союза.

Возвращение на Украину

Никита Сергеевич Хрущев оставался руководителем Украины и, конечно же, всей душой жаждал освобождения ее от захватчиков.

Когда немецкие войска выбили из Донбасса, руководители украинского комсомола доложили первому секретарю ЦК КП(б)У о подпольной организации в шахтерском поселке Краснодон. 8 сентября 1943 года Хрущев отправил докладную записку Сталину с предложением наградить руководителей подпольной организации «Молодая гвардия». Вождь согласился с предложением. На следующий день был подписан указ Президиума Верховного совета СССР: Олегу Кошевому, Ивану Земнухову, Ульяне Громовой и Любви Шевцовой присвоили звания Героев Советского Союза, еще 45 человек, среди них мать Кошевого, получили ордена. Это был первый случай массового награждения подпольщиков.

Восхищенный подвигом молодежи, в Краснодон поехал генеральный секретарь Союза советских писателей Александр Александрович Фадеев. Думал, ненадолго — написать материал для «Правды». Статья под названием «Бессмертие» появилась в газете 15 сентября 1943 года. Но он увлекся темой. Меньше чем за два года, словно в лихорадочном возбуждении, написал роман «Молодая гвардия»: он вышел в 1945 году и пользовался большим успехом. Читателей подкупало не столько мастерство писателя, сколько сама трагическая история юношей и девушек, которые мужественно и героически держались в застенках немецкой полиции.

Для Восточной Украины возвращение Красной армии означало долгожданное освобождение от немецкой оккупации. Западная Украина, которая вошла в состав СССР лишь осенью 1939 года, встретила восстановление советской власти со смешанными чувствами. Одни были счастливы и видели в красноармейцах спасителей, другие помнили предвоенную ускоренную коллективизацию, когда в Сибирь выселяли мнимых «кулаков» и «врагов советской власти».

В западных областях советская власть вновь столкнулась с украинскими националистами. Но теперь это были вооруженные, обученные и многочисленные силы. В Украинскую повстанческую армию (УПА) охотно вступала молодежь, крестьян постарше — заставляли. Отряды украинских националистов под руководством Степана Бандеры вели кровавую борьбу против наступающей Красной армии и советской власти. Партизанская война развернулась во всех западных областях.

Действуя в советском тылу, они отвлекали немалые силы Красной армии от войны с вермахтом. Тем самым бандеровцы затягивали Вторую мировую войну, помогая немцам держать Восточный фронт. Гибли в боях бойцы Красной армии. А внутри Третьего рейха продолжала работать машина массового уничтожения. И в этом тоже есть доля вины бандеровцев.

Отряды УПА численностью от 300 до 500 человек пытались нападать на колонны молодежи, мобилизованной в Красную армию и отправленной на призывные пункты. Обстреливали из укрытий военнослужащих. Нападали на военный транспорт. Минировали железнодорожное полотно, разбирали сотни метров железнодорожных путей, подпиливали рамы мостов. Профессионалы отмечали, что оуновцы продуманно ведут пулеметный, винтовочный и минометный огонь, умело организуют оборону, отрывают окопы и ходы сообщения в полный профиль... Оуновцы убивали всех, кто представлял советскую власть или сотрудничал с ней: директоров машиннотракторных станций, районных чиновников, занимавшихся хлебопоставками, сельский актив. Поляков вырезали целыми селами, дома их сжигали, имущество забирали.

Руководитель республики Никита Сергеевич Хрущев негодовал. Он пребывал в уверенности, что подавить сопротивление оуновцев не составляет большой сложности. Еще не осознавал, с кем имеет дело. 5 января 1945 года он выступил на совещании секретарей райкомов, начальников райотделов госбезопасности и внутренних дел Ровенской области:

— Я прямо ставлю задачу и требую: до 1 марта расправиться с вооруженными бандитами и ликвидировать их. После 1 марта мы будем наказывать руководство за то, что оно позволит в своем районе какое-нибудь бандпроявление, нападение на наш актив.

Когда во Львов приехал Хрущев, собрали первых секретарей райкомов партии и председателей райисполкомов. Никита Сергеевич инструктировал аппарат:

— Здесь, в Львовской области, как и в других западных областях, бандеровские кадры старые, испытанные. Вы их не переубедите.

Их нужно арестовывать и судить. Не может быть, чтобы крестьянин не знал своих бандитов. У крестьянина, если пропадет гуска, он знает, кто украл его гуску, он знает, кто у него ворует яблоки или мед. Чтобы вас уважал народ, надо показать свою силу в селе, которое особенно поражено бандеровцами. Нужно завести своих людей, свою агентуру, узнать о наиболее враждебно настроенных, выселить их — и прямо днем, не стесняясь. Раз боятся Сибири, прямо и говорить, что в Сибирь их

выселяем.

Продемонстрируйте свою силу, требовал Хрущев:

— Один чекист, хороший парень, рассказывал мне, что в хате находился бандеровец и они ничего с ним не могли сделать, так как он спрятался за жену, а жена беременная, он из-за нее и стреляет. Один

из наших все-таки как-то смог попасть ему в ногу... А я говорю: чудаки! Бандит не жалеет ни своей жены, ни ребенка. А мы боимся в него стрелять, потому что он спрятался за жену. Вот и скажет народ, что большевики не львы, а куры, нас никто не будет уважать .

Через месяц на собрании львовского областного партийного актива Хрущев вновь вернулся к этой теме:

— Товарищи, в борьбе с оуновцами мы имели большие недостатки и в 41-м году, когда наши партийные товарищи страдали либерализмом. Либерализмом страдали и наши партийные работники, и работники НКВД, и НКГБ. Надо громить врага, надо обязательно громить и тех, кто укрывает бандитов. Надо выселить целые села. Разве можно допустить, чтобы абсолютное большинство населения Западной Украины сочувствовало оуновцам?

Поляки надеялись на восстановление довоенных границ, рассчитывали, что в состав Польского государства вновь войдут Западная Украина и Западная Белоруссия. Но Сталин решил иначе.

1 марта 1944 года Хрущев, выступая на сессии Верховного совета СССР, сказал об этом ясно и определенно:

— Сейчас, когда уже виден конец разгрома немецко-фашистской армии, на законные права народа Украины посягают наши некоторые незадачливые соседи. Товарищи депутаты! Я хочу по этому вопросу сказать несколько слов . Как вам известно, польское эмигрантское правительство в Лондоне предъявляет свои незаконные претензии на земли, принадлежавшие украинскому народу, — на западные области Украины. Украинский народ не допустит того, чтобы исконно украинские земли, воссоединенные в едином государстве по воле самого же населения западных областей Украины, были бы отторгнуты от Советской Украины.

Зал откликнулся бурными продолжительными аплодисментами.

В 1944 году польские коммунисты договорились с Москвой и Киевом: поляки уйдут с Волыни и Галиции, украинцы оставят Бещады и Хельмский край. Началось переселение народов. Договор об эвакуации украинского населения с территории Польши, а польских граждан с территории СССР подписали 9 сентября 1944 года в Люб-лине председатель Совнаркома Украины Хрущев и глава Польского комитета национального освобождения

Эдвард Осубка-Моравский.

В 1944 году Сталин формально предоставил национальным республикам право ведения внешних сношений, в марте был образован Наркомат иностранных дел СССР. Пост наркома достался драматургу Александру Евдокимовичу Корнейчуку, автору понравившейся Сталину пьесы «Фронт». Подписанный Хрущевым договор с Польшей был его первым опытом в межгосударственной сфере. Уполномоченным по исполнению соглашения назначили молодого тогда Николая Викторовича Подгорного, которого ждала большая карьера.

— Мы заинтересованы в том, чтобы поляки выехали, — внушал Хрущев львовским партийным работникам, — пусть выезжают.

Но нужно проводить их не врагами. Мы хотим установить дружеские отношения с польским народом, поэтому надо сделать, чтобы поляки поехали, но не нашими врагами.

Выступавшие на совещании жаловались, что поляки Львов покидать не хотят.

— Я уверен, что лондонское эмигрантское правительство дало директиву не выезжать, — объяснил Никита Сергеевич, — потому что там знают: если поляки выедут, то всякая почва уходит для оспаривания этой территории. В самом Львове, я думаю, большинство поляков будет прислушиваться к Лондону, и я уверен, что будет директива сидеть здесь и готовиться для борьбы за включение этой земли в состав Польского государства. Конечно, это чепуха, этого никогда не будет. Границы установлены, и вопрос решен...

Поляки действительно не хотели уезжать из мест, где родились и выросли. 16 июля 1945 года Хрущев выступал во Львове на совещании секретарей обкомов, начальников областных управлений НКВД И НКГБ западных областей:

— Советское правительство добилось успешного разрешения польского вопроса, в результате чего победило наше толкование Ялтинского соглашения. Я убежден, что часть бандпроявлений, которые мы имели, совершены польскими националистами. Но так как мы поляков мало ловили, то это идет на счет украинских националистов. Нужно сейчас взять хорошенько под наблюдение деятельность поляков, усилить чекистскую работу. Необходимо тех людей, которые у нас на подозрении и есть факты об их реакционной деятельности, арестовывать.

Значительная часть местных жителей принадлежали к униатской, то есть грекокатолической церкви. Собственная церковь делала обитателей западных земель обособленной общностью. Предстоятель униатской

церкви митрополит Галицкий и архиепископ Львовский Андрей (Шептицкий) пользовался на Западной Украине непререкаемым авторитетом. Церковь воспринималась западными украинцами как оплот национального духа.

В 1941-м во Львове — центре униатской церкви — духовенство встречало немецкие войска повсеместным звоном колоколов, вручением хлеба и соли, благодарственными речами в адрес фюрера. Советская власть однозначно считала униатскую церковь цитаделью антисоветизма. Униатские священники подозревались в поддержке ОУН-УПА, националистического подполья.

В начале января 1945 года глава Украины Хрущев провел совещание во Львове. Высказался и относительно религиозных дел:

— Нужно знать, сколько у нас православных приходов, сколько католических, сколько униатских, посмотреть монастыри, что там за люди .

— У нас в монастыре около двухсот монахов, — информировал Никиту Сергеевича один из руководителей областного управления госбезопасности.

— Давайте их переселим в Воркуту, — предложил Хрущев.

В Наркомате госбезопасности УССР пришли к выводу, что «грекокатолическая униатская церковь в том виде, в каком она существует в настоящее время, является чуждой нам по влиянию легальной резидентурой Ватикана и активно действующей украинской националистической организацией на нашей территории». Задачу сформулировали так: полностью ликвидировать униатство на советской территории, оторвать грекокатоликов от Ватикана и воссоединить с Русской православной церковью. НКГБ Украины провел грандиозную оперативную комбинацию, которая привела к развалу униатской церкви. Нарком госбезопасности генерал-лейтенант Сергей Романович Савченко доложил Хрущеву, что сформирована Центральная инициативная группа по переводу униатских приходов в православие в городе Львове.

Хрущев, проводя 16 июля 1945 года совещание во Львове, с удовлетворением отметил:

— Об униатах. С ними получилось замечательно. Удар, который мы нанесли по руководству униатов, явился очень удачным. Нам нужно поддержать инициативную группу по переходу в православную веру. Из двух зол выбирают меньшее. Нам выгодно, чтобы униаты перешли в православную веру. Это политика — чтобы оторвать от Рима...

Седьмого декабря 1945 года патриарх Московский и Всея Руси Алексей (Симанский) отправил письмо председателю Совета по делам

Русской православной церкви при СНК СССР генерал-майору госбезопасности Георгию Григорьевичу Карпову: «Мы не будем настаивать на быстром и насильственном изменении внешних форм богослужения и даже внешнего вида священнослужителей (одежда, бритье бороды и усов). Важно существенное: православный символ веры; непоминование Папы, а поминование Патриарха и своего православного епископа как знак единения с православной церковью; празднование пасхи по Восточной пасхалии; принятие православного календаря с прекращением чествования католических святых».

Менее чем через две недели, 18 декабря, нарком С. Р. Савченко отправил записку союзному наркому госбезопасности В. Н. Меркулову:

«Мы пришли к выводу о необходимости созвать “общегалицкий” собор. Ликвидировать посредством его унию, оформить разрыв с Ватиканом и окончательно воссоединить грекокатолическую церковь с русской православной. Собор мы считаем политически и практически целесообразным провести после выборов в Верховный Совет СССР, то есть ориентировочно во второй половине февраля или первой половине марта 1946 года.

Для проведения собора просьба войти с ходатайством к Правительству СССР об отпуске 500 тысяч рублей — с тем, чтобы эта сумма была переведена Московской патриархии, которая, в свою очередь, должна перевести деньги в адрес Центральной инициативной группы».

Работа собора во Львове началась 9 марта 1946 года с православного богослужения в кафедральном соборе Святого Юра, который был центром униатства. После богослужения православные епископы приступили к церковно-каноническому воссоединению делегатов собора с православием. Была зачитана специальная молитва. Каждый из делегатов исповедовался у епископа и был благословлен уже как православный священник. Униатская церковь прекратила свое существование. Делегацию собора приняли Хрущев и председатель Верховного совета Украины Михаил Сергеевич Гречуха. Спецоперация завершилась. И только через много лет станет ясно: униатская церковь не исчезла, а ушла в подполье, и со временем окажется объединяющей силой в противостоянии московской власти...

Борьба с повстанческим подпольем продолжалась. Руководитель Советской Украины старательно демонстрировал жесткость. 20 мая 1945 года заместитель наркома внутренних дел СССР комиссар госбезопасности 2-го ранга Василий Васильевич Чернышов направил своему начальнику Лаврентию Павловичу Берии докладную записку :

«НКВД СССР получено на заключение письмо секретаря ЦК КП(б)У

тов. Хрущева и проект Указа Президиума Верховного Совета СССР “О применении каторжных работ в качестве меры наказания”.

Тов. Хрущев в своем письме пишет, что есть такие случаи в судебной практике, когда лишение свободы на 10 лет является слишком мягким наказанием и суды в этих случаях вынуждены применять расстрел, не имея в своем распоряжении иного более сурового наказания, чем 10 лет лишения свободы.

В связи с этим тов. Хрущев предлагает почти по всем статьям Уголовного Кодекса, предусматривающим в виде предельной санкции высшую меру наказания, дополнительно ввести осуждение к каторжным работам на срок от 15 до 20 лет.

Эта мера наказания тов. Хрущевым мотивируется также желанием сохранить физически здоровых людей для использования на работах в отдаленных и особо тяжелых местностях Советского Союза.

Докладываю наши соображения:

1. Каторжные работы, как специальная мера наказания, введена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года за преступления, совершенные в военное время, применяются к лицам — пособникам врагу в расправах и насилиях над гражданским населением и пленными красноармейцами.

За все время применения данного Указа осуждено к каторжным работам немного более 29 тысяч человек.

Широкое распространение новой тяжелой санкции наказания в виде каторжных работ к концу победоносной вой-ны вряд ли явится целесообразным. Тем более, что фактическое применение высшей меры наказания за последние годы было очень незначительным и в случаях действительно крайней нужды.

2. Опыт принуждения к каторжным работам, проводившийся до настоящего времени, показывает, что большое число осужденных каторжников является нетрудоспособными (из 29 000 человек почти 10 000 нетрудоспособны) и не могут быть привлечены ни к каким работам, в том числе каторжным. В целях реальности наказания пришлось бы в законе “О введении каторжных работ” делать оговорку о применении этой санкции только к физически здоровым людям, что осложнило бы на практике работу судов, а закон сделало бы менее устойчивым.

3. Применение труда каторжников в условиях лагерей НКВД СССР является сложным, так как из одних каторжников, как правило, укомплектовать производственный лагерь невозможно и приходится добавлять специалистов из вольнонаемных или осужденных к другим

мерам наказания.

Опыт работы с каторжниками в Воркутинском угольном лагере показывает, что осужденные к каторжным работам на 15—20 лет в условиях специального режима для каторжников теряют перспективу выдержать до конца срока, 15—20 лет, режим и условия каторжных работ. Отсюда моральная подавленность и полное отсутствие стимула для труда, а в результате труд каторжников значительно менее эффективен, чем труд обычных лагерников, при этом потеря трудоспособности через 5—6 лет почти обязательна.

Исходя из вышеизложенного, считал бы целесообразным предложение тов. Хрущева не принимать».

Недовольный Никита Сергеевич объяснял чекистам, как следует работать:

— Я придаю большое значение служебным собакам. Надо с товарищами [министром внутренних дел СССР С. Н.] Кругловым и [министром госбезопасности В. С.] Абакумовым поговорить, может быть, в войсках взять. Надо, чтобы из других республик помогли лучшими, хорошо дрессированными собаками. Преследовать бандитов в лесах — собаки лучшее средство, потому что собака ведет по следу. Охотники ими пользуются, а тут некоторая аналогия есть...

Идея использовать служебных собак Хрущева не оставляла. Через несколько лет, в марте 1949 года, на межобластном совещании он вновь к ней вернулся:

— Это замечательное животное и незаменимое. Говорят: снег стаял и трудно искать бандита. А вы возьмите собаку, она по свежему следу поведет вас прямо к схрону. Вы найдете свою дичь.

Он обратился к заместителю министра госбезопасности УССР генерал-майору Виктору Александровичу Дроздову:

— Товарищ Дроздов, разве не можем завести на Украине несколько десятков хороших собак? Посмотрите, как мы напугаем бандитов! Бандит оставляет след, а пес найдет. Если этот слух разнесется, то во всяком случае будет полезен.

В зале смех.

— Оуновцы, наверное, удивляются, почему чекисты не пользуются собаками. Немцы против наших партизан часто применяли собак. Партизаны жаловались, что им очень трудно бывало.

Хрущев требовал от чекистов вести себя храбрее:

— Надо, товарищ Савченко, предложить некоторым нашим людям переодеваться в штатское, ходить по ночам. Бандиты ходят ночью по двое и

не боятся, а почему наши люди должны обязательно ходить со взводом? Надо маскироваться, переодеваться, чтобы проникать в район без чекистской формы, которая демаскирует людей. И надо улучшить работу с дворниками, иметь свою агентуру. Поставить лучше обслуживание города, следить за передвижением, выявлять беспаспортных. Паспортный режим во Львове имеется, его надо только усилить.

— Существовал здесь режим так называемой запретной зоны, — с надеждой в голосе подсказал первый секретарь Львовского обкома партии Иван Самойлович Грушецкий.

— Этого нельзя, — осадил хозяина области Хрущев. — Тогда вы в городе поставите такую цепочку, чтобы никто не выезжал и не приезжал. Но это город, где живет народ. Мы призваны обслуживать народ, служить. И нельзя создавать такие условия, чтобы никто не приезжал и не выезжал ради того, чтобы нашим бюрократам легче жилось. Нельзя, чтобы десять или сто бандитов держали в напряжении полмиллиона людей. Уж вы действительно преувеличиваете силы врага.

Хрущев советовал партийным работникам и чекистам:

— Нужно, чтобы секретари обкомов и начальники управлений НКВД и НКГБ и, соответственно, районные руководители, составили справки — списки банд. Сводки, которые я получаю от вас, очень скудные, от них уже мутит, там столько пишут глупостей. Некоторые из вас подписывают, не читая, а я должен читать.

Начальники райотделов жаловались, что у них нет автотранспорта. Пока войска приезжают в село, бандиты уже ушли в лес:

— Мы пешком идем, машины у нас нет.

Хрущев недовольно отвечал:

— Банды тоже не на машинах! На машины не рассчитывайте, машин не дадим. А нужно за счет увеличения скорости вокруг своей оси.

Еще не закончилась война, а Хрущев, выступая 6 января 1945 года во Львове на совещании секретарей обкомов, начальников областных управлений НКВД И НКГБ западных областей, призвал:

— Нужно провести перепись населения каждого села и хутора... Такой-то где — не знаем. Значит, сказать, что предупреждаем: если не явится, ну, предположим, через десять дней, вся ваша семья будет выселена. Распишитесь в том, что вам об этом объявлено. Это, конечно, наведет страх, ну, а нам это и нужно.

Хрущев советовал руководителям карательных органов: среди бела дня вызывайте уважаемых в селе людей в райотдел, а потом распускайте слухи о том, что они сотрудичают с чекистами. За это бандеровцы

убивали. Никиту Сергеевича это, похоже, не смущало. Из его выступления 19 сентября 1946 года на межобластном совещании секретарей обкомов, начальников областных управлений госбезопасности и внутренних дел:

— Нужно выезжать в села, вызвать 5—10 человек, в том числе можно вызвать несколько кулаков. Мы имели случаи, когда вызывали кулаков , говорили с ними о хлебе, а потом бандиты приходили к ним и убивали. Пусть уничтожат несколько кулаков. Если бандиты начнут применять массовый террор, то народ вынужден будет еще более активно стать вокруг нас.

Никита Сергеевич настаивал на том, чтобы партийные работники контролировали чекистов:

— От секретарей обкомов мы требовали, чтобы они знали о состоянии работы с агентурой, требовали улучшения этой работы. И это правильно . Ведь партийный руководитель стоит выше, чем работник МГБ, он более развит, имеет больший опыт, лучше подготовлен политически. Кто контролирует работу МГБ? Как правило, только вышестоящие начальники. Я считаю, что партийные руководители должны проверять работу органов МГБ. Нужно сговориться с товарищем Абакумовым и определить, как нужно проверять агентурную работу органов МГБ . Агентурная работа — это главное в борьбе с украинско-немецкими националистами.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ДО И ПОСЛЕ СМЕРТИ СТАЛИНА

Хрущев пытался наладить жизнь на Украине. Получалось не очень. Выступая на совещании по производству товаров широкого потребления, он демонстрировал товары, выпускаемые промышленностью республики:

— Вот, товарищи, мне дали детские ботиночки. Эти ботиночки надеть ребенку невозможно, потому что гвозди в пятку впиваются. Это мелочь, сам потребитель может это исправить, но зачем же фабрика выпускает товар, который в магазине надеть на ногу нельзя? Вот кукла. Какая уродливая кукла! Такие куклы сделаны не для развлечения детишек, а для того, чтобы их пугать.

Вместе с Кагановичем. И без него

Жизнь на освобожденной от оккупантов территории была крайне тяжелой. Даже столицу республики — Киев — не сразу смогли восстановить. Первомайская демонстрация шла по Крещатику, но самого Крещатика фактически не существовало, вместо домов — руины.

— Вчера ехал по одной улице, — негодовал Хрущев, — и видел, как лежали два инвалида с костылями и просили милостыни. Это позор! Почему такое допускают? Я считаю, что это недосмотр милиции. Молодые люди, а просят милостыню. Куда это годится? Что мы, не можем инвалидов устроить? Есть среди них и неплохие люди. Но они морально опустились. Надо их выравнивать, надо поработать с ними.

Никому не нужных инвалидов войны не только в Киеве, а по всей стране милиция убирала с улиц, чтобы они своим видом не портили настроение начальству.

Никита Сергеевич приехал в Ровно. На совещании отчитал первого секретаря обкома Василия Андреевича Бегму:

— Город приведите, товарищи, хотя бы в относительный порядок. Заезжаю в райком. Кто будет уважать таких людей? Сидят — холод, грязь, стыдно смотреть. Заезжаю в другой райком — лестница и окна разбиты, помои выливают здесь же. В старое время за это бы посадили. И секретаря райкома за это надо бы посадить на десять суток, чтобы ему жена приносила обед в каталажку. Наведите порядок, товарищи! Товарищ Бегма, проверьте — это дело государственное. Некоторые были, которые говорили, что это буржуазные предрассудки, без мытья жить можно.

В зале охотно смеялись.

— Я рабочий, котлету рукой буду есть, — с готовностью подтвердил Алексей Илларионович Кириченко, секретарь ЦК компартии Украины. Недовольный Хрущев оборвал его:

— У хорошего культурного рабочего квартира была чистенькая, и сам одевался бедно, но по возможности чисто, аккуратно.

Никита Сергеевич остался крайне недоволен областным руководством:

— Город нужно привести в порядок. Ровно отопить надо. Что вы за руководители? Как вас городское население может уважать, когда вы никакой заботы не проявляете? Я приехал в Чертков — совещание в театре. Пришел, снимаю пальто, но мне говорят: «Товарищ Хрущев, не снимайте пальто, там холодно». Зашел — холод ужасный. Секретарь обкома

приглашает: «Оставайтесь, вечером у нас спектакль будет, хорошие актеры выступают». Я говорю: «Товарищи, мне стыдно будет смотреть, как будут корчиться от холода актеры, а тут сидит председатель Совнаркома Украины^[15]». Это просто позор. Избавьте меня от этого несчастья! Вы ждете меня, чтобы я приехал и сказал, что надо убирать уборную? Это каждой женщине известно, что надо убирать, чтобы было чисто...

В Тернопольской области неспособность секретарей райкомов обустроить здания собственных партийных комитетов вызвала нескрываемое раздражение хозяина республики:

— В таком состоянии помещение райкома партии может держать только плохой хозяин. Это же позор: окна разбиты, перекошены, грязные. Кто из коммунистов может уважать руководителя, если он не в состоянии помещение отопить? Коммунисты говорят: лучше бы вы замерзли, тогда другие пришли бы вместо вас!

Зал заплодировал.

В каждой области Хрущеву наперебой жаловались на невозможность обеспечить людям элементарно комфортную жизнь. Секретари райкомов робко информировали Никиту Сергеевича о том, что им не только газеты, но и срочные телеграммы из обкома не доставляют. Хрущев злился:

— Почему так выходит? Четыре раза в месяц районы получают газеты. Куда это годится? Во время Екатерины почта работала лучше, а машин тогда не было. Болтаем, болтаем, а воз и ныне там. Газет не даем, связи не даем. Куда это годится!

— У нас нет кино, — робко обратился к нему один секретарь райкома. — Сколько ни ставили этот вопрос, ничего не выходит. Я поехал сам в трест кинофикации и взял аппарат. Но вот уже две недели, как киномеханик испортил аппарат. Сами не можем отремонтировать. И сколько я ни просил мастера прислать.

Хрущев вышел из себя:

— Что, без меня нельзя решить этот вопрос? Что это за обком такой безрукий!

Он не переставал поражаться беспомощности и неумелости своих подчиненных. Это удивление не оставит его до самого конца политической карьеры. Предположить, что это неминуемое следствие кадровой политики советской системы, он себе позволить не мог.

Осенью 46-го начался жестокий голод. Это был тяжелейший год — из-за небывалой засухи собрали втрое меньший урожай, чем рассчитывали. 16 сентября 1946 года Совет министров СССР поднял цены на товары, которые продавались по карточкам. 27 сентября вышло Постановление

Совмина СССР и ЦК ВКП(б) «Об экономии в расходовании хлеба» — оно сокращало число людей, которые получали карточки на продовольствие. Лишиться карточек было тяжким ударом: чем кормить семью? Купить в магазинах было нечего!

Зато номенклатура обосновывалась со всеми удобствами.

Обустройством быта Хрущева занимались на высшем уровне. В феврале 1945 года было принято Постановление Политбюро ЦК КП(б) Украины под высшим грифом секретности «Особая папка»:

«а) Создать спецбазу Наркомата торговли при Шестом отделе НКГБ УССР (с которой питается член Политбюро ЦК ВКП(б)). Открыть для этой базы отдельный счет и выделить оборотные средства;

б) выдавать наряды на необходимый ассортимент продуктов, а также на промтовары через Совнарком УССР и наркоматы, по заявкам начальника Шестого отдела НКГБ УССР;

в) при спецбазе создать подсобное хозяйство, портняжную и сапожную мастерские».

Упомянутый 6-й отдел НКГБ Украины ведал охраной члена Политбюро ЦК ВКП(б) Хрущева, отвечал за продовольственное снабжение Никиты Сергеевича и его семьи, нанимал сапожников и портных, которые шили ему обувь и одежду...

Когда карточную систему, введенную во время войны, отменили, это сказалось и на положении номенклатурных работников. В соответствии с указаниями Москвы украинские ЦК и Совет министров 14 января 1948 года приняли Постановление:

«1. Отменить с 1 января ныне действующий порядок бесплатного отпуска продовольствия, выдачу денежно-продовольственных лимитов на промтовары руководящим советским и партийным работникам.

2. Прекратить расходование средств из фонда улучшения социальнобытового обслуживания на бесплатный отпуск продуктов на дачи и другие виды бесплатной выдачи продовольствия и промтоваров руководящим советским и партийным работникам.

3. Установить с 1 января руководящим советским и партийным работникам УССР, которые получают в настоящее время бесплатно продовольствие, выдачу дополнительно к получаемой ими заработной плате временного денежного довольствия в размере от 2-х до 3-х должностных окладов в месяц».

Партийное начальство продолжали снабжать закрытым порядком. Только за продукты и одежду теперь нужно было платить. Но оклад у первого секретаря обкома был высоким, а цены низкими. Вопрос о деньгах

не стоял.

Хлебозаготовки 1946 года оставили Украину без хлеба. Однако же в нехватке хлеба обвиняли колхозников, «разбазаривавших государственный хлеб». Пересажали председателей колхозов. Сталин приказал выкачивать зерно и оставил деревню без хлеба.

«Голод 1946 года как бы продолжал трагедию голодомора 1933 года, — вспоминал секретарь ЦК КПУ Александр Семенович Капто. — Умерших не успевали выносить не только из сельских хат. Они лежали у забора, у опустевшего магазина, просто во дворе. Многие высохли настолько, что тела, казалось, хватало только для заедавших вшей, другие опухли до неузнаваемости».

По данным органов внутренних дел республики, к лету 1947-го больше миллиона человек страдали от дистрофии. Триста с лишним тысяч, надеясь спасти, госпитализировали. 46 тысяч жителей Украины умерли от голода. Попытки Хрущева добиться от Сталина выделения хлеба успехом не увенчались. Никита Сергеевич представил вождю записку с описанием бедственной ситуации в республике. 20 октября 1946 года он получил уничтожающий ответ:

«Тов. Хрущеву

Копия: членам и кандидатам Политбюро

Я получил ряд Ваших записок с цифровыми данными об урожайности на Украине, о заготовительных возможностях Украины, о необходимом количестве пайков для населения Украины и тому подобное.

Должен Вам сказать, что ни одна из Ваших записок не заслуживает внимания. Такими необоснованными записками обычно отгораживаются некоторые сомнительные политические деятели от Советского Союза для того, чтобы не выполнять задания партии.

Предупреждаю Вас, что если Вы и впредь будете стоять на этом негосударственном и небольшевистском пути, дело может кончиться плохо».

Хлебная история не прошла Хрущеву даром: Никита Сергеевич попал у Сталина в опалу. В марте 1947 года вождь лишил его положения единоличного руководителя республики. Формально произошло разделение постов первого секретаря ЦК КП(б) Украины и председателя Совмина: Хрущев остался главой республиканского правительства, а первым

секретарем украинской Компартии Сталин отправил в Киев своего проверенного соратника — члена Политбюро ЦК ВКП(б) Лазаря Кагановича.

Одновременно секретарем ЦК республики по сельскому хозяйству назначили Николая Семеновича Патоличева, начальника Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б). Они вместе с Кагановичем 3 марта 1947 года на поезде двинулись в Киев. На вокзале их провожали родственники и многочисленные подчиненные. «Настроение у Кагановича было великолепное, — вспоминал Патоличев. — Он безмерно радовался назначению на Украину. Со многими обнимается, жестикулирует, громко смеется, шутит. К некоторым подходит прощаться по два-три раза. Впопыхах попрощался даже со мной».

Николай Семенович принял безудержный энтузиазм Лазаря Моисеевича за чистую монету. На самом деле едва ли Каганович стремился на Украину. Ему не хотелось покинуть столицу и отдаляться от Сталина. Но по въевшейся в плоть и кровь привычке демонстрировал счастье и радость при исполнении нового указания вождя. Потому и выжил. А если бы позволял себе выражать сомнение в мудрости сталинских назначений и поручений, отправился бы в мир иной вслед за многими другими членами Политбюро.

Освобожденный от партийной должности Хрущев сказал, что «доволен приездом Лазаря Моисеевича», но затаил обиду. Каганович с его бешеным темпераментом снимал тех, кто ему не нравился, и продвигал новых людей. Он был резким и жестким, мог вспылить и накричать... Но Сталин недолго продержал его на Украине. Лазарь Моисеевич в том же году вернулся в Москву, и в декабре Хрущев вернул себе должность первого секретаря республиканского ЦК. Правда, пост председателя Совмина пришлось уступить, его занял Демьян Коротченко, уже возглавлявший украинское правительство в 1938—1939 годах.

Вновь возглавив Компартию, Хрущев 17 января 1948 года отправил Сталину записку с предложением издать закон о мерах воздействия колхозной общественности на «преступные и паразитические элементы на селе». Доложив об успехах колхозного строительства на Украине, он попросил помощи в борьбе с теми, кто «не желает приобщаться к общественно полезному труду, а живут тунеядцами на шее у честных колхозников — многие разложились и встали на порочный путь еще во время немецкой оккупации и не хотят возвращаться к честному труду». Никита Сергеевич хотел получить право изгонять «сомнительных» людей из республики: «Мне кажется, следует издать закон, которым предоставить

общим собраниям колхозников или общим собраниям крестьян села право выносить приговоры о выселении из села за пределы Украинской ССР наиболее злостных и неисправимых преступников».

Союзные министры госбезопасности В. С. Абакумов и внутренних дел С. Н. Круглов в 1948 году выполнили директиву Политбюро ЦК ВКП(б) о высылке с Украины «вредных элементов в деревне, которые могут подорвать трудовую дисциплину в сельском хозяйстве, угрожать своим пребыванием в селе благосостоянию колхоза». Фактически это было решение о новом раскулачивании.

Под началом Хрущева делал карьеру Леонид Ильич Брежнев. Через год после войны, 18 июня 1946 года, его уволили в запас, а 30 августа утвердили первым секретарем Запорожского обкома и горкома КП(б)У. Вторым секретарем сделали Андрея Павловича Кириленко, который на многие годы станет его верным соратником. Кириленко был человеком надменным и сухим, но, разумеется, не с начальством. У них с Брежневым сложились дружеские отношения, сохранившиеся до конца жизни.

Город был совершенно разрушен войной. Пострадал крупнейший в стране металлургический завод «Запорожсталь». Знаменитая Днепровская гидроэлектростанция была взорвана. Восстановительные работы начались еще до Брежнева, но «Запорожсталь» никак не удавалось запустить. Начальником строительства утвердили Вениамина Эммануиловича Дымшица, потом он станет заместителем председателя Совета министров СССР. Брежнев ценил его строительные таланты и полностью ему доверял.

Леонид Ильич запомнился человеком, который не хотел себя утруждать и отлынивал от работы. Но это произошло, когда он стал пожилым. А пока был молодым и еще только поднимался по карьерной лестнице, сил не жалел.

Брежнев и Дымшиц рапортовали Сталину о восстановлении первой очереди «Запорожстали». Леонид Ильич получил свой первый орден Ленина. Как положено, его выдвинули в депутаты областного совета и в Верховный совет Украины. Но в Запорожье он не задержался.

Каганович и Хрущев перевели понравившегося им Брежнева в Днепропетровскую область, одну из крупнейших на Украине. Днепропетровск Леонид Ильич нашел в столь же бедственном положении, что и Запорожье, — шахты затоплены, заводы разрушены, дома сожжены, центр города лежал в руинах. «Города по существу не было, — вспоминал крупный партийный работник Федор Тимофеевич Моргун, который после войны учился в Днепропетровском сельскохозяйственном институте, — город был мертв. Водопровод и транспортные коммуникации

бездействовали». Восстановлением города днепропетровцы в немалой степени обязаны Брежневу. Работа в Днепропетровске оставила у Леонида Ильича добрый след в памяти. Он всегда с удовольствием приезжал в город, заходил в обком, где был равно внимателен со всеми — от уборщицы до первого секретаря. У него была завидная память на лица. Впоследствии в особом фаворе оказались те, кто начинал с ним в Днепропетровске. Преданные Брежневу люди, они составили костяк его команды. Будущий член Политбюро ЦК КПСС и глава Советской Украины Владимир Васильевич Щербицкий начинал свою партийную карьеру на родине Леонида Ильича в Днепродзержинске, а потом его еще и перевели в Днепропетровск, где он сменил Кириленко. Дружеские отношения с тех пор связывали всех троих — Брежнева, Кириленко, Щербицкого.

В июле 1950 года Леониду Ильичу пришлось распрощаться с Днепропетровском. Никите Сергеевичу Хрущеву поручили подыскать нового первого секретаря для Молдавии. Он отправил в Кишинев Брежнева. На пленуме ЦК компартии Молдавии зачитали представление ЦК ВКП(б):

— Товарищ Брежнев в партии свыше двух десятков лет, молодой сравнительно товарищ, сейчас в полной силе. Он землеустроитель и металлург, хорошо знает промышленность и сельское хозяйство, что доказал на протяжении ряда лет своей работой в качестве первого секретаря обкома. Человек опытный, энергичный, моторный, он прошел всю войну, у него есть звание генерала, и руку он имеет твердую...

Возращение в Москву

В конце 1949 года первый секретарь ЦК Компартии Украины Никита Сергеевич Хрущев поехал во Львов. В Лесотехническом институте он провел митинг, посвященный убийству писателя Галана. Прозаик, драматург и публицист Ярослав Александрович Галан был последовательным противником украинского национализма и поклонником советского строя. После войны он писал страстные статьи против ОУН и УПА и антицерковные памфлеты. Националистическое подполье ненавидело писателя. В октябре 1949 года оуновский боевик 11 раз ударил гуцульским топором Ярослава Галана в его собственной квартире. Это была месть за его статьи против униатской церкви. Боевика поймали, судили и приговорили к смертной казни.

Во время выступления Хрущеву передали записку, что Сталин просит позвонить. Хрущев закончил речь, поехал на временную квартиру, на которой остановился во Львове. Здесь была развернута ВЧ-связь, Никита Сергеевич соединился с Москвой. Сталин только что вернулся из отпуска, в котором находился три месяца.

Ничего не объясняя, вождь спросил у Хрущева:

— Когда вы можете приехать в Москву?

— Если нужно срочно, могу завтра.

— Хорошо, — сказал Сталин и, по обыкновению не прощаясь, повесил трубку.

Разговор был настолько коротким, что опытный Хрущев встревожился: зачем вызывают, что его ждет в Москве? Позвонил главному кадровику Г. М. Маленкову, который знал все, что происходит в аппарате.

Георгий Максимилианович успокоил Никиту Сергеевича:

— Тебя вызывают из хороших побуждений. Подробности узнаешь, когда приедешь.

В Москве развивалась сложная интрига. В октябре 1949 года на имя вождя пришло письмо, под которым стояли заведомо придуманные подписи. В письме говорилось, что в Москве возник заговор против Сталина, совсем как в Ленинграде. А по «Ленинградскому делу» уже начались аресты высших чиновников и партфункционеров, которые, как показалось Сталину, позволили себе излишнюю самостоятельность. Многих ждал расстрел, остальных — лагеря и «волчьи билеты».

Теперь главной мишенью авторов малограмотного письма был

руководитель Москвы Георгий Михайлович Попов:

«Большевики Московской организации вполголоса заговорили, пока в кулуарах, о том, не пришел ли момент своевременного вскрытия давно назреваемого гнойника в головке нашей организации. Речь идет о весьма подозрительной политике, проводимой секретарем МК ВКП(б) т. Поповым...

Попов самый молодой из секретарей ЦК. Будучи одержим титовской манией вождизма, его одолевает мысль в будущем стать лидером нашей партии и народа.

На банкете по случаю 800-летия Москвы один из подхалимов поднял тост:

— За будущего вождя нашей партии Георгия Михайловича.

Присутствующий Попов пропустил мимо ушей и будто согласился с прогнозом. Тогда как нужно было одернуть дурака или после обсудить о его партийности.

Попов расставляет свои кадры везде, где может, с тем что бы в удобный момент взять баранку руля страны в свои руки. Таким образом, Попов соревновался с ленинградцами в расстановке “своих” людей. Шла подготовка к захвату лидерства. В Москве начали поговаривать, что Попову дорога расчищена на этом пути.

В кругах МК открыто говорят, что за плечами Попова тов. Сталин, и что пост великого вождя перейдет Попову».

Кем был Георгий Попов?

Весной 1938 года он окончил Промышленную академию, получил специальность «инженер по организации труда и производства». Но на производство не попал. В июле его откомандировали «в распоряжение ЦК ВКП(б)». Уже в ноябре он стал вторым секретарем МГК ВКП(б), а в декабре 1944 года стал также еще и председателем Исполкома Моссовета.

Попов был грубым и малограмотным. Но понравился вождю. В конце апреля 1945 года Сталин пригласил Попова вместе проехать по Москве на автомобиле. После прогулки сели обедать. Сталин изложил свои впечатления. Он хотел, чтобы из центра убрали трамваи, построили красивые дома и позаботились о том, чтобы город стал зеленым. Гордый доверием вождя, Георгий Михайлович распорядился о массовой посадке деревьев в центре столицы, в первую очередь на улице Горького (ныне Тверская). 12 июня 1945 года на Объединенном пленуме МК и МГК ВКП(б) Попова избрали первым секретарем обкома и горкома партии. На следующий год, 18 марта, на Пленуме ЦК он стал еще членом Оргбюро и секретарем ЦК ВК(б). Вождь поднял московского хозяина на вершину

власти.

— Он выдюжит, — уверенно сказал Сталин. — Он на тридцать лет моложе меня. У нас Москве сейчас главное внимание — пусть Попов и занимается.

Столичные власти пытались украсить жизнь горожан, но в их распоряжении были довольно скромные возможности. 31 марта 1947 года Попов в роли председателя Исполкома Моссовета подписал распоряжение об открытии коктейль-холла в доме № 32 по улице Горького. Это местечко станет знаменитым на всю страну и будет увековечено в литературе. Коктейль-холл был зримым свидетельством новой, невиданной жизни. Впрочем, многие воспринимали его как гнездо разврата.

Георгий Попов умело использовал юбилей столицы, чтобы укрепить свои позиции. Сталин разрешил ему в сентябре 1947 года с размахом отпраздновать 800-летие основания Москвы. От имени московской власти Попов устроил прием. Иностранные гости поразились роскошью (в скудное послевоенное время!) угощения. Меню сохранилось: икра зернистая, икра паюсная, расстегаи с рыбой, балык белорыбий, лососина малосоленая, раки в пиве, поросенок, галантин из пулярки, стерлядь волжская в шампанском, рябчики сибирские... Когда Попову показали вырезки из иностранных газет, он был раздражен:

— Они что, голодают там? Только о еде и пишут. А о выставках, канале, метро, новых домах — почти ни слова. Это же главное у нас!

Сталин верил, что молодой и напористый московский секретарь легко решит все проблемы, заниматься которыми вождю уже не хотелось. Акции Георгия Михайловича стремительно росли. Вокруг московского хозяина группировались московские прозаики и драматурги, готовые воспевать дела главы города. Стремительно делавший карьеру в писательском цехе Анатолий Софронов написал по заказу первого секретаря пьесу «Московский характер». Ее поставили лучшие театры страны — МХАТ и Малый. На спектакль Попов уговорил прийти Сталина.

Избалованный вниманием вождя, он даже с высокопоставленными чиновниками разговаривал высокомерно. Георгий Михайлович считал, что ему остался всего один шаг до олимпа — Политбюро. И этот шаг скоро будет сделан. Ошибся. 29 октября 1949 года Сталин из Сочи отправил записку оставшемуся на хозяйстве в Москве члену Политбюро и секретарю ЦК Г. М. Маленкову:

«На днях получил письмо, подписанное инженерами коммунистами завода имени Сталина Марецким, Соколовой, Клименко о недостатках в работе секретаря МК тов. Попова.

Я не знаю подписавших это письмо товарищей. Возможно, что эти фамилии являются вымышленными (это нужно проверить). Но не в этом дело. Дело в том, что упомянутые в письме факты мне хорошо известны, о них я получал несколько писем от отдельных товарищей Московской организации. Возможно, я виноват в том, что не обращал должного внимания на эти сигналы. Не обращал должного внимания, так как верил тов. Попову.

Мое предложение:

а) назначить комиссию Политбюро для проверки деятельности т. Попова с точки зрения отмеченных в письме трех инженеров фактов;

б) установить, чтобы не только секретари райкомов по Московской (и Ленинградской) областной и городской организаций, но и предрайисполкомы утверждались ЦК ВКП(б);

в) письмо трех товарищей, а также настоящее мое письмо разослать членам Политбюро и секретарям Цека».

Само «письмо троих», возможно, и появилось именно потому, что вождь уже выражал недовольство Поповым. Для формального разбирательства в деле первого секретаря Московского обкома и горкома нужен был повод, который и организовали с помощью письма. Вождь органически не был способен к искренности.

Машина закрутилась. 31 октября послание вождя разослали членам Политбюро и секретарям ЦК. 1 ноября сталинское распоряжение оформили Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б): «Поручить комиссии в составе тт. Маленкова, Берия, Кагановича и Сулова проверить деятельность т. Попова Г. М., исходя из указаний т. Сталина, изложенных в письме от 29 октября с. г.».

Позиция Сталина была ясна: снять Попова с должности. Так что задача комиссии упростилась — обосновать уже принятое решение. Через полтора месяца обвинительное заключение по делу Попова было готово. 7 декабря Сталин вернулся в Москву из отпуска. Он уже решил, кем заменит Попова. 8 декабря Попов отправил Маленкову письмо. Он напомнил о своем предложении переименовать улицы и площади Москвы — к юбилею Сталина — и выдвинул новое: «Присвоить товарищу И. В. Сталину звание почетный гражданин города Москвы». Попов плохо понимал вождя, который не собирался получать из рук своего подчиненного ненужные ему звания. 10 декабря Сталин в первый раз после отпуска принимал подчиненных в своем кремлевском кабинете. В половине десятого вечера к нему пришли члены Политбюро Л. П. Берия, Л. М. Каганович, Г. М. Маленков и секретарь ЦК М. А. Сулов. Они привели с собой Г. М. Попова.

«Он протянул мне пачку моих бумаг, — вспоминал сам Попов. — На верхнем листе синим карандашом было размашисто написано: “Все это чепуха!”».

Зачем Сталин напоследок пожелал увидеть своего прежнего любимца? Снятие Попова провели бы и без него. Наверное, хотел окончательно решить для себя, что делать со ставшим ненужным хозяином Москвы: ограничиться лишением должности или окончательно его уничтожить?

Через полтора часа Сулов увел Попова. А еще через 15 минут, в четверть двенадцатого, в сталинский кабинет запустили Хрущева, в жизни которого начиналась новая глава.

— В столице, — оповестил его вождь, — неблагоприятно. Мы бы хотели, чтобы Москва стала настоящей опорой Центрального комитета, поэтому предлагаем вам перейти сюда.

И добавил доброжелательно:

— Довольно вам работать на Украине, а то вы совсем превратились в украинского агронома.

Тринадцатого декабря 1949 года Политбюро постановило избрать Хрущева секретарем ЦК — для укрепления его аппаратных позиций.

В тот же день провели Объединенный пленум МК и МГК, собрали руководителей города и области. Г. М. Маленков зачитал постановление Политбюро «О недостатках в работе Попова Г. М.». Московские чиновники, затаив дыхание, слушали, как сокрушают многолетнего хозяина столицы.

Наверное, если бы Хрущев пожелал, Попов угодил бы в руки чекистов. Но Никита Сергеевич не пожелал затевать в Москве новую чистку. Он доложил, что безобразий в столице много, но контрреволюции нет. Хрущева избрали первым секретарем горкома и обкома. Провели партийный актив столицы.

Никита Сергеевич начал с шутки:

— Товарищи, мне, как молодому москвичу [смех, аплодисменты], выступать на активе, собранном по такому важному вопросу, довольно сложно. У меня сложилось такое мнение, что тов. Попов не понял своих ошибок. Партия наказала заслуженно, приди, раскрой себя и сделай все, чтобы не повторились ошибки.

Зал откликнулся возгласами «Правильно!» и зааплодировал. Это были те же люди, которые еще недавно встречали аплодисментами любое слово Попова. Хрущев же считал Попова неумным человеком и грубым администратором:

— Тов. Попов пошел по линии зазнайства. Большое доверие

вскружило голову. Я прямо скажу, я всегда с завистью смотрю на годы, когда мне пришлось работать в Москве. Почему? Потому что, работая в Москве, работник получает такое преимущество, как ни в какой иной организации: он может видеть и чувствовать близость Центрального комитета партии. Здесь имеется возможность слышать чаще товарища Сталина и руководствоваться непосредственно его указаниями. Могут мне сказать, что ты, тов. Хрущев, новый человек, так почему не лягнуть старого с тем, чтобы приукрасить свое будущее в области строительства. [Смех.] Нет, товарищи. Знаете, если неправильно лягнешь уходящего, то это лягание обернется против того, что лягает. [Смех.] Это неизбежно. Я не это преследую.

Никита Сергеевич обещал московским партийным кадрам полную поддержку и тем самым расположил к себе москвичей:

— На пленуме Московского комитета партии выступали секретари и говорили, что по три года добиваются приема у тов. Попова, чтобы встретиться и поговорить. Товарищи, это же немыслимое дело. Чтобы руководить такой большой партийной организацией, надо же знать кадры. Надо же знать имя, отчество, фамилию каждого из них, надо знать способности, понимание дела надо оценить. Тов. Попов не принимает секретарей райкомов. А ведь секретарь райкома — это центральная фигура.

Хрущев возглавил Московский обком, а первым секретарем столичного горкома сделал Ивана Ивановича Румянцева, который большую часть трудовой жизни провел на заводе № 24 имени М. В. Фрунзе: начал учеником фабрично-заводского училища, поработал токарем и слесарем, пошел по комсомольской линии и стал заместителем секретаря, секретарем парткома. После войны его сделали первым секретарем Ленинградского райкома партии в Москве. Хрущев предпочитал не профессиональных партийных работников, а людей с производства.

Вторым секретарем горкома утвердили молодого партийного работника Екатерину Алексеевну Фурцеву. Она была обязана внезапным повышением Хрущеву, который искал дельных работников.

Много внимания Никита Сергеевич стал уделять снабжению и обустройству бытового обслуживания москвичей: Москва — столица страны, ее визитная карточка. 14 декабря 1950 года он, выступая на московском активе, распекал чиновника, ответственного за поставку овощей в город:

— Вы критиковали сейчас двух секретарей райкомов. Вы не думайте, что я хочу их защищать. Они сами сильны и сами могут защититься, если в этом будет нужда. Но товарищ Федоров, дорогой мой, когда мы летом

собирались в МК и рассматривали вопрос о ходе заготовок овощей, я спросил, а где начальник, который занимается обеспечением Москвы. Мне ответили — я точно не помню, вы можете поправить — или в Кисловодске купается в кислых водах, или же в Сочи распаривается под южными лучами нашего замечательного кавказского солнышка. Тут надо возить огурцы, овощи, надо давать другие продукты, а начальник, который отвечает за это дело, большевик, видите ли, изволил уехать и там прохлаждается. Вы говорите, капусту завезли. Дорогой товарищ Федоров, если мы вас посадим — утром капуста, днем капуста, вечером капуста, сегодня капуста, завтра капуста, послезавтра капуста. Что вы скажете нам? Люди хотят получать овощи в ассортименте. У нас имеется пятьдесят тысяч тонн двух-и трехлетней капусты. Меня очень убеждали в том, что эта капуста отличного качества. [В зале смех.] Я товарищам советовал, которые меня в этом убеждали, давайте мы вас посадим на эту капустку. Как она может быть отличного качества, когда она годами киснет! Эта капуста может быть уже черной, заплесневелой, и потом она просто-напросто прокисла.

И вместо того, чтобы освежить от нее емкости, этого не делается потому, что по статистике у них не будет значиться столько-то тысяч тонн заготовленной капусты. Но от такой капусты блохи дохнут!

Хрущев негодовал по поводу беспорядков в городской торговле:

— Все остродефицитные товары (меховые шубы, хорошая обувь и шелковые ткани) в основном попадают к людям, которые работают в магазинах и близко находятся с заведующими секциями и складами, или же в руки перекупщиков, которые систематически ежедневно посещают магазин. Ремонт обуви, одежды, чистка должны быть организованы. Ведь почистить костюм, пятна снять — это надо иметь знакомства. Без знакомства вам не почистят.

Никита Сергеевич процитировал полученное им письмо: «Никак не назовешь московскую торговлю культурной. Не купишь ничего без очереди, даже папиросы или спички, везде очереди или к продавцу, или в кассу. В Центральном универмаге очереди бесконечные, давка, духота. Чтобы купить что-либо, надо несколько часов в этой костоломке попариться, да еще и не купишь, чего хочется. Так я не смог купить сыну костюм приличный. Не нашел жене резиновых бот и шелка подходящего на платье и себе костюм».

Хрущев требовал от секретарей горкома и райкомов контролировать ателье и мастерские, столовые и кафе, и прежде всего магазины:

— Возьмите дамские головные уборы. Мне дважды их приносили в

МК, выставку делали. Красивые шляпы, но сколько их делают? Что же за хорошей шляпой женщина пошла и стала навеки калеккой, она не пробьется через очередь. Нам нужно много миллионов хороших шляп, потому что всех московских женщин нужно обеспечить и приехавших в командировку в Москву мужчин, чтобы они сделали достойный подарок от хорошего мужа своей жене...

Строили тогда в столице кустарными методами, господствовал ручной труд. Хрущев добился централизации строительного дела. Объединив строительные организации, проектные институты и заводы строительных материалов, образовал управление жилищного строительства, управление культурно-бытового строительства, архитектурно-планировочное управление.

В городе катастрофически не хватало детских садов и яслей, больниц и поликлиник. За пару лет Хрущев удвоил объем строительства. Он поддерживал инженеров и строителей, предлагавших новые методы и новые материалы. 21 октября 1952 года Хрущев выступал на активе сотрудников Архитектурно-планировочного управления. Обсуждали, что и как строить в Москве. Многие были новинку.

— Правильно ли, что мы вводим мусоропроводы в жилье, или неправильно? — рассуждал с трибуны Хрущев. — Казалось бы, удобство хорошее. Но в эти мусоропроводы будут и мусор валить, и остатки кухонные, каким зловонием несет из этой трубы, и загрязняем лестничную клетку и всю секцию. Это неизбежно. Надо подумать с точки зрения санитарных условий, может быть, есть другое решение по этому вопросу. Может быть, какие-то сосуды раздавать по квартирам, как-то организовать это дело и утилизировать эти ценные отбросы и создать лучшие санитарные условия.

Хрущев жаловался на свою сложную жизнь — приходится работать и в отпуске. Увидев в зале председателя ВЦСПС Виктора Васильевича Гришина, балагурил:

— Тут вот присутствует товарищ Гришин. Мы аккуратно платим членские взносы, но защиты от него очень мало. [Аплодисменты.] Идет почта, и сидишь на берегу моря и слушаешь ВЧ. Ты в море прыгнул, а тебя просят к телефону. Я не жалею, раз попал в такое положение, надо нести крест в интересах нашей партии и народа...

Никита Сергеевич сам много работал и от других требовал полной отдачи. Сотрудники горкома и обкома не покидали своих кабинетов, пока Хрущев был на месте. А он уезжал домой под утро. Московским секретарям полагались комнаты отдыха с диваном, если уж совсем было

невозмогу, могли прилечь. А рядовые работники тосковали.

Однажды кто-то не выдержал и позвонил в приемную Хрущева:

— Ну, что, дед уже уехал?

— А что?

— Так мы можем по домам разъезжаться?

— Можете, — последовал ответ.

Это был сам Хрущев.

На следующий день он собрал аппарат и велел по ночам не сидеть:

— Если кто-то понадобится, оставлю! Остальные пусть спят по ночам.

Сонные люди не должны руководить городом.

Власть Никиты Сергеевича была куда больше власти любого другого первого секретаря обкома. Он входил в состав высшего партийного руководства, обедал у Сталина на даче, и сотрудники аппарата ЦК по собственной инициативе не могли предъявить ему никаких претензий. Впрочем, личный контроль вождя был ничуть не менее пристальным.

Через пять лет после смерти Сталина Хрущев пустился в воспоминания:

— Когда я приехал с Украины и стал секретарем МК, я пообедал, а потом сел и поехал в Луховицы — это 120 километров в сторону от Москвы. А мне звонят и спрашивают, куда я уехал. Сталин приглашал вас на обед и спрашивал, где вы. Так ведь я же секретарь Московского комитета, если я не буду ездить, то что же я буду стоять? Мне говорят — этого делать нельзя. Вот и получилось — я поехал и должен давать объяснения, почему поехал. Нельзя было этого делать.

Это не единственный случай, когда вождь демонстрировал недовольство Хрущевым. Тогдашний главный редактор «Правды» Леонид Федорович Ильичев вспоминал историю с публикацией статьи Хрущева о проблеме деревень в 1951 году:

— Статья вызвала высочайший гнев. В чем же дело? Оказалось, что статья «не понравилась» Сталину. Он воспринял ее крайне нетерпимо и болезненно. Мне, бывшему в то время главным редактором, была поставлена в вину политическая незрелость.

На следующий день редакции предложили опубликовать исправление: «По недосмотру редакции при печатании во вчерашнем номере газеты “Правда” статьи тов. Н. С. Хрущева “О строительстве и благоустройстве в колхозах” выпало примечание от редакции, где говорилось о том, что статья тов. Хрущева печатается в дискуссионном порядке. Настоящим сообщением эта ошибка исправляется». Это была очень болезненная для Никиты Сергеевича история.

Вождь постарел и устал. Возраст и состояние здоровья не позволяли ему полноценно заниматься делами страны. Но снимать и сажать он еще мог. Однажды ночью, собрав соратников у себя на даче, предупредил:

— Вы состарились. Я вас всех заменю.

Ветераны надоели Сталину. Он хотел видеть вокруг себя новых людей. Методично отстранял от власти «старую гвардию». Лишал ключевых должностей. Подрывал их авторитет. И все же некоторые сталинские соратники чуть-чуть не дожили до ста лет. Помимо природного здоровья от всех испытаний спасала устойчивая нервная система и полная безжалостность.

Старческий ум вождя замкнулся на заговорах и интригах. Сталин почти не собирал Политбюро в полном составе, а создавал для решения тех или иных проблем пятерки, шестерки, тройки. Фавориты менялись. Хрущева спасало то, что соратники не считали его опасным конкурентом.

«В лице Хрущева московский актив получил надежную защиту, — вспоминал Николай Григорьевич Егорычев, будущий первый секретарь столичного горкома, а тогда еще начинающий партработник. — Хрущев был талантливый руководитель».

Никита Сергеевич, руководитель жесткий и требовательный, своих работников в обиду не давал. Помимо экстраординарных случаев.

Иван Румянцев недолго продержался в кресле первого секретаря Московского горкома партии. Его карьеру — редкий случай — сломала не политика, не интриги, а дамская история. Кто-то стал свидетелем интимной встречи первого секретаря МГК с женщиной (не женой!), хотя он надеялся остаться неузнанным — поднял воротник пальто, поглубже надвинул шляпу... Вольности партийным чиновникам — раз уж они становились известны — не позволялись. История обсуждалась на Пленуме МГК, в сентябре 1952 года Румянцева с треском сняли и, понизив на много ступенек, отправили заместителем директора авиационного завода № 43. Через два года повысили — перевели директором авиационного завода № 124. Недавний хозяин города командовал небольшим в этой мощной отрасли заводом. И только в 1963 году ему доверили более серьезное предприятие — «Знамя Революции», он стал Героем Социалистического Труда.

Вместо Румянцева партийным руководителем города в 1952 году утвердили Ивана Васильевича Капитонова. Строитель по профессии, он в 30-е годы работал на Украине, а за год до войны стал в Москве начальником планово-производственного отдела Краснопресненского трамвайного хозяйства. В 1941 году Капитонова сделали секретарем

партбюро, оттуда перевели в райком, и он начал взбираться по аппаратной лестнице. У него была репутация надежного служаки, аппаратчика до мозга костей, который не подведет: звезд с неба, может быть, и не хватает, зато и ошибки не совершит. В те годы такие качества ценились.

Иван Васильевич практически одновременно с Фурцевой начал партийную карьеру в Москве — в 1943 году Капитонова избрали секретарем Краснопресненского райкома. Но он быстрее Фурцевой поднимался по должностной лестнице. Не потому, что считался более сильным работником. Женщин продвигали со скрипом.

В июле 1952 года Хрущев доложил Сталину: «После Вашей критики и замечаний о том, что в Московской партийной организации имеют место факты, когда на партийную работу и другие важные участки пробирались люди, не внушающие политического доверия, мы собрали секретарей райкомов гор. Москвы, рассказали им о фактах неправильного подбора кадров и притупления большевистской бдительности в некоторых партийных организациях столицы и дали им политическую оценку».

Речь шла о новой кампании выявления старых врагов — мнимых троцкистов и других оппозиционеров. Люди, которые давным-давно отошли от политической жизни, вновь арестовывались органами госбезопасности. Критике подверглись секретари Щербаковского и Краснопресненского райкомов, которые «проморгали» оппозиционеров на своей территории.

Хрущев обещал вождю навести порядок в городе: «В ближайшее время на бюро заслушаем отчет Щербаковского райкома партии о партийной работе и практике подбора и воспитании кадров. Предварительно мы проведем глубокую проверку. Это тем более необходимо, что первым секретарем Щербаковского райкома около года работал Жиленков, который во время войны вместе с Власовым изменил Родине».

Упомянутый Хрущевым Георгий Николаевич Жиленков начинал в Воронеже на машиностроительном заводе, из слесарей стал секретарем райкома комсомола. В 1930 году он переехал в Москву. После индустриально-технического техникума стал директором фабрично-заводского училища, секретарем парткома завода «Калибр». В январе 1940 года Жиленкова утвердили вторым, а 31 декабря того же года — первым секретарем Ростокинского райкома^[16].

После начала войны он ушел на фронт. Ему присвоили звание бригадного комиссара и утвердили членом Военного совета 32-й армии. Первые секретари столичных райкомов котировались высоко, секретаря

Днепропетровского обкома Л. И. Брежнева тоже произвели в бригадные комиссары, но должность дали поскромнее... В октябре 1941 года 32-я армия попала в окружение под Вязьмой. Жиленков оказался в плену вместе с офицерами штаба. Он, вероятно, самый высокопоставленный политработник, пожелавший служить немцам. Он присоединился к генералу А. А. Власову и занялся знакомым делом, став в конце концов начальником Главного управления пропаганды власовского Комитета освобождения народов России и главным редактором газеты «Воля народа». Даже среди власовцев, где собрались не ахти какие моралисты, Жиленкова считали абсолютно беспринципным человеком. После войны он был повешен вместе с Власовым во дворе Бутырской тюрьмы.

«Большинство секретарей райкомов, — оправдывался Хрущев, — это молодые работники. Понятно, что они сами не принимали и не могли принимать участия в борьбе с троцкистами, правыми и другими враждебными группировками. Некоторые из этих товарищей формально подходят к изучению истории партии, ошибочно думая, что борьба с врагами отошла в область истории... Многие партийные работники изучают кадры по анкетным данным. Вместо глубокого изучения политических и деловых качеств зачастую ограничиваются справками, полученными от МГБ. Достаточно получить справку о том, что на того или иного работника нет компрометирующих данных, райком партии считает такого человека непогрешимым».

В середине 1952 года вторым секретарем Московского обкома стал Виктор Васильевич Гришин. В тот момент Гришин сдавал выпускные экзамены в Высшей партийной школе. Защитить дипломную работу он не успел и диплома о высшем образовании не получил. Это не помешало ему со временем стать членом Политбюро.

Хрущев предупредил Гришина, что в городе берет на себя строительство, а в области — сельское хозяйство:

— А вам все остальное.

Иначе говоря, Хрущев перепоручил Гришину всю организационнопартийную работу в области. Тем же самым Фурцева занималась в горкоме партии.

Секретарем обкома по пропаганде Никита Сергеевич еще в декабре 1950 года сделал Елену Ивановну Третьякову, которая, будучи первым секретарем Ленинского райкома партии получила Золотую Звезду Героя Социалистического Труда «за перевыполнение плана сдачи государству продуктов сельского хозяйства». Таким образом, в руководство и обкома, и горкома Хрущев ввел по одной женщине. С Еленой Третьяковой в 1954

году Никита Сергеевич расстался, а Фурцеву двинул дальше.

Бюро Президиума ЦК. Новый орган власти

Послевоенные годы для кремлевских обитателей прошли в бесконечных интригах и борьбе за власть. Сталин никогда не обнародовал свои планы. Никого не предупреждал. Ни с кем не советовался. И не доверял свои мысли бумаге. Поэтому его окружению так трудно было угадать замыслы вождя. А не угадал — лишился всего.

В 1952 году, 5 октября, в Москве открылся XIX съезд партии. В нарушение Устава этот высший партийный орган не собирали уже много лет: предыдущий состоялся еще до войны, в марте 1939 года. Сталин был уже слаб и отказался выступать с основным докладом. Отчет зачитал Георгий Максимилианович Маленков. Он был одновременно секретарем ЦК и заместителем председателя Совета министров СССР и многими воспринимался как заместитель Сталина.

Намеченные изменения в Уставе партии поручили изложить Хрущеву. Менялось название: Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков) решили впредь именовать Коммунистической партией Советского Союза (КПСС). Договорились созывать съезды раз в четыре года, Пленумы ЦК — раз в полгода, а от Всесоюзных партийных конференций отказаться. Политбюро преобразовали в Президиум, а Оргбюро ЦК перестало существовать: для ведения текущей работы достаточно и Секретариата ЦК.

Все выступления были на редкость серыми и скучными, ни одного живого слова. Сидевшие в зале внимательно следили, кому и когда предоставляют слово (это свидетельствовало о положении в иерархии власти), кого критикуют и кого хвалят. Первым в прениях получил слово второй после Хрущева человек в московском партийном аппарате — Виктор Гришин.

Он рассказал о подборе и расстановке кадров в столице и области:

— В настоящее время 70 процентов секретарей горкомов и райкомов партии имеют высшее, а остальные среднее образование... С каждым годом растет число членов и кандидатов партии, изучающих «Краткий курс истории ВКП(б)» и другие произведения классиков марксизма-ленинизма, философию и политическую экономияю.

Второй секретарь столичного горкома Екатерина Фурцева обещала съезду:

— Московская городская партийная организация и впредь будет

верной и надежной опорой Ленинско-Сталинского Центрального комитета и приложит все силы к тому, чтобы выполнить исторические решения XIX съезда. Да здравствует гениальный вождь и учитель Коммунистической партии и советского народа, родной и любимый товарищ Сталин!

После закрытия съезда, 16 октября провели традиционный первый Пленум нового состава ЦК, на котором предстояло избрать руководящие органы — Президиум и Секретариат. Стенограмма пленума, к сожалению, не велась. О том, что в тот день произошло в Свердловском зале Кремля^[17], известно лишь по рассказам участников Пленума. В деталях они расходятся, но главные события излагают одинаково.

Перед началом очередного пленума высшее партийное руководство обычно собиралось в комнате рядом со Свердловским залом. Сталин приходил за 10—15 минут до начала и предупреждал своих соратников о намерении кого-то снять или назначить. На сей раз Сталин пришел к самому открытию, зашел в комнату Президиума и, не присаживаясь, сказал:

— Пойдемте на пленум.

Все, что происходило потом, стало сюрпризом даже для его близких соратников. Начало не предвещало никаких неожиданностей. Новички следили за тем, как в президиуме рассказывались члены Политбюро старого созыва. Новенькие члены ЦК встали и зааплодировали.

Сталин махнул рукой и буркнул:

— Здесь этого никогда не делайте.

На Пленумы ЦК обычные ритуалы не распространялись, о чем новички не подозревали. Г. М. Маленков сразу же предоставил слово вождю. Сталин в сером френче из тонкого коверкота по обыкновению прохаживался вдоль стола Президиума и говорил:

— Итак, мы провели съезд партии. Он прошел хорошо, и многим может показаться, что у нас существует полное единство. Однако у нас нет такого единства. Некоторые выражают несогласие с нашими решениями.

...Спрашивают, для чего мы значительно расширили состав Центрального комитета? Мы, старики, все перемрем, но нужно подумать, кому, в чьи руки передадим эстафету нашего великого дела. Для этого нужны более молодые, преданные люди, политические деятели. Потребуется 10, нет, все 15 лет, чтобы воспитать государственного деятеля. Вот почему мы расширили состав ЦК.

...Спрашивают, почему видных партийных и государственных деятелей мы освободили от важных постов министров? Мы освободили от обязанностей министров Молотова, Кагановича, Ворошилова и других и

заменяли новыми работниками. Почему? На каком основании? Работа министра — это мужицкая работа. Она требует больших сил, конкретных знаний и здоровья. Вот почему мы освободили некоторых заслуженных товарищей от занимаемых постов и назначили на их место новых, более квалифицированных работников. Они молодые люди, полны сил и энергии. Что касается самых видных политических и государственных деятелей, то они так и остаются видными деятелями. Мы их перевели на работу заместителями председателя Совета министров. Так что я не знаю, сколько у меня теперь заместителей .

Его слова звучали откровенной издевкой над «старой гвардией». Но это было лишь вступлением. Вождь неожиданно обрушился на своих ближайших соратников В. М. Молотова и А. И. Микояна. У сидевших в зале был шок, хотя Вячеслав Михайлович и Анастас Иванович должны были ожидать чего-либо подобного:

— Нельзя не коснуться неправильного поведения некоторых видных политических деятелей, если мы говорим о единстве в наших рядах.

Я имею в виду товарищей Молотова и Микояна.

Зал замер. Новенькие и не предполагали, что вождь так относится к людям, чьи портреты они десятилетиями носили на Красной площади. На Пленуме ЦК Сталин предъявил своим соратникам обвинения, тянувшие на высшую меру политического наказания.

— Молотов — преданный нашему делу человек, — продолжал Сталин. — Позови, и, не сомневаясь, не колеблясь, он отдаст жизнь за партию. Но нельзя пройти мимо его недостойных поступков . Товарищ Молотов, наш министр иностранных дел, находясь «под шартрезом» на дипломатическом приеме, дал согласие английскому послу издавать в нашей стране буржуазные газеты и журналы. На каком основании? Разве не ясно, что буржуазия — наш классовый враг и распространять буржуазную печать среди советских людей — это, кроме вреда, ничего не принесет. Это первая политическая ошибка товарища Молотова. Товарищ Молотов неправильно ведет себя как член Политбюро...

«Ощущение было такое, будто на сердце мне положили кусок льда, — рассказывал находившийся тогда в Свердловском зале Кремля новый главный редактор «Правды» Дмитрий Тимофеевич Шепилов. — Молотов сидел неподвижно за столом президиума. Он молчал, и ни один мускул не дрогнул на его лице. Через стекла пенсне он смотрел прямо в зал и лишь изредка делал тремя пальцами правой руки такие движения по сукну стола, словно мял мякиш хлеба».

— Товарищ Молотов, — говорил Сталин, — так сильно уважает свою

супругу, что не успеем мы принять решение Политбюро по тому или иному важному политическому вопросу, как это быстро становится достоянием товарища Жемчужиной. Получается, будто какая-то невидимая нить соединяет Политбюро с супругой Молотова Жемчужиной и ее друзьями. А ее окружают друзья, которым нельзя доверять. Ясно, что такое поведение члена Политбюро недопустимо.

Писатель Константин Михайлович Симонов, присутствовавший на Октябрьском пленуме — его избрали кандидатом в члены ЦК, — вспоминал: «Сталин бил по представлению о том, что Молотов самый твердый, самый нестигаемый последователь Сталина. Бил предательски и целенаправленно, бил, вышибая из строя своих возможных преемников. Он не желал, чтобы Молотов после него, случись что-то с ним, остался первой фигурой в государстве и в партии. И речь его окончательно исключала такую возможность».

— Теперь о товарище Микояне. — Сталин обрушился на другого своего верного соратника. — Он, видите ли, возражает против повышения сельхозналога на крестьян. Кто он, наш Анастас Микоян? Что ему тут не ясно? С крестьянами у нас крепкий союз. Мы закрепили за колхозами землю навечно. И они должны отдавать положенный долг государству, поэтому нельзя согласиться с позицией товарища Микояна.

В зале стояла мертвая тишина. Ничего подобного давно не звучало в Кремле — со времен предвоенных массовых репрессий. Вождь выступал почти полтора часа, а весь Пленум ЦК продолжался два часа с небольшим. Когда вождь закончил речь, Микоян поспешно спустился к трибуне и стал оправдываться, ссылаясь на экономические расчеты.

Сталин оборвал его и, погрозив указательным пальцем, угрожающе произнес:

— Видите, сам путается и нас хочет запутать в этом ясном, принципиальном вопросе.

Анастас Иванович пробормотал:

— Товарищи, признаю, что и у меня были ошибки, но не преднамеренные...

Сталин махнул рукой, и зал послушно отреагировал:

— Хватит заниматься самооправданием! Знаем вас, товарищ Микоян! Не пытайтесь ввести ЦК в заблуждение!

Ошеломленный Микоян замолчал и покинул трибуну. Молотов тоже признавал свои ошибки, оправдывался, говорил, что он был и остается верным учеником Сталина. Тот резко оборвал Молотова:

— Чепуха! Нет у меня никаких учеников. Все мы ученики великого

Ленина.

Иначе говоря, вождь не захотел выслушивать оправдания. Это был плохой признак. Иногда раскаяние спасало от кары. Сталин часто устраивал такие провокации и внимательно смотрел, как реагирует обвиняемый. Он считал, что если человек в чем-то виноват, то обязательно себя выдаст. Главное — застать его врасплох.

Но тут стало ясно, что вождь миловать не намерен.

Разделавшись с Молотовым и Микояном, Сталин сказал, что нужно решить организационные вопросы, избрать руководящие органы партии. Он достал из кармана френча собственноручно написанную бумагу и сказал:

— В Президиум ЦК можно было бы избрать, например, таких товарищей.

Он огласил длинный список. Вождь включил в новый высший партийный орган ряд новых и сравнительно молодых партработников. Сталин хотел к ним присмотреться, чтобы заменить ими старое руководство. Потом он неожиданно для присутствующих предложил избрать Бюро Президиума ЦК (этот орган прежде не существовал и исправленным Уставом партии предусмотрен не был) — по аналогии с уже существовавшим Бюро Президиума Совета министров СССР. В Бюро вождь ввел, помимо себя, своих заместителей по правительству — Л. П. Берия, Н. А. Булганина, К. Е. Ворошилова, Л. М. Кагановича, Г. М. Маленкова, М. З. Сабурова, а также секретаря ЦК Н. С. Хрущева. В. М. Молотова в Бюро Президиума ЦК Сталин не включил. Как, впрочем, и А. И. Микояна.

Когда приступили к выборам Секретариата ЦК, Сталин зачитал фамилии секретарей. Себя не назвал. Сидевший в президиуме Г. М. Маленков протянул руку в направлении трибуны, где стоял Сталин.

Из зала раздался хор голосов, так как жест был всем понятен:

— Товарища Сталина!

Вождь негромко произнес:

— Не надо Сталина, я уже стар. Надо на отдых.

А из зала все неслоь:

— Товарища Сталина!

Все встали и зааплодировали.

Сталин махнул рукой, призывая успокоиться, и сказал:

— Нет, меня освободите от обязанностей и генерального секретаря ЦК, и председателя Совета министров.

Все изумленно замолчали.

Маленков поспешно спустился к трибуне и сказал:

— Товарищи, мы должны все единогласно просить товарища Сталина, нашего вождя и учителя, быть и впредь генеральным секретарем.

Опять началась овация и крики:

— Просим остаться! Просим взять свою просьбу обратно!

Сталин прошел к трибуне:

— На Пленуме ЦК не нужны аплодисменты. Нужно решать вопросы без эмоций, по-деловому. А я прошу освободить меня от обязанностей генерального секретаря и председателя Совета министров. Я уже стар. Бумаг не читаю. Изберите себе другого!

Встал маршал Советского Союза С. К. Тимошенко:

— Товарищ Сталин, народ не поймет этого. Мы все, как один избираем вас своим руководителем. Другого решения быть не может.

Зал, стоя, аплодировал.

Сталин долго стоял и смотрел в зал, потом махнул рукой, словно в досаде:

— Ну ладно, пусть будет и Сталин.

От должности генерального секретаря формально отказались. Вождя избрали «простым» секретарем ЦК КПСС.

Последний ужин на Ближней даче

В 11 часов вечера 28 февраля 1953 года на Ближнюю дачу к Сталину прибыли приглашенные на ужин хозяином четверо гостей — члены Бюро Президиума ЦК КПСС Л. П. Берия, Н. А. Булганин, Г. М. Маленков и Н. С. Хрущев. Для ужина было поздно, но они привыкли к полночным трапезам.

В тот последний февральский день вождь находился в прекрасном расположении духа и даже выпил больше обычного. Гости разъехались после 5 часов утра. Хрущев вспоминал: «Когда мы вышли в вестибюль, Сталин, как обычно, вышел проводить нас. Он много шутил». Вечеринка оказалась последней в жизни хозяина дачи.

Сталин всегда вставал очень поздно. Включал свет в комнате, и охрана знала, где он находится. В полдень он, как правило, уже поднимался. Если Сталину что-то было нужно, он снимал трубку внутреннего телефона, и отзывался дежурный офицер. Последний неотлучно находился у телефонного пульта, размещенного в одной из служебных комнат. Сюда же поступали звонки из города. Но 1 марта офицеры охраны напрасно ждали какого-либо сигнала. Вождь не звонил. Никого не вызывал. Ни о чем не просил. А сами они в большой дом зайти не решались. Вождь запретил его беспокоить. Из-за его собственных маниакальных страхов охрана и прислуга в тот день не смели нарушить запрет. Сидели и ждали.

В половине 11 вечера, как всегда, сотрудники специального подразделения отдела фельдъегерской связи Министерства внутренних дел доставили из города почту для вождя. Ее полагалось вручать немедленно. Помощник начальника хозяйственной части Ближней дачи майор Петр Васильевич Лозгачев понес запечатанные пакеты в кабинет адресата. И увидел впавшего в беспамятство Сталина:

«Прошел одну комнату, заглянул в ванную комнату, осмотрел большой зал, но Сталина ни там, ни тут не было. Уже вышел из большого зала в коридор и обратил внимание на открытую дверь в малую столовую, из которой просачивалось электроосвещение. Заглянул туда и увидел перед собой трагическую картину. Сталин лежал на ковре около стола, как бы облокотившись на руку. Все во мне оцепенело. Он еще, наверное, не потерял сознание, но и говорить не мог.

Я подбежал и спросил: “Товарищ Сталин, что с вами?” Он, правда, обмочился за это время и левой рукой что-то поправить хочет, а я ему:

“Может, врача вызвать?” А он в ответ так невнятно: “Дз... Дз...” — дзыкнул и все. На полу валялись карманные часы 1-го часового завода, газета “Правда”».

Сталин был без сознания и только хрипел. Лозгачев по внутреннему телефону призвал на помощь обоих прикрепленных — подполковников Михаила Гавриловича Старостина и Василия Михайловича Тукова. Вместе с ними прибежала и подавальщица-официантка объекта «Ближняя» сержант госбезопасности Матрена Ивановна Бутусова. Она робко спросила вождя:

— Товарищ Сталин, вас положить на кушетку?

Показалось, он кивнул. Переложили его на большой диван, укрыли пледом.

Видимо, после отъезда гостей Сталин пошел в библиотеку. Здесь у него произошло внезапное кровоизлияние в мозг, и он не успел никого позвать. Потерял сознание и упал на пол у дивана. Так он и пролежал несколько часов без медицинской помощи.

Прикрепленные, следуя инструкции, позвонили своему начальнику министру госбезопасности СССР Семену Дмитриевичу Игнатьеву. Он же исполнял обязанности начальника Управления охраны после отстранения и ареста генерал-лейтенанта Николая Сидоровича Власика. Доложили, что нашли вождя на полу. Министр госбезопасности не знал, как поступить, и предпочел снять с себя ответственность. Он распорядился:

— Звоните товарищу Берии или товарищу Маленкову.

В два часа ночи Л. П. Берия и Г. М. Маленков приехали на Ближнюю дачу. Офицеры охраны доложили, что нашли Сталина на полу, подняли его и положили на диван. Теперь он вроде как спит. Вождь лежал на диване, укрытый одеялом, и не реагировал на их появление.

Отдыхает? Дремлет? Берия и Маленков даже не вошли в комнату. Боялись: вдруг Сталин проснется и увидит, что его застали в таком положении? Да как они посмели явиться без спроса? Развернулись и поспешно уехали.

Утром сотрудники охраны доложили, что Сталин так и не пришел в себя. Тогда приехали уже втроем — Берия, Маленков и Хрущев. И только утром 2 марта у постели Сталина появились первые врачи — из Кремлевской больницы, находившейся на улице Грановского. Они объяснили членам Бюро Президиума ЦК, что состояние больного безнадежно.

Рассказывают, что соратники вождя с Ближней дачи уехали в Кремль. Сразу прошли в сталинский кабинет. Поговаривали, будто они искали

некую черную тетрадь, куда усопший вождь записывал нечто важное — не то политическое завещание, не то нелицеприятные оценки соратников. Сталинского завещания не обнаружили. И вообще есть большие сомнения, что оно существовало. Вождь умирать не собирался.

Да его воспитанники и не нуждались в советах, как делить наследство. Кто станет преемником вождя — тогда на сей счет ни у кого не было сомнений. Об этом свидетельствовал номер партийного билета члена Бюро Президиума ЦК, секретаря ЦК и заместителя председателя Совета министров СССР Г. М. Маленкова. У него был билет № 3. При обмене партийных документов билет № 1 выписали на имя В. И. Ленина, второй — И. В. Сталину, а № 3 — Георгию Максимилиановичу. Маленков считался самым близким к Сталину человеком.

Однако сразу стало ясно, что ключевая фигура новой конструкции власти — Л. П. Берия. После смерти вождя остальные руководители страны с трудом осваивались с новой ролью. Они так долго привыкли исполнять приказы Сталина, что у многих наступил паралич воли. А у Лаврентия Павловича сомнений не было: он справится с любой задачей. Планы у него были большие. Ему, как выразится позднее другой член Политбюро, чертовски хотелось поработать. Он действовал самостоятельно и самоуверенно. Ни у кого разрешения не спрашивал и в советах не нуждался. У него в руках сосредоточились все рычаги управления, подчиненный ему аппарат госбезопасности всемогущ, так что никто не смел спросить: а с какой стати вы этим занимаетесь?

Через два года после смерти вождя Хрущев выступал на Пленуме ЦК КП Украины. В своем кругу поделился воспоминаниями:

— Мы вместе с врачами дежурили неотступно у постели Сталина. Я дежурил вместе с Булганиным, Берия — с Маленковым, а Каганович — с Ворошиловым... Настал кризис. Сталин умер. Маленков и Берия находились наверху. Я с Булганиным был внизу, у постели Сталина. Мы выскочили оба и сказали, что Сталин умер.

Маленков в серой гимнастерке-толстовке — безучастный, усталый, с серыми мешками под глазами, вошел в комнату, которую Сталин использовал как столовую, и начал прохаживаться взад-вперед. Хрущев предполагал, что Маленков и Берия обо всем уже договорились.

Но все же подошел к Маленкову:

— Сталин умер, надо бы поговорить.

— О чем? — уточнил Георгий Максимилианович.

— Как о чем? О руководстве. Надо подумать, как лучше расставить силы.

Маленков холодно ответил:

— Ни о чем говорить не хочу. Соберется Президиум, и тогда будем говорить.

Маленков еще 4 марта своим аккуратным почерком составил список нового состава правительства. Точнее, они сделали это вдвоем с Берией. Список потом обнаружили в сейфе маленковского помощника.

— Кто выдвигал кандидатуру Маленкова на пост председателя Совета министров? — рассказывал Никита Сергеевич. — Берия. Это было даже не заседание, а стояние. Тело Сталина находилось в большой столовой, а мы находились в малой столовой, где Берия и выдвинул Маленкова на этот пост.

Никита Сергеевич пытался опереться на первого заместителя председателя Совета министров СССР маршала Советского Союза (никогда не служившего в воинских частях) Н. А. Булганина, с которым у него еще в предвоенные годы сложились близкие отношения.

С ним Никита Сергеевич и затеял важный для них обоих разговор. Во всяком случае, так они поведали Пленуму ЦК, созванному в июле 1953 года, сразу после ареста Берии. Хрущев поведал:

— Это было, наверное, за сутки до смерти товарища Сталина.

Я товарищу Булганину тогда сказал: “Николай Александрович, вот Сталин безнадежно болен, умрет, что будет после Сталина?” Это же каждого волнует. Я говорю, вот моя тревога: после смерти Сталина Берия будет всеми способами рваться к посту министра внутренних дел. Зачем ему этот пост? Этот пост ему нужен для того, чтобы захватить такие позиции в государстве, с тем чтобы через свою разведку установить шпионаж за членами Политбюро, подслушивать, следить, создавать дела, интриговать, и это приведет к очень плохим последствиям, а может быть и больше, для партии.

Булганин подтвердил:

— Был такой разговор.

Хрущев продолжал:

— Нельзя, я говорю, допустить до этого, гибель будет всем.

Они боялись Берии.

Маленков, Берия и Хрущев поделили власть, когда Сталин еще был жив и врачи даже сообщали о некотором улучшении в его состоянии. Но они понимали: если Иосиф Виссарионович и оклемается, то руководить страной уже не сможет.

В 8 часов 40 минут вечера 5 марта 1953 года в Свердловском зале Кремля открылось совместное заседание ЦК КПСС, Совета министров

СССР и Президиума Верховного совета СССР. Все собрались задолго до назначенного часа. Никто ни с кем не разговаривал, сидели молча.

Смерть Сталина наступила в 9 часов 50 минут, когда дележ руководящих кресел закончился.

Никита Сергеевич предоставил слово Г. М. Маленкову. Георгий Максимилианович объяснил, что товарищ Сталин борется со смертью, но состояние его настолько тяжело, что, если даже он победит подступившую смерть, еще очень долго работать не сможет:

— Все понимают огромную ответственность за руководство страной, которая ложится теперь на всех нас. Всем понятно, что страна не может терпеть ни одного часа перебоя в руководстве.

После этой преамбулы на трибуну вышел Л. П. Берия и сообщил, что в создавшейся обстановке, когда в руководстве партией и страной отсутствует товарищ Сталин, необходимо теперь же назначить главу правительства:

— Мы уверены — вы разделите наше мнение о том, что в переживаемое нашей партией и страной трудное время у нас может быть только одна кандидатура на пост председателя Совета министров, кандидатура товарища Маленкова.

В зале с готовностью закричали:

— Правильно! Утвердить!

Маленков, в свою очередь, предложил назначить первыми заместителями главы правительства Л. П. Берия, В. М. Молотова, Н. А. Булганина и Л. М. Кагановича. Хрущева освободили от обязанностей первого секретаря Московского комитета партии, чтобы он «сосредоточился на работе в Центральном комитете КПСС». Но власть в те дни принадлежала другим. Берия и Маленков считали, что правительство важнее ЦК. Так сложилось при Ленине, так было и в последние годы при Сталине.

Что делать с Берией?

Л. П. Берия говорил, что в стране не должно быть двух хозяев — двух властей: партийной и советской. Поскольку сам он сидел в Совете министров, то партийный аппарат ему только мешал.

В Москву как раз приехал руководитель Венгрии Матьяш Ракоши, одновременно возглавлявший и партию (в качестве первого секретаря ЦК Венгерской партии трудящихся) и правительство (как председатель Совета министров) Венгрии. Он вежливо обратился к советским товарищам:

— Я прошу дать совет, какие вопросы следует решать в Совете министров, а какие в Центральном комитете?

Берия пренебрежительно ответил:

— Что ЦК? Пусть Совмин все решает, а ЦК пусть занимается кадрами и пропагандой.

В вышедшей 8 мая правдинской передовой «Совершенствовать работу государственного аппарата» говорилось: «Партийные комитеты подменяют и обезличивают советские органы, работают за них... Берут на себя несвойственные им административно-распорядительные функции». Необычную передовую заметили все.

Лаврентий Павлович не скрывал презрения к партийным секретарям:

— На пост секретаря партийного комитета МВД поставь хоть пустую бутылку, это не будет иметь никакого значения.

Если он вызывал кого-то из работников аппарата, а тот сидел на партийном собрании, распекал:

— Лодырь, бездельник!

Сотрудники Отдела административных органов ЦК КПСС, который курировал МВД, не рисковали лишний раз побеспокоить своих подопечных-чекистов, потому что Берии это не нравилось. Он выговаривал Хрущеву:

— Ваш работник Административного отдела позвонил Кобулову и спрашивает его, как идут дела. Это невозможно! Я — член Президиума ЦК, а кто-то вызывает моего первого зама.

Лаврентий Павлович, похоже, собирался со временем стать руководителем партии и государства. Наверное, думал про себя: чем он хуже Сталина? К соратникам он относился презрительно-пренебрежительно. А товарищи по Президиуму ЦК его боялись, исходили из того, что когда Берия станет полномочным хозяином, они все отправятся за решетку, а то

и на тот свет.

Никита Сергеевич отчетливо понимал, насколько опасен Берия. А Лаврентий Павлович недооценил Хрущева. Именно он стал мотором заговора против всеильного главы МВД. Вместе с Молотовым и Маленковым он обрабатывал других членов Президиума ЦК. Все они рисковали головой. Важные разговоры вели на улице. Исходили из того, что нельзя пользоваться телефоном, обсуждать нечто серьезное в рабочих кабинетах или у себя на квартирах и дачах. Ведь и служба правительственной связи (Отдел «С»), и охрана правительства (9-е управление) подчинялись Берии.

Булганин рассказывал потом на Пленуме ЦК:

— Товарищи, разоблачение Берии, я скажу вам, в особенности завершение этого разоблачения и сам арест Берии были трудным делом и рискованным делом. И здесь надо отдать должное товарищам Маленкову, Хрущеву и Молотову [в зале бурные аплодисменты], которые организовали хорошо это дело и довели его до конца.

Хрущев прервал его:

— Одна поправка есть: и себя ты не исключай из этого.

Раздались аплодисменты.

Булганин:

— Я очень тебе благодарен, Никита, за эту реплику и заявляю тебе и всем другим товарищам, что я поступил так, как должен поступить каждый порядочный член партии.

Маленков говорил, что госбезопасность его подслушивала. Хрущев возразил, что это его подслушивали. Они прекрасно знали, что подслушивали обоих. Маршала Ворошилова подслушивали с 1942 года, когда Сталин разозлился на него за провалы на фронте и назначил на незначительную для бывшего наркома обороны должность главнокомандующего партизанским движением.

Как же получилось, что Берия, такой опытный человек, такой умелый интриган, который выжил при Сталине, позволил себя арестовать? Расслабился, потерял бдительность, недооценил товарищей, в особенности Никиту Сергеевича Хрущева.

— Он считал нас простаками, — скажет потом на Июльском пленуме ЦК Маленков.

— Но мы не такие простаки оказались, — довольно отзовется Хрущев.

Судьбу Лаврентия Павловича решил деятельный и напористый Хрущев. Маленков полагал достаточным передать пост министра внутренних дел кому-то другому, лишить Берию должности первого

заместителя председателя Совета министров, но назначить его министром нефтяной промышленности. Микоян и Ворошилов тоже предлагали использовать Берию на другой работе. Хрущев и Молотов были сторонниками полного устранения бывшего соратника.

Арест Берии взял на себя получивший пост министра обороны Н. А. Булганин. Непосредственное руководство он перепоручил своему новому первому заместителю маршалу Советского Союза Г. К. Жукову.

Двадцать шестого июня Булганин и Жуков в своих машинах, не подлежащих проверке, провезли группу вооруженных офицеров в Кремль будто бы для доклада о ситуации в системе ПВО Москвы. Захватили с собой карты, схемы и другие секретные материалы, чтобы часовые у входа в зал заседаний не могли изъять у офицеров личное оружие, как это полагалось.

Началось заседание Президиума Совета министров СССР. Маленков сказал:

— Раз собрались все члены Президиума ЦК, вначале обсудим партийные дела.

— Обсудим дело Берии, — уточнил Хрущев.

Берию обвинили в том, что он поставил Министерство внутренних дел над партией и правительством, что он высокомерен и груб с товарищами. За это не расстреливают, справедливо считал Лаврентий Павлович. Он забыл, что сам расстреливал и за меньшее. Товарищи смертельно боялись даже арестованного Берии. Хотели себя обезопасить. Поэтому его не просто сняли с должности, а решили уничтожить.

Вошли офицеры во главе с Г. К. Жуковым. С оружием в руках. Жукова выбрали еще и потому, что он был физически крепким. Но применять силу не понадобилось. На Берию как столбняк нашел. Жуков резким движением отбросил лежавшую перед ним папку, думая, что в ней оружие. Оружия не было. Берию увели. Сказать он ничего не успел.

Следствие по делу Берии и его помощников стало первым шагом в расчете с прошлым. Союзная прокуратура и аппарат ЦК занялись составлением реестра обвинений против Берии. Подняли документы ведомства госбезопасности, стали допрашивать недавних подчиненных Лаврентия Павловича, и открылась чудовищная картина массовых репрессий.

На Пленуме ЦК после ареста Берии говорили не только о нем самом.

— Давайте разберем, — обратился к членам ЦК Хрущев, — какие заговоры внутри нашей страны были открыты Министерством внутренних дел, Министерством госбезопасности? За исключением липовых, дутых —

никаких.

— Правильно, — поддержал его маршал Ворошилов, — никаких.

— Мы же с вами знаем, — продолжал Хрущев, — до 1937 года и после 1937 года — больше половины липы.

— Правильно, — вновь поддержали его из Президиума.

— Если сейчас разобрать архив МВД, я убежден, на 80 процентов населения есть анкеты МВД, на каждого дело разрабатывают.

В зале сочувственный смех.

— Меч надо держать острием против врагов и чтобы он не был направлен против своих людей. А для этого нужно МВД посадить на свое место. Надо создать хорошие разведывательные и контрразведывательные органы. Но МВД будет подконтрольно партии, подконтрольно правительству.

Хрущев, как он часто это делал, вспомнил прошлое:

— Товарищи, я человек, как говорится, «старого» режима [в зале смех]. Я в первый раз увидел жандарма, когда мне уже было, наверное, 24 года. На рудниках не было жандармов. У нас был один казак-полицейский, который ходил и пьянствовал. В волости никого, кроме одного урядника, не было. Теперь у нас в каждом районе начальник МВД, у него большой аппарат, оперуполномоченные. Начальник МВД получает самую высокую ставку, больше, чем секретарь райкома партии.

Из зала Никиту Сергеевича охотно поддержали:

— В два раза больше, чем секретарь райкома.

— Но если ему создали такую сеть, нужно что-то делать. — продолжал Хрущев. — Конечно, если деньги платят, то нужно что-то делать. А если проступков нет, а начальство спрашивает, ты, сукин сын, работаешь. Если нет, так надо сделать. Я знаю по Москве, в прошлом году человека осудили на 25 лет, потому что агент сам выдумал дело на этого человека, и его осудили.

Хрущева поддержал министр обороны Н. А. Булганин:

— Надо завести контроль над этими органами по конкретным практическим вопросам. Бюро обкома, крайкома, ЦК республики, Президиум ЦК должны знать, кого арестовывают, как допрашивают, кто сидит в тюрьме, каковы там порядки.

Хрущев стоял на своем:

— Главное — усилить партийную работу среди работников МВД.

Не только Хрущев, весь корпус партийных секретарей не хотел, чтобы чекисты за ними присматривали. Поэтому положение органов госбезопасности в хрущевские годы изменилось, их полномочия и влияние

сократились.

Заговорили и об экономической ситуации.

Хрущев:

— Довели до последней степени сельское хозяйство. Дальше терпеть нельзя: молока нет, мяса мало. Объявили переход от социализма к коммунизму, а муку не продаем. А какой же коммунизм без горячих лепешек, если говорить грубо.

Голос из Президиума:

— Картошки нет.

Хрущев:

— У нас на 3,5 миллиона голов коров меньше, чем было до войны. Раз меньше коров, значит, меньше мяса, меньше масла, меньше кожи... Мы по картошке и овощам три месяца обсуждаем вопрос, три месяца не можем принять решения. Это, товарищи, позор. Ведь к нам придут и скажут: слушайте, дорогие товарищи, вы нас учите, как строить социализм, а вы у себя картошки выращивать не умеете, чтобы обеспечивать свой народ, капусты у вас в столице нет.

Стало ясно бедственное положение страны. В том числе и по причине введенного Сталиным жесткого налогообложения крестьянина. Крестьян обложили непосильными налогами, они бежали из деревни, уже выращенный урожай пропадал. Налогом облагалось каждое дерево в саду. Крестьяне вырубали сады, забивали скот, не в силах выплатить налоги.

Хрущев:

— Говорят, нет внимания партийных органов к этому вопросу. Никакое внимание не поможет, если с этой коровы надо отдать определенное количество молока и с этой же коровы министр финансов товарищ Зверев берет налог. Когда подсчитать все, что сдает колхозник за корову, то получается, что ему остается только навоз. Поэтому колхозник принимает решение избавиться от этой коровы.

Маленкова век не долго

Георгий Максимилианович Маленков прожил долгую жизнь. Но власть он утратил быстро, потому что опрометчиво оставил Хрущеву ослабевший партийный аппарат, забыв, как за тридцать лет до этого подобную ошибку совершили ленинские соратники. Не понимали, каким мощным инструментом станет партийный аппарат в руках умелого секретаря ЦК. Они обманулись насчет Сталина, а Маленков недооценил Хрущева. Все ошиблись в Никите Сергеевиче, принимая его за простачка, с которым легко сговориться! Привыкли, что Сталин ернически именовал его «Микитой», и думали, что тоже смогут им командовать.

Сталин всегда сохранял за собой пост секретаря ЦК, а Маленков 14 марта 1953 года на Пленуме ЦК от него отказался, «имея в виду нецелесообразность совмещения функций председателя Совета министров СССР и секретаря ЦК КПСС».

Возглавив всю партийную работу в стране, Хрущев предложил членам Президиума ЦК кадровое новшество: помимо давно существовавшей номенклатуры создать еще и учетно-контрольную номенклатуру. Включенные в ее состав начальники невысокого ранга не подлежали обязательному утверждению вышестоящим партийным органом. Кандидатуру только согласовывали с соответствующим отделом. Это давало больше полномочий министерствам и ведомствам, но контроль партийных комитетов сохранялся. Иначе говоря, министр мог сам подбирать себе кадры. Но если кто-то из работников, говоря бюрократическим языком того времени, входил в учетно-контрольную номенклатуру, это означало, что уже после его назначения горком отправлял в соответствующий отдел ЦК КПСС справку-объективку.

Маленков пытался установить новый стиль отношений, говорил подчиненным:

— Решайте сами. Вы лучше моего знаете этот вопрос. Зачем мне вас учить.

Он хотел предоставить своим подчиненным возможность действовать самостоятельно. Видимо, хотел нравиться, а вышло наоборот. Чиновники боятся жестких и жестоких начальников, мягких — презирают, считая слабыми. Уничтожение Берии поставило крест на карьере Маленкова. В одиночку он не мог противостоять куда более энергичному Хрущеву, хотя пытался во всем подражать Сталину.

После мастерски организованного им ареста Берии Никита Сергеевич захотел повышения. Он завел речь о том, что на заседаниях Президиума ЦК должен председательствовать секретарь ЦК, а не глава правительства:

— У нас коллективное руководство, значит, каждый должен делать свое дело, Маленков — руководить правительством, а не партией.

Товарищи по партийному руководству, ощущая его очевидное первенство, спешили удовлетворить его амбиции.

Во время Сентябрьского пленума ЦК КПСС 1953 года, в перерыве в комнате отдыха, где собирались члены Президиума ЦК, Маленков вдруг сказал:

— Я предлагаю избрать на этом Пленуме Хрущева первым секретарем ЦК.

Каганович удивился: обычно такие серьезные вопросы заранее обговаривались. Потом поинтересовался у Маленкова, почему тот никому ничего не сказал. Маленков объяснил, что перед самым пленумом к нему подошел Булганин и предложил избрать Хрущева:

— Иначе я сам внесу это предложение.

И точно — Булганин первым поддержал Маленкова:

— Давайте решать!

Возразить никто не посмел.

Булганин и Маленков, оба — слабые фигуры, старались расположить к себе Хрущева, чувствуя за ним силу. Маленков проявил инициативу, потому что видел настроения партийных секретарей. Он взял слово и объяснил, что «в настоящее время у нас нет первого секретаря ЦК», и предложил кандидатуру Никиты Сергеевича как «верного ученика Ленина и ближайшего соратника Сталина, обладающего огромным опытом в области партийного строительства и глубокими знаниями нашего народа». Пленум ЦК послушно принял решение «об избрании т. Хрущева первым секретарем ЦК КПСС». В печати об этом не сообщалось, но аппарату новый расклад сил был ясен.

Дочь Никиты Сергеевича Рада рассказывала, что она хорошо помнит тот сентябрьский день, когда состоялся Пленум ЦК. Вечером она вместе с отцом возвращалась из города на дачу.

Рада Никитична в машине спросила отца:

— Кого выбрали?

Он сказал:

— Меня.

Рада очень удивилась и спросила:

— Тебе не страшно?

— Нет, — просто ответил Никита Сергеевич.

При Сталине Хрущев набивался Маленкову в друзья, по вечером приглашал вместе с семьями гулять по Москве. В первые месяцы после смерти вождя тоже старался быть поближе к Маленкову. Они вместе обедали, ездили на одной машине. Хрущев не только демонстрировал дружбу с Маленковым, но и по ходу дела внушал ему свои идеи, добиваясь необходимой поддержки. Почувствовав силу, Никита Сергеевич потерял интерес к Маленкову. Георгий Максимилианович засуетился, чувствуя, что теряет власть, и пытался угодить Хрущеву. Главный редактор «Правды» Д. Т. Шепилов рассказывал, как в апреле 1954 года ему позвонил Маленков:

— Вы не могли бы сейчас приехать ко мне на несколько минут?

Сталинский кабинет отремонтировали, все было новенькое и блестело. Новый его хозяин Маленков, напротив, выглядел неуверенным:

— Я просил вас вот по какому вопросу. 16 апреля Никите Сергеевичу исполняется шестьдесят лет. Он очень старается. Он хорошо работает. Мы посоветовались между собой и решили присвоить ему звание Героя Социалистического Труда. Мне поручено переговорить с вами, чтобы хорошо, по-настоящему подали это в газете.

Шепилов запомнил, как сбивчиво и смущенно говорил глава правительства.

А уже через полтора года Хрущев настолько окреп, что атаковал Маленкова и обвинил главу правительства в отказе от основных принципов советской политики.

Вернемся немного назад. 16 марта 1953 года, через две недели после смерти Сталина, новый глава советского правительства Г. М. Маленков призвал Запад к переговорам: «В настоящее время нет таких запутанных или нерешенных вопросов, которые нельзя было бы решить мирными средствами на базе взаимной договоренности заинтересованных стран. Это касается наших отношений со всеми государствами, включая Соединенные Штаты Америки».

Молодому читателю трудно понять, в чем была новизна этой формулы, настолько естественными кажутся слова главы правительства. Но ведь только что, при Сталине, произносились совсем другие речи. К примеру, 6 июня 1949 года тот же Хрущев выступил в Киеве на II республиканском совещании архитекторов и проектировщиков:

— Мы должны считаться с Соединенными Штатами, пока не подойдет капиталистический строй. Он должен с нами считаться, как с новым, которое развивается и крепнет, как ребенок, который набрал столько силы, что его не задушить, хотя они и пытались нас задушить. Поэтому им

приходится считаться с нами, а нам приходится считаться с ними. Как ни дряхл капитализм, но он еще держится. Конечно, он гниет, и мы сделаем все для того, чтобы его дни как можно сократить [аплодисменты, смех]. Разрушенная капиталистическая Европа, подпавшая под план Маршалла, еле-еле барахтается. Совершенно надорванный английский лев еще дышит прошлым величием и издает рычание с тем, чтобы наводить былой страх и сказать, что он еще силен, хотя хвостом еле-еле шевелит, муху не может отогнать, а только рычит — подышает.

Союзники выдвинули план Маршалла, а мы отвергли этот план и сказали, что это политическая и экономическая кабала, — продолжал Хрущев. — Они обещали французам и итальянцам всякие блага, обещали им рай земной, а на деле что получилось? Мы быстрее организовались, перестроили свое хозяйство с военных на мирные рельсы и под руководством нашей партии, нашего великого Сталина народ восстановил свое хозяйство в кратчайший срок [бурные аплодисменты]. Товарищи, мы уже с вами второй год начали жить без карточек, да и карточка, когда у нас была, она была объемистая. А вот по плану Маршалла живет сейчас такая «знаменитая» страна, как Англия, и она говорит сейчас не об отмене карточек, а о сокращении мясного пайка. Я уже не говорю о Франции... Те же англичане клянчили у нас в прошлом году хлеб, и в этом году они сидят в приемных нашего министерства внешней торговли и клянчат — продай кукурузу, продай ячмень, пшеницу [аплодисменты]. А у нас хлеб есть, сельскохозяйственное сырье есть, промышленное сырье есть!

Страна слушала такие речи, и люди воспринимали все это всерьез...

Маленков же, выступая 12 марта 1954 года с традиционной речью накануне выборов в Верховный совет, сказал, что новая мировая война «при современных средствах войны означает гибель мировой цивилизации». То есть он публично отказывался от прежних представлений советского руководства о неизбежности войны и о том, что она будет способствовать уничтожению мирового империализма.

Слова Маленкова были робким сигналом западным странам: мы готовы договариваться. И стали желанным поводом для Хрущева избавиться от соперника. Никита Сергеевич назвал заявление Маленкова о гибели цивилизации в случае мировой войны «теоретически неправильными, ошибочными и политически вредными». Он обвинил главу правительства в отказе от основных принципов советской политики:

— Своим неправильным утверждением о гибели цивилизации товарищ Маленков запутал некоторых товарищей, — говорил первый секретарь ЦК. — В речи товарища Маленкова было высказано

теоретически неправильное и политически вредное положение, направленное не на пользу политики нашей партии, а способное породить настроения безнадежности усилий народов сорвать планы агрессоров...

На Маленкова обрушился и В. М. Молотов:

— Не о «гибели мировой цивилизации» и не о «гибели человеческого рода» должен говорить коммунист, а о том, чтобы подготовить и мобилизовать все силы для уничтожения буржуазии. Разве можем мы настраивать так народы, что в случае войны все должны погибнуть? Тогда зачем же нам строить социализм, зачем беспокоиться о завтрашнем дне? Уж лучше сейчас запастись всем гробами.

Мысль о том, что ядерная война станет катастрофой, отвергли как ошибочную. Военные, уверенные в том, что и в таком противостоянии можно победить, поддержали Хрущева. Председателю Совета министров СССР пришлось опровергать самого себя. При первом удобном случае он заявил, что нападение на Советский Союз закончится тем, что «агрессор будет подавлен тем же оружием и что подобная авантюра неизбежно приведет к развалу капиталистической общественной системы». Но это его уже спасти не могло.

Восьмого мая 1954 года Хрущев выступил перед ленинградскими партработниками:

— Вчера показали мне ваш стадион. Стадион замечательный. На этом стадионе висит огромный портрет товарища Маленкова, портретов других же членов Президиума ЦК нет. Что такое культ личности? Это возвеличение одного человека, которому приписывают все существующие и несуществующие заслуги. Зачем нам нужно создавать какого-то «бога»? Ведь у нас все государственные вопросы решаются коллегиально. Все члены Президиума ЦК в равной степени несут ответственность перед партией и страной. Если вы хотите выделить товарища Маленкова, то это неправильно, потому что и другие члены Президиума также являются достойными руководителями нашего государства, как и товарищ Маленков...

Слова Никиты Сергеевича означали, что Маленков не может претендовать на роль наследника Сталина и хозяина страны. Уже через полтора года Хрущев настолько окреп, что обвинил главу правительства в отказе от основных принципов советской политики.

Живой и энергичный, Никита Сергеевич легко обошел своих неповоротливых соратников. Прежде всего он избавился от Берии, которого смертельно боялся. Оттеснить от власти Маленкова, который играл роль руководителя страны, оказалось значительно легче.

— Я лично Маленкова знаю больше двадцати лет, хорошо знал его недостатки, эти недостатки знал и товарищ Сталин, — многозначительно говорил Хрущев. — Сталин несколько раз и мне, и другим товарищам говорил, что Маленков не годится на пост председателя Совета министров.

Никита Сергеевич впервые принял участие во встрече в верхах в июле 1954 года в Женеве. Советскую делегацию на переговорах должен был возглавить председатель Совета министров СССР Маленков. Хрущева это не устраивало: «Маленков оказался человеком совершенно безынициативным и в этом смысле даже опасным, он слабоволен и слишком поддается чужому влиянию. Не только нажиму, а просто влиянию других».

— У нас могут сложиться довольно тяжелые условия, — внушал Никита Сергеевич Молотову. — Маленков возглавит нашу делегацию, а для всех очевидно, что Маленков не способен по-настоящему противостоять противнику при встрече. У него характер, сглаживающий острые углы. Он улыбающийся человек, не способный парировать удары, тем более неспособный предпринять наступление при обсуждении вопросов. А без этого нельзя. Защищаться — значит вдохновлять противника. Необходимо нападать.

На Январском пленуме ЦК 1955 года Хрущев неожиданно поставил вопрос «О тов. Маленкове». Он произнес большую речь против Георгия Максимилиановича и предложил освободить его от обязанностей главы правительства.

Хрущев говорил:

— В своей деятельности на посту председателя Совета министров СССР товарищ Маленков не проявил себя достаточно политически зрелым и твердым большевистским руководителем. В этом отношении характерна речь товарища Маленкова на V сессии Верховного совета СССР. По своей направленности эта речь с большими, экономически мало-обоснованными обещаниями напоминала скорее парламентскую декларацию, рассчитанную на снискание дешевой популярности, чем ответственное выступление главы Советского правительства. В той же речи товарища Маленкова было допущено теоретически неправильное и политически вредное противопоставление темпов развития тяжелой промышленности темпам легкой и пищевой промышленности, выдвигался в качестве основного вывода лозунг форсированного развития легкой индустрии...

Никита Сергеевич обвинял Маленкова в том, что он взялся руководить развитием сельского хозяйства и не справился. Посты главы правительства и первого секретаря ЦК разделены, а он претендовал на руководство не

только Советом министров, но и Центральным комитетом партии. То есть не уступал Хрущеву пальму первенства.

Хрущев рассказал на Пленуме ЦК, как Маленков предложил, чтобы с докладом о бюджете на сессии Верховного совета СССР выступил не министр финансов, а он сам как глава правительства. Все согласились. Разъехались по домам. Вдруг Маленков звонит:

— Хочу посоветоваться насчет доклада.

Приехал и говорит:

— Знаешь, я хочу в докладе о государственном бюджете поставить вопрос об улучшении социального обеспечения в стране .

Хрущев возразил:

— Позволь, ведь этот вопрос еще совсем сырой, его только готовят, никакого решения еще нет. О чем же ты будешь говорить? Неужели ты хочешь пятаки раздавать, делать народу какие-то посулы?..

Теперь Никита Сергеевич с трибуны разносил главу правительства:

— Товарищу Маленкову нужна была дешевенькая слава. Это песня из той же оперы, как и его выступление на V сессии Верховного совета СССР.. Мы не сомневаемся в честности товарища Маленкова, но я очень сомневаюсь в его возможностях проведения твердой линии: у него нет твердого характера, хребта не хватает. Обменивались мы мнениями на этот счет, в частности, с товарищем Молотовым, говорили, что, вот, Черчилль рвется к встрече с председателем Совета министров СССР и, право, боязно, что, если он сюда приедет и наедине будет говорить с Маленковым, тот может испугаться, сдаться. Я вижу, что нет у него характера, если человек нередко теряется, заискивает перед другими.

Хрущев сам зачитал— никому не доверил — проект Постановления Пленума ЦК: «ЦК КПСС считает, что тов. Маленков Г. М. не обеспечивает надлежащего выполнения обязанностей Председателя Совета Министров СССР . Не обладая необходимыми знаниями и опытом хозяйственной деятельности, а также опытом работы местных советских органов, тов. Маленков плохо организует работу Совета Министров, не обеспечивает серьезной и своевременной подготовки вопросов к заседаниям Совета Министров. При рассмотрении многих острых вопросов тов. Маленков проявляет нерешительность... Между тем т. Маленков неправильно понял свои функции и явно претендовал не только на руководство деятельностью Правительства, но и на руководство Президиумом ЦК».

Политическая карьера Георгия Максимилиановича Маленкова завершилась. Его перевели в заместители главы правительства, дав еще незначительный пост министра электростанций СССР. Но оставили членом

Президиума ЦК. Его падение доставило удовольствие партийному аппарату: при Маленкове правительство чувствовало себя слишком уверенно и не так заискивало перед ЦК.

«Когда Маленкова сняли с поста председателя Совмина, это означало, что власть снова полностью перешла к ЦК КПСС, а вернее — к ее верхушке, — писал бывший член Политбюро и секретарь ЦК Александр Николаевич Яковлев. — Побаловались немножко в “ленинские принципы управления”, и хватит. Смещение Маленкова прошло безболезненно. Мало кто сожалел. В аппарате ЦК приветствовали эту меру на том основании, что правительственные чиновники слишком задрали нос и хотели отобрать власть у цековских чиновников».

Проиграли те, кто необдуманно поставил на Маленкова, и выиграли те, кто ориентировался на Никиту Сергеевича. В основном это были московские и киевские партийные секретари, верившие в счастливую звезду Хрущева. Теперь уже Хрущев мог позволить себе уничижительные характеристики своего политического оппонента:

— За границей много болтали о встрече четырех — Черчилля, Эйзенхауэра, французского премьера и Маленкова. Зная Маленкова, я просто боялся за него. Я как-то сказал Молотову, что Маленкова эти хитрые бестии могут провести и вынудить к уступкам. Эта бестия Черчилль как глянет, так у Маленкова сразу коленки могут подогнуться...

Через месяц, 18 февраля 1955 года, Никита Сергеевич держал речь на Пленуме ЦК Компартии Украины:

— Товарищ Маленков, видимо, упоенный положением председателя Совета министров, думал, что теперь он может все сделать. Он произнес необдуманную речь, в которой заявил, что в два-три года добьемся изобилия продовольствия и предметов потребления. Но он не подумал, откуда же это изобилие берется. В каком состоянии находится сельское хозяйство? Как выполнить это обещание?.. Чтобы создать видимость, что слова об изобилии начинают выполняться, стали вытаскивать из сундука золото, золото потекло за границу!

Хрущев вспомнил беседу с Е. А. Фурцевой:

— Приехала к ней родственница из деревни. Она спрашивает ее: как дела у вас в деревне? «Ничего, — отвечает, — теперь стало веселее. Товарищ Маленков хорошо выступил и пообещал нам, что скоро будет изобилие всех жизненных благ». Эта крестьянка говорит: у нас

Маленкова называют Георгием Победоносцем. Ну, для крестьянки, может быть, он победоносец, но мы-то знаем, какой он победоносец. Это несчастье, а не победоносец...

Вот теперь к власти пришел Никита Сергеевич Хрущев.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ДОКЛАД НА XX СЪЕЗДЕ

Первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев произнес свой знаменитый доклад о сталинских преступлениях на закрытом заседании XX съезда КПСС 25 февраля 1956 года. Но еще три с лишним десятилетия доклад оставался секретным. Его запрещалось цитировать, на него нельзя было ссылаться. Он словно не существовал. Тридцать с лишним лет делали вид, будто хрущевского выступления не было.

Мой отец (формально отчим, но он так трогательно относился ко мне и так много сделал для меня, что это слово не подходит) Виталий Александрович Сырокомский в перестроечные годы работал заместителем главного редактора «Известий» и одновременно главным редактором очень популярного в ту пору еженедельника «Неделя». В 1989 году (через 33 года после XX съезда!) он решил полностью перепечатать в «Неделе» доклад Хрущева. На другой день после выхода номера главных редакторов пригласили в ЦК на совещание. Он встретил помощника генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева по идеологии академика Ивана Тимофеевича Фролова. Отношения у них с давних пор были хорошие, так Сырокомскому, во всяком случае, казалось. На этот раз тот был мрачнее тучи.

— Кто тебе разрешил печатать доклад Хрущева? Разве было решение Политбюро?

Видимо, Фролов и поднял шум. Через день Сырокомского вызвал главный редактор «Известий» Иван Дмитриевич Лаптев.

— Кто вам разрешил дать доклад Хрущева? — грозно спросил он.

Сейчас даже трудно понять всю абсурдность этого вопроса. Газета напечатала доклад, давно известный всему миру.

— Так, вам уже шестьдесят, — констатировал Лаптев. — Пишите заявление об уходе на пенсию.

— За что?

— За то. А если не напишете, то я уволю вас своей властью, и никакой суд не станет рассматривать ваше дело.

Сырокомский, который в жизни таких угроз не слышал, вспыхнул:

— Дайте лист бумаги.

И тут же написал заявление. Вернулся в свой кабинет. Ему позвонил

другой помощник М. С. Горбачева — Георгий Хосроевич Шахназаров. Выслушал всю историю и разозлился:

— Лаптев не имеет никакого права снимать тебя с работы за публикацию хрущевского доклада. Пиши короткое письмо генеральному, объясни все толком, фельдъегеря я сейчас пришлю. А Лаптеву отнеси второе заявление, откажись от первого...

Сырокомский так и сделал. Лицо Лаптева хранило злорадное выражение:

— Первому заявлению я уже дал ход, а второе сохраню на память.

Примерно через месяц Лаптев ехидно сказал во время обеда:

— Поздравляю, Виталий Александрович. Пришло решение комиссии по персональным пенсиям. Вам установлена персональная пенсия союзного значения.

Но Сырокомский продолжал работать, а Лаптев ушел из «Известий» — его сделали председателем Совета Союза Верховного совета СССР.

Что же это за странная история с выступлением Хрущева?

Кто узнал первым?

После XX съезда доклад первого секретаря ЦК КПСС был опубликован только за границей. О том, как секретный доклад попал на Запад, ходят легенды. Историки уверены, что это дело рук иностранных разведок. Руководитель западногерманской Федеральной разведывательной службы (БНД) бывший генерал вермахта Рейнхард Гелен, который возглавлял отдел Генштаба, занимавшийся разведкой в отношении Советского Союза еще в годы Второй мировой, уверял, что это его люди вывезли из Москвы секретный доклад.

Другие считают, что копию доклада раздобыл руководитель израильской политической разведки Моссад Иссер Харел. У него в Москве будто бы был глубоко законспирированный агент, которого и берегли на крайний случай.

Все это байки. Западногерманская и израильская разведки не имели в Москве ни агентуры, ни доступа к секретным документам. Полный текст секретного доклада ушел на Запад через социалистическую Польшу.

Сразу после XX съезда в ЦК КПСС составили список находившихся в Москве руководителей братских Компартий, которых ознакомили с докладом Хрущева. Руководители других Компартий тоже попросили поставить их в известность и через советские посольства получили копии доклада. Бывший сотрудник Польского агентства печати Виктор Граевский уверен, что это он передал на Запад хрущевский доклад. Его подруга в Варшаве трудилась в аппарате первого секретаря ЦК Польской объединенной рабочей партии Эдварда Охаба. У нее на столе он увидел текст доклада и попросил почитать. Перевернув последнюю страницу, он был потрясен прочитанным. Отнес доклад в израильское посольство в Варшаве знакомому дипломату. Виктор Граевский считал, что мир должен узнать сказанное Хрущевым, поскольку его слова меняют представление о том, что происходит в Советском Союзе.

Сотрудник посольства, к которому обратился Граевский, был представителем не разведки, а службы безопасности Шин-Бет. Он снял копию с доклада и переслал ее своему начальству. А вот премьер-министр Израиля Давид Бен-Гурион распорядился передать текст американцам. Они же должны понимать, какие перемены происходят в Москве. Вот так доклад Хрущева оказался в руках директора ЦРУ Алена Даллеса. Ему и достались лавры суперразведчика, раздобывшего такой важный документ.

Текст перевели на английский язык. С ним познакомился брат Алена Даллеса — государственный секретарь США Джон Фостер Даллес. Он принял решение предать гласности секретный доклад Хрущева, и 4 июня 1956 года его текст был опубликован. Возникла нелепая ситуация: Соединенные Штаты обнародовали выступление руководителя Советского Союза, а тот всячески от него отрекся.

С английского текста сделали обратный перевод для русской эмиграции. 13 ноября 1956 года первый заместитель председателя КГБ при Совете министров СССР генерал-лейтенант Петр Иванович Ивашутин доложил в ЦК: «Действующая в ФРГ антисоветская эмигрантская организация, так называемый “Союз борьбы за освобождение народов России”, издала и распространяет среди перемещенных советских граждан брошюру под названием “Речь Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС”. Брошюра представляет собой перевод с английского на русский язык документа, опубликованного Госдепартаментом США. При сличении доклада товарища Хрущева Н. С. с этой брошюрой установлено, что тексты их тождественны».

Иначе говоря, сомнений в точности текста не существовало. Но советские руководители делали вид, что это фальшивка. «Официально мы существование доклада не подтверждали, — вспоминал Хрущев. — Помню, как меня спросили тогда журналисты, что, мол, вы можете сказать по этому поводу? Я ответил им, что такого документа не знаю и пусть на этот вопрос отвечает разведка Соединенных Штатов, господин Ален Даллес».

Но в реальности иностранные журналисты, работавшие в Москве, познакомились с содержанием секретного хрущевского доклада раньше, чем директор ЦРУ Ален Даллес! Первыми, разумеется, всё узнали корреспонденты коммунистических газет. Они поделились новостью с дипломатами. Но точную информацию получили и другие иностранные корреспонденты в Москве. Причем они не приложили для этого никаких усилий. О докладе Хрущева им по собственной инициативе рассказывали люди, которых они считали связанными с советской госбезопасностью.

Корреспонденту агентства «Рейтер» основные положения доклада пересказал человек, который называл себя «Костей Орловым». Британский журналист не сомневался, что мнимый «Костя» — агент КГБ. Кто еще в те времена мог беспрепятственно встречаться с иностранным журналистом и свободно рассуждать на опасные политические темы?

Первой о докладе рассказала «Нью-Йорк таймс». Статью написал известный журналист Гаррисон Солсбери, который работал в Москве еще

при Сталине и понимал советскую жизнь. Он, правда, сообщил лишь о самом факте антисталинской речи Хрущева. А на следующий день агентство «Рейтер» распространило достаточно точный пересказ доклада первого секретаря ЦК КПСС. Для отвода глаз в «Рейтере» сослались на неких западногерманских коммунистов. В Лондоне не понимали, что меры предосторожности излишни. Утечка информации была сознательной.

В Москве явно хотели, чтобы Запад имел представление о том, что именно обсуждалось на закрытом заседании XX съезда. Даже во время холодной войны определенное партнерство было необходимо. Тем более что новые советские руководители взяли курс на улучшение отношений с внешним миром.

В Советском Союзе хрущевский доклад оставался секретным только в том смысле, что его текст не публиковался в открытой печати. А с его содержанием в стране познакомились миллионы людей. Всего через неделю после окончания съезда, 5 марта 1956 года, было принято Постановление Президиума ЦК КПСС:

«1. Предложить обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик ознакомить с докладом тов. Хрущева Н. С. “О культуре личности и его последствиях” на XX съезде КПСС всех коммунистов и комсомольцев, а также беспартийный актив рабочих, служащих и колхозников.

2. Доклад тов. Хрущева разослать партийным организациям с грифом “не для печати”, сняв с брошюры гриф “строго секретно”».

Доклад отпечатали в десятках тысяч экземпляров. Его зачитывали в партийных и комсомольских организациях, на собраниях трудовых коллективов по всей стране. Но сам текст берегли как государственную тайну.

Председатель КГБ Иван Серов 31 марта 1956 года информировал ЦК: «Докладываю, что, по сообщению Управления КГБ Пензенской области, 23 марта сего года в Пачелмском райкоме КПСС утерян экземпляр № 34322 доклада товарища Хрущева Н. С. “О культуре личности и его последствиях”.

Принятые меры розыска положительных результатов пока не дали».

Расследование по указанию Москвы проводили работник Пензенского обкома партии и два сотрудника госбезопасности. Выяснилось, что заместитель председателя Пачелмского райисполкома Фролов поехал информировать коммунистов Шейнского сельсовета и там потерял свой экземпляр. Как это произошло, вспомнить он так и не смог. Видимо, районного начальника встречали, как положено, он расслабился и где-то оставил драгоценную книжицу. Фролова исключили из партии и сняли с работы.

Этот эпизод показывает: не только узнать, что именно говорил Хрущев на закрытом заседании съезда, но и подержать в руках сам доклад было не так уж сложно. Но с какой целью сохраняли всю эту таинственность вокруг доклада на съезде? Она породила множество мифов, пошла во вред и стране, и самому Хрущеву.

Судьба Леонида Хрущева

Говорят, что Хрущев выступил против Сталина неожиданно для других руководителей страны и только лишь потому, что желал отомстить мертвому вождю.

Правда, Никите Сергеевичу как раз не за что было мстить. Сталин посадил жену В. М. Молотова и говорил, что сам «Вячеслав Михайлович ведет себя недостойно». Довел до самоубийства старшего брата Л. М. Кагановича — Михаила. Называл К. Е. Ворошилова английским шпионом. Прилюдно унижал А. И. Микояна. А Хрущев-то как раз ходил у Сталина в любимчиках.

Есть целая литература о старшем сыне Хрущева Леониде, военном летчике. Что только ему не приписали! Одни уверяют, что он перелетел к немцам и служил оккупантам. Другие доказывают, что он по пьянке застрелил сослуживца, его судили, дали срок, и Никита Сергеевич чуть ли не ползал на коленях, вымаливая у вождя прощение...

Документально установлено, что ничего этого не было!

В 1999 году российская прокуратура, проведя расследование, сообщила, что «сведениями о совершении каких-либо преступлений старшим лейтенантом Л. Н. Хрущевым не располагает». Клеветать на фронтовика, сражавшегося с первых дней войны и отдавшего жизнь за Родину, мерзко.

Как сложилась судьба старшего сына Никиты Сергеевича?

Веселый, обаятельный, но непослушный, Леонид Хрущев постоянно огорчал отца. Очень нравился девушкам, рано стал отцом и рано женился, чем вывел отца из себя. Говоря современным языком, он был бесшабашным и безбашенным. Мечтал об одном — стать летчиком. Поступал в разные училища, и везде возникали проблемы с дисциплиной. Повзрослев, успешно окончил Энгельсское военноавиационное училище в городе Энгельсе Саратовской области, где готовили пилотов для бомбардировочной авиации. Хрущев учился летать на СБ (АНТ-40) — скоростном бомбардировщике, созданном в конструкторском бюро выдающегося авиаконструктора А. Н. Туполева.

Нина Хрущева: «После выпуска в июне 1940 года в чине лейтенанта младший пилот Хрущев поступил на службу в 134-й полк скоростной бомбардировочной авиации, расквартированный в Подольске, в 30 километрах к югу от Москвы. А войну встретил в должности командира

звена 134-го авиаполка, вошедшего в состав 46-й авиадивизии Московского военного округа».

Леонид Хрущев сразу же попал на фронт.

Нина Хрущева: «26 июля 1941 года, во время 31-го боевого вылета за четыре недели, самолет был атакован и вынужден совершить аварийную посадку. Леонид получил перелом левой ноги. В результате тяжелой операции без анестезии ногу удалось спасти».

Месяц пролежал в госпитале. Еще месяц в санатории. Поехал в Куйбышев, куда эвакуировали семью Никиты Сергеевича. Его произвели в старшие лейтенанты, наградили орденом Боевого Красного Знамени. Никита Сергеевич написал сыну:

«Лейтенанту Л. Н. Хрущеву.

Рад за тебя и твоих боевых товарищей. Молодцы, поздравляю с боевыми успехами. Бейте и дальше фашистскую сволочь, громите их днем и ночью.

Твой отец Н. Хрущев».

А нога по-прежнему в гипсе. Заключение после-операционного медицинского обследования 18 февраля 1942 года: «Физически негоден к военной службе». Леонид Хрущев не смирился! Писал рапорты начальству. Захотел стать летчиком-истребителем. И добился своего! Научился летать на Як-7Б.

Наконец, 19 декабря 1942 года старшего лейтенанта Хрущева зачислили в 18-й гвардейский истребительный авиационный полк 303-й истребительной авиадивизии, входившей в состав 1-й воздушной армии Западного фронта. 11 марта 1943 года он в составе боевого звена вылетел на боевое задание. Из боя не вернулся...

Командующий 1-й воздушной армией генерал-лейтенант Сергей Александрович Худяков написал Никите Сергеевичу: «С глубоким прискорбием сообщаю Вам печальную весть. Ваш сын, летчик 18-го гвардейского истребительного авиационного полка гвардии старший лейтенант Леонид Никитович Хрущев 11 марта 1943 г. не возвратился с боевого задания».

В апреле генерал Худяков отправил Хрущеву новое письмо: «В течение месяца мы не теряли надежды на возвращение Вашего сына, но обстоятельства, при которых он не возвратился, и прошедший с того времени срок заставляют нас сделать скорбный вывод, что Ваш сын пал смертью храбрых в бою». 18 апреля Леонида Никитича представили к награждению орденом Отечественной войны 1-й степени. Посмертно.

Уже после окончания войны, 25 июня 1945 года, когда стало

окончательно ясно, что Леонид Хрущев погиб, орден вручили отцу: «В соответствии с статутом ордена Отечественной войны, орден вручается Вам на память о дорогом Вашем сыне, геройски погибшем в боях с немецкими захватчиками. Военный Совет Военно-Воздушных Сил Красной Армии разделяет с Вами тяжелую утрату и желает Вам доброго здоровья и успехов в Вашей плодотворной деятельности на благо и процветание нашей Родины».

Два десятилетия спустя Хрущева приглашали в часть, где служил его сын, — это 18-й гвардейский истребительный авиационный Витебский дважды Краснознаменный ордена Суворова полк. В составе этого полка сражалась в военные годы эскадрилья французских летчиков «Нормандия — Неман».

Так что же произошло с Леонидом Хрущевым?

В архиве Министерства обороны Нина Хрущева обнаружила рапорт командира 18-го авиаполка майора Анатолия Емельяновича Голубева: «Два наших самолета, ведущий гвардии старший лейтенант Заморин и ведомый гвардии старший лейтенант Хрущев, были атакованы двумя Фокке-Вульф-190, в результате завязался воздушный бой...

Заморин сбил самолет противника и увидел, что к хвосту машины Хрущева пристроился один ФВ-190, и вел по нему огонь. Немецкий летчик, видя свое невыгодное положение, отвалил от Хрущёва и с пикирования пошел на юг, Заморин продолжал атаковать. В момент, когда истребитель противника отвалил от Хрущева, Хрущев с переворотом под углом 65—70 градусов пошел к земле.

Когда Заморин возвратился, то Хрущева не нашел и считает, что сбитым он не может быть, так как снаряды рвались далеко в хвосте, а перетянул ручку и сорвался в штопор».

А почти через четыре десятилетия, в 1981 году, гвардии подполковник Иван Александрович Заморин, который в войну сбил 12 вражеских самолетов и был отмечен орденом Ленина, отправил письмо министру обороны СССР маршалу Советского Союза Дмитрию Федоровичу Устинову: «В рапорте я умолчал о том, что когда ФВ-190 кинулся на мою машину в атаку, зайдя мне снизу под правое крыло, Лёня Хрущев, чтобы спасти меня от смерти, бросил свой самолет наперерез огненному залпу “Фоккера”. После броневой удара самолет Хрущева буквально рассыпался у меня на глазах! Вот почему на земле невозможно было найти какие-либо следы этой катастрофы».

В городке Жиздра Калужской области есть скромная братская могила. Одно из имен на надгробии — «ст. лейтенант Л. Н. Хрущев».

Теперь, когда многое рассекречено, известна драматическая история подготовки секретного антисталинского доклада на XX съезде. Он не был ни импровизацией, ни случайностью.

Первые документы о механизме репрессий в стране были представлены сразу после смерти Сталина — правда, узкому кругу людей, высшему слою номенклатуры. Это сделал, задолго до XX съезда, Берия. Заняв в 1953 году пост министра внутренних дел СССР, он принялся прекращать заведомо фальсифицированные дела и освобождать арестованных. В его аппарате подготовили объемистый документ в несколько десятков страниц. В нем цитировались показания следователей МГБ о том, как они сажали невинных и получали нужные показания, воспроизводились резолюции Сталина, который требовал нещадно бить арестованных.

«Членов и кандидатов в члены ЦК, — вспоминал писатель Константин Симонов, — знакомили в Кремле, в двух или трех отведенных для этого комнатах, с документами, свидетельствующими о непосредственном участии Сталина во всей истории с “врачами-убийцами”, а также с показаниями арестованного начальника следственной части министерства государственной безопасности о его разговорах со Сталиным, о требованиях Сталина ужесточить допросы — и так далее, и тому подобное. Были там показания и других лиц, всякий раз связанные непосредственно с ролью Сталина в этом деле. Были записи разговоров со Сталиным на эту же тему...

Чтение было тяжкое, записи были похожи на правду и свидетельствовали о болезненном психическом состоянии Сталина, о его подозрительности и жестокости, граничащих с психозом. Поэтому к тому нравственному удару, который я пережил во время речи Хрущева на XX съезде, я был, наверное, больше готов, чем многие другие люди».

В конце 1953-го прошел суд над самим Л. П. Берией и его подельниками. Текст обвинительного заключения по делу Берии отпечатали в виде брошюры и разослали по всей стране, с ними знакомили районные партийные активы, то есть достаточно широкий круг людей. В конце 1953 года Президиуму ЦК доложили: в 1921—1929 годах арестовали больше 1 миллиона человек, в 1930—1936 годах — больше 2 миллионов, в 1936—1938 годах — более 1,5 миллиона (расстреляли около 700 тысяч), в 1939—1953-м — еще 1 миллион 100 тысяч.

Необходимость перемен и расчета со сталинским прошлым понимали все члены партийного руководства, только они медлили, боялись. Г. М. Маленков уже в апреле 1953 года предложил собрать Пленум ЦК, чтобы

осудить культ личности Сталина. Сохранился проект его выступления:

«Товарищи! По поручению Президиума ЦК КПСС считаю необходимым остановиться на одном важном принципиальном вопросе, имеющем большое значение для дела дальнейшего укрепления и сплочения руководства нашей партии и советского государства. Я имею в виду вопрос о неверном, немарксистском понимании роли личности в истории, которое, надо прямо сказать, получило весьма широкое распространение у нас и в результате которого проводится вредная пропаганда культа личности. Нечего доказывать, что такой культ не имеет ничего общего с марксизмом и сам по себе является не чем иным, как эсеровщиной.

Сила нашей партии и залог правильного руководства, важнейшее условие дальнейшего движения вперед, дальнейшего укрепления экономической и оборонной мощи нашего государства состоит в коллективности и монолитности руководства.

Руководствуясь этими принципиальными соображениями, Президиум ЦК КПСС выносит на рассмотрение Пленума ЦК КПСС следующий проект решения:

“Центральный комитет КПСС считает, что в нашей печатной и устной пропаганде имеют место ненормальности, выражающиеся в том, что наши пропагандисты сбиваются на немарксистское понимание роли личности в истории, на пропаганду культа личности.

В связи с этим Центральный комитет КПСС признает необходимым осудить и решительно покончить с немарксистскими, по существу эсеровскими тенденциями в нашей пропаганде, идущими по линии пропаганды культа личности и умаления значения и роли сплоченного, монолитного, единого коллективного руководства партии и правительства”».

Пленум не собрался. Маленков не решился. Но было ясно, что разговор о наследстве вождя становился неизбежным.

В 1954 году Хрущев делился с товарищами по партии:

— В последние годы товарищ Сталин страдал тяжелым заболеванием — гипертонией. Повышенное давление вызывает у людей сильную раздражительность, мнительность... Болезнь и годы не могли не сказаться на его способностях. В последние годы и ум у него уже стал не тот: как ленинградское солнце — блеснет, а потом опять в тумане. Это зависело от состояния его здоровья. Он иногда впадал в крайности: мог и похвалить, мог и арестовать человека.

После ареста Берии освобождение заключенных продолжалось. И не только по соображениям гуманности и справедливости. Смерть вождя

ослабила страх и породила надежды на улучшение жизни. Начались мятежи в лагерях. В мае 1953 года в Заполярье, в Норильском лагере особого режима восстали более 20 тысяч узников. Там действовали подпольные организации, несмотря на оперчекистский аппарат. Заключение протестовали против условий содержания и расстрелов заключенных, требовали приезда из Москвы правительственной комиссии. Мятеж продолжался два месяца. В начале августа его подавили силой, но в Москве осознали, что придется ликвидировать Особые лагеря, предназначенные для политических, в которых действовал усиленный режим.

«Эхом норильских событий стали восстание в Кенгире и другие лагерные волнения, — вспоминал участник восстания Лев Александрович Нетто, брат знаменитого футболиста Игоря Нетто, игравшего за «Спартак». — Судьба нашей страны не была игрушкой в руках вождей, медленное освобождение от крайностей тоталитаризма не было даром великодушных правителей. Наша забастовка, другие лагерные выступления подорвали основу коммунистического режима — гигантскую империю ГУЛАГа. Народ начал сам свое освобождение, толкая в спину партийных реформаторов».

В том же 1953 году восстания заключенных вспыхнули в Воркуте и Норильске, в 1954 году — в поселке Кенгир (Казахстан). Для подавления восстаний требовалась тяжелая военная техника, танки, артиллерия.

А рядом с лагерями жили вчерашние эки, недавно освобожденные, тоже небольшие поклонники советской власти. Возникла критическая масса, опасная для власти.

Процесс реабилитации невинно осужденных был неминуем. Начали с тех, кого руководители страны хорошо знали, — с родственников, друзей, знакомых, бывших сослуживцев. Живых возвращали из лагерей, с убитых снимали нелепые обвинения. Оправдание одного невинного влекло за собой оправдание и его мнимых «подельников».

Генеральный прокурор СССР Роман Андреевич Руденко чуть ли не каждую неделю отправлял в ЦК записку с просьбой разрешить реабилитацию того или иного крупного советского руководителя. Из информации КГБ, МВД, Комитета партийного контроля, прокуратуры складывалась чудовищная картина уничтожения невинных людей самыми мерзкими способами. Выяснялось, что заведенные госбезопасностью дела были фальсифицированы.

Создали комиссию, которая должна была представить предложения о трудовом и бытовом устройстве так называемых спецпоселенцев — в

основном речь шла о народах, которые при Сталине выселили в Сибирь и Казахстан. В спецпоселениях держали два с лишним миллиона человек, из них полтора миллиона — депортированные в годы войны чеченцы, ингуши, балкарцы, калмыки, крымские татары, немцы.

Комиссия сделала первый шаг в реабилитации народов, изгнанных из родных мест: «Многие партийные и советские органы допускают пренебрежительное отношение к работе среди спецпоселенцев, проходят мимо многочисленных фактов произвола в отношении этой части населения, ущемления законных прав спецпоселенцев, огульного политического недоверия к ним...

Считали бы необходимым поручить группе работников изучить вопрос и доложить ЦК предложения о целесообразности дальнейшего сохранения во всей полноте тех правовых ограничений в отношении спецпоселенцев — немцев, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев, калмыков и крымских татар, которые были установлены в свое время постановлением Совета Народных Комиссаров от 8 января 1945 года и постановлением Совета Министров от 24 ноября 1948 года.

Например, отлучка спецпоселенца без соответствующего разрешения за пределы района, обслуживаемого спецкомендатурой (иногда ограничиваемая территорией нескольких улиц в городе и сельсовета в сельских районах), рассматривается как побег и влечет за собой ответственность в уголовном порядке. Полагаем, что в настоящее время уже нет необходимости сохранять эти серьезные ограничения».

В апреле 1953-го секретную записку комиссия передала главе правительства Г. М. Маленкову. Но прошел не один год, прежде чем репрессированным народам разрешили вернуться в родные места.

Какими бы циничными ни были руководители партии, они не могли совсем уж отмахнуться от этого потока разоблачений. 5 ноября 1955 года на Президиуме ЦК зашла речь о том, как отмечать день рождения Сталина. Вспыхнул спор. Одни считали, что настало время рассказать правду о преступлениях. Другие всячески этому противились. Но документов о сталинских преступлениях накопилось так много, что члены Президиума ЦК решили не проводить торжественных собраний и не славить усопшего вождя.

В последний день года, 31 декабря, на заседании Президиума ЦК новый глава правительства Н. А. Булганин зачитал письмо вернувшейся из лагеря старой коммунистки Ольги Владимировны Шатуновской. И тогда в Кремле впервые прозвучал вопрос, который будет повторяться вновь и вновь: «Как получилось в 1937— 1938 годах, — писала Ольга

Владимировна, — что многие преданные партии ее члены оказались в советской тюрьме с клеймом врагов народа? И как получилось, что большинство нашего Центрального комитета, избранного XVII партсъездом, и большинство нашего руководящего партийного актива были объявлены врагами народа и уничтожены?»

Сразу возник спор об обстоятельствах убийства руководителя Ленинграда Сергея Мироновича Кирова в 1934 году. Его смерть стала сигналом к началу массовых репрессий. В. М. Молотов уверенно заявил, что тайн в обстоятельствах гибели Кирова нет. Другие члены Президиума ЦК заговорили о том, что пора разобраться в истории этого убийства и что «чекисты приложили руку к этому делу». Утвердили комиссию, которую обязали выяснить судьбу членов ЦК, избранных на XVII съезде партии (1934 год) и расстрелянных Сталиным.

Ради чего он это сделал?

Возглавили комиссию два секретаря ЦК — бывший главный редактор «Правды» Петр Николаевич Поспелов и Аверкий Борисович Аристов, которому еще Сталин поручил заниматься партийными кадрами и который теперь курировал органы госбезопасности. «Поспелов, — вспоминал Хрущев, — считался близким человеком к Сталину. Он был преданнейшим Сталину человеком. Я бы сказал, более чем рабски преданный человек. Когда мы сообщили, что Сталин умер, Поспелов буквально рыдал. Одним словом, у нас не было сомнений в его хорошем отношении к Сталину, и мы считали, что это внушит доверие к материалам, которые подготовит его комиссия».

Комиссия, собственно, и вскрыла основной массив материалов, свидетельствующих о масштабе репрессий в стране. Они потом перейдут в доклад Хрущева. Поспелов и Аристов подняли документы госбезопасности, допросили бывших узников лагерей и бывших следователей. Они представили доклад, который начинался так:

«Нами изучены имеющиеся в Комитете госбезопасности архивные документы, из которых видно, что 1935—1940 годы в нашей стране являются годами массовых арестов советских граждан. За эти годы было арестовано по обвинению в антисоветской деятельности 1 920 635 человек, из них расстреляно 688 503...

Самые позорные нарушения социалистической законности, самые зверские пытки, приводившие к массовым оговорам невинных людей, были санкционированы И. В. Сталиным от имени ЦК ВКП(б)...

Урон, который был нанесен массовыми репрессиями военным кадрам, явился одной из причин наших неудач в финской войне, а затем неудач подбодрили Гитлера и способствовали ускорению гитлеровского нападения на СССР.

Позорные дела, творившиеся в стенах органов НКВД, делались в угоду одному человеку, а иногда по его прямым указаниям. Вот к чему привел антимарксистский, антиленинский “культ личности”, созданный безграничным восхвалением и возвеличением И. В. Сталина».

Разделы доклада комиссии Поспелова и Аристова: «Приказы НКВД СССР о проведении массовых репрессий», «Искусственное создание антисоветских организаций, блоков и различного рода центров», «О грубейших нарушениях законности в процессе следствия», «О “заговорах”

в органах НКВД», «Нарушения законности органами прокуратуры в надзоре за следствием в НКВД», «Судебный произвол Военной Коллегии Верховного Суда СССР», «О внесудебном рассмотрении дел».

В докладе сообщалось, что репрессивной машиной руководил сам Сталин, что признательные показания выбивались, что среди работников госбезопасности шло социалистическое соревнование: кто больше посадит. Цитировалась докладная записка начальству одного чекиста, работавшего в 1938 году на Дальнем Востоке: «Немецкая разведка. По этой линии дела у меня плохие. Правда, вскрыта одна резидентура, но немцы должны вести дела посерьезнее. Постараюсь раскопать. Финская агентура есть. Чехословацкая есть. Для полной коллекции не могу разыскать итальянца и француза. Китайцев подобрал всех. Остались только старики, хотя часть из них, семь человек, изобличаются как шпионы и контрабандисты. Я думаю, не стоит на них тратить время. Уж слишком они дряхлые». А показания начальника отдела Наркомата внутренних дел Белоруссии: «Среди следователей шло соревнование, кто больше “расколет”. Избиения арестованных, пытки, доходившие до садизма, стали основными методами допроса. Считалось позорным, если у следователя нет ни одного признания в день. В наркомате был сплошной стон и крик, который можно было услышать за квартал от наркомата. Особенно отличался следственный отдел».

К докладу приложили и документы. Телеграмму Сталина от 10 января 1939 года, которая подтверждала «установленную ЦК практику применения физического воздействия» (то есть разрешала пытки при допросах), справку о санкционированном Сталиным расстреле 138 руководящих работников... Руководители страны прочитали этот семидесятистраничный доклад. Многие ужаснулись.

Тридцатого января 1956 года на заседании Президиума ЦК впервые прозвучала идея отправить в лагеря комиссии, чтобы они прямо на месте начали освобождать невинных людей. 19 марта утвердили комиссии Президиума Верховного совета СССР, которым предписано было выехать в исправительно-трудовые лагеря, колонии и тюрьмы; им предоставили право освобождать «неправильно осужденных».

При всем этом низовой партаппарат и не подозревал о готовящихся революционных переменах. В те же самые январские дни в ЦК поступила записка: «Мемориальный дом-музей И. В. Сталина (дача ближняя) готов к открытию. Исправления в экспозиции, в соответствии с указаниями тт. Н. С. Хрущева, Н. А. Булганина и Г. М. Маленкова, сделаны. Если ЦК КПСС сочтет это целесообразным, музей можно было бы показать делегатам XX

съезда КПСС, а в годовщину смерти И. В. Сталина 5 марта 1956 года открыть для всех желающих посетить его».

Но музею не суждено было открыться. На заседание Президиума ЦК привели бывшего заместителя начальника Следственной части МГБ СССР по особо важным делам полковника Бориса Вениаминовича Родоса, уже арестованного по обвинению в нарушении социалистической законности. Даже членам Президиума ЦК стало не по себе от его рассказов о том, как в госбезопасности выбивались показания. Они давали согласие на арест или смертный приговор, но не видели своими глазами, что делают с людьми, попавшими в руки чекистов. Внутренняя кухня пыток и издевательств была им неизвестна.

«Докладчиком был Пospelов (он был и сейчас остается просталински настроенным), — рассказывал Анастас Микоян. — Факты были настолько ужасающими, что в местах очень тяжелых у него на глазах появлялись слезы и дрожь в голосе. Мы все были поражены, хотя многое мы знали, но всего того, что доложила комиссия, мы, конечно, не знали. А теперь это все было проверено и подтверждено документами».

Секретарь ЦК Аверкий Аристов первым произнес эти слова:

— Товарищ Хрущев, хватит ли у нас мужества сказать правду?

Вот тогда у Никиты Сергеевича, видимо, и зародилась идея рассказать обо всем на приближающемся съезде партии.

Возразил Каганович:

— Многое пересмотреть можно, но тридцать лет Сталин стоял во главе партии и народа.

Маршал Ворошилов тоже был против:

— Доля Сталина во всем этом была? Была. Мерзости много, правильно говорите, товарищ Хрущев. Но надо подумать, чтобы с водой не выплеснуть ребенка. Дело серьезное, исподволь надо.

И Молотов тоже не мог представить себе, что Сталина назовут виновным в массовых убийствах и пытках:

— Нельзя в докладе не сказать, что Сталин — великий продолжатель дела Ленина. Стою на этом. Правду, конечно, надо восстановить.

Но правда состоит и в том, что под руководством Сталина победил социализм.

Ему возразил Микоян:

— Возьмите реальную историю — с ума можно сойти.

Член Президиума ЦК и первый заместитель главы правительства

М. З. Сабуров зло ответил сомневающимся:

— Если верны приведенные здесь факты, разве это коммунизм? Это

простить нельзя.

Секретарь ЦК Михаил Андреевич Суслов сформулировал общее настроение членов Президиума:

— За несколько последних месяцев мы узнали ужасные вещи. Оправдать это ничем нельзя. Культ личности большой вред наносит.

Хрущев коротко подвел итог:

— Сталин — преданный делу социализма человек. Но все делал варварскими способами. Он партию уничтожил. Не марксист он. Все святое стер, что есть в человеке. Все своим капризам подчинил. Надо наметить линию и отвести Сталину его место.

Что повлияло на решение Хрущева?

Конечно же, желание освободить людей! Что бы о нем потом ни говорили, он был живым и открытым человеком, с чувствами и эмоциями. Даже его единомышленникам страшно было говорить о Сталине. А он решился.

Помимо его очевидного желания сбросить груз прошлого, разоблачение сталинских преступлений играло и сугубо прагматическую роль — подрывало позиции «старой гвардии»: Г. М. Маленкова, В. М. Молотова, Л. М. Кагановича, К. Е. Ворошилова, которые вместе с вождем подписывали смертные приговоры.

Почему Хрущев был так уверен, что его подписи на расстрельных списках не найдут?

Уже 5 марта 1953 года Бюро Президиума ЦК «поручило тт. Маленкову, Берия и Хрущеву принять меры к тому, чтобы документы и бумаги товарища Сталина, как действующие, так и архивные, были приведены в должный порядок». Потом Президиум ЦК еще отдельно распорядился уничтожить документы о слежке за высшими военными и политическими руководителями страны.

Некоторые историки полагают : Хрущев позаботился о том, чтобы все опасные для него бумаги отправились в печь. Вместе с ненужными ему документами VI сектора (архив Политбюро) и VII сектора (архив

Секретариата ЦК) Общего отдела ЦК. Считается, что и председатель КГБ И. А. Серов, всем обязанный Хрущеву, провел чистку архивов госбезопасности и избавился от наиболее одиозных материалов, компрометирующих партию и правительство. Те, кто осенью 1954 года сидел во внутренней тюрьме КГБ на Лубянке, рассказывали потом, что нельзя было открыть окно — такой шел дым. Во дворе жгли секретные бумаги. И вроде бы машинами вывозили документы из архива Московского горкома партии, которым прежде руководил Хрущев.

Впоследствии, когда товарищи решили избавиться от Хрущева, осенью 1964 года, принялись искать компрометирующие Никиту Сергеевича документы, в том числе и о его причастности к сталинскому террору. Особых успехов не добились.

Уже в наше время на Украине, где архивы госбезопасности рассекречены, обнаружили «Документальную справку о массовых репрессиях на Украине в 1937—38 гг.», составленную в те дни председателем КГБ при Совете министров УССР В. Ф. Никитченко. В ней, в частности, сказано:

«В 1937—1938 гг. органами Народного комиссариата внутренних дел УССР на территории Украины проводились массовые аресты советских граждан, среди которых были многочисленные руководящие кадры партийных, советских, хозяйственных органов, командно-политический состав Рабоче-Крестьянской Красной Армии, пограничной и внутренней охраны и сотрудники органов НКВД.

Согласно архивным материалам Комитета государственной безопасности при Совете Министров УССР, органами НКВД на территории Украины в 1937—1938 году всего было арестовано 267 579 человек».

В годы массовых репрессий Хрущев еще не вошел в число главных руководителей страны. Потом Сталин отправил его на Украину. Так что свою подпись под позорными документами Хрущев ставил реже старших членов Политбюро.

Часто можно услышать: все члены Политбюро столь же виновны в массовых репрессиях, как и Сталин. Мол, у и самого Хрущева руки по локоть в крови, а он все свалил на вождя... Но ведь как только умер Сталин, массовые репрессии прекратились! Сразу! В тот же день! Да, и после 1953 года преследовали инакомыслящих, сажали в тюрьму по политическим статьям. Но массовый террор остался в прошлом. Это неопровержимо доказывает, кто был его вдохновителем и организатором. Другие члены Политбюро присоединялись к нему. Одни, как В. М. Молотов и Л. П. Берия, — потому что полностью одобряли его идеи и методы. Остальные, как Хрущев, вынужденно, поскольку соучастие было обязанностью руководства страны. Но едва представилась возможность прекратить убийства, Никита Сергеевич это сделал.

Хрущев первоначально планировал рассказать о репрессиях в отчетном докладе XX съезду и предоставить слово старым коммунистам, которые прошли лагеря и могли поведать делегатам, что они пережили.

К выступлению готовился А. В. Снегов, который в 30-е годы работал в аппарате ЦК Компартии Украины, заведовал Орготделом Закавказского

крайкома, был секретарем Иркутского горкома. Алексея Владимировича арестовали в июле 1937 года, следствие затянулось, и худшее его миновало. Его дело передали в суд в момент ослабления репрессий. В январе 1939 года — невиданное дело! — признали невиновным и освободили из-под стражи. Но по личному указанию наркома внутренних дел Л. П. Берии он был вновь арестован и сидел до 1954 года.

Никита Сергеевич сам беседовал со Снеговым и был потрясен его рассказом о том, как действовала машина репрессий. Снегов прислал Хрущеву текст своего выступления. Но от этой идеи отказались. Решили, что о сталинских преступлениях можно говорить только на закрытом заседании. Дескать, народ еще не готов все услышать.

Принято считать, что хрущевский доклад был полной неожиданностью для руководства страны и делегатов партийного форума. На самом деле он был запланирован заранее. Все решилось 9 февраля 1956 года на заседании Президиума ЦК.

Для Хрущева сомнений не было:

— Несостоятельность Сталина раскрывается как вождя. Что за вождь, если всех уничтожает? Нужно проявить мужество, сказать правду.

Радости эта перспектива у «старой гвардии» не вызвала. Но противостоять очевидному побаивались. С оговорками, с сомнениями, но одобрили.

— На съезде надо сказать, — согласился Молотов.

— Историю обманывать нельзя, факты не выкинешь, — философски высказался Каганович. — Правильно предложение Хрущева, доклад заслушать.

— Если съезду не сказать, будут говорить, что мы трусили, — заметил Булганин.

— Сталин осатанел в борьбе с врагами, — буркнул Ворошилов, — были у него звериные замашки.

— Надо делегатам рассказать все, — позиция Сулова была однозначной. — Говорим о коллективности руководства, а со съездом будем хитрить?

Договорились ознакомить делегатов съезда и с ленинскими документами (содержащими нелицеприятные оценки Сталина), которые три десятилетия держали под замком.

Накануне открытия XX съезда, 13 февраля, в три часа в Свердловском зале Кремля собрался Пленум ЦК старого созыва. Обсуждался регламент съезда.

— Есть еще один вопрос, о котором нужно сказать, — объявил

Хрущев. — Президиум Центрального комитета после неоднократного обмена мнениями и изучения обстановки и материалов после смерти товарища Сталина считает необходимым поставить на закрытом заседании съезда доклад о культе личности. Видимо, этот доклад надо будет сделать на закрытом заседании, когда гостей никого не будет. Почему, товарищи, мы решили поставить этот вопрос? Сейчас все видят, чувствуют и понимают, что мы не так ставим вопрос о культе личности, как он ставился в свое время, и есть потребность получить объяснение, чем это вызывается. Нужно, чтобы делегаты съезда все-таки больше узнали и почувствовали, поняли бы больше, чем мы сейчас делаем через печать. Иначе делегаты съезда будут чувствовать себя не совсем хозяевами в партии.

Почему секретный доклад был прочитан уже после избрания руководящих партийных органов, что считается завершением работы съезда? Обычно говорят, что Хрущев решился выступить против Сталина в последний момент, чтобы его никто не остановил. Это не так. Причина другая.

Маршал Ворошилов удрученно заметил, что после такого доклада никого из них не выберут в ЦК. Разве делегаты проголосуют за людей, которые участвовали в преступлениях против собственного народа? Члены Президиума решили не рисковать: пусть сначала нас выберут, потом узнают правду. Так что сам по себе доклад вовсе не был неожиданностью. Шоком стало все то, что люди узнали.

На четвертый день работы съезда П. Н. Пospelов и А. Б. Аристов представили Хрущеву проект выступления. Первому секретарю текст не понравился — сухой, нудный, так на важнейшие темы не говорят. Он вообще тяготел к живой речи, часто отрывался от составленного ранее. Никита Сергеевич вызвал стенографисток и передиктовал. Обратился за помощью к секретарю ЦК по идеологии Д. Т. Шепилову, самому образованному в партийном руководстве. Увидев своими глазами секретные материалы из архивов госбезопасности, Шепилов столь же искренне стал осуждать Сталина, как прежде восхищался им.

— Подходит Хрущев, — вспоминал Шепилов. — «Дмитрий Трофимович, выйдем на минутку». Пошли в кулуары, где всегда закусывали, и он говорит: поможете?

Шепилов поработал над текстом и принес новый вариант Хрущеву.

Но сам он понимал скромность своего вклада:

— Я не автор и не соавтор его. Когда Хрущев стал читать доклад, я улавливал только некоторые абзацы, которые я сделал, фразы... Ну, и по стилю.

Никита Сергеевич использовал то, что сделал Шепилов, кое-что взял из письма Снегова. В чем-то обострил текст, в чем-то смягчил.

В докладе комиссии говорилось о том, что никакой оппозиции вообще не существовало — мнимые антисоветские организации, троцкистские, зиновьевские и бухаринские блоки и центры придумывала госбезопасность, арестованные признавались в чем угодно после истязаний и пыток. Вывод комиссии означал, что необходимо реабилитировать лидеров оппозиции и вообще перестать называть их врагами. Хрущев это важнейшее положение вычеркнул. Не решился признать, что внутреннего врага вообще не существовало. Пытаясь объяснить, как стали возможными массовые репрессии, Хрущев сделал акцент на личных качествах вождя:

— Сталин стал капризным, раздражительным, физически слабым, тогда в большей степени проявились подозрительность, болезненная мания преследования. Он чуть не в каждом видел врага. Ему следствие не нужно было, потому что человек с таким характером, с таким болезненным состоянием сам себя считал гением, сам себе навязал мысль, что он всеведающий, всезнающий и ему никакие следователи не нужны. Он сказал — и их арестовали. Он сказал надеть кандалы — так и будет. Сам вызывал следователя, сам его инструктировал, сам ему указывал методы следствия, а методы единственные — бить.

Хрущев разослал проект доклада всей партийной верхушке. Члены Президиума и секретари ЦК проект одобрили. Никита Сергеевич дорабатывал текст до последней минуты. Сохранилась обильная правка, сделанная М. А. Сусловым. Поправки Хрущев учел.

Окончательный текст был готов 23 февраля. На следующий день делегаты съезда выбрали членов нового состава ЦК. 25 февраля утром, на 20-м по счету заседании съезда, председатель правительства Н. А. Булганин предоставил слово Хрущеву.

«Съезд выслушал меня молча, — вспоминал Никита Сергеевич. — Как говорится, слышен был полет мухи. Все оказалось настолько неожиданным. Нужно было, конечно, понимать, как делегаты были поражены рассказом о зверствах, которые были совершены по отношению к заслуженным людям, старым большевикам и молодежи. Сколько погибло честных людей!.. Считаю, что вопрос был поставлен абсолютно правильно и своевременно. Не только не раскаиваюсь, но доволен, что правильно уловил момент и настоял, чтобы такой доклад был сделан. Ведь людей держали в тюрьмах и лагерях».

Надо заметить, что недовольство секретным докладом, разоблачением сталинских преступлений возникнет в среде партийно-государственной

бюрократии позже. Тогда же, на съезде, большая часть аппарата поддержала Хрущева. Разумеется, первые секретари обкомов не хотели либерализма в духовной жизни, побаивались послаблений в идеологической сфере. Но еще больше страшились возвращения к сталинским временам, когда никто не был застрахован от ареста. Никита Сергеевич гарантировал аппарату стабильность и открыл молодому поколению дорогу наверх, освобождая руководящие кабинеты от прежних хозяев.

Его речь на съезде завершилась под аплодисменты. Но даже те, кто уже знакомился с документами госбезопасности, были потрясены. Люди искренние станут помощниками Хрущева в реабилитации жертв террора и очищении органов госбезопасности от тех, кто запятнал себя участием в преступлениях.

«Мы тогда никак еще не могли освободиться от идеи, что Сталин — отец народа, гений и прочее, — вспоминал Хрущев. — Невозможно было сразу представить себе, что Сталин — убийца и изверг. Мы создали в 53м году, грубо говоря, версию о роли Берии: дескать, Берия полностью отвечает за злоупотребления, которые совершались при Сталине. Мы находились в плену этой версии, нами же созданной: не бог виноват, а угодники, которые плохо докладывали богу, а потому бог насылал град, гром и другие бедствия. Здесь не было логики, потому что Берия пришел уже после того, как главная мясорубка сделала свое дело, то есть Сталин все сделал руками Ягоды и Ежова. Не Берия создал Сталина, а Сталин создал Берию».

Председательствовавший на закрытом заседании Н. А. Булганин, как и договорились заранее, предложил прений не открывать. Он зачитал короткий, всего в одну фразу, проект постановления XX съезда и добавил:

— Имеется в виду, что доклад товарища Хрущева и принятое съездом Постановление «О культе личности и его последствиях» не публикуется в настоящее время, но эти материалы будут разосланы партийным организациям.

Выступая, Никита Сергеевич отвлекался от написанного текста, импровизировал. Его речь не стенографировалась и не записывалась на магнитофон. Поэтому после съезда еще неделю шла работа над уже произнесенным докладом. Он приглаживался, причесывался, «обогащался» цитатами из К. Маркса и В. И. Ленина. Только 1 марта была завершена подготовка того текста, который предполагалось разослать по всей стране. В него включили пассажи, которые произносил Хрущев, отвлекаясь от заранее написанного доклада. А кое-что, напротив, вычеркнули. Например,

первый секретарь ЦК сказал:

— После съезда партии нам, видимо, необходимо будет пересмотреть оценку многих военных операций и дать им правильное объяснение. При этом мы увидим, сколько миллионов жизней стоило нам это руководство.

Фразу о «миллионах жизней» вычеркнули. Огромные потери в результате неумелого руководства войсками со стороны Сталина и его соратников руководители Министерства обороны и официальные военные историки признать были не в силах.

Текст вновь раздали членам Президиума и секретарям ЦК. К 5 марта все замечания были учтены. Через месяц после XX съезда, 28 марта 1956 года, в «Правде» появилась передовая статья «Почему культ личности чужд духу марксизма-ленинизма?». Центральный партийный орган впервые критиковал Сталина. И только через четыре месяца после съезда, 30 июня 1956 года, появилось руководящее постановление ЦК «О преодолении культа личности и его последствий».

Прошлое не умирает

После съезда на руководителей партии потоком обрушились документы о фальсифицированных процессах, пытках заключенных, несправедливых приговорах. Шла реабилитация невинно осужденных — причем не только отдельных людей, но и целых народов.

Десталинизация страны, даже самая робкая, рождала множество вопросов.

Посольство КНР в Москве обратилось в Министерство иностранных дел с просьбой разъяснить принятый в СССР порядок вывешивания портретов «вождей международного рабочего движения и руководителей КПСС и Советского правительства». Китайцев интересовало, какие портреты понесут по Красной площади демонстранты 1 Мая.

Министр иностранных дел В. М. Молотов переадресовал вопрос товарищам по Президиуму ЦК. Обсудив, информировали братские государства, что демонстранты понесут портреты Маркса, Ленина, членов Президиума ЦК КПСС, а также руководителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран. На вопрос, который не задавался впрямую, но подразумевался, ответили так: «Участникам демонстраций предоставлена возможность нести портреты Сталина и других деятелей по своему усмотрению». Местным парторганизациям поручили решать самим.

Расставание со Сталиным было своего рода революцией, и это быстро стало очевидным. Первой после XX съезда партии забурлила Грузия, до которой донеслись разговоры о том, что Хрущев на закрытом заседании осудил Сталина. Каждый год 5 марта в республике устраивались митинги. К памятникам Сталину возлагались цветы. Дети читали стихи об ушедшем вожде. То же самое намечалось и в 1956-м. Но в феврале прошел XX съезд. Это означало, что официальное отношение к усопшему вождю должно быть пересмотрено. Ему уже не полагались прежние почести. Но рекомендации относительно того, как теперь быть со Сталиным, партийный аппарат выработать не успел. О выступлении Хрущева знали только делегаты съезда. Прежде чем доклад начали зачитывать во всех партийных организациях, Грузия взбунтовалась.

7 марта 1956 года грузинская молодежь вышла на улицы Тбилиси, Гори, Кутаиси, Сухуми и Батуми, дабы защитить имя национального героя.

«Сталинские времена, — записывал в дневнике знаменитый поэт и главный редактор журнала «Новый мир» Александр Трифонович

Твардовский, — были огромной компенсацией для национального самолюбия грузинских патриотов (или националистов?) за целые века исторической печали о минувшем давным-давно величии. Сразу после Сталина — настроения внезапной потери некоего первенства среди народов, а дальше и чувство вины, и опасений, и затаенной боли.

И молчанка...»

В грузинской столице школьники и студенты не пошли на занятия, а несколькими колоннами — с венками, портретами вождя, флагами — прошли по улицам. В манифестациях приняли участие более 60 тысяч человек. Они требовали вывесить в городе флаги и портреты Сталина, опубликовать в республиканских газетах материалы о его жизни и деятельности.

В это время в гостинице «Интурист» в Тбилиси находился приехавший из Пекина член Политбюро и секретарь ЦК КПК маршал Чжу Дэ: после XX съезда китайскую делегацию отправили на отдых в Грузию. Молодежь узнала, что Чжу Дэ в Тбилиси, и потребовала встречи с ним. Китайского гостя срочно эвакуировали на государственную дачу в Крцаниси. Но вышедшая из повиновения молодежь, захватив в городе машины, добралась и до дачи, которую охраняли два взвода солдат из полка внутренних войск. Они не смогли остановить толпу, требовавшую встречи с Чжу Дэ — китайских коммунистов считали верными продолжателями дела Сталина. Маршалу пришлось выступить перед взбудораженной молодежью и отрядить китайских чиновников, чтобы они вместе со вторым секретарем ЦК Компартии Грузии Михаилом Порфирьевичем Георгадзе возложили венки к монументу Сталина.

Девятого марта выходившие в Тбилиси республиканские газеты поместили статью «Третья годовщина со дня смерти И. В. Сталина». В городе вывесили государственные флаги с траурными лентами. Но было поздно. Манифестанты пытались захватить Дом связи — искали радиостудию, чтобы рассказать всей стране о происходящем в Тбилиси. В город ввели войска, армейские подразделения пустили в ход оружие, погибли люди.

Это было первое антиправительственное выступление в стране после 1920-х годов. Первоначально в Москве намеревались квалифицировать демонстрации как контрреволюционный заговор со всеми вытекающими отсюда последствиями. Потом сообразили, что это произведет самое неблагоприятное впечатление: какая же может быть контр-революция в стране, где давно победил социализм? Да и в Грузии политический процесс вызвал бы возмущение и еще большее отчуждение от центральной власти.

Президиум ЦК удовлетворился тем, что принял сравнительно мягкое постановление «Об ошибках и недостатках в работе Центрального Комитета Коммунистической партии Грузии». Партийным органам республики предлагалось считать главной задачей «глубокое разъяснение решений XX съезда КПСС, антимарксистской сущности культа личности Сталина». Идеологическому аппарату поручили «принять решительные меры по ликвидации последствий бериевщины, усилить борьбу со всякого рода проявлениями буржуазного национализма».

Забурлила не только Грузия. Комсомол доложил в ЦК, что в Литве раскрыто 16 подпольных молодежных организаций. Если молодые грузины вступились за Сталина, молодые литовцы, напротив, клялись бороться за «свободную Литву». А столичное студенчество возмутилось подавлением народного восстания в Венгрии. 4 ноября 1956 года Президиум ЦК потребовал очистить вузы от «нездоровых элементов». ЦК ВЛКСМ предложил изменить порядок поступления в вузы, чтобы «пресечь проникновение случайных людей», в частности — отменить прием медалистов вне конкурса, позволить получать высшее образование только тем, кто не менее двух лет отработал на производстве и поступает с рекомендацией трудового коллектива.

В конце 1956 года комиссия ЦК КПСС подготовила закрытое письмо партийным организациям — «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов». Письмо стало сигналом к гонениям на свободомыслящую интеллигенцию и студенческую молодежь. Письмо зачитали на Пленуме ЦК ВЛКСМ. Секретарь ЦК комсомола Зоя Петровна Туманова, которая курировала среди прочего и Отдел по работе со студенческой молодежью, произнесла грозную речь:

— Что касается всякого рода антисоветских и враждебных вылазок, то, видимо, здесь у пленума будет единое мнение, что их надо решительно пресекать. ЦК ВЛКСМ считает правильными действия тех комсомольских организаций, которые студентов, не оправдывающих звания советских студентов, исключают из членов ВЛКСМ и из институтов.

Зоя Туманова начинала комсомольскую работу в Москве еще в 1941 году, а в 1949-м, в 27 лет, пришла главным редактором в «Пионерскую правду». Первым делом очистила редакцию от тех, у кого были проблемы с анкетой, то есть репрессированные родственники. Литературный редактор «Пионерской правды» Лидия Чуковская, дочь известного писателя, человек с твердым характером, в знак протеста ушла из редакции сама. Впоследствии Туманова много лет работала первым заместителем

заведующего Отделом культуры ЦК КПСС.

На совещании в ЦК по школьным делам в мае 1957 года Зоя Туманова, за плечами которой было всего два курса Московского института истории, философии и литературы, призывала дать молодежи рабочую закалку, пропускать всех через производство. Пусть работают на заводе, учатся в вечерней школе и только потом получают право на высшее образование:

— Можно привести пример с философским факультетом университета. Вот приходит семнадцатилетний мальчик после средней школы, учится пять лет, и после этого он философ. Вот поэтому мы имели и неприятности на философском факультете. Этот мальчик начинает изучать Аристотеля и кончает тем, что не понимает политики нашей партии!

Первый секретарь ЦК ВЛКСМ Александр Николаевич Шелепин, окончивший тот же институт, что и Туманова, сформулировал позицию комсомольского руководства:

— Нам надо вузы очистить от антисоветских людей, от некоторых людей, которые случайно попали туда, и надо очистить комсомол. Но я прошу не понимать это как чистку. Ни в коем случае нельзя, чтобы это получилось как чистка комсомольских организаций... Нельзя не считаться с тем, что, осуществляя директивы XX съезда о социалистической законности, мы много выпустили из тюрем, даже и таких, которых, может быть, не надо было выпускать. Мы располагаем фактами, когда некоторые из них ведут вражескую работу. Тут надо быть бдительными, и людей, которые будут вести антисоветскую агитацию, щадить не будем, снова в тюрьмы сажать надо.

Слова руководителя комсомола, произнесенные уже после XX съезда и хрущевского доклада, достаточно точно характеризуют отношение к процессу освобождения репрессированных при Сталине людей: вынужденный, но нежелательный шаг. Сам Александр Николаевич кровожадным не был.

— С другой стороны, — продолжал Шелепин свою речь на Пленуме ЦК, — есть в вузах такие люди: ему семнадцать лет, школу закончил, пошел на первый курс, у него каша в голове, ничего не соображает. Или он послушал Би-би-си или «Голос Америки», или он прочитал газету югославскую «Борба» или какую-то польскую газету, и он начинает соображать. Я хочу привести ленинское указание: «Таким людям надо всячески помогать, относясь как можно терпимее к их ошибкам, стараясь исправлять их постепенно и преимущественно путем убеждения, а не борьбы».

Венгерские события, когда правящая партия мгновенно утратила власть, напугали и советских руководителей. 13 мая 1957 года они встречались с членами правления Союза писателей СССР. Выступил Хрущев, он говорил два часа.

«Пересказать его речь невозможно, — вспоминал Вениамин Александрович Каверин, автор знаменитого романа «Два капитана». — Между бесформенными кусками не было никакой связи. Начал он с заявления, что нас много, а он один. Мы написали много книг, но он не читал, потому что, “если бы он стал их читать, его бы выгнали из Центрального комитета”».

Далее Хрущев рассказал, что приказал Жукову покончить с венгерскими мятежниками в три дня, а Жуков покончил в два. Вот здесь он и перешел к разговору о том, что некоторые писатели у нас, подражая венграм, попытались «подбить ноги» советской литературе. Как ни бессвязна была речь Хрущева, смысл ее был ясен. «Совершенно правильно, по-государственному, поступили те, кто ударил их по рукам». Пахло арестами, тем более что Хрущев сказал: «Мятежа в Венгрии не было бы, если бы своевременно посадили двух-трех горлопанов».

Стоит ли удивляться, что при таких настроениях очиститься от прошлого после XX съезда не удалось.

В Донецкой области комиссию по пересмотру дел возглавил секретарь обкома партии А. П. Ляшко. Он считал необходимым провести открытые судебные процессы над виновниками массовых репрессий. «Ко мне пришел один посетитель, — рассказывал Александр Павлович. — Он от звонка до звонка отсидел 18 лет. Его, обвиняемого в участии в правотроцкистской организации, на допросе жестоко избивали.

Он сказал: “Я встретил своего палача, избивавшего меня резиновой дубинкой”. И назвал фамилию.

Явившийся по моему вызову сотрудник госбезопасности рассказывал, что их группа, позже откомандированная на Северный Кавказ, получила задание уничтожить две тысячи врагов народа. “Двое держали жертву за руки, а третий набрасывал на шею петлю”. — “Уходите немедленно!” — мне показалось, что в глазах рассказчика мелькнуло безумие. “Я не душил. Я только держал”».

Александр Ляшко ночь не спал, а утром пошел к первому секретарю обкома Ивану Павловичу Казанцу с предложением исключить преступника из партии и вообще проверить кадры областного управления госбезопасности. Казанец посоветовался с руководителем Украины Николаем Викторовичем Подгорным. Тот согласился, что безнаказанность

недопустима. Но когда Казанец пересказал предложение Ляшко о сплошной проверке кадров и открытых процессах, Николай Викторович вскипел:

— Пусть ваш Ляшко в кадры КГБ не лезет! Это не его дело! Если поступить так, мы за две недели разгоним органы. А без них жить нельзя! Секретарю обкома надо это понимать. В Москве ведь не спешат? Пощипали кое-кого после съезда, да и то негромко. Там у Никиты Сергеевича положение непростое.

Пересказав разговор с Киевом, Казанец приказал Ляшко:

— Будем, значит, спешить медленно. Пока передавайте на рассмотрение в партийные организации дела только тех, на кого поступили заявления. А там видно будет..

Из обкомов в ЦК шли докладные записки о ходе обсуждения хрущевского секретного доклада: наружу выворачивались такие пласты недавней истории, что становилось страшно. Отделы партийных органов ЦК по РСДСР и союзным республикам знакомили с ними руководителей партии.

Скажем, в Узбекистане публично раскритиковали Усмана Юсуповича Юсупова, который был хозяином республики с сентября 1937 года. 21 марта 1956 года ЦК Компартии Узбекистана информировал Москву о собраниях областных партийных активов, на которых обсуждался доклад Хрущева: «На Ташкентском активе выступивший заместитель министра культуры УзССР тов. Азимов подверг резкой критике тов. Юсупова». Усман Юсупов оправдывался и признавал свои ошибки. Глава республики начинал батраком в родном кишлаке, потом был масленщиком и отжимщиком на хлопкоочистительном заводе в Ташкентском уезде. В 29 лет его сделали секретарем ЦК Узбекистана. Объяснял, что всего лишь исполнял приказы Москвы: «В этот период его роль как секретаря ЦК была сведена к нулю. Позже он узнал, что в его кабинете была поставлена улавливающая радиоаппаратура и что бы он ни сказал, все было известно органам».

Многие люди реагировали на разоблачения преступлений вождя весьма эмоционально. Львовский обком 6 апреля 1956 года сообщил в ЦК о ходе партийных собраний: «Старый коммунист т. Уткин, который сейчас лежит больной, после ознакомления его с докладом т. Хрущева поднялся с постели, снял портрет Сталина со стены, поставил в угол и предупредил жену, чтобы она никогда не вешала этого портрета».

Из разных областей сообщали, как люди срывали портреты Сталина и рвали их в клочья, разбивали гипсовые бюсты вождя.

Аппарат ЦК забеспокоился: «Некоторые партийные комитеты и руководящие работники проходят мимо непартийных и демагогических выступлений отдельных коммунистов, не дают им политической оценки и должного отпора... Обкомы, крайкомы партии, райкомы, горкомы и первичные организации должны давать решительный отпор антипартийным и антисоветским вылазкам, попыткам дискредитации генеральной линии партии и вести непримиримую борьбу против всяких проявлений враждебной буржуазной идеологии».

В информационных сводках замелькали и негативные оценки

XX съезда: «Зачем все это опубликовали? Подшили бы все это в архив, чтобы не ворошить души народные и не опустошать их. Считаю, что решение не надо было публиковать, оно позорит нашу Родину.»

Хрущев говорил поэту Александру Твардовскому, которого искренне любил:

— Мне многие пишут, что аппарат у нас сталинский, все сталинисты по инерции, что надо бы этот аппарат. Я отвечаю, да, в аппарате у нас сталинисты, и мы все сталинисты, и те, что пишут, — сталинисты, может быть, в наибольшей степени. Разгоном всех и вся вопрос тут не решается. Мы все оттуда и несем на себе груз прошлого, но дело в преодолении навыков работы, навыков самого мышления, в уяснении себе сути. А не в том, чтобы разогнать.

Отменялись многие сталинские постановления. Но что делать со Сталиным — не знали. Шел бесконечный спор: с одной стороны, он совершил тяжкие преступления, с другой — под его руководством строили социализм, одержали победу в войне. Назвать покойного вождя преступником язык не поворачивался. Как быть членам Президиума ЦК, которые десятилетиями работали с ним рука об руку?

Они тоже в таком случае должны нести ответственность за массовые убийства.

Секретарь ЦК Д. Т. Шепилов выступал на партийном собрании Академии общественных наук при ЦК КПСС. Беспощадно критиковал Сталина. Но собранию не понравилось, что Дмитрий Трофимович обошел вопрос об ответственности членов партийного руководства, сохранивших свои посты. Об этом откровенно заявили преподаватели академии. Особенно резко выступал будущий академик Бонифатий Михайлович Кедров, сын расстрелянного Сталиным активного участника Октябрьской революции. Кедров требовал привлечь к ответственности соратников вождя, которые вместе с ним погубили столько невинных людей. Зал живо реагировал. Шепилову с трудом удалось погасить бушевавшие страсти.

В другой аудитории возник вопрос о личной ответственности председателя КГБ И. А. Серова, бывшего заместителя Л. П. Бериин. Академик Борис Евсеевич Черток вспоминал, как в закрытом НИИ-88, где создавались советские ракеты, состоялся партийно-хозяйственный актив. Доклад по поручению ЦК делал генерал И. А. Серов. Его выступление — о сталинских преступлениях — подействовало на аудиторию угнетающе.

Когда он закончил, в зале раздался срывающийся женский голос:

— Иван Александрович! Объясните, вы-то где были? Вы кем были, что делали? Наверное, громче всех кричали: «Слава Сталину!» Какое право вы имеете говорить о злодействе Бериин, если были его заместителем?

Это говорила пожилая работница листоштамповочного цеха. Серов долго молчал. Потом встал и сказал:

— Я во многом виноват. Но виноваты и все, все здесь сидящие. Вы разве не славили Сталина на всех своих собраниях? А сколько раз каждый из вас вставал и до усталости аплодировал, когда упоминали имя Сталина на ваших конференциях и собраниях? Всем нам трудно, не будем предъявлять счета друг другу.

«Что ни говори, Хрущев дал надежду, — вспоминал Рафик Нишанович Нишанов, в ту пору заведующий отделом Ташкентского горкома партии. — Перестали дрожать... Если до 1956 года не появлялось поползновений критически оценивать происходящее, будто зомбированные, изъянов в системе не замечали, то после XX съезда понемногу начали обсуждать события в компаниях друзей, в коллективах».

Поляризация мнений была очевидна. В больших городах интеллигенция буквально бушевала и требовала: говорите всю правду! Недовольство неполной критикой сталинизма выражали даже некоторые сотрудники КГБ на партийных собраниях в своих коллективах.

А кому-то рассказ о сталинских преступлениях казался настолько неправдоподобным, что люди, воспитанные советской пропагандой, просто не хотели ничего слышать. Смущала сама атмосфера. Текст хрущевского доклада читали на закрытых собраниях. Публичные обсуждения запрещались, словно речь шла о чем-то сомнительном. В. Ф. Стукалин служил в 1956 году первым секретарем Бауманского райкома комсомола столицы. По поручению горкома он собрал актив. Стали знакомить комсомольцев с докладом Хрущева о культе личности. Письмо ЦК читал второй секретарь райкома Юрий Александрович Бочаров.

«Буквально с первых же слов в зале начался ропот, — вспоминал Виктор Федорович. — Некоторые комсомольцы выкрикивали:

— Прекратите заниматься клеветой на Сталина! Мы воспитаны

партией, и для нас Сталин — это не просто руководитель. Мы знаем его заслуги перед страной и не хотим, чтобы вы порочили великого человека.

Закончилось тем, что решили прекратить чтение... Мы объявили собрание актива закрытым и поднялись к первому секретарю райкома партии Надежде Николаевне Андреевой. Я подробно проинформировал ее о случившемся. Она тут же позвонила в МГК партии Екатерине Алексеевне Фурцевой и все рассказала. Видимо, не только в нашей комсомольской организации была такая реакция. Это привело к тому, что бюро МГК приняло решение не читать это письмо на больших активах молодежи».

Пятого апреля 1956 года Президиум ЦК постановил провести очередной Пленум ЦК 4 июня с повесткой «Решения XX съезда партии и задачи улучшения идеологической работы». Имелось в виду продолжить кампанию десталинизации. Основной доклад поручили секретарю ЦК Д. Т. Шепилову. Он вскоре представил проект выступления. Вслед за ним предполагалось предоставить слово министру обороны СССР Г. К. Жукову. Сохранился текст его непроизнесенного доклада «Состояние и задачи военно-идеологической работы», очень жесткий по отношению к Сталину и сталинским преступлениям. Речь Жукова — обвинительный акт Сталину. Он назвал неподготовленность к войне «решающей причиной тех крупных военных поражений и огромных жертв, которые понесла наша Родина в первый период войны».

«Никакой внезапности нападения гитлеровских войск не было, — считал Жуков . — О готовящемся нападении было известно, а внезапность была придумана Сталиным, чтобы оправдать свои просчеты . С первых минут войны в верховном руководстве страной в лице Сталина проявилась полная растерянность в управлении обороной страны, использовав которую противник прочно захватил инициативу .

У нас не было полноценного Верховного командования. Генеральный штаб, Наркомат обороны с самого начала были дезорганизованы Сталиным. Он, не зная в деталях положения на фронтах и будучи недостаточно грамотным в оперативных вопросах, давал неквалифицированные указания... Сталин принуждал представителей Ставки Верховного Главнокомандования и командующих фронтами проводить наспех организованные операции, без достаточного материального и технического их обеспечения, что приводило к чрезмерно большим потерям. Можно привести еще немало отрицательных фактов из оперативного творчества Сталина, чтобы оценить, чего стоят на самом деле его полководческие качества и “военный гений”».

Маршал Жуков добивался восстановления справедливости в

отношении расстрелянных и посаженных военных. Поставил вопрос о реабилитации красноармейцев, попавших в плен, а потом из немецких лагерей угодивших в советские.

Но из-за сессии Верховного совета СССР и совещания руководителей социалистических стран идеологический Пленум ЦК КПСС перенесли на 7 июня. Секретариат ЦК составил список приглашенных. Но 1 июня Пленум ЦК вновь перенесли — уже на осень, 31 августа — новая отсрочка — до декабря 1956 года. Теперь основным докладчиком утвердили самого Хрущева. Однако Пленум ЦК по идеологическим вопросам так и не собрали.

Секретный доклад на XX съезде породил такую бурю эмоций в стране и мире, что в Москве испугались продолжения разговора. И началась кампания по «ликвидации ущерба», нанесенного разоблачением сталинских преступлений. Отдел партийных органов ЦК разослал итоговую справку «о работе партийных организаций по разъяснению материалов XX съезда КПСС». Составители справки били тревогу по поводу «непартийных и демагогических выступлений отдельных коммунистов, которым руководящие работники не дают политической оценки и должного отпора». Имелись в виду просто резкие оценки Сталина и системы. Особенно пугали откровенные и искренние выступления работников академических институтов и творческой интеллигенции.

«Дело дошло до того, что в городе Новосибирске, — возмущались руководители отдела ЦК, — в районе авиационного завода враждебными элементами были вывешены антисоветские листовки. Однако секретарь обкома КПСС т. Дерюгин не придавал этому политического значения и даже не сообщил в ЦК КПСС, а местные органы государственной безопасности вот уже две недели не могут разоблачить этих врагов».

Только через три года после XX съезда, 21 октября 1959 года, все же потребовали изъять из книжных магазинов «Краткий курс истории ВКП(б)», представлявший собой масштабную фальсификацию советской истории.

Сам Хрущев так и не смог разобраться в своих отношениях со Сталиным. 6 августа 1956 года он выступал на общем партийном собрании аппарата ЦК КПСС. Говорил о позитивном влиянии XX съезда, но заметил:

— Конечно, так, как был поставлен на съезде вопрос о культе личности, резко, но справедливо, вызвало много кривотолков. Врагам удалось получить текст доклада о культе личности и потом основательно его извратить.

Когда предложили переименовать Сталинские премии, Никита

Сергеевич возразил:

— А зачем? Да если бы я имел Сталинскую премию, то с гордостью носил это звание.

На приеме, по случаю Нового, 1957 года он неожиданно провозгласил тост за Сталина, а в 40-летнюю годовщину Октябрьской революции, 6 ноября, в своем выступлении на сессии Верховного совета СССР заявил:

— Критикуя неправильные стороны деятельности Сталина, партия боролась и будет бороться со всеми, кто будет клеветать на Сталина, кто под видом критики культа личности неправильно, извращенно изображает весь исторический период деятельности нашей партии, когда во главе Центрального комитета был Сталин. Как преданный марксист-ленинист и стойкий революционер, Сталин займет должное место в истории. Наша партия и советский народ будут помнить Сталина и воздавать ему должное.

Никита Сергеевич стал, как говорят моряки, отрабатывать назад.

Хрущев прекратил массовые репрессии. Лагеря опустели. Ему претили сталинские преступления. Следующим шагом должна была стать смена кадров, расставание с теми, кто так или иначе оказался причастен к репрессиям. Но были убраны лишь самые одиозные фигуры.

На стол первому секретарю ЦК постоянно ложились документы о соучастниках сталинских репрессий. Там значились имена людей, все еще занимавших высокие посты. Никита Сергеевич делал циничный выбор: нужных оставлял, от остальных избавлялся. Эта двойственность сказывалась во всем. Люди, которых следовало посадить на скамью подсудимых, сохранили руководящие посты. Могли они искренне бороться за преодоление преступлений прошлого?

В мире с интересом наблюдали за происходящим в Москве. «Тот факт, что господин Хрущев на последнем партийном съезде осудил мертвого Сталина, многие сочли признаком изменения идеологии, — отмечал министр иностранных дел ФРГ Генрих фон Brentано. — А что, собственно, случилось? Люди, которые в течение десятилетий были ближайшими сотрудниками и сообщниками некоего господина Сталина, теперь, проявляя прямо-таки отвратительную лживость и лицемерие, отмежевываются от того, что они делали при нем и вместе с ним».

Смысл хрущевского доклада сводился к тому, что вся вина за преступления ложится на И. В. Сталина и нескольких его подручных — Л. П. Берию и В. С. Абакумова. А другие члены Политбюро ЦК ВКП(б) ни о чем вроде бы и не подозревали. Главное было не допустить и мысли о том, что массовые репрессии стали порождением Системы. Ведь в таком случае следовало бы ставить вопрос о ее демонтаже. Советским вождям не

понравились слова лидера итальянских коммунистов Пальмиро Тольятти о том, что сталинизм — не опухоль, случайно возникшая на здоровом теле, а признак процесса, который привел к вырождению отдельных частей социалистического организма. «Ошибки Сталина, — писал Тольятти, — вне всякого сомнения были связаны с чрезмерным увеличением роли чиновничьего аппарата в политической и экономической жизни Советского Союза, возможно, прежде всего в самой партии».

Хрущев посочувствовал работникам идеологического фронта, которым пришлось развернуться на 180 градусов и критиковать то, что они сами столько лет восхваляли:

— Очень многие товарищи — бедняги (пусть они на меня за это не обижаются), работающие на различных участках идеологического фронта, сами замазаны в этом деле.

Но именно признаки вольнодумства в обществе породили антихрущевские настроения истеблишмента. Довольно быстро партийные секретари сообразили, что, разрешив критиковать Сталина и преступления его эпохи, они открывают возможность обсуждать и критиковать и нынешнюю власть, и саму систему. Теперь уже в разоблачении сталинских преступлений виделись одни неприятности, и ЦК занялся ликвидацией идеологического ущерба.

В декабре 1956 года все партийные организации получили письмо ЦК «Об усилении работы партийных организаций по пресечению вылазок антисоветских, враждебных элементов». Это был серьезный шаг назад по ревизии решений XX съезда.

А. Т. Твардовский 27 февраля 1964 года записал в дневнике: «Мне ясна позиция этих кадров. Они дисциплинированы, они не критикуют решений съездов, указаний Никиты Сергеевича, они молчат, но в душе верят, что “смутное время”, “вольности”, — все эти минется, а тот дух и та буква останется... Их можно понять, они не торопятся в ту темную яму, куда им рано или поздно предстоит быть низринутыми — в яму, в лучшем случае, забвения. А сколько их! Они верны культуре — все остальное им кажется зыбким, неверным, начиненным всяческими последствиями, утратой их привилегий, и страшит их больше всего».

Александр Трифонович чувствовал настроения огромного партийногосударственного аппарата. Через полгода Хрущева отправили на пенсию.

На первом же заседании нового партийного руководства, посвященном идеологическим вопросам, секретарь ЦК Сулов высказался необычно зло:

— Когда стоял у руководства Хрущев, нанесен нам был крупнейший

вред, буквально во всех направлениях, в том числе и в идеологической работе. А о Солженицыне сколько мы спорили, сколько говорили.

Но Хрущев же поддерживал всю эту лагерную литературу. Нужно время для того, чтобы исправить все эти ошибки, которые были допущены за последние десять лет.

Суслов четко сформулировал позицию: ошибочно то, что делал Хрущев, а не Сталин. Вся кампания десталинизации — одна большая ошибка. При Сталине хорошего было больше, чем плохого, и говорить следует о хорошем в истории страны, о победах и достижениях. О преступлениях — забыть. Те, кто отступает от линии партии, должны быть наказаны.

Большая часть чиновников начинала свою карьеру при Сталине. Признать его преступником означало взять часть вины и на себя. Они же участвовали во многом, что тогда делалось. Но были и соображения иного порядка, важные и для чиновников молодого поколения, начавших карьеру после Сталина. Они-то не несли никакой ответственности за прошлое, но тоже защищали беспорочность вождя — по принципиальным соображениям. Если согласиться с тем, что прежняя власть совершала преступления, значит, придется признать, что и нынешняя может как минимум ошибаться. А вот этого они никак не могли допустить. Народ должен пребывать в уверенности, что власть, люди у власти, хозяин страны всегда правы. Никаких сомнений и никакой критики!

Л. И. Брежнев, став первым секретарем ЦК, сокрушался:

— XX съезд перевернул весь идеологический фронт. Мы до сих пор не можем поставить его на ноги. Там говорилось не столько о Сталине, сколько была опорочена партия, вся Система... И вот уже столько лет мы никак не можем это поправить.

Леонид Ильич, вознесенный Сталиным на олимп, в душе сохранил восхищение вождем и считал катастрофой не сталинские преступления, а их разоблачение. Он хотел оставить в памяти народа достижения и победы, порядок и дисциплину, связанные с именем Сталина, и забыть массовые репрессии, лагеря, нужду и попрание демократии.

Почему крупные чиновники не желали отречься от Сталина и после его смерти? А что же им — признать на старости лет, что они трепетали перед преступником, погубившим столько людей? Признать, что маршалами и министрами их сделал преступник? Перечеркнуть собственную жизнь?.. А вот если Сталин великий, то и они великие.

Однажды в небольшой компании, где присутствовал член Президиума ЦК КПСС А. И. Микоян, речь зашла о том, почему так медленно проходит

процесс реабилитации жертв сталинских репрессий. Вдруг Микоян поднялся с места так стремительно, что все обомлели.

— Почему мы, — сказал Анастас Иванович, — устраивали видимость судебного разбирательства. вместо того, чтобы реабилитировать всех сразу? Потому, что остерегались, как бы наш народ окончательно не уверился в том, что мы — негодяи.

Мгновение Микоян помедлил. Потом заключил:

— Негодяи! То есть те, кем и были мы на самом деле!

Немалому числу людей служба в ГУЛАГе и на Лубянке не просто предоставляла средства к существованию, но и создавала привилегированный образ жизни. В системе НКВД служил примерно миллион человек, вместе с семьями это несколько миллионов, для них в существовании ГУЛАГа не было ничего ужасного. А если еще учесть партийный и государственный аппарат и их семьи?

Вот почему на идеологических совещаниях звучали требования «вступить за годы культа личности, перестать чернить прошлое и печатать литературу, которая воспитывает героизм и патриотизм».

Большая чистка в Риге

Всегда считалось, что существуют хранимые за семью печатями стенограммы заседаний высшего органа власти — Политбюро (в 1952—1966 годах — Президиума) ЦК партии. Наступит счастливый момент, с этих стенограмм снимут гриф секретности и нам откроются все тайны.

В реальности заседания Политбюро (Президиума) ЦК практически никогда не стенографировались. Заведующий Общим отделом ЦК коротко помечал, кто из членов Президиума присутствовал, какие темы обсуждались. В меру своих способностей передавал смысл позиции каждого выступавшего и записывал окончательное решение.

Правда, Хрущев несколько раз устраивал расширенные заседания Президиума, на которых выступал с обширными речами. Их расшифровка представляет особую ценность, потому что запечатлена неправленая речь Никиты Сергеевича. В кругу соратников он говорил достаточно откровенно.

Теперь мы можем узнать мотивы и механизм чистки в Латвии в 1959 году, когда с руководящей работы сняли большую группу «латышских националистов». Среди них — второго секретаря республиканского ЦК Вилиса Карловича Круминьша и заместителя председателя Совета министров республики Эдуарда Карловича Берклавса. Оба выходцы из комсомола. Берклавс, подпольщик и участник войны, руководил латвийским комсомолом с мая 1946-го по июнь 1948 года, Круминьш — с июня 1948-го по апрель 1951 года.

Они старались получить для республики как можно больше автономии, просили признать латышский язык государственным и ограничить приток новых жителей, которых переселяли в Латвию со всего Советского Союза.

Эдуард Берклавс был человеком решительным. Не побоялся и самого Хрущева.

— Он на меня окрысился, — с некоторым удивлением говорил Никита Сергеевич на Президиуме ЦК, — и говорит: я в подполье был, смерти в глаза смотрел.

Берклавс был популярным в республике человеком. Считалось, что он вот-вот станет секретарем ЦК или главой правительства республики. Кандидат в члены Президиума ЦК КПСС и первый секретарь ЦК КП Латвии Ян Эдуардович Калнберзиньш часто повторял, что он уже стар и

должны прийти молодые. Выходило, что Берклавс — самая подходящая фигура, чтобы возглавить республику. Придаться к нему было трудновато.

— Берклавс сидел в тюрьме, — напомнил председатель Совета министров республики и известный писатель Вилис Тенисович Лацис, — воевал, окончил Высшую партийную школу. Его даже хотели оставить в аппарате ЦК КПСС. Он очень волевой человек, любит работать, он организатор неплохой. Это меня подкупало, поэтому я просил его себе в заместители.

Двадцать второго июня 1959 года в Москве на Президиуме ЦК о поездке в Латвию доложил Нуритдин Акрамович Мухитдинов, член Президиума и секретарь ЦК, недавно переведенный в Москву из Узбекистана. Хрущев приметил его и взял в Москву, чтобы иметь в составе руководства представителя национальных республик. Его и посылал на места с неприятными миссиями.

Обсуждение ситуации в Латвии состоялось 1 июля уже на расширенном заседании. Хрущев распорядился пригласить стенографисток, поэтому в нашем распоряжении подлинная стенограмма обсуждения. Поскольку опубликовать ее не собирались, то и не «причесывали» текст.

В начале июня Хрущев сам побывал в Риге и участвовал в совещании руководящих партийных работников Латвии. Увидел редкий к тому времени памятник Сталину. Второй секретарь Вилис Круминьш не раз говорил управляющему делами ЦК:

— Убери ты ее!

Осторожный управляющий советовался с секретарем республиканского ЦК по идеологии Арвидом Яновичем Пельше. Тот не был сторонником поспешных решений:

— Подождем еще.

А теперь сам Хрущев с угрозой в голосе поинтересовался у рижан:

— У вас что, тягача нет статую убрать?

Вернувшись в Москву, Никита Сергеевич возмущался национальной политикой во всей Прибалтике:

— Говорят, в Литве есть целые польские районы, но у руководства только литовцы. Русских никуда не выдвигают, только милиционерами. В милицию выдвигают русских. Когда арестовывать, надо русских тянуть, мол, видите, что русские делают. Я это говорю для большей активности, что у товарища Снечкуса не лучше дело, чем у латышей. И в Эстонии не лучше дело, чем у латышей. Надо подойти самокритично. Никакой трагедии нет. Все будет перемелено, и все будет на месте, но надо правду

сказать и поднять людей на борьбу против этого.

Хрущев вспомнил предвоенного президента Латвии Карлиса Ульманиса:

— Ульманис умер, но он может в гробу спокойно лежать, его дело в Латвии продолжается. А ведь руководителем ВЧК был Петерс — это замечательный был большевик.

— И в разведке раньше были, — поддержал его Микоян, — и командующие тоже были латыши, например, Алкснис и другие.

— Я в Риге выступал на митинге под дождем, — делился своими воспоминаниями Хрущев. — Старуха подошла, зонтик надо мной держала. А когда речь кончил, она говорит: «Вы меня забыли, я из Бауманского района, я вас знаю по Москве, когда вы были секретарем райкома, я старый член партии». Это же латышка.

Хрущеву не понравилось, что власти республики пытаются ограничить въезд русских, желающих переселиться в Латвию:

— Щаденко покойный умел шутить. Когда Кулику присвоили звание маршала, говорит: ты теперь маршал, тебя возьмут в больницу, так неужели тебе простой человек будет ставить клизму? Если это перефразировать, то, если возьмут латыша в больницу, русский человек может ставить ему клизму?

— Может, — покорно подтвердил Калнберзиньш.

— Нужно учесть, что у нас очень большой нажим, — попытался защититься председатель Совета министров республики Вилис Лацис. — К нам едут с разных мест и не всегда положительный контингент. Едет паразитический элемент, которого у нас и без этого хватает.

В марте 1959 года сессия Верховного совета Латвийской ССР приняла Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в Латвийской Советской Социалистической Республике». Этим законом вводилось вместо семилетки обязательное восьмилетнее образование в школах, учебники предполагалось раздавать бесплатно.

Хрущев возмутился инициативой Латвии:

— Что же это, товарищи, в одной республике Союза такой закон, а в другой — другой закон! Допустимо ли это? Недопустимо. Если так надо сделать и есть такие возможности, то почему надо делать только для Латвийской республики. Если сделать для одной республики, то надо и для других. Видимо, сейчас не созрели материальные возможности, чтобы это сделать. Следовательно, никто не должен этого делать.

Латвийские руководители пытались объяснить Хрущеву, что

программа обучения в республиканских школах более объемная, чем в российских. Помимо общих предметов в школах Латвии в обязательном порядке изучались латышский язык и один иностранный, а также история и география республики...

Зашел неизбежный разговор о том, что приезжие не знают латышского языка, а руководители республики выступают на родном. Круминьш рассказал, как летом 1953 года, после смерти Сталина, когда Л. П. Берия хотел предоставить республикам больше самостоятельности, некоторые члены партии, воодушевившись, выбрасывали машинки с русским шрифтом, а заодно избавлялись и от портретов вождей.

Тогда ЦК Компартии Латвии получил указание: перевести делопроизводство на латышский язык, а номенклатурных работников, не знающих латышского, откомандировать в распоряжение ЦК КПСС. Составили список из 107 человек, с которыми следовало попрощаться. Позвонили в Москву: как же отсылать людей, если их только что пригласили в Латвию?

В ЦК угрожающе сказали:

— Исполняйте указание. Иначе будете нести партийную ответственность. А может быть, и не только партийную.

Получив указание сверху, некоторые партработники сразу же забыли русский. Секретарь ЦК Компартии Латвии Пельше распорядился: «Кадры надо латышизировать». Но тут Берию арестовали, и Пельше больше свое указание не вспоминал. А Берклавс и Круминьш остались при собственном мнении.

— Мне казалось неправильным, — объяснял второй секретарь ЦК Компартии республики Вилис Круминьш, — что на совещаниях, на крупных собраниях, на которых присутствовало 90 процентов разговаривающих на латышском языке, мы вели работу, как правило, на русском языке.

— Вы поймите правильно меня, — вмешался Хрущев. — Для вас латышский язык является государственным языком. Когда на митинге на фабрике товарищ Канлберзиньш выступал на русском языке, я внутренне его осудил — надо было выступать на латышском языке. И на митинге товарищ Лацис спросил меня, на каком языке лучше выступить, говорит — у меня и та, и другая речь подготовлены.

Я ответил ему: конечно, лучше выступать на латышском языке. Но неправильно, когда докладчик выступает на латышском языке, а около меня посадили русака. Если бы посадили латыша, знающего русский язык, он мог бы мне переводить. А тут получилось, что я Лацису аплодировал

авансом, хотя и сейчас не знаю, о чем он говорил; аплодировал просто по доверию — раз Лацис говорит, значит, ничего плохого против партии не скажет. Видимо, зал надо было оборудовать наушниками, чтобы при выступлении был организован одновременный перевод. Конечно, эта сторона дела исправима, но у вас этот момент националистические элементы использовали: не знаешь, мол, такой-сякой нашего языка, так тебе и надо, сиди ослом. Разве это коммунистический подход? Дело не в том, кто знает или не знает латышский язык. Вы все понимаете, что русский язык сейчас приобрел международное значение. Я не хочу обидеть латышей, но даже американцы, изучающие языки, на первое место ставят русский язык... Это надо понимать. Если ты против русского языка, значит, ты против русских. Попробуйте запритесь-ка вы в своей Латвии, ваша интеллигенция сразу это почувствует. Какой тираж латышских писателей? Если издавать ваши произведения только в пределах Латвии и не печатать на русском языке, а только на латышском, то что бы вы имели?

— Сколько б народу читало Лациса? — укоризненно заметил Анастас Микоян.

— Ведь ваше счастье, — доказывал Хрущев руководителям республики, — что вы знаете русский язык и можете пойти работать и на Украину, и в Узбекистан, и в Татарию. Только одна территория Советского Союза поглотит огромное количество интеллигенции.

Он потребовал к ответу первого секретаря ЦК Латвии Яна Калнберзиньша:

— Ты мне брат, но партия дороже всего.

Калнберзиньш не спорил с Хрущевым:

— Товарищи, я согласен с острой и принципиальной оценкой допущенных ошибок и с выводами, которые были сделаны товарищем Хрущевым в Риге. Я лично очень виноват, больше всех товарищей, с которыми мы вместе работали. От них многое зависело — своевременно поправить и поставить меня на правильный путь. Если я не смог это сделать своими силами, то нужно было обращаться в Президиум и нам бы оказали соответствующую помощь. Я не нахожу никакого оправдания, по каким причинам мы оказались не на уровне по проведению национальной политики.

Калнберзиньш каялся, не забывая напомнить о том, что он всю жизнь сражался за советскую власть:

— Мне доверяли и меня ценили. Но это доверие я не оправдал, несмотря на свою преданность партии. Я много лет находился в партии, в партии состою с 1917 года, работаю секретарем 20 лет. Я на многих этапах

в классовых битвах дрался с врагами советской власти, врагами коммунизма, и дрался неплохо.

Специально для москвичей напомнил, что в буржуазной Латвии он сидел в тюрьме.

— Я оправдывал доверие партии и выдержал всякие издевательства, которые были со мной в буржуазной Латвии и охранке. Все это я выдержал, вышел из тюрьмы и мог товарищам смотреть в глаза, что я не спасовал. Я много лет проработал в подполье, ночевал много лет в лесу, от буржуазной власти никаких подачек не получал, а были только одни гонения и издевательства.

Он не упустил случая пнуть соратника:

— У товарища Лациса, как у писателя, было другое положение в буржуазной Латвии. Лацис как художник иногда проявлял неустойчивость при решении отдельных вопросов.

Глава правительства Лацис не упустил случая ответить первому секретарю и напомнить о своих заслугах:

— Здесь товарищ Калнберзиньш сказал больше, чем надо. Меня буржуазные националисты окрестили Квислингом. Было письмо из Копенгагена, из Дании, от одного латыша, который пишет: вы знаете, что произошло с Квислингом^[18], будьте и вы к этому готовы. Но я не боюсь.

Компартию Латвии Ян Калнберзиньш возглавлял с 1940 года:

— Мы вели большую работу с бандитизмом. 32 тысячи бандитов из лесов выбросили, отобрали оружие, затем восстанавливали разрушенное хозяйство, проводили коллективизацию. В 1956 году, когда за границей остро встали вопросы, появились известные шероховатости, были выступления студенчества.

Он имел в виду события в Венгрии, где интеллигенция пыталась оживить марксизм, а это превратилось в протест против всей сталинской системы.

Лацис тоже признал:

— Венгерские события подняли много пыли среди интеллигенции, среди молодежи, которые считали, что это революция.

Всю вину за идеологические просчеты первый секретарь Калнберзиньш свалил на популярных Берклавса и Круминьша, которые утверждали, что в республике мало говорят на латышском языке и не выдвигают латышские кадры.

— Круминьш, — вспоминал Калнберзиньш, — настаивал, наступал на нас, стариков, что у нас в республике мало говорят на латышском языке, что кадров латышских мало выдвинуто...

Калнберзиньш обратился к Хрущеву:

— Видимо, моя ошибка состоит в том, что я глубины фальшивости антипартийной постановки этого вопроса не понял. Понял только, когда вы нас покритиковали в Риге. Я понял, куда все это гнет и к чему может привести.

Хозяин республики сообразил, что кого-то придется принести в жертву, и надеялся, что его минует чаша сия:

— Необходимо укрепить бюро, неустойчивых вывести, снять с работы и перевести на более низкую работу, пусть растут. Необходимо в бюро ввести новые силы, в частности русских товарищей, а такой актив у нас имеется. Они и раньше у нас работали в ЦК. У нас есть товарищ Литвинов, который работает заместителем председателя Совнархоза.

Хрущев на расширенном заседании Президиума ЦК КПСС вел себя на редкость миролюбиво и не требовал крови.

— Вы виноваты, — упрекал он руководителей Латвии, — что дали молодежи свихнуться. Нам надо лечить, а не уничтожать. Может быть, крапивой, может быть, чем-нибудь другим. Латыши сами найдут домашние средства лечения. Я против организационных выводов.

Но тут же угрожающе добавил:

— Ну, а если бороться, то мы не остановились бы перед роспуском Компартии. Мы найдем людей. В вопросе принципа мы неумолимы и на сделку ни с кем не пойдем. Но никто не думает, что это нужно делать. Это было бы глупо преувеличивать силы наших врагов.

С вольностями быстро покончили. Под запрет попал даже один из самых больших и популярных в народе праздник Лиго (в ночь на 24 июня). Делали вид, будто его не существует. Но, зная, что все латыши его отмечают, старались не препятствовать, Москва вообще демонстрировала особое отношение к Прибалтике.

Хрущев рассчитывал перевоспитать республику:

— Все руководство сохранить. Это лучшие кадры, которые выдвинуты из латышей. Пусть те люди, которые допустили ошибки, участвуют в их исправлении. Во-первых, это люди молодые. Если мы их сейчас вышибем, то нанесем им травму. Этим могут воспользоваться враги за границей, и этого не нужно делать.

Но это было заявление на публику. На самом деле Хрущев распорядился снять с должности Эдуарда Берклавса. В июле 1959 года подыскали ему работу подальше от родных мест — во Владимире — начальником областной конторы кинопроката. Лишился своей должности и Вилис Круминьш: сначала он стал министром образования республики, а с

1962 года — директором Музея природы. Вторым секретарем ЦК компартии Латвии в феврале 1960 года прислали из Москвы сотрудника центрального аппарата Совмина РСФСР Михаила Петровича Грибкова.

Настал черед и самого Калнберзиньша.

— Мы его знаем больше всех, — сказал на Президиуме

ЦК Хрущев, — он абсолютно безупречный коммунист, но, может быть, сказалось возрастное положение. Может быть, не сейчас, но товарища Калнберзиньша надо освободить от обязанностей секретаря. У него секретарство не пойдет, потому что жизнь требует сейчас другого, другому подходить. У него ошибки не идеологические, а возрастные, но они могут перерасти и стать принципиально политическими. Если говорить откровенно, то сейчас в Латвии настоящего первого секретаря нет. Товарищ Калнберзиньш не является руководящим деятелем, он на положении папаша, добрый человек. Естественно, что старики всегда ищут, куда бы уйти потише и полегче. Вы не обижаетесь на меня?

— Нет, — дисциплинированно ответил первый секретарь.

— Конечно, получается так — обижайся, не обижайся, а раз секретарь ЦК говорит...

Хрущев не закончил фразы, но все всё и так поняли. Забавно, что Никита Сергеевич искренне называл Калнберзиньша стариком, которому пора на покой, а тот был всего лишь на год старше Хрущева. И, кстати, пережил Никиту Сергеевича на 15 лет.

— Но мы считаем, — добавил Хрущев, — что товарищ Калнберзиньш достоин нашей поддержки и должен сохранить свое положение в руководстве Компартии и государства. Пусть латыши сами решат. Если меня за язык потянут, я бы сказал, что хорошо было бы назначить товарища Калнберзиньша председателем Президиума Верховного совета.

Слово первого секретаря — закон. Освобождая Калнберзиньшу место, Карлиса Мартыновича Озолина из председателей Президиума Верховного совета Латвийской ССР перевели в первые замы. Озолин, заслуженный подпольщик, один из руководителей партизанского движения в годы войны, неудачно выступил на Президиуме ЦК КПСС, сказав, что «национального вопроса в Латвии нет». Хрущев раздраженно поправил его: вопрос, конечно же, есть.

Никита Сергеевич объяснил, кого поставить во главе республики:

— Мне называли секретаря по пропаганде латыша Пельше. Я лично его не знаю. Если он действительно хороший, то, может быть, лучше сориентироваться на него. Мне говорили, что он незапятнанный человек, всегда занимал принципиальную позицию.

Хрущев не был расположен предавать состоявшееся обсуждение гласности:

— Я убежден, что в партии и в народе абсолютное большинство латышей стоит на партийных и коммунистических позициях. Они будут драться за Советский Союз, и не надо нам искусственно преподносить врагам подарок, чтобы они говорили о каком-то кризисе в национальной политике. Мы всё переварим, переживем. А сейчас мы немножко, как в бане, пропарили с щеточкой и очистили ненужный налет, вскрыли поры, чтобы организм нормально дышал.

В решении Президиума ЦК КПСС записали: «Одобрить сообщение т. Мухитдинова о поездке в Латвию. Поручить ЦК КП Латвии с учетом обмена мнениями на заседании Президиума ЦК принять необходимые меры по устранению недостатков в своей работе».

В конце ноября 1959 года руководство республики сменили. Первым секретарем утвердили Арвида Яновича Пельше, твердокаменного коммуниста, главным достоинством которого была преданность Москве. Предвоенные годы, пока существовала независимая Латвия, он провел в России. Пельше обожал кактусы, собирал их и старательно за ними ухаживал. Со временем его сделают членом Политбюро ЦК и председателем Комитета партийного контроля при ЦК КПСС.

«И это коммунисты?»

Обсуждение ситуации в Азербайджане оказалось куда более острым. На заседании Президиума ЦК рассмотрели записку первого заместителя заведующего Отделом партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам И. В. Шикина «О результатах проверки работы в Азербайджанской парторганизации». Он руководил бригадой из дюжины работников различных отделов ЦК, которая работала в Баку.

Профессиональный политработник, Иосиф Васильевич Шикин после войны получил погоны генерал-полковника и был назначен начальником ГлавПУРа. Это были тяжелые годы для армии, когда командные кадры, особенно связанные с маршалом Г. К. Жуковым, подверглись репрессиям. Генерала Шикина называли одним из главных гонителей

Жукова. Он участвовал в заседании Высшего военного совета 1 июня 1946 года, когда по предложению Сталина Жукова сняли с должности главнокомандующего сухопутными войсками и решили «вопрос о т. Жукове передать для дальнейшего рассмотрения в партийном порядке в партколлегию ЦК ВКП(б)».

В 1949 году Шикина утвердили начальником Военно-политической академии имени В. И. Ленина. В вооруженных силах перевод в академию — обычно шаг к пенсии. Но Шикина, напротив, из академии взяли в аппарат ЦК. Задачи те же — контролировать кадры. Он быстро рос в должности — инспектор, заместитель, первый заместитель заведующего отделом. А руководил отделом будущий председатель КГБ Владимир Ефимович Семичастный.

Летом 1959 года Семичастный позвонил Никите Сергеевичу и попросил о приеме. С собой привел Шикина, который изложил свои впечатления о поездке в Азербайджан.

— Вы уже к Мустафаеву подобрались! — разозлился Хрущев. — Да он — один из лучших секретарей!

Имам Дашдамирович Мустафаев руководил республикой с 1954 года. Но Шикин доказывал, что проверяющая бригада права.

— Будем слушать на Президиуме, — распорядился Хрущев.

Шикин начал с обзора экономического положения Азербайджана, говорил о «запущенности» важнейших отраслей сельского хозяйства республики — хлопководства и животноводства. Кроме того, поголовье крупного рогатого скота в совхозах и колхозах уменьшается, а в личном

пользовании растет. В результате в Баку нет молока.

— Вот куда мы идем, — горестно заметил Хрущев.

— В Азербайджане в личном пользовании имеется по 2—3 коровы, 1—2 лошади, 40—50 овец, — докладывал Шикин. — Поэтому человек смотрит на политику не так, как он должен смотреть.

Но главным он назвал неприкрытый национализм политической элиты. Высшая номенклатура Азербайджана возражала против строительства газопровода Кара-Даг — Тбилиси, заявляя, что им самим газа не хватает.

Один из бакинских руководителей сказал:

— Газ — наш, азербайджанский, и мы не можем давать его грузинам.

— И это коммунисты? — возмутился Хрущев. — У них в факелах сгорает газ, а дать газ грузинам и армянам — ни за что. Позор!

После того как 21 августа 1956 года в республике приняли закон о придании азербайджанскому языку статуса государственного, от всех учреждений потребовали перейти на азербайджанский. При том, что в самом Баку в конце 1950-х две трети населения составляли неазербайджанцы. Чиновников, не владеющих азербайджанским, меняли. На все видные должности ставили только азербайджанцев. Председатель Президиума Верховного совета республики писатель

Мирза Аждар оглы Ибрагимов объяснил главный принцип подбора кадров:

— Теперь не 20-й год. Теперь у нас есть кадры, чтобы всех неазербайджанцев заменить.

Ибрагимов предложил всем неазербайджанцам дать полгода на изучение языка. Выучат — могут остаться. На заседании Президиума Верховного совета республики председателю задали резонный вопрос: половина врачей русские, как же им быть? Ибрагимов откровенно ответил:

— Пусть русские побудут в тех же условиях, в которых мы были 35 лет назад, когда нам писали истории болезни на русском языке.

Первый секретарь ЦК Компартии республики Имам Мустафаев, выступая в университете, держался более осторожно, хотя предлагал то же самое. Шикин привел его слова:

— Нельзя одним росчерком пера вычеркнуть людей, не знающих азербайджанского языка. Надо их устроить на работу и постепенно заменять, не допуская перегибов в этом деле.

На заседании Президиума ЦК КПСС Мустафаев испуганно отрекся от своих слов :

— Я не делал никогда такого заявления.

Но Шикин холодно объяснил, что цитирует первого секретаря ЦК республики по стенограмме. Он напомнил о том, что, беседуя со студентами, председатель Верховного совета республики Ибрагимов откровенно говорил:

— Интеллигент, который не знает азербайджанского языка или знает, но не говорит на родном языке, является отщепенцем, подлецом, предателем.

— И его слова были встречены бурными аплодисментами, — заключил Шикин.

Хрущев повернулся к первому секретарю ЦК республики:

— Это было, товарищ Мустафаев?

— Было, Никита Сергеевич, — горестно подтвердил Мустафаев и сразу поспешил его успокоить. — Ибрагимова осудили, сняли со всех мест.

Руководитель республики лукавил. Писателя Ибрагимова освободили от высокой должности «по его просьбе и в целях создания условий для литературной творческой работы».

— Мы не только будем снимать таких коммунистов, — угрожающе сказал Хрущев, — но поставим вопрос перед партийной организацией, чтобы таких людей выгоняли в шею не только из руководства, но и из партии. Это не ленинец, не коммунист, это националист, враг, залезший в руководство.

— Он уже не работает, — заступился за писателя первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана.

— Товарищ Мустафаев, — резко ответил Хрущев, — вы не такой наивный человек, чтобы не понимать разницы. Вы сами сомнительный человек, вы с партийным билетом, но не коммунист.

Повернувшись к членам Президиума ЦК КПСС, констатировал:

— Он сам такой, он сам сочувствует этому.

Угрозы первого секретаря ЦК КПСС не подействовали. Мирза Ибрагимов стал народным писателем Азербайджанской ССР и депутатом Верховного совета СССР, а в 1981 году Героем Социалистического Труда.

Шикин продолжал рассказывать о том, как на республиканском совещании по вопросам культуры выступил известный композитор Кара Караев на русском языке и ему за это досталось. Весной 1959 года в Москве проходила декада литературы и искусства Азербайджана. Главный режиссер театра оперы и балета объявил Константину Баташову, народному артисту республики, лауреату Сталинской премии, что танцевать он не будет, потому что это смотр национального искусства и в афишах не должно быть много русских фамилий. Когда Баташов

запротестовал, главный дирижер ответил, что он должен быть благодарен за то, что имеет возможность выступать в бакинском театре .

Хрущев опять обрушился на Мустафаева:

— И это коммунист, называется? Сколько замечательных людей выросло, но и навоз в бурном потоке несется и крутится в водовороте. Очистим, как хозяйка, когда борщ варит, снимает ложечкой накипь и сбрасывает. Так и мы снимем и очистим, в этом всегда нас народ поддержит.

Шикин продолжал рассказывать о ситуации в республике: все собрания проводятся только на азербайджанском языке. Перевод на русский не делается. В истории Азербайджана выдвигаются на первый план азербайджанцы: армяне и русские отодвигаются, даже такие известные фигуры, как Степан Шаумян.

— Если в книгах по истории Коммунистической партии указываются недостатки, ошибки таких деятелей, как Орджоникидзе, Степан Шаумян, Джапаридзе, то о недостатках Наримана Нариманова ни одного слова, хотя нам известно, что у него были крупные недостатки в области национальной политики. В Баку в ноябре 58-го было совещание представителей Институтов истории партии из всех союзных республик. Представитель Таджикистана сказал: зачем вы преувеличиваете роль Нариманова, на что заведующий Отделом пропаганды и агитации ЦК Компартии Азербайджана ему бросил такую реплику: «А вас кто, киргизов, освобождал?»

— Все знают, что Шаумян возглавлял бакинское правительство, — вновь подал голос возмущенный Хрущев . — Он армянин, и у нас не возникало вопроса: армянин он или другой национальности. Он назначен был Лениным на все Закавказье. Не только на Баку он распространял свое руководство, но и на Грузию и Армению. Как вам не стыдно!

Коммунисты, называется. Да избави нас Бог от таких друзей. От врагов мы сами избавимся.

Шикин докладывал, что кадры в Баку подбираются по национальному признаку.

— Я спрашивал, почему в руководстве нет ни армян, ни русских, — заметил Хрущев. — Почему? Что, они дискредитированы, эти коммунисты, что, они лишены своих политических прав?

Он обращался к главному руководителю республики. Доктор биологических наук Имам Мустафаев был селекционером, занимался выведением новых сортов пшеницы. Он считался сторонником и единомышленником Трофима Лысенко. Из Азербайджанского

сельскохозяйственного института Мустафаева взяли в республиканское министерство, потом назначили первым секретарем горкома в Гяндже. Когда был снят с должности (затем его судили и расстреляли) прежний хозяин республики и друг Л. П. Берии Мир Джафар Аббасович Багиров, Мустафаева поставили во главе Азербайджана.

Никита Сергеевич верил, что умелый аграрник предпочтительнее профессионального партийного работника. Но услышанное им о положении в республике поставило крест на карьере первого секретаря ЦК компартии Азербайджана.

Завершая свою речь, Никита Сергеевич сказал Мустафаеву:

— Не коммунист вы. Не понимаете ни задач коммунистической партии, ни политики. Мы разговариваем, как два глухих: вы одно говорите, а я другое понимаю. Это несчастье для организации, когда такой человек стоит во главе азербайджанской партийной организации.

Поручили республиканскому руководству «обсудить на Бюро и на Пленуме ЦК вскрытые проверкой недостатки в состоянии дел в республике и в работе парторганизации и разработать практические мероприятия по их исправлению». 6 июля в Баку на Пленуме ЦК КП Азербайджана Мустафаева «как не справившегося с работой» освободили от должности и вывели из Бюро ЦК. На Пленуме присутствовал секретарь ЦК КПСС Нуритдин Мухитдинов.

Первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана избрали Вели Юсуфовича Ахундова, врача по образованию. Он за два года сделал стремительную карьеру. С поста министра здравоохранения республики его в январе 1958-го перевели на пост секретаря ЦК, в июле того же года назначили председателем Совета министров, а ровно через год — первым секретарем ЦК республики. Он просидел на этом посту 10 лет, пока его не сменил председатель КГБ республики генерал Гейдар Алиевич Алиев.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

БЕСКОНЕЧНАЯ БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ

В 1957 году в Москве разгорелась борьба за власть между Никитой Сергеевичем и его молодыми сторонниками, с одной стороны, и «старой гвардией» — с другой. Хрущев спешил убрать с политической арены руководителей страны, которые ему мешали. А они не хотели уходить.

Как избавиться от Молотова

Никите Сергеевичу хотелось показать, что он способен заниматься внешней политикой без подсказок, самостоятельно. Но для этого следовало избавиться от В. М. Молотова, который никого не подпускал к внешней политике и спорил даже с первым секретарем ЦК КПСС. После смерти Сталина Вячеслав Михайлович вновь занял пост министра иностранных дел СССР, став одновременно еще и первым заместителем главы союзного правительства. Надеялся на большее. Подчеркивал, что в партийном руководстве он единственный, кто работал с Лениным.

Но товарищи по Президиуму ЦК ни за что не хотели допускать Молотова к реальной власти.

В 1954 году члены Президиума ЦК вместе отдыхали в Крыму. Каганович спросил Хрущева, как ему работается.

Никита Сергеевич откровенно ответил:

— Неплохо, но вот Молотов меня не признаёт, поэтому у меня с ним напряженные отношения.

Товарищи по Президиуму ЦК дружно прорабатывали Молотова.

Председатель Совета министров СССР Н. А. Булганин: Молотов — безнадёжный начетчик.

Первый заместитель председателя Совета министров СССР А. И. Микоян: Молотов живет только прошлым и вдохновляется злобой, которая накопилась у него.

Секретарь ЦК КПСС М. А. Сулов: Молотов неправильно, не по-ленински противопоставлял пролетарский интернационализм политике равноправия народов и сделал отсюда неправильные и вредные для нашей политики выводы.

Вячеславу Михайловичу досталось за статью в теоретическом органе партии журнале «Коммунист», где он написал, что в СССР построены лишь «основы социалистического общества», а не само социалистическое общество, как полагалось говорить. Этой промашки ему не спустили. Молотову пришлось напечатать в «Коммунисте» самоопровержение, в котором он признавал свои ошибки и каялся: «Я считаю эту формулировку теоретически ошибочной и политически вредной».

Накануне приезда в Москву руководителя социалистической Югославии Иосипа Броз Тито 25 мая 1956 года Хрущев обрушился на Молотова:

— У него плохо идет с Министерством иностранных дел. Он слаб как министр. Молотов — аристократ, привык шефствовать, а не работать. Надо освободить.

А. И. Микоян, Л. М. Каганович, К. Е. Ворошилов были против снятия старого товарища. Остальные потребовали убрать его из МИД. За день до приезда Броз Тито в Москву, 1 июня 1956-го, Молотов был освобожден от должности министра. Были здесь и соображения политики. Невозможно было представить, как он станет пожимать руки руководителям югославской делегации: грубые, оскорбительные письма, адресованные Тито в 1948 году, были подписаны Сталиным и Молотовым. В Постановлении Пленума ЦК говорилось: «Пленум ЦК осуждает политически неправильную позицию т. Молотова по югославскому вопросу как не соответствующую интересам Советского государства и социалистического лагеря и не отвечающую принципам ленинской политики. Позиция т. Молотова вела к закреплению ненормальных отношений с Югославией и дальнейшему отталкиванию Югославии в империалистический лагерь».

Молотов потребовал себе какой-то работы, и в ноябре его утвердили министром государственного контроля СССР. Эту должность когда-то занимал верный сталинский помощник Лев Захарович Мехлис, а потом генерал-чекист Всеволод Николаевич Меркулов, соратник Берии, вместе с ним и расстрелянный. Но в этом кресле Вячеслав Михайлович не засиделся. 27 марта 1957 года на заседании Президиума ЦК Хрущев раскритиковал его — на сей раз за то, что не подготовил положение о госконтроле.

Маршал Г. К. Жуков, который Вячеслава Михайловича терпеть не мог, добавил:

— Надо освободить госконтроль от функций контроля за Министерством обороны.

Молотов возражал против децентрализации управления промышленностью, затеянной Хрущевым. Написал записку членам Президиума ЦК КПСС. На сей раз Вячеслава Михайловича атаковала секретарь ЦК Е. А. Фурцева:

— Каждый раз какое-то особое мнение товарища Молотова. Тяжелый осадок остается. Печально — он делает это, чтобы след в истории оставить.

Вслед за Фурцевой столь же критически высказались и другие члены Президиума. Хрущев подвел итог:

— Молотов совершенно оторван от жизни. По целине — не согласен.

По внешней политике — не согласен. Сейчас опять не согласен.

На Пленуме не выступал — наверное, опять был против. Сейчас предлагает комиссию — тоже, чтобы оттянуть. Не всегда товарищ Молотов был нетороплив. Торопил в период коллективизации. Торопил, когда группу генералов репрессировали... Предлагаю осудить поведение Молотова за неуважительность к коллективу.

Помимо политических разногласий было и много личного. Хрущев не упустил случая выставить соратников в глупом свете. Разделавшись с Г. М. Маленковым и В. М. Молотовым, он старался подорвать позиции главы правительства Н. А. Булганина. Никита Сергеевич уже сообразил, что ему нужны не соратники, а исполнители.

Из всех сталинских соратников Николай Александрович Булганин, пожалуй, запомнился меньше других, хотя этот благообразный господин с бородкой клинышком был в какой-то момент самым близким к вождю человеком, несколько лет возглавлял вооруженные силы страны. Хрущев сам провел Булганина в главы правительства после отставки Маленкова. Но тут же принялся подрывать его авторитет. Например, члены Президиума ЦК осматривали выставку продукции легкой промышленности; Николай Александрович что-то сказал об искусственном шелке, и Хрущев публично набросился на Булганина:

— Вот видите — председатель Совета министров, а ничего не понимает в хозяйстве, болтает чушь.

От других членов Президиума ЦК Булганин отличался жизнелюбием. Его пристрастие к женскому полу было широко известно. Николай Александрович фактически завел себе вторую семью. Но развод в Кремле исключался. Он жил с новой семьей. А когда приходилось принимать гостей из числа высших руководителей страны, вынужден был ехать на госдачу, где обитала законная супруга. Веселья не получалось.

«Помню, — рассказывал Хрущев, — был у нас с ним один очень неприятный разговор в Крыму.

Ряд товарищей говорили мне:

— Товарищ Хрущев, скажите Николаю Александровичу, пусть он квартиры артисткам не раздает, а тем более на новоселье к ним не ездит. Разговоров много нехороших по этому поводу идет!

Такой разговор был у нас с Булганиным на берегу Черного моря. Состоялось довольно бурное объяснение и по этому вопросу».

Зато Николай Александрович в полной мере наслаждался жизнью. Он в ту пору ухаживал за прекрасной певицей Галиной Павловной Вишневской.

«Среди топорных, грубых физиономий членов правительства, — вспоминала Вишневская, — он выделялся своей интеллигентной внешностью, мягкими, приятными манерами. Было в его облике что-то от старорежимного генерала в отставке».

Булганин упорно добивался ее расположения:

— Я позвонил вам домой, но мне сказали, что вы там больше не живете, что сбежали...

— Не сбежала, а вышла замуж!..

— Поздравляю!

А замуж она вышла за выдающегося виолончелиста Мстислава Леопольдовича Ростроповича.

Галина Вишневская: «Булганин разговаривает со мной так, как будто никакого мужа у меня и нету ! Я еще пытаюсь все перевести просто на светскую болтовню, но голос на другом конце провода, серьезный и спокойный, не собирается включаться в мою тональность.

Начинаю мямлить:

— У меня вечером репетиция в театре. кончится поздно.

На том конце провода длинная пауза. Затем:

— Так я за вами пришлю машину».

Отказаться от приглашения главы правительства страшновато.

«И начались с того дня, — рассказывала Вишневская, — чуть ли не ежедневные приглашения — то к нему на дачу, то в его московскую квартиру. И, конечно, бесконечные “возлияния”. Николай Александрович пил много, заставлял и Славу, да тот и без уговоров со злости хватал лишнего.

Бывало, охмелеют оба, старик упрется в меня глазами, как бык, и начинается:

— Да, обскакал ты меня.

— Да, вроде бы так.

— А ты ее любишь?

— Очень люблю, Николай Александрович.

— Нет, ты мне скажи, как ты ее любишь? Эх ты, мальчишка! Разве ты можешь понимать, что такое любовь? Вот я ее люблю, это моя лебединая песня. Ну, ничего, подождем, мы ждать умеем, приучены».

Завоевать сердце Галины Вишневской Булганину не удалось.

Но внимание Николая Александровича привлекали и другие яркие и красивые женщины.

Майя Михайловна Плисецкая, которую КГБ не выпускал за границу, попыталась обратиться за помощью к главе правительства, когда Булганин

подошел к ней на приеме в норвежском посольстве.

«Он еще и рот не успел открыть, — вспоминает Плисецкая, — как я — неожиданно для себя самой — вдруг сказала ему:

— Меня сильно обижают, Николай Александрович. Очень сильно. Не пускают за границу. Чем я провинилась?

Булганин опустил глаза и ответил почти тургеневской фразой:

— А я думал, что вы счастливы.

Я не слушаю, говорю свое. Сколько во мне накопилось, требует выхода:

— На меня наложили запрет на выезд. Ездят все солисты, кроме меня. На мои персональные приглашения. Все вместо меня.

— А почему вы раньше об этом не говорили?

Поди скажи. Я второй раз в жизни живьем его вижу. Вблизи. Говорю, что балет — искусство молодости, что если не сейчас, пока кругом зовут, то потом поздно будет. Кому тогда нужна? И больно мне очень. За что так? Какая на мне вина?

Булганин хмурится. Но дослушивает до конца.

— Я все запомнил. Выясню это дело».

Пообещал. И ничего не сделал! Видимо, сразу забыл о просьбе.

Накануне Нового, 1956 года в Кремле устроили бал.

«Булганин подходит, — вспоминала Майя Плисецкая, — “барыню” приглашает сплясать. Выхожу. Танцуем. Все чиновные собачьи морды умиление изображают. Ах, как славно. Ах, как мило. Ну какой же молодец наш премьер. Как споро танцует. Не хуже именитой балерины Большого. Гоголевская сцена!

Николай Александрович про просьбу мою не заговаривает. Хотя времени вдоволь. И нужно-то полминуты. Бородкой седой трясет, одни междометия. Я зубами скрежещу — спросить, смолчать, напомнить, намекнуть?.. Гордость не позволяет. Так и ушла я с бала ни с чем. Золушкой...»

В высшем партийном ареопаге скопилась критическая масса обиженных на Хрущева людей, — Г. М. Маленков и В. М. Молотов, которых он оттер от власти и лишил должностей, Н. А. Булганин, Л. М. Каганович и К. Е. Ворошилов, которых он ругал при всяком удобном случае. Ничего у них общего не было кроме главной цели — убрать Хрущева. Они объединились против Никиты Сергеевича, как в 1953-м против Лаврентия Берии.

Антипартийная группа

Шестого апреля 1957 года на Президиуме ЦК в отсутствие Хрущева рассматривался в общем-то проходной вопрос: о его награждении за целину. Обычно в таких случаях все высказывались «за». Но произошло непредвиденное. Неожиданно с возражениями выступил министр государственного контроля Молотов:

— Хрущев заслуживает, чтобы его наградить, но, полагаю, надо подумать. Он недавно награждался. Вопрос требует того, чтобы обсудить его политически.

«Политически» — то есть по существу. В словах Молотова был резон: неприлично отмечать заслуги одного человека слишком часто. Но дело было не в награде. Молотов выступил против Хрущева! Ему возразил первый заместитель главы правительства Михаил Георгиевич Первухин:

— Нет сомнения, что Никита Сергеевич проявил инициативу относительно целинных земель. До него этот вопрос не ставился. Целина — важное дело, и нас не должно смущать, что через два года награждаем вновь.

Первый зампред Совмина СССР Л. М. Каганович тоже высказал сомнение в целесообразности награждения:

— Товарищ Хрущев имеет заслуги в этом деле. Награда заслуженная. Но тут есть вопрос. У нас нет культа личности, и не надо давать повода. Надо спросить самого товарища Хрущева и политически обсудить вопрос.

Министр электростанций СССР и заместитель председателя Совета министров СССР Г. М. Маленков занял уклончивую позицию:

— Личные заслуги товарища Хрущева большие. Но предлагаю ограничиться сейчас обменом мнениями и поговорить еще, может быть, вне заседания.

Секретарь ЦК П. Н. Поспелов не согласился с Маленковым:

— Целинные земли — не частный вопрос. Товарищ Хрущев заслуживает награды.

Проба сил. Влиятельные члены Президиума ЦК выступили против Хрущева. Наткнулись на сопротивление более молодых секретарей ЦК. И в тот раз не решились идти до конца. Уступили. Президиум ЦК принял Постановление «О награждении первого секретаря ЦК КПСС Героя Социалистического Труда т. Хрущева орденом Ленина и второй Золотой медалью “Серп и Молот”, отмечая “выдающиеся заслуги Н.С. Хрущева в

разработке и осуществлении мероприятий по освоению целинных и залежных земель”».

После голосования Маленков позвонил Хрущеву и подобострастно сказал:

— Вот, Никита, сейчас поеду домой и от чистого сердца, со всей душой трахну за тебя бокал коньяку.

Только Молотов остался при своем мнении. Хрущев обид не забывал.

В мае на встрече с московскими писателями Никита Сергеевич впервые публично неодобрительно отозвался о Молотове:

— Некоторые из вас, здесь присутствующих, говорят о каких-то расхождениях и разногласиях между нами, членами Президиума.

Я должен здесь прямо и открыто сказать, что все мы, члены Президиума, товарищи Анастас, Лазарь, Вячеслав, Маленков, Суслов и другие, едины в проведении ленинской линии партии. Да, у нас в Президиуме, в процессе работы бывают споры, чаще всего споры происходят с Молотовым. Молотов иногда выражает несогласие по тому или другому вопросу, это естественно, но это не означает, что у нас нет единства в Президиуме.

Слова Хрущева разнеслись по всей Москве.

Первые заместители главы правительства Молотов, Каганович, Маленков считали, что Хрущев забрал себе слишком много власти, не считается с товарищами по Президиуму ЦК, подавляет инициативу и самостоятельность. После XX съезда, успешного для Хрущева, считал Каганович, остатки былой скромности у первого секретаря напрочь исчезли — как говорится, «шапка на ем встала торчком». Он стал все сам решать. Выступает без предварительного обсуждения в Президиуме ЦК. Резко обрывает остальных. Поэтому, решили соратники, надо освободить Хрущева от должности первого секретаря. Да и вообще пост первого секретаря не нужен, партийное руководство должно быть коллективным.

Все они очень сильно переоценивали свои возможности и не замечали, как быстро окреп Никита Сергеевич, как стремительно осваивался в роли руководителя страны. Полагали, что им легко удастся скинуть Хрущева. Себя Молотов видел на его месте, Булганина намечали председателем КГБ, Маленкова и Кагановича — руководителями правительства.

К. Е. Ворошилову пересказали, как Хрущев за глаза о нем отзывался. Климент Ефремович пожаловался секретарю ЦК Д. Т. Шепилову:

— Дмитрий Трофимович, голубчик, ну что же у нас происходит? Как дальше жить? Как дальше работать? Он всех оскорбляет, всех унижает, ни с кем не считается. Все один, сам решает!

Шепилов резонно заметил:

— Климент Ефремович, почему вы мне это говорите? Вы же старейший член партии. Вы член Президиума ЦК. Почему вы мне-то говорите?

— Вы у нас главный идеолог.

— Ну какой я главный идеолог. Главный идеолог у нас Хрущев.

Вы напрасно мне это говорите. Ставьте вопрос. У меня есть свое мнение.

*

На заседании Президиума ЦК КПСС 18 июня 1957 года намечалось обсудить вопрос об уборке урожая и хлебозаготовках. Хрущев предложил всему составу Президиума отправиться в Ленинград на празднование 250-летия города.

Первым возразил Климент Ефремович Ворошилов:

— Почему все должны ехать? Что, у членов Президиума нет других дел?

Л. М. Каганович поддержал маршала, объяснил, что он занят уборкой урожая:

— Мы глубоко уважаем Ленинград, но ленинградцы не обидятся, если туда поедут не все, а несколько членов Президиума.

Никита Сергеевич в привычной для него напористой манере обрушился на товарищей. А. И. Микоян пытался его успокоить. Но тут члены Президиума, обычно покорно выслушивавшие речи первого секретаря, сказали, что так работать нельзя — давайте-ка обсуждать поведение Хрущева, а председательствует пусть Н. А. Булганин. Вот тут Никита Сергеевич осознал, что против него затеян заговор.

Слово взял Г. М. Маленков:

— Вы знаете, товарищи, что мы поддерживали Хрущева. И я, и товарищ Булганин вносили предложение об избрании Хрущева первым секретарем. Но вот теперь я вижу, что мы ошиблись. Он обнаружил неспособность возглавлять ЦК. Он делает ошибку за ошибкой, он зазнался. Отношение к членам Президиума стало нетерпимым, особенно после XX съезда. Он подменяет государственный аппарат партийным, командует непосредственно через голову Совета министров. Мы должны принять решение об освобождении Хрущева от обязанностей первого секретаря ЦК.

За Маленковым взял слово Каганович, у которого Никита Сергеевич

когда-то состоял в подчинении:

— Хрущев систематически занимался дискредитацией Президиума ЦК, критиковал членов Президиума за нашей спиной. Его действия вредят единству, во имя которого Президиум ЦК терпел до сих пор причуды Хрущева.

Поднаторевший в борьбе с партийными уклонами Каганович напомнил, что Хрущев когда-то допустил ошибку и поддержал троцкистов. Незадолго до этого, на одном из заседаний Президиума ЦК, Хрущев заметил, что «надо еще разобраться с делами Зиновьева, Каменева и других».

Он уже понимал, что все эти дела фальсифицированы. Но его товарищи ничего не хотели пересматривать.

В. М. Молотов с удовольствием сквитался с первым секретарем:

— Как ни старался Хрущев провоцировать меня, я не поддавался на обострение отношений. Но оказалось, что дальше терпеть невозможно. Хрущев обострил не только личные отношения, но и отношения в Президиуме в целом.

Молотова и Маленкова поддержали Ворошилов, потом Булганин и еще два первых заместителя главы правительства — Михаил Георгиевич Первухин и Максим Захарович Сабуров. Ворошилов, которым Хрущев в последнее время помыкал, внес оргпредложение:

— И я пришел к заключению, что необходимо освободить Хрущева от обязанностей первого секретаря. Работать с ним, товарищи, стало невмозготу. Не можем мы больше терпеть подобное. Давайте решать.

Хрущев с Маленковым двумя годами ранее поступил сравнительно мягко — с поста председателя Совета министров снял, но сделал зампредом и министром электростанций. Так и Хрущева предполагалось не на пенсию отправить, а поставить министром сельского хозяйства: пусть работает, но на более скромной должности.

Расклад был не в пользу Хрущева. Семью голосами против четырех Президиум ЦК проголосовал за смещение его с поста первого секретаря.

Но первый секретарь не остался в одиночестве. Вокруг него сложилась когорта достаточно молодых партработников. Едва зазвучала критика в адрес Никиты Сергеевича, секретари ЦК Е. А. Фурцева и Л. И. Брежнев бросились собирать союзников и единомышленников. Они оба были кандидатами в члены Президиума ЦК, то есть высказываться право имели, а голосовать нет.

Леонид Ильич подсел к Фурцевой. Он был растерян:

— Что делать?

— Надо звать Жукова, — сказала Фурцева, — он на стороне Хрущева. Брежнев потом рассказывал:

— Булганин, зная, что будет заседание по этому делу, зная, что товарищ Жуков является твердым, волевым, принципиальным и честным человеком, за несколько часов до этого отпустил Жукова на учение, так что он не участвовал в этом заседании.

Министр обороны находился в Солнечногорске. Его вызвали в Москву.

Секретарь ЦК Аверкий Борисович Аристов заболел и сидел дома. Фурцева предложила и его привезти на заседание, хотя он не был членом Президиума и не имел права решающего голоса. Брежнев соединился с Аристовым, попросил от имени Фурцевой и от собственного приехать:

— Нас мало. Они выбрали удобный момент.

Стратегически важным был звонок председателю КГБ И. А. Серову. Брежнев предупредил его, что заседание Президиума ЦК направлено против Никиты Сергеевича.

— Приехал товарищ Жуков, — вспоминал Брежнев. — Рассказал мне, что его утром вызывал к себе Маленков и вел с ним заискивающий и сомнительный разговор о том, что ему время быть членом Президиума ЦК, но что надо поговорить о руководстве партии. Я товарищу Жукову сказал, что это Маленков вас прощупывал — на чьей стороне вы можете быть.

Прощупывал маршала не только Маленков. Дачи Жукова и Кагановича были рядом. Похлопав Жукова по плечу, Лазарь Моисеевич заметил:

— Ну, товарищ Жуков, вам пора быть членом Президиума.

Вы созрели.

Когда Брежнев вернулся в зал заседаний Президиума, его подозрительно спросили:

— Куда это вы мотались?

Брежнев огрызнулся:

— У меня желудок расстроился, в уборной сидел.

Фурцевой он дал знать, что мобилизовал всех, кого мог.

Когда маршал Жуков вернулся с учений, на председательском месте обосновался глава правительства Булганин. Присутствующие разносили Хрущева. Маленков в нервном состоянии даже стукнул кулаком по столу. Жуков потом иронически вспоминал:

— Я сидел рядом с Маленковым, и у меня графин подпрыгнул на столе.

Заседание Президиума ЦК удалось перенести на следующий день. Фурцева твердо сказала, что она должна уйти, поскольку ей предстоит открывать торжественное заседание, посвященное юбилею председателя

Исполкома Коминтерна Георгия Димитрова. Ее слова подействовали. «Мятежникам» не позволили сразу же снять Хрущева и взять власть в свои руки.

Важную роль сыграл министр внутренних дел СССР Николай Павлович Дудоров, профессиональный строитель, чье назначение на этот пост в январе 1956 года всем показалось странным. Хрущев его прекрасно знал: руководя столичным партаппаратом, поставил заведовать Отделом строительства и строительных материалов МГК, потом сделал заместителем председателя Мосгорисполкома.

Начальник Отдела фельдъегерской связи МВД СССР полковник Борис Иванович Краснопевцев доложил своему министру, что глава правительства Н. А. Булганин приказал разослать по всей стране секретные пакеты. Дудоров вскрыл один из них. Там было сообщение о том, что Президиум ЦК КПСС освободил Хрущева от поста первого секретаря. Министр внутренних дел рассылку пакетов запретил.

Ночь после заседания Никита Сергеевич провел без сна со своими сторонниками. Вместе они разработали план контрнаступления. Никита Сергеевич точно рассчитал, что многие члены ЦК, особенно молодые, поддержат его в борьбе против «старой гвардии». Помощники и соратники Хрущева обзванивали партийных секретарей по всей стране, мобилизуя их на поддержку хозяина страны.

Первый секретарь Хабаровского обкома Алексей Павлович Шитиков вызвал своего второго секретаря Алексея Климентьевича Чёрного:

— Только что звонил заведующий Сельхозотделом ЦК Мыларщикова. Просил созвониться с соседями-дальневосточниками и всем вместе первым же самолетом лететь в Москву и сразу же ехать к нему в ЦК. Он доверительно намекнул, что в Кремле идет очень важное заседание Президиума ЦК, касающееся Хрущева. Но о причинах выезда просил не распространяться.

Ключевую роль в спасении Хрущева в те дни сыграли председатель КГБ и министр обороны. Г. К. Жуков самолетами военно-транспортной авиации со всей страны доставлял в Москву членов ЦК, а И. А. Серов их правильно ориентировал.

Верные Хрущеву люди объясняли прибывающим в столицу провинциальным партийным секретарям:

— В Кремле бывшие сталинцы бьют нашего Никиту.

Некоторые члены ЦК в этом и не нуждались. Они, не колеблясь ни секунды, встали на сторону Никиты Сергеевича. Появилось письмо, адресованное Президиуму ЦК:

«Нам, членам ЦК КПСС, стало известно, что Президиум ЦК непрерывно заседает. Нам также известно, что вами обсуждается вопрос о руководстве Центральным комитетом и руководстве Секретариатом. Нельзя скрывать от членов Пленума ЦК такие важные для всей нашей партии вопросы.

В связи с этим мы, члены ЦК КПСС, просим срочно созвать Пленум ЦК и вынести этот вопрос на обсуждение Пленума. Мы, члены ЦК, не можем стоять в стороне от вопросов руководства нашей партией».

Письмо подписали люди, связавшие с Хрущевым свою политическую судьбу: первый заместитель министра иностранных дел Н. С. Патоличев, первый секретарь Горьковского обкома Н. Г. Игнатов, первый секретарь Краснодарского крайкома Д. С. Полянский, министр оборонной промышленности СССР Д. Ф. Устинов, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, министр внутренних дел СССР Н. П. Дудоров, руководитель советского комсомола А. Н. Шелепин, первые заместители министра обороны СССР маршалы Советского Союза Р. Я. Малиновский и И. С. Конев.

Были и другие. И. В. Капитонов, на тот момент первый секретарь Московского обкома партии, рассказывал:

— Сталинская гвардия тянула страну назад, к террору и страху. Молодые лидеры предлагали мягкие, несколько более демократичные приемы руководства страной. Тут я призадумался. Рисковать карьерой не было смысла. И я ушел в «подполье». Наказал жене всем по телефону говорить: «Иван Васильевич уехал на охоту».

Члены ЦК, уверенные в победе Никиты Сергеевича, собрались в Свердловском зале Кремля, заявили, что поддерживают первого секретаря, и потребовали от членов Президиума ЦК отчета: что, собственно, происходит? «Старики» были потрясены, что кто-то посмел пойти против их воли. Поначалу даже не хотели разговаривать с пришедшими. Каганович заявил, что это настоящий фракционный акт, ловкий, но троцкистский.

— Они отказались принять группу членов ЦК! — возмутился потом А. Н. Шелепин, выступая на Пленуме ЦК. — Это возмутительно. Это была беседа как в буржуазном парламенте, а не в Коммунистической партии Советского Союза.

Все-таки несколько членов Президиума ЦК вышли из зала заседаний. Разгневанный маршал Ворошилов напустился на руководителя комсомола Шелепина:

— Это тебе, мальчишке, мы должны давать объяснения? Научись сначала носить длинные штаны!

Максим Сабуров возмутился:

— Я вас, товарищ Хрущев, считал честнейшим человеком. Теперь вижу, что я ошибался, — вы бесчестный человек, позволивший себе по фракционному, за спиной Президиума ЦК организовать собрание в Свердловском зале.

Президиум ЦК увидел, что партийный аппарат вышел из подчинения. Молотову и Маленкову пришлось согласиться на проведение Пленума ЦК, на котором сторонники Хрущева составляли очевидное большинство. Остальные, увидев, чья берет, присоединились к победителю. Роли переменились: Молотов и другие превратились в заговорщиков.

Молотов, Маленков, Булганин, Каганович думали, что аппарат автоматически примет их точку зрения, и ошиблись. Они говорили, что формируется культ личности Хрущева, что нужна демократия и коллегиальность в партии, что лозунг «догнать и перегнать Америку по мясу и молоку» просто глупый... Но никто не пожелал их слушать, как они прежде не слушали других, пытавшихся критиковать партийный аппарат и вождей.

Антипартийной в советской истории становилась группа, потерпевшая поражение во внутрипартийной борьбе. Победил Хрущев, поэтому это название закрепилось за его противниками. Осенью 1964-го проиграет Хрущев, и люди, которые говорили о нем почти то же самое, что Маленков и другие за семь лет до этого, окажутся победителями и возьмут власть.

В 1957 году аппарат находился в руках Хрущева, зависел от него и с ним связывал свои жизненные планы. Что партсекретарям могла предложить «старая гвардия»? Июньский пленум ЦК поддержал Хрущева. Никита Сергеевич тоже не у всех вызывал симпатии, но он открыл молодому поколению дорогу наверх, освобождая кабинеты от прежних хозяев.

На первом же заседании Пленума ЦК, хотя основное сообщение делал М. А. Сулов, Хрущев не выдержал и стал говорить сам, гневно обличая своих противников. К нему из зала и обратился Шелепин с важнейшим вопросом:

— Никита Сергеевич, какова позиция товарища Булганина?

— Позиция грешная, — припечатал Хрущев руководителя правительства.

Хрущев ловко выделил из семи членов Президиума, выступивших против первого секретаря, троих — Молотова, Маленкова и Кагановича — и представил их антипартийной группой. Остальным дал возможность признать свои ошибки и отойти в сторону. Ворошилова и Булганина

Хрущев вообще помиловал. От Булганина он, правда, потом все равно избавился через девять месяцев, а Ворошилову позволил остаться на декоративном посту председателя Президиума Верховного совета СССР еще на три года.

Растерянного Булганина потребовали к ответу:

— Почему вы хотели отстранить товарища Хрущева? Почему вы возглавили эту антипартийную группу?

Судя по всему, это были подготовленные вопросы. Члены ЦК заранее обговорили, кому и когда выступать.

Глава правительства сбивчиво оправдывался:

— Я заявляю, что имел лишь одно намерение — устранить недостатки в работе Президиума. В последние дни я разговаривал с товарищем Хрущевым и указывал на его недостатки. Я говорил с ним и о его личных недостатках.

На Июньском пленуме Хрущев сделал реверанс в сторону партийных секретарей, обещая им большую власть и большие полномочия:

— Когда пришла группа товарищей — членов ЦК и попросила принять их, некоторые члены Президиума заявили: «Что за обстановка в партии, кто создал такую обстановку? Так нас могут и танками окружить». В ответ на это я сказал, что надо принять членов ЦК. Молотов громко заявил, что мы не будем принимать. Тогда мной было сказано следующее: «Товарищи, мы члены Президиума ЦК, мы слуги Пленума, а Пленум хозяин».

Зал заплодировал. Хрущев завоевал аудиторию.

Пленум ЦК превратился в суд над антипартийной группой Молотова, Кагановича, Маленкова. Молотова на первое место поставил сам Хрущев — он считал Вячеслава Михайловича идейным вождем этой группы. Тот и на Пленуме, видя перед собой враждебный зал, не потерял присутствия духа и продолжал сопротивляться:

— Хрущев походя говорит о членах Президиума ЦК: этот выживший из ума старик, этот бездельник, тот карьерист. Не может один член Президиума распоряжаться нами, как пешками.

Молотов как недавний министр иностранных дел особенно возмущался, что, когда Хрущев с Булганиным были в Финляндии и их позвали в сауну, Никита Сергеевич принял приглашение:

— Булганин отказался и правильно поступил, а Хрущев в три часа ночи отправился к президенту Финляндии в баню и был там до шести часов утра. А я считаю, что надо вести себя более достойно.

Хрущев с удовольствием объяснил залу всю эту банную историю:

— Булганин, Маленков и другие товарищи говорят, что они любят париться в бане. Я, как вы знаете, юность провел в степях, на юге, там бань нет. Я в бани никогда не хожу, за исключением, Родион Яковлевич [он обратился к сидевшему в зале маршалу Малиновскому. — Л. М.], во время войны, когда мы с вами на Дону были и парились. Приехали мы в Финляндию. Там все хвастаются банями. Президент Финляндии Кекконен говорит: когда я стал президентом, новую баню построил. Булганин не пошел, а я, хотя и не привык к бане, все-таки решил пойти — считал бестактным отказаться. Что делают в бане? Парятся. Мы тоже парились, шутили, смеялись. Должен сказать, что Кекконен — это один из самых близких к Советскому Союзу людей в Финляндии.

И этим надо дорожить. Вы представляете себе: президент приглашает гостей в баню, а гости плюют и уходят. Это же обижает, оскорбляет их.

Тут Хрущев повернулся к Молотову:

— Да как же тебе не стыдно? Ты вот ни с кем не пойдешь. Если бы тебе дать волю, ты довел бы страну до ручки, со всеми рассорился, довел бы до конфликта. Посмотри на свою телеграмму из Сан-Франциско, что ты в ней писал? Ты писал, что война может вот-вот начаться.

Молотов стоял на своем:

— Я не согласен. Можно было бы достойнее вести себя в Финляндии. Тут не выдержал генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко:

— А вы считали достойным ехать к Гитлеру?

Молотову на Пленуме ЦК припомнили все. И что Сталин называл его «медным лбом», и что он причастен к репрессиям. Члены ЦК сладострастно поносили своих недавних вождей, перед которыми десятилетиями ходили на полусогнутых. Большинство предъявляло Молотову ритуальные обвинения в антипартийной деятельности, но иногда, как в случае с прокурором Руденко, прорывались и искренние нотки.

Маршал Г. К. Жуков, пожалуй, впервые рассказал о том, как Сталин и Молотов утверждали расстрельные списки. Например, 12 ноября 1938 года — в один день — санкционировали расстрел 3167 человек.

— Мы верили этим людям, — говорил Жуков, — носили их портреты, а с их рук капает кровь... Они, засучив рукава, с топором в руках рубили головы... Как скот, по списку гнали на бойню: быков столько-то, коров столько-то, овец столько-то... Если бы только народ знал правду, то встречал бы их не аплодисментами, а камнями.

На Молотова эти страшные слова не произвели ни малейшего впечатления. Он ни на минуту не потерял хладнокровия и ни в чем не

признавал себя виновным. Жуков не отступал:

— Скажи, почему все обвинения делались только на основе личных признаний тех, кто арестовывался? А эти признания добывались в результате истязаний. На каком основании было принято решение о том, чтобы арестованных бить и вымогать у них показания? Кто подписал этот документ о допросах и избиениях?

Молотов отвечал совершенно спокойно:

— Применять физические меры — общее решение Политбюро. Все подписывали.

Маленков и другие говорили, что это делалось по указанию Сталина. Из зала им кричали:

— Напрасно сваливаете на покойника.

Хрущев напомнил Маленкову:

— Ты после Сталина был второе лицо, и на тебя ложится главная ответственность.

Маршал Жуков выступал несколько раз. У него в руках были документы:

— Я хочу дать справку. В плену было 126 тысяч наших офицеров. Они вернулись из плена. И Молотов по представлению Булганина вопреки существующему закону лишил этих офицеров воинских званий и послал их в административном порядке в концентрационные лагеря на шесть лет. Вот у меня этот документ, подписанный Молотовым 22 октября 1945 года.

Нужные документы нашел в архиве заведующий Общим отделом ЦК Владимир Никифорович Малин. Его Сталин взял к себе помощником после того, как убрал А. Н. Поскребышева. Малин — чуть не единственный, кто сохранился из личного аппарата вождя. Он тоже попросил слова:

— Позвольте мне дать справку. Это трагедия целого поколения людей, и за нее нужно иметь мужество отвечать. В архивах ЦК среди расстрельных списков есть и такой, на котором рукой Молотова написано: «Бить и бить».

Зал кричал:

— Позор!

И даже новый министр иностранных дел Андрей Андреевич Громыко, креатура и любимец Вячеслава Михайловича, обязанный ему своей фантастической карьерой, сказал, что картина выступающего Молотова — это жалкое зрелище, что тот хотел вылить грязь на голову

Хрущеву, а сам вывозился в этой грязи с ног до головы. Черту под обсуждением поведения Молотова подвел первый секретарь Московского обкома Иван Капитонов:

— Если бы Молотов изредка бывал на наших предприятиях, в колхозах, совхозах, то он бы убедился в своей неправоте. Поэтому я считаю, товарищи, что Молотов не может оставаться в Президиуме ЦК, в членах ЦК и в рядах нашей партии.

Зал аплодировал и кричал:

— Правильно!

И комсомольский вожак Александр Шелепин говорил о репрессиях, о реальной вине Маленкова, Молотова, Кагановича за расстрелы невинных людей:

— Из 73 членов Центрального комитета ВЛКСМ, избранных X съездом, были арестованы 48 членов ЦК, 19 кандидатов, 5 членов ревизионной комиссии. Я принимал Пикину, бывшего секретаря ЦК ВЛКСМ, которая работает сейчас в Центральном комитете партии. Она долго рассказывала о том, как издевались и измывались над ней. А Уткин, бывший секретарь Ленинградского обкома, который отсидел 16 лет, пришел инвалидом, у него рука и нога отнялись. Они бы рассказали им о чудовищным зверствах. Вы должны за это отвечать перед народом и партией!

Очень резко отзывались о секретаре ЦК партии по идеологии Д. Т. Шепилове.

Хрущев и Шепилов познакомились на фронте. «Шепилов тогда произвел на меня хорошее впечатление, — вспоминал Хрущев. — Умный человек». Обаятельный и красивый, вернувшийся с фронта в генеральских погонах, Дмитрий Трофимович располагал к себе с первого взгляда. Никита Сергеевич оценил его — образованный человек и не интриган. Через несколько дней после того как Хрущев 17 апреля 1954 года пышно отметил свое шестидесятилетие, он спросил Шепилова:

— Вы были у меня на именинах?

— Нет, не был.

— Почему?

— А меня никто не приглашал.

— Ну, это значит, мои хлопцы маху дали.

Отношения быстро приобрели личный характер. Хрущев приезжал на дачу к Шепилову с женой, обедали вместе. Но чаще забирал его с семьей к себе на все воскресенье. Хрущев и Шепилов гуляли вдвоем, откровенно говорили и о сталинских преступлениях, и о том, что нужно сделать для страны. Никита Сергеевич отличал Шепилова, доверял ему.

Если Дмитрий Трофимович обращался за указаниями, отвечал:

— Решайте сами.

Когда на Президиуме ЦК Хрущеву предъявили целый список обвинений, Шепилов тоже критиковал первого секретаря. Не потому, что поддерживал Молотова и других — ничего общего между ними не было, а по принципиальным соображениям. Ему не хватило аппаратной осторожности, умения промолчать, посмотреть, как дело повернется, и потом уже смело присоединиться к победителю.

Молотов и другие были для Никиты Сергеевича просто политическими соперниками. Выступление Шепилова он воспринял как личную обиду. Считал, что, посмеив его критиковать, тот ответил ему черной неблагодарностью.

На Пленуме ЦК обвинить Шепилова было не в чем. Дмитрий Трофимович сам готовил доклады о развенчании культа личности; с Молотовым, Кагановичем и Булганиным у него были плохие отношения. Поэтому на него просто лились потоки брани.

Членов антипартийной группы изгнали из Президиума ЦК. Освободившиеся места заняли те, кто поддержал Никиту Сергеевича.

Маленкова отправили директором гидроэлектростанции в Усть-Каменогорск на Алтае, а летом перевели в шахтерский город Экибастуз и назначили директором ТЭЦ. Кагановича поставили управляющим трестом «Союзасбест» в городе Асбест Свердловской области.

В 1961 году их исключили из партии и отправили на пенсию. За ним, как и за другими бывшими партийными руководителями, следили, разговоры их записывались. Председателю КГБ В. Е. Семичастному в 1962 году Хрущев поручил побеседовать с Кагановичем, который говорил о том, что его несправедливо отправили в отставку. Опытный Лазарь Моисеевич приехал на Лубянку с узелком, думая, что домой уже не вернется...

Молотова первоначально намеревались сделать послом в Норвегии, запросили агреман. Но быстро передумали. 3 августа 1957 года на заседании Президиума ЦК решили отправить в Монголию. Другие страны уклонились от чести принять у себя опального сталинского соратника, а монгольский лидер Юмжагийн Цеденбал, которому позвонил сам Хрущев, ни в чем не мог отказать Москве. Через три года из Улан-Батора Молотова перевели в Вену представителем в Международном агентстве по атомной энергии. Но он недолго там просидел.

В столице Австрии в начале июня 1961 года состоялась встреча Никиты Сергеевича с новым президентом США Джоном Кеннеди. Хрущева встречали все советские дипломаты, в том числе представитель в МАГАТЭ В. М. Молотов. Он пришел на вокзал вместе с супругой Полиной Семеновной.

Хрущев широко улыбнулся:

— А-а, Вячеслав Михайлович, здравствуйте, я вас очень рад видеть.

Но едва ли ему приятно было с ним встретиться.

О встрече он вспомнил 7 октября на заседании Президиума ЦК. Хрущев предложил:

— Может быть, отозвать его из Вены? А если будет упорствовать, так и исключить из партии.

Молотова вернули в Москву. В феврале 1962 года первичная организация Управления делами Совета министров исключила его из партии. Вячеслав Михайлович протестовал. Его дело разбирал Свердловский райком, потом Московский горком партии. Окончательное решение принял первый секретарь горкома Петр Нилович Демичев:

— Вы должны сдать ваш партийный билет.

Комитет партийного контроля при ЦК также счел исключение правильным.

*

Менее чем через год, 25 марта 1958-го, на заседании Президиума ЦК КПСС возник вопрос о главе советского правительства. Хрущев припомнил все грехи председателя Совета министров:

— Вероломное поведение Булганина было равносильно предательству, гнусная роль была. С деловой стороны — не цепкий. Может быть, вернуть его в Госбанк^[19]?

Товарищи по Президиуму ЦК предложили освобождающуюся должность главы правительства передать самому Хрущеву. Вспомнили, что и Сталин совмещал оба поста.

— Предложение правильное, — поддержала Никиту Сергеевича Фурцева. — Сделать товарища Хрущева председателем Совета министров и оставить первым секретарем ЦК. Аналогию со Сталиным надо разбивать.

Хрущев впоследствии уверял, что не хотел занимать пост главы правительства после Булганина, намеревался сделать председателем Совета министров Алексея Николаевича Косыгина. Даже представил его в 1957 году китайскому вождю Мао Цзэдуну в этом качестве. Но уговаривать долго его не пришлось, и он принял предложенный пост, ссылаясь на то, что члены Президиума ЦК настояли. Косыгину пришлось ждать семь лет: он стал во главе Совета министров СССР только после ухода Хрущева, в октябре 1964 года.

Президиум ЦК КПСС постановил: «Ввиду того, что т. Булганин Н. А. проявил политическую неустойчивость, выразившуюся в участии в антипартийной фракционной группе Маленкова, Кагановича, Молотова, за что Июньский пленум ЦК КПСС 1957 года объявил ему строгий выговор с предупреждением, не рекомендовать т. Булганина на пост Председателя Совета Министров СССР».

Как и предлагал Хрущев, маршала Советского Союза Н. А. Булганина утвердили председателем правления Государственного банка СССР. На этом посту Николай Александрович не задержался. 14 июля 1958 года он написал Хрущеву письмо:

«Никита Сергеевич!

Прости меня за все и за то, что настоящим частным письмом обращаюсь к тебе.

Пишу это письмо к тебе в надежде на твою помощь. Я написал прилагаемое при этом заявление в Президиум ЦК. Состояние мое до крайности тяжелое, таково, что я стал инвалид. Прошу тебя — помоги мне.

Президиуму ЦК известно, что я тяжело болен.

В результате болезни и перенесенной тяжелой операции (удаление желчного пузыря), а также в связи с перенапряжением нервной системы у меня наступило крайнее истощение нервной системы и здоровья. Я в настоящее время стал полностью нетрудоспособным. Работать я не могу. Мне это тяжело признать, но это так. Я не вижу другого выхода, как обратиться к Президиуму ЦК с просьбой дать мне возможность восстановить силы и трудоспособность.

Я обращаюсь к Президиуму ЦК с просьбой оформить меня временно на пенсию с освобождением от работы. Очень прошу удовлетворить мое настоящее ходатайство».

На пенсию его не отпустили. В протокол заседания Президиума ЦК № 163 записали: «Предоставить т. Булганину Н. А. по состоянию здоровья отпуск на один месяц».

В августе его отправили из Москвы в Ставрополь председателем совнархоза. В рамках хрущевской реформы упразднили десять общесоюзных и пятнадцать союзно-республиканских министерств. Все подчиненные им предприятия передавались на места — по всей стране образовывались Советы народного хозяйства, которые подчинялись

непосредственно правительству.

Это были трудные годы для Булганина. В сентябре 1958 года на Пленуме ЦК его вывели из состава Президиума, а 26 ноября указом Президиума Верховного совета лишили звания маршала и понизили до генерал-полковника.

В феврале 1960 года Николая Александровича наконец отправили на «заслуженный отдых». Пенсию, правда, дали хорошую, персональную союзного значения. К нему у Хрущева меньше всего было претензий. Булганина единственного из всех участников антипартийной группы не исключили из партии.

Маршал Жуков. Один шаг до власти

Твердый голос маршала Советского Союза Г. К. Жукова и мощь стоявшей за ним Советской армии были в 1957 году лучшей поддержкой Хрущеву. Но Георгий Константинович одновременно и пугал первого секретаря.

На заседании Президиума ЦК^[20] маршал заметил: а не следует ли обдумать вопрос о том, чтобы вместо первого секретаря иметь секретаря ЦК по общим вопросам? Жуков даже написал записку на эту тему и отдал ее Н. А. Булганину.

Д. Т. Шепилов предупредил министра обороны:

— Георгий Константинович, имей в виду: следующим будешь ты!

И как в воду смотрел. На Жукова стали собирать материалы, и через четыре месяца маршал был отправлен в отставку.

Устранив основных политических соперников, Хрущев опасался теперь одного лишь Георгия Константиновича. «Последние события выдвинули на первый план фигуру маршала Жукова, — записал 30 июля 1957 года в дневнике поэт Давид Самуилович Самойлов. — В нем растет будущий диктатор России». Разговоры о неминуемом появлении русского Бонапарта не прекращаются вот уже столетие. Внимание публики привлекал то один, то другой жаждавший власти деятель бурной и кровавой эпохи. И по сей день многие уверены, что совершить военный переворот и взять власть собирался Георгий Константинович и что Вооруженные силы готовы были его поддержать.

«Члены Президиума ЦК не раз высказывали мнение, что Жуков движется в направлении военного переворота, захвата им личной власти, — вспоминал Хрущев. — Ряд военных говорили о бонапартистских устремлениях Жукова. Накопились факты, которые нельзя было игнорировать без опасения подвергнуть страну перевороту типа тех, которые совершаются в Латинской Америке. Мы вынуждены были пойти на отстранение Жукова от его постов. Мне это решение далось с трудом, но деваться было некуда».

Когда Жуков уже перестал быть министром обороны СССР, маршал Советского Союза Кирилл Семенович Москаленко со всей страстью обвинял его в стремлении захватить власть. Георгий Константинович с солдатской прямоотой бросил ему:

— Что ты меня обвиняешь? Ты же сам не раз мне говорил: что

смотришь? Бери власть в свои руки, бери!

В этом мире, говаривал Наполеон, есть только две возможности — или командовать, или подчиняться. Жуков принадлежал к тем, кто с детства мечтает командовать другими. В нем было умение подчинять себе. Он родился таким, такова была его генетическая структура.

Стремительный взлет Жукова походил на взлет других отличившихся. Сталину вообще претила обычная форма карьерного роста. Понравившегося он сразу определял на высокий пост. А дальше — как у кого. Георгий Константинович справлялся с любой должностью, а многие другие лишались и высокого кресла, и самой жизни.

Жуков не испытывал страха ни на обильно политом кровью поле боя, ни на натертом до блеска кремлевском паркете. У него было мужество решимости, без которого немислим настоящий полководец. И крепкие нервы. Он безостановочно двигался вверх по карьерной лестнице. Не потому, что ему кто-то ворожил. А потому, что не продвигать его было невозможно. Но вот вопрос: а политические амбиции у маршала Жукова существовали?

Он принадлежал к когорте прирожденных военных, но собирался ли носить форму до самой пенсии? Пост военного министра — вершина карьеры? Или ступенька в восхождении на олимп? Кем он сам видел себя в будущем? Были основания у кремлевских властителей воспринимать маршала как опасного конкурента? Иначе говоря, стоило ли товарищам по партии, коллегам по Президиуму ЦК опасаться влиятельного и популярного министра обороны, главного полководца Великой Отечественной?

Человек самостоятельный, он мог мешать далекоидущим планам руководителя партии. Его положение и авторитет позволяли претендовать на первые роли. Хрущев, конечно же, воспринимал Жукова как политического соперника. Жесткий характер маршала, его полнейшая самоуверенность пугали не только Хрущева, но и Сталина.

Когда Сталин умер, не очень популярная и не очень уверенная в себе новая власть поспешила опереться на авторитет «маршала Победы». Он возглавил только созданное из Военного и Военно-морского министерств новое объединенное Министерство обороны СССР.

Он много сделал для Вооруженных сил. Неустанно модернизировал армию. Создавал мобильные части, внедрял новую технику, наращивал численность воздушно-десантных войск. Требовал изучать современную технику и передовую военную теорию. Высшим офицерам объяснял, что нужно серьезное внимание уделять буржуазной военной науке.

Осенью 1953 года семь военачальников обратились в ЦК партии. Они предупреждали, что США скоро развернут баллистические ракеты и нужно создавать противоракеты. Жуков их поддержал. 28 октября Совет министров СССР издал распоряжение «О возможности создания средств противоракетной обороны». На следующий год началось развертывание системы защиты Москвы от ракетного оружия.

При этом Жуков с Хрущевым отказались от военно-морских баз в Китае — в Порт-Артуре и Дальнем. Кто-то считает это ошибкой. Но несложно представить себе, что творилось бы вокруг советских баз, когда отношения с Китаем стали враждебными и бушевала культурная революция. Схватка за базы могла привести к настоящей войне.

В Финляндии советская военная база находилась рядом со столицей. «Наш посол, — вспоминал Хрущев, — докладывал, что наша база угрожала своими пушками Хельсинки, мы подвергали самолюбие финнов болезненным уколам».

Хрущев спросил у Жукова:

— Георгий, наша база в Финляндии представляет ценность?

— Никакой.

— А если не будет этой базы, может возникнуть угроза со стороны финнов?

— Ни малейшей.

Жуков с Хрущевым оказались правы. В результате Финляндия была и осталась самой расположенной к России страной в Европе.

К шестидесятилетию, 1 декабря 1956 года, Жуков получил четвертую Золотую Звезду Героя Советского Союза. В июне 1957 года, когда маршал поддержал Хрущева, его авторитет в стране и армии вырос невероятно. До власти — один шаг. Но этот шаг никогда не будет сделан. Взлет маршала напугал многих.

Четвертого октября 1957 года в Советском Союзе запустили первый искусственный спутник Земли. Его вывела в космос межконтинентальная баллистическая ракета Р-7, разработанная Конструкторским бюро С. П. Королева. Она взлетела с Научно-исследовательского испытательного полигона № 5 Министерства обороны СССР (НИИП № 5 МО СССР), ныне известного как космодром Байконур. Именно Жуков доказал необходимость строительства главного испытательного полигона. Он прислушался к мнению Сергея Павловича:

— Полигон должен быть максимально близок к экватору, чтобы эффективно использовать скорость вращения Земли. Если стрелять на восток, к скорости ракеты прибавится окружная скорость географической

точки космодрома. Казахстан дает прирост более 300 метров в секунду.

Поэтому и построили космодром в тяжелейших условиях пустыни, где не было ни населения, ни дорог, ни коммуникаций, ни электроэнергии. Отсюда стартовала Р-7, созданная Королевым. Она могла обрушить ядерный груз на территорию США.

В январе 1957 года Жуков добился принятия решения и о создании будущего космодрома Плесецк. Тогда это была боевая стартовая позиция — объект «Ангара». Там развернули первое ракетное соединение.

Когда запустили первый спутник, не только астрономы-любители, но и просто многие люди во всем мире смотрели в небо и искали его глазами. Казавшееся фантастическим событие изменило представление мира о нашей стране. Это был триумф советской науки. Лавры достались всем, кроме Жукова, сыгравшего ключевую роль в создании ракетной техники. Через три недели он перестал быть министром обороны СССР .

Дочери Жукова рассказывали потом, что маршалу звонили домой, уговаривали взять власть, навести в стране порядок. А его разговоры прослушивались. Так что же, эти звонки — провокация, желание выяснить: а как он отреагирует на такие слова?

Маршала окружала аура власти и непобедимости. Его облик и манеры свидетельствовали об апломбе и надменной победительности, рождаемой полной уверенностью в своей правоте. Он наслаждался правом повелевать и приказывать. Отчего же он не мог восприниматься как вождь, под знамена которого спешат построиться молодые честолюбцы, чувствующие будущего победителя?

Принято считать, что маршал не собирался возглавить страну.

— А, собственно говоря, почему у Жукова в глубине души не могло быть желания стать главой государства? — рассуждал хорошо его знавший писатель Константин Симонов. — Эйзенхауэр стал президентом США, а Жуков с полным основанием мог считать, что воевал лучше Эйзенхауэра, и слава у него в своей стране была побольше...

Генерал Армии США Дуайт Эйзенхауэр в роли главы государства подарил своей стране восемь лет мира и процветания. Так что полководцы вполне могут быть успешными президентами. Но Жукову шанс проявить себя в политике не представился.

Никита Сергеевич подчеркнуто демонстрировал свою дружбу с прославленным маршалом. Никуда его от себя не отпускал. Даже отдыхали они вместе. Жукову в голову не приходило, что против него организован настоящий заговор.

Зять Хрущева главный редактор газеты «Известия» Алексей Иванович

Аджубей рассказывал, что Жуков раздражал первого секретаря. Или, если сказать прямо, сильный человек с гипертрофированным самомнением внушал страх. Устранив основных политических соперников, Хрущев опасался одного лишь Георгия Константиновича. Думал, а ну как маршал с его жестким характером и всенародной славой в какой-то момент захочет сам возглавить партию и государство? Хрущев не стал ждать, когда это произойдет.

В день, когда в космос полетел первый спутник (4 октября), министр обороны СССР вылетел в Севастополь, а оттуда на крейсере «Куйбышев» в сопровождении эсминцев «Блестящий» и «Бывалый» отправился с визитом в Югославию и Албанию. А первый секретарь ЦК КПСС неожиданно появился в Киевском военном округе на учениях, которые проводил главнокомандующий сухопутными войсками маршал Р. Я. Малиновский. Никита Сергеевич разговаривал с генералами, прощупывал настроения. Позже Хрущев скажет:

— Вы думаете, я там охотился на оленей? У меня там была политическая охота на крупную дичь...

На Пленуме ЦК Хрущев публично обвинит Жукова в лицемерии и вероломстве, хотя все было наоборот. Пока министр обороны находился за границей, Никита Сергеевич провел большую подготовительную работу. Маршал, уезжая, думал, что он в Москве друга оставил.

А Хрущев за его спиной беседовал с командующими округами, объяснял им ситуацию и заручился поддержкой генералитета.

Семнадцатого октября на заседание Президиума ЦК КПСС пригласили первых заместителей министра обороны СССР маршалов Советского Союза Р. Я. Малиновского и И. С. Конева, а также начальника Главного политического управления Министерства обороны СССР генерал-полковника Алексея Сергеевича Желтова. Последний пожаловался на то, что политработа в армии по вине министра обороны принижена:

— Мне, начальнику ПУРа, не позволено выезжать в войска без разрешения. Министр товарищ Жуков неприязненно относится ко мне. Из-за чего? Из-за того, что я будто был против назначения его министром и возражаю против его возвеличивания.

Желтов жаловался: маршал недооценивает значение политорганов, слишком амбициозен. Малиновский и Конев вяло возражали.

Пока маршала не было в стране, Президиум ЦК принял антижуковское постановление «Об улучшении партийнополитической работы в Советской Армии и на Флоте». В войсках проводили партийные собрания и — невиданное дело! — резко критиковали министра обороны.

Георгий Константинович ничего не подозревал. А ведь ему доложили, что связь с Москвой внезапно прервалась. Опытный человек, мог бы сообразить, что это означает...

Вместе с министром обороны в Югославию командировали специального корреспондента «Красной звезды». Первые два его репортажа газета опубликовала, а потом стала помещать только короткие сообщения ТАСС. Жукова сопровождал заместитель начальника ГлавПУРа генерал-полковник Федор Петрович Степченко. Он тоже не мог понять, почему орган Министерства обороны СССР не освещает визит своего министра, отправлял запросы в Москву. Главный редактор «Красной звезды» Николай Иванович Макеев, получивший соответствующие указания, оправдывался:

— В газете не хватает места. Вот спутник запустили.

Рассказы о том, что начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил СССР генерал-полковник Сергей Матвеевич Штеменко обо всем сообщил министру по своим каналам, за что и пострадал, — миф. Когда Жуков вернулся в Москву, он не знал, что его ждет. Штеменко был лишен возможности о чем-либо доложить министру.

В первый раз Штеменко наказали после ареста Л. П. Берии. Сняли с должности и понизили в воинском звании на две ступени с генерала армии до генерал-лейтенанта. Обвинили его в том, что Штеменко через Берию передавал Сталину «разные сплетни на некоторых руководящих военных лиц». В 1957 году Жуков еще находился за границей, кампания против него только начиналась, а Сергея Матвеевича вновь сняли с должности начальника Главного разведывательного управления.

В аэропорту в Москве Жукова встречали его первый заместитель И. С. Конев и родные. Иван Степанович доложил:

— Вас просили сразу ехать на заседание Президиума в Кремль, вас ждут.

Впоследствии он каялся:

— Я, конечно, виноват, был его первым замом и не поставил в известность о грядущем заговоре. Но что я мог поделать? Обстоятельства сложились так, что ни назад, ни вперед, ни вправо, ни влево — кругом красные флажки: выполняй решения, партийная дисциплина, партийный долг. А вот теперь казнь себя.

Жена и дочери уговорили Жукова заглянуть домой, попить чаю. Конев вынужден был согласиться. За это время родные рассказали маршалу то, о чем промолчал его первый заместитель.

В Кремле на него обрушился поток обвинений. Жуков пытался опровергать их, называл дикими. Говорил: мне надо посмотреть документы, чтобы вам ответить. Но в Министерство обороны его не пустили и сразу освободили от должности.

Охранник ожидал Жукова в кремлевской раздевалке. Вспоминал через много лет:

— Появился Георгий Константинович. Таким я его никогда не видел — ни в годы войны, ни после. На лице сине-красные пятна, оно словно окаменело. Но держался прямо, с достоинством. Прибыли домой, на улицу Грановского. После томительной паузы: «Сегодня вечером по радио объявят о моем освобождении с поста министра обороны».

Не знаю, как он, но я почувствовал себя раздавленным. Позвонил своему руководству: «Какие будут указания?» Мне ответили: «Дежурьте, как прежде!»

На следующий день, 27 октября, газеты сообщили, что новым министром обороны назначен маршал Советского Союза Родион Яковлевич Малиновский. Собрали Пленум ЦК, посвященный партийнополитической работе в армии. В реальности бичевали Жукова. На него навалилась уже вся партийная верхушка. Георгия Константиновича буквально топтали ногами. Он недоуменно говорил:

— Три недели назад, когда я уезжал, вы все со мной так душевно прощались, а теперь... Что же произошло за три недели?

Министр обороны даже не понял, что он противопоставил себя всей партийной власти. Уж очень он был уверен в себе. А они сговорились убрать его с политической арены. Дело не только в личном противостоянии Хрущева и Жукова. Маршал имел собственные представления о том, как нужно строить современную армию. Неграмотные в военном деле партийные руководители ему мешали. А партийные секретари удивлялись Жукову: неужели ты не понимаешь, что армия — это инструмент партии и важнее всего удержать власть? А Жуков считал, что задача армии защищать государство от внешнего врага.

Георгий Константинович не позволял отвлекать армию от военных дел. Секретарь ЦК Л. И. Брежнев попросил министра обороны выделить для работы в народном хозяйстве 75 тысяч автомашин, 150 тысяч шоферов и 300 тысяч солдат. Жуков отказал. А партийные секретари привыкли использовать бесплатную и бессловесную рабочую силу для уборки урожая.

Задним числом маршала Жукова выставили самодуром, а он завоевал уважение офицерского корпуса тем, что поднял зарплаты, навел порядок.

При этом он радикально сократил Вооруженные силы — почти на полтора миллиона человек. Когда шло сокращение, Жуков старался сохранить побольше строевых командиров, увольнял тыловиков и политработников. В 1955-м сократил должности заместителей командиров рот и батарей по политической части. На флоте сократил половину политработников. Строевые офицеры целый день в поле на учениях, а политработники в клубе газеты читают, к лекции готовятся... Жуков считал их бездельниками.

В марте 1956 года на совещании командного состава Вооруженных сил обсуждался вопрос о дисциплине в войсках. 12 мая Жуков подписал приказ № 0090 «О состоянии воинской дисциплины в Советской Армии и Военно-Морском Флоте и мерах по ее укреплению». В нем отразил бедственное положение в войсках:

«В армии так же, как и на флоте, совершается большое количество преступлений и чрезвычайных происшествий, из которых наиболее серьезную опасность представляют: случаи неповиновения командирам и особенно недопустимые в армии проявления оскорблений своих начальников; бесчинства военнослужащих по отношению к местному населению, дезертирство и самовольные отлучки военнослужащих, аварии и катастрофы автотранспорта, самолетов и кораблей. Широкие размеры в армии и на флоте получило пьянство среди военнослужащих, в том числе среди офицеров.»

Жуков считал, что подрывается авторитет командира-единоначальника: «Среди некоторой части офицеров и особенно офицеров-политработников имеют место неправильные настроения по вопросу о роли командира-единоначальника и даже выступления с критикой служебной деятельности командиров на партийных и комсомольских собраниях, на партийных конференциях. Такие выступления ведут к подрыву авторитета командиров-единоначальников, к снижению их требовательности к подчиненным, а следовательно к ослаблению воинской дисциплины».

Министр подверг критике Главное политическое управление и политорганы на местах. Распорядился запретить ужины и вечера с выпивками, прекратить продажу спиртных напитков в столовых, буфетах, в Домах офицеров и на территории военных городков. Потребовал: «Всякие попытки критики служебной деятельности и подрыва авторитета командира-единоначальника решительно и немедленно пресекать».

На Пленуме секретарь ЦК М. А. Суслов, оскорбленный до глубины души, цитировал Жукова :

— Политработники привыкли за сорок лет болтать, потеряли всякий

ных, как старые коты... Им, политработникам, только наклеить рыжие бороды и дать кинжалы — они перерезали бы командиров.

Это отношение к политработникам сыграло свою роль при обсуждении на Пленуме вопроса о Жукове. В зале сидели такие же политработники, только в штатском.

— Я думаю, — подвел итог Хрущев, — что надо принять решительные меры в отношении товарища Жукова. Мы должны принять такое решение, которое было бы предупреждением для каждого, кто захочет свое «я», какое громкое оно ни было, поставить над партией.

Любого, кто не считается с интересами нашей партии, партия не пощадит, невзирая на заслуги... Это должно быть законом жизни партии.

Жуков напугал членов ЦК, когда заговорил о массовых репрессиях и о том, что в них виновны все лидеры партии. Маршал прямо сказал, что все члены высшего партийного руководства несут ответственность за убийство невинных людей. Каганович возразил Жукову: это политическое дело. Раз политическое, значит, они неподсудны. Жуков резко ответил: нет, это уголовное преступление! Из его слов следовало, что члены партийного руководства могут быть привлечены не только к политической, но и к уголовной ответственности. Эту угрозу они запомнили.

Жукову поставили в вину то, что в армии формируются специальные диверсионно-штурмовые части и школа диверсантов. А зачем Жукову части особого назначения? Кремль штурмовать? И почему он действовал тайно, в секрете от ЦК? Но создать училище для подготовки диверсантов — незаметно для КГБ и партийной власти — было невозможно. Особые отделы знали всё, что происходило в Вооруженных силах. По разным округам, по всей стране было разбросано

17 разведывательных рот. Жуков свел их воедино и стал учить. Вот и все. Маршал на Пленуме ЦК напомнил Хрущеву:

— Я же тебе два раза об этом рассказывал, и ты согласился, что я прав.

Но возражения Жукова никто слушать не собирался. Его судьба была решена заранее. Маршала лишили всех должностей и с позором изгнали с олимпа.

Жуков знал толк в больших сражениях, но оказался младенцем в политических интригах. Он принадлежал к породе авторитарных людей, которые исходят из того, что все должно делаться по их воле. Но он не был маньяком власти, который думает о ней каждую минуту своей жизни. Не всякий генерал в душе диктатор и властолюбец.

Политическим вождям нужны не только железная воля и невероятная выдержка, но и восторженная убежденность в собственной правоте, вера в

себя, которая сдвигает горы и разбивает все преграды...

Жуков не испытывал страстного желания взять в руки бразды правления страной, дабы дать выход бушующим в нем страстям и реализовать давно продуманные идеи. Тем он и отличался от своих американского и французского коллеги Дуайта Эйзенхауэра и Шарля де Голля, которые на поле боя не были так хороши, как маршал Жуков.

На Пленуме Георгия Константиновича вывели из Президиума ЦК и из состава ЦК КПСС. 3 ноября в «Правде» появилась статья маршала И. С. Конева «Сила Советской Армии — в руководстве партии, в неразрывной связи с народом». В статье говорилось, что Жуков «неправильно, не партийному» руководил армией, «вел линию на свертывание работы партийных организаций, политорганов и военных советов», стремился все вопросы «решать единолично, не выслушивая мнений других и полностью эти мнения игнорируя». Теперь Жукову поставили в вину и «неудачи на фронтах». На него возложили ответственность за то, что в 1941 году войска приграничных округов оказались застигнутыми врасплох. Жуков очень обиделся за эту статью на Конева, которого в октябре 1941-го фактически спас от расстрела.

Георгию Константиновичу обещали дать какую-нибудь работу. Однако его даже не включили в Группу генеральных инспекторов Министерства обороны СССР, куда он, как маршал, попадал автоматически. 27 февраля 1958 года решением ЦК Жукова уволили в отставку с правом ношения военной формы. Ему установили денежное содержание в размере 5,5 тысячи рублей (плюс доплата за воинское звание и процентная надбавка за выслугу лет), сохранили за ним право на медицинское обслуживание, квартиру и старый «ЗИС». Жил он на государственной даче № 5 в Сосновке по Рублевскому шоссе, которая была ему подарена после Битвы под Москвой.

Многие маршалы и генералы порадовались отставке Жукова. Тогдашний начальник Генерального штаба маршал Советского Союза Василий Данилович Соколовский говорил:

— Куда он полез? Что он понимает в руководстве партией, страной? Ему было поручено военное дело, он должен был заниматься им, а не общей политикой!

Жукова вычеркнули из военной истории, и теперь можно было поделить его славу на всех. К тому же сослуживцы его побаивались. Георгий Константинович привык подавлять волю подчиненных, отдавая приказы другим генералам, он считал себя — и не без оснований — более талантливым военачальником. Укорял подчиненных:

— На вашем месте Суворов поступил бы иначе. Извините за прямоту.

«У Жукова преобладала манера в большей степени повелевать, чем руководить, — жаловался маршал Рокоссовский. — В тяжелые минуты подчиненный не мог рассчитывать на поддержку с его стороны — поддержку товарища, начальника, теплым словом, дружеским советом».

Жизнь в отставке была тоскливой. Жуков был изолирован от старых друзей и сослуживцев. Его по-прежнему боялись, да еще и завидовали славе и всенародной любви.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

ЦЕЛИНА. КУКУРУЗА И РЕФОРМА ЭКОНОМИКИ

— Хлеб продавали за границу, а в некоторых районах люди пухли от голода, — вспоминал на Декабрьском пленуме ЦК 1963 года Никита Сергеевич. — Да, товарищи, это факт, что в 47-м году в ряде областей страны, например в Курской, люди умирали с голоду.

В 1953 году собрали всего 30 миллионов тонн зерна. По уровню потребления продуктов питания на душу населения страна осталась на дореволюционном уровне. Первый секретарь столичного горкома партии Е. А. Фурцева после смерти Сталина говорила на Пленуме ЦК:

— Возьмите Москву, которая всегда находилась в более благоприятных условиях по сравнению с другими городами страны. Даже в Москве до последнего времени хлеб продавали в одни руки не более килограмма. В Москве, которая находится в особых условиях, хлеб продавали с примесью — около 40 процентов картофеля и прочего.

По сравнению с 1928 годом (последний год до массовой коллективизации и раскулачивания) поголовье скота уменьшилось, а население-то выросло! После войны крестьян еще и обложили непосильными налогами. В позднесталинские годы, чтобы не платить их, крестьяне забивали скот, отказываясь даже от коровы (а это же молоко для детей!), вырубали сады.

— Я ездил в родную деревню, — вспоминал Хрущев, — зашел к двоюродной сестре. У нее хороший сад. Я ей говорю: «У тебя замечательные яблони». А она: «Осенью срублю из-за налогов».

Результат? На Августовском 1953 года пленуме ЦК выяснилось, что после повышения налоговых ставок денег в бюджет стало поступать меньше.

— А мы содержали огромную армию фининспекторов, которые ходили по дворам и собак дразнили, — доложил на Пленуме ЦК Хрущев товарищам по партии. — Люди покупали поросенка, старались подкормить, пока фининспектор не пришел, а за день до прихода — зарезать. Зачем это нужно? Что же это — наши враги? Что в том, что человек откормил поросеночка пудов на пять-шесть, сам скушал и на рынок дал? Разве это плохо? Разве это угрожает нашему

социалистическому строю? Нет. Глупость была.

Крестьяне бежали из деревни, уже выращенный урожай гнил на полях.

«Взрослые мужчины и женщины уходили из колхозов в города и промышленные центры, в колхозах оставались только престарелые и дети, — рассказывал Александр Михайлович Пузанов, который в 1952 году стал главой правительства РСФСР и кандидатом в члены Президиума ЦК. — Уборочные работы проводились силами МТС, рабочих городских предприятий и студентов. Не только мяса, молока и масла, хлеба даже в крупнейших городах и промышленных центрах не хватало. Тысячные очереди очень часто образовывались с вечера!»

Первый секретарь Смоленского обкома партии Павел Иванович Доронин на Пленуме ЦК вспоминал, как они с председателем Президиума Верховного совета СССР К. Е. Ворошиловым ездили по области. Потрясенный увиденным, Климент Ефремович обреченно сказал: тут хоть Карла Маркса посади, и он ничего не сделает, колхозы доведены до ручки.

— Вы совершенно правильно говорили, — напомнил маршалу Доронин, — что такое положение могло случиться только потому, что члены Политбюро и Сталин не представляли и не знали, как живет народ. Говорили, Климент Ефремович?

— Говорил, — подтвердил Ворошилов.

— Вы говорили, — напоминал ему Доронин, — что «только наша оторванность от парторганизаций, наша оторванность от жизни народа могла привести к такому положению, как у вас на Смоленщине». И это действительно так. Положение в сельском хозяйстве на Смоленщине было страшное. Я могу, товарищи, Пленуму назвать такие цифры: за 51—53-й годы из области ушло сто тысяч колхозников. Причем как уходили? Сегодня в колхозе пять бригад, завтра четыре. Ночью бригада секретно собиралась и уезжала, заколотив все дома...

Почему же Доронин раньше молчал, почему не бил тревогу?

— Достаточно было хотя бы маленький намек сделать, что у тебя плохо с хлебом или с другими делами, — объяснил первый секретарь Смоленского обкома, — как через три минуты тебя вызывают и начинают говорить: что это у вас там за настроение? Приходишь в ЦК,ходишь к секретарю Центрального комитета партии в кабинет и не знаешь, выйдешь ты из него или нет. Вы тогда, товарищ Ворошилов, говорили: «Что вы молчите?» А я ответил: «Климент Ефремович! Вот если бы я к вам приехал и рассказал все, что вы сейчас видели своими глазами, вы бы мне сколько уклонов приклеили?»

Сентябрьский 1953 года пленум ЦК списал с крестьянских дворов

задолженность и освободил от обязательных поставок мяса государству. Теперь крестьяне могли спокойно заводить скот, не опасаясь того, что его придется пустить под нож.

Зачем поехали на целину?

Освоение целинных земель началось потому, что руководители страны во главе с Хрущевым не видели иного способа быстро накормить страну.

На Августовском 1953 года пленуме ЦК Хрущев упрекал соратников:

— Товарищи, не стыдно нам? Живем на даче, на улицу выходим, гуляем, колхозники смотрят и, видимо, говорят — наши руководители живут неплохо, а колхозы самые задрипанные, стыдно смотреть. Урожай картошки в нашей стране очень низкий. Почему, товарищи?.. Дожили до того, что капуста у нас в одной цене с бананами. Это позор!

— И то не хватает, — мрачно заметил Булганин.

— Бананы завозят, а капусту не завозят, — объяснил ему Хрущев.

В зале оценили шутку первого секретаря ЦК.

— Мы сейчас робко продаем муку, чтобы блины печь, — рассказал Никита Сергеевич. — А какое же это удовлетворение потребностей без блинов? Мы, товарищи, переходим постепенно от социализма к коммунизму. Вот представляете, какой-то дядька на митинге спросит: при социализме блинов нет, а при коммунизме будут? Это смешно, но муку не продаем. Это позор! Кашу, товарищи, по рецепту дают, потому что крупы пшеничной нет, гречневой нет. Куда это годится?

Никита Сергеевич достаточно точно представлял положение дел на селе. Некоторые сведения при нем стали открыто публиковаться. Другие цифры из Центрального статистического управления при Совете министров СССР присылали ему лично — в секретных пакетах. Никому не следовало знать, что по численности поголовья скота и по потреблению продуктов на душу населения страна не преодолела дореволюционный уровень. Естественно, скрывались и цифры эффективности животноводства в сравнении со странами Запада.

Никита Сергеевич хотел хотя бы досыта накормить страну!

Сталин запрещал распахивать новые земли. Хрущев, напротив, решил, что это самый быстрый способ дать стране хлеб. 22 января 1954 года подписал записку «Пути решения зерновой проблемы», которая стала программой освоения целины. В стране заготавливается меньше зерна, чем потребляется, недостаток возмещается из государственного резерва, поэтому, считал Хрущев, необходимо «расширение в ближайшие годы посевов зерновых культур на залежных и целинных землях в Казахстане и Западной Сибири». Он предлагал освоить 13 миллионов гектаров!

«Мы должны выиграть время, — объяснял свою позицию Никита Сергеевич. — Нам надо не только получить как можно больше хлеба, но и затратить на получение этого хлеба как можно меньше времени».

Хрущев пригласил в Москву первого секретаря ЦК КП Казахстана Жумабая Шаяхметова. Долго беседовал. Присматривался. Спрашивал, какие земли пригодны под распашку, сколько зерна можно будет собрать. Руководитель республики Никите Сергеевичу не понравился. Шаяхметов, как показалось Хрущеву, отвечал неискренне, занижал возможности Казахстана, доказывал, что земель, пригодных к распашке, в республике очень мало.

Шаяхметов проучился три года в аульной школе и окончил двухклассное русско-казахское училище в селе Полтавское (Омская область), батрачил, а потом работал в различных советских учреждениях — секретарем волостного ревкома, агентом уездного уголовного розыска. Десять лет прослужил в госбезопасности. С должности заместителя начальника Управления НКВД по Алма-Атинской области в июле 1938 года Шаяхметова кооптировали в состав ЦК КП(б) Казахстана и назначили третьим секретарем ЦК. Через год утвердили вторым секретарем, а в апреле 1946 года поставили во главе республиканского ЦК. Он стал первым за четверть века казахом, которому поручили руководить своей республикой, хотя полномочия его были весьма ограничены — важнейшие решения принимались в Москве.

Никита Сергеевич выразил недовольство тем, что поставки зерна, мяса, хлопка, шерсти из Казахстана падают. Вернувшись из Москвы, Шаяхметов поделился в Алма-Ате с товарищами:

— Должен сообщить, что мое выступление на Пленуме ЦК КПСС не оказалось на высоте тех задач, которые были поставлены Центральным комитетом нашей партии, и было неудачным. После Пленума Хрущев на совещании секретарей обкомов нашей республики предъявил нам высокие требования, вытекающие из удельного веса Казахстана в сельском хозяйстве страны и конкретных недостатков нашего руководства.

Никита Сергеевич уверился, что Шаяхметов сознательно вводит его в заблуждение. Глава Казахстана, видимо, рассуждал так: распашка новых земель потребует рабочих рук, в республике их нет, привезут из России, а русских и украинцев уже и так слишком много, значит, доля коренного населения снизится. Руководители Казахстана, надеясь уберечь республику от этой кампании, доложили в ЦК, что «распашка целинных и залежных земель приведет к нарушению интересов коренного казахского населения, так как лишает его выпасов скота».

Увидев, что Жумабай Шаяхметов ему не помощник, Хрущев сменил руководство республики. В Москву пригласили всех членов Бюро ЦК КП Казахстана.

Никита Сергеевич прямо спросил Шаяхметова:

— Подъем целины — огромная кампания. Вы, нынешние руководители Казахстана, сможете управлять таким большим делом?

Члены Бюро молчали. Шаяхметов понял, какого ответа от него ждут:

— Прошу освободить меня от поста. Я постарел, да и здоровье у меня не очень.

Шаяхметову было всего 52 года. Довольный Хрущев похлопал его по плечу :

— Настоящий большевик!

Он поручил Шаяхметову через два дня провести внеочередной Пленум ЦК КП Казахстана по кадровому вопросу. Пленум собрали 5 февраля 1954 года. Руководителю республики пришлось публично каяться:

— У меня не хватило размаха и уровня, необходимого первому руководителю ЦК партии Казахстана. Я вполне понимаю свою ответственность и тем более свой провал, провал руководства Бюро ЦК в такой ответственный момент, когда партия ставит по-новому большие грандиозные задачи в области подъема сельского хозяйства.

Жумабая Шаяхметова освободили от должности, а в апреле перевели из Алма-Аты первым секретарем Южно-Казахстанского обкома партии. Все следили за тем, как поведет себя на новом месте бывший руководитель республики. Первый секретарь не пил и не курил, когда его приглашали в гости, помощник предупреждал:

— Чтобы спиртного не было. Если Жумеке увидит, то не сядет за стол.

Через год его отправили на пенсию, потому что он тяжело заболел. Он присутствовал на Семипалатинском полигоне, когда 29 августа 1949 года проводилось испытание первого ядерного устройства. Может быть, радиация стала причиной болезни... Шаяхметову выделили небольшую квартиру в столице.

С 23 февраля по 2 марта 1954 года в Москве проходил знаменитый «целинный» Пленум ЦК КПСС, принявший постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель».

Первым секретарем в Алма-Ату Хрущев послал бывшего руководителя Белоруссии, бывшего секретаря ЦК, а ныне министра культуры СССР Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко. Вторым секретарем сделал Л. И. Брежнева. Им и предстояло поднимать целину. Для

Пономаренко назначение в Алма-Ату было дорогой, ведущей вниз по карьерной лестнице. Для Брежнева — началом нового взлета.

В стране по-разному отнеслись к освоению целины. «Целинная эпопея, — пишет в своих воспоминаниях бывший первый секретарь Хабаровского крайкома партии А. К. Чёрный, — вобрала в себя огромные средства, технику, людей. И все же зерна в стране по-прежнему не хватало. Целинная эйфория охватила и дальневосточников. В засушливый 1954 год в спешке распахивались заболоченные массивы, на которых во влажный период невозможно ни посеять, ни убрать урожай. Впопыхах вспаханые земли, не имевшие практически плодородного пахотного слоя, заметной прибавки к урожаю не дали. Наоборот, легли тяжелым бременем на экономику колхозов».

По указанию Хрущева решили всю сельскохозяйственную технику два-три года отправлять только на целину. Другим регионам ничего не доставалось.

Но чьими руками возделывать целину? Хрущев знал ответ. 22 февраля в Большом Кремлевском дворце уже провожали первую группу комсомольцев-целинников.

— Я попросил Хрущева встретиться с комсомольцами, уезжающими на целину, — рассказывал тогдашний секретарь ЦК комсомола Владимир Семичастный. — Он согласился. Хрущев привел с собой весь Президиум ЦК.

«Перед молодыми добровольцами, собравшимися в Кремле, в зале заседаний Верховного совета, я выступил с коротким призывом и объяснил предстоящие задачи, — вспоминал Никита Сергеевич. — Сказал, что партия возлагает на них большие надежды. Затем собрание призвало молодежь всей страны откликнуться на новое дело.

Протекало оно интересно, ребята выступали с энтузиазмом. До сих пор в моей зрительной и слуховой памяти сохранились некоторые лица и речи. Молодые люди буквально светились, их глаза горели. Я глубоко верил в молодежь, она более подвижна и способна на подвиг. Так оно и оказалось».

А через месяц, 19 марта 1954 года, открылся XII съезд ВЛКСМ. «Погожее мартовское утро, — говорилось в репортаже, помещенном в «Правде». — Стены и башни древнего Кремля залиты лучами повесенному яркого солнца. Через Спасские и Боровицкие ворота устремился к Большому Кремлевскому дворцу поток юношей и девушек. Это делегаты и гости XII съезда ВЛКСМ». Работа началась с того, что съезд «почтил вставанием память великого продолжателя дела бессмертного Ленина — И.

В. Сталина».

Одни ехали на целину искать романтику, другие подчиняясь комсомольской дисциплине. Третьи надеялись наладить жизнь — вырваться из общежитий и что-то заработать. Сельская молодежь бежала от нищеты, привлеченная возможностью получить паспорта, что открывало перспективу со временем пойти учиться и обосноваться в городе. На целину отправляли и тех, кого условно-досрочно освобождали из исправительнотрудовых лагерей.

Хрущев сам съездил в Казахстан. Молодежь жаловалась, что нет невест. «Когда я вернулся в Москву, — вспоминал Никита Сергеевич, — я рассказал о своих впечатлениях и посоветовал комсомолу призвать на целину девушек, для них найдутся и работа, и женихи. Это очень хорошо, что на новых местах сложатся семьи, появятся дома и дети, заведется местное оседлое население и затем окажутся старожилами. ВЛКСМ обратился с призывом к девчатам, и немало их уехало на целину... Другого выхода у нас не было».

Жили на целине скудно. Размещались в палатках. Не хватало самого необходимого. «По расписанию приезжала автолавка, — вспоминал секретарь Уральского обкома Компартии Казахстана Юрий Александрович Булюбаш. — Разговор с продавцом начинался примерно так: “Арак” бар? “Чернила” бар? Что означало “водка и вино есть?” Продавец мог ответить “бар”, а мог и “джок”, то есть “нет”. Водка “Арак” — очень противный напиток. Чтобы ее пить, надо было очень сильно устать. Все покупали папиросы “Казбек” и “Беломор-канал”. Самые отчаянные курили махорку, или по-казахски “темек”. До сих пор у меня остался заветный мешочек “темека”. Бывало, насыплешь его в “козью ножку”. Сделаешь две затяжки — и кажется, дым идет из пяток».

В январе 1956 года с трибуны Всесоюзного совещания молодежи и комсомольцев в Большом Кремлевском дворце первый секретарь ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепин разнес министра совхозов СССР Ивана Александровича Бенедиктова, сталинского наркома, за потребительское отношение к молодежи, приехавшей на целину, за нежелание строить жилье и обустраивать целинников.

Но все равно горожане не очень приживались на селе. На целине оставались в основном сельчане, те, кто вырос в деревне, имел навык, привык к такому труду.

Расчеты Хрущева оказались правильными. В 1956 году в Казахстане получили большой урожай — 16 миллионов тонн зерна. Но цена целинного хлеба была высокой.

Пантелеймон Пономаренко, когда был первым секретарем в Казахстане, обвинил в национализме местных почвоведов, доказывавших, что не все целинные земли можно пахать. Видные ученые настаивали: при освоении целины следует внедрять паровые севообороты, многолетние травы, применять мелкую пахоту, сохранять чистые пары. Хрущев все предостережения отверг, ему нравились простые советы «народного академика» Трофима Денисовича Лысенко: «Пахать глубже, хорошо переворачивая пласт».

На Мартовском 1962 года пленуме ЦК Хрущев предложил заменить травопольную систему земледелия академика Василия Робертовича Вильямса пропашной, то есть отказаться от посевов многолетних и однолетних трав, распахать луга, засеять их и чистые пары кукурузой. Под парами (плюс луга) стояли 60 миллионов гектаров. Хрущеву казалось, что, если их засеять, — будет колоссальная прибавка к сельскому хозяйству. Но чистые пары необходимы для борьбы с сорняками. А луга нужны для выпаса скота.

Александр Павлович Филатов, который в те годы заведовал Отделом науки Новосибирского обкома партии, вспоминал, как в Академгородок приехал Хрущев: «Никита Сергеевич неожиданно “раздолбал” Институт организации промышленного производства, где директором был член-корреспондент Академии наук Герман Александрович Пруденский.

Председатель Совета министров РСФСР Полянский увидел на выставке книжечку “Чистые пары”, пролистал ее и подошел к Хрущеву:

— Никита Сергеевич, а здесь культивируют чистые пары...

Хрущев тут же грубо обрушился на Пруденского.

Бросил ему в лицо:

— Не делом занимаетесь! Вам надо быть поближе к жизни.

И оказался глубоко не прав. Впоследствии мы вернулись к чистым парам. Когда я уже был первым секретарем обкома партии, мы вынуждены были увеличить площади под парами с 5 процентов до 14. И даже этого недостаточно».

Ученые не случайно говорили о парах. Со временем в Казахстане начались пыльные бури, которые уносили посевы вместе с землей. На огромных площадях был уничтожен пахотный слой.

Хрущев считал подъем целины одним из главных дел своей жизни. Когда Никита Сергеевич приехал в Акмолинск на слет передовиков сельского хозяйства, его встречали восторженно. Сотрудница «Акмолинской правды» Роза Голубева вспоминала:

«Конечно, доклад у него был написан. Но, по сути, он его не читал.

Начал с написанного текста, а потом уже говорил “от себя”. Не совсем логично, несколько сумбурно, но зато эмоционально, горячо, искренне. Влияние его на зал было огромным. Такую атмосферу живой заинтересованности, приподнятости я не видела.

Так же живо он воспринимал выступления участников слета.

На трибуне некоторые держались скованно, глотали слова. Запомнился один молодой парень-казах, который что-то мямлил по бумажке. Хрущев встал со своего места, слегка шаркающей походкой подошел к трибуне.

По-доброму взглянул на смущенного механизатора:

— Это тебе написали? А ты брось бумажку, расскажи своими словами.

И начал задавать вопросы. Парень преобразился. Успокоился, стал отвечать логично и внятно. Даже покритиковал кого следует. Зал, живо переживший эту сцену, грохнул такими аплодисментами, что вздрогнули стены.

Я смогла рассмотреть Хрущева: невысокий, кругленький, с пушком на голове, глаза смотрят весело, хитро. Так и хотелось погладить его по пушистой голове. Вот такое, может быть, странное ощущение тогда было».

За шесть лет распахали больше 40 миллионов целинных и залежных земель. Они давали больше 40 процентов зерна.

В декабре 1958 года Хрущев с гордостью говорил на Пленуме ЦК:

— Такого количества хлеба наша страна никогда за свою историю не имела.

Догнать и перегнать Америку!

Его имя гремело по всей стране. Он получил Золотую Звезду, был близок к главе государства и должен был войти в высшее руководство страны. Но внезапно все рухнуло.... И даже в самых серьезных документах значится, что этот человек покончил с собой. Не хотел, чтобы его с треском снимали с должности, позорили на всю страну. Но все, кто работал с ним, категорически отрицают версию самоубийства. Они считают, что у него сердце не выдержало, что он пал жертвой нелепых идей Никиты Сергеевича Хрущева.

На встрече с писателями, художниками, скульпторами и композиторами 19 мая 1957 года Хрущев делился своей радостью:

— Я попросил экономистов в Госплане и в ЦСУ посчитать для меня лично, в каком году мы могли бы догнать Соединенные Штаты по мясу, молоку, маслу — по производству этих продуктов на душу населения. Мне дали секретную справку. Вот я вам секрет открываю. Вы знаете, какой они мне год назначили? 1975-й. А я плюю на эту арифметику, потому что к этой арифметике надо прибавить человеческий фактор. Надо понимать страну, душу народа. И я убежден, что эту задачу мы можем решить в 1960 году!

А 22 мая Никита Сергеевич, выступая в Ленинграде на совещании работников сельского хозяйства Северо-Запада, провозгласил громкий лозунг:

—Догнать и перегнать Соединенные Штаты Америки по производству мяса, масла и молока на душу населения!

Сегодня лозунг воспринимается как откровенная авантюра. Однако в тот момент Хрущев был абсолютно уверен, что цель достижима. Освоение целинных и залежных земель, казалось, решило проблему с зерном. Если можно за считанные годы завалить страну хлебом, рассуждал Никита Сергеевич, то почему же нельзя обеспечить людей мясом и молоком?

Первым на его призыв отозвался первый секретарь Рязанского обкома партии Алексей Николаевич Ларионов, которому Хрущев всегда симпатизировал. Ларионов не подвел Никиту Сергеевича. На областной партконференции он произнес речь, которая прогремела на всю страну. Первый секретарь Рязанского обкома обещал увеличить производство мяса в два с половиной, а может быть, добавил Ларионов, и в три раза!

— Если будет необходимость, — говорил Ларионов, — надо пойти вплоть до того, чтобы для телят и ягнят занять помещения изб-читален,

клубов и все, что мы можем занять для этой цели.

На совещании в обкоме председатель колхоза «Новый путь», в свою очередь, тоже твердо обещал догнать и перегнать Америку, но для начала попросил срочной помощи у руководства:

— Товарищи, мы не используем механизацию, а работаем вручную, так как свет нам дают два-три дня в неделю. И всю зиму ремонтировали нам ЗИС-15, а он рассыпался наполовину. У нас половина машин стоит из-за нехватки запасных частей.

С середины 1950-х годов экономика США, с которой собирались соревноваться, процветала. Американцы давно жили в благоустроенных домах с электричеством, горячей водой и канализацией. Две трети семей обзавелись автомобилями, три четверти домов имели телефоны. Американцы быстро раскупали телевизоры... Советская деревня, конечно, перестала голодать, как это было при Сталине, когда у крестьянина все отбирали, но многие колхозы нищенствовали. Крестьяне жили без электричества.

Рязанцы пообещали сдать государству в следующем году 150 тысяч тонн мяса, то есть почти в четыре (!) раза больше, чем в предыдущем. Обращение рязанцев опубликовали все центральные газеты.

Особым любителем таких инициатив был В. П. Мыларщиков, руководитель Сельскохозяйственного отдела ЦК КПСС по РСФСР. Он приехал в Рязань и собрал руководителей области в кабинете первого секретаря:

— Вот вам три плана, выйдете с этим предложением, а я завтра звоню товарищу Хрущеву.

Аграрного образования Владимир Павлович не имел, так что представления о сельском хозяйстве имел довольно поверхностные. Но в двадцать с небольшим лет он стал заместителем директора машиннотракторной станции. Перед войной его взяли на партийную работу. Энергичного и сравнительно молодого секретаря одного из подмосковных райкомов заметил руководитель Московской области Хрущев. Как только Никита Сергеевич стал хозяином страны, он поставил Мыларщикова во главе Сельхозотдела ЦК и ввел в состав

Бюро ЦК по РСФСР. Он нравился Хрущеву тем, что говорил — деревню надо выводить из нищеты, в которую ее загнали при Сталине.

На Июньском 1957 года пленуме ЦК Мыларщиков рассказал:

— Мы с товарищем Маленковым в 54-м были в Новгороде. Это было в Троицу, в воскресенье. Зашли в одну деревню, шли пешком, проехать нельзя было. Пришли женщины босиком, плохо одетые, начали передавать

через товарища Маленкова ЦК и правительству благодарность, что налог уменьшили. Как они говорили! Слезы из глаз готовы были брызнуть. Женщина сказала, что, бывало, фининспектор приедет, опишет все — заревела и, больше ничего не сказав, ушла...

Хрущев ездил в Китай, а на обратном пути завернул во Владивосток и Хабаровск, побывал в Комсомольске-на-Амуре. Здесь ему люди прямо на улице и пожаловались: с хлебом и молочными продуктами плохо, жиров нет, коров держать невозможно, потому что и кормов нет.

В Советской Гавани ситуацию описал первый секретарь горкома Иван Павлович Николаенко:

— С хлебом проблем нет, мяса не хватает, овощей почти нет. Едим сухую картошку.

Его переспросили:

— Как «сухую»?

— Такую нам ее привозят. Варим и едим.

— Это Сельхозотделу ЦК надо выдать, — не выдержал Хрущев. — Они там сидят, ни черта не знают, а люди сушеный картофель едят.

Несмотря на обещание Никиты Сергеевича навести порядок в поставках продовольствия, жителям Советской Гавани пришлось и дальше сидеть на сушеной картошке и яичном порошке. Хотя Мыларщиков, как тогда говорили, и снимал стружку с подчиненных. «На местах, в областях его боялись больше, на мой взгляд, чем самого Хрущева, — вспоминал заместитель главы союзного правительства Владимир Николаевич Новиков. — Он крепко пил и “запивался”, в пьяном виде требовал, чтобы его провожали с оркестром, выказывал прочие “чужачества”. Но он так умел доложить Хрущеву любой вопрос, что все знали: от его доклада зависит судьба всякого руководителя — усидит он на своем стуле или нет. Помню приезд Мыларщикова в Ленинград. Тогда первый секретарь обкома, уже будучи кандидатом в члены Президиума ЦК партии, делал, тем не менее, все, чтобы Владимир Павлович уехал “в настроении”».

Владимир Мыларщиков был покровителем и организатором всех самых громких — и часто заведомо невыполнимых — идей, предлагавшихся Никите Сергеевичу. Два малообразованных человека, считавших себя большими специалистами в сельском хозяйстве, легко попадались на удочку шарлатанам. Разница состояла в том, что Хрущев добросовестно заблуждался, а Мыларщиков сам выдумывал такие грандиозные идеи, чтобы быть нужным хозяину. Но рязанская инициатива стала последней в биографии Владимира Павловича. Хрущев в нем разочаровался. Говорят, ему постоянно докладывали о том, что завоотделом

злоупотребляет горячительными напитками. В июле 1959 года Хрущев снял его с должности и назначил директором Специализированного треста картофеле-овощеводческих совхозов Московской области.

А пока что рязанская инициатива гремела по стране. На пленуме обкома обсуждали, как идет выращивание и откорм крупного рогатого скота, свиней, овец, птицы. Вступил Ларионов:

— Есть такие люди, которые говорят, что это авантюризм, но что бы ни говорили, а молоко в области есть. А сейчас дело потруднее, чем молоко, но решить это дело можно... Тем, кто сомневается, надо разъяснить и давать отпор.

Хрущев был счастлив: значит, можно! Между Хрущевым и Ларионовым существовало нечто общее: оба энергичные, моторные, заводные. Оба хотели многого достичь. Оба хорошие ораторы, умели увлекать и заражать своей уверенностью.

— Вы знаете, — говорил Ларионов, — в каком состоянии каждый из нас находится? Это музыкальный инструмент, струны до предела напряжены, малейшая неосторожность — струны лопнут. Но если их недотянешь — будут фальшивить.

Когда Ларионова после войны назначили в Рязань, многие рязанцы жили тем, что выращивали овощи и везли в столицу на продажу. По улицам еще коров гоняли. Из промышленности существовали только четыре завода — «Сельмаш», кожевенный, приборный и обувная фабрика «Победа Октября».

Ларионов, осмотревшись в Рязани, говорил:

— Нам нужны специалисты, а кто приедет в город, где нет хорошего транспорта, жилья, институтов, театров? Если мы начнем строить заводы, открывать институты, будет с кого потянуть денежку.

Он был увлечен своими идеями, и это передавалось другим. Его даже выдавшие виды обкомовские буфетчицы приходили послушать. Партфункционеров с таким характером ни до него, ни после в Рязани не было.

Первый секретарь начал благоустраивать город — скверы, набережную, заложил лесопарк, где прежде была свалка, реставрировал Кремль, построил драматический театр, Дом политического просвещения, газифицировал город, реконструировал центральную площадь, проложил автомобильные дороги. Открыл в Рязани радиотехнический институт, построил нефтеперерабатывающий завод. Многие в городе недоумевали: зачем он Рязани? А первый секретарь оказался прав. Завод дал не только рабочие места, но и тепло городу, большие отчисления в городской бюджет.

Обещав завалить страну мясом, Алексей Ларионов превратил Рязань во всесоюзный маяк. Весной 1958 года в город приехал сам Хрущев, чтобы вручить области орден Ленина. Рязанцы собрались посмотреть на Никиту Сергеевича. Он ехал в открытой машине, рядом Ларионов, тоже совершенно лысый, только на голову выше. Все им аплодировали. Событие для провинциального города, который вожди не баловали вниманием!

Вдохновленный подвигами Ларионова, Никита Сергеевич произнес перед рязанцами большую речь. Говорил, что Рязанская область все может и еще способна увеличить производство картофеля, потому что картофель — пища и королей, и бедняков. Его слова рязанцы запомнили.

Дело было за малым — сдать государству три плана.

Что же толкнуло Ларионова на эту авантюру? Это были времена, когда славу, успех, благоволение начальства приносили не столько реальные дела, сколько громкие почины и инициативы, «стахановское движение», «маяки пятилетки». И Хрущев, и Ларионов пренебрежительно относились к образованию и образованным людям.

Ларионов часто и с удовольствием повторял слова Никиты Сергеевича:

— Школа дает только знания, а ум — от матери.

У него была склонность не просто держать нос по ветру, но стараться быть первым во всякого рода начинаниях. А ведь Алексей Ларионов, крестьянский сын, не мог не понимать, что законы биологии никак не позволяют за год в три раза увеличить поголовье скота. Но это был верный путь вверх!

«Заготовительным органам разрешалось давать квитанции о приемке скота, оставляя его в хозяйствах на доращивание, — вспоминал член Политбюро ЦК КПСС Геннадий Иванович Воронов, в ту пору первый секретарь Оренбургского обкома партии. — Проще говоря, если у меня был теленок весом в 50 килограммов, я оформлял его как бы сдачу, получая при этом квитанцию и деньги за 50 килограммов будто бы сданного мяса.

Дорастил его до 100 килограммов — получил еще одну квитанцию и деньги еще за 50 килограммов. Я хотел его дорастить, скажем, до 300 килограмм, а он дотянул до 150 — и сдох! В результате деньги у меня есть, квитанции о сдаче мяса тоже есть, нет пустяка — мяса».

К 16 августа 1959 года Рязанская область сдала 50 с лишним тысяч тонн. Это и была реальная цифра. Где же взять остальное? Возникали разные идеи. Рязанским школьникам поручили разводить кроликов. Но на кроликах план не сделаешь. Ларионову помог Хрущев, который верил в то, что общественное хозяйство в состоянии накормить всю страну, а личное

подсобное хозяйство только отвлекает людей от полноценного труда. Специалисты предостерегали Хрущева от поспешных решений. Личное подсобное хозяйство давало крестьянам половину их дохода, больше половины овощей, мяса и молока. Но Никита Сергеевич ничего не желал слышать. Ему не нравилось даже то, что свое хозяйство имеет колхозник, а когда на себя начинали трудиться совхозные рабочие или тем более горожане, то он считал это недопустимым отставанием, перечеркиванием марксистских идей. Нужно общее хозяйство, общий труд, а свои огороды, свое подсобное хозяйство — это возвращение к мелкому производству, позорная отсталость. Зачем людям держать скот, если молоко и мясо продается в магазине?

Результатом стало Постановление Бюро ЦК КПСС по РСФСР от 20 августа 1958 года «О запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках».

На Декабрьском 1958 года пленуме ЦК Хрущев потребовал сократить размеры приусадебных участков и количество скота в личном владении также у работников совхозов:

— Наличие больших приусадебных участков и скота в личной собственности стало серьезным препятствием на пути развития производства.

Приняли решение: совхозам в ближайшее время выкупить скот у своих рабочих и служащих. Ларионов воспользовался хрущевской идеей. На Пленуме Рязанского обкома партии постановили закупить у населения не менее 10—15 тысяч голов скота и... сдать его государству.

Сельскому хозяйству страны дорого обошлась борьба Хрущева с приусадебными участками и домашним скотом. Она серьезно усугубила продовольственный кризис 1962/63 года. Поначалу люди охотно продавали скот. Сдал корову — стало легче: не надо ни свет ни заря вставать ее доить. А потом из магазинов все исчезло: и мясо, и молоко. Вот тогда-то и пожалели, что остались без коровы. Но уже назад не вернешь. Большие города еще худо или бедно снабжали, а небольшие оказались в беде.

Ларионов же сразу понял, что новое хрущевское постановление открывает возможность сдать под видом государственных поставок скот, который фактически отбирали у населения. Скот скупали по низким ценам и сразу же сдавали государству. Но даже всего мяса, собранного в области, оказалось недостаточно, чтобы рапортовать в Москву. Тогда на средства колхозов, взятые в банках в кредит, начали активно приобретать скот в соседних областях.

— По ночам, — рассказывал тогдашний первый секретарь

Московского обкома Петр Нилович Демичев, — из районов Рязани, которые граничат с Московской областью, приезжали люди закупать скот. Я написал письмо в ЦК, что в магазинах Москвы рязанцы покупают масло.

К 13 октября сдали государству 102 тысячи тонн мяса — это уже было два плана! А хотели сдать три!

— Не выполнить план, — говорил на пленуме обкома Ларионов, — это престиж потерять, честь запятнать.

Тогда уже в ход пошли прямые приписки. Скажем, область получила право часть заготовленного мяса продавать в магазинах. Но на прилавки оно не поступало. Его «продавали» колхозам и совхозам, а те вновь сдавали это же мясо государству.

Конечно же, областные чиновники делали это с ведома первого секретаря, уверенные, что в случае чего он их прикроет. Между тем график сдачи мяса вызвал сомнения в Центральном статистическом управлении (ЦСУ), и в Рязань отправилась бригада статистиков. Но обкому они были не нужны, и бригаду ЦСУ просто выгнали.

Двенадцатого октября 1959 года Хрущев принял в своем кремлевском кабинете Ларионова и поздравил с успехом. 15 октября Ларионов вновь у Хрущева. Так часто первый секретарь ЦК ни одного другого местного партийного руководителя не принимал. 16 октября Никита Сергеевич устроил в Кремле прием в честь тружениц Рязанской области, награжденных орденами. Хрущев поздравил их с тем, что они сдали два плана.

Наконец, 16 декабря газеты сообщили, что область выполнила обязательства по производству мяса — сдали 150 тысяч тонн — в три раза больше, чем в прошлом году!

Указом Президиума Верховного совета СССР от 25 декабря Алексею Николаевичу Ларионову было присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и Золотой медали «Серп и Молот» за проявленную смелую инициативу и проведенную большую организаторскую работу по подъему трудящихся области на выполнение взятых ими высоких социалистических обязательств по увеличению производства мяса в Рязанской области.

Ларионов пообещал в следующем, 1960 году сдать четыре плана — 200 тысяч тонн мяса. На Пленуме ЦК КПСС, проходившем 22— 25 декабря, Хрущев восхищался успехами рязанцев. В написанный для него доклад помощники включили отдельный раздел — «Чему учит пример тружеников Рязанской области». 8 января 1960 года был опубликован указ Президиума Верховного совета СССР о награждении рязанцев: ордена и

медали получили 3481 человек!

Алексей Ларионов писал сыну Валерию, который решил стать моряком: «До сих пор я хожу, как в угаре . Первым в стране (секретарь обкома) я получил Героя, первым за 42 года Советской власти. Не знаю, хватит сил или нет, но все отдам Родине, народу, Ленинской партии, до последней капли крови, до последнего вздоха».

Издательство политической литературы в серии «Вопросы партийного строительства» большим тиражом выпустило брошюру Ларионова «Успех решает организаторская работа». Если бы не выяснилось, что мнимые три плана — это обман, Ларионов с почетом переместился бы в Москву и, безусловно, сделал бы блестящую карьеру. Но Алексею Николаевичу не повезло. Он перестарался, в Москву потоком пошли возмущенные письма. В другой ситуации закрыли бы глаза. Но, видимо, нашлись люди, которые обо всем доложили Хрущеву, чтобы утопить опасного конкурента. Началось разбирательство, и быстро выяснилось, что план выполнен с помощью махинаций и приписок.

Слава оказалась мимолетной. В газетах еще славили подвиг рязанцев, а Ларионов уже отправил Хрущеву шифровку: просил освободить от должности и перевести на пенсию по инвалидности. Хрущев даже не ответил. Крушение рязанского эксперимента Никита Сергеевич переживал, наверное, сильнее, чем сам Ларионов. Хрущев понял, что его планы разом поднять животноводство и накормить людей неосуществимы.

Первый секретарь Свердловского обкома Андрей Павлович Кириленко тоже откликнулся на призыв Хрущева поднять животноводство и пустил под нож немалую часть поголовья. Область осталась без скота. Но это вскрылось позже, когда Кириленко уже ввели в состав Политбюро ЦК, и тут никто не смел пикнуть.

Нечто подобное творилось во многих областях. Крестьян заставляли добровольно-принудительно продавать скот, который сдавали в счет поставок мяса государству. Самые ушлые скупали скот в соседних областях. Сливочное масло покупали в магазинах и везли на сдаточный пункт. Развращающий обман приобрел повсеместный характер.

«Нас, секретарей обкомов и председателей облисполкомов, по очереди вызывали “наверх”, требуя, чтобы мы подписали обязательства в два, два с половиной раза повысить производство мяса, — вспоминал первый секретарь Оренбургского обкома партии Г. И. Воронов. — Наша область взяла обязательства достаточно скромные, зато реально вполне выполнимые — 1,3 годового плана. Помню, как напирала на меня: “У тебя 18 тысяч быков — это же 9 тысяч тонн мяса, сдай! И вообще, кто же это в

век ракет на быков рассчитывает?» — «Ладно, — говорю, — положим, сдам я этих быков на мясо. А на чем зимой сено возить буду? На ракетах?»».

В Хабаровском крае первый секретарь Алексей Шитиков решил не отставать от рязанцев. Под его давлением председатель колхоза «Трудовая слава» сдал на заготовительный пункт всех свиней, кроме свиноматок, весь молодняк крупного рогатого скота — и тоже сделал три плана. Его хвалили на весь край и вручили премию — отрез на костюм. А на следующий год колхоз и одного плана не смог выполнить.

Много ли изменилось в стране после рязанской истории?

«В Павлодарской области Казахстана, — вспоминал Георгий Лукич Смирнов, в ту пору лектор Отдела пропаганды ЦК КПСС по союзным республикам, — мы столкнулись с массовыми закупками колхозами скота у колхозников, выращенного в подсобных хозяйствах, который затем сдавался государству в счет выполнения планов общественными хозяйствами. Нам это показалось элементарным жульничеством: показатели продуктивности общественного хозяйства завышались за счет личной собственности колхозников. По приезду мы доложили об этих комбинациях».

Так долго не могло продолжаться. В 1960 году производство мяса упало. Хрущев был обескуражен. 29 октября 1960 года он распорядился разобраться со слухами о том, что Ларионов пошел на аферу:

— Идут разговоры, в которых подвергаются сомнению успехи рязанцев... Считаю, что следовало бы проверить, чтобы ЦК знал, как действительно обстояло дело, — имеют под собой почву подобные утверждения, или это клевета на рязанцев.

Результаты проверки произвели впечатление даже на выдавших виды партработников. У рязанских колхозов на счетах не осталось денег. Они не могли расплатиться ни с колхозниками, ни с механизаторами. На заседании Бюро ЦК по РСФСР секретарь ЦК Аверкий Аристов говорил руководителям области (уже без Ларионова):

— Почему же вы не пришли в ЦК и не сказали, что у нас первый секретарь — жулик, который обманывает ЦК. Когда вы приходили ко мне и рассказывали о поведении Ларионова, о том, что он пьянствует, почему вы ничего не сказали по поводу этих фактов? Вы говорили, что Ларионов пьет запоем. Как видно, пьянствовал он не по болезни, а потому, что слишком далеко зашел, а вы, зная о положении в области, умолчали о самом главном.

В Бюро ЦК по РСФСР Ларионову стали подбирать замену. Он написал грустное письмо сыну: «Сынок, я устал прежде всего физически, устал от

нечеловеческого напряжения, от всех переживаний. А их было много. Двенадцать лет взяла Рязань. И каких лет? Самых цветущих. Рязань — подмосковная дыра, как назвал ее т. Сталин. Были очень, очень тяжелые случаи. Поток анонимок с клеветой. Кем только меня не представляли. И буржуем, и врагом, и контр-революционером, и т. д. Были и более сатанинские дела. Например, “Ленинградское дело”. Ведь я работал в ЦК вместе с Кузнецовым, а он был объявлен заговорщиком. Два года, пока шло следствие, я изо дня в день ждал, что меня тоже арестуют».

Решили записать, что Ларионов покидает свой пост по болезни. В последний день, уходя из обкома, он почему-то оставил своему помощнику все личные документы, депутатское удостоверение, ордена. Словно знал, что это ему уже не пригодится.

Считается, что Ларионов пришел домой и, зная, что его ждет, застрелился.

Владимир Павлович Наумов, который в 1960 году был инструктором Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по РСФСР, рассказывал мне, что уже был назначен новый первый секретарь обкома, и он поехал в Рязань, а когда прибыл, выяснилось, что Ларионов застрелился. Накануне Алексей Николаевич несколько раз звонил в ЦК, хотел поговорить с М. А. Суловым. Но его не соединили.

Личное оружие у Ларионова было. Но его бывший помощник рассказывал, что, узнав о смерти первого секретаря, они с начальником областного управления госбезопасности открыли его сейф, все было на месте, в том числе оружие.

— У нас, технических работников обкома, — рассказывала нашей съемочной группе Антонина Сачкова, которая в те годы работала в Рязанском обкоме, — разговор такой был, что он два плана выполнил честно, а ему повесили еще и третий. Третий план — это, конечно, только председателя сдавать на мясо. И у него не выдержало сердце. Я сама печатала некролог, от сердечной недостаточности он умер.

Последствия этой авантюры область ощущала многие годы спустя.

19 августа 1969 года писатель Юрий Маркович Нагибин пометил в дневнике: «Выяснилось, что на Рязанщине уничтожили всех свиней. Пропало сало... Видимо, тут проявляется какое-то коренное свойство системы: оперативность, неукоснительность уничтожения компенсирует бессилие в созидательных делах.

Рослый, с металлическими вставными зубами, горластый и самоуверенный, бывший секретарь обкома комсомола, ныне директор научно-исследовательского института в Рязани Фролов с ходу поставил на

стол бутылку сырца и положил нечто черное, страшное, по виду напоминающее копченый член платоновского быка. Оказалось, акулья колбаса. Когда псу предложили кусочек этой колбасы, он оскалился, зарычал и отполз прочь. Вот что едят рязанцы вместо свиного сала».

Нам не дано знать, что думал Алексей Николаевич Ларионов в последние минуты своей жизни, о чем сожалел и кого винил. Теперь, наверное, не так уж важно, как именно ушел из жизни знаменитый первый секретарь Рязани, кавалер Золотой Звезды. Если он и не покончил с собой, то все равно совершил политическое самоубийство, когда решился на откровенную авантюру.

Впрочем, есть и другая точка зрения. Говорят, что у него не было выбора, что он сделал то, чего от него требовали в Кремле. Конечно, беда, если система власти устроена так, что выгоднее врать и придумывать. Но выбор все-таки есть всегда. Все сидели в этом классе. Почему же он захотел стать первым учеником?

В январе 1961 года, через четыре месяца после смерти Героя Социалистического Труда Алексея Ларионова, Хрущев выступал в Киеве на Пленуме ЦК КПУ, то есть говорил не на публику, а обращался к высшей номенклатуре.

— Украина, — убежденно сказал Хрущев, — может не только досрочно выполнить семилетку по производству мяса, молока, но и быстро решить задачу — догнать США по производству продуктов животноводства на душу населения. Некоторые могут сказать, черт его знает, Хрущева, положение у нас сейчас, тут бы быть живу, а не жиру, а он нам начинает голову морочить — догнать Америку. Да, товарищи, догнать. Не только догоним, но и перегоним.

Никита Сергеевич отвлекся от написанного текста и объяснил украинскому ЦК, почему он так уверен в победе над американцами:

— Наши учебные заведения выпускают в три раза больше инженеров, чем в Соединенных Штатах Америки, а известно, у кого знания, у кого наука, у того будущее. Мы сейчас интернаты начали строить. Недалеко то время, когда мы будем богаты и всех детишек возьмем в интернаты. А это не только обучение грамоте, это воспитание, это влияние на души, чтобы удержать от дурных влияний с тем, чтобы создать ему наилучшие возможности, с тем, чтобы воспитать из него настоящего человека, о котором говорил Горький.

Зал бурно заплодировал, хотя едва ли члены ЦК хотели, чтобы их собственных детей поголовно забирали в интернаты для воспитания людей будущего.

Приятно возбужденный своими планами Хрущев продолжал:

— Американцев беспокоит один вопрос — когда? Я им отвечал: можете себе в блокнотик записать — в 1970 году мы вас догоним [бурные аплодисменты] и пойдем дальше, а в 1980 году в два раза будем больше производить, чем производит Америка. [Бурные аплодисменты.]

Через несколько месяцев после этой речи Александр Твардовский побывал в Ярославле. Записал в дневнике: «Пустые магазины и рынки, уныние на женских (да и на мужских) лицах. Два сорта рыбных консервов. Безрыбная Волга...»

Трагедия в Новочеркасске

Совместное Постановление «О повышении закупочных (сдаточных) цен на крупный рогатый скот, свиней, овец, птиц, масло животное и сливки и розничных цен на мясо, мясные продукты и масло животное» ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли 31 мая 1962 года. Предполагалось, что принятые меры должны стимулировать колхозы и совхозы, привести к увеличению производства мяса и молока.

Несмотря на все усилия Хрущева, советские люди сидели в основном на хлебе и картошке. Ежедневный рацион рабочего и крестьянина в 1961 году: полкило хлеба и триста с лишним граммов картофеля.

И лишь 130 граммов мяса и колбасы, 30 граммов рыбы и рыбных консервов. Сахара и растительного масла крайне мало.

Но первыми последствиями стал лишь рост цен в магазинах: на мясо — примерно на треть, на масло — на четверть.

Хрущев выступал на лесопильном и деревообрабатывающем комбинате в Архангельске. Объяснял политику партии и правительства:

— Нам пришлось поднять цены на мясо. Что случилось? А случилось то, что мы подняли пенсионерам размер пенсий, и подняли в несколько раз. Они что, деньги в кубышку положили? Нет, за мясом побежали. Раз — и в магазин. Мы выравнивали зарплату. Вот у вас выравнивали зарплату. А сельское хозяйство не поспевает с товарами. Что это значит? Очереди создались. Мяса не было. Наверное, у вас мяса тоже не было?

— С перебоями, — ответили из зала.

— Вот мы вынуждены были поднять цены на мясо на 30 процентов. Вы думаете, нам было приятно поднимать?! Мы же знаем, что вы спасибо не скажете. Но выхода другого не было. Но мы уверены, год-два пройдет и, пожалуйста, кушайте порцию, а хотите — можете прибавить еще полпорции, а у кого аппетит хороший — две!

На обещание первого секретаря ЦК архангелогородцы, как положено, откликнулись продолжительными аплодисментами. Но вряд ли поверили.

Повышение цен на мясо и масло примерно на 30 процентов вызвало возмущение в различных городах России. Рабочие сталелитейного цеха крупнейшего в Новочеркасске Электровозостроительного завода имени С. М. Буденного прекратили работу и потребовали повышения расценок.

Заводу не повезло с директором. Предприятие находилось в упадке. Коллектив — 12 тысяч человек — был недоволен низкими доходами и

тяжелыми условиями труда. Накануне повышения цен на заводе еще и пересмотрели нормы выработки, из-за чего резко упала зарплата рабочих. В городе не хватало продовольствия, еды нельзя было купить даже на рынке.

К рабочим сталелитейного цеха присоединились другие заводчане. Митинговали. Директора завода, который уговаривал их вернуться к работе, прогнали. На площади у заводоуправления собралось несколько сотен человек. Рядом проходила железная дорога, ее перегородили, и пассажирский поезд Саратов — Ростов остановился. На гудок тепловоза пришли еще люди, толпа достигла нескольких тысяч человек. Все требовали снизить цены, на тепловозе написали: «Хрущева на мясо».

В 4 часа дня на завод прибыло областное начальство. Толпа хлынула к заводоуправлению. Кричали «Долой коммунистов!», сорвали портрет Хрущева. Партийные работники уговаривали толпу разойтись. Но разговаривать с людьми не умели, привыкли руководить из кабинетов. Первый секретарь Ростовского обкома партии Александр Васильевич Басов не нашел ничего лучше, чем зачитать обращение ЦК.

Толпа разозлилась:

— Сами грамотные! Ты скажи, как жить будем — цены повысили, расценки снизили?

Басов скрылся в одном из заводских кабинетов и ждал, пока его не вызволят. Сотрудники областного управления КГБ и милиции в штатском фотографировали наиболее активных рабочих. Потом их по снимкам найдут и посадят.

Прибыли двести милиционеров, но они тоже были смяты и бежали. Поздно вечером прислали бронетранспортеры и грузовики с солдатами. Они вывели из заводоуправления первого секретаря обкома и других партийных работников.

Ночью прибыла усиленная танками воинская часть, которая заняла завод. В применении танков не было никакой необходимости, но их появление изменило настроение толпы. Советские танки — против советских рабочих! Это казалось немыслимым. В танки бросали булыжники, танкистов оскорбляли.

Первого июня первый заместитель председателя КГБ при Свете министром СССР генерал-полковник П. И. Ивашутин информировал ЦК:

«Докладываю о реагировании населения на решение ЦК КПСС и Совета Министров СССР о некотором повышении цен на мясо, мясные продукты и масло.

В целом по стране населением это решение воспринято правильно.

Вместе с тем имели место и нежелательные проявления. Так, рабочие сталелитейного цеха Электровозостроительного завода в гор. Новочеркасске (около 200 человек) в 10 часов утра прекратили работу и потребовали повышения расценок».

Ночью появились антиправительственные листовки. Утром рабочие собрались на заводе, но к работе не приступали. Атмосфера была накаленной. Митинг возобновился. К митингующим присоединились рабочие Новочеркасского завода нефтяного машиностроения. С портретом Ленина и красным знаменем над колонной манифестанты двинулись в центр города к зданию горкома партии. Манифестация носила мирный характер, люди скандировали:

— Мясо, масло, повышение зарплаты!

Из Москвы прилетели первый заместитель главы правительства А. И. Микоян, секретарь ЦК Ф. Р. Козлов, только что утвержденный первым заместителем председателя Бюро ЦК по РСФСР А. П. Кириленко, заместитель председателя правительства Д. С. Полянский, а также секретарь ЦК А. Н. Шелепин, заведующий Идеологическим отделом ЦК по сельскому хозяйству РСФСР Владимир Ильич Степаков и его заместитель Владимир Иванович Снастин.

Обилие руководящих лиц свидетельствовало о том, как серьезно в Москве восприняли рабочее восстание в Новочеркасске.

Толпа желала видеть московских начальников, требовала, чтобы выступил Микоян. Когда манифестация приблизилась к зданию горкома партии, московских руководителей эвакуировали в военный городок. Побеседовать с рабочими, объяснить им политику партии и правительства московские товарищи не пожелали. Толпа возмутилась.

КГБ в Новочеркасске представляли заместители председателя генералы Николай Степанович Захаров и Петр Иванович Ивашутин. Народа на площади несколько не убывало, люди пытались захватить здание горкома партии и заодно горотдел милиции, чтобы освободить арестованных рабочих.

«Я стоял на балконе этого здания, — вспоминал генерал Захаров, — когда из толпы полетели кирпичи и камни. Руководители города бежали вместо того, чтобы идти к народу. Я, не найдя никого из руководства, вынужден был с третьего этажа тыльной стороны здания спуститься на землю по водосточной трубе».

Представителей рабочих доставили в военный городок, где с ними беседовал Флор Романович Козлов. В прошлом руководитель Ленинграда, он теперь фактически стал вторым секретарем ЦК. «Мужчина он был

видный, красивый, властный и решительный, — вспоминал заместитель главы правительства В. Н. Новиков. — Ради карьеры мог пойти на многое. Увы, был очень груб».

Козлову и другим руководителям, возможно, впервые в жизни пришлось выслушать откровенные требования людей, которыми они управляли. Разговора не получилось.

Командующий войсками Северо-Кавказского военного округа генерал армии Исса Александрович Плиев получил от министра обороны маршала Р. Я. Малиновского приказ действовать. На площади собралось несколько тысяч человек. Дикая жара. Когда прозвучали выстрелы, толпа решила, что стреляют холостыми. Но когда упали первые убитые, люди побежали... Расстрел в центре города — невиданное дело.

В записке КГБ говорилось, что «после ликвидации массовых беспорядков подобрано двадцать трупов, из них две женщины, которые захоронены в разных местах области». По другим подсчетам, убили 26 горожан, ранили 90. Хоронили тайно. Могилы нашли уже в перестроечные годы. Больницам Новочеркасска приказали: ранения в истории болезни записывать как бытовую травму.

В городе ввели комендантский час. Тем не менее 3 июня человек пятьсот вновь собрались в центре города.

Им дали послушать выступление Козлова:

— Повышение цен продиктовано заботой об улучшении благосостояния народа. Для того, чтобы завтра иметь в достатке мясо, масло, молоко, для того, чтобы завтра жить лучше, сегодня приходится идти на издержки. Это меры временные, и они в ближайшие год-два принесут хорошие результаты, и мы добьемся в нашей стране изобилия продуктов питания, снижения цен и повышения жизненного уровня.

В городе шли аресты. Судили по статье 77-й Уголовного кодекса (бандитизм), предусматривавшей смертную казнь. Семь человек расстреляли. 122 приговорили к различным срокам заключения. Впоследствии всех реабилитировали.

Десятого июня Фрол Козлов отчитался на Президиуме ЦК о действиях в Новочеркасске. Хрущев похвалил его за решительность:

— Хорошо провели акцию.

Четырнадцатого июня председатель КГБ В. Е. Семичастный доложил Хрущеву: «Во время массовых беспорядков в Новочеркасске всего убито 23 человека, из них 18 опознано, личности 5 человек не установлены».

КГБ критиковали за слабую агентурную работу. Хрущев распорядился:

— Усилить работу органов КГБ.

Вскоре приняли постановление, в котором говорилось: «Разрешить КГБ при Совете министров СССР увеличить штатную численность контрразведывательных подразделений территориальных органов КГБ на 400 военнослужащих».

Первого секретаря обкома Басова отправили в Гавану — главным советником-организатором при правительстве Республики Куба по вопросам животноводства.

Репутация Хрущева была подорвана денежной реформой, повышением цен. Он утратил свой ореол «народного заступника» от бюрократов и чиновников. Массовые беспорядки в Новочеркасске, подавленные силой, были лишь проявлением куда более общего недовольства.

«В конце 50-х годов в разных городах вспыхивали волнения по всевозможным поводам, — писал первый заместитель председателя КГБ генерал армии Филипп Денисович Бобков. — Чаще всего они были направлены против действий милиции, но иногда толпа громила и помещения райкомов и горкомов партии. Потом массовые беспорядки стали возникать чуть ли не каждый год, и в них втягивались тысячи людей. Нередко в наведении порядка участвовали подразделения Советской армии».

Массовые беспорядки возникали во Владимирской области (города Муром и Александров), где люди были возмущены местными властями, в Грузии — в городе Зугдиди. На публике Хрущев излучал оптимизм. Но он видел, что экономическая ситуация в стране ухудшается. Закупки хлеба увеличивались, но урожая все равно не хватало — ни пищевой промышленности, ни животноводству. 1963 год оказался особенно неудачным.

С 9 по 13 декабря 1963 года в Москве заседал Пленум ЦК КПСС. Хрущев прочитал обширный доклад «Ускоренное развитие химической промышленности — важное условие подъема сельскохозяйственного производства и роста благосостояния народа».

В узком кругу высоких партийных руководителей признался:

— Суровая зима, а затем жестокая засуха нанесли ущерб важнейшим сельскохозяйственным районам страны... Озимые на миллионах гектаров погибли.

Во многих городах пришлось ввести карточки. Впервые закупили хлеб за границей — 9,4 миллиона тонн зерна, примерно 10 процентов полученного урожая. Из магазинов исчезли мука, печенье, пряники, мясо. За молоком выстроились очереди. Хрущев пребывал в растерянности, не

понимал, почему в Советском Союзе нет того, что в изобилии в других странах?

— Я беседовал с рабочими. Они говорят: лука нет, цингой бодем. Ну, как это может быть, чтобы лука не было? Шпинат. Вот, говорят, стоит десять копеек по старым ценам, и теперь тоже десять копеек. Или там сельдерей. Что это? Мелочь. Я же помню, в Донбассе болгары снабжали. Бывало, у болгарина мать или жена покупают картошку, так он сельдерей пучок бесплатно дает, потому что это мелочь. Это вот, говорит, мое, бери. А у нас цены выросли на эту дребедень в десять раз. Ну что за позор? Так что мы будем теперь приучать людей, что коммунизм, и вы кушайте суп без сельдерей, без петрушки, без укропа?! Социализм есть, а укропа нет, картошки нет и прочего нет...

«Не хватало хлеба, да и был он кукурузно-гороховый, — вспоминал Григорий Исидорович Еремей, будущий первый секретарь ЦК Компартии Молдавии. — Для того, чтобы что-нибудь купить, надо было встать в пять часов утра и около трех часов простоять в очереди».

Почему же зерна перестало хватать тогда, когда начался рост сельского хозяйства? В хрущевские годы, как показывает статистика, люди больше ели сахара, рыбы, мяса, чем до войны. А сельское хозяйство не справлялось.

В середине 1950-х деревня получила приток рабочей силы. Сокращалась армия, и многие демобилизованные возвращались домой. Разрешили вернуться в родные места репрессированным народам, а это в основном было сельское население. Немалое число людей из городов в приказном порядке отправляли в деревни — председателями колхозов и совхозов, специалистами. В деревню распределяли выпускников сельскохозяйственных учебных заведений, добровольцев, осваивавших целину. Это, конечно же, сильно укрепило деревню.

А в конце 1950-х люди двинулись в обратную сторону — из деревни в города. Хрущев сделал великое дело — освободил крестьянина от крепостничества. С февраля 1958 года крестьяне стали получать паспорта. Этого права они были лишены постановлением ЦИК и Совнаркома от 27 декабря 1932 года. До 1958-го крестьяне могли уехать из колхоза, только получив справку из сельсовета или от председателя колхоза. А им запрещали отпускать людей. По старому закону, все молодые люди, выросшие на селе, автоматически в 16 лет зачислялись в члены колхоза, даже если они этого не хотели. Бежали из деревни под любым предлогом. Уходили служить в армию и не возвращались. Паспорт в руке открыл сельской молодежи дорогу в город, где было комфортнее и интереснее, где

можно было учиться, найти работу по вкусу и жить в приличных условиях.

При Хрущеве колхозникам, желающим уехать, стали давать временные паспорта, и они обретали свободу передвижения. Правда, окончательно право на паспорт крестьяне получили, только когда 28 августа 1974 года появилось Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР «О мерах по дальнейшему совершенствованию паспортной системы в СССР» (инициатором которого был министр внутренних дел СССР Николай Анисимович Щелоков).

За четыре последних хрущевских года, с 1960 по 1964-й, из деревни в город ушло 7 миллионов сельских жителей. В принципе сокращение сельского населения — явление нормальное и прогрессивное, когда является следствием роста экономического прогресса в сельском хозяйстве. Но вот этого как раз и не происходило! Советское сельское хозяйство оставалось отсталым, и исход молодых людей был для него крайне болезненным.

Желание покинуть деревню усилили и нелепые хрущевские проекты, когда крестьян лишали приусадебного хозяйства, вынуждали сдавать домашний скот, когда взялись укрупнять колхозы и сселять деревни. Возможно, замысел был неплох — создать современные агрогорода, более комфортные, удобные для жизни. А обернулось все разорением привычной жизни. И, наконец, деньги и ресурсы съедала гонка вооружений...

Хрущев всеми силами пытался вытащить страну из беды. Изменил приоритеты экономической политики, резко увеличил производство потребительских товаров. Но все равно всего не хватало! Эпоха самым зримым образом предстает в сатирических частушках того времени, жанре, который после Никиты Сергеевича сойдет на нет.

Заслуженный артист России Павел Васильевич Рудаков и Станислав Константинович Лавров исполняли куплеты по телевидению, которое входило в каждый дом:

*Что ни день — сдает в продажу холодильники завод.
Но народ их, прямо скажем, втрое больше ждет и ждет.
Ах, снег-снежок, белая метелица —
Холодильник не пол-литра — на троих не делится.*

Но заметим: и холодильники, и автомобили стали продаваться при Хрущеве. Вот эту частушку Рудаков исполнял вместе с Борисом Дмитриевичем Бариновым:

*День воскресный, выходной
Муж провел с женой вдвоем.
Простоял весь день с женой
Он за кофтой шерстяной.*

Не зная, что еще предпринять, дабы наполнить полки в магазинах, на заседании Президиума Совета министров СССР Хрущев предложил:

— Товарищ Новиков ездил за границу и мне рассказывал, что ему американцы показывали, какой прочности они делают ткани. Надо поговорить с американцами. Если продают, давайте купим, а если не продадут, давайте разведчикам нашим поручим.

Хрущев пытался сделать так, чтобы жизнь в стране стала хорошей, счастливой, чтобы она нравилась людям. Не получалось! Он перепробовал все варианты, и выяснилось, что система реформированию не подлежит. Он хотел вытащить страну из беды, но уповал на какие-то утопические идеи, надеялся решить проблемы одним махом. Спешил поделиться непродуманными идеями. Подручные сломя голову бросались их исполнять. Доходило до абсурда.

Отсутствие образования толкало Никиту Сергеевича к неразумным и бессмысленным новациям, над которыми потешалась вся страна. Малообразованный первый секретарь попадал под обаяние таких мистификаторов, как Трофим Лысенко, обещавших немедленное решение всех проблем в сельском хозяйстве, и следовал их советам.

Виталий Сырокомский, назначенный редактором «Вечерней Москвы», 31 мая 1963 года был приглашен на совещание в ЦК КПСС. Он пометил в записной книжке, что первый заместитель заведующего Идеологическим отделом ЦК В. И. Снастин распекал руководителей средств массовой информации: «В некоторых изданиях продолжается травля нашего крупного ученого академика Лысенко. Это сделал ленинградский сельскохозяйственный журнал. Издательство “Медгиз” выпустило книжку, в которой опять поносятся Лысенко. Под флагом свободы печати проводятся групповые интересы!»

В Новосибирске академик Николай Петрович Дубинин создал первый в стране Институт цитологии и генетики. Дубинину пришлось оставить институт и уехать. «Нашего бывшего первого секретаря обкома Бориса Ивановича Дерюгина, очень достойного руководителя, — вспоминал тогдашний заведующий Отделом науки Новосибирского обкома Александр Филатов, — освободили от работы за то, что он не выполнил указание о всеобщей “кукуризации”: разрешил ряду районов вместо кукурузы

выращивать подсолнух».

Известный ученый-экономист Н. П. Шмелев, женатый на внучке Хрущева — Юлии Леонидовне, вспоминал, как однажды дома у первого секретаря вспыхнул скандал из-за Трофима Лысенко. Спровоцировала его Рада, дочь Никиты Сергеевича, которая работала в журнале «Наука и жизнь». Она спросила отца, не опасается ли он, что учиненный лысенковцами разгром генетики может оказаться столь же пагубным, как и запрет кибернетики при Сталине. Раду Никитичну поддержал брат Сергей, трудившийся в Конструкторском бюро создателя ракетной техники Владимира Николаевича Челомея.

Алексей Аджубей тоже пытался что-то сказать, но Хрущев его оборвал:

— Вы, Алексей Иванович, член ЦК и не имеете права идти вразрез с партией.

«Никита Сергеевич, — вспоминал Шмелев, — мрачнел, багровел, огрызался, как затравленный волк, от заседавшей на него со всех сторон родни, что-то несвязное такое возражал... А потом как грохнет кулаком по столу ! Как закричит в полном бешенстве, уже почти теряя, видимо, сознание. Господи, как страшно было! Ну сейчас, прямо сейчас удар хватит человека. Прямо на глазах.

— Ублюдки! Хриstopродавцы! Сионисты! — бушевал советский премьер, грохоча по столу кулаком так, что все стаканы, все тарелки, вилки, ножи прыгали и плясали перед ним. — Дрозофиллы! Ненавижу! Ненавижу ! Дрозофиллы-ы-ы-ы — будь они прокляты!

Ни до, ни после я его таким больше не видел никогда. Конечно, охваченная ужасом семья мгновенно смолкла. И он вдруг тоже так же внезапно, как и начал, замолчал, с шумом отбросил от себя стул и вышел из-за стола».

Рада Никитична хлопнула дверью, уехала и неделю не приезжала к родителям.

Когда Хрущева сняли, руководитель Советской Украины Петр Ефимович Шелест возмущался в Киеве:

— Товарищи, академик Сахаров — наш молодой замечательный атомщик-теоретик, один из создателей нашего атомного и водородного оружия — выступил в Академии наук и сказал в адрес Лысенко, что у нас биологическая наука загнана, она на неправильном пути и что товарищ Лысенко только мешает развитию биологической науки, и поэтому надо как-то решать эти вопросы. [Шум в зале, аплодисменты.] Лысенко способствовал разгону кадров в науке сельскохозяйственной, а вообще,

если взять, то у нас сельскохозяйственной науки так и нет. А что Хрущев? Вызывает прокурора. Ты, Лысенко, напиши заявление, а вы, юристы, найдите такую статью, чтобы привлечь Сахарова к ответственности за нанесение оскорбления...

Но и после отставки Хрущева не спешили расстаться с народным академиком. Относились к нему деликатно, заботились о том, чтобы не обидели Трофима Денисовича. Редактор «Вечерней Москвы» Виталий Сырокомский занес в записную книжку указание, прозвучавшее на совещании в МГК КПСС: «Не нападать сверх меры на Лысенко и его сторонников — не объявлять их врагами».

А экономическая ситуация в стране ухудшалась. Закупки хлеба увеличивались, но его все равно не хватало — ни пищевой промышленности, ни животноводству.

На совещании в ЦК КПСС 28 августа 1963 года выступал секретарь ЦК по сельскому хозяйству Василий Иванович Поляков. Виталий Сырокомский отметил в записной книжке основные тезисы:

«Н. С. Хрущев возлагает большие надежды на печать в деле подъема отстающих колхозов и совхозов. А в стране в ряде районов засуха, низкий урожай, трудности с обеспечением кормами. Многие совхозы, созданные на базе колхозов, приносят большие убытки. Н. С., даже находясь в Югославии, в своих указаниях по сельскому хозяйству напоминает о роли и задачах печати.

Вести борьбу за укрепление дисциплины, против частнособственнических тенденций. В Целинном крае секретарь парторганизации колхоза имел несколько голов крупного рогатого скота и тридцать свиней.

Поголовье из года в год растет, а производство сельскохозяйственных продуктов остается на том же уровне. У нас свиней на десять миллионов голов больше, чем в США, а производство свинины в два раза меньше.

В этом году из-за недосмотра Москва весной не была обеспечена даже зеленым луком. Мы создали пригородные совхозы, но не обеспечили их рассадой, парниками. Надо, чтобы газеты сигнализировали об этом.

Сортировка овощей идет вручную. А у нас есть хорошие сортировочные машины, в том числе импортные, — они сортируют до трех тонн в час. В прошлом году погибла половина картофеля, завезенного в Москву.

Холодильник в Москве, в Очакове строится семь лет. Кто бы покритиковал — не могут в Москве построить один холодильник!

Зерна в этом году соберем меньше, чем в прошлом. Обеспечим города,

но надо воспитывать бережливое отношение к хлебу. В столовых, ресторанах — экономить хлеб! Сколько хлеба каждый день выбрасывается на свалку! Один съест кусок, другой отщипнет и бросит, а уборщица — все в ведро. В больших домах в мусороочистках — целые батоны. Тоннами выбрасывается хлеб! Рассказать, как экономно подают хлеб в ресторанах за границей».

Совещание у первого секретаря Московского горкома партии Николая Егорычева 6 сентября 1963 года:

— В общественном питании 39 процентов хлеба идет в отходы. Хлеб стоит копейки. Не знают цены хлеба. Придется увеличить примеси кукурузы, ячменя, повысить влажность. Покупать зерно на золото — не выход.

Совещание у второго секретаря Московского горкома партии Владимира Яковлевича Павлова 7 сентября:

— Хлеб идет на спирт, ячмень — на пиво. Надо резко сократить расход зерна на эти цели. А это значит недобор средств, доходов в бюджет. Выход? Надо резко увеличить выпуск товаров широкого потребления уже в этом году. Организовать такое производство и на крупных предприятиях, где нет цехов ширпотреба.

На заседании Бюро МГК КПСС 11 сентября докладывают о первых успехах:

— Хлеб в столовых: на 12 процентов по сравнению с прошлым месяцем уменьшилось количество отходов. Регулируется механизм резки: режут куски поменьше.

Совещание в горкоме 29 сентября:

— Растет продажа картофеля из-за трудностей с хлебом.

Но 950 вагонов скопилось на базах. 200 тысяч тонн. Почему не разгружают ночью? По три дня стоят под разгрузкой сливы. Что от них останется? Не хватает людей. Базы забиты овощами и фруктами, а в магазинах их нет. Базы не успевают перебирать, а магазины не хотят брать неперебранные. Прилавки забиты консервами, а их сейчас никто не берет. Убрать консервы, выложить свежие фрукты и овощи! Запретить выдачу с баз консервов. Пусть берут свежее.

Совещание в Секретариате МГК КПСС 29 сентября:

— Почему продовольственные магазины, столовые не торгуют арбузами, которые тоннами лежат на базах? Всюду компоты и сухофрукты, которые будут и зимой. Строго предупредить председателя райисполкома, указать секретарю райкома партии. Привлечь к ответственности коммунистов, а беспартийных — к административной.

Председатели райисполкомов несут персональную ответственность. В ближайшие день-два навести порядок.

Совещание в МГК КПСС 14 октября:

— Прошел слух, что повысят цены на картофель. Провокационный слух! Рассчитан на то, чтобы нанести нам урон. Началось нечто вроде паники. Очереди до пятисот человек. Вырос в связи с этим спрос на хлеб. Что сделать в ближайшие дни? Увеличить продажу в два раза. Подкрепить это разъяснительной работой. Есть квартиры, где картошкой завалены все коридоры. Агитаторов, пропагандистов, аппараты райкомов и горкома партии послать в очереди, «в народ». Разъяснить, а иногда и высмеять тех, кто набирает излишки, — в печати. Картошкой мы торгуем в убыток, учитывая, что трудности с хлебом. Миллиард пудов хлеба купили за рубежом. Вести борьбу со спекулянтами картошкой, с теми, кто вывозит мешками, кто прямо из магазина тянет на рынок — давать не больше десяти килограммов в руки.

Заседание Бюро МГК КПСС 25 октября:

— Горком беспокоят очереди за хлебом. На Фрунзенской набережной очереди. Уже не хватает мощностей по выпечке. Уменьшили продажу высшего и первого сорта. Провокационные элементы раздувают панику. Призвать к порядку тех, кто вывозит хлеб мешками, скупает много.

В булочных разделить очередь: отдельно за черным и отдельно за белым. Много болтунов появилось, подняли голову анонимщики. Почти во всех письмах: «а вот при Сталине было все». Партийному аппарату работать! Торговать только одним сортом белого хлеба!

О чем свидетельствуют все эти записи? Огромный партийногосударственный аппарат не в силах обеспечить страну даже хлебом. Потому что именно он и мешал нормальному устройству жизни.

Никита Сергеевич, человек искренний, энергичный и властный, выжал максимум из авторитарной системы, управляемой вручную. Но он же и продемонстрировал пределы роста: нет свободной рыночной экономики — нет и перспективы.

«Неудачи загоняли Хрущева в тупик, — считал историк Михаил Яковлевич Гефтер. — Возвращение выживших жертв сталинских “чисток” осталось, пожалуй, единственным чистым достижением Хрущева. Остальное либо было ополовинено, подпорчено отступлениями и оговорками, либо представляло собой новый произвол».

Погасить в стране недовольство пытались обычными способами. 25 апреля 1963 года на заседании Президиума ЦК рассматривалась записка секретаря ЦК по идеологии Л. Ф. Ильичева «О заглушении зарубежных

радиопередач». Страх перед западными радиопередачами всегда преследовал советских руководителей. Они даже не отдавали себе отчета в том, что тем самым признавали шаткость выстроенной ими системы, которая могла рухнуть в результате всего лишь иностранных радиопередач.

Первым делом решили прекратить выпуск радиоприемников с коротковолновым диапазоном. Хрущев распорядился:

— Давайте поручим товарищу Устинову с тем, чтобы с Калмыковым рассмотреть и разработать вопрос о том, чтобы производить радиоприемники, которые работали бы только на прием от наших радиостанций.

Валерий Дмитриевич Калмыков возглавлял Госкомитет СССР по радиоэлектронике. Комитет подчинялся Дмитрию Федоровичу Устинову как председателю Высшего совета народного хозяйства.

— Без коротких волн, — уточнил Косыгин.

— Быстро любители приспособливают, и практически трудно это сделать, — заметил секретарь ЦК по международным делам Борис Николаевич Пономарев.

— Приспособливают не все, — возразил Хрущев.

— Приспособливают как раз тогда, когда коротковолновые выпускают, — сказал Л. Ф. Ильичев. — Мы им сами даем возможность.

— Выпустили девять миллионов штук, — с горечью заметил Л. И. Брежнев.

— Почему это сделали? — грозно спросил Хрущев.

— Было решение прекратить, но не выполнили, — дал справку Ильичев. — Самое главное возражение было Министерства торговли: потребитель не берет без коротких волн. Они же соображают. Не берут, и затовариваются.

— А надо сократить производство, — отрезал Хрущев.

— Других не будет, эти будут брать, — пренебрежительно бросил А. Н. Косыгин.

— А давайте посмотрим, — вдруг предложил Хрущев, — может, произвести эти, без коротких волн, а те заменить. Обратиться к населению. И заменить. Пусть товарищи Устинов и Шелепин разберутся и, может быть, тогда ответят те люди, которые нарушили решение ЦК и правительства.

Но все-таки Никита Сергеевич сознавал, что одними запретами делу не поможешь, добавил:

— Надо построить более широкую телевизионную сеть. Занять людей разумной пищей, и тогда люди не будут этого делать. В городах надо

перевести радиотрансляцию через сеть. Я не знаю, может быть, налог увеличить на индивидуальное использование радиоприемников, а за репродукторы — меньше брать.

— На средних и длинных волнах они меньше поймают, — уверенно сказал Косыгин.

— Одним словом, — заключил Хрущев, — надо организовать более разумное наступление на противника и не давать ему возможностей с нашей стороны, не облегчать ему возможности вести пропаганду по радио на нашу страну.

— Не подставлять бока, — вставил слово М. А. Суслов.

Но Хрущев уже успокоился и довольно разумно добавил:

— Будут некоторые слушать, пусть слушают. Я помню во время войны, бывало, Гречуха^[21], делать нечего ему, так «вин все знал, что нимцы кажут» на украинском языке. Он так и пропадал у радио. Все знали эту слабость.

Никита Сергеевич оглядел собравшихся:

— Что еще? Всё?

Чиновники лишились мягких кресел

Видя, что командами сверху прилавки не наполнишь, Хрущев попытался упростить жесткую систему управления народным хозяйством, предоставив производственникам большие права. Он распустил многие министерства и передал управление предприятиями на места, где создал Советы народного хозяйства (совнархозы). Иначе говоря, заменил отраслевой принцип управления промышленностью территориальным.

Конечно, реорганизация вызвала противодействие чиновников, которым не нравились новации первого секретаря. Хрущев с ними не считался, новые идеи обсуждал с молодежью, которую продвигал, а ветеранов ставил перед свершившимся фактом. Исчезли лишние бюрократические звенья, и во второй половине 50-х годов это принесло весомый экономический эффект. Экономика страны сделала шаг вперед.

Но были и негативные стороны децентрализации.

Д. Т. Шепилов, когда он еще не был в опале, принес Хрущеву схему, на которой были показаны сложные связи Горьковского автомобильного завода с другими предприятиями, откуда завод получает запасные части и материалы. Шепилов уверял первого секретаря, что при новой схеме предприятия не смогут работать.

Хрущев сомнения отверг:

— Вы рассуждаете неправильно. Когда реорганизуем управление промышленностью, будет расти разумная ко-операция, а все глупые, ненужные связи отпадут.

По мнению профессора Российской экономической школы Андрея Михайловича Маркевича, «реформа совнархозов создала советским управленцам дополнительные стимулы для развития промышленности, однако в отличие от аналогичной китайской реформы соревнование между областями не привело к ускорению экономического роста. Реформа обострила проблему местничества. Области старались выбить из центра больше ресурсов под менее напряженные планы, мало отличаясь в этом отношении от предшественников-министерств. Руководству областей было гораздо важнее выполнение заданий, предполагавших внутриобластные поставки, которые вели к более высоким темпам роста на “своей территории”, чем соблюдение плановых обязательств перед другими областями. Нередко областные руководители прямо нарушали государственные планы, перераспределяя ресурсы в пользу “своих”

предприятий».

И главное: рынок все равно не появился. Развитие экономики по-прежнему определялось не реальными потребностями общества, а приказами сверху. Если раньше сырье и продукцию распределяли министерства, то теперь между собой сговаривались совнархозы.

Никита Сергеевич хотел, чтобы чиновники, оставив столицу, отправились работать непосредственно на предприятия, в шахты, в деревню:

— У нас, товарищи, огромное количество лишних людей в обкомах, в сельскохозяйственных управлениях, в обл-исполкомах. А райкомы партии — все ли у нас там в порядке? Нет.

Желающих оказалось немного. Не хотели покидать Моск-ву даже под страхом лишиться партбилета. «Стали искать директоров машиннотракторных станций, — вспоминал сам Хрущев. — Пришел доброволец — инженер, с высшим образованием, член партии. Как будто все в порядке. А у него оказалось пять штук жен в Москве, вот он и решил уехать в район...»

Недоволен был партийный аппарат. Совнархозы обрели самостоятельность и фактически вышли из подчинения обкомам. Иначе говоря, партработники теряли контроль над производством.

В 1962 году Хрущев укрупнил совнархозы. Теперь на территории, подконтрольной одному совнархозу, оказались сразу несколько обкомов, и уже партработники фактически оказывались в подчинении производителей. Если бы хрущевские реформы продолжились, партаппарат вообще остался бы без дела.

В сентябре 1962 года в «Правде» появилась статья харьковского профессора-экономиста Евсея Григорьевича Либермана «План, прибыль, премия». Публикация привлекла внимание первого секретаря ЦК, и 20 октября 1964 года «Правда» напечатала новую статью Либермана — «Еще раз о плане, прибыли и премии». Он первым высказал то, что давно понимали думающие экономисты. Ни промышленность в целом, ни отдельные предприятия, ни работающие на них люди совершенно не заинтересованы в том, чтобы выпускать товары, нужные потребителю. Промышленность из года в год перевыполняет план, выпуская продукцию низкого качества, которая никому не нужна. А у людей нет того, что им нужно.

Куплетисты Павел Рудаков и Станислав Лавров откликнулись:

Сколько раз критиковало предприятие печать:

*Дескать, гонят план по валу, чтоб товар потом списать.
Ах, снег-снежок, белая метелица —
Пишут-пишут, а Госплан ни мычит ни телится.*

Советские предприятия не были ориентированы на извлечение прибыли. Это были государственные структуры, нацеленные на выполнение плана — реальное или бумажное. И зарплату получали вне зависимости от результата. Даже если работали из рук вон плохо, деньги все равно платили из бюджета. То есть начисто отсутствовал интерес к тому, чтобы произвести или вырастить нужный потребителю товар, продать его выгодно и заработать.

Профессор Либерман предложил наделить директоров правом самим заключать договора с партнерами, предлагать потребителю более выгодные условия, а часть прибыли пускать на премии инженерам и рабочим. Идеи харьковского профессора обсуждала вся страна. Они соответствовали представлениям Хрущева о том, что нужно передать права и полномочия от ведомств директорам предприятий. Никита Сергеевич разрешил провести полномасштабный эксперимент.

Во время работы над реформой сотрудники Госплана подвергались своего рода моральному террору. Никто не желал отказаться от принудительного планирования, от нелепой системы ценообразования, что делало экономику неэффективной. Мысль о рынке казалась преступной...

В. М. Иванченко, руководивший в Госплане Отделом новых методов планирования и экономического стимулирования, вспоминал: «В Госплане говорили: пережили хрущевские перестройки и эту реформу переживем. Меня и моих коллег по отделу именовали “рыночниками”, “нэповцами”, “душителями плановой системы” и в лицо отпускали такие шутки: “Как, Василий Матвеевич, ты еще работаешь? А слух был, что тебя арестовали!”»

Пока готовили документы, Хрущева отправили на пенсию.

Алексей Николаевич Косыгин, став главой правительства, дал указание переработать принципы эксперимента, убрав все, что «попахивало» западным опытом и противоречило принципам социалистического хозяйствования. Но и в таком виде эксперимент пугал чиновников. На Старой площади заместитель заведующего Отделом пропаганды ЦК Анатолий Григорьевич Егоров предупреждал главных редакторов:

— Враги клеветают, будто в СССР берут на вооружение капиталистические методы. А мы молчим. По каким направлениям они

выступают — изучить. И бить.

На серьезные реформы Хрущев не решился. Не мог себе представить реальную демократизацию, рыночную экономику или свободу слова. И для его окружения — людей необразованных и ограниченных, не представляющих себе жизни по другую сторону железного занавеса, — все это было каким-то проклятием.

А ведь если бы он решился дать стране экономическую свободу, то мог бы осуществить то, что позже удастся в Китае Дэн Сяопину, поклоннику советского НЭПа. В деревне еще оставался крестьянин, умеющий и желающий трудиться. А в городах — искренне верящие в социализм молодые люди. Динамичная политика Хрущева открывала новые возможности. Молодежь откликнулась на его порыв к искренности. Освобожденное от страха и сталинских оков общество оживило.

«Когда стал известен секретный доклад Хрущева о культе Сталина, — писал известный литературный критик Владимир Яковлевич Лакшин, в ту пору пользовавшийся немалым авторитетом у культурной аудитории, — возникло ощущение, что мы становимся свидетелями небывалых событий. Привычно поскрипывавшее в медлительном качании колесо истории вдруг сделало первый видимый нам оборот и закрутилось, сверкая спицами, обещая и нас, молодых, втянуть в свой обод, суля движение, перемены — жизнь».

Один из руководителей современного российского телевидения Анатолий Григорьевич Лысенко вспоминал хрущевское время: «Конечно, мы опьянели от некоторой свободы. Когда мы вступали в партию, в обществе было поветрие: считалось, чем больше хороших людей вступает в партию, тем скорее можно будет переломить обстоятельства, тем лучше станет партия».

Но Хрущев не переступил через социалистические догмы.

Не решился. И шанс был утрачен. А затем почти два брежневских десятилетия напрочь отбили желание двигаться вперед.

В рыночной экономике ценовой механизм обеспечивает согласованность: товары получают те, кто платит рыночную цену. А в советской — цены устанавливались сверху. Чтобы формально получать прибыль, цены безбожно завышали.

Формула советской экономики: получить как можно больше ресурсов и добиться минимального плана, то есть произвести как можно меньше. Директора утаивали производственные мощности, завышали заявки на ресурсы, а информацию скрывали.

Советские руководители гордились плановым характером экономики,

но планы не отражали реальности. Цифры начальством принимались только высокие, пусть даже дутые. Попытки опуститься на грешную землю и вернуться к реальности сурово наказывались. Как говорил один из основателей Госплана академик Станислав Густавович Струмилин, лучше стоять за высокие планы, чем сидеть за реальные. Упирались в догмы социалистической экономики, останавливались и отступали, оставляя наследникам груз нерешенных проблем.

Редактор «Вечерней Москвы» Виталий Сырокомский фиксировал в записной книжке, что заботило руководителей столицы.

Заседание Бюро МГК КПСС:

«Проблема котлет. Не загружено производство на мясоперерабатывающем комбинате в Тимирязевском районе, а каждая столовая выпускает котлеты. Запретить им это, пусть комбинат обеспечивает всех. Тогда и нечестные люди не смогут наживаться на этом деле. Но чтобы стоимость была не выше, чем в столовых...

Зубную пасту мы завозим из ГДР. Шампунь завозим из Франции, Италии — за валюту. Неужели мы не можем освоить такое производство в Москве? 2-й часовой завод никак не может отказаться от старых будильников (мол, они выгодны), а женские часы неточно ходят.

Не лучше ли отказаться от будильников, но зато сделать женские часы на уровне мужских 1-го часового?..

Нет правильной технической политики в коммунальном и бытовом обслуживании, мала степень механизации. Женщина с ломом, вручную... Может быть, нужен институт, лаборатории? В очистке города, использовании мусора, прачечном деле и тому подобном мы сильно отстали от многих столиц мира. У населения скопилось много тряпья, банок и так далее — этим не занимаются, а это база для получения вторичного сырья.

Качество обуви у нас низкое — и обувь дорогая. Женщины жалуются: нет бигуди, парфюмерии, кисточек для маникюра».

Совещание у второго секретаря МГК КПСС В. Я. Павлова:

«Плохо с торговлей — с молоком, кефиром, пельменями, где есть, а где и нет. Почему? Производственники жалуются, что не обеспечены сырьем и материалами. Оборудование простаивает,

некоторые предприятия — хоть закрывай».

Совещание у первого секретаря МГК КПСС Н. Г. Егорычева:

«Почему сокращаются часы работы магазинов? Магазин “Подарки” на улице Горького теперь работает до восьми вечера. А это самое бойкое место, идешь в гости, а подарка негде купить. Кафе на улице Герцена — до девяти. Люди идут из театра, а негде выпить чашку кофе. На окраинах нет смысла долго работать, а в центре, где много людей гуляет, — продлить. Грязь около станций метро, у перехода на выходе из Библиотеки имени Ленина. Дворники перестали подметать по два раза в день. Добиться, чтобы люди и внутренне подтянулись.

Мало указывать на недостатки. Воспитание. Для каждого москвича нет важнее дела, чем оберегать часть города-героя. Обратиться к поэтам и композиторам: нет хороших песен о Москве и москвичах. Надо, чтобы каждый горожанин лично внес вклад во все дела. Сделать Москву передовым, образцовым городом. На въезде в Москву повесить призывы: “Товарищ, помни, что Москва теперь город-герой. Ты должен.»

Жизнь при коммунизме

Хрущев обещал, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Эти его слова стали предметом шуток и издевок.

Но Никита Сергеевич искренне верил, что так и будет. Только надо понять, что именно он понимал под коммунизмом.

После войны Хрущев вновь побывал в родной Калиновке и увидел полное обнищание. Никита Сергеевич взялся не просто помочь односельчанам, но и доказать, что деревня способна разбогатеть.

Местный колхоз, названный без затей — «Родина Хрущева», ни в чем не знал отказа, исправно получал фонды и технику, и урожайность на колхозных полях пошла вверх. В Калиновке ускоренными темпами прокладывали дороги, строили жилье, магазины, появился Дом культуры, детский сад. Соседи завидовали.

В родном селе первого секретаря ЦК реализовывалась мечта Хрущева: освободить крестьян от лишних забот, чтобы строили коммунизм, ни на что не отвлекаясь. В Калиновке перестали держать коров, потому что открылись ларьки, где бесперебойно торговали молоком. Раз в месяц продавали четыре килограмма масла. Приезжая в Калиновку, Хрущев с удовольствием видел, что земляки обеспечены хлебом и молоком.

Прошедший в 1961 году XXII съезд КПСС запомнился стране принятием новой Программы партии, в которой ставилась задача построить за 20 лет коммунизм. Глава партии считал задачу вполне достижимой.

Конечно, Никита Сергеевич слишком давно вошел в высший эшелон власти и сильно отдалился от реальной жизни. Он, собственно, и денег-то в руках не держал. Когда он пригласил югославского лидера Иосипа Броз Тито в Москву, то во время переговоров предложил прогуляться по городу. Начальник 9-го управления КГБ генерал Н. С. Захаров приказал перекрыть движение автотранспорта на улице Горького и расставил своих людей. Во время прогулки высокие гости заглянули в кафе-мороженое.

Угостились, и Хрущев обратился к начальнику охраны:

— Захаров, у тебя есть деньги? Расплатись, пожалуйста, а то у меня денег нет.

Тем не менее Никита Сергеевич представлял себе, как скудно живут люди, которые в отличие от него сами за себя расплачиваются.

— Я был лучше обеспечен в дореволюционное время, работая простым слесарем, — признавался Никита Сергеевич. — Зарабатывал 45

рублей при ценах на черный хлеб в 2 копейки, на белый — 4 копейки, фунт сала — 22 копейки, яйцо стоило копейку, ботинки, самые лучшие «Скороходовские», — до 7 рублей. Чего уж тут сравнивать? Когда я вел партработу в Москве, то и половины того не имел, хотя занимал довольно высокое место в общественно-политической сфере. Другие люди были обеспечены еще хуже, чем я. Но мы смотрели в будущее, и наша фантазия в этом отношении не имела границ, она вдохновляла нас, звала вперед, на борьбу за переустройство жизни...

Когда речь шла о практических делах, он не витал в эмпиреях. Говорил с горечью:

— Люди живут в подвалах, а некоторые даже и без подвалов, неизвестно, где они ютятся, а мы уже говорим о том, что надо строить, учитывая будущее коммунистическое общество. Черт его знает, как мы тогда будем строить, я сейчас еще не знаю.

Хрущев затеял массовое гражданское строительство — впервые за все годы советской власти. Сталин не строил жилые дома. Его интересовали только крупные проекты.

Виктор Иванович Туровцев, в ту пору секретарь одного из московских райкомов (потом секретарь горкома), вспоминал: «Хрущев нам, москвичам, не давал покоя. Он почти каждый месяц приезжал в Моссовет, где устраивалась специальная выставка проектов застройки новых кварталов города, новых серий жилых домов, оборудования для коммунальных служб и тому подобное. Осматривая экспозицию, он направо и налево раздавал замечания, беспрекословные советы и поучения».

Профессор, доктор исторических наук Олег Витальевич Хлевнюк отмечал: «Сейчас мы над этим посмеиваемся — хрущевки и так далее, но надо себе представлять, в каком положении жили люди. Когда Сталин умер, в городах в среднем на одного жителя приходилось 4—4,5 квадратных метра жилья. Например, у вас в семье три человека. И если бы у вас была комната 12-метровая, то вы бы считались вполне прилично обеспеченным горожанином.

300—400 тысяч человек жили в бараках. Канализацией, водопроводом, газом была обеспечена незначительная часть жилищного фонда. Это все были огромные проблемы. И при Хрущеве каждый год 10—12 миллионов человек получали новое жилье. Появились отдельные квартиры как массовое явление. Ранее отдельные квартиры были привилегией номенклатурных работников».

Веру в возможность переустройства жизни на более справедливых началах Хрущев сохранил и в конце жизни.

Невестка А. И. Микояна, Нами Микоян, вспоминала, как к Анастасу Ивановичу приезжал его свояк — академик экономист А. А. Арзуманян. Анушаван Агафонович стал первым директором Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР, созданного в 1956 году. Нами поинтересовалась у академика, действительно ли к 1980 году будет построен коммунизм? Арзуманян честно ответил:

— Конечно, нет, это нереально. Но Хрущев не хочет слушать, и мы вынуждены писать так, как он хочет.

Теперь, когда опубликованы хранившиеся за семью печатями протоколы заседаний Президиума ЦК (за все хрущевское десятилетие) и можно прочитать, что говорил Никита Сергеевич в своем кругу, становится ясно: для него идея строительства коммунизма, вызывавшая уже в ту пору насмешки, не была абстракцией. Этим он и отличался от товарищей по партийному руководству, которые давно ни во что не верили.

Так 14 декабря 1959 года Никита Сергеевич на Президиуме ЦК держал речь о проекте Программы КПСС. Он ясно объяснил, как именно представляет себе приближение к коммунистическому обществу:

— Это значит, всех детишек взять в интернат, всех детей от рождения до окончания образования взять на государственное обеспечение, всех стариков от такого-то возраста — обеспечить всем... Я думаю, что, когда мы одну-две пятилетки поработаем, мы сможем перейти к тому, чтобы всех людей кормить, кто сколько хочет. У нас хлеб будет, мясо — еще две пятилетки (это максимум) и, пожалуйста, — кушай. Но человек больше не скушает, чем может. Даже в капиталистических странах есть рестораны, где можно заплатить сколько-то и ты можешь кушать, что хочешь. Почему же при нашем социалистическом и коммунистическом строе нельзя будет так сделать?..

Дети в интернате, старики в приюте, бесплатный хлеб в столовых, шведский стол — вот таким было представление Хрущева о коммунизме, то есть о полном счастье советского народа!

Мои родители (а хрущевские годы пришлись на их молодость) жили тогда крайне скудно, но рассказывали, что эта идея у них вызвала ужас: бесплатные котлеты (скорее всего, почти из одного хлеба) в столовке казались незавидной перспективой. И им вовсе не хотелось, чтобы их сына забрали в интернат.

Но публично никто не выразил сомнений. Напротив, все наперебой поздравляли Никиту Сергеевича с принятием Программы построения коммунизма. На XXII съезде КПСС Михаил Александрович Шолохов пропел осанну ей и ее вдохновителю Хрущеву:

— Когда мы принимаем новую Программу нашей ленинской партии, сама жизнь наша, жизнь всего советского народа стала исполненной как бы особого и нового звучания... Как не сказать идущее от всего сердца спасибо главному творцу программы — нашему Никите Сергеевичу Хрущеву!

Зал бурно зааплодировал.

— Я бы сказал вам, дорогой Никита Сергеевич, и более теплые слова, — вдохновенно продолжал Шолохов, — но личная дружба с вами, мое высокое уважение к вам, понимаете ли, как-то стесняют меня, в данном случае служат явной помехой.

Хрущевские лозунги несколько не смущали автора «Тихого Дона». Его раздражали коллеги-писатели, которые устроились в столице и, следовательно, настоящей жизни не знают:

— Как может писатель, типичный горожанин, что-либо посоветовать в производственном вопросе, скажем, опытному председателю колхоза. Писатель, пишущий о колхозниках или людях совхоза, по-моему, должен обладать знаниями в области сельского хозяйства не ниже уровня хотя бы участкового агронома.

Шолохову, выступая, резонно возразил Александр Твардовский:

— Само по себе географическое место жительства писателя еще ничего не решает.

Он оспорил представление о Москве как о «неком Вавилоне. как бы противостоящем праведной жизни». Заметил, что Москва — «богатейший объект изучения жизни во всех ее сложнейших переплетениях». Твардовский — единственный, кто говорил на съезде о том, что сталинское наследство не преодолено, что лакировочная псевдолитература продолжает существовать, а «читатель нуждается в полноте правды о жизни». Аплодировали ему, пожалуй, меньше других ораторов. Наверное, потому что делегатов съезда пугали непривычные и непростые для них слова и мысли.

Иностранные делегации, отправляясь в Москву, полагали, что съезд сведется к прославлению хрущевских достижений. Вместо этого Никита Сергеевич устроил настоящее землетрясение — новое, более основательное наступление на сталинизм. На съезде — теперь уже в отличие от XX съезда открыто — звучала беспрецедентная критика в адрес Сталина и сталинизма. Выступали репрессированные коммунисты. Хрущев фактически обвинил Сталина в убийстве члена Политбюро и партийного руководителя Ленинграда Сергея Мироновича Кирова.

На заключительном заседании Хрущев выступал очень темпераментно. Отступая от написанного текста, вновь говорил о Сталине,

об антипартийной группе Молотова, Маленкова, Кагановича, Булганина и Ворошилова, о сталинских методах албанского лидера Энвера Ходжи, оторвавшегося от Советского Союза и ориентировавшегося на Пекин.

Александр Твардовский записал в дневнике впечатления от съезда, впервые заседавшего в новеньком Кремлевском дворце съездов:

«Физическое напряжение — просидеть в мягком, не мелком креслице, без пюпитра и без возможности вытянуть ноги семь и более часов, оказывается, очень нелегко. В старом дворце было спокойнее, академичнее и удобнее, сидишь, как за партой, есть на что опереться локтями, даже приспособиться, как это я замечал за опытными людьми, вздремнуть, подпершись, как бы задумавшись. Здесь это немыслимо, хотя мои соседи, старые большевики, клюют, бедняги, клюют, вздрагивают, приоблаживают и вновь клюют.

Впечатления — смесь истинно величественного, волнующего и вместе гнетущего, томительного. Ворошилов, восьмидесятилетний старец, национальный герой, усевшийся в президиуме, чтобы выслушивать такие слова о себе заодно с Кагановичем и Маленковым и другими — “интриганы”, “на свалку истории”».

Почему Хрущев вдруг вновь завел речь о сталинских преступлениях? Десталинизация помогла избавиться от целого слоя старых работников, которые перестали быть нужными. Но была и другая причина. Процесс реабилитации продолжался. И ему докладывали о все новых документах.

— Товарищи! — говорил Никита Сергеевич. — Время пройдет, мы умрем... но пока мы работаем, мы можем и должны прояснить некоторые вещи, сказать правду партии и народу. Сегодня, естественно, нельзя вернуть к жизни погибших. Но необходимо, чтобы все это было правдиво изложено в истории партии. Это необходимо сделать для того, чтобы подобные факты в будущем не повторялись.

Назначенный председателем КГБ А. Н. Шелепин выступил на утреннем заседании 26 октября с резкой антисталинской речью. Начал Александр Николаевич, как положено, с подрывной деятельности империалистов, сообщил, сколько США тратят на ЦРУ и сколько в этом ЦРУ работает рыцарей «плаща и кинжала». Обещал пресечь деятельность иностранных разведок.

— Святая обязанность советских людей, — говорил Шелепин, — надежно хранить партийную, государственную и военную тайну. Само собой разумеется, товарищи, что мы не должны допускать в наших рядах шпиономании, сеющей подозрительность и недоверие среди людей.

Он перешел к антипартийной группе, похвалив Хрущева за ее

разоблачение:

— Товарищ Хрущев сделал это мастерски, по-ленински. В сложной обстановке Никита Сергеевич проявил личное мужество и твердость духа, показал себя верным и стойким ленинцем...

С Маленковым, Молотовым, Кагановичем покончили еще четыре года назад. Сидевшие в зале делегаты не очень понимали, почему вновь вспомнили об этой истории. На сей раз речь шла о реальных преступлениях — о причастности вождей к массовым репрессиям, о чем в 1957 году особо не распространялись. Шелепин сказал, что они «несут прямую, персональную ответственность за их физическое уничтожение», и впервые процитировал циничные резолюции, которые Сталин и его соратники ставили на просьбах арестованных разобраться.

Выступление председателя КГБ было, возможно, самым заметным и важным на всем съезде. В следующий раз с трибуны партийного съезда о сталинских преступлениях заговорят уже в годы перестройки.

Александр Николаевич Шелепин спешил заверить делегатов съезда и всю страну, что эпоха репрессий не повторится:

— Органы государственной безопасности реорганизованы, значительно сокращены, освобождены от несвойственных им функций, очищены от карьеристских элементов. Органы государственной безопасности это уже не пугало, каким их пытались сделать в недалеком прошлом Берия и его подручные, а подлинно народные политические органы нашей партии в прямом смысле этого слова. Теперь чекисты могут с чистой совестью смотреть в глаза партии, в глаза советского народа.

Шелепин вновь рассказал о принципиально новой линии органов госбезопасности:

— Стали широко применять предупредительные и воспитательные меры в отношении тех советских граждан, которые совершают политически неправильные поступки, порой граничащие с преступлением, но без всякого враждебного умысла, а в силу своей политической незрелости или легкомыслия.

Выступление председатель КГБ закончил призывом к юридической науке «предусмотреть меры наказания за проявления бюрократизма». Зал поддержал его аплодисментами. Шелепин язвительно напомнил юристам, что пора обновить Гражданский кодекс:

— В нем указывается, что каждый гражданин имеет право организовывать промышленные и торговые предприятия, учреждать акционерные общества и концессии. Некоторые статьи этого кодекса благословляют право частной собственности и право на использование

наемной рабочей силы. И это, товарищи, в то время, когда мы вступаем на порог коммунистического общества!

Заключительным аккордом XXII — последнего хрущевского — съезда партии стало решение убрать Сталина из Мавзолея на Красной площади. 13 октября, когда съезд уже заканчивал работу, первый секретарь Ленинградского обкома КПСС И. В. Спиридонов зачитал предложение переместить тело Сталина из Мавзолея в другое место. Предложение поддержал первый секретарь Московского горкома партии П. Н. Демичев.

Следующим предстояло выступить первому секретарю ЦК Компартии Грузии В. П. Мжаванадзе — предложение обязательно должны были поддержать земляки Сталина. Секретарь ЦК Фрол Козлов заранее объяснил Василию Павловичу задачу. Но на утреннее заседание Мжаванадзе пришел с завязанным горлом. Шепотом пояснил, что у него начался воспалительный процесс, он потерял голос и говорить не может. Вместо него на трибуну отправили председателя Совета министров Грузинской ССР Гиви Дмитриевича Джавахишвили. Он был верным соратником Мжаванадзе, работал с ним с сентября 1953 года. Пришлось выручать старшего товарища, не желавшего выступить против Сталина. Джавахишвили довольно невнятно произнес, что Грузия согласна с предложением вынести гроб с телом Сталина из Мавзолея. Съезд проголосовал за это предложение: «Признать нецелесообразным дальнейшее сохранение в Мавзолее саркофага с гробом И. В. Сталина, так как серьезные нарушения Сталиным ленинских заветов, злоупотребления властью, массовые репрессии против честных советских людей и другие действия в период культа личности делают невозможным оставление гроба с его телом в Мавзолее В. И. Ленина».

«Вчерашний день — решение съезда о Мавзолее, — записал в дневнике Александр Твардовский. — Да, нехорошо, нужно исправить ошибку 1953 года, но как было бы благопристойнее, если бы не было этой ошибки. Я могу попрекать себя за стишки, которые тогда были искренними — “И лежат они рядом...”, но кого попрекать за то, что он положен был рядом. Так велика была инерция принятого, утвержденного всеми средствами воздействия на сознание равенства этих личностей (даже более, чем равенства)».

Начальника 9-го управления КГБ генерал-лейтенанта Н. С. Захарова и его заместителя, коменданта Кремля генерал-лейтенанта Андрея Яковлевича Веденина предупредили заранее. Хрущев пригласил их в комнату Президиума ЦК:

— Место обозначено. Комендант Мавзолея знает, как рыть могилу.

Инструкции получите от товарища Шверника. Необходимо, чтобы перезахоронение прошло без шума.

Распорядился всем председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС Николай Михайлович Шверник. 31 октября гроб вынесли из Мавзолея. Это произошло глубокой ночью, через несколько часов после закрытия съезда. Красную площадь оцепили под предлогом репетиции парада к годовщине Революции. Мавзолей обнесли фанерным забором, чтобы ничего не было видно.

Офицеры Кремлевского полка вынесли саркофаг из Мавзолея и доставили в лабораторию, где с мундира генералиссимуса сняли Золотую Звезду Героя и заменили золотые пуговицы на латунные. Останки вождя переложили в гроб, изготовленный из сухой древесины в столярной мастерской Отдельного полка специального назначения комендатуры Кремля. Крышку гроба закрыли Шверник и сотрудник секретной лаборатории, которая обслуживала Мавзолей.

Могилу у стены выкопали солдаты Кремлевского полка. Положенные в могилу мощи тут же заложили бетонной плитой. Через девять лет, в 1970 году, на могиле Сталина у Кремлевской стены установят памятник работы президента Академии художеств скульптора Николая Васильевича Томского. Большой белой лентой закрыли надпись «Ленин — Сталин» на фронте Мавзолея — пока не сделали новую надпись. Внутри Мавзолея саркофаг с телом Ленина вернули на прежнее место.

Через месяц генерал Н. С. Захаров получил повышение и стал заместителем председателя КГБ. Он всегда находился рядом с Хрущевым, Никита Сергеевич доверял высокому и статному офицеру.

Двадцать первого октября в «Правде» появились два стихотворения — «Наследники Сталина» Евгения Александровича Евтушенко, ставшее знаменитым, и не менее сильное — «Винтики» Ярослава Васильевича Смелякова, чудесного поэта, фронтовика, которого трижды сажали в лагерь.

Евтушенко писал о тех, кто не принял развенчание Сталина:

Иные наследники
розы в отставке
стригут,
но втайне считают,
что временна
эта отставка.

Иные
и Сталина даже ругают
с трибун,
а сами ночами тоскуют о времени старом. <.. .>
Им, бывшим
когда-то опорами,
не нравится время,
в котором
пусты лагеря,
а залы, где слушают люди стихи,
переполнены.
Покуда наследники Сталина
живы еще на земле,
мне будет казаться,
что Сталин
еще в Мавзолее.

Ярослав Смеляков обращался к каждому из советских людей:

Угрюмый вождь, вчерашний гений,
немногословен и устал,
тебя в одном из выступлений
обычным винтиком назвал.
В его державном представленьи
ты был действительно таким:
не чудом жизни, не явленьем,
а только винтиком одним.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ. РАКЕТЫ В КОСМОСЕ И НА ЗЕМЛЕ

Предметом особой гордости Хрущева была ракетная программа. При нем запустили первый искусственный спутник Земли. При нем полетел в космос Юрий Гагарин. И все это стало реальностью, потому что Хрущев поверил ракетчикам, которые едва избежали смерти — и не от вражеской пули.

Есть что-то роковое в том, как совпали судьбы главных создателей советских ракет — С. П. Королева и В. П. Глушко. Почти ровесники, они одновременно стали заниматься любимым делом. Работали вместе. Были арестованы в одном и том же году. Вместе отбывали заключение и вышли на свободу в один и тот же день. Одними указами получали Золотые Звезды, ордена и премии. В один день стали академиками.

Вдвоем они создавали то, что составило славу и гордость Страны Советов. Сначала один был в подчинении у другого. Потом роли поменялись. А кончилось тем, что они вдрызг разругались и разошлись. И умерли почти в один и тот же январский день, только с разницей в двадцать с лишним лет.

Зэка Королев и зэка Глушко

Сергей Павлович Королев и Валентин Петрович Глушко начинали свою научную карьеру перед войной в Реактивном научно-исследовательском институте (в 1937 году изменившем свое слишком говорящее название на безличное НИИ-3). Этот институт создал в 1933 году заместитель наркома обороны СССР маршал Советского Союза Михаил Николаевич Тухачевский, после того, как молодой Глушко познакомил его с ракетными разработками. Когда Сталин уничтожил маршала, создание ракетной техники, по существу, остановилось. Институт разгромили; тех, кто создавал знаменитые «Катюши» (боевые машины реактивной артиллерии), расстреляли. Многих арестовали.

Глушко обвинили в антисоветской вредительской деятельности и взяли в марте 1938 года. Следствие шло долго, но ему повезло. В Наркомате внутренних дел недалекого, но исполнительного Николая Ивановича Ежова сменил Лаврентий Павлович Берия, который радовал вождя не только цифрами расстрелов, но и экономическими достижениями НКВД. Глушко дали 8 лет, но отправили не в лагерь, а в Особое техническое бюро (ОТБ) НКВД, где он стал заниматься созданием ракетных двигателей для самолетов. Глушко попросил в помощь несколько арестованных специалистов, среди них назвал имя С. П. Королева.

Сергея Павловича арестовали на несколько месяцев позже Глушко, но осудили раньше. В 1938 году Военная коллегия Верховного суда Союза ССР приговорила его к 10 годам тюремного заключения за «участие в антисоветской террористической и диверсионной деятельности». Его этапировали в колымские лагеря. Он жестоко страдал от голода и цинги, потерял 14 зубов и мог там погибнуть, но за него вступились знаменитые в те годы летчики Валентина Степановна Гризодубова и Михаил Михайлович Громов. Оба были Героями Советского Союза и депутатами Верховного совета СССР. По их депутатскому запросу 13 июня 1939 года Верховный суд отменил приговор в отношении Королева, дело отправили на новое рассмотрение. Бериевские послабления? Вот им цена: 10 июля 1940 года Особое совещание при НКВД приговорило Королева к 8 годам исправительно-трудовых лагерей. Раз арестовали — значит виновен. Но в лагерь все-таки не отправили. Перевели в ОТБ. Королев работал под руководством тоже осужденного авиаконструктора Андрея Николаевича Туполева, будущего академика, трижды Героя Социалистического Труда и

лауреата всех премий.

Осенью 1942 года Сергея Павловича перевели в казанскую тюрьму, где сидел его недавний сослуживец Глушко. Фамилии у Глушко не было, был номер, он подписывал чертежи не фамилией, а номером: зэка номер такой-то. Зэка Глушко стал главным конструктором двигательных установок для самолетов, зэка Королев — его заместителем.

Работал Глушко без отдыха, педантично и успешно, стараясь не обращать внимания на то, что творится вокруг. Его ракетные двигатели ставили на самолеты, которые развивали невиданную скорость. В конце июля 1944 года Глушко привезли к Сталину. Вождю доложили, что ракетные двигатели — очень перспективное направление, и немцы уже начали испытания реактивных самолетов. Вождь был весьма доброжелателен с человеком, которого едва не погубил. Сказал, что Глушко может составить список сотрудников, заслуживающих досрочного освобождения. Валентин Петрович назвал 35 фамилий. Нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия подписал обращение на имя Сталина, в котором отметил работу заключенных специалистов и попросил досрочно освободить отличившихся. Последовал указ Президиума Верховного совета СССР. Глушко и Королев обрели свободу.

Только тогда Валентин Петрович узнал, что его отец тоже арестован — за «антисоветские разговоры». Старший Глушко умер в заключении. Брата Глушко лишили работы, и он едва не погиб. Мать страдала в блокадном Ленинграде, думая, что уже не увидит сына. Валентин Петрович никогда и ни с кем не говорил ни об аресте, ни о тюрьме. Он стал очень сдержанным и замкнутым. Не мог ни забыть, что с ним сделали, ни избавиться от страха перед тем, что это может повториться...

Глушко с Королевым работали, как сумасшедшие. И не только потому, что работа составляла смысл их жизни. Еще долго они оставались с юридической точки зрения врагами народа, которых всего лишь досрочно выпустили из заключения. Но не простили и не оправдали.

Только через два года после того, как расстреляли Л. П. Берия, в 1955 году, они написали заявления в Главную военную прокуратуру с просьбой их реабилитировать. Глушко получил справку о реабилитации осенью 1956 года, после того, как 2 февраля была запущена первая баллистическая ракета Р-5М с ядерной боеголовкой. Конструктор — Королев, двигатель сделал Глушко. Пуск приурочили к открытию XX съезда партии. Ракета стартовала с полигона Капустин Яр. Она пролетела 1200 километров и взорвалась над Приаральскими Каракумами. Взрыв был в четыре раза мощнее того, что уничтожил Хиросиму.

Королева реабилитировали попозже, когда он 4 октября 1957 года отправил в космос первый искусственный спутник Земли. Его творением восхищался весь мир. Но даже находясь в ореоле славы, главный конструктор ракетной техники робко спрашивал у Хрущева:

— Вы-то хотя бы верите, что я ни в чем не виноват?

Сергея Павловича Королева, как обладателя секретов государственной важности, повсюду сопровождала охрана. Он признавался друзьям:

— Вы знаете, никак не могу отделаться от мысли, что они в любой момент могут зайти ко мне в дом и крикнуть: «Королев! А ну, падло, собирайся с вещами!..»

Запуск спутника стал триумфом советской науки. Не только астрономы-любители, но и просто многие люди во всем мире смотрели в небо и искали глазами спутник. Казавшееся фантастическим событие изменило представление мира о нашей стране.

Спутник был выведен в космос межконтинентальной баллистической ракетой Р-7. Разработали ракету конструкторы Королева с помощью математиков академика Мстислава Всеволодовича Келдыша. Спутник должен был стать летающей лабораторией, но научное оборудование у Академии наук не получалось. Королев предложил запустить простейший спутник — лишь бы обогнать американцев. Он опасался, что Соединенные Штаты его опередят, звонил в КГБ, интересовался, нет ли у разведки данных о готовящемся запуске американского спутника. «Королева просто ужас охватывал, когда он представлял себе, что американцы его обгонят, — вспоминал известный журналист Ярослав Кириллович Голованов. — Он и думать об этом не хотел!»

Когда в руководстве страны осознали, какое грандиозное событие произошло и как оно потрясло мир, Никита Сергеевич принял Королева и признался:

— Когда вы нам писали о спутнике, мы вам не верили, думали, фантазирует Королев. Но теперь другое дело...

Когда Сергей Павлович Королев изготовил первую ракету, члены Президиума ЦК приехали на нее взглянуть. Хрущев признавался потом, что они смотрели на ракету, как баран на новые ворота. Невиданное зрелище! Но на оружие не похоже. Не верили, что эта огромная труба способна куда-то полететь и кого-то поразить.

Командующий артиллерией Советской армии и будущий первый командующий Ракетными войсками и артиллерией сухопутных войск главный маршал артиллерии Сергей Сергеевич Варенцов пренебрежительно говорил о ракетах:

— Голоса пушек — это симфония, голоса ракет — какофония.

Один из армейских генералов заметил:

— Вы заливаете в ракету четыре тонны спирта. Отдайте этот спирт моей дивизии, она любой город возьмет! А ваша ракета в этот город толком попасть не может. Кому это нужно?

Члены Президиума ЦК ходили вокруг ракеты, как крестьяне на базаре при покупке ситца: щупали и проверяли на крепость. С. П. Королев, понимая, что от этих людей зависит его судьба, терпеливо объяснял, как она летает, на что способна. Работа над ракетой шла трудно. Ответственность ее создателей была огромной. Как выразился один из ученых, «все генеральные конструкторы ходят в мокрых штанах».

«Прежде чем подписать бумагу, убедись, что если из-за нее начнут сажать в тюрьму, то ты будешь в конце списка», — повторял маршал артиллерии Николай Дмитриевич Яковлев. Он был председателем Государственной комиссии на испытаниях первой советской ракеты. Сам Яковлев отсидел недолго — после смерти Сталина освободили, но напуган был до смерти.

Запуск спутника стал болезненным ударом для Соединенных Штатов, где не ладилась ракетная программа.

Эдвард Теллер, отец американской водородной бомбы, заявил по телевидению:

— Америка проиграла битву, более важную, чем Пёрл-Харбор.

За первым советским спутником последовал второй — 3 ноября 1957 года — с собакой Лайкой на борту. Так Королев откликнулся на просьбу Хрущева порадовать страну накануне сорокалетия Великой Октябрьской социалистической революции.

В космос впервые отправилось живое существо. Семь дней советские ученые получали информацию о поведении собаки в космическом пространстве. Эксперименты с собаками проводились с лета 1951 года, когда их стали сажать в кабины первых ракет. Эксперименты доказывали, что живое существо способно нормально существовать в космосе. К большому сожалению советских ученых, исследовать Лайку после полета не удалось. Второй спутник не вернулся на Землю — сгорел в верхних слоях атмосферы. Но путь человеку в космос был открыт.

Через четыре дня после отправки Лайки в космос президент США Дуайт Эйзенхауэр получил секретный доклад об отставании от СССР. «Америке угрожает оснащенный ракетами Советский Союз, — говорилось в докладе. — Соединенные Штаты превращаются в державу второго сорта». Еще через месяц, в годовщину японского нападения на Пёрл-

Харбор, в США попытались запустить свой спутник. Он приподнялся над мысом Канаверал и рухнул. Контраст между космическими успехами СССР и провалом США не мог быть очевиднее.

Полет старшего лейтенанта Юрия Алексеевича Гагарина в космос стал еще одним триумфом Хрущева, хотя сам он предпочитал говорить о «всемирно-исторической победе Советского Союза».

Уже упоминавшийся на этих страницах Виталий Сырокомский в тот год работал помощником первого секретаря Московского горкома партии. В его записных книжках я нашел разработанный заранее план чествования вернувшегося из космоса Гагарина:

«Торжественная встреча Первого космонавта во Внуковском аэропорту. Для встречи — 3000 трудящихся Москвы и лесопарковой зоны к 12.00. От московских районов — по 150 человек, от районов лесопарковой зоны — по 90.

Группы пионеров в 20 человек и девушек 20 человек преподносят членам Президиума ЦК и Первому космонавту букеты цветов.

Оформить здание аэропорта призывами и государственными флагами Советского Союза, вывесить два портрета — Никиты Сергеевича и Первого космонавта. Трудящиеся прибывают на встречу с портретами В. И. Ленина, членов Президиума ЦК, Первого космонавта, призывами и транспарантами и живыми цветами.

Для встречи членов Президиума ЦК и Первого космонавта в черте города по маршруту: Ленинский проспект, Большая Калужская улица, улица Димитрова, Якиманская набережная, Малый Каменный мост,

Большой Каменный мост, Боровицкие ворота Кремля — соборать к 13.00 сто тысяч трудящихся города.

Трудящиеся приходят с призывами, транспарантами, портретами В. И. Ленина, членов Президиума ЦК, Первого космонавта и цветами. Районам вывести на трассу оркестры.

С 14.30 до 17.00 — митинг и демонстрация трудящихся Москвы на Красной площади в количестве 200 тысяч человек. Головным колонам районов первого потока прибыть на Красную площадь к 14.00. Оформление колонны — призывы, транспаранты, портреты — те же.

В районных колоннах оркестры.

Праздничное оформление Красной площади.

Дети преподносят цветы членам Президиума ЦК.

На трибунах Красной площади — члены и кандидаты в члены ЦК, депутаты Верховных советов СССР и РСФСР, министры, ответственные работники центральных учреждений, знатные люди Москвы — всего 5 тысяч человек.

12—15 апреля на предприятиях и учреждениях Москвы провести массовые митинги трудящихся Москвы в честь успешного осуществления в Советском Союзе первого в мире полета человека в космос.

14 апреля — вывесить государственные флаги СССР и празднично оформить город.

Первый поток: Кировский, Москворецкий, Ленинский, Фрунзенский, Краснопресненский, Свердловский, Дзержинский, Бауманский, Калининский районы.

С 18.00 на Красной площади и других площадях — народное гулянье трудящихся, а также вечера во дворцах культуры и клубах, выступления артистов, деятелей искусства и литературы, художественная самодеятельность.

Внуково:

12.30 — приезд Н. С. Хрущева.

13.00 — прилет Первого космонавта.

Сходит по трапу, ковровая дорожка — к трибуне.

Навстречу Первому космонавту направляется Никита Сергеевич. Первый космонавт рапортует первому секретарю ЦК, председателю Совета министров об успешном выполнении задания Родины. Никита Сергеевич и Первый космонавт (возможно, и жена) садятся в открытую машину. Приезжают в Боровицкие ворота.

14.30 — митинг. На митинге Первый космонавт и Никита Сергеевич.

Открывает секретарь ЦК.

Начало — гимн, конец — гимн.

Звучит маршевая музыка. Участники митинга делают поворот, и начинается демонстрация.

17.00 — прием в Большом Кремлевском дворце».

Трагедия Янгеля и успех Челомея

Американцы боевые ракеты запускали на твердом топливе — на порохе. Советские ракеты заправлялись жидким топливом.

Жидкое топливо эффективнее, но и опаснее. Перекачка летучих видов топлива может привести к катастрофе. Кроме того, это занимает драгоценное время, а боевая ракета должна быть в любую минуту готова к старту. Поэтому в Соединенных Штатах перешли на твердотопливные смеси. Ракета постоянно заправлена и готова к пуску. Но твердого топлива требуется больше, и это вело к увеличению веса ракеты.

Королев предпочитал двигатели на экологически чистом жидком кислороде. Глушко работать с кислородом не хотел, его интересовали только двигатели с высококипящим окислителем. Но они были чудовищно ядовиты. Королев предостерегал: если такая ракета с полными баками рухнет на землю, на огромной площади не останется ничего живого.

Военных беспокоило другое. Заправка кислородом проходила непосредственно перед стартом — это длительный процесс. А ракеты на высококипящем топливе стояли на боевом дежурстве уже заправленные, их можно было быстрее отправить в сторону противника. Вот это имело значение.

Главный недостаток королёвских ракет состоял в необходимости постоянно дозаправлять их жидким кислородом, который интенсивно испарялся. Приходилось возводить неподалеку от стартовых позиций целый кислородный завод.

Хрущев говорил Королеву:

— Если начнется война, противник не оставит времени на подготовку. Нельзя ли так сделать, чтобы ракета заранее находилась в подготовленном состоянии?

Королев разводил руками:

— Пока это невозможно.

И тут Хрущеву доложили, что сделать ракету, которая будет постоянно стоять на боевом дежурстве, берется Михаил Кузьмич Янгель. Он жил и работал в Днепропетровске, где находилось его конструкторское бюро и первый в стране серийный завод по производству ракетно-космической техники — «Южное машиностроительное предприятие».

Задача конструкторов, отправленных в Днепропетровск, состояла в том, чтобы улучшать и дорабатывать королёвские ракеты. Но молодым

ребятам хотелось показать себя, придумать что-то свое.

Михаил Янгель разработал свою первую ракету средней дальности Р12. Она летела дальше, чем королёвская Р-5М, имела больший заряд, полностью автономную систему радиоуправления и главное — двигатель на высококипящих элементах.

Хрущев приехал к Янгелю в Днепропетровск и увидел серийное производство самого мощного оружия в мире. Сбылась его мечта — ракеты сходили с конвейера, как сосиски. Р-12 приняли на вооружение в марте 1959 года. Она стала главным оружием сформированного 17 декабря того же года нового вида Вооруженных сил СССР — Ракетных войск стратегического назначения (РВСН).

Военные хотели иметь ракету, которая могла бы обрушить ядерный заряд на главного врага — на территорию США. Янгель взялся за строительство двухступенчатой межконтинентальной баллистической ракеты Р-16.

В Казахстане, на главном испытательном полигоне, который скоро начнут называть Байконуром, 24 октября 1960 года шла подготовка в первом запуске новой ракеты. Янгель и его днепропетровский коллектив очень торопились. Рядом заканчивал работу над своей новой ракетой Королев. Он был намерен доказать, что его проект лучше. Мнения военных разделились. Так что решалась судьба не только ракеты, но и всего огромного коллектива. Янгель это понимал.

Запуск новой ракеты был назначен на 23 октября, но, как водится, в последний момент вскрылись неполадки. Возникли проблемы с электрической схемой, их пытались устранить на ходу. Первый заместитель Янгеля Герой Социалистического Труда Василий Сергеевич Будник предложил слить топливо и спокойно устранить все неприятности. Государственной комиссией руководил командующий РВСН главный маршал артиллерии М. И. Неделин. Он хотел во что бы то ни стало запустить новую ракету накануне очередной годовщины Октябрьской революции. Понимал, как важно порадовать Никиту Сергеевича и вовремя доложить о крупном успехе. Митрофан Иванович согласился отложить запуск только на один день. И распорядился закончить все работы, не сливая топливо.

Инженеры и ремонтники облепили ракету, и каждый занимался своим делом. При этом как-то забылось, что ракета заправлена и готова к пуску. Маршал Неделин сидел на стуле прямо у ракеты и наблюдал за ходом работ. Вокруг него расположилась свита. Хотя это было нарушением — всех следовало убрать с площадки.

Испытатели, возившиеся с ракетой, безумно устали. Они сняли защитные блокировки, которые бы не позволили запустить двигатель, и забыли об этом. А на пункте управления занимались программным токораспределителем. Это прибор, который при старте подает команды двигателю. Кто-то разрешил вернуть программный токораспределитель в исходное положение, не проверив схему. Возвращаясь в исходное положение, прибор запустил двигатель второй ступени. А блокировки были сняты.

Сверху, из двигателя второй ступени, вниз ударило пламя, которое прожгло бак с окислителем и бак с горючим первой ступени. Вспыхнуло 160 тонн топлива. Все, кто находился на ракете, вокруг ракеты, рядом с ракетой, сгорели заживо. Еще хорошо, что в головной части ракеты не было взрывчатки — готовился испытательный полет, и боеголовку начинили безвредным балластом.

Самая страшная смерть выпала тем, кто стоял чуть дальше от ракеты и пытался убежать. Горящее топливо догоняло людей, и они вспыхивали, как факелы. Погибло 126 человек. От маршала Неделина осталась только Золотая Звезда Героя Советского Союза. Погибли два заместителя Янгеля — Лев Абрамович Берлин и Василий Антонович Концевой и еще несколько молодых конструкторов.

Самого Янгеля спасло чудо, он отошел покурить. Это, пожалуй, единственное, что в тот день все-таки не позволялось, — курить рядом с заправленной ракетой. Курилка находилась в 150 метрах от старта, в хорошо защищенном бункере.

Потом Янгель услышал от Хрущева:

— Ты почему не сгорел?

О катастрофе молчали. Солдат и офицеров похоронили в братской могиле, заместителей Янгеля — в Днепропетровске. Газеты сообщили только о гибели в авиакатастрофе главкома ракетных войск М. И. Неделина. Маршал — слишком заметная фигура, чтобы исчезнуть бесследно. Урну с его прахом захоронили в Кремлевской стене.

Л. И. Брежнев, которому Хрущев поручил руководить комиссией по расследованию, подвел итоги:

— Правительство решило, что вы уже достаточно сами себя наказали, и больше наказывать вас не станет. Похороните своих товарищей и продолжайте работать. Стране нужна ракета.

К очередному съезду партии, 2 февраля 1961 года, «изделие» Янгеля — первую двухступенчатую межконтинентальную баллистическую ракету Р-16 — запустили. Эта ракета долетела бы до территории США.

Катастрофа на полигоне не изменила отношения к Янгелю. И большое начальство, и военные им очень дорожили. Много раз повторяли ему, что он ни в чем не виноват. Но сам Янгель себе этой истории не простил. Он знал, в чем его вина: выпустил вожжи из рук, расслабился сам и позволил расслабиться всем на полигоне. Этот груз вины за гибель людей он нес на себе до конца своих дней. Врачи, которым придется составлять заключение о смерти Янгеля, скрупулезно перечислят его недуги — острая сердечная недостаточность, диабет... Но люди, хорошо знавшие Михаила Кузьмича, не сомневались в главной причине его ранней смерти.

Янгелевская ракета Р-16 тоже оказалась не идеальной. Министр обороны СССР маршал Р. Я. Малиновский докладывал Хрущеву о двух главных недостатках. Во-первых, подготовка к запуску все равно занимает четыре дня. А американская твердотопливная ракета «Минитмен» запускается за несколько минут. Во-вторых, агрессивные компоненты топлива разъедают все — клапаны, прокладки, трубопроводы. Если запуск откладывался, то ракета могла простоять в готовом состоянии всего несколько дней. А дальше приходилось сливать топливо и отправлять ракету на завод для ремонта и восстановления.

И тут у Янгеля появился новый конкурент — Владимир Николаевич Челомей, вознамерившийся создать ракету, превосходящую янгелевскую. Одни считали его гениальным ученым, кто-то — умелым карьеристом. Но все признавали его неординарный талант. Поклонники ставят Челомея выше С. П. Королева, считая, что тому просто повезло оказаться первым в завоевании космоса.

Челомей казался высокомерным и самоуверенным баловнем судьбы, озабоченным только своей карьерой. А он мечтал лишь о воплощении своих идей. Но он жил в эпоху, когда все зависело от высшей власти. И он неустанно завоевывал себе друзей наверху. Его ценили. Но любили, похоже, немногие. Не нравилось умение устраивать свои дела и ловкость в общении с начальством. Успехи Челомея многие связывали с тем, что у него в КБ работал сын Хрущева Сергей Никитич.

Хрущев-младший в 1958 году окончил Московский энергетический институт, интересовался автоматикой и хотел работать в Конструкторском бюро Николая Алексеевича Пилюгина — здесь разрабатывались автономные системы управления, которые корректировали траекторию полета ракеты и наводили ее на цель. Но Челомей переманил Сергея Хрущева к себе. Наверное, обаятельный и обходительный Челомей не упускал случая сказать Никите Сергеевичу, какой у него замечательный и одаренный сын. И сердце Хрущева таяло, ему было приятно... Но главное

состояло в том, что в определенном смысле они были родственные души. Никита Сергеевич буквально бредил ракетами.

Челомея всегда отличала необычность решений. В 1955 году он предложил запускать ракеты с качающегося основания — с палубы корабля и с подводной лодки. Коллеги не верили, что это возможно, потому что ракета выбрасывалась из пусковой установки со сложенным крылом, которое раскрывалось в полете. А ведь еще не было ни электронно-вычислительных машин, ни поворотных сопел в двигателях.

Идея крылатых ракет поразила воображение Хрущева. Командующий Военно-морским флотом адмирал Сергей Георгиевич Горшков понял, что подводные лодки с крылатыми ракетами могут стать главным оружием в борьбе против более мощных американских ВМС.

Конструкторское бюро Челомея разработало комплекс крылатых ракет для стрельбы с подлодки по берегу и по кораблям противника. Научились стрелять из-под воды. В 1968 году советский флот получил первую в мире крылатую противокорабельную ракету «Аметист» с подводным стартом.

Челомей был наделен дерзким умом. Предлагал решения, казавшиеся авантюристическими и технически необоснованными. Но время часто подтверждало его правоту. Фантастические идеи Челомея часто оказывались самыми практичными.

В 1966 году на вооружение приняли его тяжелую баллистическую ракету УР-100, «сотку». Ее модификации, в том числе с разделяющимися головными частями, составили главную ударную силу РСН. Конструктор разрабатывал двухступенчатую ракету-носитель УР-500, затем УР-700, «семисотку». Она должна была лететь на Луну. Хрущев распорядился:

— Луну американцам не отдавать!

Александр Сергеевич Шехоян, соратник Челомея и заместитель главного конструктора по испытаниям, горько заметил:

— После того как сняли Хрущева, зарубили «семисотку». Если бы Хрущева не сняли — мы первыми были бы на Луне.

«Разгоним Академию наук»

Ни один проект в космонавтике и в ракетной технике не получал зеленого света без заключения экспертной комиссии, которую возглавлял еще один любимец Хрущева — академик М. В. Келдыш. Мстислав Всеволодович получил три звезды Героя Социалистического Труда^[22], Ленинскую и две Сталинских премии, его сделали членом ЦК КПСС и депутатом Верховного совета. К нему с почтением относилась власть. Его уважали и любили коллеги и ученики. Он руководил Институтом прикладной математики АН СССР и занимался расчетами, связанными с созданием водородной бомбы. Математика позволяла оценивать результаты экспериментов, заменять их расчетами тогда, когда эксперименты невозможны, и разрабатывать оптимальные технические конструкции.

Без огромной работы математиков не было бы ни ядерной бомбы, ни ракет. Но в полной мере талант Келдыша — и математический, и организаторский — проявился в космонавтике. В 1956 году он возглавил комиссию по созданию искусственного спутника Земли, его заместителем стал главный конструктор космической техники С. П. Королев. Первой Золотой Звездой Героя Социалистического Труда Хрущев отметил Келдыша вместе с Королевым 11 сентября 1956 года, а 27 декабря 1957 года Никита Сергеевич распорядился присудить ему Ленинскую премию.

Келдыш собрал в своем институте молодых и талантливых математиков. Он занимался теорией космического полета, теорией движения ракет с жидкостными двигателями, теорией управления ракет, системами астронавигации. Без точных математических расчетов ни одна ракета не попала бы в цель. Его бывшие аспиранты вспоминали, что «при господствовавшем в то время нигилистическом отношении к своему внешнему виду замечались отсутствие “пузырей” на брюках, до блеска начищенная обувь, галстук и всегда выбритое лицо». Сразу было видно: «мальчик из хорошей семьи». Келдыш знал французский, немецкий, выучил еще и английский.

Мстислав Всеволодович говорил тихо и немногословно. Если сердился, еще понижал голос. Хорошо воспитанный, избегал фамильярности и панибратства. Но в нем происходила мгновенная смена настроений. При желании мог отбрить. Келдыш часто подозревал окружающих в глупости и подлости. У него были для этого все основания.

Первое время он честно писал в анкетах «из дворян». При такой

биографии его с трудом приняли в партию — это произошло в 1949 году. Спас положение секретарь райкома, у которого была инструкция обеспечить партбилет важному для страны ученому.

В 1936 году арестовали и на следующий год расстреляли его брата Михаила, аспиранта исторического факультета. Другого брата, Александра, арестовали как «французского шпиона»; он провел за решеткой полтора года, но его выпустили, потому что в этот момент на Лубянке происходила смена команды. В этот короткий период кое-кого отпускали, и Александру Келдышу повезло... Все это не прошло бесследно для Мстислава Всеволодовича. С годами в нем усиливались замкнутость, молчаливость. Легко он чувствовал себя только среди своих. Коллеги обращались к нему: «Слушайте, Эм Вэ». Для своих он был почти богом.

Он был очень пунктуален, не позволял себе опаздывать или не выполнять обещаний. Ровно в девять утра его «Чайка» въезжала в ворота института. Все совещания и встречи начинались в точно назначенное время. Все подсобные службы, начиная с машбюро, работали столько, сколько необходимо для дела. Он был жестким и требовательным руководителем. Его указания не обсуждались, а исполнялись с армейской быстротой. Но все важнейшие вопросы решались на совещании заведующих отделами, и Келдыш прислушивался к их мнению. В институте отсутствовала столовая для начальства: директор обедал вместе со всеми.

В 1961 году решением ЦК и Совета министров большое число научных институтов передали в отраслевые ведомства. Одним из печальных последствий этого, как тогда казалось Хрущеву, разумного и практичного решения, стало отставание в вычислительной технике. Сотрудники института требовали от Келдыша новой техники, наивно полагая, что он может все. А он видел регресс отечественной компьютерной отрасли, но ничего не мог сделать. Хотя в ранние годы в ответ на слова сотрудников о том, как трудно соревноваться с американцами, которые все считают на мощных компьютерах, говорил:

— Ничего, обойдемся серым веществом.

Он исходил из того, что советские математики все равно считают быстрее американцев.

В мае 1961 года его избрали президентом Академии наук СССР. Таково было распоряжение Никиты Сергеевича Хрущева.

Десятью годами ранее, в 1951-м, умер известный физик Сергей Иванович Вавилов, который шесть лет возглавлял Академию наук. Тогда Г. М. Маленков пригласил к себе ректора Московского государственного

университета и директора Института органической химии Александра Николаевича Несмеянова и предложил ему возглавить академию.

Между С. И. Вавиловым и А. Н. Несмеяновым — помимо крупных научных достижений — было еще нечто общее: репрессированные братья. Брат Сергея Вавилова, Николай Иванович, выдающийся биолог, погиб в заключении. Один из братьев Александра Несмеянова, Василий Николаевич, талантливый геодезист, был расстрелян в 1941 году. Сталин любил иногда назначать на высокие должности людей с темными (по советским меркам) пятнами в биографии. Ему казалось, что они будут служить еще преданнее...

Академик Несмеянов был замечательным химиком, прекрасным организатором и человеком весьма здравомыслящим. Но увлекся идеей, которая многим его современникам казалась безумной. В десять лет он перестал есть мясо, потом отказался и от рыбы. Став химиком, пришел к выводу, что все белки состоят из одних и тех же аминокислот, и это натолкнуло его на идею создания белковой пищи искусственного происхождения. Он надеялся избавить страну от проблем с продовольствием. Он выступал с лекциями и устраивал дегустацию своих изделий. Газеты писали, что невозможно отличить натуральный бифштекс от синтетического.

Мои родители в юности тоже оказались на такой презентации и попробовали черную икру, сделанную в лаборатории Несмеянова. На настоящую икру у них не было денег, жили они очень скудно, но не без содрогания думали: неужели эксперимент академика удастся и вся еда станет такой же невыносимо невкусной?

Но в главном деле Несмеянов был человеком очень разумных принципов. Мальчиком, в девять лет, он сочинил молитву, которую читал на ночь:

— Господи! Дай мне ум — острый и быстрый, гибкий и глубокий, широкий и высокий, могучий ум!

Руководить академией ему пришлось в основном в хрущевские годы. Несмеянов исходил из того, что ученые, занимающиеся академической наукой, должны решать фундаментальные задачи, которые только на первый взгляд кажутся далекими от жизни, а в реальности они-то и питают производство. Он называл академию «теоретическим вождем в науке». Хрущев же требовал от науки немедленной отдачи.

Никита Сергеевич обвинял Академию наук в оторванности от жизни, демонстрировал недовольство академиками, считая, что они слишком мало уделяют внимания практике. Несмеянов не соглашался с реформой

академии. Он сказал Хрущеву :

— Петр Первый вошел в историю тем, что создал Академию наук...
Смысл фразы был понятен.

Не нравилось Хрущеву, что Несмеянов не собирался ради развития ракетной техники ломать все планы академии. Ракетчики стали доказывать и в правительстве, и в ЦК, что президентом нужно избрать математика Келдыша. Эта кандидатура устроила решительно всех. Келдыша считали более послушным, более близким к ЦК.

«Когда на одном из заседаний Совета министров, — вспоминал Хрущев, — мы, пригласив туда президента Академии наук СССР Несмеянова, высказали в его адрес критические замечания, в ответ он, будучи очень спокойным и очень деликатным человеком, предложил:

— Может быть, следует вместо меня назначить на пост президента Академии наук Келдыша?

Мы его поддержали:

— Обсудим, подумаем.

Вскоре пришли к выводу, что, действительно, полезно было бы выдвинуть Келдыша президентом».

Президента Академии наук 4 мая 1961 года пригласил к себе первый заместитель главы правительства А. Н. Косыгин. Несмеянов проводил совещание.

Он удивился спешному вызову в правительство и попросил своих помощников:

— Вы никуда не уходите, я скоро вернусь, и мы продолжим работу.

Косыгин, испытывая неловкость, попросил Несмеянова подать в отставку и предложил подготовить сессию для избрания нового академика. Это поручение Косыгину дал Хрущев. Никита Сергеевич не захотел сам вести неприятный разговор. Несмеянов повел себя исключительно достойно. Вернувшись из правительства, собрал Президиум Академии наук и объявил, что истек десятилетний срок его работы на посту президента и что он рекомендует новым президентом Келдыша. Собравшиеся были ошеломлены новостью и молчали. Пауза затягивалась. Несмеянов снова взял слово:

— Товарищи, я понимаю, что вы не успели собраться с мыслями. Но я хотел бы подчеркнуть: по моему глубокому убеждению, Мстислав Всеволодович Келдыш будет очень хорошим президентом, гораздо лучше, чем предыдущий. Но своим молчанием вы ставите Мстислава Всеволодовича в не очень ловкое положение. Поэтому прошу вас высказываться и присоединить свой голос к моему совершенно искреннему

голосу.

Обращаясь к Несмеянову, академик-секретарь отделения физикоматематических наук Лев Андреевич Арцимович сказал:

— Наше молчание связано с уважением к вам. Для меня, например, это новость, что президент уходит. И если бы мы сейчас сразу же стали выражать свое глубокое желание избрать Мстислава Всеволодовича, то это носило бы некрасивый характер. Я считаю, что Александр Николаевич был прекрасным президентом. И я надеюсь, что Мстислав Всеволодович будет не хуже, будет на том же уровне.

Пятнадцатого июня 1961 года Келдыш возглавил академию. На новом посту он столкнулся с проблемами не только научного, но и политического свойства. Хрущев хотел вывести научные институты из подчинения академии, передать их отраслевым министерствам и отправить подальше от Москвы и поближе к производству — пусть ученые-мечтатели поварятся в рабочем котле.

На заседании Президиума ЦК 23 декабря 1963 года Никита Сергеевич заговорил о том, что всеобщее среднее образование не нужно. Достаточно восьмилетки, а дальше молодые люди пусть осваивают профессию. Аппарату идея нравилась.

«Во времена Хрущева все пришло в движение, — вспоминал первый секретарь Новосибирского обкома Александр Павлович Филатов. — Он до всего добрался. И, как показало время, не все его затеи были ошибочными. Перестройка школ оказалась очень нужной и своевременной. На многих заводах были созданы специальные учебные классы. Ребята приобщались к рабочим профессиям. Рекомендовалось до поступления в вуз год-два отработать на производстве, что было полезным как для самих выпускников, так и для предприятий».

Л. И. Брежнев преданно поддержал Хрущева:

— Я считаю, что этот вопрос решается с политической точки зрения и в этом плане приобретает особую ценность мысль товарища Хрущева по вопросу о том, чтобы люди приобщались к труду. Я хотел бы подтвердить это примером своей семьи, показать это на примере своем, своего брата и сестры. Наш отец мечтал, чтобы мы получили высшее образование. Он сам не имел высшего образования и 45 лет проработал в цехе. Когда наступило время перехода его на пенсию, мы, уже выросшие, сказали ему, что, когда он уйдет на пенсию, мы ему будем помогать. Он нам на это ответил: для меня высшей наградой будет, если вы получите высшее образование. Мы все трое получили высшее образование без отрыва от производства. Я окончил среднюю школу и уже имел трудовой стаж. Нигде не учился пять

лет, так как работал в сельском хозяйстве у отца. Потом приехал в Москву, потом бросил Москву и приехал на завод.

— Даже при таких условиях можно получить образование, — довольно заметил Хрущев.

— А после этого я окончил техникум, — продолжал Брежнев.

— Таких можно пересчитать по пальцам, — заметил А. И. Микоян, который в отличие от Хрущева и Брежнева считал, что нельзя мешать молодежи получать высшее образование.

— Пальцев не хватит, — отрезал Хрущев.

— Потом поехал учиться, — с удовольствием продолжал свой рассказ Брежнев, — после этого приехал на завод и пять лет работал слесарем, потом окончил институт. Брат также начал работать на заводе, потом окончил институт и сейчас работает начальником цеха. Сестра также окончила институт и сейчас работает химиком в лаборатории...

Вообще-то на пороге была научно-техническая революция, и экономика нуждалась в образованных кадрах. Но Никиту Сергеевича часто охватывали идеи, порожденные его бурным темпераментом и, конечно же, собственной малограмотностью.

Особо Хрущев обижался на академиков из-за Т. Д. Лысенко. Видные ученые-биологи давно доказывали, что деятельность «народного академика» Лысенко идет во вред сельскому хозяйству. Ни один из обещанных им чудо-сортов пшеницы так и не появился. Зато он успешно мешал другим биологам внедрять свои сорта, выведенные в результате долгой селекционной работы. Но Хрущев считал Трофима Денисовича полезнейшим практиком. В отличие от Несмеянова Мстислав Всеволодович возражать первому секретарю ЦК не решался.

На общем собрании академии 26 июня 1964 года сторонники Лысенко выдвинули в академики яростного борца против генетики Николая Ивановича Нуждина, которого в 1953 году избрали членом-корреспондентом.

Возразили авторитетные в академии люди — создатель молекулярной биологии Владимир Александрович Энгельгардт, лауреат Нобелевской премии по физике Игорь Евгеньевич Тамм, разработчики ядерного оружия физики Андрей Дмитриевич Сахаров и Яков Борисович Зельдович. Они не сочли за труд познакомиться с «научными» работами Нуждина и доказали, что он не внес никакого вклада в биологическую науку. Он представил большой перечень трудов, но ничего самостоятельного — это были статьи со множеством соавторов. Иначе говоря, Нуждин, как водится, ставил свою фамилию под работами, выполненными его подчиненными.

— Мне не известно за членом-корреспондентом Нуждиным каких-либо вкладов в сельскохозяйственную практику, в селекционное дело, — говорил Энгельгардт, — которые можно было бы хотя бы отдаленно сравнить с вкладом других кандидатов на вакансии по генетике. Следовательно, ясно, что в нашем суждении мы должны исходить из теоретических работ члена-корреспондента Нуждина. Критерий научного потенциала ученого — частота цитирования в работах других исследователей. Просмотрев указатель авторов, цитированных в ряде монографий за последние годы по генетике, я не нашел упоминаний имени Нуждина. Я не нашел также упоминаний об этих работах, перелистав несколько ведущих журналов за последние годы. Поэтому я не могу считать кандидатуру члена-корреспондента Нуждина отвечающей тем требованиям, которые мы предъявляем к самому высокому рангу ученых нашей страны.

Следующим попросил слово Сахаров:

— В том документе, который нам выдан, есть такие слова: «Много внимания уделяет Н. И. Нуждин также вопросам борьбы с антимичуринскими извращениями в биологической науке, постоянно выступая с критикой различных идеалистических теорий... Его общефилософские труды связаны с дальнейшим развитием материалистического учения И. В. Мичурина и других корифеев биологической науки...» Дело научной совести академиков понимать, какое реальное содержание скрывается за этой борьбой с антимичуринскими извращениями, с развитием философских трудов других корифеев биологической науки.. Я призываю проголосовать так, чтобы единственными бюллетенями, которые будут поданы «за», были бюллетени тех лиц, которые вместе с Нуждиным, вместе с Лысенко несут ответственность за те позорные, тяжелые страницы в развитии советской науки, которые в настоящее время, к счастью, кончаются.

Когда Сахаров вернулся на свое место после выступления, Лысенко громко сказал:

— Сажать таких надо!

Слово получил Тамм:

— Мы, несомненно, находимся сейчас в начале эпохи великих открытий биологии — установления механизма наследственности, структуры гена, механизма синтеза белков, наконец, расшифровки генетического кода. Поэтому с государственной точки зрения важнейшим является развитие этой, к сожалению, сильно отставшей в нашей стране области наук. Я должен сказать, что член-корреспондент Нуждин не только

не способствовал проникновению этой науки в практику, но, наоборот, был одним из важнейших противников, тормозивших и препятствовавших этому. И мне кажется совершенно несомненной необходимостью голосовать против этой кандидатуры.

Трофим Лысенко обратился к Келдышу:

— Я, Мстислав Всеволодович, выражаю категорический протест против приписывания академиком Сахаровым каких-то позорных явлений, виновником которых были якобы Лысенко и Нуждин. Это клевета! Я заявляю категорический протест, что Президиум это допускает и не прервал оратора. Здесь речь идет не о науке. Я требую: предъявите мне тогда обоснованные обвинения, требую от Президиума. Клеветники всегда найдутся!

Келдышу пришлось отвечать:

— Я думаю, что выступление Сахарова было неправильным и нетактичным. Вопросы развития биологии в нашей стране серьезно обсуждались полтора-два года назад. В результате было принято решение ЦК партии и Совета министров. Мы будем руководствоваться в развитии биологии этим решением.

Лысенко настаивал:

— А Президиум разделяет клеветническое заявление Сахарова или нет? Вы сказали, что вы не разделяете. А Президиум?

Келдыш:

— Этот вопрос специально Президиум не обсуждал. Но Президиум считает нужным вести работу в духе постановления ЦК партии и Совета министров, которое вам хорошо известно, Трофим Денисович.

Слово попросил Яков Зельдович:

— Трофим Денисович Лысенко выступил, защищая свою честь. Я согласен с тем, что эта дискуссия была здесь неуместна, но, к сожалению, ни Трофим Денисович, никто другой ничего не сказали в защиту Нуждина.

На голосовании Нуждина — единственного из всех кандидатов! — прокатили. Академики бросили открытый вызов Лысенко, олицетворявшему лженауку.

Хрущев, раздраженный позицией Академии наук, 11 июля 1964 года заявил:

— Если Академия наук будет вмешиваться, мы разгоним к чертовой матери Академию наук, потому что Академия наук нам не нужна, потому что наука должна быть в отраслях производства, там она с большей пользой идет...

Секретарь Новосибирского обкома партии Федор Степанович Горячев

рассказывал, что Хрущев уже дал ему указание подыскать в области место, где разместится переведенная из Москвы Академия наук.

Но осенью Хрущева отправили на пенсию.

Уже позже первый секретарь ЦК Компартии Украины П. Е. Шелест возмутился на собрании партактива в Киеве:

— Товарищи, академик Сахаров — наш молодой замечательный атомщик-теоретик, один из создателей нашего атомного и водородного оружия — выступил в Академии наук и сказал в адрес Лысенко, что у нас биологическая наука загнана и что товарищ Лысенко только мешает развитию биологической науки. [Шум в зале, аплодисменты.] Лысенко способствовал разгону кадров в науке сельскохозяйственной, а вообще, если взять, то у нас сельскохозяйственной науки так и нет. А что Хрущев? Вызывает прокурора: ты, Лысенко, напиши заявление, а вы, юристы, найдите такую статью, чтобы привлечь Сахарова к ответственности за нанесение оскорбления.

Пройдет несколько лет, и прокурорам вновь поручат подобрать статью, по которой выдающегося ученого можно было бы посадить.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ. «МЫ ВАС ПОХОРОНИМ»

Никита Сергеевич Хрущев много и охотно занимался международными делами. Первый секретарь ЦК и члены Президиума ЦК ходили чуть ли не на все приемы в иностранные посольства — даже на самые рядовые, куда обыкновенно и министр иностранных дел не заглядывает. Еще недавно советские вожди были недоступны для иностранцев, и вдруг зарубежные дипломаты получили возможность запросто беседовать с кремлевскими небожителями. Члены Президиума ЦК — все одинаково невысокого роста, все очень полные — кроме А. И. Микояна, в одинаковых костюмах появлялись среди дипломатов и не отказывались выпить рюмку-другую.

Хрущев, нарушая мировую практику, во время коктейлей произносил тосты. На одном таком приеме после долгих рассуждений о соревновании капитализма и социализма разгоряченный Никита Сергеевич резюмировал страстную речь резкой фразой:

— Придет время, и мы вас похороним!

Его слова прогремели на весь мир. Восприняли их как призыв к конфронтации. Хотя Хрущев имел в виду историческую неизбежность победы коммунизма во всем мире. Но фраза прозвучала угрожающе, поскольку подкреплялась быстрым наращиванием военной мощи Советского Союза.

Хрущев часто ездил за границу, и надолго. С серьезными дипломатическими поручениями Никита Сергеевич посылал за границу то своего выдвиженца Фрола Козлова, которого забрал в Москву с поста первого секретаря Ленинградского обкома, то Анастаса Микояна, то зятя — главного редактора «Известий» Алексея Аджубея. Хрущев исходил из того, что не боги горшки обжигают и любой справится с дипломатической миссией. Не учитывал, что хитрые и опытные советские чиновники, приезжая на Запад, имели дело с очень достойными партнерами, такими же мастерами демагогии, только более свободными в своих действиях.

Никита Сергеевич мечтал быть принятым в клуб лидеров великих держав. Ему хотелось, чтобы его уважали не только как главу Советского Союза, но и как деятеля мирового масштаба. Для этого в первую очередь следовало установить контакты с Соединенными Штатами. Но Никита

Сергеевич не знал, как подступиться к этой задаче. Казалось, что отношения между двумя странами безнадежно испорчены.

В мае 1957 года он дал интервью американской газете «Нью-Йорк таймс»: «Если говорить о международной напряженности, то дело, очевидно, сводится в конечном счете к отношениям между двумя странами — между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки... Мы считаем, что если Советский Союз сможет договориться с Соединенными Штатами, то тогда нетрудно будет договориться и с Англией, Францией и другими странами».

Против этого тезиса возражал В. М. Молотов, который считал неправильным преувеличивать роль Вашингтона. Но Хрущеву меньшие по масштабам и мощи державы не казались достойными партнерами.

Правда, он сам не очень верил, что договориться с американцами будет легко:

— Если бы, допустим, встретились наш министр Громыко и ваш секретарь Даллес, то они за сто лет ни до чего не договорились бы, и, может быть, только внуки дождались бы каких-либо результатов от этих переговоров.

Министра иностранных дел он считал просто чиновником и самостоятельной роли для него не видел. А. А. Громыко был поставлен в весьма невыгодное положение. Его низвели до роли эксперта — приглашали, когда нужна была формулировка, совет, справка. Первую скрипку в выработке политики играл сам Хрущев. Министру оставалась рутинная работа, мало интересная для профессионала.

Однажды Громыко пришел к Никите Сергеевичу — докладывать свои соображения. Надел очки и стал читать подготовленную лучшими аналитиками министерства записку. Хрущев нетерпеливо прервал министра:

— погоди, ты вот послушай, что я сейчас скажу. Если совпадет с тем, что у тебя написано, хорошо. Не совпадет — выбрось свою записку в корзину.

И выбросил Громыко в корзину все, что долго готовил со своим аппаратом, и покорно слушал первого секретаря ЦК. Он принял это как должное, потому что понимал: если хочешь сделать карьеру, на начальство не обижайся.

Хрущев делал упор на личные контакты с руководителями других государств. Часто повторял:

— Лучше всего по всем спорным вопросам могут договориться именно руководители государств. А уж если они не договорятся, то как

можно ожидать, что проблемы разрешат люди менее высокого ранга?

Проблемы с Мао Цзэдуном

В конце сентября 1954 года Никита Сергеевич полетел в Китай. Представительную советскую делегацию восхитили пышные празднества по случаю пятилетия Китайской Народной Республики в Пекине на площади Тяньаньмэнь. Хрущев поучал хозяйку Москвы Е. А. Фурцеву:

— Вот, Екатерина Алексеевна, учись у китайцев, как нужно оформлять и проводить демонстрации. У нас все это официально и сухо проводится. А тут тебе и пение, и танцы, и физкультурные упражнения.

Вернувшись в Москву, Фурцева постаралась учесть пожелания первого секретаря ЦК. Празднование майских и октябрьских годовщин на Красной площади приобрело более театральный характер.

Перед отъездом председатель КГБ И. А. Серов представил Хрущеву справку, составленную по материалам своих сотрудников, работавших в Пекине. С октября 1949 по 1954 год руководители Китая уничтожили 710 тысяч человек, арестовали за «контрреволюционную деятельность» два миллиона. Хрущев по этому поводу высказываться не стал. Ему важно было установить личные отношения с Мао Цзэдуном, который пока что демонстрировал полную солидарность с Москвой. Мао еще очень нуждался в масштабной советской помощи. За советские промышленные поставки Китай расплачивался продовольствием, которого не хватало самой стране. В инструкции Министерству внешней торговли КНР летом 1954 года откровенно говорилось: «Ради экспорта следует сократить внутренний рынок таких продуктов, как мясо. Другие продукты, такие как фрукты и чай, следует экспортировать в как можно большем количестве и потреблять на внутреннем рынке только в том случае, если что-нибудь остается...»

Глава правительства КНР Чжоу Эньлай обещал друзьям увеличить поставки продовольствия:

— Если наш народ и голодает, то не в городах, а в сельской местности.

За этим стояло: никто не узнает о голоде. Да и крестьян — как мелкобуржуазный элемент — не жалко.

До приезда советской делегации Мао Цзэдун лишил высоких должностей члена Политбюро и руководителя Северо-Восточного Китая (то есть Маньчжурии) Гао Гана — тот был слишком откровенен с советскими товарищами, а Мао не хотел, чтобы в Москве знали, как делаются дела в высшем руководстве страны. Гао Гана обвинили в

создании «антипартийного блока». Он пытался покончить с собой. Первая попытка не удалась, его заставили каяться за «вредительский акт против партии» и посадили под домашний арест.

«Членам партии не позволялось прибегать к самоубийству, — вспоминал Ли Джисуй, личный врач Мао Цзэдуна. — Оно рассматривалось как предательство партии. Члены семей самоубийц носили ярлык “жена предателя” или “сын предателя” и влачили жалкое существование».

Гао Ган собрал снотворное и принял смертельную дозу .

Мао присматривался к Хрущеву. Проверял на прочность. Готовность к компромиссу, умение учитывать интересы партнера он считал признаком слабости. Зашел разговор о судьбе Монголии, которую в Пекине не признавали самостоятельным государством, считали, что эта территория должна быть частью Китая. Личный переводчик Мао вспоминал, как во время концерта оказался рядом с главой советского правительства Н. А. Булганиным. Выступали монгольские артисты. Булганин, обращаясь к переводчику, пробормотал, что когда летел в самолете над Монголией, то увидел : сплошная пустыня, ничего там нет, экономику монголам развивать очень трудно и лучше уж вернуть их Китаю. Никита Сергеевич недовольно заметил, что этого говорить не нужно.

Второй человек в КНР Лю Шаоци заинтересовался разговором и, в свою очередь, поинтересовался у переводчика:

— О чем это они?

Переводчик пересказал слова Булганина. Лю Шаоци доложил Мао Цзэдуну.

Во время переговоров Мао заметил Хрущеву:

— Слышал, что вы хотите вернуть Монголию Китаю. Мы это приветствуем. Просим вас поговорить об этом с монгольскими товарищами.

Хрущев немедленно ответил:

— Нет, не было ничего такого. Мы это с Монголией не обсуждали.

Повернувшись, он с гневом сказал Булганину:

— Все из-за того, что ты много болтаешь!

В 1955 году, 10 мая, в Варшаве собрались делегации Польши, Венгрии, Чехословакии, Болгарии, Румынии, Албании и ГДР. Договорились о создании военного союза социалистических государств в противовес НАТО. В качестве наблюдателя присутствовал китайский маршал Пэн Дэхуэй. В перерыве Булганин поинтересовался у маршала, сколько дивизий сможет выставить Китай.

Китайский маршал коротко ответил:

— Сто дивизий.

Цифра впечатляла. 14 мая 1955 года был подписан Варшавский договор. С учетом возможностей Китая военный потенциал социалистического блока казался особенно внушительным. Но Китай-то Варшавский договор не подписал! Пекин не подчиняет свои национальные интересы каким-то коалициям. Великому государству не пристало быть младшим партнером.

К 40-летию Октября осенью 1957 года в Москве провели Международное совещание коммунистических и рабочих партий. Приехала большая китайская делегация — Мао Цзэдун, председатель КНР Лю Шаоци, глава правительства Чжоу Эньлай, его заместитель Дэн Сяопин, руководитель ведомства госбезопасности Кан Шэн. Встреча в Москве проходила сразу после того, как в СССР запустили спутник. Казалось, это победа коммунистического строя.

Мао уверенно говорил о том, что незачем бояться атомной бомбы или ракетного оружия. Социалистические страны все равно победят западный капитализм.

— Давайте прикинем, сколько людей может погибнуть, если разразится война, — рассуждал с трибуны Мао. — Погибнуть может одна треть или даже чуть больше, может, половина. Я бы сказал, даже принимая худший вариант: пусть половина погибнет, а половина останется в живых, но империализм будет стерт с лица земли и весь мир станет социалистическим.

От этих слов Мао содрогнулись даже его закаленные товарищи по мировому коммунистическому движению.

На встрече в Кремле вождь итальянских коммунистов Пальмиро Тольятти растерянно спросил китайского вождя:

— Что же останется от Италии после такой войны?

Мао холодно ответил:

— А кто сказал, что Италия должна выжить? Триста миллионов китайцев останется, и этого достаточно, чтобы человеческая раса продолжила свое существование.

Вообще говоря, Мао следовал марксистским канонам. В Москве тоже ведь шли споры на сей счет. За несколько лет до этого разговора, 12 марта 1954 года, выступая перед избирателями накануне выборов в

Верховный совет, глава правительства Г. М. Маленков сказал: новая мировая война «при современных средствах ее ведения означает гибель цивилизации». То есть отказался от представлений о неизбежности войны и о том, что она поможет уничтожению мирового империализма. Но его

слова товарищи по партии возмущенно отвергли.

Хрущев говорил об использовании ядерного оружия как о чем-то вполне реальном. Главный редактор «Известий» Алексей Аджубей вспоминал, как Хрущев принимал редакторов западногерманских газет. Один из них спросил: сколько ракет нужно для полного уничтожения ФРГ?

Хрущев тут же позвонил в Генштаб. Выслушал ответ, положил трубку и сказал:

— Всего семь штук.

Нечто подобное прозвучало из его уст, когда он принимал британского министра по вопросам науки и техники Квентина Хогга виконта Хэйлшема. В записи беседы говорится: «Никита Сергеевич спрашивает Хэйлшема, где он живет, и говорит, что даст указание командующему ракетными войсками в случае войны не посылать в этот район ракету с боевым зарядом. Хэйлшем говорит, что если начнется новая война, то он предпочитает умереть. Никита Сергеевич соглашается с министром: выжить ему не удастся».

Так что Мао откровенно формулировал то, что было основой и советской военной доктрины: в ядерной войне можно и нужно победить.

Тогда еще Хрущев и Мао беседовали вполне дружески. Китайский лидер крайне удивился, когда советские товарищи сами предложили убрать из всех документов положение о том, что КПСС — ведущая сила мирового коммунистического движения.

— Если вы не хотите быть лидером, — сказал Мао, — то мы возьмем на себя эту роль.

Он пришел к выводу, что новые советские руководители слабоваты.

А что разрушило дружеские и союзнические отношения Москвы и Пекина? Принято считать, что виной тому не-обузданный характер Хрущева.

Экономист С. М. Меньшиков (сын министра внешней торговли и будущий работник ЦК КПСС) внимательно наблюдал за Хрущевым во время поездки весной 1960 года в Индонезию: «Я, надо сказать, проникся к нему искренним уважением, настолько умело, кратко и немногословно он реагировал на возникавшие ситуации. Это был совсем не тот Никита, которого мы привыкли видеть по телевидению, с его не всегда грамотной, полной аффектации речью, грубоватой игрой на публику. Передо мной был сдержанный, опытный, даже мудрый политик. Почему он старался казаться другим, играть роль, от которой временами сильно проигрывал?»

Не эмоции Хрущева погубили казавшееся монолитным единство с Пекином, хотя более осторожный, дипломатичный и гибкий человек на его

месте сумел бы удержаться от крайностей. Но причины разрыва носили более глубинный характер.

На XX съезде КПСС Хрущев 25 февраля 1956 года произнес свою знаменитую речь о культе личности. Китайскую делегацию на XX съезде возглавлял член Политбюро и секретарь ЦК КПК маршал Чжу Дэ. Будущий полководец в юности пристрастился к опиуму, но сумел избавиться от наркотической зависимости, отмечал дипломат и историк Юрий Михайлович Галенович. Солдаты Гоминьдана, захватив жену Чжу Дэ, казнили ее, а голову выставили на площади на столбе. В конце 1920-х годов, когда Мао Цзэдун был не очень популярен в партии, его сместили с должности и всю власть передали Чжу Дэ. Мао этого не забыл...

Прочитав доклад, Чжу Дэ хотел сразу же поддержать Хрущева. Но осторожный Дэн Сяопин, входивший в делегацию, настаивал на том, что сначала следует посоветоваться с Мао. А Мао в принципе возражал против разговора о преступлениях Сталина. Он говорил Хрущеву:

— Критика ошибок Сталина правильна. Мы не согласны только с отсутствием четкой границы критики. Мы считаем, что у Сталина из десяти пальцев было три гнилых. В его жизни главное — заслуги.

Чем определялась позиция Мао?

Во-первых, признание преступных деяний Сталина подрывало концепцию непогрешимости вождя. И это пугало Мао больше всего.

Во-вторых, это вообще рождало сомнения в идеальности марксистских догм. Никаких сомнений и никакой критики допустить нельзя!

Мао выступал и против разрядки напряженности, улучшения отношений с Западом, считал, что противостояние с империалистическим миром сплачивает китайский народ. Члены Президиума ЦК КПСС воспринимали разрядку просто как хитрый шаг в противостоянии с Западом. А Мао не желал никакой маскировки и требовал проводить жесткую линию «революционной борьбы с империализмом».

Он вынужденно держался на вторых ролях, пока был жив Сталин, которого боялся, и пока остро нуждался в советской помощи. Смерть Сталина избавила Мао от страха перед Москвой. Властитель Китая не может быть не только чьим-то младшим братом, но даже союзником. С какой стати ему быть с кем-то на равных? Китай слишком велик. Так что столкновение правителей Москвы и Пекина было неизбежным.

В разговорах с Мао Никита Сергеевич — это заметно по записям бесед — часто ощущал себя не в своей тарелке. Он в конце концов всего лишь один из партийных работников, который со временем занял высшие позиции в партии и правительстве. А Мао — вождь революции, который

сам вздыбил огромную страну .

Когда в Китае начались безумные экономические эксперименты, Хрущев не знал, как на них реагировать. Потом забеспокоился, потому что некоторые социалистические страны принялись хвалить и копировать опыт китайских товарищей, казавшийся Москве безумным. Никита Сергеевич возмутился, когда один из руководителей Болгарии, Вылко Червенков, съездив в Китай, высоко оценил политику «большого скачка». Партийный аппарат получил задание сплотить все соцстраны против Китая. Удалось уговорить всех, кроме Албании.

Когда отношения с Китаем разладились, в Пекин отправилась албанская делегация. На обратном пути, в Москве, к секретарю ЦК КПСС по социалистическим странам Юрию Владимировичу Андропову подружески зашла член Политбюро Албанской партии труда Лири Белишова и рассказала, что китайцы вели с ними антисоветские разговоры.

В тот момент председатель Совета министров Албании Мехмет Шеху лежал в Москве в больнице. Андропов поехал к нему и поделился информацией, полученной от Белишовой. Это была ошибка. Юрий Владимирович плохо представлял настроения в руководстве страны. Мехмет Шеху встал с больничной койки и уехал на родину. Там вместе с главой партии Энвером Ходжей они начали охоту на тех, кто продолжал открыто придерживаться промосковской линии. Лири Белишову, которая была так откровенна с Андроповым, вывели из Политбюро, исключили из партии и арестовали.

Хрущев не желал рвать с Энвером Ходжей. Албания занимала стратегически важное положение на Средиземном море. Единственная из всех стран она получала из Москвы все даром. Албанская армия состояла на содержании Советского Союза. Не только оружие, но и обмундирование и питание — все оплачивалось из советского бюджета. В обмен Ходжа разрешил разместить в албанских портах 12 советских подлодок. Это была первая возможность для советских моряков противостоять американскому флоту в Средиземном море.

В 1959 году Хрущев с делегацией ездил в Албанию. Первого секретаря ЦК сопровождали министр обороны маршал Р. Я. Малиновский, член Президиума ЦК Н. Мухитдинов и множество помощников. В группу журналистов, которые освещали визит, включили и молодого радиожурналиста Евгения Максимовича Примакова. Поездка за границу, да еще в свите Хрущева, была большой честью.

«Мы хотели, — говорил Никита Сергеевич, — помочь перестроить албанское хозяйство на современном уровне, сделать из Албании как бы

жемчужину, которая притягивала бы к ней мусульманский мир, особенно Ближний Восток и Африку, притягивала бы к коммунизму. Вот, собственно, каковы были наши намерения и какую политику мы там проводили».

Уладить разногласия с Энвером Ходжей не удалось. «У него резкий характер, — вспоминал Никита Сергеевич, — и когда он говорит о том, что ему не нравится, у него лицо просто передергивается и он чуть ли не скрежещет зубами».

На Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве в ноябре 1960 года Энвер Ходжа произнес уже откровенно антисоветскую речь. Руководитель Компартии Испании Долорес Ибаррури ответила ему очень резко:

— Это выступление напоминает мне пса, который кусает руку человека, кормящего его хлебом.

Постепенно от дружбы Советского Союза с Китаем ничего не осталось. Мао держался с Хрущевым наставительно, как старший, поучал его. А вскоре обвинил Никиту Сергеевича в ревизионизме и стал отзываться о Советском Союзе с нескрываемым презрением. Как говорил сам Мао, «вернул горькие фрукты, которые его заставил проглотить Сталин».

Открыто Мао Цзэдун выступил против Советского Союза на заседании Всемирной конфедерации профсоюзов в Пекине в июне 1960 года.

Хрущев приказал отозвать всех военных советников и прекратить помощь в создании промышленных объектов. А заодно распорядился вызвать домой и всех советских студентов, над ними в Китае издевались, не давали нормально заниматься. Соответственно, попросили вернуться на родину китайских студентов, которые распространяли в Советском Союзе маоистскую литературу. На конечной железнодорожной станции китайские студенты устроили демонстрацию.

«Даже неприлично говорить о том, что они проделывали, — вспоминал Никита Сергеевич, — снимали штаны и гадили на перроне и в вокзале. Не знаю даже, как назвать такую демонстрацию. Это просто свинство!»

Немецкий вопрос

В октябре 1954 года в Париже министры иностранных дел западных держав подписали соглашение, которое разрешало ФРГ создавать собственные вооруженные силы. Западная Германия получила из рук союзников право определять свою внешнюю политику.

— Федеральное правительство, — провозгласил первый канцлер ФРГ Конрад Аденауэр в Бундестаге, — с уверенностью заявляет: мы — свободное и независимое государство.

Пятого мая 1955 года ФРГ обрела полный суверенитет. Союзники только оставили за собой право управлять Западным Берлином и держать на территории ФРГ войска.

Канцлер Аденауэр ратовал за вступление в НАТО. Почему?

Он объяснил французскому президенту Шарлю де Голлю:

— Хрущев действительно уверен, что капитализм изжил себя и что коммунизм покорит весь мир. Он фанатичный коммунист и одновременно фанатичный русский, одержимый всей той жаждой империалистической экспансии, которая определяла политику России в царское время. Но Хрущев не начнет войну, пока он убежден, что свободные народы достаточно сильны, чтобы в ходе такой войны уничтожить Советский Союз или, во всяком случае, нанести самый тяжелый ущерб. Я глубоко убежден в том, что оборона от Советского Союза на национальной основе больше невозможна, как и оборона одних европейских стран без Соединенных Штатов. Мы не смогли бы даже найти финансовых средств, чтобы догнать Советский Союз в ядерном вооружении...

Советский Союз объявил об окончании состояния войны с Германией 25 января 1955 года. 7 июня советское посольство в Париже передало западногерманскому посольству приглашение канцлеру Аденауэру приехать в Москву «для обсуждения вопроса об установлении дипломатических и торговых отношений между Советским Союзом и Германской Федеративной Республикой».

Делегация Западной Германии прибыла в Москву 8 сентября — через десять лет после окончания войны. На двух самолетах прилетели полторы сотни немецких чиновников. Технический персонал со средствами связи и запасом еды доставили на поезде.

Аденауэра в Москве часто обвиняли в реваншизме. Канцлер, пристально глядя на министра иностранных дел В. М. Молотова, сказал,

что он по крайней мере — в отличие от некоторых — не пожимал руку Гитлеру. Переговоры вели глава советского правительства Н. А. Булганин и первый секретарь ЦК Хрущев.

«В противоположность Булганину с его клиновидной бородкой, седыми, причесанными на пробор волосами и добродушным выражением лица, — вспоминал Аденауэр, — Хрущев вовсе не изображал из себя доброго дядюшку .

Булганин и Хрущев пытались продемонстрировать мне, что их мнения и цели абсолютно совпадают. Булганин сказал мне, что Хрущев и он едины, что они уже тридцать лет работают в тесном контакте и доверяют друг другу беспредельно. Он призвал Хрущева в свидетели, и Хрущев подтвердил.

У меня сложилось впечатление, что они оба тщательно следят за тем, чтобы всегда высказывать одно мнение. Была ли это действительно дружба до гроба, никто из нас сказать не мог».

Советские руководители не сочли за труд выяснить привычки немецкого канцлера, и в первый же день Булганин предложил ему закурить. Некурящий Аденауэр отказался и едко заметил:

— У вас есть преимущество, господин Булганин. В отличие от меня вы можете пускать дым в глаза.

Переговоры шли трудно. Аденауэр требовал сначала отпустить военнопленных, а потом уже договариваться обо всем остальном. Он утверждал, что в советских лагерях все еще держат сто с лишним тысяч немцев. Булганин уверял, что военнопленных давно отпустили, а остались около десяти тысяч военных преступников, которые отбывают наказание в соответствии с приговорами, вынесенными судом.

Во время переговоров Хрущев взорвался:

— Я прежде увижу вас в аду, чем соглашусь с вами по этому вопросу!

Аденауэр реагировал немедленно:

— Если вы увидите меня в аду, то лишь потому, что первым туда попадете.

Переговоры едва не сорвались.

Хрущев, вспоминал участвовавший в переговорах дипломат Ростислав Сергеев, прервал Булганина:

— Николай, дай я скажу.

И сказал:

— Если наши уважаемые партнеры не подготовлены сейчас вести переговоры и достигнуть соглашения по вопросу установления дипломатических, торговых, а также культурных отношений, если они

хотят подождать, я считаю, что можно подождать. Нам не дует.

Никита Сергеевич привстал и выразительно похлопал себя по нижней части спины. Возникла немая сцена. Жест перевода не требовал. В официальный текст вместо слов «Нам не дует» было записано: «Нам ветер в лицо не дует».

Конрад Аденауэр собрался уезжать. Но формула договоренности все же нашлась. Решили за это выпить.

«Я заметил, что мне наливают один официант, а Булганину — другой, — рассказывал Аденауэр. — Когда же официант Булганина взял и бокал Хрущева, я его остановил, взял у него бутылку и сказал: “А ну-ка, покажите мне ее!” Бокалы были зеленого цвета, бутылки тоже зеленые, и нельзя было разглядеть, что они содержат. Я исследовал содержимое и обнаружил, что в бутылке вода.

— Уважаемые господа! — воскликнул я. — Это нечестная игра! Вы пьете воду, а мне даете вино. Либо мы все трое пьем воду, либо все пьем вино.

Мы тогда много пили, не опасаясь последствий. Отправляясь на встречу с русскими, каждый член делегации глотал оливковое масло из консервных банок с сардинами».

Вечером 10 сентября немецкую делегацию повезли в Большой театр на балет «Ромео и Джульетта». Во время антракта пригласили к столу в Бетховенском зале. Аденауэр предложил поздравить статс-секретаря ведомства федерального канцлера Ганса Глобке с днем рождения. Хрущев присоединился к поздравлениям. Никиту Сергеевича не предупредили, что Глобке — военный преступник, в Третьем рейхе он участвовал в разработке расового законодательства. Со временем это станет известным, и тогда советская пропаганда будет обвинять Аденауэра, что он собрал вокруг себя бывших нацистов.

Когда по ходу спектакля Монтеки и Капулетти молились вместе, Конрад Аденауэр встал и протянул обе руки Н. А. Булганину. Они пожали друг другу руки. В зале раздались аплодисменты.

Советский Союз и Западная Германия установили дипломатические и торговые отношения. Зная, что в Восточном Берлине обеспокоены этими переговорами, Москва подробно информировала членов Политбюро ЦК СЕПГ о разговорах с западными немцами. Руководитель социалистической ГДР Вальтер Ульбрихт не одобрял установление дипломатических отношений с Западной Германией.

Немецкие пленные вернулись домой. Выглядели они неважно. Прямо на вокзале от имени правительства ФРГ им раздавали новую одежду и

часы. Встречать пленных приехал канцлер.

— Мы не успокоимся, пока последний заключенный не вернется на родину! — обещал Конрад Аденауэр. — И еще раз: добро пожаловать на немецкую родину!

Западногерманская кинохроника показывала, как президент ФРГ вручает Большой крест за заслуги врачу, попавшему в плен под Сталинградом.

«Доктор Отмар Коллар, — говорил диктор, — был выпущен на свободу еще в 1949 году, но по своей воле остался в Советском Союзе, чтобы самоотверженно помогать своим товарищам и заботиться о них».

Отношения между Бонном и Москвой оставались крайне неприязненными.

Двадцать седьмого августа 1959 года Аденауэр ответил Хрущеву на довольно жесткое письмо:

«Вы пишете, что в немецком народе господствует реваншизм, что даже в моем правительстве есть реваншисты, Вы заходите так далеко, господин премьер-министр, что намекаете на то, что и я, возможно, также реваншист.

Нет, господин премьер-министр, здесь Вы глубоко заблуждаетесь, и здесь я не узнаю Вашего реализма и способности видеть то, что есть на самом деле, качеств, которыми Вы обычно обладаете в высшей степени.

Я не реваншист и никогда им не был. В моем правительстве нет ни одного реваншиста, и я бы никогда не потерпел министра, являющегося реваншистом. Что касается немецкого народа... Может быть, и найдется кто-то, кто мечтает о Гитлере и реванше. Но это очень немногие люди, которые не обладают никакой властью».

Первым послом в ФРГ в январе 1956 года отправили заместителя иностранных дел Валериана Александровича Зорина. Через полгода он попросился в Москву. Ему пошли навстречу и отозвали. Вместо него осенью 1956 года в Бонн назначили А. А. Смирнова, прежде посла в Австрии. Андрею Андреевичу принадлежит знаменитая фраза:

— В чем разница между двумя столицами? Штраус в Вене — это вальс, Штраус в Бонне означает марш.

Советский посол имел в виду известного баварского политика Франца Йозефа Штрауса, придерживавшегося правоконсервативных взглядов и назначенного министром обороны ФРГ. Обладатель бочкообразной фигуры и прически ежиком, он был любимым персонажем карикатуристов — и советских, и немецких.

Канцлер Аденауэр не без юмора описывал, как к нему явился советский посол, чтобы передать очередную порцию недовольства в связи с

милитаризацией Западной Германии. Смирнов заговорил о том, что Москва обеспокоена разговорами западногерманских генералов о продолжении традиций немецкой армии. Аденауэр ответил, что ему такие высказывания немецких генералов не известны. Но он, напротив, помнит свой визит в Москву и выстроенный при встрече почетный караул.

— Выправка советских солдат и их подчеркнута чеканный строевой шаг, по-моему, были вполне в духе прусской и царской традиций, — ехидно заметил канцлер. — Вот такого рода традиции как раз и не культивируются в Бундесвере.

«Советские руководители, с которыми я встречался, — вспоминал Конрад Аденауэр, — твердо верили, что капитализм обречен на гибель и что русский коммунизм добьется мирового господства.

Хрущев снова и снова пытался разъяснить мне все это.

— Вы обречены на гибель, — пытался он внушить мне, — а мы завоюем мир!

Кажется, он говорил это вполне серьезно».

Помириться с шахом

Шахский Иран — в силу понятных исторических причин — не принадлежал к числу государств, которые считались дружескими или находились в фокусе внимания советской внешней политики.

Никита Сергеевич Хрущев однажды на Пленуме ЦК КПСС расчетливо поведал высшим партийным чиновникам историю о том, как в декабре 1955 года председателю Президиума Верховного совета СССР маршалу Советского Союза К. Е. Ворошилову вручал верительные грамоты новый иранский посол. Климент Ефремович (его должность приравнивалась к президентской), как положено по дипломатическому протоколу, имел с послом беседу, о чем дипломат немедленно доложил шифротелеграммой в Тегеран.

— О том, что писал иранский посол своему правительству, — откровенно рассказывал Хрущев на Пленуме ЦК, — нам стало вскоре известно. Мы путем расшифровки перехватили и прочли документ. Эта аппаратура находится у товарища Серова.

Последние две фразы из стенограммы Пленума ЦК потом вычеркнули. Не пристало руководителю страны признаваться в том, что председатель КГБ генерал армии И. А. Серов занимается перехватом иностранной дипломатической почты.

— В беседе с послом, — продолжал Никита Сергеевич, — Ворошилов говорил и о шахе. У нас, мол, тоже были цари, был у нас Николай, которого народ прогнал, и теперь мы без них обходимся.

По существу я с Климентом Ефремовичем согласен. Но говорить это иранскому послу — это никуда не годится. Мы обсуждали этот случай на Президиуме ЦК и сказали товарищу Ворошилову, что так вести себя нельзя.

Ворошилов стал оправдываться:

— Товарищи, насчет шаха. Я такой глупости сказать не мог, потому что это не в моей натуре. Я, не хвастаясь, могу сказать, что в отношении деликатности и умения вести себя среди этой братии [смех в зале] я вполне владею. И в далекие революционные годы мне приходилось прятать оружие, которое я вывозил из Финляндии в Петербург, а оттуда в Донбасс. Я имел дело с такими людьми, как архитекторы (я у них прятал оружие), профессора Технологического института. Я умел с людьми быть деликатным... И как мог я теперь что-то говорить недопустимое?

Кто-то из членов ЦК сочувственно предположил:

— Может, переводчик перевел неправильно?

Хрущев не позволил Ворошилову спастись и проявил редкую осведомленность (из чего следует, что рассказанная им история с послом была не импровизацией, а домашней заготовкой первого секретаря ЦК):

— Не думаю. Посол окончил в Петербурге университет и прекрасно разговаривает по-русски.

Правоту первого секретаря ЦК подтвердил и Николай Михайлович Пегов. Старый партийный аппаратчик, он при Ворошилове состоял секретарем Президиума Верховного совета СССР, а потом уехал послом как раз в Иран.

— Я присутствовал на этом приеме иранского посла, — доложил Пленуму ЦК Пегов. — Климент Ефремович, очевидно, забыл. Он, правда, сказал об этом в шутку, но такой разговор с послом, Климент Ефремович, был. Он что-то пошутил насчет Николая II, что-де, мол, был у нас царь, а теперь его нет и живем мы не хуже, а лучше, а потом перешел к шаху. Конечно, тот понял, о чем идет речь.

В зале засмеялись, и председательствовавший на Пленуме секретарь ЦК Михаил Андреевич Суслов объявил перерыв. Члены ЦК вышли из зала, посмеиваясь над незадачливым и, видимо, уже впадающим в маразм Ворошиловым. Атака на маршала имела прагматический характер: Хрущев задумал избавиться от престарелого и уже бесполезного соратника. Но сам факт беседы, непозволительной в дипломатических отношениях, характерен. Ворошилова толком и не проинструктировали, что он должен сказать послу, прибывшему из страны, где придают особое значение словам, деталям и оттенкам.

В июне 1956 года в Москву с официальным визитом прибыл шахиншах Ирана Мохаммад Реза Пехлеви с шахиней Сорайей. Цель визита была прозаична — подвести черту под не самым приятными событиями в советско-иранских отношениях. Но Хрущев и министр иностранных дел СССР Д. Т. Шепилов все-таки предъявили иранцам претензии: зачем присоединились к Багдадскому пакту (ныне благополучно забытому)? В апреле 1954 года Турция подписала соглашение о взаимопомощи с Пакистаном. 24 февраля следующего года такой же договор с Ираком стал основой регионального военного союза. К Багдадскому пакту присоединились Англия, Пакистан и Иран. Так появилась Организация центрального договора (СЕНТО). В Москве ее образование восприняли болезненно.

Шах, как он пишет в своих воспоминаниях, ответил достаточно резко:

«Я напомнил гостеприимным хозяевам о том, что русские на протяжении нескольких веков беспрестанно пытались продвинуться через Иран к югу. В 1907 году они вступили в Иран. Во время Первой мировой войны они вновь попытались захватить нашу страну. В 1946 году создали марионеточное правительство, чтобы отторгнуть от Ирана богатейшую провинцию — Азербайджан^[23]».

Хрущев и Шепилов отвечали, что они не несут ответственности за то, что делалось до них. Никита Сергеевич многозначительно заметил, что какая-нибудь великая держава может заставить Иран предоставить свою территорию для враждебных акций против Советского Союза.

— Мы никогда не позволим, чтобы наша страна была использована для агрессии против Советского Союза, — возразил шах. — Я даю вам слово солдата, что пока я являюсь шахом Ирана, моя страна ни при каких обстоятельствах не согласится с агрессивными планами против России и не будет их поддерживать.

И это не были пустые слова. Пограничные споры между двумя странами урегулировали. Договорились о совместном использовании для орошения пограничных рек Аракс и Атрек, о транзите через Советский Союз товаров, которые Иран покупал и продавал в Европе.

Дипломат Алексей Леонидович Воронин, долгие годы проработавший в составе советского посольства в Тегеране, вспоминал, как на приеме в Кремле Хрущев произнес необычный тост:

— Нам не нужна иранская нефть, у нас своей нефти достаточно. Кому нужна нефть, пусть покупают ее у Ирана. Что касается вопроса о судьбе Иранского Азербайджана, то никакое вмешательство здесь недопустимо. Это иранская земля, она принадлежит этому государству, его составная часть.

В ответном слове шах отметил, что Хрущев вытащил последние занозы из иранского организма и открывается новая эра во взаимоотношениях двух государств.

В честь шахиншаха и его супруги устроили пышный прием.

«Был момент, — записал в дневнике Владимир Семенович Семенов, на тот момент занимавший пост заместителя министра иностранных дел СССР, — когда шах уселся за главный стол, наши заняли боковые столики, а шахиня осталась одна с Фирюбиным^[24], пока наши протоколисты не сообразили пригласить императрицу за отдельный женский стол. Вышло вроде хорошо, получилось интимней. Потом Фурцева (секретарь ЦК КПСС), Зыкина (певица) и другие устроили пение песен, пляску. Все

собрались вокруг...»

В 1962 году шах обещал Хрущеву, что не разместит на своей территории американские ракеты наземного базирования. Это привело к расширению торговли с Ираном и даже к поставкам ему советского оружия. Иран продавал СССР природный газ. Но на территории Ирана находилась аппаратура слежения за Советским Союзом. Иран был гигантским ухом США на южном фланге СССР.

На крейсере в Лондон

Советские руководители желали в первую очередь установить отношения с англичанами. Хрущев и Н. А. Булганин приняли приглашение посетить Великобританию. 18 апреля 1956 года они приплыли в Портсмут на новом крейсере проекта 68-бис «Орджоникидзе».

За десять дней до приезда высоких советских гостей сотрудник британской разведки информировал куратора спецслужб в Министерстве иностранных дел о намерении провести шесть разных операций. Прежде всего — удовлетворить запрос адмиралтейства и отправить в Портсмут ныряльщика, чтобы он тайно осмотрел крейсер «Орджоникидзе». Британские моряки хотели осмотреть винт, потому что скорость крейсера оказалась выше, чем предполагали в военно-морской разведке, и, следовательно, предстояло менять параметры торпед.

В принципе это рутинная операция, которую проводят всякий раз, когда в порту появляется иностранный корабль. Но руководители разведки не подумали, как опасно затевать подобные игры с крейсером, на борту которого находятся руководители государства.

Поставить Министерство иностранных дел в известность о намеченной операции должен был сотрудник разведки МИ-6 Джон Брюс Локкарт, племянник того знаменитого Локкарта, которого после революции обвиняли в заговоре против советского правительства. Джон Брюс Локкарт доложил планы разведки чиновнику МИДа Майклу Уильямсу. В то утро у него умер отец, ему было не до советского крейсера. Без интереса выслушав Локкарта, он вернул ему досье.

Локкарт решил, что планы разведки возражений не вызывают.

Премьер-министр Энтони Иден потом говорил, что он вообще запретил все разведывательные операции на время визита советской делегации. Если он и отдал такой приказ, то в разведке и контрразведке его не получили.

Операцией занималась так называемая лондонская резидентура, которой руководили Николас Эллиот и его заместитель Эндрю Кинг. Они работали против иностранных дипломатов, находившихся в Лондоне. Для исполнения операции Эллиот выбрал командера Лайонела Крэбба.

Крэбб родился в 1909 году в бедной семье. Его отец пропал без вести во время Первой мировой. Он перепробовал разные профессии, пока не стал в 30 лет моряком. Когда началась война, плавал на тральщиках. При

медицинском осмотре выяснилось, что он плохо видит левым глазом, и его списали с флота. Он пошел добровольцем разминировать мины. Его отправили на Гибралтар, где итальянские боевые пловцы крепили магнитные мины к корпусу британских кораблей. Решил сам стать пловцом, хотя он пил, курил, плохо плавал и был физически слабым.

Лайонел Крэбб обезвредил множество мин, чем спас жизни многим британским морякам. Опасная работа. Крэбб проводил под водой по 12 часов в день. Он рассказывал, как однажды убил ножом под водой итальянского пловца, с которым столкнулся. Крэбб был награжден и произведен в командиры (что соответствовало в ВМФ СССР капитану 2-го ранга).

После войны Лайонела Крэбба демобилизовали. Но время от времени привлекали для специальных операций. Он участвовал в обследовании советского крейсера «Свердлов», который 10 июня 1953 года бросил якорь в районе британской военно-морской базы в Портсмуте. Крейсер прибыл по приглашению правительства для участия в военно-морском параде по случаю коронации Елизаветы II.

Когда ждали прихода «Орджоникидзе», услуги командера вновь понадобились. Ему обещали 60 гиней (немного больше 60 фунтов стерлингов). В 46 лет он не мог похвастаться хорошим здоровьем. Но сидел без денег и ухватился за предложение.

За день до прихода крейсера Крэбб и разведчик Бернارد Смит приехали в Портсмут. Они совершили все ошибки, которые только возможно. Вместо того чтобы переночевать в учебном центре разведки, остановились в гостинице, которая существует по сей день и в которой я побывал, когда снимал фильм об этой истории.

Зарегистрировались под собственными именами. Смит в графе «адрес» написал: «Прикомандирован к Министерству иностранных дел». Он себя плохо чувствовал в тот день. Может быть, это повлияло на здравость его суждений. А Лайонел Крэбб вечером позволил себе минимум пять порций двойного виски.

В 7 часов утра 19 апреля они покинули гостиницу. С лодки командер Крэбб ушел под воду. Потом всплыл, чтобы поправить снаряжение, и вновь погрузился. Больше его никто не видел. Когда стало ясно, что ждать бесполезно, сотрудник разведки вернулся на берег, собрал вещи, выписался из гостиницы и исчез.

Вечером того же дня директору контрразведки МИ-5 Дику Уайту доложили, что операция в Портсмуте закончилась плохо. В гостиницу отправили полицейского, который потребовал книгу регистрации

постояльцев и вырвал из нее сразу несколько страничек.

Охраной Н. А. Булганина и Хрущева в поездке занимался начальник 9-го управления КГБ генерал-лейтенант Н. С. Захаров. «Ко мне ночью, — рассказывал он, — прибыл командир нашего крейсера контрадмирал Иванов^[25] и доложил, что с борта нашего эсминца дежурным матросом был обнаружен плавающий под бортом нашего крейсера аквалангист. Руководители нашей делегации уже спали, поэтому мы с адмиралом решили докладывать утром».

Это была, собственно, первая полноценная поездка советских руководителей на Запад. «Договорились, — вспоминал Хрущев, — что прибудем к англичанам на военном корабле, на крейсере. Мы хотели прибыть на крейсере потому, что считали, что мы тогда в портовом городе заимеем как бы свою временную опорную базу».

В Лондоне советских гостей поселили в фешенебельной 5-звездочной гостинице «Клэридж» в Мейфэре на углу Брук-стрит и Дэвис-стрит.

«Все было для нас необыкновенным, — делился впечатлениями Хрущев. — Гостиница “Клэридж” была хорошая, услуги — замечательные. Все это было для нас внове. Ведь мы никогда так близко не общались ранее с иностранцами. К Идену у нас было хорошее отношение, мы считали его прогрессивным среди консерваторов человеком... Своим тактом и мягкостью он располагал собеседника к непринужденной беседе, к доверию».

Перед завтраком генерал Захаров и адмирал Иванов доложили о происшедшем Хрущеву и Булганину. Никита Сергеевич спросил, что это может означать.

«Контрадмирал, — вспоминал Захаров, — высказал соображение, что англичане давно стремятся узнать ходовую часть и конфигурацию днища наших крейсеров, так как знают, что они более быстроходные, чем английские. Я высказал подозрение, что это подготовка диверсии.

У этого шпиона, видимо, отказал акваланг, а вода в гавани Портсмута — сплошная нефть, и, несмотря на то, что этого аквалангиста расписывали как пловца-аса, он, видимо, заплыв на большую глубину, задохнулся».

— Принимайте меры по обеспечению безопасности крейсера, — приказал Хрущев. — Обрато в Москву мы пойдем на крейсере.

Надо отдать должное Никите Сергеевичу, он не испугался: «Мы не придали значения этому случаю, хотя не исключали, что пловцы могут прикрепить к крейсеру магнитные мины, а это может дорого нам обойтись. Поэтому мы подумали о возвращении домой самолетом. Но Ту-104 только еще проходил испытания и был небезопасен, а лететь на Ил-14 после

фурора, который произвел Ту-104, нам казалось неприличным. Я не верил в возможность какой-либо провокации. Взорвать крейсер с главой чужого правительства — это ведь война! Англичане никогда такого не допустят. И мы решили возвращаться домой на крейсере».

Резиденция британского премьер-министра показалась советским гостям жалкой. Руководители рабоче-крестьянского государства исходили из того, что руководители государства не могут не жить роскошно. «Дом на Даунинг-стрит, который занимал Иден, — рассказывал Хрущев, — выглядел непрезентабельно: это особняк из красного кирпича, очень старый, обветшалый и закопченный. Одним словом, не очень-то привлекательное строение».

Советские гости тонко разобрались в британском экономическом механизме. «На завтраке в резиденции премьер-министра, — писал генерал Н. С. Захаров, — несмотря на то, что мы были в апреле, нас угощали свежими яблоками и клубникой из Африки. Эта колониальная держава, эксплуатируя подопечные страны, ввозила за бесценок водным путем все, что росло на земле и находилось в недрах этих стран, пользуясь дешевой рабочей силой...» Мысль о том, что в нормальной экономической системе появление фруктов и овощей в магазинах не зависит от времени года, советским людям еще не приходила в голову.

Выходные гости провели в загородном поместье британского премьер-министра. Кларисса Иден нашла Булганина любезным собеседником, с которым можно разговаривать, а вот с Хрущевым у нее разговор за столом не получился.

«Посольство, — вспоминал Хрущев — информировало нас, что жена Идена — это племянница Черчилля. Она, видимо, унаследовала некоторые его черты в питейных делах, умеет выпить.

Межконтинентальных ракет тогда мы еще вообще не имели, но ракет с радиусом действия 500—1000 километров у нас было достаточное количество. Поэтому Англию мы могли как бы припугнуть, ведь мы ее доставали ракетами. Это, видимо, беспокоило наших собеседников.

Я рассказываю это к тому, что за обедом к нам обратилась с вопросом жена Идена:

— Какие у вас ракеты и далеко они могут летать?

Я ей ответил:

— Да, далеко. Наши ракеты не только могут достать Британские острова, но и полетят дальше.

Она прикусила язык. Это вышло с моей стороны несколько грубовато и могло быть расценено как некая угроза. Во всяком случае, мы-то

преследовали и такую цель. Угрожать особенно не собирались, но хотели показать, что приехали не как просители, а что мы сильная страна.

Мы переночевали в загородном доме Идена в Чеккерсе .

Я плохо сориентировался, наутро поднялся рано, весь дом еще спал, делать мне было нечего, я оделся и решил пойти к Булганину, но спутал расположение комнат и подошел к какой-то двери, думая, что это дверь в его комнату. Постучал. Надо же представить мой страх и удивление, когда в ответ раздался женский голос. Я буквально убежал и только тут понял, что мне надо было пройти немного дальше. Кто мне ответил, я так и не узнал. Думаю, что это был голос жены Идена. Я никому ничего не сказал».

Во время официального приема командир советского крейсера рассказал англичанам, что вахтенные заметили боевого пловца. Командующий базой в Портсмуте ответил, что ему ничего на сей счет не известно, но обещал гостям провести расследование. В Лондоне разгорелся скандал.

Советский Союз заявил протест. Адмиралтейство сообщило, что командер Крэбб исчез, когда проводил испытания новой аппаратуры для глубоководного погружения. Ходили разные слухи: что Крэбб погиб от мощного электромагнитного излучения, что его убили или взяли в плен. Британские газеты предполагали, что русские моряки захватили Крэбба и увезли его в Советский Союз, и после промывания мозгов он служил на советском Черноморском флоте под именем Лев Львович Кораблев...

В 1957 году тело в водолазном костюме всплыло в районе Портсмута. Его обнаружили рыбаки. Не было ни головы, ни рук, поэтому опознать тело и определить причины смерти не представлялось возможным. Судебные медики сочли, что это тело командера Крэбба. Его похоронили на местном кладбище. Документы, относившиеся к этой истории, преданы гласности лишь частично. Все материалы по делу Лайонела Крэбба будут рассекречены только в 2057 году, через сто лет после его смерти.

Хотя руководители военно-морской разведки напомнили премьер-министру Идену, что во время визита англичан в Ленинград советские морские пловцы занимались тем же самым, он разозлился на них, узнав об истории с боевым пловцом. Приезд Хрущева и Булганина в Лондон был крайне важен, потому что свидетельствовал о том, что Англия все еще входит в тройку великих держав.

Новый курс в третьем мире

Второго июня 1956 года «Правда» сообщила, что Президиум Верховного совета СССР удовлетворил просьбу В. М. Молотова об освобождении его от обязанностей министра иностранных дел. Новым руководителем дипломатического ведомства стал Д. Т. Шепилов.

Дмитрий Трофимович положил начало сближению Советского Союза с Арабским Востоком. До него арабские режимы считались националистическими, реакционными и даже фашистскими, что часто было недалеко от истины. Арабские режимы нещадно уничтожали коммунистов, друг друга и собственное население, но теперь Москва старательно закрывала на это глаза.

Летом 1955 года египтяне отмечали третью годовщину свержения короля и революции. В Каир впервые был приглашен представитель СССР. Прилетел Шепилов. 22 июля на митинге выступил египетский лидер Гамаль Абдель Насер. Советский министр сидел перед трибуной, ему переводили речь президента. По завершении официальной церемонии Шепилов потребовал организовать ему встречу с Насером.

У посла таких контактов не было. Советское посольство в Каире вообще еще не знало, как относиться к молодым офицерам, прогнавшим короля Фарука. Взялись это сделать сотрудники военного атташата.

Говорят, что Насер встретил Шепилова словами:

— Брат мой, я так долго ждал этой встречи!

Встречи Шепилова с Насером заложили основы ближневосточной политики Советского Союза — опора на арабские страны против Запада. В благодарность за антиамериканские лозунги и слова любви, адресованные сменявшим друг друга советским вождям, Москва снабжала арабский мир оружием, ссужала деньгами, посылала многочисленных советников и специалистов.

Академик А. Д. Сахаров вспоминал, как ученых-атомщиков пригласили на заседание Президиума ЦК. Ждать пришлось долго — никак не могли закончить предыдущий вопрос.

Наконец им объяснили:

— Шепилов только что вернулся из поездки в Египет. Вопрос чрезвычайно важный. Обсуждается решительное изменение принципов нашей политики на Ближнем Востоке. Отныне мы будем поддерживать арабских националистов. Цель — разрушить сложившиеся отношения

арабов с Европой и Соединенными Штатами, создать «нефтяной кризис» — все это поставит Европу в зависимость от нас.

Хрущев получил возможность лично побеседовать с Насером в Нью-Йорке 24 сентября 1960 года. Никита Сергеевич вел себя свободно и раскованно. Запись беседы свидетельствует:

«Гостям приносят коньяк, и Н. С. Хрущев в шутку замечает, что официант, по-видимому, неопытный человек и не знает, что арабы в обществе не пьют, а пьют лишь наедине, сидя перед зеркалом.

Г. А. Насер, смеясь, говорит, что в таком случае надо, чтобы каждому из присутствующих дали отдельное зеркало.

Н. С. Хрущев в тон ему отвечает, что тут нужно не зеркало, а отдельная комната».

Шепилов был легким на подъем человеком и, в отличие от своего предшественника Молотова, полагал, что министр должен как можно больше ездить по миру и встречаться с иностранными дипломатами. Человек открытый и незакосневший, Дмитрий Трофимович был способен выслушать собеседника, и если тот говорил что-то разумное, то и согласиться с ним.

Министр иностранных дел ФРГ Генрих фон Brentано говорил: «Советскому Союзу удалось совершить глубокий прорыв фронта общественного мнения. Постоянные визиты и контрвизиты принесли Советскому Союзу пропагандистский и психологический успех, который нельзя недооценивать». Западные политики и дипломаты отмечали, что русские предстали в новом свете. С ними легко говорить. Они высказываются откровенно и без обиняков. Производят впечатление людей, уверенных в себе.

Шепилов, ощущая полную поддержку Хрущева, вел себя совершенно самостоятельно. Дипломаты обрели министра, не похожего на своих предшественников. Когда он вылетал в Каир для встречи с Насером, его спросили, кому из помощников сопровождать министра. Он удивился:

— Зачем людей отрывать от дела? Переводчик найдется в посольстве, а портфель я сам могу носить.

Д. Т. Шепилов — единственный советский министр иностранных дел, который ни разу ни на кого не накричал. Он не придирился к своим подчиненным, доверял им и без придирок подписывал бумаги, которые ему приносили.

Дмитрий Трофимович считал, что Советскому Союзу надо подружиться с азиатскими странами, на которые в Москве прежде не обращали внимания. Хрущев его поддержал. Сталин и Молотов только

Америку и Западную Европу считали партнерами, достойными внимания.

При Шепилове в октябре 1956 года была подписана Декларация о восстановлении дипломатических отношений с Японией. И по сей день это единственный документ, который связывает Россию с Японией.

Будущий посол в США Анатолий Федорович Добрынин вспоминал, что работать с Шепиловым было интересно. Он вызывал специалистов, просил их объяснить, что к чему. Все быстро схватывал, но очень глубоко вникать, похоже, не стремился. Вероятно, он не собирался слишком задерживаться на этом месте. Но, конечно же, не предполагал, что его министерская карьера окажется столь короткой.

Поводом для недовольства стало выступление Шепилова на Международной конференции по Суэцкому каналу в Лондоне во второй половине августа 1956 года. 26 июля президент Египта полковник Насер объявил о национализации Суэцкого канала. Великобритания получала с Ближнего Востока 80 процентов нефти, и Суэцкий канал, по которому шли танкеры, имел для нее особое значение — своего рода дорога жизни. Национализация ударила и по Франции, которая владела частью акций компании Суэцкого канала.

Британский премьер Энтони Иден не смог скрыть своих чувств:

— Насеру придется за это ответить. Этот исламский Муссолини должен быть сокрушен. Я хочу, чтобы его убрали.

Шепилову было приказано назвать политику Запада «открытым грабежом и разбоем». Он указание игнорировал. Вернувшись, 5 сентября отчитался о поездке на заседании Президиума ЦК КПСС.

Объяснил свою позицию:

— У нас наладились отношения с американцами, ссориться нет нужды.

Хрущев возмутился:

— Ах вот как? Ты хочешь сам определять политику?

В феврале 1957 года на Пленуме ЦК Шепилова вновь сделали секретарем ЦК по идеологии. Формально он ушел из Министерства иностранных дел на повышение. В реальности Хрущев затаил на него обиду. Шепилов, не понимая, как быстро меняется характер Никиты Сергеевича, продолжал с ним спорить. Они больше не встречались семьями. Хрущев даже не пригласил Шепилова на свадьбу сына, хотя позвал остальных партийных руководителей.

Ворошилов встретил Шепилова:

— Идешь на свадьбу?

Тот ответил:

— Нет, меня не позвали.

— Да? — Ворошилов обрадовался и гордо добавил: — А я иду.

На Ближнем Востоке тем временем разгорелась настоящая война.

Британские военные вместе с французскими разработали план операции «Мушкетер»: израильские подразделения высаживаются в зоне Суэцкого канала, после чего появляются французские и британские войска, чтобы развести воюющие стороны, а на самом деле, чтобы взять Суэц под контроль.

Израиль принял участие в войне, потому что был напуган масштабными поставками советского оружия Египту. Это меняло соотношение сил на Ближнем Востоке. Израильцы попросили США продать им оружие. По совету государственного секретаря Джона Фостера Даллеса президент Дуайт Эйзенхауэр ответил отказом.

Двадцать девятого октября израильские войска пересекли Синайскую пустыню и атаковали позиции египетской армии. 400 парашютистов под командованием молодого офицера Ариэля Шарона высадились в египетском тылу — неподалеку от Суэцкого канала. Это дало основание французам и англичанам заявить, что канал под угрозой. Лондон и Париж потребовали от Израиля и Египта, чтобы они в течение двенадцати часов прекратили боевые действия. В противном случае, предупредили они, им придется отправить воинский контингент, чтобы обеспечить безопасность канала. Израиль согласился. Египет, как и следовало ожидать, отказался. 31 октября британские самолеты бомбили египетские аэродромы, порты и средства связи.

Война на Синайском полуострове стала причиной серьезных переживаний в Москве. Отстранение Насера означало бы, что все вложения в Египет пошли прахом.

Советский посол сообщал в Москву, что египтяне ждут военной помощи: «В городе распространяются слухи, что сорок тысяч мусульман-добровольцев воздушным путем направляются из СССР на помощь Египту и что советская авиация бомбит английские базы на Кипре. Это отражает надежды на наше немедленное вмешательство».

В Москве не имели ни возможности, не желания участвовать в войне, но составили грозное письмо от имени главы правительства Н. А. Булганина: «Мы полны решимости сокрушить агрессоров силой и восстановить мир на Ближнем Востоке... Если эта война не будет пресечена, то она может принести с собой опасность перерастания в третью мировую войну».

В послании премьер-министру Англии Энтони Идену звучали не

менее пугающие формулировки: «В каком положении оказалась бы Великобритания, если бы она была атакована более сильными государствами? А ведь эти страны могут воспользоваться, например, ракетным оружием».

Такая же угроза была адресована Франции. «Говорят, что французский премьер Ги Молле, — не без удовольствия рассказывал Хрущев, — не уезжал из Совета министров ночевать домой. Когда он получил наше послание, то буквально без штанов, в спальном белье подбежал к телефону звонить Идену. В штанах он поднимал трубку или без, сути дела не меняет. Главное, что через двадцать два часа после получения нашего предупреждения агрессия была прервана».

Пятого ноября британские и французские парашютисты высадились в Порт-Саиде. Но уже 6 ноября Энтони Идену пришлось согласиться с прекращением огня. Соединенные Штаты выступили вместе с Советским Союзом против стран — членов НАТО — Великобритании и Франции. Администрация Эйзенхауэра с гневом осудила англо-франкоизраильскую военную операцию. Госсекретарь Джон Фостер Даллес возмутился тем, что младшие партнеры позволили себе что-то за его спиной:

— Как мы можем бороться против порабощения Советским Союзом стран Восточной Европы, если Англия и Франция пытаются поработить азиатские или африканские страны?

Война на Ближнем Востоке совпала с событиями в Польше и Венгрии.

Польская интрига

После смерти Сталина перемены начались не только в Советском Союзе, но в других странах социалистического лагеря. 12 марта 1956 года умер первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) Болеслав Берут. 15 марта Хрущев приехал в Варшаву на похороны и пробыл там неделю. Он встретился с руководителями Польши и даже выступил на VI пленуме ЦК ПОРП. Первым секретарем с благословения Никиты Сергеевича избрали Эдварда Охаба, но тот оказался слабым руководителем. В том же году польские рабочие вышли на улицы с антисоветскими и антисоциалистическими лозунгами.

Тем временем реабилитировали и восстановили в партии Владислава Гомулку, которого в сталинские времена обвинили в правонационалистическом уклоне и посадили. В Москве к нему относились настороженно. Хрущев хотел, чтобы Гомулка сначала приехал в Советский Союз, отдохнул в Крыму, с ним бы поговорили, прощупали, а потом бы уже решили, можно ли ему доверять. Никита Сергеевич пригласил в Москву весь состав польского Политбюро, чтобы вместе решить, кто станет во главе партии. Поляки ехать не захотели. Такое происходило в первый раз.

Хрущеву сообщили о том, что на ближайшем Пленуме ЦК ПОРП в Варшаве Эдварда Охаба сменит Гомулка. В Москве это было воспринято как открытый мятеж. «Подобное решение, — вспоминал Никита Сергеевич, — мы рассматривали как акцию, направленную против нас». Он позвонил Охабу:

— Мы хотели бы приехать в Варшаву и поговорить с вами на месте.

Руководитель Польши не дал сразу ответа:

— Нам нужно посоветоваться, дайте нам время.

Потом перезвонил:

— Просим вас не приезжать, пока не закончится заседание Центрального комитета.

Вот этого Никита Сергеевич как раз и не желал допустить — как это поляки сами решат, кто будет ими руководить?

«Мы хотели приехать, чтобы оказать соответствующее давление, — вспоминал Хрущев. — Отказ Охаба еще больше возбудил наши подозрения, что там нарастают антисоветские настроения». Он предупредил польского коллегу, что прилетит в Варшаву на следующий

день.

Восемнадцатого октября по приказу министра обороны СССР маршала Г. К. Жукова были приведены в боевую готовность советские войска Северной группы войск, дислоцированной на польской территории, и Балтийский флот.

На следующий день, 19 октября, в 4 часа утра в Польшу прилетел первый заместитель министра обороны СССР маршал И. С. Конев с группой высших офицеров.

Днем из Москвы прибыли еще два самолета. В одном — члены Президиума ЦК КПСС В. М. Молотов, А. И. Микоян и Л. М. Каганович, в другом — первый секретарь ЦК Хрущев. Летели порознь по соображениям безопасности, чтобы в случае авиакатастрофы не потерять всю головку партии. В аэропорту делегацию встречали Эдвард Охав, Владислав Гомулка, глава правительства Юзеф Циранкевич.

Встреча была необычно холодной, вспоминал Хрущев. Темпераментный Никита Сергеевич прямо на аэродроме стал выговаривать полякам за непослушание:

— Почему все идет под антисоветским знаменем? Чем это вызвано?

И совершенно неожиданно натолкнулся на твердость поляков.

Секретарь ЦК Эдвард Охав ответил ему:

— В польской столице мы хозяева, и мы не отменим Пленум. Я много лет сидел в тюрьме, и меня ничем не испугаешь. Мы делаем то, что считаем правильным. Но мы не делаем ничего, что бы угрожало интересам Советского Союза.

Посмотрев на Гомулку, уже избранного в Политбюро ЦК ПОРП, Хрущев спросил:

— А это кто?

Владислав Гомулка совершенно спокойно ответил:

— Я — Гомулка, которого вы три года держали в тюрьме.

Это был откровенный вызов. Московские руководители к такому не привыкли. Маршал Конев отвел Хрущева в сторону и доложил, что советские войска, расквартированные на территории Польши, начали движение к Варшаве.

«Беседа проходила очень бурно, — рассказывал Хрущев. — Прямо стоял вопрос: за Советы поляки или нет? Разговор шел грубый, без дипломатии. Мы предъявили свои претензии и требовали объяснения действий, которые были направлены против Советского Союза». Переводил сын Дзержинского Ян Феликсович, работавший в Польском секторе Международного отдела ЦК КПСС. Хрущев выговаривал полякам за то,

что они в важнейших вопросах не советуются с Москвой. Поляки отстаивали право самим решать, кто будет руководителем страны. Молотов тоже взял слово. Владислав Гомулка его оборвал:

— А вам, товарищ Молотов, лучше помолчать. Польский народ помнит, как вы в 39-м году с удовольствием говорили, что Польское государство — «уродливое детище Версальской системы» — перестало существовать.

Министр обороны Польши маршал К. К. Рокоссовский сообщил Хрущеву, что войска, подчиненные польскому Министерству внутренних дел, приведены в боевую готовность и стягиваются к Варшаве.

— За мной, — сказал Рокоссовский, — установлена слежка, и я шагу не могу сделать, чтобы это не стало известно министру внутренних дел.

Хрущев поинтересовался :

— Как поведут себя ваши войска?

— Сейчас польские войска не послушаются моего приказа, хотя есть части, которые выполняют мой приказ.

Как Рокоссовский оказался в Варшаве? В октябре 1949 года Константина Константиновича внезапно вызвали к Сталину. Вождь сказал, что есть идея назначить его — как поляка — польским военным министром. Сталин хотел не только укрепить контроль над польской армией, но и иметь своего человека в высшем руководстве страны. Но отношения Рокоссовского с польскими руководителями складывались плохо. В октябре 1953 года он жаловался, что ему, как «человеку Москвы», создают трудности в работе. В январе 1954 года он обратился к Н. А. Булганину с жалобой на то, что начальник военной контрразведки Войска польского «перестал советоваться и докладывать по важнейшим вопросам», а выходит непосредственно на Политбюро ЦК ПОРП.

Гомулка обратился к Хрущеву:

— На Варшаву движется русская танковая дивизия. Я очень прошу вас дать приказ не вводить ее в город. Вообще было бы лучше, если она не приблизится к Варшаве, потому что я боюсь, что произойдет нечто непоправимое.

Гомулка получал информацию от министра внутренних дел, который следил за передвижением советских войск. Председатель Госсовета Польши Александр Завадский сказал советским товарищам, что варшавские рабочие готовы сражаться против советских войск и некоторые заводы вооружаются, рабочих поднимают горком партии и главное правление Союза молодежи, а оружие раздает Министерство внутренних дел. Даже промосковские политики были встревожены. Гомулка опять взял

слово, и его речь произвела впечатление на Никиту Сергеевича:

— Я, как поляк и коммунист, клянусь, что Польша больше нуждается в дружбе с русскими, чем русские в дружбе с поляками. Разве мы не понимаем, что без вас мы не сможем просуществовать как независимое государство? Все у нас будет в порядке. Но если советские войска войдут в Варшаву, контролировать события будет сверхтрудно.

Хрущев предложил объявить перерыв. Советская делегация собралась отдельно, позвали еще и Рокоссовского. Хрущев был склонен верить Гомулке. «Потом, — вспоминал Хрущев, — мы объясняли полякам, что наши войска вообще не двигались к Варшаве, а проводили военный маневр, по выполнении которого остановились в пункте, назначенном согласно плану маневров. Конечно, никто не поверил нашим объяснениям, но все были довольны, что войска остановились».

Владислава Гомулку избрали первым секретарем ЦК ПОРП.

Со временем Хрущев к нему расположился:

«К моему изумлению, Гомулка резко возражал против предложения о выводе наших войск, сделанного в 1957 году, и стал доказывать необходимость и полезность их пребывания на территории Польши.

Я был удивлен. Ведь помнил, как поляки поносили нас в 1956 году, когда всех собак вешали на Советский Союз, называли нас оккупантами, кричали: “Русские, убирайтесь домой!” — и потребовали, чтобы Рокоссовский был отозван...

А теперь тот же Гомулка не хочет и слышать о выводе советских войск из Польши. Пребывание наших войск на территории Польши не вызывалось военной необходимостью, а содержание их обходилось нам очень дорого. Я выяснил, что мы очень много платим в бюджет тех государств, в которых находятся наши войска. Вот почему Гомулка возражал: в интересах польского бюджета. Польше экономически выгодно получать от нас валюту за пребывание там советских войск».

Прошедший 21 октября Пленум ЦК ПОРП вывел маршала Рокоссовского из состава Политбюро. Ему пришлось подать в отставку с поста заместителя главы правительства и министра обороны Польши. Гомулка объяснил Хрущеву:

— Поймите, при современном положении вещей у нас нет доверия к Рокоссовскому. Лучше бы ему вернуться в Советский Союз.

Тридцатого октября на заседании Президиума Хрущев сообщил:

— Я объяснил Гомулке, что Рокоссовский — это ваш вопрос, решайте сами.

В середине ноября 1956 года Рокоссовский уехал в Москву с

горестными словами:

— В России я всегда был поляком, а в Польше русским.

Танки в Будапеште

Если Польская проблема в целом решилась без особых эксцессов, то события в Венгрии приняли куда более драматичный оборот.

Возглавивший венгерское правительство Имре Надь пытался провести либерализацию экономического курса, прежде всего улучшить положение деревни и отказаться от ускоренной индустриализации. Он увеличил зарплату рабочим, разрешил крестьянам выходить из кооперативов.

Его усилиями в Венгрии исчезла атмосфера страха. Сказалось и влияние XX съезда в Москве. Венгры требовали такого же расчета с прошлым, который начал Хрущев, произнеся свой знаменитый антисталинский доклад. Люди стали безбоязненно обсуждать положение в стране, стремясь к очищению от трагического прошлого.

В рамках Союза трудящейся молодежи (венгерского комсомола) образовался дискуссионный студенческий клуб, который первоначально мыслился как орган политического просвещения молодежи^[26]. Клуб стали именовать «Кружком Петефи» — в честь Шандора Петефи, поэта и революционного демократа, активного участника революции 1848 года. Дискуссии в клубе на самые острые и волнующие темы превращались в событие общенационального масштаба, там собиралась тысячная аудитория. Приходили люди, которые мечтали о возвращении к подлинному марксизму без сталинских наслоений.

В Москве встревожились. 12 июля 1956 года Хрущев распорядился отправить в Венгрию члена Президиума ЦК КПСС А. И. Микояна — посмотреть, что происходит. Анастас Иванович поехал неофициально, будто бы для отдыха на озере Балатон. Он понял, что нужно менять партийное руководство республики. Выбирать надо было между ветераном венгерской компартии Эрне Гере и Яношем Кадаром.

Секретарь ЦК Гере еще в 1922 году был арестован венгерской полицией и приговорен к 15 годам тюремного заключения. Но через два года советское правительство выручило его из тюрьмы. С 1930 года Гере работал в аппарате Коминтерна, участвовал в гражданской войне в Испании. В Москве его хорошо знали, и выбор пал на суховатого, без обаяния и непопулярного даже в партийном аппарате Эрне Гере.

Янош Кадар в сталинские годы стал министром внутренних дел. Он сначала участвовал в организации политических процессов, а потом сам стал жертвой столь же ложного обвинения. Кадара приговорили к

пожизненному заключению. Он отсидел три года. После смерти Сталина, в 1954 году, его реабилитировали и вернули на партийную работу. Но на нем лежало клеймо недоверия.

Студенты Будапештского политехнического института устроили демонстрацию. Министр обороны Иштван Бата приказал привести части столичного гарнизона в повышенную боевую готовность. Но офицеры не собирались участвовать в разгоне демонстрации, и министр свой приказ отменил. Министр внутренних дел Ласло Пирош, в свою очередь, попытался запретить демонстрацию. Страна возмутилась, и этому министру тоже пришлось отступить. Демонстрация, в которой приняло участие около 200 тысяч человек, переросла в народное восстание. По всей стране солдаты и полицейские переходили на сторону восставших.

В Москве на заседании Президиума ЦК КПСС договорились ввести в Будапешт части Советской армии. Хрущев хотел, чтобы венгерское руководство обратилось к правительству Советского Союза с официальной просьбой. Но осторожный Эрне Гере не желал связывать свое имя с появлением в столице своей страны советских войск.

Вообще господствовала точка зрения, что, как только появятся танки, все закончится. Но венгры взялись за оружие, начали стрелять в советских солдат, забрасывать их камнями. Танки в городе оказались очень уязвимыми, даже не имевшие боевой подготовки горожане поджигали их бутылками с горючей смесью. В первый день погибли 20 советских солдат, сгорели четыре танка и четыре бронетранспортера.

В тот же день в Будапешт прибыли А. И. Микоян и М. А. Суслов. Прилетел и председатель КГБ И. А. Серов. На месте члены Президиума ЦК увидели, то Венгрия вышла из повиновения. Прежние структуры управления распались. Власть переходила к восставшему народу. Управление государственной безопасности распустили. Началось воссоздание политических партий, прежде существовавших в Венгрии.

Если Микояну в Будапеште была ясна сложность и противоречивость происходящего в стране, то его товарищам по Президиуму ЦК, оставшимся в Москве, все виделось в черно-белом свете. Хрущев распорядился, чтобы Суслов немедленно вернулся и доложил обстановку. Суслов сообщил, что их с Микояном общая позиция такова: войска из Будапешта надо выводить. Г. К. Жуков предложил отказаться от силового способа влиять на ситуацию в стране :

— Для нас события в Венгрии — урок во внешнеполитическом отношении. Надо вывести войска из Будапешта, если потребуется — из всей Венгрии.

Его подержал Хрущев:

— А то мы только стреляем.

Едва советские войска ушли из венгерской столицы, в Будапеште вновь пролилась кровь. На площади Республики перед зданием горкома партии толпа расправилась с сотрудниками госбезопасности и столичного горкома партии. Так и осталось неясным, как это произошло.

По мнению историков, первыми огонь открыли охранявшие здание венгерские чекисты. Толпа устроила резню, погибли два десятка человек во главе с секретарем горкома Имре Мезё.

Офицеров госбезопасности опознавали по одинаковым желтым ботинкам, которые им выдавали в хозяйственном отделе. Их вешали на деревьях головой вниз. Жестокая расправа на площади Республики не только символизировала падение старого режима, но и породила страх перед хаосом в стране. Двери тюрем открылись, на свободу вышли не только политические заключенные, но и обычные уголовники.

Как раз в эти дни вспыхнула война на Ближнем Востоке. Англия, Франция и Израиль атаковали Египет, который недавно установил близкие отношения с Советским Союзом. Это изменило настроения в Кремле.

— Если мы уйдем из Венгрии, — говорил на Президиуме ЦК Хрущев, — это подбодрит американцев, англичан и французов. Они поймут как нашу слабость и будут наступать. К Египту мы тогда прибавим Венгрию. Нас не поймет наша партия.

Возникла идея сформировать в Будапеште надежное правительство. Яноша Кадара и Ференца Мюнниха, только что назначенного министром внутренних дел, переправили в распоряжение советских войск и тайно доставили в Москву на смотрины. Хрущев знал Мюнниха, тот в 1930-е годы жил в Советском Союзе, во время Второй мировой служил в Красной армии, после войны стал венгерским послом в Москве. Хрущев намеревался сделать ставку именно на него. Но ему уже исполнилось 70 лет. Янош Кадар больше понравился советским руководителям. 2 ноября на заседании Президиума ЦК КПСС Кадар рассказал:

— Восставшие боролись за строй народной демократии. Вначале вы не видели этого, квалифицировали это как контрреволюцию и повернули этим массы против себя. Но надо сказать — все требовали вывода советских войск.

Югославскому лидеру Иосипу Броз Тито Хрущев потом объяснит:

— Мы не можем допустить реставрации капитализма в Венгрии, потому что у нас, в Советском Союзе, люди скажут: при Сталине такого не было, а эти, которые Сталина осуждают, всё упустили...

На территорию Венгрии 1 ноября по приказу маршала И. С. Конева вошли дополнительные части Советской армии. Приказ был «оказать братскую помощь венгерскому народу в защите его социалистических завоеваний, в разгроме контрреволюции и ликвидации угрозы возрождения фашизма».

Большая часть венгерских вооруженных сил не оказала сопротивления, понимая, что это бессмысленно. Но некоторые части вступили в бой. К ним присоединились тысячи повстанцев. У них было несколько танков, немного артиллерии. Они сбили даже советский самолет из зенитного орудия. Дольше всех сражались рабочие кварталы.

Третьего ноября в Москве было сформировано Венгерское революционное рабоче-крестьянское правительство. Кадар стал премьер-министром, Мюнних — его заместителем, министром обороны и общественной безопасности. На следующий день, 4 ноября, Кадар вернулся на родину, а 7 ноября на советском бронетранспортере был доставлен в Будапешт.

Советские воинские части остались в Венгрии, где под началом генерала армии Михаила Ильича Казакова была сформирована Южная группа войск. В Венгрию отправили большое количество советников.

Хрущев вспоминал: «Янош Кадар, когда разговаривал со мной, в шутку называл советников “полковники”, профсоюзников — “майоры”, комсомольцев — “лейтенанты”».

На кухне с вицепрезидентом Никсоном

Летом 1959 года в Москву приехал вицепрезидент США Ричард Никсон — заметное событие в эпоху холодной войны. Через десять с лишним лет Никсон вернется в Москву в качестве президента и будет вести плодотворные переговоры с Л. И. Брежневым.

Официально Никсон прибыл в Москву, чтобы открыть 24 июля в парке «Сокольники» первую американскую выставку. Советская выставка уже прошла в Нью-Йорке. Кроме того, Никсону предстояло пригласить Хрущева в США.

Упор на выставке делался на производстве потребительских товаров в США. Американцы развернули студию цветного телевидения, которого в Советском Союзе еще не видели. В студии они предложили устроить живые дискуссии, которые будут в прямом эфире транслироваться по телевизионной сети выставки. Председатель Госкомитета при Совете министров СССР по культурным связям с зарубежными странами Георгий Александрович Жуков доложил в ЦК, что заявил протест американскому представителю: «Я еще раз подчеркнул, что мы считаем абсолютно неприемлемым проведение на выставке и тем более показ по телевидению каких-либо дискуссий». Из книжного раздела выставки изъяли всю «сомнительную» литературу. Ограничили число тех, кто получит билеты, а также предписали выделить «специальных людей из числа членов партии, комсомольцев и беспартийного актива для организации критических записей в книге отзывов посетителей, имея в виду критику американского образа жизни».

Известный историк и исследователь русской общественной мысли профессор Сергей Сергеевич Дмитриев записал в дневнике: «26 июля 1959 года. Ажиотаж вокруг американской выставки сильнейший. Билеты распространяются через партийные организации. Это так умно, что граничит со смешным... Власти делают все, чтобы отвлечь людей от американской выставки».

В печати ежедневно “разоблачительные” материалы об ужасной жизни в США, о голоде, безработице, преследованиях негров, пожарах школ, преступлениях малолетних, о том, что США буквально пожирают клопы, крысы и прочая нечисть. Все, что показывает американская выставка, — вранье, очковтирательство, пропаганда, если судить по страницам советских газет. В воздухе стоит дым от вранья».

Никсон готовился к поездке, беседовал со советологами, изучал личность Хрущева. Встретился с побывавшими в Вашингтоне двумя первыми замами Хрущева в правительстве — Анастасом Микояном и Фролом Козловым.

«В ходе длительных бесед со мной каждый из них подал несколько довольно быстрых и крученых мячей, — писал Никсон в одной из своих книг. — Но встреча с Хрущевым после бесед с ними — это все равно что игра с командой высшего класса после игры со слабаками. Он пускает в ход умопомрачительный набор различных приемов: сногшибательную скорость, крученые мячи, слабые и сильные подачи, весь арсенал трюков — и все это в сбивающем с толку темпе. Я нанес сотни протокольных визитов руководителям правительств многих стран, но никогда раньше глава правительства не встречал меня тирадой нецензурных слов, переводя которые на английский его переводчик краснел».

Никсона сопровождали брат президента США Дуайта Эйзенхауэра — Милтон (президент Университета Джона Хопкинса) и вице-адмирал Хаймэн Риквер, глава национальной программы по созданию атомного подводного флота США. Встречал их первый заместитель главы правительства Фрол Козлов. Аэродром был пуст, если не считать дипломатов и корреспондентов.

Американским послом в Советском Союзе был Льюэллин Томпсон, карьерный дипломат, который первый раз приехал в Москву еще в 1939 году. Даже в самые опасные дни осени 1941-го, когда всех дипломатов эвакуировали в Куйбышев, Томпсон оставался в Москве. В 1957-м Эйзенхауэр назначил его послом в Москве.

Томпсон увел Никсона в небольшую гостиную рядом со спальней посла на 2-м этаже и там рассказывал о ситуации в Москве. Контрразведчики гарантировали ему, что в этой комнате — единственной во всем посольстве! — нет подслушивающих устройств.

Никсон лег спать пораньше, но из-за большой разницы во времени ему не спалось. В половине 6 утра он встал, разбудил своего помощника и вместе с советским охранником, который одновременно исполнял обязанности переводчика и водителя, поехал на Даниловский рынок. Когда вице-президент был мальчиком, он работал в лавке отца и рано утром ездил с ним на рынки в Лос-Анджелесе, чтобы к открытию лавки доставить свежие фрукты и овощи. Ему хотелось сравнить рынки.

Вице-президента США встретили очень доброжелательно, предлагали ему фрукты и овощи, от денег отказывались. Он почти час бродил по рынку. Его поразила только одна деталь: он увидел две пары весов —

одними пользовался продавец, другими покупатель, чтобы перевесить покупку и убедиться, что его не обвесили. Понятие «контрольные весы» ему было незнакомо. У Никсона просили билеты на американскую выставку. Решив, что билеты дороги для этих людей, он попросил помощника дать им сто рублей. Но все засмеялись: билеты не достать ни за какие деньги. Посещение рынка было незапланированным и разозлило хозяев. «Правда», «Известия», «Труд» негодуяще обвинили Никсона в попытке «подкупить» и «унизить» советского человека: он пытался раздавать деньги, позируя американским фотографам.

Встречи в Кремле начались в кабинете председателя Президиума Верховного совета СССР маршала К. Е. Ворошилова. Потом гостя отвели к Хрущеву. Когда американцы вошли, Никита Сергеевич демонстративно рассматривал модель спутника, отправленного на Луну. «Я чувствовал, что он находится в раздраженном состоянии, — вспоминал Никсон. — Он все время оглядывал меня с ног до головы, как портной может оглядывать клиента, чтобы сшить ему костюм, или, скорее, как похоронных дел мастер оглядывает будущего покойника, чтобы подобрать ему гроб».

Хрущев был страшно недоволен тем, что американский Конгресс принял резолюцию в поддержку стран, «порабощенных Советским Союзом». Заявил, что считает это серьезной провокацией. Никсон попытался объяснить, что Конгресс не подчиняется исполнительной власти. Никита Сергеевич никак не мог остановиться.

— Эта резолюция воняет! — кричал он, стуча по столу.

Он выражал свои эмоции с помощью непечатных слов, выходящих столь далеко за рамки дипломатического этикета, что Олег Александрович Трояновский, его молодой помощник по международным делам, не без колебаний переводил их.

Хрущев лично прибыл на открытие выставки.

Он не уставал спорить и пытался поддеть Никсона:

— Американцы потеряли умение торговать. Вы постарели и не торгуетесь, как раньше. Вам надо влить свежие силы.

— А вам надо иметь товары, чтобы торговать, — нашелся Никсон.

Хрущев заговорил о том, что Советский Союз желает жить в мире, но готов защитить себя в случае войны. Он обещал, что Советский Союз через семь лет достигнет уровня развития США:

— Когда мы догоним вас и станем вас обгонять, мы помашем вам рукой. Если вы захотите, мы остановимся и скажем — пожалуйста, догоняйте нас...

Никсон старался сдерживаться: ведь он был всего лишь

вицепрезидентом и гостем СССР.

— Вы не должны бояться обмена идеями, в конце концов, вы ведь всего не знаете.

— Если я всего не знаю, — оборвал его Хрущев, — то вы ничего не знаете о коммунизме, кроме того, что боитесь его.

Проходили мимо бакалейной лавки. Никсон сказал:

— Может быть, вам будет интересно узнать, что у моего отца была небольшая лавка в Калифорнии и все мальчики в нашей семье, учась в школе, одновременно работали в этой лавке.

Хрущев презрительно отмахнулся и фыркнул:

— Все торговцы — воры!

Никсон ответил:

— Воры бывают везде. Я видел сегодня, как люди перевешивают продукты, купленные в государственном магазине.

Они остановились в павильоне, где были выставлены образцы кухонной техники. Здесь и состоялся знаменитый спор. Заговорили сначала о достоинствах разных стиральных машин. Никсон решил объяснить, что не только богатые американцы могут купить дом, представленный на выставке.

— Это типичный для Соединенных Штатов дом, — рассказывал вице-президент, — его стоимость 14 тысяч долларов — эти деньги можно выплачивать 25—30 лет. Большинство рабочих могут купить себе такой дом.

Хрущев не моргнув глазом выпалил:

— У нас тоже найдутся рабочие и крестьяне, которые могут выложить 14 тысяч долларов наличными за жилье.

Никита Сергеевич убежденно говорил о том, что капиталисты строят дом всего на два десятилетия, а в Советском Союзе дома строятся так, чтобы они остались и детям, и внукам.

— Вы думаете, что русские будут поражены этой выставкой? Для того чтобы американец мог купить такой дом, он должен иметь очень много долларов, а у нас достаточно быть гражданином страны. Если у американца нет долларов, его право купить подобный дом превращается в возможность ночевать под мостом.

Никсон пытался ему возражать:

— Мы не считаем, что эта выставка поразит советский народ, но она заинтересует его точно так же, как ваша выставка заинтересовала нас. Разнообразие, право выбора, тот факт, что дома строят тысячи различных фирм, — вот что важно для нас. Мы не хотим, чтобы какой-то один

высокопоставленный государственный чиновник принимал решения и говорил, что мы будем иметь дома одного типа.

Хрущев ответил, что лучше иметь одну модель стиральной машины, чем много разных. Никсон заметил:

— Не лучше ли сравнивать качества наших стиральных машин, чем мощь наших ракет? Разве не такого соревнования вы хотите?

— Да, мы хотим такого соревнования! — закричал Хрущев. — Это ваши генералы кричат о ракетах, а не о кухонной утвари, это они грозят нам ракетами, это они хорохорятся, что могут стереть нас с лица земли. Но этого мы, конечно, никому не позволим сделать. А тем, кто попытается, мы покажем, как говорят у нас в России, кузькину мать.

Мы сильны, мы можем побить вас.

Никсон гнул свою линию:

— По моему мнению, вы сильны, и мы сильны. В некотором отношении вы сильнее нас, а в другом — мы сильнее. Но мне кажется, что в наш век спорить, кто сильнее, — занятие совершенно бесполезное... Для нас спор, кто сильнее, не имеет смысла. Если начнется война, обе наши страны проиграют.

Хрущев стал шутить:

— Четвертый раз мне приходится говорить, и я не узнаю моего друга господина Никсона. Если все американцы с вами согласны, то с кем же тогда мы не согласны? Ведь мы же именно этого и хотим.

Но Никсон не отставал:

— Когда мы садимся за стол переговоров, нельзя требовать, чтобы все было так, как хочет одна сторона. Одна сторона не может предъявлять ультиматум другой.

Хрущеву слова вице-президента не понравились.

— Мне показалось, что вы угрожаете мне. Мы тоже гигантская страна. Если вы будете нам угрожать, мы ответим угрозой на угрозу.

— Я не угрожал вам, — отвечал Никсон. — Мы никогда не станем прибегать к угрозам.

— Вы косвенным образом угрожали мне, — возбужденно воскликнул Хрущев. — У вас кое-что есть, и у нас кое-что есть, и к тому же получше вашего! Это вы хотите соревноваться в гонке вооружений.

— Мы прекрасно знаем, что у вас есть. Для меня не имеет существенного значения, чьи ракеты и бомбы лучше.

Спор закончился.

Вицепрезидент положил руку на плечо Хрущеву и сказал:

— Боюсь, я плохо выполнил роль хозяина.

Хрущев обратился к девушке-гиду:

— Благодарю вас, хозяйюшка, за то, что вы любезно предоставили нам возможность провести эту дискуссию на кухне.

Пошли дальше по выставке. Никсон и Ворошилов оказались впереди. Хрущев шел сзади. Никсон обернулся и пригласил Никиту Сергеевича присоединиться к ним. Первый секретарь с сардонической улыбкой ответил:

— Вы идите с президентом, а я знаю свое место.

Вечером на официальном открытии выставки Никсон произнес заранее подготовленную речь, которую опубликовали «Правда» и «Известия». Вицепрезидент говорил на крайне болезненную для советских лидеров тему — о том, сколько американских семей владеет автомобилями, телевизорами, собственными домами.

— Цифры наглядно свидетельствуют о том, что Соединенные Штаты, крупнейшая в мире капиталистическая страна, подошли с точки зрения распределения благ и богатств ближе всего к идеалу всеобщего благосостояния в бесклассовом обществе.

Этого Хрущев не мог вытерпеть. Он подскочил и стал возражать, но Никсон его остановил:

— Слово предоставлено мне. Сейчас моя очередь говорить.

После обмена речами Никсон подвел Хрущева к столу с калифорнийскими винами. Хрущев предложил выпить «за мир и ликвидацию всех военных баз на чужой территории». Никсон не хотел поднимать тост против собственных вооруженных сил и уточнил:

— Давайте просто выпьем за мир.

Начался спор о военных базах, но кто-то провозгласил тост за долголетие Хрущева. Никсон был рад сменить тему :

— Выпьем за это. Мы можем не соглашаться с вашей политикой, но хотим, чтобы вы были в добром здравии. За то, чтобы вы дожили до ста лет!

Они выпили, но Хрущев решил оставить последнее слово за собой:

— Когда нам будет по 99 лет, мы продолжим обсуждение этих вопросов.

Но в такой пикировке Никсон был в своей тарелке и позволил себе довольно рискованное замечание:

— Вы хотите сказать, что в 99 лет вы все еще будете у власти и у вас в стране по-прежнему не будет свободных выборов?

Хрущев пригласил вице-президента на дачу (по словам Никсона, «это было одно из роскошных имений, которые мне когда-либо приходилось

видеть») и предложил прокатиться по Москве-реке, «чтобы посмотреть, как живут рабы».

Восемь раз Хрущев останавливал катер, чтобы поздороваться за руку с купающимися.

— Скажите, вы порабощенные, вы рабы?! — кричал он им.

— Нет, нет! — отвечали отдыхающие.

После этого Хрущев тыкал пальцем Никсону под ребра и торжествующе говорил:

— Видите, как живут наши рабы!

На обратном пути катер сел на мель. Никсону показалось, что Хрущев сейчас просто расстреляет рулевого. Когда они пересаживались в другую лодку, чтобы продолжить поездку, вицепрезидент, оглянувшись на рулевого, увидел самого несчастного человека на свете. После прогулки был устроен обед на лужайке под березами.

Хрущев практически не прикоснулся к спиртному и был абсолютно трезв. Микоян пытался завязать разговор с женой Никсона Пэт. Никита Сергеевич его немедленно оборвал:

— Госпожа Никсон принадлежит мне. Разговаривай на своей стороне стола.

Он пальцем провел линию посреди стола и сказал:

— Это железный занавес. Не смей его переступить!

Хрущев очень рекомендовал гостям рыбу:

— Любимое блюдо Сталина. Он говорил, что такая рыба укрепляет организм.

Микоян рассказывал Никсону, как Сталин вызывал их всех ночью, и заметил:

— Мы спим гораздо лучше с тех пор, как нами руководит товарищ Хрущев.

Улыбнувшись, он добавил:

— Думаю, вы понимаете, что я имею в виду.

Разговор перешел на военные темы. Хрущев рассказывал, что неделю назад Советский Союз запустил межконтинентальную баллистическую ракету, которая пролетела 7 тысяч километров и отклонилась от цели меньше чем на 2 километра. Никита Сергеевич, перегнувшись через стол, сказал Никсону, что сообщит ему сейчас нечто секретное:

— У одной из баллистических ракет отказала система отключения двигателей, и ракета пошла мимо цели — дальше, к Аляске. Но, к счастью, упала все-таки не на Аляску, а рухнула в океан.

Хрущев говорил, что Советский Союз уже располагает достаточным

количеством ракет среднего и дальнего радиуса действия, чтобы уничтожить всех противников в Европе и разрушить основные города в Соединенных Штатах. Никита Сергеевич не сомневался, что его вооруженные силы способны в первый же день войны покончить с Германией, Францией и Великобританией. Конечно, СССР тоже понесет потери, заметил первый секретарь ЦК, но европейские страны просто превратятся в пустыню.

Никсон повел себя как заправский разведчик. Поскольку американцы плохо представляли себе ситуацию в советских вооруженных силах, то он стал допытывать Хрущева специальными вопросами:

— Почему Советский Союз продолжает строить бомбардировщики, если вы довольны количеством ракет и точностью их попадания?

Никита Сергеевич ответил, что производство бомбардировщиков почти прекращено, потому что ракеты точнее. Кроме того, люди иногда не в состоянии сбросить бомбы на цель из-за эмоциональной реакции, а на ракеты можно положиться.

— Сожаление вызывает судьба моряков, — заметил Хрущев. — За исключением подводных лодок флот совершенно устарел. Крейсера и авианосцы — это просто мишени для ракет, и я прекратил строительство больших надводных кораблей.

Никсон знал, что США опередили Советский Союз в создании подводных лодок, которые могут запускать ракеты из подводного положения. Хрущев ответил, что советские военные считают запуск ракет с суши более эффективным, чем с моря.

Вице-президенту было известно, что США ушли вперед в создании твердого топлива для ракет, и он поинтересовался, каковы успехи советских ученых. Хрущев ответил, что он политик, а не технический специалист, и некомпетентен в этом вопросе. Пэт Никсон вмешалась в разговор:

— Оказывается, существует какой-то вопрос, который господин Хрущев не может обсуждать. Мне казалось, что господин Хрущев все держит в руках и все знает.

Все рассмеялись. Микоян заметил:

— Даже у Никиты Сергеевича недостаточно рук, чтобы всем заниматься, и он нуждается в помощи.

Хрущев вновь и вновь возвращался к разговору о разрушительных возможностях советских ракет, настойчиво повторяя, что СССР превосходит США по ракетам, а против них нет защиты.

С веселой улыбкой он пересказал анекдот, придуманный англичанами:

— Пессимист говорит, что для уничтожения Англии достаточно шести атомных бомб, а оптимист утверждает, что понадобится девять или десять.

Ричард Никсон пришел к выводу, что Хрущев вовсе не таков, каким он хочет казаться. Большая ошибка считать его человеком, который способен начать войну в припадке гнева или выпив лишку. Когда обсуждаются серьезные вопросы, он трезв, холоден и невозмутим.

У-2: сбит над Свердловском

И на Западе, и на Востоке страшились одного и того же: внезапной атаки, которую начнут обезумевшие ястребы; случайности, которая приведет к полномасштабной войне; незначительного конфликта, способного перерасти во взаимное уничтожение.

Американцы не могли определить, каков в реальности военный потенциал Советского Союза. Главная задача ЦРУ состояла в том, чтобы избавить руководство США от страха перед внезапным нападением противника. Во время Корейской войны (1950—1953) появились истребители МиГ-15, которые оказались лучше британских и американских. Сильное впечатление произвела советская ракетная программа.

По заказу ЦРУ корпорация «Локхид» построила разведывательный самолет У-2 (Lockheed U-2), способный летать и ночью, и днем, в любую погоду. Он был снабжен всеми видами фотооборудования и радиолокатором. Пилоты надевали скафандры, снабженные кислородными приборами и приспособлениями, которые позволяют обходиться без туалета в течение многочасового полета. У-2 поднимался на высоту в 20 километров, недоступную для истребительной авиации и ракет ПВО.

Президент США Дуайт Эйзенхауэр поверил в возможности самолетов-шпионов, когда ЦРУ преподнесло ему фотографию, снятую с самолета: хозяин Белого дома играл в гольф. Эйзенхауэр смог даже различить на снимке мячик.

В июне 1956 года американские У-2 приземлились на аэродроме в Висбадене (Западная Германия), причем правительство ФРГ даже не поставили в известность. Впервые У-2 пролетел над территорией Советского Союза 4 июля. Фотографии Кремля и Зимнего дворца получились исключительно хорошего качества, четкие, с множеством деталей. На следующий день американский самолет-разведчик вновь вошел в советское воздушное пространство. На официальный советский протест в Вашингтоне не обратили внимания. В течение десяти дней были проведены пять полетов.

За последующие четыре года десять У-2, расквартированные на аэродромах по периметру границ Советского Союза, совершили минимум 200 полетов над военными и промышленными объектами. У-2 базировались на территории Турции, Пакистана и Западной Германии.

Анкара не позволяла глубоко вторгаться в советское воздушное пространство, поэтому все чаще самолеты взлетали из пакистанского города Пешавара.

Для Хрущева полеты У-2 были личным оскорблением. Запад словно говорил ему: мы будем делать то, что считаем нужным.

В марте 1958 года Эйзенхауэр прекратил полеты У-2. Президент понимал, как реагировали бы американцы, если бы советские самолеты летали над их территорией. Чем дальше, тем больше он опасался неприятных неожиданностей. Надеялся, что очень скоро самолеты У-2 больше не понадобятся, потому что вот-вот появятся спутники-шпионы с новейшим фотооборудованием. А в предвыборную кампанию 1960 года кандидаты от демократической партии упрекали президента: советские ракетно-ядерные возможности превышают американские, а Эйзенхауэр слишком много думает об экономике и слишком мало об обороне страны.

Разведывательные полеты снижали страх перед неожиданным нападением. Фотографии, сделанные с У-2, доказывали, что советские ракеты заправлялись жидким топливом, следовательно, требовалось много времени для подготовки к старту. Дуайту Эйзенхауэру нужны были эти снимки, чтобы противостоять собственным ястребам. В июле 1959 года президент разрешил один полет.

А 15 сентября в США на переговоры прибыл Хрущев. Встречали Никиту Сергеевича очень доброжелательно. По словам его переводчика Виктора Михайловича Суходрева, американцам импонировал простой и откровенный человек, который обращался к ним без дипломатических ухищрений.

Первого секретаря повезли в Голливуд. Знаменитая киноактриса Ширли Маклейн приветствовала Никиту Сергеевича на ломаном русском, а на обед с советским гостем позвали популярнейшего певца Фрэнка Синатру.

Мэр Лос-Анджелеса Норрис Полсон не был так любезен:

— Вы обещали нас похоронить. А вот и не похороните! Мы довольны своим образом жизни, хотя прекрасно знаем все его недостатки, которые сами же неустанно пытаемся искоренять. Но если нам бросить вызов, то бороться за свои идеалы мы будем не на жизнь, а на смерть!

Никита Сергеевич хотел посмотреть на Диснейленд. Но поездку отменили по соображениям безопасности. И тогда Хрущев взорвался:

— У вас что там, стартовые площадки баллистических ракет? Эпидемия холеры? Или там захватили власть гангстеры, которые меня уничтожат? У вас такие крутые полицейские, они могут поднять быка за

рога. Конечно же, они способны меня защитить. Для меня это необъяснимая ситуация. Приезжайте в нашу страну. Я лично отведу вас куда угодно... Я очень разочарован.

Сопровождавший Хрущева политический обозреватель «Известий» Викентий Александрович Матвеев записал в дневнике: «Стремительная смена впечатлений от многоцветной панорамы Америки — ее широченные, укатанные автострады с нескончаемыми потоками машин, многоэтажные громады городских центров и одно-двухэтажные коттеджи пригородов и малых городов, бьющая в глаза и уши реклама, поражающая ухоженность, основательность фермерских хозяйств, товарное изобилие даже в скромных лавочках, экспансивность людей, проявляющаяся в дружелюбности и враждебности — все это, втиснутое в рамки нескольких дней, кружит с непривычки голову.

Было бы удивительно, если бы высокий гость сохранил до конца выдержку, не вспылал от серьезной или пустяковой причины. Взрыв произошел в Лос-Анджелесе, где не очень тактичный мэр вывел Хрущева из себя, к тому же настроение ему испортил отказ властей показать Диснейленд.

Действительно ли Хрущев намеревался прервать визит и вернуться в Москву, как он публично пригрозил? Знай он, что на хозяев это не подействует, вряд ли дал бы волю эмоциям. Президент Эйзенхауэр в любом случае не допустил бы срыва визита из-за того, что гость мог расценить как проявление к нему невежливости. Инцидент был быстро исчерпан.

Журналист из “Тайма” поделился со мной опасениями, как бы импульсивность советского лидера не оказалась роковой для мира в кризисный момент. Я сказал, что для таких опасений нет оснований, но в душе не был уверен. Правда, факт, что за годы, прошедшие после смерти Сталина, когда Хрущев занял главенствующую позицию в нашем руководстве, он ни разу не проявил себя безрассудным, опрометчивым во внешней области, хотя со стороны могло казаться, что он ведет себя подобным образом. Это был тщательно взвешенный, рассчитанный риск».

Деловая часть поездки Хрущева началась, когда они с Дуайтом Эйзенхауэром встретились в президентской резиденции Кэмп -Дэвид. После двухдневных переговоров было принято совместное коммюнике, которое свидетельствовало об ослаблении напряженности. Договорились продолжить переговоры. В те дни отношения двух держав были лучше, чем когда-либо после окончания Второй мировой.

Поездка в Штаты произвела на Хрущева впечатление, его отношение к американцам изменилось. Хрущев решил, что с Америкой надо дружить.

На следующий год, в июне 1960 года, в Москве с ответным визитом ждали Дуайта Эйзенхауэра.

Правда, внутри США продолжала муссироваться тема отставания от СССР. Тем более Хрущев сказал — ему нравилось это сравнение, — что советские заводы выпускают ракеты, как сосиски. Эйзенхауэра просили разрешить выяснить, что на самом деле происходит «за железным занавесом». И он разрешил ЦРУ провести в апреле 1960 года еще два полета У-2. Роковое решение.

Пятого апреля У-2 совершил несколько кругов над Семипалатинском, где проводились испытания ядерных взрывных устройств. Полет вызвал приступ гнева у Хрущева. Он рассматривал эти полеты как личный вызов и категорически потребовал от военных прекратить этот воздушный шпионаж. А Эйзенхауэр санкционировал еще один полет в течение двух недель. Он не хотел, чтобы полет произошел накануне встречи в верхах, намеченной на 16 мая в Париже, и попросил закончить с этим делом побыстрее. Но две недели стояла плохая погода. 30 апреля принесли благоприятный прогноз погоды. Директор ЦРУ Аллен Даллес назначил дату последнего полета. Тридцатилетнему летчику Фрэнсису Гэри Пауэрсу доверили самую длительную миссию за все последнее время — он должен был пересечь всю советскую территорию: взлететь в Пакистане и сесть в Норвегии.

За четыре года до этого, 24 июня 1956 года, на воздушный парад в Тушино пригласили 28 иностранных делегаций. На приеме по случаю этого события Хрущев обратился к начальнику штаба ВВС США 4-звездному генералу Натану Твайнингу :

— Прекратите засылать нарушителей в наше воздушное пространство! Мы будем сбивать непрошенных гостей. Мы превратим ваши самолеты в летающие гробы!

В Международный день солидарности трудящихся, 1 мая 1960 года, его грозное предупреждение стало реальностью. Советские радары засекли появление У-2. Хрущев потребовал от военных сбить самолет:

— Позор! Страна дала вам все, а вы не в состоянии сбить один самолет.

Заместитель министра обороны СССР и главнокомандующий войсками ПВО страны маршал Советского Союза Сергей Семенович Бирюзов в сердцах бросил:

— Если бы я был ракетой, я бы сам его сбил!

Когда самолет, пилотируемый Пауэрсом, вошел над Свердловском в зону поражения ракет новых зенитно-ракетных комплексов С75 «Двина»,

все было кончено. Его подбили первой же ракетой.

Яков Петрович Рябов, бывший первый секретарь Свердловского обкома КПСС, рассказывал мне:

— Это произошло прямо на моих глазах, когда мы собрались на демонстрацию. Погода была чудесная, солнечная, но прохладная. Стоим, вдруг вижу: прямо над головой возникли два огромных белых шара.

Я еще удивился: что это такое? Первый раз такой фейерверк вижу.

Ракета разорвалась рядом с самолетом, повредив хвостовое оперение и крылья. Пилот потерял управление. Катапультироваться он не мог, потому что разрыв ракеты вогнал его сиденье вперед, ноги застряли под панелью управления. Он с трудом вылез на фюзеляж и прыгнул с парашютом. И тут в самолет попала вторая ракета.

В Министерство иностранных дел пригласили норвежского посла Оскара Гундерсена. Сотрудник норвежской референтуры КГБ, будущий первый заместитель председателя КГБ Виктор Федорович Грушко вспоминал, как мрачный А. А. Громыко заявил протест норвежскому правительству: американский самолет-разведчик должен был приземлиться на норвежском военном аэродроме в Будё, следовательно, территория Норвегии используется «иностранными военными самолетами... для подготовки провокационных полетов в пределы Советского Союза». Посол пытался возражать.

— Я не стану с вами больше говорить на эту тему, — отрезал Громыко. — Сказанное мною является неопровержимым фактом. Доложите об этом своему правительству. Это все. Вас я слушать больше не желаю.

В ЦРУ не рассчитывали, что пилот попадет в руки советских спецслужб живым, летчиков снабжали таблетками с цианистым калием. Правда, в декабре 1956 года произошла трагикомическая история. Летчик, отправленный в небо Болгарии, во время полета имел привычку сосать леденцы; их он носил в кармане комбинезона. В то утро техники положили смертельные таблетки в тот же карман. Во время полета пилот положил в рот такую таблетку, но она показалась ему безвкусной, и он ее выплюнул. Он остался жив, потому что не успел перекусить тонкую стеклянную капсулу. После этой истории многие пилоты не брали смертоносные таблетки. В ЦРУ и не настаивали, потому что считалось, что если в самолет попадет зенитная ракета, пилот наверняка погибнет.

Но Гэри Пауэрс остался жив и благополучно приземлился. В Москве это скрывали. Но заместитель министра иностранных дел СССР Яков Александрович Малик выдал секрет одному из послов. Хрущев пришел в бешенство.

В августе 1960 года Пауэрса посадили на скамью подсудимых. Летчик говорил, что он не враг советского народа, и просил проявить гуманность. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к 10 годам тюремного заключения.

Выступая на Пленуме ЦК Компартии Украины в Киеве, Хрущев сказал:

— Наше международное положение хорошее, внушает уважение и страх. Я бы сказал, средней дальности ракеты мы уже прекратили производить, потому что столько их наделали, что даже излишки есть. [Аплодисменты.] Поэтому, если бы противник на нас напал, то мы могли Англию, Францию, Испанию, Турцию, Италию и другие страны стереть с лица земли в два, один час. [Аплодисменты.] Что касается Америки, мы еще в долгу. Еще немного надо подтянуться. [Аплодисменты.]

Никита Сергеевич потребовал от американского президента извинений за полет У-2, хотя главы государств никогда не принимают на себя ответственность за своих шпионов — именно для того, чтобы нормальные межгосударственные отношения могли продолжаться. А Эйзенхауэр стал защищать право США проводить разведывательные полеты, что еще больше разозлило Хрущева.

В мае 1960 года Хрущев и Эйзенхауэр должны были увидеться в Париже на встрече лидеров четырех ведущих держав. На этот саммит возлагались большие надежды. 14 мая Хрущев вылетел в Париж. Президент Франции Шарль де Голль рассчитывал на успех совещания в верхах, надеялся, что оно поможет снизить напряженность между Востоком и Западом.

Де Голль на правах хозяина уговаривал Хрущева успокоиться, говорил, что есть смысл умерить свои претензии к американцам:

— Все меняется, вот ваш спутник летает над землей, пролетает над территорией Франции — мы же не обижаемся на вас за это.

Но уговоры не подействовали. На Хрущева давила еще и жесткая антизападная позиция Китая. Он предпочел торпедировать четырехсторонние переговоры, которых так желал, но не хотел показаться слабым и уступчивым. Едва все собрались, Хрущев заявил, что, если президент США отказывается принести извинения, то Советский Союз не станет участвовать в переговорах и отзывает свое приглашение, Эйзенхауэр не может быть гостем нашей страны... Встреча закончилась, не начавшись.

Премьер-министр Великобритании Гарольд Макмиллан называл срыв встречи в верхах в Париже «самым трагическим моментом в моей жизни».

Министр обороны СССР маршал Р. Я. Малиновский поддержал

Хрущева:

— Нечего с ними цацкаться.

А. А. Громыко на склоне лет писал в своей книге: «Я иду за Хрущевым, а в голове одна мысль: “Чистый выпендрей!” Хрущев теряет контроль над собой, что для государственного деятеля недопустимо». В этих мемуарах он осуждал Хрущева за то, что тот покинул парижскую встречу и сорвал визит Эйзенхауэра в СССР. Но в тот момент министр иностранных дел СССР действовал иначе. Сотрудник советского посольства в Париже В. В. Снегирев вспоминал, что для советской делегации привезли большой запас продовольствия.

Чтобы добро не пропадало, в посольстве устроили большой ужин.

Первый тост произнес маршал Малиновский:

— Мы здесь, в Париже, были свидетелями исторического события, когда наш дорогой Никита Сергеевич со свойственным ему умением загнал этого заживревшего буржуя в угол и заставил его извиваться.

Громыко не отставал и говорил о гениальности «нашего дорогого Никиты Сергеевича». Андрей Андреевич взирал на первого секретаря с показным восторгом, хотя непредсказуемость и импровизации Хрущева часто его пугали.

В сентябре 1960 года Хрущев отправился в Нью-Йорк на сессию Генеральной Ассамблеи ООН. Вместе со всей делегацией он плыл на турбоэлектроходе «Балтика». Лайнер был построен в Амстердаме и в мае 1940 года передан СССР. Он долго носил название «Вячеслав Молотов», а после изгнания Вячеслава Михайловича с партийного олимпа теплоход превратилось в нейтральную «Балтику».

Никита Сергеевич жил в люксе «А» по левому борту. Рано утром он выходил на палубу и дышал свежим воздухом. Гулял даже в сильнейший шторм. По судовому радио крутили его любимую песню «Рушничок». Время от времени поднимался на мостик, чтобы перемолвиться словом с капитаном судна Павлом Алексеевичем

Майоровым. Вечером в музыкальном салоне смотрел фильмы. Ровно в 11 уходил в свою каюту. Но Хрущев не отдыхал, а работал — диктовал стенографисткам наброски своих будущих выступлений.

В Нью-Йорке произошло крайне неприятное происшествие. В город отпустили группу механиков, и сбежал котельный машинист эстонец Виктор Яаниметс. Он попросил у американцев политического убежища. В другой ситуации капитану судна не поздоровилось бы, но Никита Сергеевич не захотел поднимать шум.

Хрущев был сильно недоволен деятельностью ООН, где большинство стран голосовало против Советского Союза. Он пытался сместить тогдашнего генерального секретаря ООН Дага Хаммаршельда и предлагал перевести штаб-квартиру из Нью-Йорка в другое место.

Никита Сергеевич присутствовал на всех заседаниях Генеральной Ассамблеи, хотя руководители государств обычно не тратят на это времени. Но Хрущев полностью отдался новому для него делу.

Он словно вернулся в годы своей юности, когда сражался на митингах с противниками генеральной линии партии.

В первый раз Хрущев возмутился, когда выступал представитель Филиппин, который говорил о том, что СССР аннексировал Прибалтику и подавил народное восстание в Венгрии. Хрущев, вспоминая переводчика Виктора Суходреву, пытался топтать ногами, но на полу лежал ковер.

Тогда он стал стучать кулаками по столу и призвал на помощь соседей:
— Громыко, дипломаты, поддерживайте!

Министр иностранных дел и его подчиненные постукивали осторожно. Хрущев повернулся к украинской делегации во главе с первым секретарем ЦК КПУ Николаем Викторовичем Подгорным. Тот с удовольствием присоединился к Хрущеву.

В первый раз необычный демарш советского руководителя особого впечатления не произвел. На следующий день Хрущев стал стучать по столу башмаком. Позже он объяснял свой поступок по-разному, но сразу после этой истории сказал откровенно: он так стучал кулаками, что у него часы остановились. И это его совсем разозлило.

— Вот, думаю, черт возьми, еще и часы свои сломал из-за этого капиталистического холуя. И так мне обидно стало, что я снял ботинок и стал им стучать.

Громыко впоследствии скажет, что это был позор. Но в тот момент был готов идти с первым секретарем ЦК до конца, хотя подобного скандала ООН еще не знала.

Вернувшись домой, 15 октября 1960 года, на заседании Президиума ЦК Хрущев отчитался о поездке в Нью-Йорк. Громыко добавил, что поездка «намного укрепила наши внешнеполитические позиции». Слово получил сопровождавший Хрущева главный редактор «Правды» Павел Алексеевич Сатюков:

— Западники вопили, что разрушаются парламентские традиции. Но поездка товарища Хрущева является самой великой поездкой. Резонанс в мире огромный, победа колоссальная.

В восторженных тонах о печально знаменитом эпизоде в зале

заседаний ООН поведал на XXII съезде КПСС в октябре 1961 года главный редактор «Известий» Алексей Аджубей:

— Там годами царила тошнотворная атмосфера парадности и так называемого классического парламентаризма. Советская делегация развеяла эту мертвящую скуку... Когда уставали кулаки, которыми делегаты социалистического лагеря барабанили по столам в знак протеста, находились и другие способы для обуздания фарисеев и лжецов. Может быть, это и шокировало дипломатических дам западного мира, но просто здорово было, когда товарищ Хрущев однажды, во время одной из провокационных речей, которую произносил западный дипломат, снял ботинок и начал им стучать по столу.

Зал взорвался аплодисментами.

— Причем, — продолжал Аджубей, — Никита Сергеевич ботинок положил таким образом — впереди нашей делегации сидела делегация фашистской Испании, что носок ботинка почти упирался в шею франкистского министра иностранных дел, но не полностью. В данном случае была проявлена дипломатическая гибкость!

В зале засмеялись. Когда через три года Хрущева снимут, этот эпизод в ООН те же самые люди поставят ему в вину и назовут невиданным позором.

Никита Сергеевич разрешил зятю выступить на съезде, что было немалым поощрением. Но выступление оказалось неудачным, хотя зал исправно хлопал в нужный момент. Аджубей рассказывал о своих поездках за границу — во Францию и Соединенные Штаты, недостижимые даже для большинства делегатов партийного съезда. Едва ли сидевшие в Большом Кремлевском дворце испытывали теплые чувства, глядя на молодого человека, взлетевшего так высоко и объездившего полмира благодаря тестю.

Чья земля? Спор с Китаем

Запад поздно понял, что ситуация в социалистическом блоке меняется: дружба Москвы и Пекина оказалась недолговечной. Мао Цзэдун был недоволен слишком небольшими, с его точки зрения, объемами советской помощи и встревожен стремлением Хрущева добиться разрядки международной напряженности. При этом китайский лидер легко балансировал на грани войны и мира, пытаясь втравить в военное противостояние и Советский Союз.

В 1953 году артиллерия Народноосвободительной армии Китая стала обстреливать прибрежные острова, занятые гоминьдановскими войсками прежнего руководителя Китая Чан Кайши, который, потерпев поражение в гражданской войне, обосновался на острове Тайвань. Острова не были нужны Мао. Но он держал мир в напряжении. При этом был отдан приказ китайским солдатам ни в коем случае не стрелять в американцев.

В связи с нарождающимся конфликтом госсекретарь США Джон Фостер Даллес 15 марта 1955 года объявил, что Соединенные Штаты готовы применить тактическое ядерное оружие в случае нападения коммунистов на Тайвань. На следующий день президент Дуайт Эйзенхауэр подтвердил слова своего госсекретаря. В Пекине все поняли, и 23 апреля Чжоу Эньлай на конференции в Бандунге заявил:

— Китайский народ не намерен воевать с Соединенными Штатами. Китайское правительство желает сесть за стол переговоров с американским правительством, чтобы обсудить вопрос об ослаблении напряженности на Дальнем Востоке и особенно в районе Тайваня.

Обстрел островов Китай прекратил.

А в 1958 году Мао Цзэдун вновь затеял войну из-за архипелагов Цзиньмыньдао и Мацзу, которые контролировались Тайванем. Вечером 23 августа их начала обстреливать китайская артиллерия, затем последовали авианалеты и атаки торпедных катеров. Китайским войскам было приказано не отвечать на огонь американских кораблей. Но госсекретарь Даллес знал, как надо общаться с Мао. 4 сентября он заявил, что США защитят и Тайвань, и прибрежные острова.

5 сентября Чжоу Эньлай заявил, что КНР желает возобновить переговоры с США. В Пекин отправился министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

— Международная напряженность более выгодна нашим странам и

менее выгодна империалистам, — объяснил Мао Цзэдун советскому министру. — Наша цель — скорее смести империализм. В этом смысле я — милитарист. США могут пойти на авантюру, на развязывание войны против КНР. Но капитулировать мы не намерены. Если США нападут на Китай и применят даже ядерное оружие, китайская армия отступит вглубь страны, чтобы заманить противника в ловушку.

Мао объяснил, что делать Москве:

— Советский Союз не должен давать на начальной стадии войны военный отпор американцам основными своими силами. Лишь затем, когда американские армии окажутся в Центральной части Китая, СССР должен их накрыть всеми своими средствами.

Мао мило осведомился у Андрея Андреевича:

— Когда война закончится, где мы построим столицу социалистического мира?

Из его слов вполне закономерно следовало, что в ходе грядущей войны Москва неминуемо сгорит в ядерном пламени. Громько испугался. Но остановить попытались не Китай, а США. Американского президента предупредили: нападение на КНР будет рассматриваться как нападение на Советский Союз и в случае применения агрессором ядерного оружия он «немедленно получит должный ответ теми же средствами».

Мао Цзэдун тут же написал в Москву: «Я от имени всех товарищей — членов Коммунистической партии Китая — выражаю вам сердечную благодарность... Мы глубоко тронуты вашей безграничной верностью принципам».

На встрече в Пекине 2 октября 1959 года Хрущев мягко выговаривал китайцам:

— Если уж вы стреляете, то следует брать эти острова. А если вы не считаете необходимым брать острова, то нечего и стрелять. Я не понимаю такой вашей политики. Честно говоря, я думал, что вы возьмете острова, и был огорчен, когда узнал, что вы их не взяли. Это, конечно, ваше дело, но я говорю об этом как союзник. Обстреливать острова, чтобы дразнить кошек, не стоит.

Мао Цзэдун не считал необходимым предупредить Москву о намеченной военной операции. Но при этом требовал солидарности от советского руководства, которое, как он считал, обязано автоматически приходить ему на помощь. Хрущев разрывался перед нежеланием развязать ядерную войну и опасением потерять важнейшего союзника. Он оказался актером, играющим роль в пьесе, написанной другими авторами. Пытался произвести впечатление на Мао, но не владел тем языком, который

руководитель Китая воспринимал всерьез.

В конце июня 1958 года глава Госсовета (правительства) КНР Чжоу Эньлай обратился к Хрущеву с просьбой оказать Китаю помощь в строительстве атомных подводных лодок. 21 июля советский посол

Павел Федорович Юдин передал Мао ответ: Москва предлагает общими усилиями создавать совместный советско-китайский подводный флот, который будет действовать с китайских баз. Буквально на следующий день посла пригласили на заседание китайского политбюро, и Мао устроил ему настоящий разнос, обвинив Москву в попытке превратить страну в советскую колонию:

— Вы никогда не доверяли китайцам! Для вас русские — люди первого класса, а китайцы — это низший сорт, дураки и неряхи... Если у вас есть несколько атомных бомб, то вы думаете, что можете контролировать нас... Мои замечания могут вам не понравиться.

Вы можете обвинить меня в том, что я националист или новый Тито. Мой же контраргумент — ваш русский национализм простирается до китайского побережья.

Хрущев прилетел в Пекин объясняться.

— Я считал нужным, чтобы ваш приезд состоялся втайне, — сказал Мао, — дабы империалисты не могли воспользоваться вашим отсутствием и произвести внезапное нападение.

— Не думаю, чтобы они на это решились, — ответил Хрущев, — соотношение сил не в их пользу.

Сам диалог руководителей двух огромных государств свидетельствовал о крайне примитивном понимании внешнего мира.

Была страшная жара, Никита Сергеевич и Мао сидели у бассейна. Вроде бы обо всем договорились, но атмосфера переговоров была не очень комфортной для советской делегации.

На следующий год Хрущев оказался в трудном положении, когда вспыхнула война между Китаем и Индией — из-за Тибета. Тибет был теократическим государством во главе с Далай-ламой. Китайские коммунисты, взяв в 1949 году власть в Пекине, обещали Тибету автономию. Но потом начали коллективизацию, за которой последовал голод — умерли триста с лишним тысяч человек. Это вызвало резкое осуждение прежде всего в соседней Индии. Премьер-министр Джавахарлал Неру объявил, что Индия имеет духовные и культурные интересы в Тибете, исходя из исторических связей между индийской классической буддистской культурой и тибетским буддизмом.

Крупное восстание началось в Тибете 10 марта 1959 года, это был

ответ на попытку коммунистов покончить с религией. Повстанцы пытались вести настоящую войну с превосходящими силами Народноосвободительной армии Китая и потерпели поражение. Далай-лама, правительство и духовенство бежали в Индию. За ними последовали 120 тысяч беженцев. Для Мао это было крайне неприятно.

Москва заняла нейтральную позицию. Китай возмущался: Советский Союз в любом случае обязан поддержать социалистическую страну.

На встрече в Пекине Никита Хрущев перечислял ошибки китайцев:

— У вас нет контакта с населением Тибета. Зачем вам надо было убивать людей на границе с Индией?.. Вы знаете не хуже меня, как можно без крови решать спорные вопросы. Вы что же, хотите, чтобы мы одобрили ваш конфликт с Индией? Это было бы глупо с нашей стороны.

Министр иностранных дел Китая маршал Чэнь И (это не могло не быть рассчитанным жестом) назвал линию Хрущева «приспособленчеством». Такие слова в межпартийном диалоге еще не звучали. Это было прямым оскорблением.

— Ишь, какой левый, — отозвался Хрущев. — Смотрите, товарищ Чэнь И, пойдете налево, а можете выйти направо. Дуб тоже твердый, да ломается... Почему же вы можете нас критиковать, а старший брат вас не может?

— Я не боюсь вашего гнева, — ответил Чэнь И.

— Не надо на нас плевать, — заметил Хрущев. — Не хватит плевков. Нас не заплюешь. Хорошо же складывается положение: с одной стороны, говорите о формуле «во главе с Советским Союзом», а с другой — не даете мне сказать и слова.

В октябре 1961 года в Бухаресте китайская делегация раскритиковала Хрущева за десталинизацию. Никита Сергеевич попросил румын устроить закрытую встречу всех иностранных делегаций, прибывших на съезд. Между Хрущевым и китайцами возникла перепалка. В какой-то момент выведенный из себя Хрущев вспомнил о мумии Сталина, которая еще покоилась рядом с Лениным в Мавзолее:

— Если он вам так нужен, забирайте!

Китайцы промолчали.

Хрущев почувствовал, что Мао ведет себя с ним, как старший, когда приехал в Пекин после встречи с президентом США Дуайтом Эйзенхауэром в сентябре 1959 года. И по просьбе Эйзенхауэра поднял вопрос об освобождении пяти американских «шпионов» из китайских тюрем. Руководители государств, как правило, оказывают друг другу подобные мелкие любезности. Но Мао демонстративно возмутился тем,

что Хрущев позволяет себе исполнять поручения американского президента. А фронт, крайне неприятный для Никиты Сергеевича.

Хрущеву приходилось доказывать всему миру и прежде всего социалистическим странам, что Советский Союз, а не Китай, остается лидером соцлагеря и способен защитить всех союзников и о них позаботиться. Эта мысль повлияла на его решение отправить ракеты с ядерными боеголовками на Кубу.

Весной 1964 года подчиненные доложили Мао Цзэдуну, что осенью можно будет провести первое испытание атомного взрывного устройства. Председатель написал неожиданно теплое поздравление Хрущеву по случаю его семидесятилетия, призвав к солидарности: «В случае мирового кризиса мы встанем плечом к плечу против нашего общего врага. Пусть империалисты и реакционеры дрожат перед нашим союзом».

А через несколько месяцев вспыхнул настоящий конфликт.

— Советский Союз захватил слишком много земель, — заявил Мао Цзэдун.

Слова Мао прозвучали как прямая угроза: выходит, у Китая есть территориальные претензии к Советскому Союзу. И сразу возник вопрос: не намерен ли Мао силой решить этот спор? В июле 1964 года китайский лидер принимал представителей Социалистической партии Японии. Гости из Токио заинтересовались, что он думает относительно давнего конфликта между Японией и СССР из-за Курильских островов.

Он ответил неожиданно резко:

— На Ялтинской конференции Монголии номинально предоставили независимость, номинально отрезали ее от Китая. Фактически же она находится под контролем Советского Союза. Мы в свое время ставили вопрос о том, нельзя ли вернуть Монголию Китаю. Они нам отказали. Они отрезали от Румынии кусок, называемый Бессарабией, отрезали от Германии кусок Восточной Германии. Они еще отрезали кусок и от Финляндии. Они отрезали все, что можно было отрезать. Более ста лет назад они отхватили земли к востоку от Байкала, включая и Хабаровск, и Владивосток, и полуостров Камчатку. Этот счет не погашен, мы еще не рассчитались с ними по этому счету.

Вернувшись домой, японцы опубликовали текст беседы с Мао. Отношения между СССР и Китаем уже были испорчены. Но до этого дня спор двух компартий носил большей частью теоретический характер: кто большие марксисты... Мао превратил идеологический спор в межгосударственный. Слова насчет того, «что мы еще не рассчитались», в Советском Союзе восприняли как прямую военную угрозу.

Хрущев дал публичный ответ Мао 15 сентября 1964 года. В этот день он тоже принимал японскую делегацию. В его голосе звучал металл:

— Конечно же, если нам войну навяжут, мы будем сражаться всеми своими силами и всеми средствами. А средствами войны мы располагаем достаточно мощными, я бы сказал, неограниченными. И если агрессоры развяжут войну, то они в ней погибнут. Я вынужден был вчерашний день потратить на осмотр новых видов оружия. Мне пришлось этим заниматься, потому, что пока в мире есть еще волки, надо обязательно иметь средства для того, чтобы защищаться от этих волков.

Что означали слова Мао Цзэдуна, сказанные японцам, о том, что Советский Союз «захватил слишком много земель»? В Пекине с февраля 1964 года шли территориальные переговоры. Китайцы предложили упорядочить линию границы и заключить новый договор. Москва согласилась. Дипломаты работали вполне успешно. Но Мао, похоже, хотел подтолкнуть переговоры. И промахнулся: переговоры были прерваны, враждебность между двумя странами усилилась. Мао, похоже, сам испугался. Он объяснял гостям из Северной Кореи:

— Мы сейчас говорим некоторые пустые слова. Говорим, что правительство царской России отрезало у нас миллион пятьсот тысяч квадратных километров. Хотим ли мы требовать возвращения этих районов? Мы и не думаем требовать этого. Цель состояла в том, чтобы привести Советский Союз в напряженное состояние и благодаря этому добиться сравнительно рационального договора о границе.

Примерно то же самое Мао повторил албанскому министру обороны:

— Мы стремились к тому, чтобы на пограничных переговорах находиться в наступлении. Возможно, вы считаете, что мы и вправду хотим вернуть 1 миллион 540 тысяч километров земель, захваченных царями. Мы отнюдь этого не хотим. Это и называется произведением холостых выстрелов, приведением их в напряжение. Хрущев такой человек, что если ты в него не произведешь несколько холостых выстрелов, то он будет чувствовать себя нездоровым...

Советские люди стали воспринимать Китай как врага № 1, китайцы — готовиться к войне с Советским Союзом. Начались стычки на границе. Уже после Хрущева, в марте 1969 года, пролилась первая кровь: китайские солдаты стреляли в советских. Взаимная ненависть достигла предела.

Встреча с Кеннеди в Вене

Молодой и обаятельный американский политик ирландского происхождения Джон Фицджералд Кеннеди выиграл президентские выборы в США в 1960 году, обвинив предшественника в том, что тот позволил Хрущеву обогнать Америку в создании современного оружия.

Джон Кеннеди пришел в Белый дом с ястребиной программой:

— Нашим врагом является сама коммунистическая система, стремящаяся к мировому господству. Это не борьба за превосходство вооружений. Это борьба двух непримиримых идеологий, свободы против безжалостной и безбожной диктатуры.

Кеннеди пообещал перевооружить армию:

— Мы вновь станем первыми. Я хочу, чтобы мир не поражался тому, что делает господин Хрущев. Я хочу, чтобы мир поражался тому, что делают Соединенные Штаты.

Советский Союз располагал достаточным количеством ракет средней дальности, чтобы угрожать Европе. Советские военные обзавелись немалым числом бомбардировщиков дальнего радиуса действия.

Но всего несколько ракет могли долететь до американской территории.

Тем не менее Кеннеди распорядился вдвое увеличить производство ракетного вооружения. Он хотел, чтобы половина стратегических бомбардировщиков была готова к взлету в течение 15 минут. В 1960 году в океаническое плавание ушла первая лодка с ракетами «Поларис» на борту. Через два года в океанской толще появятся еще восемь подлодок — а это 144 ракеты, оснащенные ядерными боеголовками и нацеленные на Советский Союз. Такая политика неминуемо вела к столкновению двух держав.

Вступая в должность 20 января 1961 года, новый президент США посвятил внутренним проблемам страны всего несколько слов.

В основном он говорил о внешней политике, считая, что лишь она способна прославить его среди потомков:

— Все народы, как бы мы к ним ни относились, должны знать, что мы заплатим любую цену, вынесем любые тяготы, стерпим любые невзгоды, но поможем всем друзьям и будем сражаться со всеми врагами, чтобы обеспечить победу свободы!

В Москве слова 35-го президента США восприняли как чистой воды демагогию. На Хрущева он произвел впечатление человека неопытного и

нерешительного. Но все-таки Никита Сергеевич хотел посмотреть на Кеннеди лично. Поздравляя его с избранием, Хрущев писал: «Мы_ готовы развивать самые дружественные отношения между советским и американским народами, между правительствами СССР и США.

Мы убеждены, что нет таких препятствий, которые нельзя было бы преодолеть на пути к сохранению и упрочению мира»

Кеннеди ответил: «Начнем же все заново, и пусть обе стороны помнят, что вежливость — не признак слабости, а искренность всегда должна подтверждаться делами. Давайте вести переговоры не из страха, но и не страшиться переговоров».

Хрущев намекнул на желательность встречи. 22 февраля 1961 года Джон Кеннеди в письме выразил надежду, что они встретятся в ближайшем будущем. Президент велел послу США в Москве Льюэллину Томпсону предложить Хрущеву встречу в каком-нибудь нейтральном европейском городе. 1 апреля первый секретарь назвал Томпсону два города — Стокгольм и Вену. Кеннеди выбрал австрийскую столицу.

Переговоры начались 3 июля 1961 года в резиденции американского посла в Вене.

Хрущев говорил горячо и темпераментно. Он пытался надавить на молодого президента. У Никиты Сергеевича за спиной был триумфальный полет Юрия Гагарина, а американские астронавты еще ждали на земле, когда будет готова их ракета. Хрущев считал, что его позиция дает ему преимущество. Никита Сергеевич, видя перед собой молодого президента, начал разговор шуткой:

— Меня тоже в свое время принимали за очень молодого человека, и я еще обижался, что меня считают таким молодым. А теперь я бы с удовольствием поменялся с вами возрастом или поделился бы излишками возраста.

Президент Кеннеди шутки не принял. Он заговорил о главной теме, которая его тревожила, о наступлении мирового коммунизма, который теперь еще обладает ракетно-ядерным оружием. Кеннеди, обращаясь к Хрущеву, сказал:

— Меня больше всего беспокоит то, что вы хотите уничтожить нашу капиталистическую систему, что вы хотите уничтожить наше влияние там, где оно всегда было, что вы вообще хотите уничтожить свободную систему.

Никита Сергеевич не только чувствовал себя старше Кеннеди — по возрасту и опыту, он ощущал себя вождем более мощной державы.

— Господин президент, — ответил Хрущев, — я гарантирую вам, что Советский Союз не станет навязывать свои интересы с помощью войны, —

вообще смешно навязывать идеи, приносить идеи на кончиках штыков, или, как сейчас можно было бы сказать, на кончиках ракет.

Но это не будет означать, что мы как в школе сядем за парту, сложив руки. Мы уважаем свои идеи, мы поддерживаем свои идеи и не можем гарантировать вам, что они останутся только в пределах наших границ.

Первый день переговоров ни к чему не привел. Два руководителя беседовали между собой на разных языках в прямом и переносном смысле. Провожая Хрущева, Кеннеди сказал тоскливо:

— Да, господин председатель, похоже, с вами еще труднее договариваться, чем с президентом Шарлем де Голлем.

Никита Сергеевич желал находиться в центре мировой политики, чтобы без него ничего не решалось. Он не сомневался, что Кеннеди придется уступить. «Кеннеди — молодой, энергичный, интеллигентный, — вспоминал советский дипломат Валентин Михайлович Фалин. — Такие приемы Хрущева, как “я старше вас, надеюсь, вы не сочтете неуместным, если, исходя из своего жизненного опыта, дам совет...”, как в вату. Джон Кеннеди пропускает их мимо себя».

На следующий день переговоры продолжились в здании советского посольства.

Американские дипломаты предупреждали президента:

— Хрущев, несомненно, не хотел бы рисковать большой войной.

Но реальная опасность состоит в том, что он может не сознавать, что дело идет к войне. Его необходимо недвусмысленно предупредить, что Соединенные Штаты не позволят выставить себя из Берлина.

Джон Кеннеди понимал, что должен продемонстрировать твердость, но не знал, как это сделать. Разговор зашел о Берлине и сразу же приобрел очень жесткий характер. Кеннеди объяснил свою позицию:

— Господин председатель, Соединенные Штаты находятся в Западном Берлине по праву победителя в войне, это право не может быть отменено в одностороннем порядке. Кроме того, каждый американский президент подтверждает те гарантии, которые наша страна дала другим государствам. Если мы откажемся от этих гарантий, нам же никто не будет верить. Если нас вытеснят из Западного Берлина, гарантии, которые мы дали Европе, ничего не будут стоить.

Но Хрущев держался очень твердо:

— Господин президент, если вы будете настаивать на праве доступа в Западный Берлин после того, как мы подпишем мирный договор с Германской Демократической Республикой, вы рискуете военным столкновением. Имейте в виду, если ваши войска пересекут границу ГДР,

мы ответим на вашу агрессию.

Кеннеди уточнил:

— Господин председатель, вы готовы рискнуть военным столкновением Соединенных Штатов и Советского Союза из-за статуса Западного Берлина? Господин председатель, начать войну легко, значительно сложнее сохранить мир.

Хрущев был уже вне себя:

— Господин президент, мы войны не хотим, но если вы ее начнете, то будет война. Только имейте в виду, что мы от своего решения не отступимся и в декабре подпишем договор с Германской Демократической Республикой.

И тогда Кеннеди произнес фразу, которая вошла в историю:

— В таком случае, господин председатель, зима в этом году будет холодной.

Кеннеди предложил принять совместное заявление об отказе от войны как средства решения конфликтов. Хрущев отверг это предложение, потому что это лишало его возможности участвовать в антиимпериалистической борьбе, то есть давать оружие и посылать войска в помощь всем, кто такой помощи попросит.

В Вене Хрущев спросил Кеннеди:

— Господин президент, а сколько вам лет?

Кеннеди ответил. Хрущев задумчиво сказал:

— Да, моему старшему сыну сейчас было бы столько же или даже больше.

Все восприняли это как стремление поставить молодого американского президента на место. Но, по словам Виктора Суходрева, Хрущев произнес эти слова с грустью. Он вспомнил своего погибшего на войне сына Леонида, и ничего иного в виду не имел.

И все же совершенно очевидно, что Кеннеди не произвел впечатления на Хрущева. В своем кругу Никита Сергеевич пренебрежительно заметил:

— Да, если сейчас у американцев такой президент, то мне жаль американский народ.

А. А. Громыко, выступая на партактиве Министерства иностранных дел, сказал:

— Если попытаться образно выразиться, то это была встреча гиганта и пигмея.

Встреча не получилась — это было ясно всем. Обмен язвительными выпадами продолжился заочно.

— Говорят, что Западный Берлин невозможно защитить, — заявил

публично Кеннеди. — То же в войну говорили и о Сталинграде. Любую позицию можно сделать неприступной, если люди — храбрые люди — берутся за это. Мы не хотим воевать, но мы не позволим коммунистам выбросить нас из Берлина.

Со своей стороны Хрущев отказывался верить в искреннюю готовность американцев сражаться за Берлин. На своей даче на Черном море Никита Сергеевич принял председателя американского Совета по международным отношениям Джона Макклроя и сказал ему:

— Если западные войска попытаются силой проложить себе путь в Берлин, мы будем противостоят вам силой. Война будет термоядерной. Вы и мы, вероятно, выживем. Но все ваши европейские союзники будут уничтожены.

Никита Сергеевич так расписывал мощь термоядерного оружия, что маленькая дочь посла Макклроя расплакалась.

После Вены Хрущев отправил Кеннеди подарок: это был щенок по кличке Пушинка, чья мать Стрелка побывала в космосе. Прежде чем семья Кеннеди смогла забрать щенка в Белый дом, сотрудники секретной службы тщательно его проверили: нет ли бомб, микробов и скрытых подслушивающих устройств. Ее потомство от валлийского терьера Чарли Джон Кеннеди называл «пупниками» — от слов pup (щенок) и sputnik.

Берлинская стена

После создания двух германских государств западная часть Берлина оставалась под оккупацией держав-победительниц и юридически не принадлежала ни к ГДР, ни к ФРГ. Западный Берлин представлял собой особую административную единицу.

Граница между двумя Германиями, ФРГ и ГДР, давно была закрыта. А перебраться из одной части Берлина в другую не составляло особого труда. Через эту лазейку каждый год из Восточного Берлина в Западный уходили примерно четверть миллиона граждан ГДР. А уже оттуда они беспрепятственно переезжали в ФРГ.

Руководитель социалистической ГДР Вальтер Ульбрихт рисковал потерять население своей страны. Он жаловался, что ФРГ помогают Соединенные Штаты и западноевропейские страны, поэтому западные немцы восстановили свои города, платят рабочим высокую зарплату и сокращают рабочий день. Учителя и врачи получают на Западе вдвое больше. И промышленное производство в ФРГ растет более быстрыми темпами.

Ульбрихт втолковывал Хрущеву:

— Мы понимаем, что наши просьбы требуют больших жертв от вас, но вы понимаете, что нашей экономике необходимо помочь.

ГДР был форпостом социализма. Хрущеву хотелось, чтобы форпост производил сильное впечатление, чтобы преимущества социализма были очевидны с первого взгляда. Он не мог отмахиваться от просьб и требований ГДР. Его собственная репутация тоже зависела от ситуации в Восточной Германии.

Когда Хрущев осознал, в каком бедственном положении находится ГДР, он сказал Ульбрихту :

— Мы и не подозревали, что ГДР так экономически уязвима.

Он принял решение оказать масштабную помощь. Но при этом призвал немецких товарищей тоже работать активно, учиться стоять на двух ногах, а не во всем полагаться на Москву. И отказался дать Ульбрихту золото, чтобы тот мог расплатиться с долгами Западу:

— Вы просите 68 тонн золота. Это неприемлемо. Не должно быть ситуации, когда вы покупаете товары, а мы за них платим. У нас не так много золота, мы должны держать его на случай крайней необходимости.

Ульбрихту нужно было заставить Хрущева сделать то, чего советский

лидер в общем не хотел — перекрыть границу с Западным Берлином. Но Никита Сергеевич постепенно пришел к выводу, что нельзя позволить ГДР истечь кровью — если ее и дальше будут покидать самые образованные и толковые молодые люди, у социалистической Германии нет будущего.

Джон Кеннеди заметил заместителю помощника президента по национальной безопасности Уолту Ростоу:

— Хрущев теряет Восточную Германию, а он не может себе это позволить. Он должен что-то предпринять, чтобы остановить поток бегущих из страны. Возможно, построить стену. И мы не в силах это предотвратить.

Вальтер Ульбрихт прилетел в Москву 1 августа. Он сообщил Хрущеву, что самое удобное время для строительства стены — ночь с субботы на воскресенье, когда на улицах меньше всего людей. Договорились, что это будет ночь с 12 на 13 августа 1961 года.

Ульбрихт объяснил Хрущеву:

— Там, где окна домов выходят на Западный Берлин, заложим кирпичом окна. А так установим заграждения из колючей проволоки.

В назначенный день в 4 часа дня Вальтер Ульбрихт подписал приказ о закрытии границы между секторами. Операция началась в полночь. Стена рассекла 75 улиц, 5 железнодорожных веток, 4 линии подземки... К утру 13 августа город был разделен.

Но напряжение не спало. 22 октября сотрудник народной полиции ГДР потребовал предъявить документы у заместителя руководителя американской миссии в Западном Берлине Алана Лайтнера, который собрался с женой в оперу в Восточном Берлине. Дипломат позвонил генералу Люциусу Клею, которого Кеннеди отправил в Западный Берлин для поднятия духа. Генерал решил доказать, что он добьется права американских дипломатов свободно ездить по всему городу. Машину дипломата окружил военный эскорт на трех джипах, и колонной они въехали. В следующий раз, когда Алан Лайтнер собрался в Восточный Берлин, к контрольно-пропускному пункту подкатили четыре американских танка.

В Москве шел XXII съезд партии. Валентин Фалин рассказывал, что Хрущев устроил совещание с военными и дипломатами.

— Получены данные, — говорил Хрущев, — что американцы затевают в Берлине пробу сил. Они собрались пройти танками, оснащенными бульдозерными ножами, по пограничным сооружениям ГДР. Вопрос стоит так: или мы дадим отпор, или утратим контроль над ситуацией. Решено командировать в ГДР маршала Конева, чтобы он принял на себя

командование советской группой войск. Если американцы выведут на исходные позиции свои танки, наши выдвинутся навстречу в полной боевой готовности. Если американские машины начнут крушить погранзаслоны, приказываю стрелять по ним на поражение.

Первый и единственный случай прямого советско-американского военного противостояния за всю историю холодной войны пришелся на 27 октября 1961 года. В этот день на межберлинском КПП, который вошел в историю как Чекпойнт Чарли, стояли по десять танков с каждой стороны.

Советские военные решили, что генерал Люциус Клей и в самом деле намерен снести Берлинскую стену. Но в Вашингтоне советские разведчики и дипломаты стали договариваться с американскими коллегами. Джон Кеннеди попросил отвести советские танки и обещал, что немедленно вслед за этим уберет и американские. Хрущев согласился. Утром 28 октября советские танки отошли от КПП, на столько же отошли американские. Советские машины сдали еще назад, тот же маневр повторили американские танкисты. Так в несколько приемов танки покинули Чекпойнт Чарли.

В ГДР Берлинскую стену называли «антифашистским защитным валом», на Западе — «стеной позора». Существование ГДР продлилось еще на 30 лет. Те, кто мечтал уехать на Запад, почувствовали себя заключенными в большом лагере, обнесенном колючей проволокой. Кому было невмозготу, пытались бежать.

А в Москве Хрущев подписал секретное решение Президиума ЦК КПСС: «Поручить Госплану СССР и Министерству внешней торговли изучить возможности дополнительной поставки мяса в ГДР и свои предложения доложить ЦК КПСС».

Карибский кризис

Считается, что на встрече в Вене 35-й президент США произвел на Хрущева впечатление несмышленища, с которым нетрудно справиться, и это привело к тайной отправке на Кубу ядерного оружия. Однако решение о переброске ракетно-ядерного вооружения было принято в Москве еще до встречи с Кеннеди, 18 мая 1962 года, на заседании Совета обороны, а задумано Хрущевым еще раньше. Беседа с новым американским президентом могла только укрепить Хрущева в уверенности, что он прав.

В своих мемуарах он рассказывал, что задался целью спасти от американского нападения Кубу, где понравившийся ему Фидель Кастро обещал построить социализм. Благородное объяснение. Не о себе, о других думали. Но по существу, цель была иной: показать американцам, что Советский Союз тоже может доставить им неприятности. СССР вынужден был жить в окружении военных баз США. Пусть теперь американцы лишатся привычного чувства безопасности и осознают, каково находиться под прицелом чужих ракет.

Хрущев уверился, что ему удастся втайне проверить эту операцию, а уж потом, когда американцы будут поставлены перед фактом, они увидят, что деваться им некуда. Он собирался сам приехать на Кубу, подписать с Фиделем Кастро договор о военном сотрудничестве и оповестить, что отныне кубинцы могут не бояться американцев.

Никита Сергеевич не представлял себе, какой будет реакция американцев. Недооценивал и президента Кеннеди. А. А. Громыко промолчал, хотя — по должности — обязан был объяснить Никите Сергеевичу, как поведут себя американцы. Не посмел. Хрущев — в отличие от Л. И. Брежнева — ко всем обращался только на «вы», но Андрей Андреевич перед ним робел. «Громыко боялся Хрущева до неприличия, — вспоминал Валентин Фалин. — Когда последний повышал тон, у министра пропадал дар речи. В ответ на тирады главы правительства слышалось дробное “да-да-да”, “понял”, “будет исполнено”. Даже если разговор велся по телефону, лоб министра покрывался испариной, а положив трубку на рычаг, он еще минуту-другую сидел неподвижно. Глаза устремлены в какую-то точку, неизбывная тоска и потерянности во всем облике».

Другие же члены Президиума ЦК не понимали ни ситуации в мире, ни американцев. К тому же внешняя политика и военные дела — прерогатива первого секретаря. Думали, что американцы не пойдут на обострение —

кишка тонка.

Сообщение о советских ракетах на Кубе оказалось сюрпризом не только для американцев, но и для советских людей. Доставка ракет и ядерных боеголовок была хорошо засекреченной операцией. Тогдашний председатель КГБ В. Е. Семичастный рассказывал мне, что об отправке ядерных боеголовок на Кубу он узнал от своего начальника разведки — Первого главного управления (ПГУ) — генерала Александра Михайловича Сахаровского, когда это уже стало известно американцам:

— Разумеется, органы КГБ обеспечивали доставку на Кубу ракет и другого оружия. Но относительно ядерного оружия нас не поставили в известность... Я вызвал начальника контрразведки: «В чем дело?» И военная контрразведка через некоторое время мне доложила: да, действительно, на Кубу отправлено ядерное оружие.

— Значит, Хрущев не поставил в известность даже председателя КГБ?

— Я ведь к тому времени всего год был председателем, — ответил Семичастный, — в состав Президиума ЦК не входил. Вообще был всего лишь кандидатом в члены ЦК. Меня еще комсомольцем считали. Да и не все члены Президиума ЦК об этом знали.

— Но разве не было принято в таких случаях запросить мнение разведки о возможной реакции Соединенных Штатов, прогноз развития событий?

— Так это Хрущев должен был мне раскрыть свой замысел. А это означало, что и определенная часть моего аппарата все узнает. Я же должен перед разведкой вопрос поставить: как американцы отнесутся? А если мой аппарат знает, в МИД узнают, тут возможна утечка информации. Американцы были бы заранее в курсе дела, а этого он и хотел избежать. К тому же Хрущев такой человек был, что он не только американцев, но и нас хотел удивить: вот он какой выдающийся политик, все может!

Подготовка к отправке ядерных ракет проходила на фоне трагедии в Новочеркасске. Генералу армии И. А. Плиеву, чьи войска отличились в Новочеркасске, Хрущев и поручил командовать советским контингентом на Кубе. Ему нужен был человек, который без колебаний примет решение применить силу.

На Кубу перебросили обширный арсенал. Приказ генералу Плиеву о запуске ракет с ядерными боеголовками мог отдать только лично Хрущев. Тактические ракеты «Луна» Плиев имел право применить в случае высадки американцев на кубинскую территорию.

Президенту Кеннеди представили точную информацию о советских ракетах средней дальности на Кубе — данные аэрофотосъемки — рано

утром 16 октября. Тут же в Белом доме собрался Совет национальной безопасности. Первое предложение — нанести по советским ракетам упреждающий удар. Министр обороны США Роберт Макнамара и брат президента Роберт Кеннеди, занимавший пост генерального прокурора, призывали к осторожности. Министр указал:

— Бомбардировка пусковых установок советских ракет на Кубе приведет к гибели находящихся там советских специалистов. Это, несомненно, вызовет ответные меры Москвы. Мы потеряем контроль над ситуацией, эскалация конфликта приведет к настоящей войне.

Макнамара объяснил, что бомбардировка с воздуха не гарантирует полного уничтожения всех ракет. Оставшиеся ракеты могут быть запущены, и они взорвутся над американскими городами...

В Москве не подозревали, что Джону Кеннеди уже все известно.

18 октября А. А. Громько, находившийся в Вашингтоне, убежденно утверждал, что на Кубе размещено только оборонительное оружие. Этим он серьезно подорвал доверие к себе со стороны американцев.

Гром грянул, когда 22 октября в 7 часов вечера президент Кеннеди, выступая по радио и телевидению, сообщил, что на Кубе обнаружены советские ракеты, и потребовал убрать их. Первая реакция Хрущева и Президиума ЦК — агрессивно-возмущенная. На Кубу ушло распоряжение ускорить постанковку ракет на боевое дежурство.

На следующий день, 23 октября, появилось заявление советского правительства:

«В связи с провокационными действиями правительства США Советское правительство заслушало министра обороны СССР Маршала Советского Союза товарища Малиновского Р. Я. о проведенных мероприятиях по повышению боевой готовности в Вооруженных Силах и дало министру обороны необходимые указания, в том числе до особого распоряжения:

1. Задержать увольнение в запас из Советской Армии военнослужащих старших возрастов в ракетных войсках стратегического назначения, в войсках противовоздушной обороны и на подводном флоте.

2. Прекратить отпуска всему личному составу.

3. Повысить боеготовность и бдительность во всех войсках».

В ответном послании Хрущева президенту Кеннеди все обвинения отвергались с порога.

Кеннеди 23 октября установил вокруг Кубы карантинную зону и предупредил, что американский военный флот получил приказ останавливать и досматривать все суда, идущие с грузом на Кубу, дабы не

допустить поставку на остров наступательного оружия.

Утром 24 октября советские суда подошли к карантинной зоне. Первоначальный приказ из Москвы капитанам гласил: прорываться. Но в последний момент Хрущев приказал судам развернуться. Если бы суда попытались прорваться к Кубе, американские боевые корабли открыли бы огонь. И как бы тогда повели себя Хрущев и Кеннеди?

В тот же день Кеннеди получил гневное послание от Хрущева: «Вы, господин президент, бросили нам вызов. По какому праву Вы это сделали? Вы, господин президент, объявляете не карантин, а выдвигаете ультиматум и угрожаете, что, если мы не будем подчиняться Вашим требованиям, то Вы примените силу. Нет, господин президент, я не могу с этим согласиться!.. Действия США в отношении Кубы — это прямой разбой, это, если хотите, безумие вырождающегося империализма».

Американские стратегические бомбардировщики Б-52 с ядерным оружием на борту, сменяясь, постоянно находились в воздухе, готовые через Арктику лететь к советским границам. Кеннеди, опасаясь, что у кого-то из военных не выдержат нервы, приказал снять взрыватели с ядерного оружия. Приказ применить ядерное оружие будет исходить только из Белого дома, предупредил своих военных президент.

«Создалась такая нервная обстановка, что и Президиум ЦК, и Совет министров перешли на круглосуточный режим работы, — рассказывал Семичастный. — И у нас в КГБ три-четыре дня окна по ночам не гасли. Резидентуры по всему миру занимались только этим. В последние дни, когда все на волоске висело, телеграммы отправляли в эфир, не шифруя, потому что шифровать да расшифровывать времени не было. Потеря часов и минут могла закончиться сумасшедшей войной».

Отправив ракеты на Кубу, Хрущев не просчитал возможные варианты развития событий и попал в ловушку, которую сам себе поставил. Что делать, если США нанесут удар по Кубе? Ответить ядерным ударом по Америке? То есть начать глобальную ядерную войну? О терзаниях Хрущева в Вашингтоне ничего не знали. Американские политики призывали Кеннеди к «хирургическому удару» по ракетным позициям на Кубе. Начальник Объединенного комитета начальников штабов генерал Максвелл Тэйлор сказал, что надо дать кубинцам сутки на эвакуацию населения, а потом уничтожить ракеты. Братьям Кеннеди приходилось сдерживать жаждавших повоевать своих генералов.

Самым большим «голубем» оказался министр обороны Роберт Макнамара. Он говорил на совещаниях, что русские уже обладают межконтинентальными баллистическими ракетами, которые способны

долететь до территории Соединенных Штатов. Поэтому установка советских ракет на Кубе принципиально ничего не меняет, просто Хрущев получает возможность нанести удар на несколько минут быстрее. Но для Кеннеди появление ракет на Кубе было смертельным вызовом. Его политические противники не простили бы ему, если бы он не сумел заставить Хрущева убрать ракеты. Боялись, что ракеты рано или поздно попадут в руки Фиделя Кастро, который не остановится ни перед чем, чтобы запустить их в сторону ненавистной Америки. Да и Хрущев решит, что ему все можно.

Кеннеди предложил следующую формулу выхода из кризисной ситуации: СССР убирает ракеты, США обязуются не нападать на Кубу и снимают блокаду. Но Хрущеву нужно было официальное заверение со стороны Кеннеди, что он отказывается от попыток нанести удар по Кубе.

И тут у одного из американских самолетов У-2 вышла из строя навигационная система, и вместо Аляски он 40 минут находился над Чукоткой, не подозревая об этом. Ему на выручку отправили истребитель-перехватчик «Конвэр» F-102, чтобы он увел за собой потерявшего ориентацию пилота. Таким образом, над советской территорией оказались уже два нарушителя. Им наперехват вылетели советские истребители. Когда об этом узнал министр обороны Макнамара, у него не выдержали нервы:

— Это же война с Советским Союзом!

Кеннеди хмыкнул и произнес свою очередную знаменитую фразу:

— There's always some son of a bitch who doesn't get the word^[27].

Американские самолеты успели исчезнуть раньше, чем подоспели советские перехватчики. Но ситуация уже выходила из-под контроля Хрущева и Кеннеди.

Фидель Кастро жаждал решительной схватки. После появления советского ядерного оружия на острове он решил, что должен поставить американцев на место. Потребовал от советских войск решительных действий и приказал сбивать американские самолеты. Кубинские зенитчики стреляли, но не попадали. Зато дивизион зенитно-ракетных комплексов С-75 «Десна» двумя ракетами сбил американский самолет-разведчик. Летчик погиб. Об этом маршал Малиновский лично доложил Хрущеву. Тот спросил:

— Кто отдал приказ?

— Сами решили, — ответил Малиновский. — Товарищ Кастро приказал сбивать вражеские самолеты.

Наверное, в этот момент Хрущев понял, что ситуация стала настолько

опасной, что мир семимильными шагами движется к войне. Еще немного, и военные сами, без приказа, втянутся в боевые действия.

Довольный Фидель Кастро позвонил Иссе Александровичу Плиеву и поблагодарил советских ракетчиков. Обломки самолета собрали и увезли в Гавану, в музей. Мысль о том, что вслед за этим может начаться война, Кастро не пугала.

Хрущев распорядился без его личного разрешения по американским самолетам больше не стрелять. Американцы, разумеется, не знали о его приказе. Они исходили из обратного: русские уже пустили в ход оружие. В Вашингтоне этот день запомнился как «черная суббота». Джон Кеннеди отправил своего брата к советскому послу А. Ф. Добрынину сказать, что «если вы не ликвидируете свои базы на Кубе, то мы сделаем это за вас».

Министерство обороны США представило президенту план удара по позициям советских ракет на Кубе. С каждым днем напряжение усиливалось. Американцы всерьез готовились к удару по Кубе и, вероятно, нанесли бы его, если бы Никита Сергеевич не пошел на попятную.

Хрущев представлялся человеком неуравновешенным, неспособным справиться с эмоциями, но это поверхностное впечатление. Его помощник по международным делам Олег Трояновский считал, что Хрущев почти всегда держал себя в руках, а если выходил из себя, то это была игра на публику.

Никита Сергеевич передал Кеннеди новое послание по открытому радио. Он обещал вывести ракеты с Кубы, но просил в ответ убрать американские ракеты из Турции. Там они были размещены в Турции при Эйзенхауэре: это были уже устаревшие ракеты на жидком топливе — ненадежные, неточные и уязвимые. Когда Кеннеди стал президентом, он сам сказал, что ракеты из Турции надо убрать. Но Государственный департамент уговорил его отложить этот вопрос, чтобы не раздражать турок, которые считали американские ракеты гарантией безопасности. 27 октября Кеннеди получил послание от советского лидера, в котором говорилось: «Мы вывезем наши ракеты с Кубы, если вы вывезете свои из Турции... Советский Союз даст торжественное обязательство не вторгаться в Турцию и не вмешиваться в ее внутренние дела; США должны дать такое же обязательство в отношении Кубы».

Кеннеди велел ответить, что уберет «Юпитеры» из Турции.

На следующий день, 28 октября, Хрущев сообщил американцам, что приказал демонтировать ракеты и вернуть их домой. Все закончилось.

Кризис миновал. В нашей стране многие вообще даже и не узнали о том, что произошло.

Я спрашивал Семичастного:

— Вы сами думали тогда, что война может начаться?

— Думал. У меня такое положение было, что я видел: все может быть. Имейте в виду — холодная война иногда доходила до такой точки кипения, что страшно становилось.

Фидель Кастро был чудовищно разочарован, когда узнал, что ракеты с острова уберут. По существу, на этом его дружба с Советским Союзом закончилась. Впоследствии он рассматривал Москву как дойную корову, которую надо использовать во имя продолжения Кубинской революции...

Вся эта история имела неприятные последствия для Хрущева. Карибский кризис подточил единоличную власть Никиты Сергеевича. Товарищи по партийному руководству увидели его растерянным, они стали свидетелями немислимого: он признал свою ошибку и отступил.

Николай Григорьевич Егорычев, который был тогда первым секретарем Московского горкома партии, рассказывал мне, как в один из тех октябрьских дней сидел в кабинете Фрола Козлова, тогда уже второго человека в партии. Козлов доверительно сказал:

— Ну, наш дед-то совсем расквасился. Очень он перепугался!

Если бы позиции Хрущева не ослабли, осторожный Козлов ни за что не позволил бы себе выразиться о первом секретаре столь пренебрежительно.

Через два года, в октябре 1964-го, Никите Сергеевичу припомнили и Карибский кризис.

За время своего правления Хрущев причинил Западу массу неудобств, но не добился никаких выгод для собственной страны. Он умел начинать кризисы, но не знал, как их разрешить. Результатом его политики явилась огромная растрата ресурсов без всякой стратегической компенсации.

«Что ж Хрущев? — писал знаменитый режиссер Михаил Ильич Ромм. — Что-то было в нем очень человеческое и даже приятное. Но вот в качестве хозяина страны он был, пожалуй, чересчур широк. Эдак, пожалуй, ведь и разорить целую Россию можно. В какой-то момент отказали у него все тормоза, все решительно. Такая у него свобода наступила, такое отсутствие каких бы то ни было стеснений, что, очевидно, это состояние стало опасным — опасным для всего человечества».

Но из Карибского кризиса были извлечены уроки. Вполне вероятно, Хрущев и Кеннеди встретились бы вновь. Но 22 ноября 1963 года президент США был убит.

Жаклин Кеннеди отправила Никите Сергеевичу очень личное письмо. Его перевел от руки Олег Трояновский, и мой коллега Николай Карлович

Сванидзе, историк-американист, подарил мне это письмо. Вот что вдова американского президента написала председателю Совета министров СССР:

«Уважаемый господин председатель, хочу поблагодарить Вас за то, что Вы направили господина Микояна в качестве Вашего представителя на похороны моего мужа. У него был такой растерянный вид, когда он подошел ко мне, и это меня очень тронуло. Я попыталась тогда сказать ему кое-что для передачи Вам, но это был такой ужасный день для меня, что я не знаю, выразила ли я то, что хотела.

Поэтому теперь, в одну из последних ночей, которые я проведу в Белом доме, я хочу сообщить Вам, о чем я думаю. Я пишу это только потому, что я знаю, как мой муж заботился о мире и какое важное место в его мыслях занимали отношения с Вами.

В некоторых своих выступлениях он приводил Ваши слова: “В следующей войне оставшиеся в живых будут завидовать мертвым”. Вы и он были противниками, но вы были союзниками в решимости предохранить мир от взрыва. Вы уважали друг друга и могли бы сотрудничать друг с другом. Я знаю, что президент Джонсон сделает все возможное, чтобы установить такие же отношения с Вами.

Моего мужа беспокоило то, что войну могут скорее начать не большие, а мелкие люди. Большие люди понимают, сколь необходимы самоконтроль и выдержка, в то время как мелкие люди порой движимы страхом и гордыней. Если бы только в будущем большие люди могли по-прежнему заставлять мелких людей сесть за стол переговоров прежде, чем они начнут воевать! Я знаю, что президент Джонсон будет проводить ту же политику, в которую так глубоко верил мой муж, — политику контроля и выдержки. И ему нужна будет Ваша помощь.

Я посылаю это письмо потому, что мне хорошо известно, какое большое значение имели отношения, существовавшие между Вами и моим мужем, а также потому, что Вы и госпожа Хрущева так сердечно отнеслись ко мне во время встречи в Вене. Я читала, что у нее были слезы на глазах, когда она выходила из американского посольства в Москве, подписав траурную книгу. Пожалуйста, поблагодарите ее за это».

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ. ОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ

«Кадры решают всё» — в эту сталинскую формулу свято верил и Хрущев. Считал, что ключ к решению любых проблем — умелые люди. Главное — найти их и расставить на ключевые должности.

Ни к кому Хрущев не относился с таким доверием, как к А. Н. Шелепину, и никого не поднимал так быстро, как недавнего вождя комсомола. Первый секретарь ЦК КПСС доверял Александру Николаевичу, ценил его деловые качества, поручал ему самые важные дела, в частности партийные кадры и контроль над аппаратом. Шелепин и Семичастный — вот на кого полагался Хрущев.

Шелепин и Семичастный

Когда Хрущев в 1949 году вернулся из Киева в Москву, вслед за ним в столице появился молодой украинский комсомольский работник Владимир Ефимович Семичастный. О его переводе попросил Хрущев. В штатном расписании ЦК ВЛКСМ создали еще одну должность секретаря ЦК, в конце января 1950 года на Пленуме на нее был избран В. Е. Семичастный. Ему было всего 26 лет.

На ближайшем столичном активе Семичастного посадили в президиум. Искушенные москвичи с интересом разглядывали новичка. Никита Сергеевич, выступая, прямо с трибуны обратился к Семичастному, попросил напомнить что-то, связанное с Украиной. Это подняло авторитет Владимира Ефимовича. Стало ясно, что у него особые отношения с новым главой московских коммунистов.

Новичок быстро освоился в столице. Напористый и экспансивный Семичастный и вдумчивый, но волевой первый секретарь ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепин сблизились и подружились. Образовался мощный политический тандем. Владимир Ефимович признавал ведущую роль старшего товарища, Александр Николаевич ценил политический темперамент Владимира Ефимовича.

«Шелепин немного косолапил, — вспоминал Н. Н. Месяцев, который работал с ними в ЦК комсомола, — шел, выдвинув чуть-чуть левое плечо вперед, словно раздвигая что-то стоящее на пути; Семичастный своей стремительной, пружинистой походкой как бы хотел не упустить отпущенное ему время».

Николай Месяцев прожил долгую жизнь. Заводной и энергичный, он с удовольствием рассказывал мне о своих соратниках. И в комсомоле, и позже Шелепин с Семичастным действовали сообща. Эта дружба определила их политическую судьбу. Семичастный сыграл свою роль в том, что Хрущев оценил Шелепина.

Через много лет после описываемых событий я познакомился с Шелепиным и Семичастным.

Александра Николаевича я впервые увидел в Железноводске, известном своими минеральными водами, в санатории для начальства, где все друг друга знали, встречали и провожали в соответствии с занимаемой должностью. При этом все лечившиеся в санатории начальники — союзного или местного значения — в упор не замечали одного из

отдыхающих, немолодого уже человека в трикотажной рубашке с короткими рукавами. И не потому, что он никому не был известен. Совсем наоборот. Его-то знали все и каждый. Но, встретив его в столовой или на дорожке, ведущей к источнику минеральной воды, те, кто постыдливее, отводили взор и заговаривали с женой, остальные равнодушно скользили по нему взглядом, даже не делая попытки поздороваться.

Одиноким отдыхающий находился в опале. Это было страшнее, чем проказа. Решительно никто не желал оказаться рядом с ним даже в лифте или тем более сесть за один столик. А вдруг кто-то доложит о странном интересе к опальному политику? О чем это он с ним говорил? Подсел к нему... Прогуливался вместе... А зачем? Уж не группа ли сколачивается, может быть, новая политическая оппозиция? Это что же, вызов генеральному секретарю? И все, и конец карьере.

В роли санаторского прокаженного пребывал Александр Николаевич Шелепин, недавний член Политбюро, которого Л. И. Брежнев отправил в отставку.

Поговорить с Александром Николаевичем на эти темы я не успел. Но уже позже со съемочной группой приехал к В. Е. Семичастному, уже пенсионеру, в его квартиру на Патриарших прудах. Он сначала держался несколько настороженно, потом стал рассказывать живо и интересно. У него была яркая и образная речь. Не боялся никаких вопросов и не затруднялся с ответом. Пока он был жив, мы беседовали довольно часто. На последнюю встречу к нам, в Останкино, он приехал с трудом. Видно было, что плохо себя чувствует. Но я спросил о чем-то, что было для него важно, и он разговорился, забыв о своих недугах. Он был мужественным человеком.

Владимир Ефимович родился 1 января 1924 года в селе Григорьевка Межевского района Днепропетровской области. Но к брежневской группе не принадлежал. Школу окончил накануне войны. От службы в армии его освободили по причине порока сердца. В июле 1941-го его взяли председателем Красноармейского райсовета добровольного спортивного общества «Локомотив» Донецкой области. В августе сделали секретарем узлового комитета комсомола в Красноармейске.

Когда подходили немецкие войска, Семичастный эвакуировался в Кемерово, где жила сестра с мужем. В декабре поступил в Кемеровский химико-технологический институт, но проучился недолго.

Семичастного послали в военно-интендантское училище в Омске, но начальник училища от белобилетника отказался:

— Таких, как вы, у меня достаточно.

Семичастный вернулся в Кемерово, где его сделали секретарем комитета комсомола коксохимического завода. Через два месяца избрали секретарем Центрального райкома Кемерово. Осенью 1943 года Семичастный вернулся на освобожденную Украину, и там началась его стремительная комсомольская карьера. В 21 год он уже был первым секретарем Донецкого обкома комсомола, и почти сразу его забрали в Киев — секретарем республиканского ЦК комсомола по кадрам.

Никита Сергеевич воспринимал молодого человека как своего выдвиженца, воспитывал его и продвигал. Сам Семичастный говорил, что «наши отношения можно было сравнить с отношениями отца и сына».

Хрущев спас Семичастного, когда выяснилось, что брат первого секретаря ЦК комсомола Украины осужден на 25 лет. Борис Семичастный попал в немецкий плен, а после войны отправился в Сибирь, поскольку чекистам доложили о его «сотрудничестве с немцами». Владимира Ефимовича вызвали в Москву. Второй секретарь ЦК ВЛКСМ Всеволод Иванов объяснил Семичастному, что таким, как он, нечего делать в комсомоле. Но в Киеве Хрущев твердо сказал:

— Не тревожься и спокойно работай.

Когда Семичастный уже позже заведовал отделом ЦК партии, то попросил принести его собственное дело. В нем лежало адресованное Сталину письмо, в котором Никита Сергеевич ручался за своего комсомольского секретаря.

Семичастный рассказывал, как он еще на Украине однажды позвонил Хрущеву, попросился на прием, а тот ответил:

— Приходи. Я буду министров принимать, а ты посиди.

Никита Сергеевич вызывал одного, другого, третьего. Между делом спрашивал Семичастного:

— А ты что думаешь по этому поводу? Твое какое мнение?

Изучал комсомольского секретаря, хотел понять, на что тот способен. Распорядился, чтобы в аппарате ЦК Украины ни одного вопроса, который касается комсомола, без Семичастного не решали. В июле 1947 года он стал первым секретарем ЦК ЛКСМ Украины.

Но работать с Никитой Сергеевичем было не просто. Однажды Семичастный пришел к Хрущеву с большим количеством накопившихся проблем. А у первого секретаря настроение отвратительное. Что бы комсомольский лидер ни предложил, все отвергал. Наконец Хрущев смилостивился и объяснил:

— Меня разозлили, я на тебе срываюсь. А ты все равно старайся меня убедить. Учись это делать.

Семичастный научился. Поэтому Хрущев, перебравшись в Москву, позаботился о том, чтобы Владимира Ефимовича тоже перевели в столицу.

В апреле 1958 года Хрущев поручил Шелепину все партийные кадры — назначил заведующим Отделом партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам. Шелепинский отдел состоял из региональных секторов, плюс секторы профсоюзных и комсомольских кадров, переподготовки руководящих кадров, организационно-уставных вопросов.

В ЦК Шелепин проработал всего несколько месяцев. 25 декабря того же 1958 года, когда Александру Николаевичу было всего 40 лет, он совершенно неожиданно для себя перебрался со Старой площади на площадь Дзержинского, чтобы возглавить Комитет государственной безопасности при Совете министров СССР. А его место в аппарате ЦК занял Владимир Семичастный.

Первым председателем Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР стал генерал-полковник И. А. Серов. Вопрос решался на заседании Президиума ЦК 8 февраля 1954 года. Кандидатуру Серова отстаивал Хрущев. Другие члены Президиума серьезно критиковали Ивана Александровича. Л. М. Каганович выразился образно:

— Серов жидковат, но может уплотниться.

А. И. Микоян добавил:

— Способный, но легковат.

Министр внутренних дел Сергей Никифорович Круглов, у которого Иван Александрович некоторое время служил первым замом, отметил:

— Серов не всегда доводит дело до конца, должен быть более вдумчивым.

Заместитель главы правительства М. Г. Первухин высказался в том смысле, что Серов груб, любит изображать большого начальника и при этом немножко подхалим. Но развел руками:

— Лучше Серова сейчас не найти.

Секретарь ЦК М. А. Суслов напомнил, что Серов ретиво исполнял указания Л. П. Берии и вызывал к себе секретарей обкомов, то есть свысока к ним относился, ставил органы над партией.

Резко против кандидатуры Серова возражал секретарь ЦК Николай Николаевич Шаталин, отвечавший за кадры, человек Г. М. Маленкова:

— Я не голосовал бы за Серова. В аппарате отзыв плохой. Малопартийный, карьерист, держит нос по ветру. И натаскал трофейного имущества из Германии.

Шаталину недолго оставалось работать в ЦК, на следующий год Хрущев отправил его подальше от Москвы — первым секретарем

Приморского крайкома КПСС, в 1956-м он пошел дальше на понижение, а в 1960-м его спровадили на пенсию. Выступление Шаталина не изменило настроений членов Президиума ЦК. Хрущев убедил председательствовавшего Г. М. Маленкова поддержать Серова. Георгий Максимилианович внушительно заметил:

— Серову можно доверять.

Вопрос был решен.

Никита Сергеевич имел все основания считать Ивана Александровича своим человеком. После ареста Берии и его подручных Хрущеву нужно было на кого-то опереться в госбезопасности. Он выбрал Серова, которого хорошо знал. Поддержка со стороны госбезопасности была очень важной для Никиты Сергеевича, поэтому он и держал на Лубянке лично преданного ему человека. Через год после назначения председателем КГБ Хрущев присвоил Серову звание генерала армии, в честь пятидесятилетия наградил очередным, уже шестым, орденом Ленина.

Микоян вспоминал, что, когда речь заходила об участии Серова в репрессиях, Хрущев защищал его, говоря, что тот «не усердствовал, действовал умеренно». Председатель Комитета партийного контроля Николай Шверник представил Хрущеву документы о том, что Серов после войны вывез из оккупированной Германии огромное количество имущества. Но до поры до времени Хрущев склонен был все прощать:

— Нельзя устраивать шум. Многие генералы были в этом грешны во время войны.

Однако же наступил момент, когда Хрущев переменялся к Серову. Первого председателя КГБ невзлюбил его бывший подчиненный Николай Романович Миронов, заведовавший теперь Отделом административных органов ЦК КПСС. Миронов предлагал упростить структуру и серьезно сократить штаты центрального аппарата и периферийных органов КГБ. Миронов не раз жаловался Хрущеву на руководителя госбезопасности.

Но были и другие причины, предопределившие падение Серова. Должность он занял такую, что не предполагала наличие друзей. Товарищи по партийному руководству его побаивались, потому что он знал все и обо всех. Судя по всему, Иван Александрович стал жертвой ловкой аппаратной интриги. События развивались следующим образом.

Хрущев неожиданно внес предложение перевести председателя КГБ Серова в военную разведку, заметив осторожно:

— Отношение к этому у членов Президиума разное. Я бы пошел на то, чтобы передвинуть. Но без надрыва и с сохранением содержания.

И сразу задался вопросом: кто сменит Серова?

— Может быть, Лунев? Или Ивашутин? Наверное, Ивашутин был бы лучше.

Константина Федоровича Лунева, профессионального партийного работника, перевели в органы госбезопасности на следующий день после ареста Берии. Лунев работал у Хрущева в Московском обкоме партии, вот Никита Сергеевич и отправил его на Лубянку комиссаром. Генерал-полковник Петр Иванович Ивашутин в отличие от Лунева был профессиональным особистом, начинал в СМЕРШе, руководил военной контрразведкой.

Приглашенный на заседание Президиума заведующий Отделом административных органов ЦК Николай Миронов высказался в пользу Ивашутина. Но Хрущев неожиданно назвал фамилию Шелепина, который 18 лет проработал в комсомоле. Предложение вызвало недоумение. В тот день вопрос остался нерешенным.

Через несколько дней вновь зашла речь о Серове. Но на сей раз Ивана Александровича больше хвалили, подчеркивали его преданность делу, стойкость. Секретарь ЦК по идеологии П. Н. Пospelов многозначительно напомнил:

— Серова враги ругают.

Решили Серова оставить пока на месте. Но удержаться на этом посту ему не удалось. Председатель КГБ совершил непростительную ошибку. Сблизился с секретарем ЦК Николаем Григорьевичем Игнатовым. Ныне совершенно забытая фигура, он в свое время играл заметную роль, а претендовал на большее. Он служил первым секретарем в Куйбышеве, Орле и Краснодаре. Сталин его заметил и на последнем при своей жизни съезде, в октябре 1952-го, сделал секретарем ЦК КПСС. В марте 1953 года для Николая Игнатова в новом руководстве места не нашлось. Пришлось все начинать заново. Когда Хрущева в 1957 году попытались свергнуть, Игнатов бросился на его защиту. В благодарность Никита Сергеевич вновь сделал его секретарем ЦК. Но довольно быстро в нем разочаровался: амбиции не по амунции. Груб и резок, берет горлом, интриган и демагог, но мало что умеет. И особые отношения Игнатова и Серова оказались неприятным сюрпризом для первого секретаря ЦК.

Николай Игнатов жаждал дружбы с председателем КГБ, потому что рассчитывал на большую карьеру и обзаводился сторонниками. Но тем самым он настроил против себя другого секретаря ЦК — Алексея Илларионовича Кириченко.

Кириченко и обратил внимание на то, что Серов постоянно приезжает к Игнатову на Старую площадь, хотя по работе ему это не нужно.

Председатель КГБ докладывал непосредственно главе партии, то есть заходить к кому бы то ни было, кроме Хрущева, ему просто незачем.

— Конечно, это не криминал, — иезуитски заметил Кириченко. — Просто как-то непонятно. Несколько раз искал Серова и находил его у Игнатова.

Игнатов стал оправдываться, утверждал, что ничего подобного не было, он с Серовым не общается. В другой раз опытный Кириченко завел разговор об этом в присутствии Хрущева. Это был безошибочный ход.

— Как же ты говоришь, что не общаешься с Серовым? — спросил Кириченко Игнатова. — Я его сегодня искал, ответили, что он в ЦК. Искали в Отделе административных органов — не нашли. В конечном итоге оказалось, что он опять сидит у тебя в кабинете.

Игнатов стал возражать:

— Нет, он у меня не был!

Короткое расследование показало, что Николай Григорьевич лукавит.

— Игнатов, когда ему позвонил Кириченко, ответил, что Серова у него нет, а он был! — возмутился Хрущев. — Это интриганский шаг, заслуживает осуждения.

После этого члены Президиума ЦК обрушились и на Серова, и на Игнатова.

— Серов мало считался с партийными органами, — заметил М. А. Суслов. — Он вообще малопартийный человек.

— Удивляет товарищ Игнатов, — сказал новый любимец Хрущева Фрол Козлов. — Если ошибся — скажи. А он ведет себя нечестно. Меня это взволновало. Нам всем надо сделать вывод. А что касается Серова — его надо заменить.

Игнатов каялся:

— Я все понял. Считаю, что вопрос исчерпан.

Хрущев думал иначе. Никите Сергеевичу не понравилось, что председатель КГБ за его спиной ищет поддержки у кого-то из секретарей ЦК. Расплата не заставила себя ждать. 24 марта 1959 года Хрущев поставил вопрос о том, что надо «поднять престиж Российской Федерации», и предложил утвердить председателем Президиума Верховного совета РСФСР Н. Г. Игнатова:

— Ум есть, характер есть, возраст подходящий, член Президиума ЦК.

Все понимали, что Николая Григорьевича убирают из большой политики. Пост был безвластный, декоративный. Игнатов не простил Никите Сергеевичу опалы и стал его непримиримым врагом. В 1964 году принял активнейшее участие в заговоре против Хрущева.

Указ Президиума Верховного совета СССР об освобождении Серова от должности председателя КГБ появился 8 декабря 1958 года. Через день, 10 декабря, его утвердили начальником Главного разведывательного управления — заместителем начальника Генерального штаба Вооруженных сил СССР по разведке. Пилюлю подсластили. В решении Президиума ЦК КПСС говорилось о необходимости «укрепить руководство ГРУ». Генералу армии Серову сохранили «материальное содержание, получаемое по прежней работе». Это касалось не столько зарплаты, сколько номенклатурных благ: снабжения продуктами, медицинского обслуживания...

В военной разведке И. А. Серов прослужил четыре с небольшим года. 22 октября 1962 года карьеру Серова сломал арест одного из его подчиненных — полковника военной разведки О. В. Пеньковского, оказавшегося одновременно американским и английским агентом.

«За потерю политической бдительности и недостойные поступки» генерала армии И. А. Серова разжаловали в генерал-майоры, лишили звания Героя Советского Союза. Хрущев невероятно разозлился на Серова из-за Пеньковского. Никогда еще начальника разведки не наказывали так сурово за предательство одного из его подчиненных. Серова в 24 часа отправили из Москвы в Ташкент помощником командующего Туркестанским военным округом по учебным заведениям, через полгода перевели на такую же должность в Приволжский военный округ. Как только ему исполнилось 60 лет, уволили по болезни на пенсию. На этом его неприятности не закончились. За «утрату политической бдительности и ошибки при подборе кадров ГРУ, а также за грубые нарушения законности во время работы в органах НКВД—КГБ и злоупотребления, допущенные во время службы в Германии» Ивана Александровича в апреле 1965 года исключили из КПСС. Отобрали ордена, полученные при Сталине. Это не помешало Серову после отставки прожить четверть века, наслаждаясь жизнью военного пенсионера, счастливого обладателя дачи в Архангельском и квартиры в Доме на набережной.

Новым председателем КГБ 25 декабря 1958 года был назначен А. Н. Шелепин. Он искренне отказывался от назначения. Хрущев наставительно пояснил, что работа в КГБ — это такая же партийнополитическая работа, но со спецификой. В Комитете госбезопасности нужен свежий человек, нетерпимый к любым злоупотреблениям со стороны чекистов. В заключение, вспоминая Шелепин, Никита Сергеевич вдруг сказал:

— У меня к вам еще просьба — сделайте все, чтобы меня не подслушивали.

В день, когда Шелепин обосновался на Лубянке, Верховный совет СССР одобрил Основы уголовного законодательства, в которых впервые отсутствовало понятие «враг народа». Уголовная ответственность наступала не с 14, а с 16 лет. Судебные заседания стали открытыми. Совпадение символическое. Шелепин, «железный Шурик», оказался самым либеральным руководителем органов госбезопасности за всю советскую эпоху.

Для Хрущева он стал партийным оком, присматривающим за органами госбезопасности. Никита Сергеевич требовал не только от центрального аппарата, но и от местных органов КГБ докладывать о своей работе партийным комитетам. Обкомы и крайкомы получили право заслушивать своих чекистов, они могли попросить ЦК убрать непонравившегося им руководителя управления КГБ.

Хрущев запретил проводить оперативные мероприятия в отношении партийных работников, то есть вести за ними наружное наблюдение, прослушивать телефонные разговоры. Членов партии к негласному сотрудничеству можно было привлекать только в особых случаях.

В отличие от своих предшественников и наследников, Хрущев спецслужбы не любил и чекистов не обхаживал. Никиту Сергеевича раздражало обилие генералов в КГБ, он требовал «распогонить» и «разлампасить» госбезопасность, поэтому Шелепин отказался от воинского звания, о чем на склоне лет пожалел — мог бы получать генеральскую пенсию.

«Тюрьма на Лубянке пустовала»

Через месяц после назначения Шелепина собрался XXI внеочередной съезд партии, чтобы утвердить Программу построения коммунизма в Советском Союзе, а заодно и производственные задания на семилетку.

Слово было предоставлено и новому председателю КГБ. Напомнив о ликвидации Берии и его подручных, Шелепин говорил о том, что больше не надо бояться сотрудников государственной безопасности:

— Под непосредственным руководством Центрального комитета КПСС, его Президиума и лично товарища Хрущева за последние годы в стране полностью восстановлена революционная законность, а виновники нарушения ее наказаны. И каждый советский человек может быть уверен, что больше это позорное дело — нарушение революционной законности — у нас не повторится.

Шелепин говорил об «основательном сокращении органов комитета государственной безопасности» и обещал продолжить уменьшение аппарата КГБ. Меняется жизнь, и сужается сфера деятельности чекистов.

— Карательные функции внутри страны, — продолжал Шелепин, — резко сократились, они будут сокращаться и впредь. Но, товарищи, сужение сферы, сокращение карательных функций, а также сокращение штатов службы государственной безопасности нельзя понимать так, что у нас стало меньше дел, что ослабили действия врага. Нет, это было бы ошибкой. Мы и впредь должны проявлять политическую бдительность, бережно охранять исторические завоевания советских людей. Мы и впредь будем беспощадно карать всех врагов советского народа.

Недавний руководитель комсомола в духе времени призвал быть более снисходительными к правонарушениям молодежи:

— Мы часто встречаемся с такими людьми, которые за любой проступок, а порой даже за незначительное нарушение добиваются привлечения подростков и молодежи к уголовной ответственности. По моему мнению, следует продумать вопрос о предоставлении права общественным организациям — комсомолу, профсоюзам, а также коллективам фабрик, заводов и колхозов — брать на поруки свихнувшихся людей, совершивших незначительные преступления, с тем чтобы дать им возможность исправиться в коллективе, вместо того чтобы они отбывали наказание по суду.

И эта идея тоже встретила полную поддержку дисциплинированных

делегатов, которые точно знали, где аплодировать.

Вскоре после партийного съезда Хрущев вновь высказался в пользу «разумного сокращения» КГБ. 24 февраля, выступая накануне выборов в Верховный совет СССР перед избирателями Калининского избирательного округа Москвы, Хрущев заявил:

— Мы и внутренние силы — наши органы государственной безопасности — значительно сократили, да и еще нацеливаемся их сократить...

Шелепин предложил срезать штаты и объединить некоторые структуры внутри КГБ. Предложение было принято Президиумом ЦК 17 июня 1959 года. При Шелепине аппарат сильно обновился, он привел с собой более образованную публику, получившую университетские дипломы, — особенно в контрразведку.

Совместное Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР о совершенствовании структуры КГБ вышло 5 февраля 1960 года. Рядовые сотрудники КГБ обижались на председателя-чужака: он лишил аппарат ведомственных санаториев и домов отдыха, которые передал профсоюзам, упразднил несколько учебных заведений, сократил хозяйственные структуры, ликвидировал самостоятельное медицинское управление.

Шелепин подписал приказ, в котором говорилось: «Учитывая политическую обстановку в стране, великое единение народа вокруг Коммунистической партии и Советского правительства, органы госбезопасности, наряду с карательными мероприятиями, должны применять больше профилактических, предупредительных мер.

Не только наказание и принуждение, но и убеждение должно стать в нынешних условиях одним из главных методов работы органов госбезопасности, и особенно по отношению к молодежи».

Для того времени шелепинский подход был большим прогрессом. Выяснилось, что за «сомнительные» разговоры можно и не сажать. Или, как минимум, сажать не сразу.

Шелепин предложил ликвидировать в КГБ Тюремный отдел и сократить число тюрем, которые принадлежали госбезопасности. Как раз тогда Хрущев заявил, что «в Советском Союзе нет сейчас заключенных в тюрьмах по политическим мотивам». Никита Сергеевич, мягко говоря, лукавил. В 1961 году за «антисоветскую агитацию» осудили 207 человек, в 1962-м — 323.

Разумное желание Никиты Сергеевича освободить людей от давящего контроля было скомпрометировано на-ивной верой в то, что общественность со временем заменит органы госбезопасности и

правопорядка. На совещании работников промышленности и строительства Российской Федерации Хрущев призвал всех трудящихся сражаться с антиобщественными элементами, а не ждать, пока до них доберется милиция:

— Долг каждого гражданина, образно говоря, чувствовать себя милиционером, то есть человеком, который стоит на страже обеспечения общественного порядка. Все должны помогать органам партийного и государственного контроля и охраны общественного порядка, быть их агентами, так сказать.

В правдинском отчете о выступлении Никиты Сергеевича помечено: «Оживление в зале. Аплодисменты».

Председатель КГБ Шелепин, учтя пожелание первого секретаря, докладывал в ЦК:

«С разрешения ЦК КПСС органами госбезопасности в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Тбилиси, Сталинграде и Туле летом 1960 года были скомплектованы группы нештатных сотрудников, которые на общественных началах участвуют в наблюдении за иностранцами.

За истекшее время нештатные сотрудники, подобранные с помощью партийных организаций из числа коммунистов и комсомольцев — рабочих, служащих, студентов, а также неработающих пенсионеров органов госбезопасности и внутренних дел, во многих случаях положительно себя зарекомендовали в наблюдении за иностранцами.

Особенно полезным было использование нештатных сотрудников в наблюдении за иностранцами в часто посещаемых ими местах, где они имеют условия для проведения встреч с интересующими их лицами. Например, в Москве во время функционирования японской промышленной выставки нештатными сотрудниками выявлено более тридцати человек, имевших подозрительные контакты с японцами.

Успешно проводилось наблюдение за иностранцами в музеях, читальных залах библиотек, плавательных бассейнах и других местах.

Опыт первых месяцев работы нештатных сотрудников подтвердил целесообразность этой активной формы привлечения общественности к работе органов госбезопасности. Учитывая это, полагаем целесообразным, чтобы нештатные сотрудники привлекались к работе не только в летнее время, но также и в другие периоды года».

Это была доведенная до абсурда хрущевская идея. Наружное наблюдение под силу только профессионалам. Дилетант не способен ни выявить разведчика, ни засечь его контакты. Привлечение общественности лишь разжигало шпиономию и подкрепляло уверенность иностранцев в

том, что в Советском Союзе следят за каждым, кто приехал из-за границы. Это в общем было недалеко от истины...

Никита Сергеевич не страдал шпиономанией, но иногда ему казалось, что где-то в аппарате засели агенты иностранных разведок. Читая сводки зарубежной прессы, Хрущев с удивлением видел, что американцам известен и состав нашей армии, и ее вооружение. Он возмущенно спросил министра обороны маршала Р. Я. Малиновского:

— Что же это такое? Может, их агенты имеются в нашем Генеральном штабе? Как противник столь быстро узнаёт все наши новости?

Флегматичный Родион Яковлевич пожал плечами:

— Видимо, тут заслуга американской воздушной разведки и других технических средств.

Такая же подозрительность охватила Хрущева, когда выяснилось, что американское посольство в Москве выяснило имя нового советского посла в Вашингтоне раньше, чем оно было официально названо. 8 января 1962 года, рассуждая на Президиуме ЦК о внешней политике и отношениях с американцами, Хрущев озабоченно заметил министру иностранных дел:

— Вообще в МИД, товарищ Громыко, надо посмотреть. Сейчас страх сталинский снят, и поослабло. Например, через кого узнал Томпсон, что мы выдвигаем послом Добрынина?

Начинавший трудовую деятельность инженером-конструктором на авиационном заводе, А. Ф. Добрынин оказался прирожденным дипломатом. Хрущев безошибочно угадал в нем способность понимать американцев и ладить с ними в самой сложной ситуации. Анатолий Федорович проработал в Вашингтоне почти четверть века.

— Томпсон, — продолжал Хрущев, — получил эту информацию доверительно в то время, когда это никому не было объявлено. А это такое дело, что должны единицы знать. Я и вы. Кто же еще знал кроме вас? Малик? Он выпускал решение. Через кого это произошло? И мы не можем узнать. Разболтали. Томпсон говорит, что это доверительно было сказано, поэтому не могу назвать имя, чтобы русские не узнали источник, откуда я узнал. Это уже говорит о том, что есть человек, который ему доверительно говорит. Это уже измена, это уже предательство. Кроме того, я считаю, что американцы имеют кого-то в нашей разведке, потому что просачиваются некоторые материалы, довольно близкие к истине. А почему мы можем исключить, что нет таких людей в МИДе?

— Если нужно, я могу сообщить, что мне известно, — доложил Громыко. — Насчет Добрынина. Кроме меня, когда я уходил в отпуск, знал Кузнецов и сам Добрынин, потому что с ним должны были говорить. Я

удивился, потому что оба люди надежные. Было поручение выяснить Семичастному. Я спрашивал Семичастного. Он говорит, что, видимо, кто-то из журналистов на приеме сказал. Добрынин говорит так: на другой день после заседания Секретариата ЦК мне звонят из Комитета по культурным связям — товарищ Жуков — и поздравляют. Романовский узнал. Видимо, он был на заседании Секретариата.

Сергей Каллистратович Романовский, еще один недавний секретарь ЦК ВЛКСМ, стал заместителем председателя Государственного комитета по культурным связям с зарубежными странами.

— Сведения просочились до заседания Секретариата, — уточнил секретарь ЦК Л. Ф. Ильичев.

— Томпсон сказал, что его информирует надежный источник, — уточнил Фрол Козлов, — и просил не разглашать. Если положим, что кто-то из Секретариата ЦК? Но здесь не может быть такой человек, который постоянно связан с Томпсоном и его информировал. Это исключается.

— Сведения просочились до заседания Секретариата, а не после, — стоял на своем Ильичев.

— Томпсон своим сказал — вы заранее не объявляйте, так как источник разоблачите. Значит, источник скорее в МИДе, — продолжал собственное расследование Козлов.

— Мне Добрынин назвал Романовского, — упрямо отстаивал непричастность своего ведомства министр иностранных дел А. А. Громыко.

— Это очень показательно, — раздраженно заметил Хрущев. — Это надо Жукова спросить, откуда он знает. Информация может быть и от Жукова.

Известный журналист Георгий Жуков, работавший в «Правде», при Хрущеве возглавил Государственный комитет по культурным связям с зарубежными странами.

— Там есть американские агенты, — мрачно заметил Ильичев, — которые в Америке работали.

— Там есть представители всех стран, — резонно ответил Хрущев. — Поэтому не надо отгораживаться, что это в МИДе, там и смотрите. Я бы считал, что надо сейчас придумать какую-то провокацию, разработать и испытать ряд людей на этой провокации. Взять и подбросить какую-то мысль тому агенту, на которого мы думаем, а он проинформирует американцев. Одним словом, надо поработать. Это уже вопрос разведки, контрразведки.

Он внимательно относился к работе разведки.

В 1964 году Хрущев приехал с визитом в Норвегию. Утром, как положено, ему докладывала обстановку резидентура внешней разведки. Докладывать должен был сам резидент, но он перепоручил это своему заместителю по политической разведке В. Ф. Грушко как более опытному специалисту. Руководители охраны предупредили, что первый доклад — во время завтрака. Виктор Федорович через много лет рассказал в мемуарах, как приехал в резиденцию, где поселили высокого гостя. Начальник 9-го управления (правительственная охрана) полковник Владимир Яковлевич Чекалов проводил Грушко к Хрущеву. Первый секретарь ЦК завтракал в одиночестве.

— Вот сижу и поджидаю тебя, — дружелюбно сказал Никита Сергеевич.

Сотрудники КГБ исходили из того, что норвежцы оборудовали резиденцию техникой прослушивания и скрытого фотографирования, поэтому вслух обсуждать секретные вопросы нельзя. Доклад был представлен в письменном виде.

— Садись, позавтракай, — предложил Хрущев.

Грушко вежливо отказался.

— Съешь хотя бы яйцо, — настаивал Хрущев.

Грушко, во-первых, уже позавтракал, во-вторых, в присутствии хозяина страны ему в любом случае было не до еды.

Но Хрущев все-таки настоял на своем:

— Тридцать лет меня уговаривали не есть яйца из-за холестерина, а теперь специалисты говорят, что яйца не опасны. Я их ем с удовольствием и тебе советую.

Грушко пришлось проглотить яйцо.

Он поставил перед Никитой Сергеевичем полуоткрытый чемоданчик. Хрущев читал принесенные ему материалы, не вынимая их из чемоданчика, чтобы бумаги нельзя было фотографировать с потолка. Такой же чемоданчик стоял перед Грушко на тот случай, если бы Никита Сергеевич попросил пояснений.

Но тот выпил чай, все прочитал и кивнул:

— Хорошо. Все ясно. Спасибо.

На следующее утро Грушко доложил Хрущеву уже реакцию норвежцев на ход переговоров. Никита Сергеевич остался доволен. Перед отъездом полковник Чекалов вручил Грушко от имени Хрущева подарок — часы и радиоприемник.

В 1961 году во Франции сняли художественный фильм «Кто вы, доктор Зорге?», который пользовался большим успехом везде, кроме

Советского Союза, где о выдающемся разведчике, которого японцы казнили в 1944 году, ничего не знали.

Генерал-лейтенант Сергей Александрович Кондрашев из политической разведки даже попросился на прием к министру культуры СССР Е. А. Фурцевой. Он только что вернулся из Австрии, где служил резидентом, и предложил купить и показать этот фильм.

Фурцева возмутилась:

— Я этого не допущу! Этот фильм — клевета на марксизм-ленинизм.

Но руководивший личной охраной Хрущева генерал Н. С. Захаров показал фильм Никите Сергеевичу. Он был потрясен, узнав, что у Советского Союза был такой знаменитый на весь мир разведчик. Позвонил начальнику Главного разведывательного управления Генштаба И. А. Серову. Тот тоже никогда не слышал имени Зорге... В 1964 году в ГРУ спешно создали группу, которой поручили разобраться с делом Зорге. В октябре Хрущева отправили в отставку, но процесс реабилитации Зорге, к счастью, не остановился. 5 ноября председатель Президиума Верховного совета СССР Анастас Микоян подписал указ: «За выдающиеся заслуги перед Родиной и проявленные при этом мужество и героизм присвоить товарищу Рихарду Зорге звание Героя Советского Союза посмертно». Только после этого указа военный трибунал Московского военного округа прекратил уголовное дело жены Зорге, Екатерины Максимовой, «за отсутствием состава преступления». Я иногда думаю о том, что, если бы Никита Сергеевич Хрущев не был таким импульсивным и живым человеком, если бы он не был способен к неожиданным решениям, о Зорге, может быть, и сейчас мало кто знал.

Но иногда Никита Сергеевич забывал собственные идеи о том, что осужденных надо брать на поруки, а сажать меньше, и становился неоправданно жесток. В 1961 году на заседании Президиума ЦК возник вопрос об уголовной преступности. Поводом стало знаменитое в те годы дело Рокотова, которое возмутило Хрущева.

Ян Тимофеевич Рокотов по кличке Косой начал скупать валюту у иностранцев во время Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве летом 1957 года. Официальный курс рубля был сильно занижен, и Рокотов давал за доллар в два раза больше. Иностранцы были довольны. А среди советских граждан уже появились желающие приобрести валюту. Начались поездки за границу, где можно было купить то, чего в нашей стране просто не существовало. Кроме того, гости из арабских государств привозили на продажу золото. Рокотов покупал его и с большой выгодой для себя перепродавал выходцам из южных республик, где любили

драгоценные металлы и могли дать за них хорошую цену.

В 1960 году КГБ поручили заниматься валютными преступлениями. На следующий год Яна Рокотова и еще нескольких валютчиков арестовали. 17 июня 1961 года на заседании Президиума ЦК Хрущев, рассуждая о Программе партии, плавно перешел к преступности:

— Борьба с преступностью ведется совершенно неудовлетворительно. Я считаю, что неправильно понята наша политика, реорганизация органов милиции и чекистских органов, и всё перевели на мораль.

Он нашел глазами генерального прокурора Романа Андреевича Руденко:

— Вчера читал в газете заметку «Из зала суда». Я возмущен, как это можно: дали 15 лет, через 5 лет он будет на свободе. Товарищ прокурор, вы будете свою политику проводить или будете слушать ЦК?

Речь шла о процессе по делу группы Рокотова.

— Мы вносили по вопросу валютчиков специальный проект, — поспешил защититься Руденко, — но установили максимум 15 лет, без смертной казни. Мы смертную казнь ввели за хищения в особо крупных размерах.

Ссылка на закон абсолютно не убедила Никиту Сергеевича, который пришел в необыкновенное возбуждение:

— Да пошли вы к чертовой матери, простите за грубость. Народу стыдно в глаза смотреть, народ возмущается. Грабители грабят, а вы законы им пишете. Что такое? Ишь какие либералы стали, чтобы их буржуазия хвалила, что они никого не расстреливают, а эти грабят рабочих и крестьян... Хотите, я общественным обвинителем выступлю с требованием расстрела? Я не боюсь, а вы боитесь. Я думал, расстреляют этих мерзавцев, читаю — 15 лет. Так вы же поощряете других. Читали вы записку Ленина?

Хрущев имел в виду записку Ленина наркому юстиции РСФСР Дмитрию Ивановичу Курскому, написанную 15 мая 1922 года по поводу дополнений к проекту Уголовного кодекса РСФСР. Ленин указал, что «надо расширить применения расстрела».

— Читал, — солидно кивнул Роман Андреевич.

— Вот читать вы умеете, а выводы делать не умеете. Надо сейчас, товарищи, подумать, может быть, увеличить штат и усилить органы Шелепина. Агентов, уголовный розыск — это надо увеличить.

Никита Сергеевич вспомнил еще одно дело, где, по его мнению, следовало вынести расстрельный приговор:

— По Ростову. Надо расследовать. Выгнать этих либералов. Ну, кто это надоумил?

— Президиум Верховного совета, — подсказал кто-то.

— Наказать по партийной линии и записать, — распорядился Хрущев. — На партсобрании объяснить, за что они получили строгий выговор, за то, что они отменили смертный приговор человеку, который убил трех человек и который издевается: меня помиловали, а я же не просил помилования, если меня освободят, я опять убью. Это же псих. Ну а либералы не хотят пальцы в крови иметь. Пальцы не хотят в крови иметь, а горло режут рабочим. Я помню, в Ленинграде лет семь назад студентку убили, так все профессора требовали расстрела. Так что вы не думайте, что люди любят либералов. Нет. Законодательство надо пересмотреть.

Руденко накажем, — продолжал Хрущев, — если вы не осуществляете надзор, тогда вы просто либералом стали. Верховный суд — товарищ Горкин, мы вас накажем за это дело и новых людей назначим. Нельзя так. Государство мы должны защищать, мы должны создать условия честным людям, чтобы они спокойно жили и работали, и хулиганы не брали верх. А вы боитесь, что у нас варварские законы. Я за варварские законы: когда не будет убийств, тогда и не будет варварских законов, а сейчас надо.

Генеральный прокурор не хотел быть наказанным незаслуженно и резонно напомнил Хрущеву:

— Как бы меня ни ругали, но если закон не установил смертной казни, мы не можем ее применить. Вопрос о валютчиках обсуждался на Президиуме ЦК, решали, применять смертную казнь или не применять. За всю историю советской власти никогда не было таких случаев, поэтому решили не вводить.

Кто-то в зале попенял Руденко за недостаточную настойчивость, но Хрущев недовольно констатировал:

— Давайте не валить на него. То, что прокурору, — давайте прокурору, что нам — так нам. Значит либералы — мы. Я не знал этого. Я считаю, Президиум побоялся проявить мужество, слиберальничал. Это не годится, это не повышает, а понижает наш авторитет. Разве это жестокость? Человек разложился, ничем не занимался, с малых лет начал спекулировать. Ему только одно место — в гробу. Вы его оставили жить. 15 лет его надо кормить, иметь отдельную камеру, держать солдат для охраны.

Хрущев завершил обсуждение:

— Секретариату поручить подготовить решение и провести совещание с секретарями ЦК национальных республик и другими партийными работниками с тем, чтобы усилить и воспитательную работу и поднять судейскую, чтобы улучшить работу органов угрозыска. Может быть, на агентуру увеличить штат...

— Угрозыск относится к Министерству внутренних дел, — уточнил председатель КГБ.

Но мысль привлечь чекистов к борьбе с уголовной преступностью возникала часто.

Один из присутствующих на заседании сказал:

— Мы имеем такие крупные хищения, что Министерство внутренних дел с ними не справляется. Там есть сращивание работников ОБХСС с преступниками. Я бы считал, что это нужно передать в органы КГБ, хотя бы года на два, это устрашило бы преступников.

Хрущев отозвался снисходительно:

— Если бы мне это сказал какой-нибудь лейборист, я считал бы это заслуживающим внимания. Но когда это говорит заведующий отделом, я не могу с ним согласиться, потому что и тот, и другой орган — наш. Тогда надо перешерстить к чертовой матери МВД, милицию, выгнать жуликов, послать свежих людей с тем, чтобы независимо от того, кто руководит, чтобы они обслуживали наше государство, а не уголовный мир. Если так, — надо выгнать их. По существу, он прав, но вывод он делает неправильный — давай передавать. Может быть, и правильно, но не по этим мотивам передавать...

Идея передать расследование дел о крупных хищениях в КГБ не реализовалась. К величайшему удовольствию чекистов.

Почему Никита Сергеевич так возмутился делом Рокотова? Наверное, сработали воспоминания о НЭПе и нэпманах, иначе говоря, о свободной рыночной экономике, которая не нуждалась в советской власти и потому так страшила партийных секретарей.

По требованию Хрущева в Уголовный кодекс ввели статью, предусматривающую смертную казнь за валютные преступления. Появился соответствующий указ Президиума Верховного совета СССР. Причем закону — невиданное дело! — придали обратную силу. Руденко внес в Верховный суд РСФСР протест по делу Рокотова и компании, сочтя приговор слишком мягким. Верховный суд согласился с генеральным прокурором и приговорил Яна Рокотова и его поделельника Владислава Файбышенко к смертной казни с конфискацией всех изъятых ценностей и имущества.

Это был сигнал всей правоохранительной системе. Ни в КГБ, ни в прокуратуре не хотели слышать от Хрущева обвинения в либерализме. Меньше чем за год по хозяйственным и экономическим делам вынесли полторы сотни расстрельных приговоров. Заодно чекисты выяснили, что сотrudники милиции покрывали валютчиков, получая от них щедрое

вознаграждение. Некоторые из арестованных оказывались милицейскими осведомителями.

Протоколом № 200 заседания Президиума ЦК КПСС от 9 января 1959 года было утверждено Положение о КГБ и его органах. Этот секретный документ оставался в силе до самой перестройки:

«Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР и его органы на местах являются политическими органами, осуществляющими мероприятия Центрального Комитета партии и Правительства по защите социалистического государства от посягательств со стороны внешних и внутренних врагов, а также по охране государственных границ СССР.

Они призваны бдительно следить за тайными происками врагов Советской страны, разоблачать их замыслы, пресекать преступную деятельность империалистических разведок против Советского государства.

Комитет государственной безопасности работает под непосредственным руководством и контролем Центрального Комитета КПСС. Руководящие работники органов государственной безопасности, входящие в номенклатуру ЦК КПСС, утверждаются в должности Центральным Комитетом КПСС.

Работники, входящие в номенклатуру местных партийных органов, утверждаются в должности соответственно ЦК компартий союзных республик, крайкомами и обкомами КПСС. Перемещение работника с одной должности на другую, состоящего в номенклатуре ЦК КПСС или местных партийных органов, может быть произведено только после решения ЦК КПСС или местных партийных органов».

Всего три года Шелепин возглавлял КГБ. Эту должность Хрущев не считал достаточно важной, чтобы долго держать на ней перспективного человека. А относительно Шелепина у него были далекоидущие планы. На XXII съезде партии в октябре 1961 года Никита Сергеевич ввел Шелепина в состав высшего партийного руководства. Прямо во время съезда Хрущев вызвал его к себе:

— Вы достаточно поработали в КГБ. На Организационном пленуме ЦК после съезда будем вас избирать секретарем ЦК.

Кому возглавить комитет госбезопасности? Шелепин убедил Хрущева сменить гнев на милость в отношении Семичастного, который стал жертвой искусной аппаратной интриги.

А начиналось все хорошо. В марте 1959 года Семичастный неожиданно был назначен на освободившееся после ухода Шелепина в КГБ

место в ЦК партии.

Владимир Ефимович искренне отказывался:

— Рано мне. Я еще и в ЦК комсомола первым секретарем всего ничего пробыл.

Хрущев объяснил ему :

— Мне нужно, чтобы вы привели с собой на партийную работу новых людей из комсомола. Мы их не знаем, а вы знаете.

В 35 лет Семичастный возглавил Отдел партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам, то есть стал главным кадровиком и рьяно взялся за дело. Он хотел не только утвердить себя в новой роли, но и серьезно перетряхнуть секретарский корпус. Однако просидел в этом кресле всего полгода.

Под его руководством в отделе подготовили записку «О подборе и расстановке кадров в партии и государстве». Речь шла о необходимости обновления и омоложения партийных кадров. Семичастный показал, что идет застой: кадры стареют, а резерва нет, потому что если первому секретарю обкома или райкома 50—55 лет, то второму секретарю, который теоретически должен прийти на смену, — 60. Записка получила широкое распространение в аппарате. Кого-то стали оформлять на пенсию, кто-то засобирался сам. При Хрущеве выдвинули большое количество молодежи. Это пугало и раздражало старшее поколение аппаратчиков, потому что разница в возрасте достигала 20 лет. Но и молодежь вела себя неумно, не скрывала своего торжества и далекоидущих планов.

Внутри ЦК возникло мощное недовольство действиями нового завождем: записка Семичастного — «это удар по опытным кадрам, растеряем лучших секретарей».

М. А. Суслов был недоволен:

— Вы только пришли и уже разгоняете старые кадры?

Опытные аппаратчики быстро нашли возможность избавиться от Семичастного.

Второго секретаря ЦК Компартии Азербайджана Дмитрия Николаевича Яковлева убрал из Баку Семичастный, не предполагая, что очищает кресло для самого себя.

— Я вызвал к себе Яковлева, — вспоминал Семичастный, — и мне стало ясно, что он был случайной кандидатурой.

Молодой завождем ЦК КПСС распекал Яковлева:

— Вы, представитель Москвы, кадры отдали, оргпартработу отдали, административные органы отдали. Вы посмотрите, сколько проходимцев, людей с очень нечистым прошлым выдвинуто на руководящие должности,

как расцвели взяточничество и всякие нечестные дела. И национализм — в Баку, интернациональном городе.

Дмитрия Яковлева отозвали из Азербайджана и отправили на пенсию, хотя ему было всего 53 года. В Баку образовалась важная вакансия. А дальше началось нечто невероятное.

Семичастный отправился во главе партийной делегации в Венгрию, а из Баку поступило обращение ЦК Компартии Азербайджана. Новый первый секретарь просил Москву прислать им на помощь Семичастного. Невиданное дело! Вторых секретарей назначали из Москвы. Ни один первый секретарь национальной республики не смел просить себе кого-то на роль второго секретаря, чтобы в Москве не подумали: он подбирает удобного человека. И уж тем более не могла республика просить прислать в Баку заведующего ключевым отделом ЦК КПСС.

Самое поразительное состояло в том, что просьбу Вели Ахундова поспешно удовлетворили. Причем с Семичастным заранее даже не поговорили, хотя согласие назначаемого требовалось при оформлении решения Президиума или Секретариата ЦК. Когда Владимир Ефимович вернулся из командировки, Президиум ЦК уже утвердил его вторым секретарем ЦК КП Азербайджана. Неприятное понижение. Владимир Ефимович сильно переживал. 3 августа утром его на десять минут принял Хрущев, сказал несколько напутственных слов и пожелал успеха.

Почему Никита Сергеевич переменялся к своему выдвиженцу? Семичастный оказался вовлеченным в сложную интригу вокруг секретаря ЦК А. И. Кириченко. Опытные аппаратчики, желая избавиться от молодого и перспективного человека, настроили Хрущева против Семичастного, нашептав, что новый заводделом ориентируется на Кириченко, которые вел кадровые и организационные дела. Это насторожило Хрущева. Заведующий ключевым отделом парторганов должен подчиняться только первому секретарю. А неопытный Семичастный имел неосторожность откликаться всякий раз, когда его вызывал Кириченко, и докладывал все, что того интересовало. Хрущев решил, что Семичастному рано еще руководить ключевым отделом ЦК партии, и отправил его в Баку набираться политического опыта.

«Владимир Ефимович запомнился аппарату ЦК самостоятельностью суждений, которую подчеркивал демонстративно, — вспоминал Михаил Азизович Назаров, много лет трудившийся в ЦК Компартии Азербайджана. — Скажем, после обсуждения какого-либо излишне дискуссионного вопроса, итог, как обычно, подводит Первый — В. Ю. Ахундов. После чего решение ставится на голосование и принимается простым большинством.

Семичастный не раз в таких случаях обращался к стенографисткам:

— Вопрос принят, но прошу записать мое, особое мнение по нему...

Второй секретарь формально являл собой почти равную по величине и значимости фигуру с Первым. Первый и Второй обычно имели одни и те же привилегии. Однако во всех вопросах мнение и голос Первого имели решающее значение. Значение Второго состояло в том, что он как бы представлял некий второй центр власти, ограничивающий в определенной мере всемогущество Первого».

— Я завел такой порядок, — вспоминал Семичастный, — ни одно решение ЦК партии не выпускалось без моей визы. Даже если уже Ахундов подписал.

Но в Баку он не задержался. Шелепин сумел правильно поговорить с Хрущевым, напомнить о хорошем работнике, чьи таланты пропадают в далеком Баку. Никита Сергеевич решил, что Семичастный достаточно наказан за свои аппаратные промахи.

На первом после съезда Организационном пленуме ЦК нового состава, 31 октября 1961 года, Хрущев предложил избрать новый состав Секретариата ЦК и включил в него Шелепина. Это стало началом стремительной партийной карьеры. А через две недели после ухода Шелепина с поста председателя КГБ освободившееся место занял его друг и товарищ. Семичастному только что вырезали аппендикс. После операции он отдыхал в подмосковном санатории «Барвиха».

Позвонил Шелепин:

— Завтра будь в ЦК.

Его принял Фрол Романович Козлов:

— Мы вас рекомендуем на пост председателя КГБ.

Девятого ноября 1961 года Владимира Ефимовича привели в кабинет Хрущева представляться в новой должности. Никита Сергеевич напутствовал его на свой лад:

— У нас на этом посту чекистов было предостаточно. Дров столько наломали. Хватит. Нам нужен человек, который понимает, зачем эти органы существуют, и проводит политику партии. Шелепин начал расчищать, а вы продолжайте.

Новому председателю КГБ было всего 37 лет. Никита Сергеевич и хотел работать с людьми такого возраста, не отягощенными прошлым, энергичными, не потерявшими интереса к работе и жизни.

Второй секретарь первому помеха

Неустанная борьба за власть и аппаратные дела занимали ключевое место в повседневной жизни хозяина страны.

Должности второго секретаря ЦК КПСС в штатном расписании не существовало. Никто из руководителей партии не желал иметь рядом слишком сильную фигуру. Но все равно приходилось кому-то делегировать немалые полномочия для повседневного руководства огромным партийным аппаратом. И поручать ему ведение заседаний Секретариата ЦК, где решались кадровые вопросы. Этот человек становился очень влиятельным.

Никита Сергеевич несколько раз менял второго.

На заседании Президиума ЦК 12 ноября 1959 года Хрущев поставил вопрос об организации работы Секретариата. Выразил неудовлетворенность постановкой дела:

— У всех секретарей ЦК должны быть равные возможности вносить вопросы и их обсуждать. Надо установить очередность — каждый секретарь ведет работу по неделе. В коллективе не сложилось, чтобы кого-то признали вторым лицом. И не нужно, а то он начинает проводить свою линию в подборе кадров. И при распределении обязанностей Отдел партийных органов и Административный отдел ни за кем не закреплять.

Секретариат ЦК ведал повседневной работой партийных комитетов, проверкой исполнения решений съездов и пленумов, решений Президиума, кадровыми делами. В практической жизни никакое сколько-нибудь важное назначение не производилось помимо Секретариата. Ни одно министерство или ведомство в стране ничего не могло предпринять, не получив предварительного его согласия.

Председатель Президиума Верховного совета СССР К. Е. Ворошилов, секретари ЦК М. А. Сулов и Л. И. Брежнев охотно поддержали Хрущева:

— Правильно, нельзя закреплять кадры за одним из секретарей, превращать кадровые дела в чью-то вотчину. И вопросы награждения тоже надо решать сообща. Иначе аппарат и местные партийные органы начинают ориентироваться на одного человека. Второго секретаря у нас не было, он и не нужен.

Секретарь ЦК Е. А. Фурцева назвала фамилию того, от кого хотели избавиться:

— Получилось так, что все кадровые дела сосредоточились в руках товарища Кириченко. Хотя никто не поручал ему курировать военные

кадры и кадры Комитета госбезопасности. Получилось так, что все назначения зависят от Кириченко. Скажет: «Я его не видел. Я его не знаю» — и все. Без него ничего не решишь: «Вот вернусь из отпуска, тогда решим». А у товарища Кириченко много личных недостатков — честолюбие, властолюбие.

Ее поддержал первый зампред Совмина Ф. Р. Козлов:

— Предложения товарища Хрущева имеют большое и принципиальное значение. Нельзя, чтобы кадры проходили только через одного человека. И награждения нельзя отдавать в одни руки. А недостатки товарища Кириченко известны. Вот, после разговора с ним товарищ Брежнев рыдал.

Леонид Ильич, прошедший войну, был очень впечатлительным, иной раз ему приходилось несладко. Он, например, записал в дневнике: «Алексей Илларионович страшно обидел, унизил, оскорбил меня, подозревая, что я улыбнулся Мухитдинову. Был сердечный приступ, почти на день вышел из строя».

Нуритдин Мухитдинов, которому вроде как улыбнулся Брежнев, тоже был членом Президиума и секретарем ЦК. Мухитдинов оказался с А. И. Кириченко в контрах. Алексей Илларионович, которому подчинялся весь партийный аппарат, был малообразованным, грубым, с очень тяжелым характером. Так, выступая перед коллективом шахты «Кочегарка», он рассказывал об итогах Пленума ЦК, посвященного международным делам, и возмущался:

— У нас есть люди, которые слушают Би-би-си. Наслушается, а утром приходит и рассказывает. А ему никто по физиономии не заедет. До пупа отпустил язык, молотит им, он помрет, так еще две недели язык болтаться будет. [Смех, аплодисменты.] Нужно давать отпор клеветникам и демагогам...

Хрущев в свое время перевел Кириченко, бывшего в 1953—1957 годах первым секретарем ЦК КП Украины, из Киева в Москву. Он понравился первому энергией и напором. На XX съезде он обратился к Хрущеву:

— Между прочим, мне хотелось бы обратить внимание на то, почему у нас не соревнуются между собой республики, а если некоторые и соревнуются, то негласно. Очень многие колхозники, работники совхозов и МТС Украины высказывают пожелание, чтобы организовать соревнование между республиками.

— А с кем бы вы хотели соревноваться? — заинтересовался Хрущев.

— Отвечаю, — не смутился Кириченко, — Украина могла бы соревноваться с Российской Федерацией как самые крупные республики. А

чего же!

Хрущев сделал Алексея Илларионовича фактически вторым человеком в партии. Но товарищи по партийному руководству наперебой жаловались на его откровенное хамство и диктаторские замашки. Никита Сергеевич пришел к выводу, что Кириченко не выдержал испытания властью — зазнался и пользы от него немного. Тогда он призвал на помощь украинских работников, недавних подчиненных Кириченко, чтобы критика прозвучала убедительнее и чтобы Алексей Илларионович видел — и родная республика его не поддерживает.

Н. В. Подгорный работал у Кириченко на Украине, многим был ему обязан, но теперь, став первым секретарем ЦК КПУ, с удовольствием воспользовался возможностью проехаться по бывшему начальнику:

— Кто ведет Секретариат, у того и больше власти. А что касается личных недостатков Кириченко, могу подтвердить. Он думает, что он самый умный: «Я все решаю, я всех ставлю». Если слово против скажешь, Кириченко никогда не забудет, станешь врагом.

Подгорному вторил председатель Президиума Верховного совета Украины Демьян Коротченко:

— У Кириченко много недостатков — кипитесь, не выдержан, груб, принижает человека.

В конце дали слово самому Кириченко. Он пожаловался на то, что напрасно ему «шьют дело»:

— Такой бани мне еще не устраивали. Но ведь не было же ни одного вашего замечания, на которое бы я не реагировал!

Тут взорвался Хрущев:

— Я с этим не согласен! Никто вам ничего не «шьет»!

И бросил уничтожающе:

— Самое тяжелое, что я хуже стал к вам относиться. Вы просто зазнались.

Первый секретарь сформулировал решение:

— Меняется стиль руководства, мы делаем шаг вперед в нашей системе. Вести Секретариат ЦК по алфавиту, каждый по месяцу.

В решении Президиума ЦК от 26 ноября записали: «Считать нецелесообразным, чтобы председательствование на заседаниях Секретариата осуществлялось постоянно лишь одним секретарем ЦК. Установить, что на заседаниях Секретариата секретари ЦК председательствуют поочередно (помесячно)».

В документ внесли еще одно важное положение. На Секретариат ЦК в целом возлагалось «наблюдение за работой» Отдела партийных органов и

Отдела административных органов ЦК (ему были подведомственны КГБ, МВД, прокуратура и вооруженные силы). Иначе говоря, Хрущев не хотел, чтобы работу двух важнейших отделов курировал кто-то из секретарей ЦК. Оба важнейших отдела должны подчиняться только ему самому.

В решении Президиума ЦК устанавливался перечень должностей, кандидаты на которые в обязательном порядке утверждались Секретариатом ЦК:

«Первые и вторые секретари обкомов, председатели облисполкомов и крайисполкомов, председатели Советов министров и председатели Президиумов Верховных советов союзных и автономных республик, министры СССР, руководители центральных организаций и ведомств, председатели совнархозов, командующие военными округами, армиями и флотами, начальники политуправлений округов, армий и флотов, председатели республиканских комитетов госбезопасности, начальники областных и краевых управлений КГБ...»

Судьба Кириченко была предрешена. Хрущев попросил Л. И. Брежнева приискать ему работу. 7 января 1960 года на Президиуме ЦК Брежнев предложил отправить Кириченко или послом в Чехословакию, или первым секретарем в Ростов. Спросили мнение самого Алексея Илларионовича. Он, как положено, поблагодарил за доверие:

— Согласен пойти на любую, меньшую хотя бы в десять раз, работу, чем предлагают.

Хрущев великодушно сказал, что Кириченко может выбирать. Кириченко пожелал было поехать послом, но за ночь передумал и попросился в Ростов. 8 января назначение утвердили. Правда, на этой должности его продержали всего полгода. 15 июня Пленум Ростовского обкома освободил Кириченко от должности. Ему оформили пенсию.

Хрущев продолжал менять руководящие кадры. 4 мая 1960 года в наступательном духе провел заседание Президиума ЦК и осуществил большие перестановки.

Договорились, что маршал К. Е. Ворошилов обратится к Верховному совету с письмом об освобождении его от должности председателя Президиума и отправится на пенсию. А его пост займет Л. И. Брежнев. В Президиум ЦК Хрущев ввел трех человек, которые по иронии судьбы сыграют важную роль в его свержении: А. Н. Косыгина (одновременно сделал его своим первым заместителем в правительстве), руководителя Украины Н. В. Подгорного и председателя Совета министров РСФСР Д. С. Полянского. Появился и новый секретарь ЦК — Фрол Козлов. На этом хорошие новости закончились. Хрущев объявил недоволен:

— Секретариат — слишком объемистый, удельный вес секретарей в Президиуме ЦК излишне большой.

Как будто бы не он сам их всех назначал! В тот день Никита Сергеевич убрал сразу нескольких секретарей ЦК: П. Н. Поспелова, А. Б. Аристов, Н. А. Мухитдинова, Е. А. Фурцеву. Маленькая кадровая революция.

Поспелов казался Хрущеву слишком догматичным, скучным и безынициативным. Никита Сергеевич уже приметил других людей на идеологическом поприще. Ему понравился Леонид Федорович Ильичев, моторный, с быстрой реакцией и неплохим образованием — он окончил Институт красной профессуры. В 1958 году Хрущев уже поручил Ильичеву заведовать Отделом пропаганды и агитации ЦК, вскоре сделает секретарем ЦК и председателем Идеологической комиссии.

Поспелову и Аристову Хрущев поручил «сосредоточиться на работе в Бюро ЦК по РСФСР». Но это было лишь первым шагом к забвению. Уже через полгода, 20 января 1961 года, Аверкия Борисовича освободили от обязанностей заместителя председателя Бюро ЦК по РСФСР (в октябре его тихо вывели из Президиума ЦК). Хрущев пренебрежительно заметил:

— Товарищ Аристов оказался человеком спокойным, «вольным казаком». Подъедет, скажет речь и... только. Он честный и хороший человек, но как работник очень слабый. А с большими претензиями на знание сельского хозяйства. Он же пытался теоретически обосновать свои взгляды на ведение сельского хозяйства в Сибири. А теория-то липовая, подточена, потому что кто придерживался этой теории, тот хлеба не получал.

А. Б. Аристов тоже стал секретарем ЦК в 1952 году. Причем он ведал силовыми структурами. При Хрущеве курировал партийные организации России. Пострадал Аристов за истории типа той, что произошла в Рязанской области, когда планы поставок мяса и молока выполняли путем грубых приписок и махинаций. В феврале Аристову отправили послом в Польшу. Поспелова же поставили заведовать Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, благо он был академиком.

Бывшего первого секретаря ЦК КП Узбекистана Нуритдина Мухитдинова Хрущев часто использовал для контактов с исламскими странами третьего мира. Когда весной 1958 года приехал руководитель Египта Гамаль Абдель Насер, то после переговоров его повезли по стране. Показали Узбекистан. Сопровождал египтянина Мухитдинов. На грандиозном обеде, устроенном в честь египетского гостя, вспоминал известный советский разведчик генерал В. А. Кирпиченко, новый глава республики Ш. Р. Рашидов сказал просто и скромно:

— Сегодня солнце второй раз вошло над Узбекистаном — к нам приехал наш дорогой и любимый Нуритдин Акрамович Мухитдинов!

Но работником Нуритдин Акрамович оказался слабым. К тому же Хрущеву приходилось заниматься его личными проблемами.

Однажды Мухитдинова отвел в сторону председатель КГБ, упрекнул:

— Ты ухаживаешь за хозяйкой своего особняка.

Мухитдинов вспоминал, что был ошеломлен словами председателя КГБ:

— Ты откуда это взял?

— Она сама заявила.

— Врешь! Это ложь!

— Хочешь допрошу ее и запротоколирую?

— Наверняка уже сделал это, а протокол у тебя в кармане.

— Я хотел просто предостеречь тебя.

Вернувшись к себе в кабинет на Старой площади, Мухитдинов позвонил Хрущеву и попросил немедленно его принять.

Никита Сергеевич уточнил:

— Очень срочно?

— Да.

Мухитдинов пришел к Хрущеву.

Тот спросил:

— Что случилось?

Мухитдинов пересказал первому секретарю беседу с председателем КГБ. Хрущев слушал внимательно, не перебивая, и, что удивило Мухитдинова, спокойно. Из этого можно было сделать вывод, что председатель КГБ его уже информировал. А может быть, и вовсе выполнял поручение Хрущева.

Никита Сергеевич рассудительно сказал:

— Многие работники обслуживающего персонала избалованы, так как купались в роскоши. Сейчас обновляем их состав, приучаем действовать в пределах утвержденных смет расхода средств, продуктов. Вот они и проявляют недовольство. Поэтому будьте с ними поосторожнее, отношения пусть будут ровные, официальные...

Хрущев решил избавиться от разочаровавшего его Мухитдинова.

Фурцева лишилась поста секретаря ЦК 4 мая 1960 года. Екатерина Алексеевна безропотно произнесла:

— Предложения правильные. Перестановку в Секретариате надо произвести. Если меня коснется, то я согласна на любом участке работать.

В тот же день Екатерину Алексеевну назначили министром культуры

СССР. Ее предшественника на министерском посту Николая Александровича Михайлова, много лет руководившего комсомолом, отправили послом в далекую Индонезию. Его политическая карьера завершилась. А ведь еще недавно он занимал такие же высокие посты, как и Фурцева. Ему благоволил Сталин, Николай Михайлов служил и первым секретарем Московского обкома, и секретарем ЦК. Так что Екатерина Алексеевна прекрасно понимала, что перевод в Министерство культуры — это опала.

Что же послужило причиной массовой чистки высшего эшелона партийного руководства? Почему Хрущев в один день разогнал своих ближайших помощников? Они не достались ему в наследство от предшественников. Он сам их подбирал и выдвигал.

Точного ответа нет и по сей день. Считается, что средства технического контроля зафиксировали вольные разговоры секретарей ЦК, которые они вели в своих комнатах отдыха, попивая чай или более крепкие напитки. Ничего крамольного они не говорили, лишь позволяли себе критически оценивать поведение Никиты Сергеевича.

В составе Оперативно-технического управления КГБ существовал 2-й отдел, занимавшийся прослушиванием телефонов и помещений. Контролеры 2-го отдела, в основном женщины, владели стенографией и машинописью, их учили распознавать голоса прослушиваемых лиц.

Самым опасным было дурно отзываться о первом секретаре. Такие записи приносили председателю Комитета госбезопасности, он сам их прослушивал и либо самостоятельно принимал решение относительно судьбы неосторожного критика, либо, если речь шла об очень высокопоставленной персоне, ехал в Кремль. Официальные бумаги, в том числе и из КГБ, поступали в ЦК через Общий отдел. Деликатные материалы председатель КГБ докладывал первому секретарю без свидетелей.

Существовал список аппаратчиков, чьи телефоны подлежат «оперативному техническому контролю». Высшие чиновники исходили из того, что их прослушивают, и были крайне осторожны. Все важные разговоры вели только на улице, не рисковали пользоваться телефоном, обсуждать нечто серьезное в рабочих кабинетах или у себя на квартирах и дачах. Удивительно, что секретари ЦК с их политическим опытом оказались столь наивными. Не предполагали, что их могут прослушивать? Возможно, опрометчиво считали, что они так много сделали для Хрущева, что он век будет им благодарен?

Старые заслуги ничего не значат, когда речь идет о власти. Борьба за

нее не заканчивается даже в тот момент, когда политик становится полновластным хозяином страны. Когда кажется, что уже не осталось ни врагов, ни соперников, а только соратники и помощники. И тогда начинается борьба за удержание власти. Ее приходится оберегать от тех, кто стоит рядом с тобой. Логика борьбы такова, что и соратники тоже не нужны. Требуется лишь подчиненные. Никому не хочется держать рядом с собой тех, кому обязан своим креслом. В 1957 году, одолев «антипартийную группу», Хрущев обрел всю полноту власти. Тем не менее все последующие годы он непрерывно убирал тех, кто стоял с ним рядом.

Есть и другое объяснение. Секретарей ЦК вытеснил с олимпа Фрол Козлов, избавлявшийся от соперников. Он убедил Хрущева в том, что существует опасная «группа Игнатова», в нее входят Аристов и Фурцева. Козлов с Фурцевой женили детей, стали родственниками, но борьба за власть сильнее чувств к сватье.

Впрочем, скорее всего, смена кадров — единоличное решение Хрущева. Никита Сергеевич не из тех, кто полагается на чужое мнение. Он был человеком увлекающимся. Понравившегося работника мог поднять на головокружительную высоту. Но, разочаровавшись, с той же легкостью расставался с недавним любимцем и продвигал нового.

Он довольно часто менял работников, потому что не реализовывались связанные с ними большие надежды...

Еще год с лишним, до XXII съезда партии, Екатерина Фурцева оставалась членом Президиума ЦК. Возможно, рассчитывала, что опала будет недолгой, Хрущев передумает и вернет ее на партийную работу. А может, наивно полагала, что Никита Сергеевич хотя бы сохранит за ней пост в партийном ареопаге. Тогда и министерский пост не страшен. Главное — участвовать в заседаниях Президиума ЦК, где решаются все важные вопросы. Это определяет статус и положение чиновника.

На съезде предоставили слово и Фурцевой. Это был первый случай, когда на партийном форуме такого ранга выступал министр культуры.

Представившаяся возможность вселяла в Екатерину Алексеевну некоторые надежды. Она оценила новую Программу партии как коммунистический манифест современной эпохи, который обязательно станет реальностью:

— Советский народ добился грандиозных побед в строительстве коммунизма под руководством своей родной партии, ее Центрального комитета во главе с верным ленинцем, неутомимым и беззаветным партийным бойцом Никитой Сергеевичем Хрущевым... Перед всем миром наша партия предстает как партия революционеров, смелых новаторов,

коммунистов-ленинцев...

На вечернем заседании 30 октября 1961 года бывших секретарей ЦК — Игнатова, Аристова, Фурцеву, Мухитдинова — вновь избрали в состав ЦК. Вечером 31 октября собрался первый Пленум ЦК нового созыва, на нем в состав Президиума ЦК их уже не включили. Они узнали об этом заранее, потому что тех, кого ждет высший пост, еще до Пленума фотографировали для прессы.

Это стало для Екатерины Алексеевны страшным ударом. Фурцева, можно сказать, была раздавлена тем, что ее не включили в новый состав Президиума ЦК. Николай Игнатов и Аверкий Аристов смолчали. А вот Нуритдин Акрамович Мухитдинов, Екатерина Фурцева и ее муж Николай Фирюбин в знак протеста не пришли на вечернее заседание съезда. Это было воспринято как невиданная демонстрация. Вызов Хрущеву и всему партийному руководству!

Опытный Мухитдинов вызвал врача: «У меня появились сильные головные боли, поднялась температура, участился пульс, упало давление. Прибывшая по вызову лечащий врач сделала укол, предложила ряд лекарств и категорически запретила вставать. Приехали по ее вызову и другие врачи. Осмотрели, прослушали работу внутренних органов и прописали строгий постельный режим».

Екатерина Алексеевна, переживая случившееся, пыталась уйти из жизни. Рассказывали, что, вернувшись домой, она закрылась в ванной. Подруга пришла к ней в гости и удивилась, что ей не открывают. Забила тревогу. Взломали дверь и обнаружили Фурцеву, истекающую кровью. Ее удалось спасти.

После Пленума ЦК особняк Фурцевой навестил офицер госбезопасности, который отключил телефоны правительственной связи: простому министру все это не положено. Затем появился сотрудник Управления делами ЦК и весьма не деликатно попросил освободить дачу: она понадобится кому-то из новых членов Президиума. Казалось, ей наносят удар за ударом. Екатерина Алексеевна болезненно воспринимала утрату атрибутов прежней жизни. Но больше всего она думала о том, как люди вокруг радуются ее падению и злорадствуют. Насчет нравов в политической верхушке она не заблуждалась.

Когда Хрущеву доложили, что трое членов ЦК в знак протеста не явились на съезд, он был вне себя. Потребовал от Президиума ЦК «обсудить поступок, совершенный товарищами Фурцевой, Мухитдиновым и Фирюбиным». Но обсуждение вынужденно отложилось, чтобы Екатерина Алексеевна успела прийти в себя.

Разбирательство проходило в Кремле уже 9 марта 1962 года. Новый состав Президиума ЦК КПСС собрался почти в полном составе. Всех троих провинившихся накануне обзвонили сотрудники Общего отдела ЦК:

— Завтра в девять часов прибыть в Кремль на заседание Президиума.

У подъезда встречал офицер, который проводил в приемную. Фурцева умоляла товарищей поверить, что она тяжело болела, Фирюбин тоже признал свою вину, но просил понять его положение:

— Иначе я не мог поступить.

М. А. Суслов, Ф. Р. Козлов и Ш. Р. Рашидов подготовили проект решения о выводе Фурцевой и Мухитдинова из состава ЦК. Но Никита Сергеевич остыл и проявил снисходительность.

— Поступок сложный, — скорее сочувственно говорил Хрущев о Фурцевой. — Я понимаю ее огорчение, когда на съезде не избрали в Президиум. Но люди оценили ее поступок как протест против партии. По работе — ничего плохого не скажу. В острых вопросах — всегда держалась. Характер, правда, неважный. Я говорил ей: «то вы с Жуковым, то с Булганиным, то с Молотовым». Но в принципиальных вопросах держалась принципиально... А тут такой нехороший поступок.

Хрущев тем не менее учел раскаяние Екатерины Алексеевны и предложил в решении записать: отсутствовала вследствие заболевания. Относительно Фирюбина распорядился: за неправильное поведение указать.

«Я вошел, — вспоминал Мухитдинов. — Все члены, кандидаты в члены Президиума, секретари в сборе, председательствует Н. С. Хрущев. В конце длинного стола стоит Фурцева и, рыдая, что-то говорит. Я сел с краю, в углу. От Фурцевой требовали объяснений, почему не явилась на заключительное заседание съезда. От волнения и слез она еле говорила, и ей предложили сесть. Вызвали и ее мужа Н. П. Фирюбина.

Никита Сергеевич крепко ругал его. Напомнив прежние ошибки, он сказал:

— Как партийный работник в прошлом, как муж, вы должны были проявить волю, ум — не только самому явиться на съезд, но и предотвратить позорные действия жены.

Фирюбин извинялся, выражал раскаяние.

Никита Сергеевич дал знак мне. Я подошел, остановился у края длинного стола.

— А вы почему не пришли?

В ответ произнес одно слово:

— Заболел.

При общем молчании он продолжал:

— Мы вас так высоко подняли, создали условия, прислушивались к вашим предложениям, высказываниям. У нас были на вас большие надежды. Как вы могли так поступить?

Я не сказал ни слова».

Никита Сергеевич завершил обсуждение словами:

— Давайте проинформируем Пленум об их поведении.

Пленум ЦК открылся вечером 9 марта 1962 года.

— Прежде чем мы приступим к обсуждению, — сказал Хрущев, — хочу проинформировать вас о поведении некоторых членов ЦК, которые не явились на заключительное заседание XXII съезда партии. Тем самым не выполнили свой партийный долг как делегаты и члены ЦК. Вот товарищ Фурцева... Она пользовалась большим уважением, возглавляла столичную парторганизацию, входила в состав Президиума и Секретариата ЦК. В последнее время являлась министром культуры Союза. Но после Организационного пленума проявила безволие только из-за того, что не избрана членом Президиума, нанесла себе телесные повреждения. На Президиуме ее резко критиковали. Она признала свои ошибки, обещала сделать выводы. Недостойно повел себя Фирюбин. Несмотря на его ошибки в прошлом, утвердили его заместителем министра иностранных дел, на съезде избрали кандидатом в члены ЦК. Вы знаете, он муж Фурцевой. Тоже не явился на съезд, хотя никаких веских причин у него к этому не было. Он был обязан не только явиться сам, но и воздействовать на жену. Не знаю, сможет ли он по-партийному оценить свой поступок, сделать нужные выводы.

Ни речь Хрущева, ни само заседание не стенографировались. Вообще не найдены никакие материалы относительно того, что говорилось на Пленуме ЦК, только воспоминания участников. Очевидцы рассказывают, что Хрущев выступал очень эмоционально. Но оргвыводов не потребовал.

Закончив, Никита Сергеевич спросил:

— Надо ли обсуждать вопрос?

Раздалось единогласное «Нет!». В зале сидели опытные люди, знали, что ответить.

— Видимо, нет нужды принимать решение? — обратился Хрущев к залу.

И услышал то, что хотел: «Нет!»

Екатерина Фурцева продолжила работать министром культуры. Начальственные нотки по-прежнему звучали в ее голосе. Помню, как в начале 1970-х годов мой отец, который работал тогда первым заместителем

главного редактора «Литературной газеты», вечером рассказывал:

— Звонила раздраженная Фурцева: «Как вы смеее критиковать моего заместителя?» И добавила: «Я помню, как вы начинали в Московском горкоме.» Дескать, своих-то не трогают.

Николай Фирюбин остался заместителем министра иностранных дел, правда, больше в состав ЦК его уже не избирали. Нуритдин Мухитдинов пострадал больше всех. Его серьезно понизили — отправили в Центральный союз потребительских обществ заместителем председателя правления.

— Ошиблись в нем, — сокрушался Хрущев, — плохо воспитан как член партии. Пережитки байского есть у него. К нему есть и политические претензии — поддерживал узбекскую групповщину. Плюс нехорошие поступки бытового характера — бьет жену.

Занимался кадровыми делами новый хрущевский фаворит Ф. Р. Козлов. Переведенный из Совета министров на Старую площадь, Фрол Романович сразу занял позицию второго секретаря. 2 июня 1960 года в решении Президиума ЦК записали: «Возложить на т. Козлова председательствование на заседаниях Секретариата ЦК КПСС, а также рассмотрение материалов и подготовку вопросов к заседаниям Секретариата ЦК».

Александр Твардовский пометил в дневнике: «Есть такой человек в руководстве — Козлов, который, когда разговаривает, слушает только себя и сам пьянеет от своего голоса». 17 июня 1961 года Козлова отметили Золотой Звездой Героя Социалистического Труда — за полет Юрия Гагарина в космос. А 31 октября, на первом Пленуме ЦК нового состава, избранного XXII съездом КПСС, Хрущев по-свойски сказал: «По Уставу у нас второго секретаря ЦК нет, но он нужен, и им будет Фрол Козлов».

Козлов родился в деревне в Рязанской области, работал на текстильной фабрике, в 1936 году окончил Ленинградский политехнический институт имени М. И. Калинина. Начинал в парткоме Ижевского металлургического завода, в 1940 году его сделали секретарем Ижевского горкома партии. На этом посту провел войну. Несколько лет проходил обкатку в аппарате ЦК и получил пост второго секретаря Куйбышевского обкома. После начала «Ленинградского дела», когда в городе прошла большая чистка и появились вакансии, Козлова перебросили в город на Неве.

Хрущев сделал Фрола Романовича хозяином Ленинграда. Козлов был грубым и упрямым, с узким кругозором. Однажды в Ленинград привезли главу Монголии Юмжагийн Цеденбала. Козлов устроил прием. Произносились тост за тостом. Поскольку присутствовало командование

Балтийского флота, Цеденбал поднял бокал за советский Военноморской флот. Тогда Козлов провозгласил ответный тост — за Военноморской флот Монголии. Цеденбал с трудом сдержал смех: в Монголии нет ни моря, ни крупных озер, отсутствует, разумеется, и Военноморской флот.

Хрущеву Козлов импонировал энергией и работоспособностью. Никита Сергеевич страдал от обилия мелких дел, которые без него не решались. Когда заведующий Общим отделом ЦК Владимир Малин докладывал ему почту, Хрущев ворчал:

— Носят уйму бумаг, которые и прочесть-то не успеваешь.

Малин однажды сказал, что показывает ему только половину почты, а то и меньше. Что касается львиной доли бумаг, требующих его подписи, Малин напомнил, что вместо подписи ставит его факсимиле. Никита Сергеевич разразился бранью:

— Какое право ты имеешь без меня выпускать документы? Это же подлог! Я тебя выгоню.

Но Малин резонно ответил:

— Вы досаждаете и ругаетесь, когда вам приносят лишь половину того, что вы должны подписывать. А если вам давать все бумаги, вы вообще не смогли бы ничем иным заниматься, кроме как с утра до ночи ставить свою подпись.

В январе 1959 года А. И. Микоян ездил в Соединенные Штаты. Там он дал интервью американскому телевидению. Его спросили, не сложился ли вокруг Хрущева новый культ личности. Микоян темпераментно опроверг такое предположение: Никита Сергеевич очень популярен. Сказал, что двух первых заместителей главы правительства, то есть самого Микояна и Козлова, тоже мало критикуют.

— Вы могли бы подумать, что у нас кругом культ личности, — объяснил несведущим американцам Микоян. — Но это не так. Просто, поскольку мы хорошо работаем, то нет оснований нас критиковать.

Фрол Козлов тоже ездил в США на открытие советской выставки в Нью-Йорке. В гостиничном номере собрались его помощники и охранники достали бутылку коньяка, распили ее.

Козлов понюхал пустую бутылку и брезгливо сказал:

— Керосином пахнет. Заменить!

Переводчик Виктор Суходрев рассмеялся, вспомнив, что точно так же поступал и Микоян:

— Фрол Романович, да ведь это любимая присказка Анастаса Ивановича.

Козлов мрачно посмотрел на Суходреву:

— При чем здесь Микояшка? У него и шутки армянские.

Товарищи по Президиуму ЦК недолюбливали и побаивались Козлова. Хрущева вполне устраивало стремление Фрола Романовича взять на себя все текущие дела, а Козлова радовали частые поездки Хрущева по стране и миру. «Прозрачные глаза, завитые волосы, холеное лицо и ледяной взгляд», — таким его увидел кинорежиссер Михаил Ромм.

Девятого января 1963 года на Президиуме ЦК Хрущев сообщил, что уезжает на съезд Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) в Восточный Берлин:

— На время моего отъезда товарищ Козлов будет вести вопросы, так? Все согласились.

— Хорошо. — Хрущев пребывал в хорошем настроении. — Никто другой не покушается?

— Нет, — сказал Микоян.

— Почему ты все первый говоришь?

Все засмеялись.

«А женись, как Аджубей»

Кто влиял на Хрущева? К кому он прислушивался?

Считалось, что большое влияние имела его семья. Особенно зять. Ходила тогда такая шутка: «Не имей сто друзей, а женись, как Аджубей». Отношения к реальности шутка не имела.

На 2-й курс отделения журналистики филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова Алексей Иванович Аджубей перевелся в 1947 году из школы-студии Художественного театра. Веселый, обаятельный, яркий, компанейский, артистичный, хорошо одетый, он был на пять лет старше вчерашних школьников. В него влюбилась юная Рада Никитична Хрущева, дочь первого секретаря ЦК Компартии Украины.

Мать Аджубея, Нина Матвеевна Гупало, модная портниха, которая работала в закрытом ателье и обшивала тогдашнее высшее общество, встревожилась: не сломает ли эта любовь карьеру ее сына? Времена были еще сталинские, сегодня Хрущев — член Политбюро и в фаворе, а завтра...

Но любовь закончилась в 1949 году свадьбой. Они вырастили троих детей и хранили прекрасные отношения, пока были вместе на этой земле. Алексей Иванович ласково и нежно относился к жене, а Рада Никитична стала ему надежной опорой.

Необычная пара! Рада Хрущева всегда держалась очень скромно и достойно. Никто бы и не подумал, что она дочь фактического хозяина страны. Получила второе образование — окончила биологический факультет МГУ — и всю жизнь работала в журнале «Наука и жизнь»: сначала заведовала отделом биологии и медицины, потом стала заместителем главного редактора. Она с трудом переносила бурный образ жизни мужа, который поздно вечером, а то и ночью, после подписания газеты в свет, привозил коллег домой и они до утра веселились и выпивали. Аджубей был человеком богемы, любил компании, ни в чем себе не отказывал. Пользовался успехом у женщин. Рассказывали, что из-за какой-то дамы у Аджубея вышел разлад с замечательным певцом и актером Марком Бернесом. И главный редактор отомстил более удачливому в любви Бернесу злыми газетными фельетонами.

Студентом Алексей Аджубей пришел стажером в отдел спорта «Комсомольской правды» и остался в газете. Заведовал отделом студенческой молодежи, отделом искусств, стал заместителем главного

редактора. Прирожденный газетчик Алексей Аджубей все должности занимал по праву. Как выразилась одна его сотрудница, «он любил газету, как женщину». Другое дело, что не будь он зятем Никиты Сергеевича, едва ли его карьера оказалась бы столь стремительной.

Руководители комсомола, с которыми он был на «ты», в апреле 1957 года поставили Аджубея во главе «Комсомольской правды». Прежнего главного редактора, Дмитрия Горюнова, перевели с повышением в «Правду», убрав, таким образом, из редакции, чтобы освободить кресло хрущевскому зятю. Надо сказать, что и Горюнов был сильным журналистом, и «Комсомолка» при нем расцвела.

Илья Миронович Шатуновский, известный фельетонист, вспоминал, как в газету приехал первый секретарь ЦК комсомола А. Н. Шелепин. Сотрудников «Комсомолки» собрали в редакционном Голубом зале.

— Состоялось решение ЦК партии, Дмитрий Петрович Горюнов переходит в «Правду», — многозначительно сказал Шелепин. — Кто, по вашему мнению, может стать новым главным редактором газеты?

Журналистов удивил небывалый демократизм, главного редактора всегда назначал ЦК ВЛКСМ.

— Ну что вы, товарищи, переглядываетесь? Называйте свои кандидатуры, — подбодрил журналистов Шелепин. — Какое у вас мнение?

— А какое мнение у ЦК комсомола? — поинтересовался кто-то из газетчиков.

— Конечно, у ЦК свое мнение есть, — не стал скрывать Шелепин. — Мы склоняемся к кандидатуре Алексея Ивановича Аджубея. Но пока это ничего не значит. Вам работать с главным редактором, вам и решать.

Все молчали. Раньше таких вопросов никто не задавал.

— Я вижу, иных предложений нет, — констатировал Шелепин. — Что же, воля коллектива — закон.

Об этом назначении никто в редакции не жалел. Прочный тыл позволял Аджубею делать то, что непозволительно было другим. Он мог позвонить тестю и по-домашнему представиться:

— Никита Сергеевич, это Алеша.

Присутствовавшие при разговоре чиновники испытывали непреодолимое желание встать и вытянуться в струнку. Конечно, такой звонок решал вопрос, который остальным редакторам был не по зубам. Но многое Аджубей делал на свой страх и риск.

Родственные отношения не спасали Аджубея от всех неприятностей. Некоторые члены Президиума ЦК, возмущившись очередным номером «Комсомолки», снимали трубку «вертушки» и звонили главному редактору:

— Товарищ Аджубей, в чьих интересах вы напечатали статью в сегодняшнем номере?

Алексей Иванович не знал, что последует за этим выговором: не пожалуется ли разгневанный член Президиума ЦК самому Хрущеву? Не разозлится ли Никита Сергеевич на своенравного зятя, который создает ему лишние проблемы, и не скажет ли: подберите-ка ему другую должность, менее заметную? Поэтому Аджубею приходилось ладить и с большим начальством, и с аппаратом ЦК, который тоже способен был нагадить главному редактору газеты. Но у него было еще одно преимущество: он знал, как Хрущев относится к тому или иному чиновнику, поэтому на злой вопрос мог уверенно и даже с вызовом ответить:

— Эта статья опубликована в интересах советской власти.

И собеседнику оставалось только в сердцах бросить трубку «вертушки».

Когда в мае 1959-го Аджубей появился в «Известиях», ветераны газеты встретили его скептически — что за мальчишка к ним пришел? Ему было 35 лет. И он переходил в «Известия» не без опаски. Советовался с женой:

— Может, лучше поехать собкором в Англию?

Но желание доказать, что он способен любую газету сделать лучшей в стране, взяло верх. Представил его известинцам секретарь ЦК по идеологии Л. Ф. Ильичев, который в 1940-е годы сам редактировал «Известия». Собравшимся журналистам Ильичев объяснил, что ЦК принял решение укрепить руководство газеты, потому что не удовлетворен ее работой.

Сам Аджубей сразу объяснил, что намерен делать новую газету. Он вспомнил, что, вручая его предшественнику — Константину Губину — орден, председатель Президиума Верховного совета СССР К. Е. Ворошилов, желая сделать комплимент, сказал, что награждает редактора «самой правдоподобной газеты».

— Но «Известия» не должны быть похожи на «Правду»! — темпераментно изложил свое кредо Аджубей. — Что можно сделать, чтобы выделить «Известия», чтобы ее отличали от других газет? Журналистика отстает от того, что от нее ждет народ. Это суконная журналистика. В ней отсутствует человек. Жизнь много сложнее, так пусть в газете она будет такой, какая есть. Розовая газета нам не нужна. Нужны критические выступления, конфликтные, постановочные, и мы их будем требовать от вас. Надо драться за новое в промышленности, сельском хозяйстве, науке. Именно — драться! Газета сама должна делать политику, и она же — ее

отражать.

Один из известинцев скептически заметил:

— Надо иметь на это право — делать политику!

Аджубей темпераментно возразил:

— Надо показать раз, два, и право будет дано. Не было запрещения делать политику! Его выдумали ленивые.

Алексей Иванович сделал то, чего никто от него не ожидал.

На первой же планерке распорядился отправить в корзину все материалы, подготовленные для очередного номера, и добавил:

— Соберемся через час. Принесите все самое интересное, что у вас есть.

И он выпустил номер из статей, которые до него напечатать не решались.

Хрущев и Аджубей были в чем-то похожи: взрывной темперамент, склонность к новым, революционным идеям и готовность немедленно, ни с чем не считаясь, воплощать их в жизнь. Алексей Иванович менял не только газету, но и образ и темп жизни газетчиков. В «Известиях» поставили телетайпы, которые были абсолютной новинкой, завели электронную рекламу — вечером бегущая строка на здании газеты на Пушкинской площади сообщала о содержании свежего номера.

Он требовал от подчиненных сенсаций, острых материалов, о которых говорила бы вся страна. На летучке недовольно говорил:

— Что это за номер? Я в обществе показаться не могу!

Он принадлежал к редкой породе газетных редакторов, которые работают азартно, фонтанируют идеями и умеют воодушевлять своих коллег. Тираж газеты достиг фантастической цифры в 8 миллионов экземпляров при том, что подписка была лимитирована, то есть не все желающие могли подписаться на любимую газету.

Позволю себе короткое отступление. Я работал в «Известиях» в середине 1990-х, через 30 лет после Аджубея, когда воцарилась полная свобода слова. Но старые известинцы именно аджубеевские годы считали временем расцвета газеты и поминали Алексея Ивановича с почтением и восхищением.

На утренних заседаниях редколлегии в овальном конференц-зале (редакция еще находилась на Пушкинской площади) я сидел рядом с Анатолием Друзенко, который пришел в газету при Аджубее стажером и вырос до первого заместителя главного редактора. Он часто с горечью повторял:

— Такого редактора, как Аджубей, в «Известиях» не было и больше не

будет.

Алексею Ивановичу, его насыщенной жизни, откровенно завидовали. Преуспевающий во всем человек, он распространял вокруг себя атмосферу процветания. Он был то надменным и высокомерным, то покровительственно-добрым.

Таким увидел его собственный корреспондент ТАСС в Сталинграде Владимир Еременко. Через много лет он описал поразившую его сцену. После XX съезда Хрущев привез в Сталинград (город переименовали в Волгоград в 1961 году) югославскую делегацию. Первого секретаря сопровождала неизменная пресс-группа — главный редактор «Правды» Павел Алексеевич Сатюков, председатель Госкомитета СССР по радиовещанию и телевидению Михаил Аверкиевич Харламов и, конечно же, Алексей Иванович Аджубей.

Во время торжественного приема, когда выступал Хрущев и все жадно внимали первому секретарю ЦК КПСС, его зять, как ни в чем не бывало, шел по залу.

«Немногочисленные в застолье парт-и совдамы провожали его умиленными взглядами, — вспоминал Владимир Еременко. — Молодой, высокий, пышущий здоровьем атлет излучал не только физическую силу, но и завораживающую силу власти. Он зять могущественного человека, развенчавшего Сталина, вздыбившего страну. Когда говорит этот всеильный муж, немногие из его окружения могут позволить себе так вальяжно и независимо следовать через зал.

Аджубей же спокойно, не убыстрив шага, дошел до своего места и, опустившись на стул, тут же что-то стал шептать на ухо Сатюкову. Тот сидел, словно аршин проглотив, весь внимание, повернувшись к Хрущеву. Я чуть не прыснул от смеха, наблюдая, в каком тяжелом положении главный редактор «Правды». Демонстрируя верноподданническое внимание первому секретарю, он не мог отмахнуться и от нашептывающего Аджубея».

Вокруг Аджубея крутились лизоблюды и собутыльники, переиначившие знаменитую песню на новый лад:

*Любо, братцы, любо,
Любо, братцы, жить —
С нашим Аджубеем
Не приходится тужить.*

Конечно, Аджубей чувствовал себя уверенно в аппаратном мире. Но

он вовсе не был всемогущим, как и не обладал каким-то особым влиянием на Хрущева.

Аджубей придумал приложение к «Известиям» — еженедельник «Неделю». Увидел во Франции воскресное приложение к коммунистической газете «Юманите» и загорелся этой идеей. «Неделя» вышла в свет и быстро стала очень популярной... Впрочем, это не спасало ни газету, ни главного редактора от недовольства идеологического начальства.

Например, письмо группы художников в ЦК КПСС стало предметом разбирательства на заседании Президиума ЦК 29 ноября 1962 года. На него были также приглашены Аджубей, заведующий Отделом культуры ЦК КПСС Дмитрий Алексеевич Поликарпов и главный редактор «Правды» П. А. Сатюкова.

В письме влиятельные руководители Союза художников жаловались на засилье «формалистов», которые пытаются протащить «буржуазную идеологию в советское изобразительное искусство, растленно влияя на молодежь». Авторы недоумевали: почему «формалисты» смогли получить трибуну и в «Неделе», и в «Известиях»? Письмо руководители Идеологического отдела ЦК КПСС положили на стол Хрущеву с соответствующим комментарием: «формалисты» зажимают реалистов!

Вокруг того, как относиться к художникам, давно шли споры. Трезвомыслящие работники аппарата призывали к разумной осторожности. Заместитель заведующего Отделом культуры ЦК КПСС Борис Сергеевич Рюриков объяснял на совещании:

— Союз художников — это не та организация, в которой можно работать приказом и указом. Нормальная работа Союза требует коллективности, не позволяя ставить личное над общим. К сожалению, таких качеств у товарища Герасимова^[28] и некоторых его соратников не оказалось.

Избранный в 1961 году вторым секретарем Московского горкома партии Н. Г. Егорычев вспоминал:

«Первое поручение, которое я получил от П. Н. Демичева, — заняться идеологией, хотя я был далек от этих вопросов. Пробным шагом в этой области был мой поход на выставку шестнадцати молодых художников на Беговой улице. Я должен был решать: открывать или не открывать эту выставку, так как на ней было представлено много модернистских работ. Я осмотрел выставку, побеседовал со многими художниками.

Они смотрели на меня настороженно, у всех в глазах вопрос: “Ну как? Откроют?” Меня это даже удивило.

Я сказал:

— Открывайте, конечно. Кому это нравится — пусть посмотрят.

Во всяком случае, как я полагал, нашей идеологии это никак не навредит».

Осенью 1962 года в Центральном выставочном зале организовали показ работ, посвященный тридцатилетию Московской организации Союза художников (МОСХ). В Манеже долгое время располагался правительственный гараж, только в конце 1950-х уговорили Никиту Сергеевича передать помещение художникам.

«В конце ноября, — вспоминал Егорычев, — я ознакомился с выставкой, организованной в Центральном выставочном зале. Действовала она уже около месяца и вызвала большой интерес москвичей и гостей столицы. За это время ее посетили более ста тысяч зрителей. Занявшая весь первый этаж Манежа выставка действительно оказалась очень интересной: показали все лучшее, что было создано за 30 лет работы Московской организации Союза художников».

А в Министерстве культуры с подозрением наблюдали за исканиями молодых живописцев. Приписывали это, как водится, тлетворному западному влиянию.

Газета «Известия» попросила И. Г. Эренбурга написать о выставке в Манеже. Следовательно, разгром этой выставки заранее не замышлялся. Илья Григорьевич одобрительную статью написал и не мог понять, почему ее не печатают. А дело было в том, что партийные художники пожаловались в ЦК. Дело разбиралось на высшем уровне.

Обсуждение происходило через три недели после Карибского кризиса, и Хрущев демонстрировал идеологическую непреклонность. Ему было особенно неприятно, что идеологические чиновники углядели промахи у его зятя, Алексея Аджубея. Все это заставило Хрущева высказываться жестче обычного. Заведующий Общим отделом ЦК Владимир Малин записал слова Хрущева:

«Остро высказывается по поводу недопустимости проникновения формализма в живописи и крупных ошибок в освещении вопросов живописи в “Неделе” и газете “Известия”. Резко говорит по адресу т. Аджубея.

Проверить приложение “Неделю”, разобраться с выставками. Отобрать помещение, вызвать, арестовать, если надо. Может быть, кое-кого выслать».

Раздраженный и заведомо настроенный против МОСХа буквально через день, 1 декабря 1962 года, Хрущев отправился в Манеж смотреть

выставку работ столичных живописцев.

Никита Сергеевич был на взводе и вошел в Манеж со словами:

— Где тут у вас праведники, где грешники?

Сопровождали его члены Президиума ЦК М. А. Сулов и Д. С. Полянский, секретарь ЦК А. Н. Шелепин, первый секретарь Московского горкома КПСС Н. Г. Егорычев, министр культуры СССР Е. А. Фурцева и новый секретарь ЦК ВЛКСМ Сергей Павлович Павлов. Кивнув в их сторону, Хрущев сказал:

— Вот они говорят, что у вас мазня. Я еще не видел, но думаю, что они правы.

На первом этаже висели работы знаменитых художников 1920-х годов, но человеку, не подготовленному к восприятию современной живописи, с эстетической глухотой, эти картины казались странными и нелепыми. Никита Сергеевич был скор на приговор:

— Нашему народу такое не нужно!

Гидом для первого секретаря ЦК стал новый президент Академии художеств Владимир Александрович Серов.

«Серов, — рассказывал художник Павел Федорович Никонов, — сначала подводит к Дейнеке, к “Материнству”, говорит: “Вот советская мать”. Потом еще: “Вот советский воин”. А к моим “Геологам” подвел и говорит: “А за эту картину государство заплатило три тысячи рублей”. Тогда это были большие деньги, Хрущев потому и взвился».

Николай Егорычев рассказывал:

«После того как осмотрели работы на первом этаже, Хрущева — неожиданно для меня — повели на второй этаж. Я недоуменно спрашиваю: “Куда всех ведут?”

Как потом выяснилось, Ильичев за ночь (!) до посещения выставки руководителями ЦК распорядился собрать по квартирам работы молодых абстракционистов и следил за их размещением на втором этаже вне выставки МОСХ. Он и авторов пригласил. Те вначале были очень довольны, что их работы хотят показать. Но оказалось, что кому-то очень хотелось столкнуть их с Н. С. Хрущевым. Провокация удалась. Хрущев, как только увидел эти работы, стал кричать».

Никита Сергеевич поднялся на второй этаж, где выставлялись молодые живописцы, которые вскоре станут известны всему миру.

«Хрущев три раза обежал довольно большой зал, — рассказывал художник Элий Михайлович Белютин. — Его движения были очень резки. Он то стремительно двигался от одной картины к другой, то возвращался назад, и все окружавшие его люди тут же услужливо пятились, наступая

друг другу на ноги. Со стороны это выглядело, как в комедийном фильме времен Чаплина».

— Что это за безобразие, что за уроды? Где автор? — ругался Хрущев. — Что это за лица? Вы что, рисовать не умеете? Мой внук и то лучше нарисует.

Никита Сергеевич настойчиво интересовался социальным происхождением художников. Неужели ему мнилось, что это дети помещиков и купцов? Но молодые художники, чьи работы он не понимал, были из простых семей и к тому же прошли через войну — кто рядовым, кто младшим офицером.

«Когда Хрущев подошел к моей последней работе, к автопортрету, — вспоминал Борис Иосифович Жутовский, — он уже куражился:

— Посмотри лучше, какой автопортрет Лактионов нарисовал. Если взять картон, вырезать в нем дырку и приложить к портрету Лактионова, что видно? Видать лицо. А эту же дырку приложить к твоему портрету, что будет? Женщины должны меня простить — жопа.

И вся его свита мило улыбнулась».

Элий Белютин пытался кое-что втолковать Хрущеву:

— Эти художники, работы которых вы видите, много ездят по стране, любят ее и стремятся ее передать не только по зрительным впечатлениям, но и сердцем. Поэтому их картины передают не копию природы, а ее преображенный их чувствами и отношением образ. Вот взять, например, эту картину «Спасские ворота». Их легко узнать. А цветное решение усиливает к тому же ощущение величия и мощи.

«Я говорил обычными словами, которыми принято объяснять живопись, — рассказывал потом Белютин. — Хрущев слушал молча, наклонив голову. Он, похоже, успокаивался. Никто нас не прерывал, и чувствовалось, пройдет еще 5—10 минут, и вся история кончится. Но середине моего объяснения сухая шея Суслова склонилась к Хрущеву, и тот, посмотрев на мое спокойное лицо, неожиданно взорвался:

— Да что вы говорите, какой это Кремль? Это издевательство! Где тут зубцы на стенах — почему их не видно?

И тут же ему стало не по себе, и он добавил вежливо:

— Очень общо и непонятно. Вот что, Белютин, я вам говорю как председатель Совета министров: все это не нужно советскому народу. Понимаете, это я вам говорю!»

Выставку использовали для начала мощной атаки на все антисталинские силы в советской культуре.

«Московский горком партии, — рассказывал Егорычев, — был обязан

реагировать на такого рода события. Разумеется, это входило и в планы организаторов провокации. Однако мы сделали вид, что ничего особенного не произошло... Московскому партийному руководству пришлось выдержать сильное давление “сверху”, чтобы не допустить расправы с теми, кого критиковал Хрущев на этих встречах. В аппарате ЦК напрямую требовали от МГК принятия “конкретных мер”.

На меня лично обрушился Ильичев:

— Почему не принимаете меры? Почему никто не наказан? Ваша “Вечерняя Москва” — это бульварная газета. Она вообще не понимает своей роли в этом деле.

Он обвинял МГК в беспринципности. Я не соглашался со всеми этими обвинениями и предложил вынести наш спор на рассмотрение Президиума ЦК КПСС. Ни Ильичев, ни Суслов не решились. Я хорошо понимал, что Суслов и Ильичев моими руками хотели таскать “каштаны из огня” — громить творческие союзы Москвы.

Через пару недель, 17 декабря, в Доме приемов на Ленинских (ныне Воробьевых) горах устроили встречу руководителей страны с деятелями литературы и искусства. Разгромный доклад прочитал секретарь ЦК по идеологии Л. Ф. Ильичев. Старшие секретари держали Ильичева на подхвате. Он раздражал товарищей умением говорить без бумажки, хорошей памятью и образованностью. Хрущев все чаще именно ему поручал выступить по ключевым идеологическим вопросам, Ильичева газеты цитировали чаще других, и Леонид Федорович словно оттеснял более значительные фигуры. Особенно это раздражало Сусллова.

«Человек непростой, тертый калач, — вспоминал Ильичева скульптор Эрнст Иосифович Неизвестный. — Как надгробие Хрущева я сделал из черно-белых глыб, так и все те люди состояли из разных слоев. Они были противоречивы и непоследовательны, как само время. Они были услужливы и трусливы. Все ребята из ЦК были раздвоены, жили двойной жизнью. Тот же Ильичев».

Когда Хрущев приехал в Манеж, Ильичев подошел к Неизвестному, укоризненно подергал за курточку:

— Что же вы в таком виде?

— Мы готовились к выставке всю ночь, а мне не дали переодеться. Одежду принесли, но охрана сюда не пустила. А как вам не стыдно попрекать меня курточкой в стране трудящихся?

Никиту Сергеевича несло, туалетная тематика захватила его воображение. Эрнсту Неизвестному первый секретарь ЦК сказал:

— Ваше искусство похоже вот на что: вот если бы человек забрался в

уборную, залез бы внутрь стульчака и оттуда, из стульчака, взирал бы на то, что над ним, ежели на стульчак кто-то сядет. Вот что такое ваше искусство. И вот ваша позиция, товарищ Неизвестный, вы в стульчаке сидите.

В разгар встречи, вспоминал Александр Исаевич Солженицын, Хрущев захотел показать залу понравившуюся ему картину подлинно советского художника:

«И произошел лучший номер всего совещания: тучного Брежнева, возвышенного рядом, Хрущев потыкал в плечо — “а ну-ка, принеси”. И Брежнев — а он был тогда председателем Президиума Верховного совета, то есть президентом СССР — не просто встал достойно сходить или кого-нибудь послать принести, но побежал — в позе и движениях, только по лагерному описываемых, — на цырлах: не просто побежал, но тряс телесами, но мягкоступными переборами лап показывая свою особую готовность и услужливость, кажется — и руки растопырив.

А всего-то надо было вбежать в заднюю дверь и тут вскоре взять. Он тотчас и назад появился, с картиной, и все так же на медвежьих цырлах поднес Хрущеву, расплывшись чушкиной ряжкой. Эпизод был такой яркий, что уже саму картину и к чему она — я не запомнил, не записал».

В марте 1963 года в Свердловском зале Кремля вновь собрали деятелей литературы и искусства. Хрущев вновь вспомнил о Неизвестном:

— Прошлый раз мы видели тошнотворную стряпню Эрнста Неизвестного и возмущались тем, что этот человек, не лишенный, очевидно, задатков, окончивший советское высшее учебное заведение, платит народу такой черной неблагодарностью. Хорошо, что таких художников у нас немного, но, к сожалению, он все-таки не одинок среди работников искусства. Вы видели и некоторые другие изделия художников-абстракционистов. Мы осуждали и будем осуждать подобные уродства открыто, со всей непримиримостью...

Победу торжествовал Владимир Серов, лауреат двух Сталинских премий, автор картины «Ходоки у В. И. Ленина», поборник социалистического реализма.

Заместитель министра иностранных дел Владимир Семенович Семенов, коллекционер, разбирающийся в изобразительном искусстве, называл президента Академии художеств В. А. Серова «крайне серым и дурацким Аракчеевым». Семенов пытался объяснить секретарю ЦК Андрею Павловичу Кириленко, что представляет собой глава Академии художеств. Кириленко отмахнулся:

— Серов это не фигура, но его надо поддерживать в борьбе с абстракционизмом.

Так же по-хамски Хрущев говорил о других талантливых писателях и художниках. Замечательный поэт Андрей Андреевич Вознесенский дружил с моими родителями. Помню, однажды вечером он рассказал о том, что с ним творилось после того, как Хрущев публично устроил ему разнос. Хрущев кричал на него:

— Вы представляете наш народ или вы позорите наш народ? Я не могу спокойно слышать подхалимов наших врагов. Не могу! Я не могу слушать агентов. Мы создали условия, но это не значит, что мы создали условия для пропаганды антисоветчины!!! Мы никогда не дадим врагам воли. Никогда!!! Никогда!!!

Далеко не всем руководителям страны нравился такой стиль разговора с интеллигенцией. Член Президиума ЦК Кирилл Трофимович Мазуров, в ту пору первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии, вспоминал через много лет:

— Я присутствовал, когда он всех этих мальчишек — Рождественского, Вознесенского, Евтушенко — всенародно обзывал всякими грубыми словами. Как можно: оскорбляя этих, по сути, детей, он показывает всех нас, руководителей, какими-то держимордами, пещерными людьми, которые не только не разбираются в литературе, но и говорят о ней нецивилизованными словами. Стало ясно всем, что Хрущев зарвался.

Для разгромленных Хрущевым деятелей культуры настали трудные времена, писателей не издавали, художникам не позволяли выставляться, скульпторам — получать заказы. Требовали покаяния. 3 марта 1964 года секретарь ЦК Л. Ф. Ильичев представил в ЦК обширную записку о состоянии творческой интеллигенции:

«Молодые московские художники, подвергшиеся критике за эстетские, формалистические тенденции в своем творчестве, признали ее справедливость и работают над новыми произведениями (А. Васнецов, Э. Неизвестный). Занялись делом и некоторые, наиболее способные из “московских абстракционистов”, уродливые опусы которых были подвергнуты резкой партийной критике. Бывший “руководитель” этой группы Белютин выпустил заслуживающую внимания книгу о русском реалистическом искусстве прошлого века».

Поддержавший молодых художников Аджубей, можно сказать, отделался легким испугом. Тесть всего лишь отчитал его на Президиуме ЦК. В своем кругу. Не публично...

Ходили слухи, что зять первого секретаря ЦК метил на место министра иностранных дел, поскольку «для Никиты Сергеевича Аджубей — первый авторитет». Хрущеву нравилось назначать на высокие посты

молодых людей. И в высотном здании Министерства иностранных дел на Смоленской площади ждали перемен.

«Я смотрел на его голову в первом ряду ложи Большого театра, — записывал в дневнике заместитель министра иностранных дел Владимир Семенов, — в темноте был виден огромный череп и усталое лицо, жесткое и сосредоточенное. Тут же был Алексей Иванович Аджубей, живой, острый, подвижный, как ртуть. Он теперь один из ближайших по внешним делам.

А в МИД странно. В предчувствии перемен идет глухая и мелкая борьба страстей вокруг весьма личных аспираций. Глупо и противно, когда в этом участвуют достойные люди, цепляющиеся за пуговицы на мундирах».

В 1963 году Аджубея с супругой принял папа Римский Иоанн XXIII. По-своему событие историческое.

В Цюрихе 1 марта заседал комитет, присуждавший международную премию Бальцана за высшие достижения в науке и культуре. Премию основала дочь бывшего главного редактора крупнейшей итальянской газеты «Коррьере делла Сера» Эудженио Бальцана, который после прихода фашистов к власти вынужден был уехать в Швейцарию.

В состав комитета входили и четыре советских представителя. Среди лауреатов премии был известный советский математик академик Андрей Николаевич Колмогоров.

В тот год комитет присудил премию папе Римскому «за его деятельность во благо братства между людьми и народами». Помимо золотой медали лауреату премии полагался миллион швейцарских франков.

Седьмого марта в Ватикане папа Иоанн XXIII собрал журналистов, чтобы выразить благодарность за награду. Среди журналистов находились главный редактор «Известий» Аджубей и его жена. Зять

Хрущева выразил желание встретиться с папой. Тот согласился.

Руководитель службы протокола Игино Кардинале и глава Секретариата по христианскому единству Йоханнес Виллебрандс провели Аджубея с женой в личную библиотеку папы.

Итальянских журналистов потом интересовало, о чем папа беседовал с посланцем безбожного коммунистического режима. Корреспонденту газеты «Темпо» Аджубей с легкой иронией заметил:

Могу лишь сказать, что получил от папы пакет с множеством секретов.

Алексей Иванович очень доброжелательно отозвался о папе Римском:

— Это человек большой и подлинной простоты. Раскройте пошире глаза, хорошо посмотрите на него, и вы сразу проникнетесь к нему

глубоким уважением и неожиданным доверием.

Рада Никитична тоже поделилась впечатлениями:

— Когда папа встал с кресла, то, глядя на его руки, которые нас благословляли, мне вдруг захотелось сказать ему, что у него руки крестьянина, как у моего отца. Я не осмелилась сказать ему это, но это так. Я внимательно смотрела на его руки, когда он передавал сувениры для меня, Алексея и моего отца.

Папа подарил дочери Хрущева четки:

— Мои сотрудники сказали мне, что не католическим принцессам я должен дарить медальоны или монеты. Но я все же дарю вам эти четки, дабы вы знали, что кроме торжественных молитв и псалмов папа читает и домашнюю молитву, ту, что еще ребенком он выучил перед очагом в своем доме, пока мать готовила весьма скудный обед. Это та молитва, которую папа читает ежедневно для всех рождающихся на свет детей, чтобы каждый, будь то католик или не католик, обрел благословение и спасение души.

Желая также послать благословение детям своих гостей, Иоанн ХХ11 спросил их имена, и Рада Аджубей тихо, почти шепотом ответила:

— Никита, Алексей и Иван.

Узнав, что русское имя Иван соответствует его собственному — Иоанн, папа Римский попросил:

— По возвращении обласкайте детей и особенно Ивана от моего имени, а другие пусть не обижаются.

Беседуя с Аджубеем, папа привел строфы из Библии о Сотворении мира и отметил:

— Вначале был свет. Свет моих глаз встретился со светом ваших глаз. Пусть Господь, если на то будет Его воля, поможет приходу добра.

Частная аудиенция, данная зятю и дочери Хрущева, свидетельствовала не только о желании Иоанна ХХ11 наладить отношения с безбожным коммунистическим режимом, но и о высоком положении Аджубея. В Москве это мало кому нравилось. С особым раздражением за поездками Алексея Ивановича наблюдали те, кто профессионально занимался внешней политикой.

Может быть, Аджубей, очень одаренный человек, и стал бы министром, но Хрущева раньше отправили на пенсию.

На идеологическом фронте

Что было причиной атаки на либерализм в сфере культуры и литературы? Провалы во внутренней политике, в экономике. Ухудшилась ситуация с продовольственным снабжением. Власть ответила обычным образом — закручиванием гаек.

Окружение Хрущева не одобряло его либеральных акций, критики Сталина, покровительства Солженицыну и Твардовскому, попыток найти общий язык с Западом, сократить армию и военное производство.

После XX съезда собирались провести Пленум ЦК КПСС по идеологическим вопросам, чтобы продолжить десталинизацию, но так и не собрались. А вот после Манежа, в июне 1963 года, собрали единственный за все десять хрущевских лет Пленум ЦК по вопросам идеологии.

— После того, как на Мартовском и Ноябрьском пленумах прошлого, 1962 года были решены вопросы промышленного и сельскохозяйственного производства и вопросы руководства народным хозяйством, — объяснял секретарь ЦК Леонид Ильичев, — обсуждение идеологических проблем является весьма закономерным.

В литературной среде столкнулись два направления. Одни писатели называли себя «автоматчиками партии» (крылатое выражение поэта Николая Матвеевича Грибачева), доказывали, что писать нужно то, чего от них ждет ЦК, и требовали от высокого начальства поддержки и привилегий. Другие доказывали, что писатель обязан правдиво отражать действительность. «Автоматчиков» презрительно именовали «лакировщиками действительности». За них вступился Никита Сергеевич:

— Кто же такой лакировщик? Это люди, которые хотели показать деятельность нашей партии, нашего народа под руководством партии, успехи партии, успехи народа. Так мы этих людей должны осуждать?.. Лакировщики — это наши люди. Это люди, преданные партии.

«Речь Хрущева, — с горечью пометил в дневнике Александр Твардовский, — рассеяние последних иллюзий. Все то же, только хуже, мельче. Рады одни лакировщики, получившие решительную и безоговорочную поддержку».

Но Хрущев не занимал однозначной позиции, когда речь шла о литературе и искусстве. Он был готов прислушиваться и к чужим мнениям, а идеологические вопросы как человек практического ума вообще не считал столь уж важными. Его голова была занята более серьезными

проблемами.

Новую встречу с деятелями литературы и искусства Хрущев устроил 19 мая 1957 года в правительственной резиденции. Для начала он напугал слушателей. Как раз накануне вернулся из поездки в Индонезию председатель Президиума Верховного совета СССР Ворошилов. О его успешном визите в дружественную страну писали газеты.

И вдруг Хрущев сказал:

— Вы думаете, что у нас уже бесклассовое общество, врагов нет, что же, с молитвами будем жить дальше? Я расскажу вам один секрет. Как вы считаете — можно вам сказать его? Ворошилов находился в Джакарте, а мы знаем, чья агентура поехала уничтожить самолет с Ворошиловым. [Удивление в зале.] Да, да.

— Чья? — поинтересовалась писательница Мариэтта Сергеевна Шагинян, известная своей дотошностью.

Хрущев прямого вопроса не ожидал:

— Этого я вам не скажу. [Смех.] Не все ли вам равно? наших врагов, а какая разница — американская или французская, от этого не легче. Враги существуют, и оружие надо держать наготове и прежде всего держать главное оружие — идеологическое оружие в порядке. Сейчас хотят разложить с идеологического фронта, поэтому ваш участок фронта, участок писателей, самый главный, потому что через вас хотят, влияя на вас, разлагать наше общество.

Вмешалась Мариэтта Шагинян:

— А можно спросить — есть ли в Армянской республике масло? Мы идем к коммунизму, а население кричит — где же масло?

Недовольный Хрущев повернулся к представителю Армении:

— У вас нет масла?

— Масло есть, сахар есть. Правда, масла стало поменьше.

— А когда я была, — продолжала Шагинян, которую нельзя было сбить с толку, — масла не было.

— Она была в марте, — оправдывался представитель республики, — действительно один-два дня не было.

— Там живут мои родственники, — настаивала Шагинян. — Масла там нет.

— Мариэтта Сергеевна, — пытались ее урезонить, — такой случай может быть и впредь один раз в году.

— Как туда ни приеду, так масла нет, — упрямо констатировала Шагинян.

В зале смеялись.

Хрущев предпочел продолжить разговор о положении в писательских союзах:

— Хуже всего в Москве, а очень важно, кому служит Московская писательская организация, какие цели она ставит... Книга должна быть оружием партии, в арсенале ее. У нас духу хватило бы принять меры против вас. И государство должно принимать эти меры, если способны загубить его дело.

Все десять лет своего правления Хрущев занимался сельским хозяйством, промышленностью, строительством. Идеологию передоверял другим. Когда ему докладывали о беспорядках в этой сфере, взрывался, часто проявлял себя большим ястребом, чем был на самом деле. Но, встретившись с нормальным и разумным человеком, понимал его правоту. Так у него и происходило с А. Т. Твардовским, в котором первый секретарь ЦК чувствовал родственную душу. 20 июля 1957 года Александр Трифонович побывал у Хрущева. В ЦК его вызвал Дмитрий Алексеевич Поликарпов, который многие годы осуществлял партийное руководство литературой и искусством. Поликарпов обсуждал с ним создание Союза писателей РСФСР. А потом повел к Хрущеву.

«Говорил я все то же, что и Поликарпову, — записывал в дневнике Твардовский, — то есть то же, что говорю обычно о литературе, о ее нуждах и бедах, о ее бюрократизации и т. п. Часа полтора. От него две-три реплики. Потом он сказал, но в очень приемлемой форме, что у него десять минут на обед осталось, а потом он должен быть там-то».

Никита Сергеевич ощущал особое расположение к Твардовскому как подлинно народному поэту. И не мог не услышать искренности в словах Александра Трифоновича.

— Хорошо рассказываете, — заметил Хрущев, — я хотел бы еще вас послушать и ответить вам. Давайте на этой неделе.

«Вся эта встреча, — записал в дневнике Твардовский, — моя разгоряченность, сумбурность и существенность слов — все это теперь вспоминается, как вчерашний хмельной день. Я даже не могу вспомнить, какая на нем была рубашка, — настолько мало меня это тогда занимало и настолько опрометью несся я бог весть куда. Помню только, что лицо у него не такое толстое и глупое, как на фотографиях, а более стариковское, пожухлое, но оживленное внутренним соображением, мыслью, хитростью».

Некоторые наивные фразы Хрущева поэта поразили, например:

— Лучше нам плохое, лакировочное произведение, но наше — оно хоть небольшую пользу сделает, чем талантливое, но не наше.

Провожая Твардовского, Дмитрий Поликарпов уважительно заметил:

— Неужели не понимаешь, что в тебе здесь заинтересованы больше, чем в ком бы то ни было из писателей страны, что ты первый поэт?

Хрущев сдержал обещание и 30 июля пригласил Твардовского. Проговорили два с половиной часа. Никита Сергеевич продемонстрировал особое уважение к Твардовскому. Провожая, руку жал не менее трех раз:

— Будьте здоровы, будьте ближе к нам, чтоб нам с вами советоваться по делам литературы и искусства.

Хрущев доверял личному общению больше, чем бумагам. Если человек нравился, менял свое мнение о нем. Внимание первого секретаря ЦК КПСС к Твардовскому было замечено. Чуткий к перемене климата секретарь ЦК по идеологии М. А. Суслов тут же расположился к фавориту. В мае 1958 года, принимая членов Комитета по присуждению Ленинских премий, Михаил Андреевич задержал Твардовского:

— Я не мог сказать вам при всех, но теперь скажу, что мне очень нравится все, что вы делаете последнее время. Вы, оказывается, и в прозе... Да, у вас идет накопление на Ленинскую, — сказал, полагая, что больше всего этим осчастливит Александра Трифоновича.

По инициативе Хрущева в апреле 1958 года Твардовскому предложили вновь стать главным редактором «Нового мира».

Закончив поэму «За далью — даль», Твардовский обратился к читателю, от которого зависела вся советская литература. Отправил экземпляр поэмы Хрущеву с запиской:

«Дорогой Никита Сергеевич!

Мне очень хотелось сердечно поздравить Вас с днем Вашего рождения и принести Вам по этому случаю как памятный знак моего уважения и признательности самое дорогое сейчас для меня — заключительные главы моего десятилетнего труда — книги “За далью — даль”».

Через несколько дней уже ночью позвонил помощник первого секретаря ЦК по идеологии Владимир Семенович Лебедев, сообщил мнение шефа о поэме:

— Прочел с удовольствием. Ему понравилось, очень понравилось, благодарит за внимание, желает.

Без одобрения первого секретаря ЦК не печатали даже Твардовского.

В годы перестройки профессиональный партработник В. В. Прибытков не по своей воле оказался на работе в Главлите^[29] и здесь впервые прочитал запрещенную его предшественниками поэму «По праву памяти» любимого им Твардовского. Прибытков достал из архива верстку поэмы, набранной для очередного номера «Нового мира». Верстка

поступила в 4-й отдел Главлита. Виктор Васильевич увидел «верстку, испещренную подчеркиваниями и знаками вопроса, поставленными красным карандашом бдительного цензора. Почти все строфы подчеркнуты красным карандашом с массой вопросительных и тревожновосклицательных знаков на полях. Нередко по три кряду!» Не пустившие поэму к читателю цензоры все еще трудились в Главлите. «Потрясло меня, — пишет Виктор Прибытков, — то, что вины за собой они не чувствовали, а усматривали чуть ли не подвиг в том, что “зажали самого Твардовского”».

Многие прекрасные произведения литературы и искусства дошли до читателя и зрителя только благодаря Хрущеву.

Фильм «Чистое небо» знаменитого кинорежиссера Григория Наумовича Чухрая вышел на экраны в 1961 году и стал явлением в отечественном кинематографе. Но путь на экран был долгим и трудным. Когда закончили работу над фильмом, Чухрая вызвали в Министерство культуры.

Директор студии обреченно сказал:

— Все, доигрались. Придется мне отвечать за твои штучки!

Вошли в предбанник. Секретарь министра им улыбнулась, и Чухрай понял, что все в порядке — иначе бы она нос воротила.

Вышла Фурцева :

— Спасибо, товарищи. ЦК посмотрел картину и одобрил ее. Никита Сергеевич спрашивал, не надо ли чего?

— Спасибо, — ответил Григорий Наумович, — ничего не нужно.

Директор студии его поправил:

— Он скромничает. Ему квартира нужна, он в коммуналке живет.

Так режиссер получил квартиру.

«Если бы не Хрущев, — вспоминал Чухрай, — ни один из моих фильмов бы не вышел. И пока был Хрущев, я мог снимать. Он ведь тоже не был закрыт для воздействий . Для дурных тоже, но хорошее все-таки перевешивало. И хрущевское время было светлым на фоне того, что было до и что стало после».

Хрущев снова принял Александра Твардовского 20 октября 1962 года. Речь шла о повести Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича».

Хрущев встал навстречу, приветливо поздоровался. Александр Трифонович зафиксировал слова первого секретаря в дневнике

«Ну, так вот насчет “Ивана Денисовича” (это в его устах было и имя героя и как бы имя автора — в ходе речи). Я начал читать, признаюсь, с

некоторым предубеждением и прочел не сразу, поначалу как-то не особенно забирало. Правда, я вообще лишен возможности читать запоем. А потом пошло и пошло. Вторую половину мы уж вместе с Микояном читали. Да, материал необычный, но, я скажу, и стиль, и язык необычный — не вдруг пошло. Что же, я считаю, вещь сильная, очень. И она не вызывает, несмотря на такой материал, чувства тяжелого, хотя там много горечи. Я считаю, это вещь жизнеутверждающая... И написана, я считаю, с партийных позиций.

— Надо сказать, не все и не сразу так приняли вещь. Я тут дал ее почитать членам Президиума. Ну, как, говорю, на заседании (в пятницу, 12.X)? Ну, не сразу.

— Как же, если мы говорим на XXII съезде то, чему люди должны были поверить, — поверили, как же им самим не будем давать говорить то же самое, хотя по-своему, другими словами? Подумайте. На следующем Президиуме мнения сошлись на том, что вещь нужно публиковать. Правда, некоторые говорили, что напечатать можно, но желательно было бы смягчить обстановку лагерной администрации, чтобы не очернять работников НКВД. — Вы что же, — говорю, — думаете, что там не было этого (жестокостей и т. п.). Было, и люди такие подбирались, и весь порядок (беззакония) к тому вел. Это — не дом отдыха...

У нас работает специальная комиссия, уже есть вот таких три тома, где все документально и подробно изложено про этот период. Этого публиковать сейчас нельзя, но пусть все будет сохранено для тех, кто придет нам на смену. Пусть знают, как все было. Мы вообще не судьи сами себе, особенно люди, стоящие у власти. Только после нас люди будут судить о нас: какое наследие мы получили, как себя вели (при Сталине и после него), как преодолевали последствия того периода».

Твардовский объяснил:

— Я обратился к вам, Никита Сергеевич, с рукописью потому, что, говоря откровенно, мой редакторский опыт с непреложностью говорил мне, что, если я не обращусь к вам, эту талантливую вещь зарежут.

— Зарежут, — с готовностью подтвердил первый секретарь ЦК.

Твардовский напомнил Хрущеву, что заключительные главы его поэмы «За далью даль» были запрещены.

— Кто это мог, как это могло случиться? — удивлялся Хрущев.

Александр Трифонович завел разговор о цензуре:

— Я, редактор, назначен ЦК. Зачем же надо мной еще редактор-цензор, которого заведомо ЦК никогда не назначил бы редактором журнала — по его некомпетентности, а он вправе, этот редактор над редактором,

изъять любую статью, потребовать купюр.

— Я с вами совершенно согласен, — сказал Хрущев.

На Июльском 1963 года пленуме ЦК Хрущев задним числом объяснил, почему бывает резким:

— Иной раз по ошибке, а иной раз без ошибки крепко ударим. Это тоже неплохо: чтобы не сбивался с пути, не бил по своим, не помогал классовым врагам, не оказывал услуг идеологам империализма.

С нескрываемым раздражением Никита Сергеевич откликнулся и на вполне невинную инициативу нескольких писателей. На сессии Верховного совета СССР три видных писателя-депутата — Алексей Александрович Сурков, Николай Семенович Тихонов и Илья Григорьевич Эренбург — решили обратиться к коллегам по Союзу писателей с предложением прекратить внутренние конфликты и обвинения. Сурков сказал Эренбургу, что письмо подпишут также вполне правоверные писатели Леонид Соболев и Максим Рыльский, с которыми он разговаривал, и попросил составить черновик. «Мы считаем, — говорилось в письме, — что пришла пора покончить с холодной войной в писательской среде и установить в ней мирное сосуществование».

Слова о прекращении холодной войны и мирном сосуществовании, использованные как фигура речи, вызвали приступ озлобления в партийном аппарате: такие мысли недопустимы для советского человека! Сначала письмо осудил секретарь ЦК Л. Ф. Ильичев. Этого показалось мало. В первых числах марта в Кремле устроили встречу с писателями. Вновь вспомнили злополучное письмо. На Эренбурга накинулся Хрущев:

— Прошлый раз товарищ Эренбург говорил, что идея сосуществования высказана в письме в виде шутки. Допустим, что так. Тогда это злая шутка... Товарищ Эренбург совершает грубую идеологическую ошибку, и наша обязанность помочь ему это понять.

Слова руководителя партии относительно «грубой идеологической ошибки» были равносильны обвинительному приговору, за которым должно было последовать серьезное наказание. Илья Эренбург отправил Хрущеву письмо с просьбой его принять.

Немолодой писатель принужден был каяться за преступление, которого не совершал, и хотел оправдаться перед первым секретарем:

«Одно недоразумение я должен выяснить — вопрос о письме, в котором были слова “мирное сосуществование”».

Говоря о “мирном сосуществовании”, мы думали о товарищеских отношениях между советскими писателями, о ликвидации “групповщины”, подписи показывали, что на этом положении сошлись очень разные люди.

Жалею, что мы составили это письмо.

Должен прямо сказать — я никогда не придерживался идеи мирного сосуществования идеологий и не раз писал, что всеобщее разоружение не будет ни в коем случае означать идеологического разоружения, напротив, конец “холодной войны” поможет нам доказать превосходство нашей системы, наших идей над капиталистическим Западом. Да если бы я стоял за отказ от борьбы против идеологии капитализма, я был бы попросту изменником. Таким я себя не считаю. Я верю, что и Вы, Никита Сергеевич, относитесь ко мне как к товарищу и поможете мне выйти из создавшегося положения».

Надо отдать должное Хрущеву. Он не культивировал в себе злобы в отношении тех, кого подозревали в идеологической ереси.

Воспоминания Эренбурга с трудом продирались через цензуру. Красный карандаш орудовал безжалостно. Но сжить писателя со свету Хрущев не позволял.

Эренбург, увлекавшийся садоводством, написал в «Вечерней Москве» заметку, рекомендуя выращивать круглогодично зимний салат. Хрущев со свойственным ему неподдельным интересом ко всему новому и полезному прочитал заметку и, встретив Эренбурга на сессии Верховного совета СССР, попросил писателя дать ему попробовать салат. На следующий же день Эренбург прислал помощнику первого секретаря ЦК Владимиру Лебедеву образцы салата с краткой запиской: «Буду Вам благодарен, если Вы перешлете прилагаемый при этом салат Никите Сергеевичу. Его выращивает т. Василенко в Академии им. Тимирязева и я у себя на даче».

Третьего августа 1963 года Хрущев принял Эренбурга. Писатель объяснял первому секретарю ЦК, что в его воспоминаниях нет ничего опасного для Советского государства. Никита Сергеевич сказал Илье Григорьевичу, что полностью ему доверяет и никакая цензура для его сочинений не потребуется.

Но аппарат стоял на своем. Уже 18 августа Эренбург в письме Хрущеву печально констатировал:

«Дорогой Никита Сергеевич,

Еще раз благодарю Вас за беседу, она произвела на меня глубокое впечатление и придала бодрости. Беда в том, что о Ваших словах, видимо, не знают товарищи, ведающие литературными делами... Я по-прежнему в безвыходном положении».

Хрущев распорядился воспоминания Эренбурга опубликовать, а затем в партийной печати раскритиковать. 14 августа 1964 года Эренбург вновь обратился за помощью: «Мы имели возможность говорить наедине, как

мужчина с женщиной. Надеюсь, что и это письмо будет передано Вам лично». На сей раз очередную часть мемуаров остановила не цензура, а самая высокая инстанция — ЦК КПСС. Секретарь ЦК Л. Ф. Ильичев, заведующий Идеологическим отделом ЦК Д. А. Поликарпов и его первый заместитель В. И. Снастин подписали вердикт: «Считаем нецелесообразным публикацию мемуаров И. Эренбурга в данном виде». А в октябре 1964 года Никиту Сергеевича отправили в отставку, и цензура опять вцепилась в Эренбурга.

В августе 1963 года отдохнувший в Пицунде Хрущев пригласил к себе А. Т. Твардовского. Александру Трифоновичу позвонил помощник первого секретаря по идеологии Владимир Лебедев:

— Я докладывал Никите Сергеевичу. Тот спрашивает: «А он отдыхал в этом году? А то, может быть, мы бы здесь и встретились?»

В Пицунде Хрущев принимал видных советских и иностранных писателей.

Ганс Магнус Энцесбергер, западногерманский поэт и издатель, описал встречу с Хрущевым:

«Дверь открывается, и выходит владелец дома — медленно, маленькими шагами и покачивая руками. Его спокойствие выражает скорее терпение, чем предвкушение радости встречи. Стоит только ему остановиться, начинается церемониал из представлений, рукопожатий, объятий, отдающий немного любительским театром.

Имена и языки гостей — чужие, еще более необычен их образ жизни. Это интеллектуалы, люди со склонностью к независимым суждениям и иронии. Уважение, которое показывают эти люди, может скрывать высокомерие, возможно, враждебность. Посещение длится долго. Они — мучители.

Он встречает их не без достоинства. Крестьянская элегантность, присущая ему, не ограничивается вышитой рубашкой. Она позволяет справиться со многим — например, с тайной насмешкой, с которой на него поглядывают. В помощь ему и дом, парк и окружение. Люди из другого мира изучают их, быстро оглядывая боковым зрением, кивают современной архитектуре, с завистью обнаруживают благоухающие деревья и длинный безлюдный пляж. Владелец дома проникается гордостью. Он указывает на стеклянную стену, которая под действием скрытого мотора отъезжает в сторону.

Он держится по-свойски. Каждый из сидящих за столом говорил по три минуты. Благодарность, хвалебные слова... Адресат им не доверяет, у него абсолютный слух. Единственным, выказавшим долю мужества, стал

поляк Ежи Путрамент — он попросил большей свободы действий для советских авторов».

Слова о Ежи Путраменте меня поразили. Я его помню. Приезжая в Москву, он приходил к моим родителям. Путрамент был в социалистической Польше членом ЦК и главным редактором еженедельника «Литература». Высказывался крайне осторожно. Правда, это были уже другие времена — брежневские.

Ганс Магнус Энцесбергер: «Уже во время этой сцены у меня возникло ощущение, что хозяин превосходит своих гостей. Это проявилось сразу после того, как миролюбивые парадные речи писателей подошли к концу. Первый секретарь ЦК застенчиво поднялся и заговорил.

Он начал тихо, почти запинаясь, затем все более распаяясь, сыпал примерами и анекдотами, говорил быстрее и быстрее, разворачивая темы непредсказуемым образом.

Он взял быка за рога, и, вместо того, чтобы скрывать, подчеркивал все спорные моменты своей политики. У меня создалось впечатление, что он был обижен осторожностью гостей и их стремлением приспособиться. Определенно, присутствующие что-то хотели от него — “свободы маневра” для советских авторов, путешествий за границу, выставок, возможностей публикации. Но, возможно, и он что-то хочет от нас — публицистической поддержки его определения мирного сосуществования и его инициатив по разоружению. Речь закончилась неожиданно — оратор решил, что сказал уже довольно.

Аплодисменты — вежливые, но скудные. Все поднимаются и отправляются на прогулку.

Очень жарко, гости страдают в своих темных костюмах. Хозяин приглашает всех искупаться. Ему и самому хочется опуститься в воду. Посетители приехали без купальных костюмов. Протокольное замешательство, растерянность. Как можно купаться обнаженным (этот выход предложил глава государства)? Уж лучше усесться на ступенях, осторожно болтая, в то время как хозяин переодевается в одном из двух пляжных домиков.

Джан Карло Вигорелли, какой-то неизвестный автор и я захотели искупаться. Мы направились ко второму домику и обнаружили там приготовленные для хозяина трое плавок. Их убогость не казалась уже необычной. Плавки доходили нам до колен. Свои мне приходилось придерживать на себе двумя руками. Десять минут в Черном море были, быть может, самыми приятными за весь день и для нас, и для хозяина».

После обеда Хрущев попросил Твардовского прочитать сатирическую

поэму «Теркин на том свете». Много лет Александр Трифонович пытался ее напечатать — не разрешали! И поэма все эти годы лежала в столе! А сейчас Хрущев слушал ее с искренним интересом и удовольствием.

«Чтение было хорошее, — записал в дневнике Твардовский, — Никита Сергеевич почти все время улыбался, иногда даже смеялся тихо, по-стариковски (этот смех у него я знаю — очень приятный, простодушный и даже чем-то трогательный). В середине чтения примерно я попросил разрешения сделать две затяжки...

Дочитывал в поту от волнения и взятого темпа, несколько напряженного, — увидел потом, что мятая моя дорожная, накануне еще ношенная весь день рубашка — светло-синяя — на груди потемнела — была мокра».

Когда Твардовский закончил чтение, раздались аплодисменты. Никита Сергеевич встал, протянул ему руку:

— Поздравляю. Спасибо.

Твардовский попросил у Никиты Сергеевича разрешения «промочить горло». Первый секретарь пододвинул поэту коньяк.

— Налейте и мне, пока врача вблизи нету.

Хрущев обратился к газетчикам:

— Ну, кто смелый, кто напечатает?

Вызвался Аджубей:

— «Известия» берут с охотой.

На аэродроме Лебедев сказал Твардовскому, что Никита Сергеевич просит дать возможность прочесть поэму глазами. Его смутили рассуждения насчет «большинства» и «меньшинства».

И по личной просьбе Хрущева Твардовский выкинул вот такие строки:

Пусть мне скажут, что ж ты, Теркин,
Рассудил бы, голова!
Большинство на свете мертвых,
Что ж ты, против большинства?
Я оспаривать не буду,
Как не верить той молве.
И пускай мне будет худо, —
Я останусь в меньшинстве.

Никита Сергеевич не стал вникать в философский смысл стихов Твардовского, а автоматически откликнулся на слова о «большинстве» и «меньшинстве». В меньшинстве не хотел оставаться даже всемогущий первый секретарь ЦК.

Но в конечном счете Никита Сергеевич рассорился со всеми.

Конечно, Хрущева товарищи по партии боялись. Он и в пожилые годы умел внушать страх. Добреньким, говорил мне Егорычев, он никогда не был. Но не был злопамятным и мстительным, снимал с должности и этим ограничивался. Сталин — расстреливал, чтобы не оставались рядом с ним недовольные и обиженные. А Хрущев никого не добивал, и это рождало ощущение его слабости.

«Мы осудили культ Сталина, — говорил Никита Сергеевич, уже отправленный на пенсию, — а есть ли в КПСС люди, которые подают голос за него? К сожалению, есть. Живут еще на свете рабы, живут и его прислужники, и трусы, и иные. “Ну и что же, — говорят они, — что столько-то миллионов он расстрелял и посадил в лагеря, зато твердо руководил страной”. Да, есть люди, которые считают, что управлять — это значит хлестать и хлестать, а может быть, даже захлестывать».

Увидев, что Хрущев «хлестать» их не собирается, все им обиженные утратили страх и объединились. Никита Сергеевич позволил своему окружению сплотиться против него.

Сталин считал, что правитель должен быть загадочен. Таинственная краткость и сдержанность, царственная величавость, неспешность движений, скупость жестов и недосказанность повышают авторитет власти. Поэтому он принимал ограниченный круг людей, почти не ездил по стране, редко выступал.

А Хрущев постоянно находился среди людей. Утратил черты верховного властителя, на которого даже в мыслях посягнуть и то страшно.

Кончилось тем, что Никита Сергеевич обзавелся таким количеством врагов, что в октябре 1964-го уже не смог их всех одолеть.

«Удивительно все же, — писал в дневнике Александр Твардовский, — как такой многоопытный, прожженный, хитрый и комбинаторный человек от политики оказался столь незрячим в отношении собственного, самим им созданного окружения. Не говоря уже о том, что он не заметил всеобщего нараставшего изо дня в день изменения отношения к себе, принимая за чистую монету митинговые аплодисменты “организованных” сборищ на площадях и стадионах, в многотысячных залах и в цинично-подхалимской печати — за выражение любви народной.

Как он не заметил нарастания иронического к себе отношения. Ругают,

боятся, даже не любят — это еще полбеды в судьбе государственного деятеля такого масштаба, а когда смеются, перестают слушать, зная все наперед, — беда непоправимая».

Никита Сергеевич расслабился

Многих участников тех драматических событий, которые более полувека назад — в октябре 1964 года — изменили историю нашей страны, я знал лично. За годы знакомства у нас сложились доверительные отношения. Бывшие первый секретарь Московского горкома партии, председатель КГБ, заместитель председателя Совета министров РСФСР, заведующий отделом ЦК КПСС, председатель Гостелерадио, начальник 4-го главного управления при Министерстве здравоохранения СССР..

Ключевые фигуры острейшей борьбы за власть, которая осенью 1964 года развернулась в Кремле и закончилась сменой высшего руководства партии и государства, видные чиновники партийногосударственного аппарата, которые всё видели и знали, говорили со мной охотно и откровенно.

Смена власти резко изменила их собственную судьбу, так что закулисные переговоры, интриги и тайные беседы того времени навсегда врезались им в память. Это не те тайны, которые уносят с собой в могилу. Напротив, им хотелось выговориться. Откровенность была рассчитанной и продуманной. В какой-то степени они надеялись на меня — речь шла об их месте в истории.

Главный вопрос: почему они выступили против Хрущева и не жалели ли об этом потом?

Не жалел, по их словам, никто. Хотя на вершине власти есть место только для одного, и основные участники тех событий — за исключением Л. И. Брежнева — скоро впали в немилость. В основном упирали на то, что Хрущев стал просто опасен для страны, поэтому пришлось отправить его на пенсию. О личных мотивах не упоминали. Но они, конечно же, тоже присутствовали.

Хрущев совершил немало тактических ошибок. Поссорился и с КГБ . Он пренебрежительно относился к госбезопасности и хотел, в частности, снять с чекистов погоны, превратить комитет в гражданское ведомство. После 1960 года первый секретарь не подписал ни одного представления КГБ СССР на генеральское звание. Некоторые начальники управлений и председатели КГБ республик оставались всего лишь полковниками: это звание председатель КГБ мог дать своей властью. А производство в генералы осуществлял фактически Президиум ЦК, чье решение оформлялось постановлением Совета министров СССР.

Председатель КГБ В. Е. Семичастный обращался к первому секретарю:

— Никита Сергеевич, неудобно получается. По всем неписаным положениям председатель КГБ в республике — старший воинский начальник. А он всего лишь полковник. Рядом министр внутренних дел — генерал.

Хрущев в шутку все переводил.

Когда Семичастный опять завел речь о генеральских погонах, прервал его:

— Пойдем обедать!

Зашли в Кремле в комнату, рядом со Свердловским залом, где обедали члены Президиума ЦК. Хрущев сказал:

— Вот пришел председатель КГБ, просит генеральские звания. Я ему могу только свои генеральские штаны отдать, так он в них утонет.

— Никита Сергеевич, да я же не себе прошу...

Хрущев многих против себя восстановил тем, что руководящий состав КГБ держал в черном теле. Как и вооруженные силы — тысячам офицеров пришлось уйти из армии. 14 мая 1956 года советское правительство объявило о сокращении Вооруженных сил СССР на 1 миллион 200 тысяч человек, расформировать 63 дивизии и отдельные бригады, часть военных училищ, законсервировать 375 боевых кораблей. А 8 декабря 1959 года Хрущев разослал членам и кандидатам в члены Президиума ЦК новую записку с предложением сократить в одностороннем порядке вооруженные силы — на миллион или даже на полтора миллиона:

«Я уверен, что это было бы очень сильным, потрясающим шагом. И кроме того, этот шаг ни в коей степени не наносит ущерба нашей обороне, но дает нам большие политические, моральные и экономические выгоды.

Мы без армии сейчас остаться не можем и не хотим. Но надо эту армию сделать такой, чтобы она была разумной, чтобы она была без излишеств, была бы боеспособна и отвечала требованиям обеспечения безопасности страны».

Почему он считал сокращение возможным? Во-первых, положение в экономике страны благоприятное. Во-вторых, ракетно-ядерное оружие гарантирует страну от нападения: «Мы сейчас имеем широкий ассортимент ракет и в таком количестве, которое может буквально потрясти весь мир. Спрашивается, что же мы будем иметь такое страшное вооружение — атомное, ракетное оружие, и мы будем иметь такую большую армию, которую мы имеем? Это неразумно».

И, в-третьих: «Когда мы имеем такое сильнейшее современное

оружие, которое пока неотразимо, и держим самую большую в мире армию, то это действительно пугает наших противников и даже честных людей из них, которые, может быть, хотели бы пойти на честное разоружение, но боятся, что, возможно, это у нас тактический ход».

Президиум ЦК 14 декабря 1959 года одобрил предложения Хрущева о «проведении Советским Союзом в одностороннем порядке мероприятий, направленных на ослабление международной напряженности».

Это было второе сокращение вооруженных сил. Первое провел еще маршал Г. К. Жуков, будучи министром обороны, — на два с лишним миллиона военнослужащих.

Уменьшение армии пошло стране на пользу. Но программы устройства уволенных в запас не существовало. Молодые люди, сняв форму, оказались в трудном положении — не могли найти достойной работы. Офицерский корпус обиделся.

Правда, Хрущев удержался от соблазна и себе звание не повысил в отличие от Л. И. Брежнева, пожелавшего красоваться в маршальской форме. Как Хрущев пришел с войны генерал-лейтенантом, так с двумя звездочками на погонах и остался. Лизоблюды уговаривали:

— Как же так, Никита Сергеевич, вы Верховный главнокомандующий, а мы старше вас по званию?

— Ничего, — уверенно отвечал Хрущев, — я с вами и так управлюсь.

Иначе говоря, Никита Сергеевич умудрился настроить против себя партийный аппарат (разрушая привычную систему управления), армию (сокращая офицерский корпус), КГБ (демонстрируя чекистам неуважение и отказывая им в привилегиях).

У высшего эшелона были личные причины не любить Хрущева. Чиновники, достигшие вершины власти, жаждали покоя и комфорта, а Хрущев проводил перманентную кадровую революцию. Он членов ЦК шпынял и гонял, как мальчишек.

Обращаясь к товарищам по Президиуму ЦК, в выражениях не стеснялся:

— Дурак, бездельник, лентяй, грязная муха, мокрая курица, дерьмо...

Пятого ноября 1962 года на Президиуме ЦК Хрущев держал большую речь. Заговорил среди прочего о том, что надо следить за появлением новой техники за границей, вовремя ее приобретать и быстро осваивать.

— Мы много закупаем техники за границей, к которой утрачен интерес, и она лежит без употребления, — негодовал первый секретарь ЦК и председатель Совета министров. — А самое главное — надо подумать над тем, не стоит ли нам создать такой партийный аппарат, который бы

занимался этими вопросами и помогал Новикову.

И распорядился образовать новый Отдел ЦК по экономическому сотрудничеству с социалистическими странами. Вообще говоря, уже существовал Отдел по связям с коммунистическими и рабочими партиями соцстран, которым заведовал Ю. В. Андропов. Почему бы ему не поручить новое дело?

Хрущев считал, что Андропов в экономических делах не разбирается, и не стеснялся в выражениях:

— Андропов в этом деле не понимает ни уха, ни рыла, это не его область. Сейчас у нас развиваются экономические связи между социалистическими странами, и они будут еще глубже развиваться. Здесь должен быть новый человек, так как Андропов не сможет возглавить это дело, ему будет трудно, это не его область.

Едва ли Юрию Владимировичу приятно было это слышать, но он покорно проглотил недипломатичную речь хозяина.

Видный партийный работник Георгий Хосроевич Шахназаров описывал, как они с Юрием Владимировичем живо беседовали, пока не зазвонил аппарат прямой связи с Хрущевым. Буквально на глазах Андропов преобразился в солдата, готового выполнить любой приказ командира. В голосе появились нотки покорности и послушания.

Андрей Вознесенский писал о Хрущеве: «Пройдя школу лицедейства, владения собой, когда, затаив ненависть к тирану, он вынужден был плясать перед ним “гопачок” при гостях, он, видимо, как бы мстя за свои былые унижения, сам, придя на престол, завел манеру публично унижать людей, растаптывать их достоинство».

Советская история — история непрерывной борьбы за власть.

У Хрущева были сильные соперники. Он неустанно сражался с ними и одерживал одну победу за другой. Проявил в этом выдающийся талант. В этом смысле он был недооцененным человеком — гениальным мастером политической интриги. Ведь каких людей он как бы играючи убрал — Л. П. Берия, у которого в руках была госбезопасность, Г. К. Жукова, у которого была армия и народная слава! В 1957 году Никита Сергеевич чуть не в одиночку пошел против Президиума ЦК и одолел всех. За каждой такой операцией стояла большая закулисная работа. Для этого надо было иметь острый ум и смелость.

Партийная номенклатура помогла Хрущеву получить власть и удержать ее. Но одновременно первые секретари осознали и собственную значимость. Они скептически смотрели на Хрущева. Что хотели — исполняли, что им не нравилось — не делали.

На XXII съезде КПСС под давлением Хрущева делегаты приняли Программу построения коммунизма. Но всем было ясно: построить коммунизм нельзя. Партийные секретари не хотели отвечать за невыполненные обещания. Им нужно было, чтобы за все ответил Хрущев. Так что это было серьезное противостояние. Или он их, или они его.

Высшие чиновники боялись Хрущева. Когда приехавший на Пленум ЦК в Москву руководитель Белоруссии Кирилл Мазуров оказался на больничной койке (его с нервным истощением уложили в больницу для начальства на улице Грановского), выступить поручили второму секретарю республиканского ЦК Федору Анисимовичу Сурганову. Его побежал искать помощник Мазурова. Тот обедал в ресторане гостиницы «Москва».

«Дождавшись, пока Сурганов дожует котлету, — вспоминал помощник первого секретаря ЦК компартии Белоруссии Борис Владимирович Павленок, — я подошел и негромко сказал:

— Федор Анисимович, Мазурова забрали в больницу. Он передал, что вам завтра выступать на Пленуме.

Сурганов дернулся, будто его ударило током, резко отодвинул тарелку и сказал голосом капризного ребенка:

— Не буду!

Вечером все члены Бюро, прибывшие на Пленум, собрались в номере у Сурганова. Притыцкий кипятился, Киселев острил, Шауро вставлял отдельные замечания. Сурганов в тренировочном костюме расхаживал по номеру. Он взялся править текст сам, но, увидев, что у него трясутся руки, я предложил:

— Федор Анисимович, вы диктуйте, а я буду править...

Но когда поменялись местами, толку от него все равно не было. Испуг перед выходом на трибуну парализовал — Никита мог сбить с мысли вопросами, затюкать репликами, а то и просто сказать : какой вы секретарь ЦК».

Хрущев жаждал обновления кадров.

Николай Егорычев:

— Хрущев опирался на новых людей и начал нас, молодых, выдвигать. Александр Николаевич Шелепин, как негласно считалось, среди нас, партийной молодежи, занимал самое высокое положение и в какой-то мере влиял на наше поведение, взгляды.

На расширенном заседании Президиума ЦК 14 декабря 1959 года, говоря о проекте Программы КПСС, Никита Сергеевич завел речь о том, что его волновало:

— В программе надо было бы подумать и насчет демократизации

нашего общественного строя. Без этого нельзя. Взять, к примеру, наше руководство — Президиум. Мы не ограничены ни властью, ни временем. Правильно ли это? Может собратся артель, люди могут спаяться и спиться. При Сталине это было, сидел же разбойник Багиров^[30]. Сталин о нем говорил, что мусульмане не держали бы его и недели, убили бы, если бы мы его не поддерживали.

Хрущев перевел свою идею в практическую плоскость:

— Я беру Президиум ЦК: нас выбирают, но на следующем съезде одна треть выбывает обязательно.

Хрущев чувствовал, что монополия на власть губит страну. Молодежь растет, но должности для нее не освобождаются. Приходится ждать, когда кто-нибудь из старшего поколения умрет.

— Буржуазные конституции, — произнес Никита Сергеевич крамольную мысль, — пожалуй, более демократично построены, чем наша: больше двух созывов президент не может быть. Если буржуа и капиталисты не боятся, что эти их устои будут подорваны, когда после двух сроков выбранный президент меняется, так почему мы должны бояться? Что же мы, не уверены в своей системе или меньше уверены, чем эти буржуа и капиталисты, помещики? Нас выбрали, и мы самые гениальные? А за нами люди совершенно незаслуженные? Поэтому я считал бы, что нужно так сделать, чтобы таким образом все время было обновление.

Кому из тех, кто сидел в зале заседаний Президиума и слушал первого секретаря, могли понравиться эти слова? Хрущев-то пенсионного возраста, ему все равно вскоре уходить, а каково более молодым?

Неужели придется расстаться с должностью, просто потому, что больше двух сроков нельзя занимать высокое кресло?

— Если каждый будет знать, что он будет выбран только один срок, максимум два, — продолжал фантазировать Хрущев, — тогда у нас не будет бюрократического аппарата, у нас не будет кастовости. А это значит, что смелее люди будут выдвигаться, а это значит, демократизация будет в партии, в народе, в стране.

Именно эта идея принесла Хрущеву больше всего врагов внутри аппарата. В нашей стране не удаются попытки ограничить всевластие верхушки временными сроками.

Приехав в Киев, Хрущев поделился своей идеей с украинской номенклатурой:

— Товарищи, вредно задерживаться... Может быть, нам даже установить какое-то расписание, что такой-то пост могут занимать люди не старше такого-то возраста. Это может быть не закон, могут быть

исключения, но должны быть какие-то правила. Я сам себя ловлю. Бывало, машина станет, выскакиваешь, как пуля, а теперь одну, вторую ногу выдвинешь, и я замечаю, что я приобрел приемы старика, которые свойственны каждому старику. [Шум в зале.] Нет, товарищи, вы меня не подбадривайте. Я у вас не прошусь на пенсию, но я уже пенсионер по возрасту. Другой раз выдвигают, говорят — молодой. Сколько же ему лет? 45. Когда мне было 35 лет, я уже был дед.

Наверное, Никита Сергеевич рассчитывал на поддержку молодых кадров, которым омоложение аппарата открыло бы дорогу наверх. Но логика молодых аппаратчиков была иной: они, как и старшие товарищи, больше дорожили стабильностью. Только занял кресло — и уже освобождать?

Он немного смягчил свою позицию относительно того, сколько времени можно занимать высшие руководящие посты, сделал послабление для товарищей:

— Я все-таки считаю, что следует оставить три срока для союзного руководства и два срока для всех остальных. Почему? Все-таки союзный уровень есть союзный. Во-вторых, когда мы запишем два срока, то нам не скажут этого, но это вызовет большое недовольство у руководителей социалистических стран. Надо с этим считаться. Поэтому не надо поддаваться настроению демократизма, надо все-таки реально представлять ответственность за наше дело. ЦК союзный и ЦК республиканские были на одном уровне. Сейчас надо отделить

ЦК союзный, а те в другую категорию перенести. Это будет правильно. Там будет восемь лет.

Хрущев добился принятия на XXII съезде КПСС в октябре 1961 года нового Устава партии, который требовал постоянного обновления руководящих партийных органов. Состав районного комитета предстояло на каждых выборах обновлять наполовину, обкома — на треть, ЦК КПСС — на четверть.

Именно из-за этой идеи Хрущев нажил себе больше всего врагов внутри аппарата. Первый секретарь чувствовал нарастающее сопротивление. Не знал, что предпринять.

На Президиуме ЦК 16 февраля 1961 года Хрущев рассказывал о большой поездке по Украине, Северному Кавказу, Закавказью и Центрально-Черноземной зоне, где проходили зональные совещания по сельскому хозяйству:

— Я считаю, что совещания проходили хорошо. В народе они вызвали подъем и очень хорошее настроение. В городах, где я был, народ очень

верит, подбадривает, критика ему нравится. Я уже говорил, что на одной из станций много собралось народа. Я им сказал, что вот езжу, принимаем меры.

А мне говорят:

— Как, крутишь?

— Да.

— За чубы?

— Да, за чубы.

— А у кого чуба нет, так по лысине.

В зале засмеялись.

— На Украине, — продолжал Хрущев, — рассказывают такой анекдот. У них в эту зиму испортился водопровод, потом его исправили. Перед моим приездом тоже испортился водопровод, перебои были с водой. Так киевляне говорят: «Почему, вы думаете, не было воды? Руководителям республики клизму ставили!»

И в зале с готовностью засмеялись, хотя там сидели и руководители Украины.

— То есть едет Хрущев, и уже клизму ставят! — довольно разъяснил первый секретарь. — И ведь сами не отрицают, что у них плохо.

Ему каждодневно было на что негодовать.

Вот еще характерные куплеты того времени, исполнявшиеся Вениамином Нечаевым и Павлом Рудаковым:

*Иногда и в новый дом
Надо брать топор и лом.
Топором паркет тесать,
Ломом двери открывать.*

Местные вожди вынуждены были на глазах своих подчиненных, кисло улыбаясь, аплодировать Никите Сергеевичу. Кто же осмелится возразить?

Павел Рудаков и Борис Баринов:

*Влад начальство критикнул,
Сразу спрятался за стул.
А уволен был Антон,
Он сидел на стуле том.*

А Павел Рудаков и Станислав Лавров исполняли такие куплеты:

*Ждали мы приказа сверху — что петь можно, что нельзя,
Слышим: пойте, без проверки, только правду и не зря.
Ах, снег-снежок, белая метелица —
Вышли, спели, что хотели, —
Аж самим не верится.*

Хрущев продолжал разносить начальников:

— Вот тамбовский секретарь Золотухин все хотел, чтобы его пороли, чтобы сняли штаны и пороли. Какое удовольствие! Все виноватым себя признавал и приговаривал: да, товарищ Хрущев, надо штаны снять и меня выпороть. Он это три раза повторил. Я уже не вытерпел и сказал ему: «Что это вы все штаны хотите снять и зад нам показать? Вы думаете доставить нам удовольствие?» Какой это секретарь?

Хрущев высмеял тамбовского секретаря, но снимать не стал. Григорий Сергеевич Золотухин возглавил более крупный Краснодарский край, потом переехал в Москву министром заготовок СССР.

Основания для горького смеха и издевок у Хрущева были.

В 1960 году первый секретарь Тульского обкома Алексей Иванович Хворостухин отправился послом в Монголию, потому что обещал перегнать США по производству мяса и молока и не справился. Первым секретарем обкома избрали Олимпа Алексеевича Чуканова, недавнего директора Тульского комбайнового завода. Но долго он не проработал.

Второй секретарь Тульского обкома Д. И. Кондрашов вспоминал: «Летом 1961 года на юг отдыхать специальным поездом ехал Хрущев с женой, дочерью Радой и зятем Алексеем Аджубеем. Чуканов встретил его на северной границе области в Серпухове и провожал до станции Скуратово — южной границы области.

Чуканов рассказывал о высоких темпах развития промышленности. Где-то в районе Плавска Никита Сергеевич вдруг посмотрел в окно, увидел ячменное поле, сплошь заросшее сурепкой, и спросил:

— А это что у вас такое?

Олимп Алексеевич, по его словам, растерялся и ответил невпопад. Потом он говорил: “Я видел, что это сплошные сорняки, но не сообразил, что ответить”. Хрущев покраснел. Он не смог скрыть своего гнева и выплеснул его на Чуканова.

“Я такого унижения в жизни не переживал”, — скажет потом Олимп Алексеевич.

Уже на следующий день в тульском аэропорту приземлился самолет с Геннадием Ивановичем Вороновым (заместителем председателя Бюро ЦК

КПСС по РСФСР). Вместе с ним прилетел и председатель Днепропетровского облисполкома Иван Харитонович Юнак. Экстренно был созван пленум областного комитета партии. О. А. Чуканов был освобожден от должности первого секретаря обкома партии как не владеющий вопросами сельского хозяйства. На его место был избран Иван Харитонович Юнак, очень настороженно встреченный туляками».

Выявились ограниченность и обреченность системы ручного управления страной, в которой отсутствуют политические партии, реальный парламент, независимые суд и печать. Благие начинания оборачивались трагикомедией.

Тоталитарная система создавала дефицит всего — в том числе лидеров. Образовалась своего рода каста, попасть в которую было так же сложно, как и удержаться в ней. Правящий класс формировался из своих. Партийная карьера гарантировала то, что оставалось недоступным для остальных.

Конечно, и в те времена люди вели себя по-разному. Один, получив команду, все поля засеивал кукурузой, которая на севере никогда не росла, и оставлял область без урожая. Другой сеял кукурузу только вдоль дорог, чтобы начальство успокоить, но уверенно докладывал, что все указания выполнил.

Рьяных исполнителей начальнических указаний высмеивали популярнейшие в ту пору куплетисты Павел Рудаков и Вениамин Нечаев:

*Шел в Воронеж поезд с грузом
И свалился под откос.
Для уборки кукурузы
Кто-то рельсы все унес.*

Куплетисты не фантазировали! Первый секретарь Воронежского обкома приказал директорам хозяйств показать Никите Сергеевичу, будто уборка идет полным ходом. Не нашли ничего лучше, чем повалить рельсами кукурузные стебли на землю...

— Так они там рельсы таскали по полю и доказывали, что поле убрано, — потрясенный увиденным, рассказывал Хрущев. — Это же просто времена Гоголя!

Первым секретарем Воронежского обкома партии служил Алексей Михайлович Школьников, окончивший индустриальный техникум и Высшую партийную школу. И ему эта гоголевская история сошла с рук. После ухода Хрущева его переведут в Москву первым заместителем

председателя Совета министров России.

— Я попросил справку о Российской Федерации, — продолжал Хрущев. — Оказывается, что она сама себя не прокармливает. Мне Полянский говорит: «Вот если бы снять Москву и Ленинград, тогда бы мы себя прокормили». А кому же Москву отдадим — Грузии? А как же мы к коммунизму придем? Так и будем сидеть на старых нормах? Тогда надо просто сказать: мы банкроты, строительство коммунизма — это выдумка Маркса и Энгельса, а на практике мы видим, что ничего из этого не получается. То есть то, что говорят американцы.

И первый секретарь ЦК КПСС, не знавший усталости, опять насел на нерадивых подчиненных:

— Некоторые постарели, одряхлели, уже привыкли, истрепались. Я бы сказал, не истрепались нервно, а языком истрепались. Когда я приехал в ЦК, то в аппарате ЦК слух распространился: пришел Хрущев и хочет, чтобы мы занимались подсчетом, сколько поросят поросится и сколько коровы молока надаивают. А что же нам делать? Лекции читать? Какому дураку нужны лекции, если нет молока, мяса и хлеба? Мы являемся как бы конкретными каменщиками, которые кладут здание коммунизма. Камни же наши — это предметы производства и предметы потребления.

На Президиуме ЦК 29 ноября 1962 года рассматривали вопрос «О реализации решений Ноябрьского пленума ЦК КПСС». Взял слово Шелепин:

— У нас по многим показателям система планирования устарела. Особенно на предприятиях легкой промышленности. Вот сейчас у нас, например, швейных изделий на три миллиарда рублей лежит на складах. Не берут, потому что устарели фасоны, не годятся. Все идет по валу: ботинки, например, не по фасону, а по весу, если подметка тяжелая сделана, значит, предприятию лучше. Я не знаю, какой подход найти. Это очень большой и сложный вопрос. Может быть, надо ряд комиссий создать. Может быть, Госплану поручить, чтобы они подумали и внесли свои предложения.

Руководители великой державы не знали, как наладить производство приличной обуви. Единственное предложение — создать множество комиссий, которые, может быть, что-то придумают...

Никита Сергеевич, как обычно, поделился дореволюционным опытом:

— В старое доброе время частник — а за границей сейчас каждый магазин — объявлял бывало весной, когда переходили на летнюю форму, распродажу остатков зимних товаров. Потому что, во-первых, хранить ему было невыгодно, а во-вторых, устаревал фасон. И тогда со скидкой

продавал. И он выручал деньги, которые пускал в оборот. А иначе они полгода лежали бы мертвым капиталом. Это торговцы, капиталисты хорошо усвоили, а наши бюрократы этого не знают, поэтому кончился сезон — валенки на склад и лежат там, а их моль бьет. Это, товарищи, дело местных партийных организаций. Надо, товарищи, заниматься торговлей. Ленин говорил, надо учиться торговать.

Хрущева все чаще тянуло на воспоминания. С одной стороны, это естественно для человека в возрасте. С другой — он инстинктивно сравнивал происходящее с прошлым и не мог понять, почему сейчас не удается то, что так легко получалось раньше?

— Я работал в Бауманском районе секретарем райкома, — рассказывал Никита Сергеевич. — Там есть швейная фабрика, раньше называлась имени Клары Цеткин, наверное, и сейчас так. Что они производят, какие фасоны — вот надо выставить и начинать производить. Устаревшее, то, что залежалось, надо с уценкой продавать, только с уценкой, потому что в этом году с уценкой не продашь, на следующий год большую уценку дашь или выбросишь. Я помню, бывало, мать ходила, объявляли продажу остатков с уценкой. На платье надо четыре аршина, а там два аршина, в магазине ему не место, и немножко дешевле продавали. И покупали люди, которые экономно жили, не имели денег. Так же и с обувью. Один покупает нового фасона, а другой покупает на полтинник дешевле — старого фасона. Он сам понимает, что старый фасон, но говорит: на работу купил. У нас все это обюрократили.

На Президиуме ЦК 9 января 1963 года Хрущев опять держал речь об изменении структуры управления народным хозяйством. Быстро перешел на личное:

— Я был в Туркмении, сегодня мне Малин счет показал. Они пишут в счете, что дали мне какую-то тужурку или жакет. Я жакета не получал. [Смех в зале.] Тут же цену указывают. Затем они пишут: ковер с портретом Хрущева стоит столько-то [смех], конь стоит столько-то плюс расходы на транспортировку коня, обеды стоят столько-то. Оформлено все чин чинном. Это возмутительно! Так что имейте в виду, когда пригласят вас на обед, скажите — лучше сам привезу, дешевле будет стоить [смех], а на обед съел то, что мне на год хватит. Я говорю, счет счетом, хорошо, я буду отрабатывать, но не мог съесть на такую сумму. Конь — на конном заводе, он мне не нужен. И на сотню рублей медикаментов! [Смех.] Я не болел и никаких медикаментов не ел, а счет мне прислали. [Смех.] Был обед для парламентской индийской делегации, это тоже на мой счет. Я говорю, я с ними не обедал, я только их принимал, но не угощал.

— А они там обедали, — уточнил Фрол Козлов.

— У меня не обедали. Они в Туркмении обедали. И за мой счет. После войны товарищ Гречуха — был такой украинский президент, — напомнил Никита Сергеевич, — поехал в Черновцы и там обнаружил счет на две или три бочки пива, как будто он выпил. А у него язва желудка, он кроме воды ничего пить не может... Я теперь куда приеду, скажу — обедать буду один. Отдельный обед и отдельный счет. Мясо мне запрещено есть, а там я съел столько, что и за год не съем.

Несмотря на трудное продовольственное положение страны, начальники принимали друг друга с невиданной роскошью. Помощник первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии К. Т. Мазурова вспоминал, как они с шефом навестили соседей в Киеве: «Когда перед ужином заглянул в столовую, у меня помутилось в глазах. Стол был раскинут персон на двадцать. От края до края сплошной лентой стояли бутылки всех размеров, форм и расцветок засургученные и сверкающие серебром и золотом. А вокруг закуски, сплоченные так, что и палец меж ними не вставишь. Сверкающий хрусталь, крахмальные салфетки, горы фруктов, кроваво-красные ломти арбузов».

Хрущев чувствовал себя прекрасно, был полон сил. На Февральском 1963 года пленуме ЦК он произнес пятичасовую речь о сельском хозяйстве. Легко взбежал на трибуну, говорил без натуги:

— Тут предлагали в деревнях строить пятиэтажные дома с лифтами. Этого мы не можем, рано еще. Я предлагаю старых и больных селить на нижние этажи, а на пятый этаж — молодежь, холостых, пусть женятся, а потом, если надо будет, улучшать. Вниз селить. Да я и сейчас на пятый этаж готов с молодежью соревноваться...

На Президиуме ЦК 10 сентября 1963 года обсуждали вопрос «О лучшем использовании минеральных удобрений». Хрущев завел речь о предложении недавно назначенного секретарем ЦК Н. В. Подгорного и заместителя председателя Совета министров СССР Д. С. Полянского поднять цены на картофель. И его сразу потянуло на воспоминания:

— Я помню детство, мы буквально на картошке выезжали. Брали картофелину, пекли или засыпали немного мукой, чтобы связать эту третью картошку. У нас большинство людей уезжали на шахты, в Петербург, Одессу, Ялту, бежали, кто куда мог, потому что прокормиться не могли. Те, которые оставались, только картошкой спасались. Картошка прекрасно родила. Донбасс жил за счет картошки курской и орловской. Я помню, когда мы с отцом в Донбассе работали, эту картошку ели, чудесная картошка.

В его устах свойственная немолодым людям ностальгия по ушедшей юности приобретала политический характер. Он, наверное, и сам не замечал, что из его собственных слов неоспоримо следовало: раньше было лучше, в царские времена рабочему человеку жилось легче, чем при социализме.

— Почему же сейчас картошки нет? — задавался вопросом Хрущев. — Потому что не стали удобрять. Мы решение приняли, а картошки нет. Товарищи, картошка-то этого не понимает. Как Подгорный рассказывал, у них один егерь, который организовывал охоту, говорил Кириченко, когда тот ругался, что на него зверь не идет: зверь же дикий, он бежит куда хочет, а не на первого секретаря. [Веселое оживление в зале.] Как и картошка, она же решения ЦК не понимает, ей надо условия создать, тогда она будет расти.

Куплетисты Павел Рудаков и Борис Баринов откликнулись на слова вождя, вспомнив полет первой женщины-космонавта Валентины Ивановны Терешковой:

*Космонавтов отправляли — овощей в дорогу дали.
Надо вот спросить у Вали, где зеленый лук достали.*

В определенном смысле Никита Сергеевич пребывал в растерянности, не понимал, почему в Советском Союзе нет того, что в изобилии в других странах? Из-за границы Хрущев всякий раз возвращался пораженный увиденным. Заговорил о том, что югославские животноводы втрое экономнее советских, у них на откорм свиней уходит втрое меньше кормов.

— Вот я был на Украине месяца два назад вместе с Подгорным. Он говорит: откармливаем до 130 килограммов, потому что тогда сало в ладонь. Кто это сало в ладонь ест? И украинцы не едят. Это старое понятие о сале. А вы посмотрите, чтобы, значит, в ладонь сало получить, сколько надо свинью откармливать, сколько ее надо содержать? В два раза больше, чем если откармливать этого поросенка до веса 90 килограммов, то есть на бекон. Весь капиталистический мир откармливает свиней только на бекон, потому что это самое выгодное, и я бы сказал, самое приятное для потребления. Вот я спорил с Подгорным, он не согласился. Говорит, ты уже оторвался от Украины, а мы тут настоящие, щирые украинцы. Так это растратчики народного богатства! Если бы они были фермерами, они бы пролетели в трубу со своей системой. Я правильно говорю, товарищ Подгорный?

— В основном, — осторожно ответил Подгорный.

В зале веселое оживление.

— А мне больше и не надо, — задорно заметил Хрущев, — я на большее не претендую.

В зале опять заулыбались.

Но Никита Сергеевич был настроен отнюдь не благодушно:

— Вот вам, товарищи. Если Подгорный так мыслит, так он же не последний человек в нашей партии. А сколько у нас таких подгорных? Миллионы.

— Никита Сергеевич, вы мне приписываете, такого не было, — оправдывался Подгорный.

— Да когда американский фермер Гарст приехал и узнал о 130 килограммах, он возмутился и сказал, что будет в ЦК жаловаться Хрущеву.

Новый взрыв смеха.

— Это он насчет минеральных удобрений сказал, что будет жаловаться Хрущеву, — поправил его Подгорный.

— И по свиньям, — стоял на своем Никита Сергеевич.

— А по свиньям, когда ему сказали, он сказал: правильно, — продолжал Подгорный. — Потому что иначе колбасы без сала не сделаешь.

— Я не думаю, что он мог это сказать, — усомнился Хрущев. — Вряд ли кто из американцев захочет заплатить больше за то, что сало толще, потому что все хотят купить, чтобы меньше было жира и больше мяса. И вы сами, когда сырое сало едите, так говорите: мне «с пид черевка». А это как раз от живота, и там сало самое тонкое. Верно?

— Верно, — наконец согласился Подгорный.

Хрущев закончил довольно угрожающе:

— Надо сейчас людей, которые у нас в руководстве, обучить, кто не знает, а кто не хочет учиться, их надо заменять. Другого выхода нет.

Памятуя о Новочеркасске, высказался против повышения цен:

— Товарищи, покамест мы будем по-дурацки поднимать цены на продукты сельского хозяйства, но не будем заниматься организацией труда и зарплатой, никакие деньги нас не выручат. Вы, как в бочку бездонную, будете бросать деньги. Вот смотрите, мы подняли цены на мясо. Ну и что, выросло мясо? Почему? Да порядок остался тот же. Как были убыточные хозяйства, как были идиоты директора совхозов, так они и остались на месте. Тогда убытки его били, поэтому был виден дурак и умный. А теперь мы дали дураку государственную дотацию в виде поднятия цен, поэтому он вышел в умные. Но прибавки не дал.

На Президиуме ЦК 23 декабря 1963 года Хрущев отчитывал своих подручных. Досталось и заместителю главы правительства Д. С.

Полянскому. Хрущев заговорил об оплате труда в сельском хозяйстве и обрушился на Дмитрия Степановича:

— Товарищ Полянский, я с вами не согласен. Это несогласие складывается в какую-то линию. Вы берете на себя смелую задачу защиты вопроса, которого вы не знаете. В этом тоже ваша смелость. Но это не ободряет ни меня, ни других. Я полагаться в этих вопросах на вас очень затрудняюсь. Вы бросаете безответственные фразы.

— Вы меня спрашиваете, я отвечаю, — стоял на своем Полянский. — Я вам заявляю, что хлеб для государства и колхозные продукты дешевле, чем совхозные.

Раздраженный Хрущев повернулся к А. Н. Шелепину, которого сделал еще и председателем Комитета партийногосударственного контроля ЦК КПСС и Совета министров СССР :

— Товарищ Шелепин, вы возьмите справку и суньте в нос члену Президиума. Я, прежде чем ехать, взял справку от Центрального статистического управления. Вы извращаете. Вы не правы.

— Не суйте в нос, — огрызнулся Полянский. — Я человек. Как с вами разговаривать? Если высказал свое мнение, сразу обострение. Может, отношение такое ко мне?

— Видимо, так, я не отрицаю. У меня складывается очень большое недоверие. Я на вас положиться не могу. Это, может, субъективное дело. Пусть Президиум решает. Садитесь на мое место, я на ваше сяду.

— Не надо волноваться, — стоял на своем Полянский. — И Министерство финансов, и Госплан показали цифрами, что от колхозов продукция дешевле.

Хрущев обратился ко всем членам Президиума:

— Я остро этот вопрос поставил, товарищи. Я Полянского считаю не совсем объективным. Мы очень остро говорили по пенсионным вопросам. Вы оказались правы или я?

— Почему любой из нас должен войти с предложением обязательно идеальным? — сопротивлялся Полянский. — Там подписали пять членов Президиума помимо секретарей ЦК. Почему считать, что это товарищ Полянский внес?

— Вы его готовили. Вы у меня создали впечатление настороженности.

— Напрасно такое впечатление сложилось, — резко ответил Полянский. — По одному факту нельзя судить.

— Не по одному, — угрожающе заметил Хрущев. — Может быть, это возрастное дело, но я расстраиваюсь, волнуюсь, реагирую. Видимо, пока я не умру, буду реагировать. Ничего с собой не могу сделать. Казалось бы,

мне какое дело. Мне семьдесят лет, черт с вами, делайте, что хотите.

Но я коммунист. Пока я живу, пока я дышу, я буду бороться за дело партии...

Обрушился и на другого своего заместителя — А. Н. Косыгина:

— Нет тут Косыгина. Но тут Косыгиным пахнет. Нити тянутся к Косыгину. У него старые взгляды.

Хрущев добавил:

— Видимо, мне пора на пенсию уходить. Не сдерживаю свой характер. Горячность.

Но уходить Никита Сергеевич не собирался. А вот другим высшим чиновникам грозила потеря должности, что в советские времена означало фактический конец активной жизни. В ту пору из правительства в бизнес не уходили — не было никакого бизнеса. Утратил руководящее кресло — лишился всего.

Началась работа над новым текстом Конституции СССР. Еще 25 апреля 1962 года на сессии Верховного совета СССР первый секретарь сказал, что Конституция 1936 года, сталинская, устарела. Утвердили состав Конституционной комиссии, председателем стал Хрущев.

Никита Сергеевич предполагал предоставить значительно большие права союзным республикам, ввести в практику референдумы (общесоюзные, республиканские и местные), ограничить срок пребывания чиновников на высших постах, чаще собирать сессии Верховного совета, сделать его комиссии постоянно действующими, а их членов — освободить от иной работы, то есть превратить в настоящих парламентариев.

Хрущев намеревался закрепить в Конституции права предприятий на самостоятельность и ввести выборность руководителей предприятий, научных и культурных учреждений. Обсуждались идеи суда присяжных, отмены паспортной системы. Хотели ввести положение о том, что арестовать можно только с санкции суда, и закрепить пункт о судебном обжаловании незаконных действий органов государственной власти и чиновников. После отставки Хрущева все эти идеи похоронили.

В отсутствие Никиты Сергеевича хозяином на Старой площади оставался Ф. Р. Козлов, который, возможно, со временем мог бы претендовать на роль преемника. Во всяком случае, еженедельник «Тайм» за 13 июля 1959 года вышел с фотографией Козлова на обложке и с заголовком *Khrushchev's successor?* («Преемник Хрущева?») Писали о нем как о будущем руководителе Советского Союза. Фрол Романович, высокий, статный, хорошо смотрелся на трибуне.

Но человек предполагает, а судьба располагает. 11 апреля 1963 года

второго человека в партийном аппарате сразил тяжелый инсульт, одним из последствий которого стал левосторонний паралич. Сын Никиты Сергеевича описал, как отец поехал навестить больного товарища: «Козлов полулежал на подоткнутых подушках, бледное лицо отсвечивало желтизной. Когда мы вошли, он узнал отца, попытался сдвинуться с места, заговорить, но речь была бессвязна. Впечатление он производил удручающее. Отец постоял возле него некоторое время, пытался ободрить, шутил в своей манере...»

— Работать сможет? — спросил Хрущев врачей.

Ему объяснили, что Фрол Романович останется полным инвалидом. Хрущев понимал, что Козлов не вернется, но должности его не лишил. Пожалел. Заботятся о члене Президиума ЦК много лучше, чем об обычном пациенте, да и психологически отправка на пенсию может стать для больного новым ударом. 17 сентября 1964 года Президиум ЦК постановил: «Принимая во внимание настоятельные рекомендации лечащих т. Козлова Ф. Р. врачей, ввиду тяжелого и затяжного характера болезни и необходимости сохранения полного покоя, временно прекратить посылку т. Козлову текущих материалов, рассылаемых по Президиуму и Секретариату ЦК».

Сменщики Хрущева подобной сентиментальности не проявили, и через два месяца отправили Козлова на пенсию. Уже 16 ноября 1964 года на Пленуме ЦК Л. И. Брежнев завел речь о Козлове:

— Президиум ЦК КПСС уже не раз информировал Пленум ЦК о состоянии здоровья товарища Козлова. Как вы знаете, заболевание явилось тяжелым и длительным, и за последнее время изменений не произошло. Я прочту вам заключение о состоянии здоровья товарища Козлова, представленное в ЦК КПСС 4-м главным управлением Министерства здравоохранения СССР:

Заключение не было обнадеживающим:

«11 апреля 1963 года у т. Козлова Ф. Р. внезапно наступило кровоизлияние в правое полушарие головного мозга с левосторонним параличом.

В процессе заболевания т. Козлов перенес инфаркт сердца и двустороннюю закупорку вен нижних конечностей. В настоящее время левая рука остается малоподвижной, нога имеет несколько больший объем движений, имеется стойкая потеря половины полей зрения. Также имеется понижение уровня психической деятельности. Тов. Козлов страдает гипертонической болезнью,

склерозом сосудов мозга и сердца.

Тов. Козлов находится под постоянным наблюдением лечащего врача и профессора Шмитта, доцента Ткачева, академиков Лукомского и Василенко. Происшедшие изменения в организме являются необратимыми, трудоспособность утрачена стойко и соответствует инвалидности первой группы (нуждается в постороннем уходе)».

Брежнев сообщил членам ЦК:

— Президиум ЦК КПСС обсудил этот вопрос и вносит на ваше рассмотрение предложение об освобождении тов. Козлова от обязанностей члена Президиума ЦК КПСС.

От себя Леонид Ильич добавил:

— Я думаю, это — по-человечески. Действительно, он болен, мы по этой причине его и освобождаем. В партийном отношении, для партии мы думаем, что этот проект правильный. Есть ли другие суждения или можно этот вопрос голосовать?

Других мнений не оказалось.

Когда Козлова свалил удар, Хрущев начал искать человека, которому мог бы поручить весь партийный аппарат страны. Им мог стать А. Н. Шелепин. Но он свой шанс упустил.

В начале 1962 года у Хрущева мелькнула мысль отправить Шелепина в Ленинград первым секретарем обкома вместо И. В. Спиридонова. Собственно, Ивана Васильевича сам же Хрущев активно продвигал. На XXII съезде КПСС сделал его, как и Шелепина, еще и секретарем ЦК. Но быстро в нем разочаровался — такое с первым секретарем случалось часто. В апреле 1962-го он лишил Спиридонова всех партийных должностей и пересадил в почетное, но безвластное кресло председателя Совета Союза Верховного совета СССР, и предложил А. Н. Шелепину перебраться в Ленинград. Но Александр Николаевич отказался. Видимо, ему показалось, что секретарю ЦК ехать в Ленинград секретарем обкома — если не понижение, то во всяком случае шаг в сторону. Похоже, это была ошибка. Политической биографии Шелепина явно не хватало опыта руководства крупными партийными организациями.

По словам сына Хрущева, Никита Сергеевич заметил в домашнем кругу:

— Жаль, а посидел бы несколько лет в Ленинграде, набил бы руку, и можно было бы его рекомендовать на место Козлова.

Хрущев разделил полномочия второго секретаря между Л. И.

Брежневым и Н. В. Подгорным. Они были в тот момент на равных: оба секретари ЦК с широкими полномочиями, в отсутствие хозяина по очереди председательствовали на заседаниях Президиума и Секретариата ЦК. Надо полагать, Никита Сергеевич считал, что неминуемое соперничество Брежнева и Подгорного за влияние на аппарат гарантирует его от неприятностей. Ошибся.

Николай Подгорный работал секретарем райкома комсомола, инженером на заводах треста сахарной промышленности. В 1939 году его утвердили заместителем наркома пищевой промышленности Украины. В следующем году перевели на ту же должность в союзный наркомат в Москве. В разгар войны А. И. Микоян, член Государственного комитета обороны, отправил его в Воронежскую область ускорить вывоз сахарного завода, чтобы он не достался наступавшим немцам. Подгорный доложил, что лично руководил вывозом оборудования. Но выяснилось, что Николай Викторович туда и не ездил — побоялся. Микоян трусов и обманщиков не выносил. Он выставил Подгорного из наркомата. После освобождения Украины Николай Викторович вернулся в родные места. И, на свое счастье, оказался под крылом Хрущева, который ему все простил.

Никита Сергеевич сделал напористого и бесцеремонного Подгорного первым секретарем ЦК Компартии Украины. А за год до собственной отставки, летом 1963 года, перевел в Москву. Хрущев всегда поддерживал украинские кадры, выдвигал руководителей этой крупнейшей в стране партийной организации. Украину принято было хвалить, отмечать ее успехи.

Подлинные обстоятельства того, как именно созревали антихрущевские настроения, как его соратники решились на откровенные разговоры между собой и как организационно оформился этот заговор, нам теперь уже не узнать. Но те немногие свидетельства, которые сохранились, показывают, что активно против Хрущева выступили две влиятельные группы.

Первая — члены Президиума ЦК секретари ЦК Л. И. Брежнев и Н. В. Подгорный, зампред Совмина СССР Д. С. Полянский, которым сильно доставалось от Хрущева. Они смертельно устали от постоянного напряжения, в котором он их держал.

Вторая группа — выходцы из комсомола, объединившиеся вокруг секретаря ЦК и председателя Комитета партийного-государственного контроля А. Н. Шелепина и председателя КГБ при Совмине СССР В. Е. Семичастного. Без последнего выступление против первого секретаря ЦК в принципе было невозможно. А на Шелепина ориентировалось целое

поколение молодых партработников, прошедших школу комсомола. Молодые больше других были заинтересованы в том, чтобы в высшем эшелоне власти образовались вакансии. Они рвались на первые роли...

Дочь Хрущева, Рада Никитична Аджубей, в интервью рассказывала:

— Что касается группы, условно говоря, молодых, во главе которой стоял Шелепин и к которой, если хотите, принадлежал и мой муж, это было некоторое потрясение. У меня было такое убеждение, и я до сих пор в этом убеждена, что Хрущев как раз делал ставку на Шелепина. Он говорил в последнее время, сам говорил, что пора уходить, мы уже старые, надо освободить дорогу молодым. И я так думаю, что главная его ставка была как раз на Шелепина.

Александр Николаевич позднее рассказывал, что инициаторами смещения Хрущева были Подгорный и Брежнев. Они как члены Президиума ЦК вели переговоры с другими руководителями партии. Пригласили и его для решающего разговора.

— Ты видишь, какая обстановка сложилась? — такими словами Л. И. Брежнев начал беседу с Шелепиным.

Леонид Ильич перечислил: экономика идет на спад, впервые закупили хлеб за границей — и это после освоения целинных земель. А Хрущев — полгода в разъездах, без него вопросы не решаются. С членами Президиума ЦК он не советуется. Брежнев спросил:

— Как ты считаешь, не пора изменить эту ситуацию?

Шелепин ответил:

— Я согласен.

Разговоры в высшем эшелоне власти Шелепин с Семичастным вести не могли: не вышли ни возрастом, ни чином. С хозяевами республик и областей беседовали в основном Брежнев и Подгорный, представлявшие старшее поколение политиков.

Военный историк генерал-полковник Дмитрий Антонович Волкогон, который первым получил доступ к материалам личного архива Л. И. Брежнева, обратил внимание на то, что с середины 1964 года Леонид Ильич перестал вести дневниковые записи — впервые за 20 лет. Он по-прежнему записывал указания Хрущева, но не помечал, с кем он встречался и о чем говорил. Понимал, что участвует в настоящем заговоре, и не хотел оставлять следов. Он вернулся к привычке коротко отмечать, чем занимался в течение дня, только после отставки Хрущева.

Тогдашний председатель ВЦСПС Виктор Васильевич Гришин вспоминал, что с ним разговаривал именно Брежнев, просил поддержать предложение отправить Хрущева на пенсию. Гришина звал к себе

секретарь ЦК П. Н. Демичев, стал говорить, что ряд товарищей намерены поставить вопрос об освобождении Хрущева от занимаемых постов. Гришин ответил, что Брежнев уже с ним беседовал. Петр Нилович был доволен:

— Я рад, что мы вместе.

Всю свою политическую жизнь Хрущев старательно убирал тех, кто казался ему опасен, и окружал себя теми, кого считал надежными помощниками. Но в решающую минуту рядом с Никитой Сергеевичем не оказалось ни одного человека, который бы ему помог.

Хрущев оттолкнул от себя людей типа Н. Г. Егорычева, который в сорок с небольшим лет стал первым секретарем Московского горкома партии и пользовался в столице уважением. В октябре 1941 года студент бронетанкового факультета МВТУ Егорычев ушел добровольцем на фронт, сражался на передовой, дважды был ранен, один раз тяжело. После войны окончил институт. В 1956-м стал самым молодым секретарем райкома партии в Москве, в 1961-м возглавил столичный горком.

Егорычев рассказывал мне, как обратился к Хрущеву с просьбой о приеме.

— Хорошо, что вы сами ко мне обратились, — сказал Никита Сергеевич. — Зачем Москва так много тратит электричества на освещение?

Первый секретарь ЦК КПСС жил в резиденции на Ленинских горах, ему оттуда был виден весь город. И в его представлении Москва была залита электрическим светом.

— Никита Сергеевич, это только кажется, — объяснил Егорычев. — В реальности некоторые районы мы очень плохо освещаем. Вы едете по шоссе, оно специально для вас очень хорошо освещается. На освещение города мы тратим десятые доли процента потребляемой городом энергии. Огромное количество электроэнергии съедает промышленность.

Егорычев, окончивший после войны МВТУ, стал объяснять руководителю страны, что именно сделано для рационального использования электроэнергии. Хрущев выслушал его с недовольным видом и ушел обедать. Члены Президиума ЦК обедали вместе: такой порядок завел Хрущев, чтобы в неформальной обстановке обсуждать важнейшие вопросы.

После обеда Егорычеву перезвонил его предшественник на посту первого секретаря Московского горкома Демичев, переведенный в ЦК:

— Что ты такое наговорил Хрущеву? Он пришел злой.

В другой раз, принимая руководителя Москвы, Хрущев поинтересовался:

— Сколько вы жилья ввели?

— Миллион квадратных метров, — с гордостью ответил Егорычев.

Хрущев недоверчиво переспросил:

— Сколько? Сто тысяч?

— Миллион, Никита Сергеевич.

Он разозлился :

— Мы когда-то мечтали сто тысяч вводить. Слишком хорошо Москва живет!

Соединился с председателем Госплана:

— Москве больше не давать денег!

Егорычев на следующий день приехал в Госплан:

— Что делать?

Строительные работы были развернуты уже по всей Москве.

Председатель Госплана развел руками :

— Я все понимаю, но есть прямое распоряжение Хрущева.

— Полмиллиона квадратных метров ты мне позволишь за счет кооперативного жилья построить?

— Да.

— Хорошо, остальное я возьму у министров, у которых есть деньги, а жилье им нужно.

Энергичный и напористый Егорычев пригласил к себе министров.

Он умел быть убедительным, и они тут же нашли деньги на 800 тысяч квадратных метров.

Первый секретарь горкома собрал строителей:

— Работайте.

На Секретариате МГК 13 ноября 1963 года Егорычев объяснил:

— Остро нуждаются в жилье свыше полутора миллиона человек. Полмиллиона человек имеют менее трех квадратных метров на человека. Обеспечение жильем остается самым острым вопросом в Москве. Сто тысяч человек живут в глубоких подвалах, 870 тысяч — в ветхих домах. Поэтому время для улучшения жилищных условий не пришло. С сегодняшнего дня — прекратить улучшение! Кто хочет улучшения жилищных условий, пусть копит деньги и вступает в кооператив...

Хрущев, в последний раз отдыхая в Пицунде, позвонил оттуда руководителю Москвы, специально поинтересовался: как идет строительство?

— То есть ему доложили, что я, несмотря на запрет, продолжаю строить, — рассказывал Егорычев. — Он бы меня снял, если бы его не скинули.

Егорычева пригласил к себе Демичев. В своем кабинете отвел его к окну — подальше от телефонных аппаратов — и начал разговор:

— Знаешь, Николай Григорьевич, Хрущев ведет себя неправильно.

Миллион квадратных метров жилья давался Егорычеву тяжело.

И только административными методами. Виталий Сырокомский пометил в записной книжке, о чем говорил первый секретарь на совещании в горкоме:

«До конца года надо сдать миллион квадратных метров жилья, из них 145 тысяч квадратных метров в плохом состоянии, причем 40—45 тысяч — в безнадежном. Положение тяжелое. Надо махнуть рукой на эти 40—45 тысяч квадратных метров, выбрать дома получше и вытянуть.

С сегодняшнего дня надо начинать штурм, скажем откровенно. Многие собираются сдавать дома в конце декабря — в надежде, что после Нового года три недели будут принимать, а тем временем они устранят недоделки.

Начать с того, что обратиться к рабочим, пойти руководителям на каждую стройку, объяснить положение, попросить рабочих поднажать. График составить так, чтобы дома сдавались равномерно. На каждом объекте вывесить призывы: дом должен быть сдан... Нужна помощь районных парторганизаций: мобилизовать на пусковые объекты специалистов и строителей. Собрать их, создать бригады, дать аккордное задание. Установить: над каждым домом шефствует предприятие. Вывесить на видном месте щит: дом строит трест такой-то, шефскую помощь оказывает такое предприятие.

Не рассуждать так: а я в этом доме квартиру не получу, чего стараться. Сдача жилья — дело всей московской партийной организации. Не получит в этом доме, получит в другом. Организовать двухсменную работу, иначе если всех нагоним в одну смену, будет толчея и беспорядок.

Там, где трудно, отстают, ввести аккордную оплату. Оставшееся до морозов время использовать для работ по благоустройству. Это очень важно, иначе будет поздно. В последней декаде ноября — морозы до минус двадцати. Скорее благоустроить территорию, иначе земля промерзнет. Внимание быстрому монтажу лифтов. Не страшно, если лифт в доме постоит неделю (в старом), важно быстрее монтировать новые.

Подключить профсоюзы, комсомол. Создать все условия для строителей: организовать горячее питание, продать им теплую одежду. Пусть кафе, рестораны придут на стройки и там обслуживают людей: кофе, чай. Сдаст бригада дом досрочно, пусть продадут всем автомобили, холодильники, трикотаж».

В антихрущевском заговоре активно участвовали партийные

чиновники средней руки, без которых невозможно было обойтись. Считается, что важнейшую роль сыграл заведующий важнейшим отделом ЦК — административных органов Н. Р. Миронов. Он был брежневским человеком — из Днепродзержинска. В 1941 году Николай Романович ушел на фронт, после войны вернулся на партийную работу, стал секретарем Кировоградского обкома. В 1951 году, когда Сталин распорядился посадить очередную команду чекистов и на Лубянке образовались вакансии, провели партнабор, и Миронова взяли в Министерство госбезопасности сразу на генеральскую должность — заместителем начальника Главного управления военной контрразведки.

Л. П. Берия в марте 1953 года, став министром внутренних дел СССР, разогнал назначенцев-партработников. У них отобрали машины, всех попросили освободить кабинеты. Глубокой ночью Берия вызвал несколько человек, направленных в органы с партработы, и грубо сказал им:

— Ну, вы, засранцы, чекистского дела не знаете. Надо вам подобрать что-то попроще.

Миронова он отправил — с большим понижением — заместителем начальника Особого отдела в Киевский военный округ. После ареста Берии его вернули на прежнее место в центральный аппарат. Потом Николай Романович возглавил Управление КГБ по Ленинградской области, а в июне 1959 года Хрущев поручил ему Отдел административных органов ЦК КПСС. До Миронова отдел курировал еще медицину и спорт. И ему приходилось разбираться во взаимоотношениях между футбольными командами. Миронов добился, чтобы ему оставили только силовые структуры : он курировал КГБ, армию, прокуратуру и суд.

Тогдашний заместитель председателя КГБ генерал-полковник С. С. Бельченко рассказывал своему биографу Алексею Юрьевичу Попову: «Миронов пытался меня ввести в круг Брежнева. Предложил мне пойти на какой-то вечер, по сути дела, пьянку высокопоставленных партийных чиновников. Я отказался, на что он сильно обиделся».

Генерал Бельченко держался осторожно, не хотел столь откровенно ориентироваться на одного из секретарей ЦК. А Миронов связал свою карьеру с Брежневым и мог считать, что поставил на верную лошадку. «Миронов очень скоро обратил на себя внимание, — вспоминал генерал Ф. Д. Бобков, — он очень следил за своей внешностью. Миронов считал себя отцом профилактики в органах безопасности. Если бы не ранняя смерть Миронова, он бы достиг высоких постов не только в системе КГБ, но и в партии».

Один из шелепинских соратников, Николай Николаевич Месяцев (на

тот момент заместитель заведующего отделом ЦК), вспоминал, как в начале осени 1964 года он отправился вместе с Мироновым по грибы. Они оба жили на дачах Управления делами ЦК в Усове, удобство которых состояло в том, что в поселке работала столовая, куда можно было ходить с семьей или брать там обеды и ужины на дом.

В лесу Миронов откровенно сказал Николаю Николаевичу:

— Среди членов Центрального комитета зреет мнение о целесообразности смещения Хрущева с занимаемых им постов и замены его другим товарищем. Вряд ли мне надо говорить тебе о причинах такого мнения. Толковали мы с тобой о положении в стране, и не раз. Меня интересует, как ты отнесешься к смещению Хрущева?

— Положительно, — ответил Месяцев.

— Ты понимаешь, что разговор строго между нами? — уточнил Миронов.

— Понимаю, не беспокойся.

У них было общее чекистское прошлое. Месяцев в 1941-м окончил Военно-юридическую академию РККА (морской факультет) и был назначен младшим следователем 3-го (контрразведывательного) управления Наркомата ВМФ СССР, а затем следователем Управления Особых отделов НКВД СССР. Два года служил в Отделе контрразведки СМЕРШ 5-й гвардейской танковой армии. А после войны — еще полгода в Главном управлении контрразведки СМЕРШ. Перед смертью Сталина Месяцева назначили помощником начальника следственной части Министерства государственной безопасности СССР по особо важным делам.

Потом Месяцев, поработав советником-посланником в Китае, стал заместителем Юрия Андропова в Отделе ЦК по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран.

Николай Миронов больше не возвращался к этому разговору и вдруг пригласил к себе в кабинет и сообщил Месяцеву, что вопрос об отставке Хрущева вот-вот будет поставлен:

— В «Правде», «Известиях» и на телевидении предполагается замена первых лиц. Мне поручено предложить тебе возглавить Госкомитет по телевидению и радиовещанию. Поверь, твоя кандидатура обстоятельно обсуждалась.

Месяцев был ошеломлен неожиданным предложением. Спросил Николая Романовича:

— Как бы ты поступил на моем месте?

— Ответил бы согласием на предложение товарищей из ЦК.

- Кого именно?
- Тех, кто придет на смену Хрущеву.
- А кто это?
- Те, кого изберет Пленум.

Месяцев понял, что дальнейшие вопросы на сей счет неуместны:

- Сколько времени мне дается на раздумья?
- Завтра дашь ответ.

Вернувшись к себе, Месяцев позвонил Андропову. Дежурный секретарь ответил, что Юрий Владимирович уже уехал. Советоваться было не с кем. В своей способности руководить радио и телевидением Месяцев не сомневался: «Знал, что справлюсь». Его смущало, почему Миронов не назвал имен. Боятся, что Месяцев их предаст? Если бы так думали, не стали бы делать такое предложение. Скорее не уверены, что все получится, как задумано...

На следующее утро они встретились в лифте. Месяцев твердо сказал:

— Николай Романович, я согласен. Можешь сообщить об этом людям в масках.

— Не шути, — отрезал Миронов. — Так требует обстановка.

— Догадываюсь, — заметил Месяцев, — но ведь мы с тобой не из пугливых.

Н. Р. Миронов не успел насладиться результатами своей успешной работы. Он погиб 19 октября 1964 года, за несколько дней до отставки Хрущева. Потерпел катастрофу самолет, на котором советская делегация во главе с новым начальником Генерального штаба маршалом С. С. Бирюзовым летела в Югославию на празднование 20-летия освобождения Белграда. Самолет из-за плохой видимости врезался в гору. Потом выяснилось, что синоптики советовали отложить рейс. Но маршал Бирюзов приказал лететь. Он ничего не боялся: в войну пять раз был ранен, в октябре 1941 года, командуя дивизией, попал в окружение, был ранен в обе ноги; бойцы его вытащили. Хрущев сделал Бирюзова командующим Ракетными войсками стратегического назначения, а в 1963-м — начальником Генерального штаба. А его предшественника маршала М. В. Захарова отправил руководить академией. Хрущев Матвея Васильевича невзлюбил:

— Нельзя оставлять начальником Генерального штаба человека, который на заседании через пять минут после его открытия клюет носом или просто спит. Как же доверять оборону страны людям, которые физически изнашивались?

Говорили, что Хрущев намеревался сделать Бирюзова министром

обороны СССР вместо маршала Малиновского. Когда Бирюзов погиб, пошли слухи, будто начальника Генштаба устранили, дабы он не помешал убрать Хрущева. В реальности до последнего дня Никита Сергеевич полностью доверял Малиновскому. Он не знал, что с министром обороны уже сговорились.

Член Президиума ЦК и председатель правительства РСФСР Г. И. Воронов рассказывал, что и его «завербовал» именно Л. И. Брежнев. Пригласил на охоту в Завидово, а на обратном пути предложил сесть в его «Чайку». Третьим в просторной правительственной машине был секретарь ЦК, отвечавший за связи с соцстранами, Ю. В. Андропов. В машине, подняв стекло, отгораживавшее пассажиров от водителя, Брежнев рассказал, что есть идея призвать Хрущева к ответу. Леонид Ильич, по словам Воронова, держал в руках список членов высшего партийного руководства и ставил против фамилий свои значки, отмечая тех, с кем уже договорились и с кем еще предстоит вести беседы...

Окружение Никиты Сергеевича до последнего не позволило ему понять, что он остался в полном одиночестве. Газеты, радио и телевидение продолжали восхвалять хозяина. Улицы были увешаны его портретами. 16 апреля 1964 года председатель Президиума Верховного совета СССР Л. И. Брежнев и секретарь Президиума М. П. Георгадзе подписали Указ о присвоении Никите Сергеевичу Хрущеву звания Героя Советского Союза: «За выдающиеся заслуги перед Коммунистической партией и Советским государством в строительстве коммунистического общества, укреплении экономического и оборонного могущества Советского Союза, развитии братской дружбы народов СССР, в проведении ленинской миролюбивой внешней политики и отмечая исключительные заслуги в борьбе с гитлеровскими захватчиками в период Великой Отечественной войны, присвоить товарищу Хрущеву Никите Сергеевичу в связи с семидесятилетием со дня его рождения звание Героя Советского Союза с вручением ему ордена Ленина и медали “Золотая Звезда”».

Все члены и кандидаты в члены Президиума ЦК приехали поздравить юбиляра в особняк на Ленинских горах. При Сталине члены Политбюро жили в Кремле, а Никита Сергеевич предложил всем поселиться в новеньких особняках рядом с высотным зданием МГУ. А Кремль еще летом 1955 года Хрущев открыл для простых людей. Поначалу пускали экскурсионные группы, а потом уже и всякий мог зайти — и бесплатно.

Физически Никита Сергеевич был еще крепок и мог работать. Его помощник Владимир Лебедев, отдыхая в санатории в Барвихе, рассказывал писателю Корнею Чуковскому о Хрущеве: «Работает с семи часов утра.

Читает документы, корреспонденцию. Потом разговоры по телефонам. Приемы, до семи вечера. Ни минуты свободной. Вообще можно сказать, что это самая тяжелая жизнь, без малейшего просвета — и врагу не пожелаю такой. Разве иногда он выезжает на охоту».

Лебедев говорил и об изумительной памяти Хрущева : «Помнит почти дословно все документы, которые когда-либо читал, хотя бы десятилетней давности».

Юбиляр был бодр, свеж, в хорошем настроении. Гости выпили по рюмке коньяка, немного поговорили и тут же торопливо ушли под предлогом, что не надо «утомлять» Никиту Сергеевича. Всех торопил Брежнев, ему вторил Подгорный, хотя Хрущев явно был расположен продолжить веселье.

На совещании в ЦК Виталий Сырокомский записал указания Идеологического отдела, как освещать достижения «великого десятилетия» (то есть «хрущевские годы»): «Воспитание нового человека. Ленинский стиль в работе. Критиковать недостатки, по крупицам собирать положительный опыт. Вести решительный бой против идеологии империализма. Мало ярких материалов, воспитывающих любовь к родине, слабо развенчиваются нигилизм, хлюпики, преклоняющиеся перед всем западным».

Очень подробно о том, как шла подготовка свержения Хрущева, поведал тогдашний первый секретарь ЦК Компартии Украины П. Е. Шелест.

В июле 1964 года он отдыхал в Крыму на госдаче № 5 «Чаир». Охрана предупредила, что его навестит Л. И. Брежнев. Петр Ефимович несколько удивился: они не были особенно близки с Леонидом Ильичом. Шелест ждал Подгорного, который отдыхал рядом, в Мухолатке, и с которым они были в дружеских отношениях. До перевода в Москву Подгорный был хозяином Украины. Он тянул Петра Ефимовича наверх. Став секретарем ЦК КПСС, по-прежнему покровительствовал Шелесту.

Приехал Брежнев. Присели на скамейку. Появился внук Шелеста, тоже Петя.

— Как тебя зовут? — ласково обратился к нему Брежнев.

Петя ответил и, в свою очередь, поинтересовался:

— А тебя как?

— А меня дядя Леня.

Петя подумал и сказал:

— А, знаю. Ты — дядя Леня из кинобудки.

Брежнев был несколько смущен, но выяснилось, что Леонид Ильич

похож на своего тезку-киномеханика, который приезжал на госдачу показывать фильмы семье главы коммунистов Украины.

С тех пор Леонид Ильич, разговаривая с Шелестом, неизменно просил:
— Петро, не забудь передать внуку привет от дяди Лени из кинобудки.

Потом они искупались и расположились в беседке. Брежнев стал расспрашивать Шелеста о делах на Украине. Поинтересовался:

— Как к тебе относится Хрущев?

— Мне кажется, что Никита Сергеевич ко мне относится спокойно, как большой руководитель к младшему, — дисциплинированно ответил Петр Ефимович. — С его стороны я никогда не слышал ни окрика, ни грубого обращения.

Выслушав Шелеста, Брежнев пробормотал :

— Это он в глаза, а за глаза может и другое сказать. И говорит.

Шелест растерялся, подумав, что Брежнев знает об истинном отношении Хрущева к украинскому секретарю. На всякий случай произнес:

— Хрущев занимает такое положение, что ему нет надобности говорить одно в глаза, а другое за глаза. Да и вообще, у него такая ответственность и нагрузка, что мы должны его понимать, если даже он кое-что скажет резкое. Но он по натуре не злопамятный, наоборот, добрый и отзывчивый.

— Ты мало о нем знаешь, — недовольно отозвался Брежнев, — замкнулся в своей провинции, ничего не видишь и не чувствуешь.

Шелест обиделся:

— Что кому положено, тот то и делает.

— Это так, но надо немного шире смотреть на происходящее, — наставительно заговорил Брежнев. — Все, что происходит в партии, в стране, исходит от вас, членов Президиума ЦК. И мы видим, что вы все вторите Хрущеву, первыми ему аплодируете. А нам с Хрущевым трудно работать. Об этом я и приехал с тобой, Петро, поговорить откровенно. Никто не должен знать о нашем разговоре.

Подшло время обеда. Брежнев не отказывался от рюмки. Расслабившись, читал стихи. Сын Шелеста находился в командировке в Африке.

Брежнев широким жестом пообещал его жене устроить поездку к мужу, добавил:

— И тебе это ничего не будет стоить.

Трапеза затянулась. Когда вышли на улицу, уже темнело. После выпитого разговор принял более откровенный характер.

— Ты, Петро, должен нам помочь, поддержать нас! — горячо сказал Брежнев.

Шелест не спешил с окончательным ответом:

— Не понимаю, в чем вас и кого именно поддерживать? Расскажи, в чем суть вопроса.

— Так, как мы работаем, — это невозможно, — пустился в объяснения Брежнев. — Хрущев с нами не считается, грубит, дает нам прозвища и приклеивает ярлыки. Он самостоятельно принимает решения. Он недавно заявил, что руководство наше старое и его надо омолодить. Он собирается нас всех разогнать.

Леонид Ильич не лукавил. Шелест сам слышал от Хрущева фразу, что «в Президиуме ЦК собрались старики».

— А тебе сколько лет? — поинтересовался Брежнев.

— Пошел пятьдесят пятый.

— Так ты тоже старик, по мнению Хрущева.

— Хрущев беспокоится об омоложении кадров. Это хорошо, должна быть преемственность. — Шелест продолжал играть, выбирая линию поведения.

— Ты меня неправильно понял, — втолковывал ему Брежнев. — Надо же понимать, что он только прикрывается омоложением кадров, а на самом деле хочет разогнать опытные кадры, чтобы самому вершить все дела...

Недовольно заметил:

— Ты не хочешь меня понять. А наш разговор нужно держать в тайне. Шелест не выдержал:

— Если вы мне не доверяете, то нечего было вам ко мне ехать и вести разговор, а о конфиденциальности прошу мне лишний раз не напоминать.

Брежнев спохватился — пережимать не следует:

— Ты, Петро, правильно меня пойми. Мне тяжело все это говорить, но другого выхода у нас нет. Хрущев над нами издевается — жизни нет.

На глазах у него появились слезы.

— Без тебя, без такой крупной организации, как Компартия Украины, мы не можем предпринять что-либо.

— Вам всем надо собраться и откровенно поговорить с Никитой Сергеевичем о недостатках, — посоветовал Шелест. — Мне кажется, с Никитой Сергеевичем можно вести такой разговор. Он поймет.

— Ты это предлагаешь потому, что не знаешь истинного положения дел, — остановил его Брежнев. — Если мы попытаемся это сделать, он нас всех поразгоняет.

Они вернулись на дачу, перекусили и еще выпили. Брежнев обнял

Шелеста, расцеловал и многозначительно произнес:

— Петро, мы на тебя очень надеемся.

Московский гость уехал. Глава Украины долго не мог успокоиться. Почти до рассвета бродил по набережной, прикидывая, как ему быть и чью сторону занять. Шелест сам побаивался непредсказуемости Хрущева, ему тоже надоело постоянное недовольство неумного первого секретаря. Никита Сергеевич с удовольствием приезжал в Киев, выступал на Пленуме ЦК КПУ и распекал местное начальство:

— Украина сдала свои позиции, положение дел вызывает беспокойство... Плохо стали работать... Я уже критиковал украинское руководство, но за обедом, когда критикуешь, с них как с гуся вода, а вот когда при народе критикуешь, я вижу — они ежиться начинают. Последние годы, как лето, так руководители все от мала до велика стараются не упустить лучший сезон купания в Черном море. Благо вы теперь Крым получили^[31], поэтому есть куда ехать. Товарищи, кто со мной работал на Украине, тот знает, я проработал 13 лет на Украине и за эти 13 лет только раз был в отпуску.

Шелест и другие украинские вожди вынуждены были на глазах своих подчиненных, кисло улыбаясь, аплодировать Никите Сергеевичу.

Наутро первым делом Петр Ефимович позвонил Н. В. Подгорному в Мухоматку, сообщил, что накануне был Брежнев. Николай Викторович поинтересовался:

— Чем занимаешься?

— Переживаю вчерашние разговоры.

— Подъезжай ко мне, будем вместе переживать.

Шелест пересказал Подгорному разговор с Брежневым. Николай Викторович, внимательно выслушав, заметил:

— Мне все это известно.

Оказывается, Брежнев уже побывал у Подгорного и изложил ход разговора. Шелест удивился:

— Зачем же мне все было повторять?

Подгорный честно признался:

— А я не знал, все ли мне Брежнев рассказал.

Николай Викторович не слишком доверял Леониду Ильичу. Любой из заговорщиков мог в последний момент во всем признаться Хрущеву и погубить остальных.

Шелест осведомился, почему к нему приехал Брежнев, а не Подгорный.

— Так надо было, — таинственно ответил Николай Викторович. —

Позже узнаешь.

Шелест мог бы и сам догадаться. Леонид Ильич тоже не слишком доверял Николаю Викторовичу и хотел не с его слов, а сам убедиться, на чьей стороне руководитель украинской парторганизации.

Подгорный заметил, что положение серьезное.

— Я понял, — заметил Шелест, — Брежнев в разговоре со мной даже расплакался.

— На самом деле? — иронически переспросил Подгорный.

— Точно, — подтвердил Петр Ефимович.

— Ты этому не очень доверяй, — предупредил Подгорный. — Есть пословица, что Москва слезам не верит.

С веранды второго этажа они увидели, что появился Брежнев.

Подгорный успел предупредить Шелеста:

— Ты только не подай вида, что знаешь, что он уже побывал у меня.

Брежнев опять завел разговор о том, как трудно работать с Хрущевым.

Перечислил его ошибки. Сельское хозяйство превратил в свою монополию. Проводит бесконечные реорганизации в народном хозяйстве. Разделил партийные организации на городские и сельские. Пренебрегает вопросами идеологии, говорит, что это болтовня, а нужна конкретная работа... Шелест повторил, что следует всем собраться и высказать свое мнение Хрущеву.

— Я же тебе говорю, что в откровенный разговор не верю, — не выдержал Брежнев. — Кто первый об этом заговорит, тот будет вышвырнут из состава руководства.

Шелест выразительно посмотрел на Брежнева, затем на Подгорного.

Николай Викторович вступил в игру :

— Довольно нам играть в жмурки. Ты, Петро, правильно пойми все, что делается. Чтобы решить вопрос, о котором говорим, надо выходить на Пленум ЦК. Без мнения Украины и членов ЦК, которые от Украины избраны, вопрос решить невозможно. Всем известно, что украинская партийная организация имеет большой вес и авторитет, да это и основная опора Хрущева. Поэтому тебе надо быть готовым повести откровенный, но осторожный разговор со всеми твоими товарищами, входящими в состав ЦК КПСС, а их на Украине немало — 36 человек. Возможно, поговорить надо с доверенным активом по всем вопросам, которые мы тебе изложили.

— Ради справедливого дела поговорить можно, — ответил Шелест, — хотя это очень рискованно и опасно. Но есть три человека, с которыми не могу вести никакого разговора, — это Ленин, Корнейчук и Иващенко. Эти люди в частном порядке могут сейчас же все передать Хрущеву.

Все трое, упомянутые Шелестом, считались личными друзьями Никиты Сергеевича. Секретарь ЦК КПУ Ольга Ильинична Иващенко курировала в ЦК Отдел оборонной промышленности; одна из немногих женщин на высших постах, она своей карьерой была обязана Никите Сергеевичу. Иван Семенович Сенин с 1953 года работал в Киеве первым заместителем главы республиканского правительства; с Хрущевым он учился в одной группе на рабфаке и дружил с юности. Известный драматург, Герой Социалистического Труда, обладатель пяти Сталинских премий и академик Александр Евдокимович Корнейчук в тот период не занимал административных постов, но со сталинских времен входил в состав ЦК КПСС.

Брежнев самонадеянно заявил, что беретя переговорить с Ольгой Иващенко:

— Я с ихним братом умею вести беседы.

— Леня, ты не бери на себя слишком много, — посоветовал Подгорный, — а то с треском провалишься.

Шелест поехал с Брежневым по крымским хозяйствам. Осмотрели знаменитый тогда колхоз «Дружба народов». Председатель колхоза И. А. Егудин в честь высоких гостей устроил обед на открытом воздухе. Выпили. Брежнев стал спрашивать, как присутствующие смотрят на разделение обкомов и облисполкомов на городские и сельские — болезненный для аппарата вопрос. Раздел власти проходил сложно, тянул за собой всевозможные интриги и склоки и вызвал дополнительную ненависть к Хрущеву.

Все уходили от прямого ответа на брежневские вопросы. Лишь Илья Егудин откровенно сказал:

— Да нам все равно, лишь бы не мешали, меньше вмешивались в наши дела и обеспечивали всем необходимым — за наши же деньги.

Брежнев, надо понимать, рассчитывал услышать критику Хрущева.

Но сельчане не пожелали вступать в опасные политические разговоры:

— Вы же сами провели реорганизацию партийных, советских и хозяйственных органов. Вы и решайте, как дальше быть.

На обратном пути Брежнев спрашивал у Шелеста, отчего же «народ молчит»? Петр Ефимович резонно ответил:

— А почему вы в центре молчите, если считаете, что делается не так?

— Пойди поговори, — раздраженно пробормотал Брежнев.

Ольга Иващенко и Иван Сенин отдыхали в Алуште. Брежнев, Подгорный и Шелест поехали к ним. Все вместе погуляли в парке. Брежнев пытался остаться вдвоем с Иващенко, но не получалось. А к обеду

приехала внучка Хрущева Юля с мужем. Откровенный разговор стал невозможен.

За обедом Брежнев провозгласил тост за здоровье Никиты Сергеевича.

На обратном пути Подгорный ехидно осведомился:

— Ну как, Леня, поговорил с Ольгой?

Брежнев буркнул:

— Вот проклятая баба.

П. Е. Шелест 12 августа по телефону доложил Хрущеву о делах в республике. Через день перезвонил Л. И. Брежнев, просил подробно пересказать беседу с первым секретарем. 21 августа в Киев прилетел Н. В. Подгорный. Шелест забеспокоился — дело затягивалось. Но если медлить, ситуация может стать опасной. Выяснилось, что «Подгорный тоже недоволен бездействием и инертностью Брежнева, и вообще не надежный он человек». Николай Викторович явно нервничал:

— Надо более решительно действовать, иначе нас могут предать.

Шелест спросил:

— Кто же это может сделать?

Подгорный только ухмыльнулся. Николай Викторович не питал иллюзий относительно морального облика товарищей по высшему партийному руководству.

— Когда вернусь в Москву, — твердо обещал он Шелесту, — буду штурмовать Леню. Он трусит.

В середине сентября в Киеве на несколько часов сделала остановку возвращавшаяся из Болгарии советская парламентская делегация во главе с Брежневым. Шелест встретил московских начальников в Бориспольском аэропорту. Забрал Леонида Ильича, привез в свой кабинет в здании ЦК и поделился своими тревогами:

— В дело посвящено слишком много людей, и промедление чревато большими неприятностями.

Брежнев уверенно ответил:

— Ты, Петро, не беспокойся. Мы принимаем все меры, но как подойти к решению этого «дела», еще не знаем, дополнительно будем советоваться.

Проводя перед своим отъездом в отпуск заседание Президиума

ЦК КПСС, 17 сентября Хрущев завел речь о том, что пора решать, когда собирать очередной съезд партии — в конце 1965-го или в начале 1966 года, и распорядился:

— Подбор людей теперь уже наметить.

Первый секретарь в который раз выразил недовольство тем, что в высшем эшелоне скопилось слишком много пожилых людей. Не

предполагал тогда, что очередной съезд пройдет без него самого. Уже сговорившиеся между собой члены Президиума слушали Никиту

Сергеевича с повышенным вниманием. И месяца не пройдет, как Хрущева выставят из главного кремлевского кабинета.

Расширенное заседание Президиума ЦК КПСС собралось в Свердловском зале Сенатского дворца в Кремле 26 сентября. Обсуждался вопрос о семилетнем плане развития народного хозяйства. Многие присутствовавшие уже знали, что Хрущева намереваются убрать. «Но пока что никто точно не знал ни сроков, ни самой формы исполнения задуманного дела, — вспоминал П. Е. Шелест. — Даже сами организаторы находились еще в какой-то прострации, неуверенности и неопределенности».

Посему присутствовавшие продемонстрировали Никите Сергеевичу полнейшую преданность и почтение. После заседания руководство страны в узком составе собралось в комнате Президиума ЦК за Свердловским залом. Хрущев всех опросил:

— Ну как, товарищи, ваше мнение о проведенном мероприятии и моем выступлении?

Члены Президиума наперебой заговорили, что все прошло просто отлично. Хрущев поручил секретарям ЦК готовить очередной Пленум. Сказал, что уходит в отпуск.

Через несколько дней самолет, на котором Н. В. Подгорный возвращался из заграничной поездки, сделал в Киеве «вынужденную посадку» по причине плохой погоды. Всю ночь Подгорный проговорил с Шелестом, который подробно пересказал, с кем из украинцев — членов ЦК он уже провел беседу. С многими сразу нашел взаимопонимание, но кто-то испугался, и разговор не получился. С некоторыми членами ЦК Шелест просто не решился завести критический разговор о Хрущеве.

Подгорный предупредил:

— Будь осторожнее.

Они по-прежнему боялись Хрущева .

«Одно его слово, — вспоминал Шелест, — и многие из нас были бы “обезврежены”, изолированы и даже уничтожены, ведь велся по существу и форме заговор против главы правительства, а чем это кончается, хорошо известно».

Но на сей раз Хрущев проявил излишнюю доверчивость, расслабился. После десяти лет руководства страной у него притупилась бдительность.

Николай Викторович поведал Шелесту, как идут дела в Москве. Некоторые члены Президиума все еще колеблются. Кого-то пришлось

припугнуть, чтобы как минимум помалкивали...

Брежнев и Подгорный просили Петра Ефимовича прощупать председателя Президиума Верховного совета Украинской ССР Демьяна Сергеевича Коротченко, который многие годы работал с Хрущевым, еще в 1930-е годы был при нем секретарем Московского обкома партии. Более того, в годы массовых репрессий на Демьяна Сергеевича сострипали дело, готовился арест. Его спас Хрущев, вступился за него перед Сталиным.

Петр Шелест рискнул и открыл карты. Коротченко подумал, оценивая расклад сил, и принял решение:

— Я Никиту знаю давно. Он хороший организатор, преданный коммунист, но, очевидно, на этом посту зарвался — считает, что он уже вождь. Много натворил политических ляпов, организационной неразберихи в партии. Очевидно, будет лучше для него и для партии, когда он уйдет с этого поста, да и должности первого секретаря и председателя Совмина надо разделить. В 70 лет трудно руководить и управлять таким государством, как наша страна, да еще со старческим характером Никиты.

Шелест прямо спросил:

— Демьян Сергеевич, что мне передать Брежневу и Подгорному?

— Передай, что я с вами, и если это нужно, могу по этому вопросу выступить где угодно.

Еще один верный соратник Хрущева, многим ему обязанный, легко его предал... Но отнюдь не все шло гладко. Подгорный пожаловался Шелесту, что у них в Москве перед самым отъездом Хрущева в отпуск состоялся неприятный разговор. Никита Сергеевич пригласил Николая Викторовича в кабинет и прямо спросил:

— Что-то, товарищ Подгорный, идут разговоры, что существует какая-то группа, которая хочет меня убрать, и вы к этой группе причастны?

(«Представляешь мое состояние и положение?» — говорил Подгорный Шелесту.)

Николай Викторович собрался с силами и с деланным удивлением поинтересовался:

— Откуда вы, Никита Сергеевич, это взяли?

А сам думал: от кого это могло стать известно? Сразу подумал: Брежнев раскололся. Тот в какой-то момент заколебался:

— Может быть, отложить все это?

Подгорный на него набросился:

— Хочешь погибать — погибай, но предавать товарищей не смей.

Но Хрущев рассказал, что о заговоре его сыну Сергею поведал сотрудник КГБ Василий Иванович Галюков, бывший начальник охраны

бывшего секретаря ЦК Н. Г. Игнатова. Обиженный на Хрущева Николай Григорьевич действительно активно участвовал в подготовке заговора. Ездил по стране и убеждал старых приятелей выступить против Хрущева. А Галюкова пристроил в Хозяйственный отдел Верховного совета РСФСР и возил с собой в роли помощника для устройства всех дел.

Никита Сергеевич показал Подгорному письмо, переданное сотрудником КГБ Сергею Хрущеву и поинтересовался:

— Вам что-нибудь по этому поводу известно?

Подгорный, не моргнув глазом, сказал, что ничего не знает.

Предложил: не поручить ли Комитету госбезопасности проверить все факты? Он был уверен, что Семичастный выкрутится. Но Хрущев по какому-то наитию решил к КГБ не обращаться, а подружески попросил А. И. Микояна: вызови Н. Г. Игнатова, поговори с ним и доложи.

Заговорщики через первого секретаря ЦК Компартии Грузии Василия Павловича Мжаванадзе успели предупредить Игнатова о нависшей над всеми угрозой. Ему велели в беседе с Микояном наотрез все отрицать... Да и осторожный Анастас Иванович, похоже, не проявил обычной прыти, исполняя поручение первого секретаря. Он сохранил верность Хрущеву, но не хотел ссориться и с его набирающими силу противниками.

Леонид Митрофанович Замятин, который в то время заведовал Отделом печати МИД, рассказал мне, как 30 сентября 1964 года, накануне отъезда в отпуск, Хрущев вдруг появился на обеде в честь президента Индонезии Сукарно и произнес неожиданно откровенную речь.

Сукарно, лидера движения за независимость, принимали в Москве как дорогого гостя. Он приехал просить оружие. Сукарно, считавший, что западная демократия Индонезии не подходит, в марте 1960 года распустил парламент и сам стал назначать депутатов. Сукарно был провозглашен пожизненным президентом страны и стал практически официально именоваться «отцом нации». Подобная политика привела в тому, что он рассорился с западными странами, но зато получал советскую помощь. Компартия Индонезии стала мощной политической силой, и Сукарно ввел коммунистов в правительство. А через год после обеда с Хрущевым, в 1965-м, в Индонезии произошла попытка военного переворота, вылившаяся в кровопролитное восстание. К власти пришли военные, хотя Сукарно формально оставался президентом до 1967 года. Считается, что без суда и следствия убили полмиллиона человек и еще полтора миллиона посадили. Компартия перестала существовать.

Старшим на обеде с индонезийским президентом был по должности Н. В. Подгорный, потому что Хрущев находился в отпуске. Никита Сергеевич

тем не менее приехал, вошел в зал со словами, не сулившими ничего хорошего:

— Ну что, мне места уже нет?

Место, разумеется, сразу нашлось. Никита Сергеевич сделал знак Подгорному:

— Продолжай вести.

Но в конце обеда, когда протокольные речи были произнесены, Хрущев высказался:

— Вот интересно. Я недавно приехал из отпуска, а все меня уговаривают, что я нездоров, что мне надо поехать подлечиться. Врачи говорят, эти говорят. Выпроваживают отдыхать: «Завтра ты должен убраться из Москвы». Ну, ладно, я поеду. А когда вернусь, я всю эту «центр-пробку» выбью.

И он показал на сидевших тут же членов Президиума ЦК КПСС:

— Они думают, что всё могут решить без меня.

Хрущев поступил нерасчетливо, чуть ли не в открытую объявив о грядущих в ближайшее время кадровых перестановках, и... уехал отдыхать. Вера в собственную неуязвимость подвела Никиту Сергеевича. Его откровенные угрозы разогнать Президиум ЦК только сплотили его противников.

Еще 29 сентября Н. В. Подгорный позвонил П. Е. Шелесту в Черкассы и велел срочно лететь в Крым, дабы встретить Хрущева, который отправился отдыхать. Хотел, чтобы в эти решающие дни доверенный человек находился рядом с первым секретарем и следил за его настроением.

Первого октября Шелест в Симферополе встретил Хрущева. Тот полушутя выговорил ему:

— А вы почему здесь? Я-то на отдыхе, а вы должны работать.

— Моя обязанность вас, Никита Сергеевич, встретить. Ведь вы прибыли на территорию республики, может быть, у вас возникнут вопросы.

Хрущев посадил его с собой в машину, пригласил пообедать.

У Шелеста сложилось впечатление, что Хрущеву хотелось высказаться. Он ругал работников идеологического фронта, назвал М. А. Сулова «человеком в футляре», Л. И. Брежнева — краснобаем. О Н. В. Подгорном заметил, что забрал его в Москву как хорошего, подготовленного работника, но пока особой отдачи не видит, ожидал большего.

— Президиум наш — общество стариков, — развивал овладевшую им идею Хрущев. — В его составе много людей, которые любят говорить, но

не работать. Его надо значительно омолодить и обновить. Вот и мне уже перевалило за 70, далеко не та бодрость и энергия, надо думать о достойной замене. Поэтому я стою за то, чтобы на руководящую работу выдвигать молодых, подготовленных людей 40—45 лет. Надо готовить смену. Ведь мы не вечные, пройдет года два, и многим из нас надо уходить на покой.

Это был не первый разговор, который Хрущев так откровенно вел с Шелестом.

За несколько месяцев до этих событий, в марте 1964 года, Хрущев взял с собой Петра Ефимовича в Венгрию. Почти каждый вечер они вдвоем гуляли по территории резиденции, отведенной советскому лидеру. Хрущев откровенно характеризовал товарищей по партийному руководству — нелестно отзывался о Брежневле и совсем убийственно — о Суслове, главном идеологе.

Шелест слушал и помалкивал. Хрущев находился в возбужденном состоянии. За ним неотступно следовал сотрудник 9-го управления КГБ (охрана руководства страны). В какой-то момент охранник приблизился к Хрущеву. Никита Сергеевич рассвирепел:

— А вам что нужно? Что вы подслушиваете, шпионите за мной? Занимайтесь своим делом!

Шелест попытался урезонить Хрущева:

— Никита Сергеевич, он ведь находится на службе.

Хрущев все так же раздраженно ответил:

— Если он на службе, пусть и несет свою службу, а не подслушивает. Знаем мы их.

Никита Сергеевич подозревал не тех. Он считал председателя КГБ В. Е. Семичастного и его предшественника на этом посту А. Н. Шелепина преданными лично ему людьми. Он действительно высоко вознес этих молодых людей, но относительно их настроений и планов сильно ошибался...

В Крыму Хрущев отправился в горы — охотиться на муфлонов. К вечеру вернулся с добычей и нацелился на фазанов: стрелок Никита Сергеевич был отменный. 3 октября он заявил, что погода в Крыму портится и он переедет в Пицунду. Тем более что там отдыхал А. И. Микоян.

Шелест соединился по ВЧ с Н. В. Подгорным и Л. И. Брежневым. Леонид Ильич со значением передал руководителю Украины привет от Д. С. Полянского и Д. Ф. Устинова, который недавно стал первым заместителем главы правительства и председателем Высшего совета

народного хозяйства^[32]. Это означало, что и они «в деле».

Брежнев сообщил, что пытался привлечь к общему делу первого заместителя министра обороны СССР маршала Андрея Антоновича Гречко, но тот испугался и ушел от разговора. А с министром обороны маршалом Р. Я. Малиновским несколько раз беседовал Шелепин. Родион Яковлевич сказал, что армия в решении внутривойсковых вопросов участия принимать не станет, то есть защищать Никиту Сергеевича не пойдет. А 10 октября окончательно подтвердил, что выступит против Хрущева вместе со всеми.

Малиновский был обязан Хрущеву не только высшей в Вооруженных силах должностью, но и, возможно, жизнью. И чем же отплатил ему маршал? Помог отправить на пенсию.

Шелест позвонил Хрущеву в Пицунду. Хотел услышать его голос и понять настроение. Пришел к выводу, что Никита Сергеевич ни о чем не догадывается. Похоже, расслабился и успокоился. Заодно Петр Ефимович перемолвился словом и с влиятельными помощниками первого секретаря — Григорием Трофимовичем Шуйским и Андреем Степановичем Шевченко (он ведал сельским хозяйством, был избран членом-корреспондентом Академии сельскохозяйственных наук). Убедился, что и у них нет признаков тревоги.

После этого Шелест соединился с Брежневым. Ему показалось, что Леонид Ильич говорил как-то неуверенно. Перезвонил Подгорному, занимавшему более решительную и определенную позицию. Николай Викторович его успокоил:

— Все идет нормально. Отступлений нет.

Подготовка к операции по снятию Хрущева вступила в решающую фазу.

«Если нужно, я уеду из Москвы»

Утром 12 октября П. Е. Шелест вылетел в Москву. Второму секретарю ЦК Компартии Украины Николаю Александровичу Соболю он дал указание, ничего не объясняя, собрать в Киеве всех членов ЦК, кандидатов в члены ЦК и членов Центральной ревизионной комиссии, работающих на Украине, и под каким-нибудь предлогом не отпускать. Такие же приготовления были проведены и в других республиках и областях.

Председателю Совета министров Казахской ССР Динмухамеду Ахметовичу Кунаеву позвонил Д. С. Полянский, предупредил:

— Ожидаются важные перемены. Если понадобится, пригласим на заседание Президиума. Если нет — узнаешь результат. Жди звонка.

Зная, что Кунаев настроен антихрущевски, его собирались использовать, если Хрущев станет упорствовать.

В. Е. Семичастный много лет спустя рассказывал, что Брежнев даже предлагал физически устранить Хрущева — не верил, что им удастся заставить его уйти в отставку. Не хочется подвергать сомнению слова Владимира Ефимовича, но люди, знавшие Леонида Ильича, сильно сомневались, что он мог такое сказать — не в его характере. По другим рассказам, в какой-то момент у Брежнева сдали нервы, он расплакался и с ужасом повторял:

— Никита нас всех убьет.

А вот Семичастный Хрущева не боялся. Чего-чего, а воли, решительности и властности у Владимира Ефимовича было хоть отбавляй. Генерал-лейтенант Николай Александрович Брусницын, в те годы первый заместитель начальника Отдела правительственной связи КГБ — начальник штаба войск правительственной связи, вспоминал, как накануне октябрьских событий его вызвал Семичастный. Хрущев отдыхал в Пицунде. Председатель КГБ властно сказал, что ему нужно знать, кто и зачем звонит Хрущеву.

— Владимир Ефимович, — твердо ответил Брусницын, — этого не только я, но и вы не имеете права знать.

Семичастный тут же набрал номер Брежнева:

— Леонид Ильич, начальник правительственной связи говорит, что это невозможно.

Выслушав Брежнева, Семичастный задал новый вопрос:

— А что можно?

— Что конкретно надо? — уточнил Брусницын.

— Надо знать, кто названивает Хрущеву.

— Это можно, — согласился Брусницын, — положено иметь такую информацию на спецкоммутаторе.

— Хорошо. Каждый час докладывайте, кто звонил.

На государственную дачу в Пицунде линия правительственной междугородней ВЧ-связи шла через Тбилиси. Ее отключили, сославшись на повреждение аппаратуры. Хрущева соединяли через спецкоммутатор Москвы, так что председателю КГБ немедленно докладывали о всех телефонных переговорах Никиты Сергеевича...

Семичастный приказал Управлению военной контрразведки и в первую очередь особистам Московского военного округа незамедлительно информировать его даже о незначительных передвижениях войск. Три дня, пока снимали Хрущева, личный состав некоторых оперативных подразделений Комитета госбезопасности, в первую очередь хорошо подготовленных офицеров 9-го управления (охрана руководителей партии и правительства), держали на казарменном положении в полной боевой готовности.

Генерал-лейтенант Виктор Иванович Алидин, в ту пору начальник 7-го управления КГБ (наружная разведка — то есть наблюдение за подозреваемыми), вспоминал, что с начала 1964 года среди части руководящего состава госбезопасности ходили неясные разговоры о возможной замене Хрущева. В июле с Алидиным доверительно беседовал один из руководителей комитета. Сказал, что идет подготовка к смещению Хрущева, а его место займет секретарь ЦК и бывший председатель КГБ А. Н Шелепин.

В конце июля генерал Алидин уезжал в отпуск. Перед отъездом Семичастный ему сказал:

— Отдыхайте, пожалуйста, но к 15 августа возвращайтесь в Москву. Вы будете очень нужны.

Заседание Президиума ЦК КПСС, на котором решилась судьба Никиты Сергеевича, прошло 12 октября 1964 года. Присутствовали все, кто работал в Москве. Отсутствовали члены Президиума ЦК от национальных республик — их еще не вызвали с мест.

И отсутствовал сам Хрущев — он наслаждался хорошей погодой в Пицунде вместе со своим первым заместителем в правительстве Анастасом Микояном. Никита Сергеевич выдвигал молодежь и формировал руководство из людей младше себя по возрасту, но в личном общении комфортнее всего чувствовал себя с Микояном. Они не только были

практически ровесниками, их связывали многие годы работы еще при Сталине.

В тот день, в отсутствие первого секретаря ЦК КПСС председательское кресло занял Л. И. Брежнев: когда Хрущев покидал Москву, именно Леонид Ильич по его поручению руководил всем партийным хозяйством. Он и сам только что вернулся из Берлина — ездил во главе официальной делегации поздравлять восточных немцев с 15-летием образования Германской Демократической Республики.

По словам очевидцев, Брежнев сильно волновался. Да и вообще в зале ощущались нервозность и, пожалуй, страх. Заседание нельзя было назвать обычным. Члены Президиума ЦК собрались, чтобы осуществить давний замысел — избавиться от Хрущева. Бесконечные закулисные переговоры шли многие месяцы. Но 12 октября они собрались, не таясь, официально. Заведующий Общим отделом ЦК В. Н. Малин, как обычно, на небольших карточках записывал главные тезисы выступлений.

Пожалуй, присутствие Владимира Никифоровича более всего свидетельствовало о том, что дни Хрущева сочтены: десять лет он заведовал Общим отделом ЦК и считался его доверенным помощником.

— Я как Поскребышев при Сталине, — с гордостью говорил Малин сам о себе, сравнивая себя с бессменным помощником вождя.

Если уж он преспокойно сел рядом с теми, кто собирался отправить Хрущева в отставку, это означало, что Никита Сергеевич ни на чью поддержку рассчитывать не может.

Что обсуждали на заседании Президиума ЦК?

Под каким предлогом пригласить Хрущева в Москву, чтобы он ни о чем не догадался и не предпринял контрмер. Это первое. А второе — прикидывали, как повести разговор с Хрущевым, кто будет выступать и что именно скажет.

Высказывались в основном Брежнев, а также другие влиятельные в партийном руководстве фигуры — секретари ЦК Н. В. Подгорный, А. П. Кириленко и А. Н. Шелепин. Последний не был еще членом Президиума ЦК, но его положение в иерархии власти и роль в подготовке свержения Хрущева были таковы, что к этому сравнительно молодому человеку прислушивались с особым вниманием.

Решили почти сразу предоставить слово первому секретарю ЦК Компартии Украины П. Е. Шелесту, что должно стать своего рода сигналом: Киев критикует Хрущева. Именно украинская парторганизация считалась главной опорой Никиты Сергеевича, среди киевских руководителей было много людей, им самим назначенных. Да и Шелест

считался хрущевским человеком. Он даже внешне — приземистой фигурой, округлым грубоватым лицом и совершенно лысым черепом — напоминал Никиту Сергеевича...

Вызвать Хрущева в Москву решили под тем предлогом, что накопилось много вопросов по его последней записке о реорганизации сельского хозяйства, разосланной не только всем членам Президиума ЦК, но и руководителям краев и областей.

Тут же возник вопрос: кто позвонит в Пицунду? Тоже испытание не из простых. Разговаривать с Хрущевым было страшно. Никита Сергеевич с коллегами по Президиуму ЦК не церемонился. Во время поездки Брежнева в Берлин на партийном хозяйстве оставался Подгорный, напористый и бесцеремонный человек, выдвиженец Хрущева, недавний руководитель Украины. Но Николай Викторович наотрез отказался — он только что подробно докладывал о текущих делах первому секретарю, и Никита Сергеевич удивится: почему накануне не сказал, что у вас еще какие-то вопросы ко мне возникли?

Не дай бог, что-то заподозрит. Сошлись на том, что звонить придется Брежневу. А кому еще? Он же остался за старшего.

Около 9 вечера телефонистка коммутатора междугородней правительственной ВЧ-связи соединила его с государственной дачей в Пицунде. Хрущев взял трубку. Леонид Ильич, по описанию Шелеста, сильно волновался. Побледнел, губы посинели, говорил с дрожью в голосе. Выслушав его, Хрущев раздраженно ответил:

— Что у вас случилось? Не можете и дня обойтись без меня. Хорошо, я подумаю. Здесь Микоян, с ним посоветуюсь. Позвоните позже.

Этот час члены Президиума ЦК, и без того взвинченные до предела, провели в подвешенном состоянии. От Хрущева, который на протяжении десяти лет умело устранял соперников и конкурентов, всего можно было ожидать.

Через час Брежнев снял трубку телефона и вновь распорядился соединить его с Хрущевым. Никита Сергеевич ответил с нескрываемым недовольством:

— Хорошо, я завтра в 11 утра вылетаю в Москву вместе с Анастасом Ивановичем.

В тот день члены Президиума ЦК, обсудив план завтрашней операции, составили для порядка постановление, которое кажется невнятным и неясным.

На самом деле оно имело вполне определенный и грозный для Хрущева смысл :

«1. В связи с поступающими в ЦК КПСС запросами о возникших неясностях принципиального характера по вопросам, намеченным к обсуждению на Пленуме ЦК КПСС в ноябре с. г., и в разработках нового пятилетнего плана признать неотложным и необходимым обсудить их на ближайшем заседании Президиума ЦК КПСС с участием т. Хрущева.

Поручить гг. Брежневу, Косыгину, Сулову и Подгорному связаться с т. Хрущевым по телефону и передать ему настоящее решение с тем, чтобы заседание Президиума ЦК провести 13 октября 1964 г.

2. Ввиду многих неясностей, возникающих на местах по записке т. Хрущева от 18 июля 1964 г. (№ П 1130) «О руководстве сельским хозяйством в связи с переходом на путь интенсификации», разосланной в партийные организации, и содержащихся в ней путаных установок, отозвать указанную записку из парторганизаций.

3. Учитывая важное значение характера возникших вопросов и предстоящего их обсуждения, считать целесообразным вызвать в Москву членов ЦК КПСС, кандидатов в члены ЦК КПСС и членов Центральной ревизионной комиссии КПСС для доклада Пленуму итогов обсуждения вопросов на Президиуме ЦК КПСС.

Вопрос о времени проведения Пленума ЦК КПСС решить в присутствии т. Хрущева».

Записку первого секретаря ЦК КПСС, к которой в аппарате должны были относиться благоговейно, как к Библии, назвали «путаной»!

Отозвав записку, Президиум ЦК демонстрировал партийному аппарату на местах, что Хрущев больше не хозяин.

Тремя месяцами ранее, 11 июля, на Пленуме ЦК Хрущев изложил новую идею, которую затем представил в форме развернутой записки. Он предложил коренным образом реорганизовать управление прозябающим сельским хозяйством — под каждую отдельную отрасль создать собственное ведомство. Один главк занимался бы зерном, другой — мясом, третий — пушниной. Хрущев вслед за Сталиным полагал, что экономические проблемы решаются организационнокадровыми методами: есть задача — создай ведомство. В целом подобное решение проблемы вполне устраивало партчиновников, но членов Президиума ЦК напугало другое.

Хрущев требовал, чтобы колхозами перестали командовать, говорил, что сельское хозяйство надо интенсифицировать, что нужны его комплексная механизация, мелиорация и химизация. А чтобы колхозами перестали командовать, ликвидировал сельские райкомы, низвел партийный аппарат на селе до второразрядной роли парткомов

производственных управлений. В предложенной им в 1964 году новой системе руководства аграрным комплексом партийным органам вообще не оставалось места.

Девятого января 1964 года на Президиуме ЦК обсуждался вопрос о пенсионном обеспечении и других видах социального страхования колхозников. Через полгода это наконец реализовалось в форме закона. 15 июля Верховный совет СССР принял Закон СССР № 2688-VI о пенсиях и пособиях членам колхозов. Впервые в колхозной деревне появилась система социального обеспечения крестьян. Сталин-то считал, что колхозникам пенсии ни к чему. Хрущев ввел пенсии по инвалидности и в связи со смертью кормильца, пособия для беременных женщин. Услышать благодарность за пенсии Никите Сергеевичу не довелось: вскоре его самого отправят на «заслуженный отдых».

В последние месяцы Хрущев, похоже, сознавал, что придется менять политические механизмы.

На Ноябрьском 1962 года пленуме ЦК он произнес обширный доклад «Развитие экономики СССР и партийное руководство народным хозяйством». Предложил революционную меру — разделить партийные и советские органы на промышленные и сельскохозяйственные. Так в каждой области и крае вместо одного обкома и одного облисполкома появлялись два — один занимался промышленностью, другой — сельским хозяйством. На следующий день доклад Хрущева о новых формах партийного руководства — разделении территориальных партийных и советских органов на промышленные и сельские — напечатали в «Правде». Он занял десять газетных полос.

«Как всегда длинновато, — записал в дневнике Александр Твардовский. — Как всегда, главный интерес не в тексте, а в том, когда он отрывается от текста. Как обычно, хорош был огонь по частностям бюрократического идиотизма в промышленности...

Кого я ни спрашивал, так никто и не мог мне сказать, как оно все будет в смысле территориальном, при двойственности “бюро” и исполкомов советов, обкомов и бюро национальных партий».

Между сельскими и промышленными обкомами сразу же возникла конкуренция. Принято считать это недостатком. Но по существу Никита Сергеевич создал что-то вроде многопартийности. Такая мысль точно у него возникала!

Николай Митрофанович Луньков, который был послом в Норвегии, вспоминал визит Хрущева в Осло. Во время прогулки Хрущев, его зять главный редактор «Известий» Аджубей и главный редактор «Правды»

Сатюков ушли вперед.

Министр иностранных дел А. А. Громыко посоветовал послу:

— Вы поравняйтесь с Никитой Сергеевичем и побудьте рядом на случай, если возникнут какие-либо чисто норвежские вопросы.

В тот момент, когда Луньков приблизился, Хрущев оживленно говорил входившим в его ближний круг Аджубею и Сатюкову :

— Слушайте, как вы думаете, что, если у нас создать две партии — рабочую и крестьянскую?

При этом он оглянулся и выразительно посмотрел на Лунькова. Посол понял, что надо отойти. Присоединился к министру иностранных дел и на ухо пересказал Громыко услышанное. Министр осторожно заметил:

— Да, это интересно. Но об этом никому не говори.

Да разве могли профессиональные партсекретари допустить слом системы?..

О том, что всех членов ЦК вызывают в Москву, Никиту Сергеевича, разумеется, не оповестили. Иначе бы он сразу понял, что происходит. Летом 1957 года, когда его пытались снять «старая гвардия» — Молотов, Маленков, Булганин, — он сам распорядился собрать членов ЦК. Никита Сергеевич часто и с видимым удовольствием вспоминал, как выиграл ту битву. Теперь его опытом воспользовались другие.

Хрущев любил рассказывать во всех подробностях, как именно он убирал своих соперников. И сплотившиеся против него секретари поступили так, как их учил Никита Сергеевич. Всё подготовили во время его отъезда, как это сделал он сам, готовя отставку Г. К. Жукова. Использовали эффект внезапности, как это сделал Хрущев, пригласив ничего не подозревавшего Л. П. Берия на заседание президиума правительства, где ему неожиданно предъявили обвинения.

Перечисление четырех фамилий — Брежнев, Косыгин, Суслов, Подгорный — в Постановлении Президиума ЦК свидетельствовало о том, кто именно управлял событиями. Фамилия Брежнева стояла первой, следовательно, ему и отводилась главная роль. Постановление отрезало мятежным членам Президиума ЦК дорогу назад. Теперь уже никто из них не мог покаяться перед Хрущевым и, оправдываясь, объяснить, что в его отсутствие они на заседании Президиума ЦК «просто поговорили». Они должны были идти до конца: или они, или Хрущев.

На заседании 13 октября появилось еще несколько новых лиц. Член Президиума ЦК А. И. Микоян прилетел вместе с Никитой Сергеевичем из Пицунды. Прибыли также первые секретари ЦК Компартий: Грузии — В. П. Мжаванадзе, Белоруссии — К. Т. Мазуров, Узбекистана — Ш. Р.

Рашидов, Украины — П. Е. Шелест. Из них сторону Хрущева занял только — да и то условно — Микоян. Остальные яростно атаковали первого секретаря ЦК. Никита Сергеевич не предполагал, что заседание Президиума ЦК примет такой оборот.

Первым слово взял Л. И. Брежнев. Леонид Ильич заговорил о том, что в Президиуме ЦК нет коллегиальности, насаждается культ личности первого секретаря, который оскорбительно относится к товарищам. В результате принимаются непродуманные решения. Разделение обкомов на промышленные и сельские — ошибка, народ это новшество не поддержал.

Хрущев возразил:

— Все сказанное здесь Брежневым, к моему огорчению, я, возможно, и не замечал. Но мне никто и никогда об этом не говорил. Если это так, то я ведь просто человек. Кроме того, ведь вы все меня во всем поддерживали, говорили, что все правильно делается. Вас я воспринимал как единомышленников, а не как противников. Что касается поставленных здесь вопросов, в том числе и разделение обкомов, так ведь вопрос не один я решал. Он обсуждался на Президиуме, затем на Пленуме. Мы все обсуждали вместе. Я предан партии и народу. Я, как все, мог иметь какие-то недостатки. Спрашивается, почему о них мне раньше никто не сказал? Разве это честно? Что касается допущенных грубостей по отношению к некоторым товарищам, то я приношу извинения. Вы же знаете, я предан партии.

Никита Сергеевич еще не осознал, что его оправдания никому не нужны и его намерены отправить в отставку, и выражал готовность работать, «насколько хватит моих сил». Слово, как и договаривались, взял Шелест. Во время его выступления Хрущев подавал реплики. Петр Ефимович несколько раз довольно резко ему отвечал. От его былой почтительности не осталось и следа, а под конец невежливо хозяин Советской Украины оборвал первого секретаря ЦК КПСС:

— Никита Сергеевич, мы слушали вас много раз — послушайте один раз нас.

По очереди высказались все члены высшего партийного руководства. Разговор шел на повышенных тонах. Товарищи по Президиуму ЦК требовали, чтобы Хрущев добровольно ушел в отставку, а он сопротивлялся. Заявление об уходе нужно было для того, чтобы избежать прений на Пленуме ЦК. Если бы Хрущев настаивал на своей правоте, он теоретически имел бы право выступить с изложением своей точки зрения на Пленуме ЦК. Разумеется, это ничего бы не изменило. Члены ЦК, видя, на чьей стороне преимущество, проголосовали бы за его смещение. Но,

возможно, нашлись бы двое-трое из старых друзей Никиты Сергеевича, кто выступил бы в его защиту. А задача состояла в том, чтобы все прошло спокойно, чтобы избежать полемики на пленуме, добиться единодушного одобрения отставки Хрущева, показать, что это воля всей партии.

Шелепин, когда до него дошла очередь высказаться, сказал, что в угоду Хрущеву его сыну Сергею — молодому человеку — было присвоено звание Героя Социалистического Труда и присуждена Ленинская премия.

Узнав об этом от отца, Сергей Никитич Хрущев обиделся на Шелепина: «Александр Николаевич постоянно демонстрировал мне если и не дружбу, то явное дружеское расположение. Нередко он первый звонил и поздравлял с праздниками, всегда участливо интересовался моими успехами. Мне, конечно, льстило дружеское отношение секретаря ЦК, хотя где-то в глубине души скрывалось чувство неудобства, ощущение какой-то неискренности со стороны Шелепина».

Никита Сергеевич отказывался понимать, что его соратники взяли курс на его однозначную отставку, он оправдывался и возражал. Заседание Президиума ЦК закончилось поздно вечером. Не договорились. Решили на завтра продолжить заседание.

Хрущев отправился в свою резиденцию на Воробьевы горы. Он еще был первым секретарем и главой правительства. Но фактически его отрезали от внешнего мира. Об этом позаботился Семичастный. Никита Сергеевич не смог позвонить ни жене, которая лечилась на чехословацком курорте Карловы Вары, ни дочери Юле в Киев. Личную охрану первого секретаря ЦК Семичастный сменил. Чекисты, которые были обязаны даже ценой собственной жизни защищать Хрущева, собрали вещи и оружие и исчезли. Начальник 9-го управления КГБ полковник Владимир Яковлевич Чекалов без колебаний подчинился своему непосредственному начальнику.

Страхи заговорщиков оказались напрасными.

Никита Сергеевич не выдержал давления со стороны недавних товарищей. Ему было много лет, и он устал. Промаявшись всю ночь, утром 14 октября Хрущев появился на втором заседании Президиума ЦК уже не бойцом.

Первым выступил Д. С. Полянский, который с особой силой набросился на Никиту Сергеевича. Затем говорили А. Н. Косыгин, А. И. Микоян, Н. В. Подгорный. Один только Анастас Иванович предлагал оставить Хрущеву какую-нибудь должность, использовать его опыт в общей работе. Ему самому досталось за это предложение.

Брежнев вновь взял слово. Текст этого выступления он после заседания отдал своему помощнику Андрею Михайловичу Александрову-

Агентову.

— Вы, Никита Сергеевич, — говорил Леонид Ильич, — знаете мое к вам отношение. В трудную для вас минуту я честно, смело и уверенно боролся за вас, за ленинскую линию. У меня тогда был инфаркт миокарда, но, будучи тяжелобольным, я нашел силы для борьбы за вас. Сегодня я не могу вступать в сделку со своей совестью и хочу по-партийному высказать свои замечания... Если бы вы, Никита Сергеевич, не страдали такими пороками, как властолюбие, самообольщение своей личностью, верой в свою непогрешимость, если бы обладали хотя бы небольшой скромностью, вы бы не допустили создания культа своей личности. Вы поставили радио, кино, телевидение на службу своей личности. Вам понравилось давать указания всем и по всем вопросам, а известно, что ни один человек не может справиться с такой задачей — в этом лежит основа всех ошибок.

Из всех речей, произнесенных Брежневым, эта, пожалуй, лучшая. И самая искренняя. Хотя написал он ее сам без помощи замечательных перьев, которые потом будут готовить его выступления. Речь хороша тем, что она разумна. Но как быстро сам Леонид Ильич, заняв хрущевский кабинет, забыл то, о чем он укоризненно говорил своему предшественнику!

Спросили мнение секретарей ЦК, имевших право лишь совещательного голоса, — Леонида Федоровича Ильичева (идеология), Александра Петровича Рудакова (промышленность), Виталия Николаевича Титова (партийные кадры), Петра Ниловича Демичева (химизация народного хозяйства), Юрия Владимировича Андропова (соцстраны) и председателя Парткомиссии при ЦК партии Николая Михайловича Шверника: согласны ли они с предложением созвать Пленум ЦК и рекомендовать освободить Хрущева от его обязанностей. Все согласилось.

В последний раз предоставили слово Никите Сергеевичу. Он был подавлен:

— Я рад за Президиум, что он такой зрелый. Все, что сейчас делается, это победа нашей партии. Я уйду и драться с вами не стану — идеология и основа у нас с вами одна. Я понимаю, что это моя последняя политическая речь — лебединая песня. На Пленуме я выступать не буду, но хотел бы обратиться к Пленуму с просьбой.

Ему отказали. На глазах у Хрущева появились слезы:

— Напишите заявление о моем уходе, о моей отставке, я его подпишу. Я полагаюсь на вас в этом вопросе. Скажите, где мне жить. Если нужно, я уеду из Москвы.

Кто-то откликнулся:

— Зачем это делать? Не нужно.

— Если у вас пойдут дела хорошо, — сказал Хрущев, — я буду только радоваться и следить за сообщениями газет. Спасибо за совместную работу, за критику.

От имени Хрущева В. В. Гришин и Л. Ф. Ильичев в четыре руки составили короткое заявление:

«ЦК КПСС

Товарищи члены ЦК КПСС, кандидаты в члены ЦК КПСС, члены Центральной ревизионной комиссии КПСС!

В связи с преклонным возрастом и учитывая состояние моего здоровья, прошу ЦК КПСС удовлетворить мою просьбу об освобождении меня от обязанностей первого секретаря ЦК КПСС, члена Президиума ЦК КПСС и председателя Совета министров СССР. По изложенным выше причинам я не могу исполнять ныне возложенные на меня обязанности.

Обещаю Центральному Комитету КПСС посвятить остаток своей жизни и сил работе на благо партии, советского народа, на благо построения коммунизма».

Никита Сергеевич поставил свою подпись.

Сразу же приняли короткое Постановление Президиума ЦК:

«Признать, что в результате ошибок и неправильных действий т. Хрущева, нарушающих ленинские принципы коллективного руководства, в Президиуме ЦК за последнее время создалась совершенно ненормальная обстановка, затрудняющая выполнение членами Президиума ЦК ответственных обязанностей по руководству партией и страной.

Тов. Хрущев, занимая посты первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета министров СССР и сосредоточив в своих руках большую власть, в ряде случаев стал выходить из-под контроля ЦК КПСС, перестал считаться с мнением членов Президиума ЦК и членов ЦК КПСС, решая важнейшие вопросы без должного коллективного обсуждения.

Проявляя нетерпимость и грубость к товарищам по Президиуму и ЦК, пренебрежительно относясь к их мнению, т. Хрущев допустил ряд крупных ошибок в практическом осуществлении линии, намеченной решениями XX, XX1 и XX11 съездов КПСС. Президиум ЦК КПСС считает, что при

сложившихся отрицательных личных качествах как работника, преклонном возрасте и ухудшении здоровья т. Хрущев не способен исправить допущенные им ошибки и непартийные методы в работе.

Учитывая также поданное т. Хрущевым заявление, Президиум ЦК КПСС постановляет:

1. Удовлетворить просьбу т. Хрущева об освобождении его от обязанностей первого секретаря, члена Президиума ЦК и председателя Совета министров СССР в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья.

2. Признать нецелесообразным в дальнейшем объединять в одном лице обязанности первого секретаря ЦК и председателя Совета министров СССР.

3. Считать необходимым созвать 14 октября 1964 года Пленум ЦК КПСС.

Поручить открытие пленума тов. Брежневу Л. И.

Поручить выступить с сообщением от имени Президиума ЦК и Секретариата ЦК тов. Сулову М. А.».

Решили на Пленуме ЦК прений не открывать, в частности, чтобы не давать слова Хрущеву. Оформить организационные дела и все! А через какое-то время собрать другой Пленум и тогда уже обсудить накопившиеся вопросы. На пост первого секретаря ЦК предложили Брежнева. Председателем Совета министров рекомендовали А. Н. Косыгина, который последние четыре года был одним из двух первых заместителей Хрущева в правительстве.

Во время заседания озабоченный Шелепин показал Шелесту перехваченную записку Ольги Ильиничны Иващенко, секретаря ЦК Украины. В записке говорилось: «Заседает президиум, что-то происходит. Я согласна, что нужно говорить о недостатках, но нельзя прибегать к крайним мерам. В Америке надвигается фашизм. Это ему на руку. Брежнев честолюбив, властолюбив. Шелест держит развязный тон, они вместе. Можно критиковать, но это не значит, что нужно убирать. Русским и украинцам нужен вожак, к нему все тянутся...»

Записку показали Подгорному и Брежневу. Члены Президиума ЦК насторожились. Вдруг у Хрущева появятся и другие союзники и защитники? Решили принять дополнительные меры предосторожности: не дать высказаться на Пленуме ЦК никому из тех, кто способен возразить против ухода Хрущева. Шелест вышел из зала заседаний, позвонил

второму секретарю ЦК Украины Соболю и велел установить контроль за Иващенко.

После заседания Президиума ЦК приехавших в Москву членов ЦК собрали по группам, чтобы рассказать об отставке Хрущева и подготовить их к заседанию.

Петр Шелест рассказывал, как он выполнил свою часть задачи. В 4 часа дня в постоянном представительстве Украины при Совете министров СССР собрали всех украинцев, входивших в высшие партийные органы. В гробовой тишине Шелест информировал их о принятых решениях. Первый заместитель председателя Совмина республики И. С. Сенин попросил уточнить:

— Никита Сергеевич сам подал заявление или его вынудили к этому?

Пришлось Шелесту опять брать слово и «разъяснить». Он сам потом признавал, что его слова звучали не слишком убедительно.

Ольга Иващенко поинтересовалась:

— Почему не оставить Никиту Сергеевича на одной из должностей? И как освобождение Хрущева может отразиться на международных отношениях?

Шелест ответил, что Хрущев подал заявление и уходит на заслуженный отдых. Что касается реакции братских компартий, то нечего беспокоиться: генеральная линия партии остается неизменной. Больше никто вопросов не задавал и сомнений не выражал.

Сохранившие верность Хрущеву Ольга Иващенко и Иван Сенин вскоре были отправлены на пенсию. В 1973 году в семье Сенина произошла трагедия, о которой много говорили в Киеве. Его сын Михаил, архитектор, вроде бы находился в особых отношениях с выдающимся кинорежиссером Сергеем Параджановым, известным своей нетрадиционной ориентацией. Параджанова травили, хотели посадить. Михаила Сенина вызвали в КГБ. Вернувшись домой, он написал предсмертную записку, лег в ванну и вскрыл себе вены. Это самоубийство стало поводом для ареста Параджанова, которого судили и приговорили к пяти годам тюремного заключения...

Никита Сергеевич позвонил дочери Раде домой, сказал:

— Сегодня состоится Пленум, и меня освободят от должности. Ты предупреди Алешу.

Главный редактор газеты «Известия» и член ЦК КПСС Алексей Аджубей ни о чем не подозревал.

Пока снимали с должности Хрущева, в Москву утром 14 октября прилетел президент братской Кубы Освальдо Дортикос. В тот момент

никому не было до него дела. Но отменить визит кубинца, летевшего издалека, не представлялось возможным. Во Внукове, где еще висел огромный портрет Хрущева, кубинского гостя встречали руководители страны. В аэропорт приехал и приглашенный заранее Аджубей. Но чиновники, которые вчера искали его расположения, делали вид, что не замечают хрущевского зятя. Он стоял один, растерянный. Только Анастас Микоян, в отличие от многих соратников не утративший человеческих черт, пожал ему руку.

В тот день в Москве впервые не появился вечерний выпуск «Известий». Газета вышла на следующее утро, как вся остальная советская пресса, с сообщением о Пленуме ЦК и с портретами новых руководителей страны. Ночью в редакциях дежурные бригады с особым тщанием насквозь читали газетные полосы, вычеркивая имя Хрущева.

В тот же день в 6 вечера в Свердловском зале Кремля собрали Пленум ЦК. Места в зале не были закреплены за конкретными людьми, но все знали, кому где полагается сидеть. Чужое кресло не занимали.

К столу президиума первым вышел Л. И. Брежнев. Опытным аппаратчикам стало ясно — он и будет руководителем партии. Хрущев сидел в президиуме, понунив голову. Молча. Одинокий. Ему было очень тяжело.

Леонид Ильич открыл заседание кратким вступительным словом. Рассказал, что членам Президиума ЦК пришлось 12 октября обсудить важнейшие вопросы принципиального характера. В ходе обсуждения неизбежно зашел разговор и о ненормальной обстановке в Президиуме. Приняли решение обсудить эти вопросы в присутствии Хрущева.

— Все выступившие, — сказал Брежнев, — были едины во мнении, что в работе Президиума ЦК нет здоровой обстановки, что обстановка сложилась ненормальная и повинен в этом в первую очередь товарищ Хрущев, вставший на путь нарушения ленинских принципов коллективного руководства жизнью партии и страны, выпячивающий культ своей личности. Президиум ЦК с полным единодушием пришел к выводу, что вследствие скоропалительных установок товарища Хрущева, его непродуманных волюнтаристских действий в руководстве народным хозяйством страны допускается большая неразбериха, имеют место серьезные просчеты, прикрываемые бесконечными перестройками и реорганизациями. Президиум ЦК, считая нетерпимым создавшееся положение, единодушно признал необходимым созвать безотлагательно Пленум Центрального комитета партии и вынести этот вопрос на обсуждение и решение Пленума...

Эти слова Брежнева в стенограмму Пленума ЦК, разосланную на места, не включили. Если верить официальному документу, то Брежнев почти сразу передал слово секретарю ЦК М. А. Суслову, который зачитал заранее подготовленное обвинительное заключение по делу Хрущева.

Почему доклад доверили Суслову? Подгорный выступать отказался, Брежнев тоже не спешил вылезать на трибуну. Молодым давать такой политически важный доклад не хотели. Суслов, как официальный партийный идеолог, без претензий на первую роль оказался самой подходящей фигурой. Его привлекли к заговору в последнюю очередь. Когда с ним завели разговор о необходимости снять Хрущева, он занял осторожно-выжидательную позицию, хотя не мог не чувствовать, что Никита Сергеевич относится к нему пренебрежительно. Начетчик по натуре, Суслов искал прецедент в истории партии, но не находил: еще никогда руководителя Компартии подчиненные не свергали. Михаил Андреевич озабоченно говорил:

— А не вызовет ли это раскола в партии или даже гражданской войны? Но, оценив расстановку сил, быстро сориентировался.

— В смещении Хрущева Суслов никакой роли не сыграл, — уверенно говорил мне первый секретарь Московского горкома Н. Г. Егорычев. — Ему просто не доверяли.

Суслов и Егорычев вместе ездили в Париж на похороны генерального секретаря французской компартии Мориса Тореза, скончавшегося 11 июля 1964 года. Егорычева попросили во время поездки аккуратно прощупать Суслова: как он отнесется к смещению Хрущева? В Париже перед зданием советского посольства был садик. Они вдвоем вышли погулять. Чужих ушей нет, и, воспользовавшись случаем, Егорычев заговорил с Сусловым:

— Михаил Андреевич, вот Хрущев сказал, что надо разогнать Академию наук. Это что же, мнение Президиума ЦК? Но это же безумие! Хрущев это произнес, а все молчат, значит, можно сделать вывод, что таково общее мнение?

Тут стал накрапывать легкий дождичек, Суслов поспешно сказал:

— Товарищ Егорычев, дождь пошел, давайте вернемся.

Осторожный Суслов не рискнул беседовать на скользкую тему даже один на один.

А через несколько месяцев, сразу после окончания Октябрьского пленума ЦК, на котором Хрущева отправили на пенсию, Суслов посмотрел в зал, где сидели члены ЦК:

— Товарищ Егорычев есть?

Он плохо видел. Егорычев откликнулся:

— Я здесь!

Суслов довольно кивнул ему :

— Помните нашу беседу в Париже?

На Пленуме члены ЦК сориентировались стремительно. Когда выступал Суслов, в нужных местах дружно кричали: «Правильно». Еще недавно они так же поддакивали Хрущеву.

Суслов говорил о мании величия Хрущева, его самовольстве, о высокомерном отношении к товарищам, о том, что поездки первого секретаря носили парадный характер:

— При этом каждая поездка всегда сопровождалась огромными отчетами, публикуемыми и передаваемыми во всех органах печати, по радио и телевидению. В этих отчетах фиксировался буквально каждый чих и каждый поворот Хрущева. Эти отчеты, наверное, набили всем нашим людям оскомину...

Пройдет совсем немного времени, и Михаил Андреевич будет следить за тем, чтобы газеты и телевидение как можно подробнее и пышно освещали «исторические визиты товарища Леонида Ильича Брежнева».

Суслов перечислил «серьезные ошибки» Хрущева, особенно в сельском хозяйстве, поставил ему в вину постоянные реорганизации и перестройки, «поспешность и несерьезность» в международных делах. Михаил Андреевич зачитывал доклад около двух часов.

Закончил иезуитски:

— Признавая правильной критику в его адрес, товарищ Хрущев просил разрешить ему не выступать на Пленуме.

Единодушно освободили Хрущева от его высоких должностей. Кто-то предложил вывести его и из состава ЦК. Но это требовало тайного голосования, а рисковать не хотели: организаторов устроило бы только единодушное голосование, а его могло и не быть. Никита Сергеевич остался членом ЦК до очередного съезда партии. Ни один из членов ЦК КПСС не попросил слова. Никто не задал ни единого вопроса.

Постановили также «признать нецелесообразным в дальнейшем объединять в одном лице обязанности первого секретаря ЦК и председателя Совета министров».

Александр Твардовский записал в дневнике:

«Ни тогда, ни теперь никто ничего не спрашивал у народа, даже у партии. Все решается группой в десяток человек, а затем выносятся в круглый зал, происходит привычно-автоматическое голосование (“прения будем открывать?” — было спрошено и для проформы).

То, что устранение его проведено его же методом, «внутренним

оформлением», без обсуждения, без объяснения народу истинных причин, под стыдливым и натянутым “собственным желанием” — это не сулит ничего доброго...

Та же сила, что подняла его на вершину власти, та самая, с помощью которой он устранил даже такое на своем пути препятствие, как Молотов и другие, — она же теперь и стряхнула его с ветки истории — обкомы.

Помню, как на одном из первых его пленумов (по развенчанию Берии) плакал на трибуне один довольно слащавый украинский секретарь обкома: сколько он страху натерпелся в ожидании ареста. Плакал натуральными слезами. Вообще получилось, что “культ личности” — это прежде всего и главным образом тяжелые переживания секретарей обкомов и равных им или вышестоящих в ожидании ночного визита берианских молодцов.

С первых своих шагов Никита Сергеевич дал гарантии, что больше этого не будет, секретари могут спать спокойно. И когда в пятьдесят седьмом он позвал их в момент борьбы с “антипартийной группировкой”, они явились и отплатили ему верной службой.

Но когда, увлеченный “зудом реорганизации”, он дошел до амебного разделения обкомов и лишил их власти (“два, значит, ни одного”), лишил честолюбивых мечтаний о месте “первого”, они, хотя и проголосовали автоматически за это решение, но уже простить этого ему не могли — все бы другое простили — кукурузу и прочее, а этого нет.

И вот их призвали, чтобы проголосовать против него, и они это сделали со сладостью, вложив в автоматику традиционного голосования всю искренность своего волеизъявления — с репликами, аплодисментами, чуть ли не улюлюканьем против него, сидевшего молча на крайнем месте за столом президиума. Боже мой, сколько запоздалого раскаяния, горечи, гнева и возмущения было в его груди на этом последнем для него пленуме в круглом зале».

Доклад, прочитанный Суловым, историки считают «мягким». Существовал еще один, зубодробительный вариант, подготовленный зампредом Совмина СССР Д. С. Полянским. Ему в последние годы сильно доставалось от Хрущева, и злости накопилось много. Он рассчитывал, что ему дадут произнести главную речь. Но старшие товарищи такой возможности ему не предоставили. Дмитрий Степанович был молод^[33] и амбициозен. Зачем укреплять его позиции? Конечный вариант его 70-страничного доклада был отпечатан в четырех экземплярах. Один экземпляр он вернул в Общий отдел ЦК с просьбой приложить к материалам Октябрьского пленума. Остальные три Полянский собственноручно разорвал и отдал на уничтожение в 1-й сектор (подготовка

материалов к заседаниям Президиума) Общего отдела ЦК, где бумаги в установленном порядке сожгли.

А. Н. Шелепин вспоминал позднее, что после Октябрьского пленума члены Президиума ЦК собрались с ним попрощаться. Никита Сергеевич подходил к каждому, пожимал руку. Шелепину он сказал:

— Поверьте, что с вами они поступят еще хуже, чем со мной...

Александр Николаевич тогда, наверное, только усмехнулся.

Но опытный Никита Сергеевич не ошибся. Слова оказались пророческими.

Почему предпочли Брежнева?

Новый руководитель партии сам определил уровень жизни пенсионера Н. С. Хрущева. Сохранилась написанная рукой Леонида Ильича не слишком грамотная записка:

«1. Пенсия 5000 (500 р[ублей] по новому курсу)^[34].

2. Кремлевская столовая.

3. Поликлиника 4-го Гл[авного] упр[авления].

4. Дача — на Перового-Дальней (Истра).

5. Квартиру в городе подобрать.

6. Машину легковую».

Относительно машины проинструктировал помощников: «не новую».

В конце концов Никите Сергеевичу оставили его прежнюю зарплату, выделили ему государственную дачу в Семеновском (с прислугой), служебную «Волгу» с водителями (из КГБ). Попросили в город не приезжать, не показываться на публике, которая могла бы проявить интерес к свергнутому вождю.

Хрущев, ссылаясь на то, что у него большая семья, просил оставить ему дотацию для столовой лечебного питания в 100 рублей (как министрам). Оставили 70 — как чиновникам средней руки. Дело было не в деньгах, а в том, сколько именно продуктов можно получать в спецраспределителе: расплачивались не деньгами, а талонами, которые получали на месяц. Продукты, которые там выдавались, в обычных магазинах нельзя было купить ни за какие деньги.

Спустя много лет «Вечерняя Москва» опубликовала интервью с личной поварихой Хрущева. Она прекрасно помнила день, когда хозяина сняли:

— Мой муж, который работал в охране у Хрущева, пошел, как обычно, поутру на службу и тут же вернулся: «Что-то случилось! Только я приехал, как нас всех посадили в автобус и развезли по домам!» Я испугалась — быстрее в особняк! Дверь открывает незнакомый человек и говорит: «Вашего хозяина сняли». Председатель Комитета госбезопасности Семичастный ласково мне говорит: «Иди и спокойно работай, все это тебя не касается.» А как работать? Нины Петровны нет, она в Карловых Варах.

Нина Львовна Хрущева вспоминает:

«Бабушка отдыхала вместе с женой Брежнева в Карловых Варах. 14 октября они вместе пили чай в просторном холле партийного пансионата.

Виктория Петровна отлучилась куда-то на минуту, а к Нине Петровне подошел служащий и позвал к телефону. Звонил Михаил Зимянин, советский посол в Чехословакии.

Бабушка взяла трубку и услышала: Никита больше не у дел, его отстранили, стране больше не придется терпеть его идиотскую политику. Последовала мучительно неловкая пауза, и Зимянин понял, что ошибся, что он разговаривает не с товарищем Брежневой, а с товарищем Хрущевой. Но бабушка, нестигаемый коммунист, даже не вздрогнула. Это было решение партии, всегда говорила она, партии видней. Она молча повесила трубку».

А по всей стране избавлялись от портретов Хрущева. Его вычеркивали из истории страны, словно и не было такого руководителя Советского государства. В 2 часа ночи заместителю председателя Фрунзенского райисполкома Москвы Дмитрию Григорьевичу Квоку позвонил первый секретарь райкома и велел немедленно приехать.

— Что случилось?

— Не телефонный разговор. Сказано — выполняй.

Когда Квок приехал, секретарь райкома доверительно сказал:

— Только что закончился Пленум ЦК — Хрущева сняли. Понял?

— Понял.

— Тогда поехали по району.

— Район спит, никто ничего не знает. Что мы сейчас увидим?

— До тебя, видно, не доходит. Поехали!

Объехали весь район — тишина. Остановились возле метро «Фрунзенская» — на работу Хрущев ездил по проходившему здесь Комсомольскому проспекту. Рядом с метро возвышалась 25-метровая конструкция — с панно улыбался Никита Сергеевич, украшенный всеми своими наградами.

— Портрет надо немедленно снять, но чтобы об этом никто не знал, — распорядился секретарь райкома.

— Как же снять, чтобы никто не знал? Кран нужен, рабочие.

Секретарь райкома сообразил:

— Вызывай художника. Скажи, что портрет нужно подправить с связи с успешным полетом космического экипажа.

Дмитрий Квок вернулся в исполком около 4 часов утра и позвонил начальнику ремонтно-строительного управления М. П. Ткачуку, бывшему фронтовику. Когда тот, сонный, снял трубку, сказал ему:

— Мирон Петрович, нужно срочно прибыть в райисполком.

Тот, ничего не спрашивая, ответил :

— Слушаюсь.

Добирался он до райисполкома пешком.

За это время вновь позвонил первый секретарь райкома:

— Знаешь, я тут проконсультировался с горкомом. Рекомендовали до опубликования решения Пленума портрет не снимать. Все, о чем знаешь, держи пока в тайне.

Тут появился Ткачук в военной форме и отрапортовал:

— По вашему приказанию подполковник запаса Ткачук прибыл.

Что было делать?

Квок сказал правду:

— Понимаешь, Мирон, сегодня ночью освободили от должности Хрущева, и я тебя вызвал, чтобы организовать работу по замене его портрета у метро «Фрунзенская». Но пока ты шел, команду отменили.

— А я подумал, опять война, — с облегчением произнес Ткачук...

В тот октябрьский день в Ташкенте секретарь ЦК Компартии Узбекистана Рафик Нишанов заглянул к председателю Среднеазиатского бюро ЦК КПСС Владимиру Ломоносову — оно размещалось в левом крыле здания ЦК КПУз на улице Гоголя — и доверительно сказал:

— Вам звонили из ЦК? Никиту Сергеевича сняли.

Нишанов вспоминал:

«И тут я в первый раз увидел, как на моих глазах у человека стремительно выросла щетина. Вернее, был полный эффект того, что волосы мигом выросли. Предполагаю, что у Ломоносова от мощного выброса адреналина просто щетинки на лице поднялись. Есть же выражение: волосы дыбом встали. Вероятно, это тот самый случай. Я обомлел.

Ломоносов обнаружил завидную быстроту реакции и даже хладнокровие в стрессовой ситуации.

Вызвал помощника:

— У меня в “Коммунисте” лежит статья. Немедленно ее отзови.

В этой статье Владимир Григорьевич рассказывал о работе Среднеазбюро, по ходу отмечая заслуги Хрущева».

А в Москве в редакции главного теоретического органа партии журнала «Коммунист» главный редактор Василий Павлович Степанов коротко сообщил коллективу, что Пленум ЦК освободил от должности Хрущева «по состоянию здоровья и его просьбе». Видный партийный работник (и будущий помощник Горбачева) Георгий Лукич Смирнов вспоминал: коллеги молчали. Только один из журналистов восторженно приветствовал решение Пленума ЦК и принялся критиковать хрущевское решение о разделении партии на промышленную и сельскую.

— Не надо спешить, — несколько удивленно сказал ему Степанов. — Особенно вам. Присутствующие помнят, как именно вы настояли на публикации своей статьи, восхваляющей опыт организации сельской партии. Другие члены редколлегии возражали.

Отсутствие энтузиазма по случаю перемен в стране стоило главному редактору «Коммуниста» его кресла.

Секретарь Новомосковского горкома партии (Тульская область) Дмитрий Иванович Кондрашов в тот день находился в кабинете хозяина города: «14 октября 1964 года в кабинете первого секретаря горкома С. С. Арбузова раздался необычный звонок. Всем секретарям горкома не разрешалось до особого указания покидать рабочие места. Партийные комитеты соседних городов и районов получили аналогичные указания. На душе было беспокойно, ждали каких-то важных новостей. Наконец поздно вечером прозвучал новый звонок. Звонили из областного комитета партии. Оказывается, все это время в Москве работал пленум Центрального комитета...

Я, не спрашивая разрешения, тут же вскочил на стул и снял со стены кабинета большой портрет Хрущева. Сергей Сергеевич улыбнулся, вызвал заведующего Общим отделом и попросил убрать портрет куда подальше».

После того как Хрущев лишился своих должностей, Брежнев, председательствовавший на Пленуме ЦК КПСС, поставил вопрос об избрании первого секретаря.

Как свидетельствует стенограмма, в зале сразу же раздались голоса:

— Предлагаем избрать первым секретарем ЦК нашей партии товарища Брежнева!

Остальные зааплодировали.

В председательское кресло пересел Н. В. Подгорный, чтобы провести голосование:

— Внесено предложение избрать первым секретарем ЦК товарища Брежнева. Других предложений нет? Нет. Будем голосовать. Кто за то, чтобы избрать товарища Брежнева первым секретарем ЦК нашей партии? Членов ЦК прошу поднять руки. Прошу опустить; кто против, воздержался? Предложение принято единогласно.

В зале опять стали аплодировать.

Решающий голос имели только члены Центрального комитета. Но Подгорный решил показать полное единодушие всего партийного руководства.

— Давайте, товарищи, — предложил он, — проголосуем вместе с кандидатами и членами ревизионной комиссии. Кто за то, чтобы избрать

товарища Брежнева первым секретарем ЦК КПСС, прошу поднять руки. Прошу опустить. Кто против? Кто воздержался? Товарищ Брежнев избран единогласно.

Новые аплодисменты. Все встали.

Леонид Ильич был избран не только первым секретарем ЦК КПСС, но и председателем Бюро ЦК по РСФСР (через полтора года, на ближайшем партийном съезде, созданное Хрущевым бюро упразднили).

Счастливый Брежнев вернулся на председательское место. Он сказал несколько положенных в таких случаях слов, которые в стенограмме облагородили и довели до совершенства:

— Я благодарю членов ЦК и кандидатов в члены ЦК, членов ревизионной комиссии, всех вас, товарищи, за высокое доверие, которое вы мне оказали. Я понимаю всю тяжесть и ответственность порученного мне сегодня дела и постараюсь отдать все свои силы, опыт и знания для того, чтобы — безусловно при вашей поддержке — оправдать то высокое доверие и честь, которые вы мне оказали.

И он вновь услышал аплодисменты, которые отныне станут сопровождать каждое его появление на публике .

В перестроечные годы историки и политики задались вопросом: а могли быть в октябре 1964 года другие кандидатуры, помимо Брежнева?

В тогдашнем руководстве можно было найти более молодых, образованных и динамичных политиков, но реально выбор ограничивался членами Президиума ЦК. Остальные более-менее влиятельные партийцы пусть и высокого, но несколько меньшего ранга, не могли рассматриваться как реальные кандидаты.

В октябре 1964 года в Президиум ЦК входили (помимо Хрущева): секретари ЦК Л. И. Брежнев, Ф. Р. Козлов, Н. В. Подгорный, М. А. Суслов, председатель Совета министров РСФСР Г. И. Воронов, первый заместитель председателя Бюро ЦК по РСФСР А. П. Кириленко, первый заместитель Совета министров СССР А. Н. Косыгин и Д. С. Полянский, председатель Президиума Верховного совета СССР А. И. Микоян, председатель Парткомиссии ЦК (внутрипартийная инквизиция) Н. М. Шверник.

Козлов, еще недавно второй человек в партии, был тяжело болен и работать физически не мог. Кандидатуры Микояна и Шверника не рассматривались ввиду преклонного возраста, Полянский, напротив, был слишком молод. Кириленко никогда не котировался так высоко, чтобы претендовать на первые роли.

Кого же тогда могли предложить в первые секретари? Подгорного? Суслова? Косыгина?

Николай Викторович Подгорный с Брежневым были в тот момент на равных: оба секретари ЦК с широкими полномочиями, в отсутствие хозяина по очереди председательствовали на заседаниях Президиума и Секретариата. В. В. Гришин и П. Е. Шелест утверждали потом, что, когда решали, кому быть первым секретарем ЦК, Брежнев предложил кандидатуру Подгорного, но тот отказался:

— Нет, Леня, берись ты за эту работу.

Если этот эпизод и имел место, то он носил явно ритуальный характер. Леонид Ильич продемонстрировал партийную скромность, понимая, что Николай Викторович сам откажется.

За плечами у Подгорного было руководство крупнейшей в стране партийной организацией — Компартией Украины. Он явно жаждал власти и рассчитывал на первые роли. Но у него маловат был опыт работы на всесоюзном уровне. В 1964 году его все еще воспринимали как провинциального, украинского партфункционера. Он очевидно уступал Леониду Ильичу, давно занимавшему высокие посты в столице.

Михаил Андреевич Суслов был, разумеется, известен партаппарату всей страны. К нему уже тогда относились с почтением и даже с некоторой опаской. Но он с послевоенных времен шел исключительно по идеологической линии. А «идеологи» первыми секретарями никогда не избираются. Считалось, что первому лицу нужен опыт руководства промышленностью или сельским хозяйством.

Такой опыт, конечно же, был у Алексея Николаевича Косыгина.

Но ему мешало другое — за всю свою жизнь он всего лишь несколько месяцев находился на освобожденной партийной работе, в 1938 году, когда молодого директора фабрики «Октябрьская» поставили руководить промышленно-транспортным отделом Ленинградского обкома партии. Но в том же 1938-м Косыгина утвердили председателем Ленгорисполкома, на следующем перевели в Москву наркомом текстильной промышленности СССР. С той поры он работал исключительно в системе правительства СССР. Первые секретари обкомов, составлявшие большинство ЦК КПСС, считали, что во главе партии должен стоять такой же, как они, профессиональный партработник. Косыгину многие симпатизировали, но видели его максимум в кресле главы правительства.

Конечно, все эти формальные соображения могли быть забыты, если бы кто-то из вероятных кандидатов имел поддержку большинства членов Президиума ЦК. Но такой сплоченной группы там не было. Таким образом, из всего наличного состава именно Леонид Ильич Брежнев представлялся самым очевидным кандидатом на роль первого секретаря ЦК. У него за

спиной была богатая биография: фронтовик, генерал-майор, первый секретарь нескольких обкомов, а также ЦК республиканских Компартий в Молдавии и Казахстане, председатель Президиума Верховного совета СССР (то есть формально первое лицо СССР), секретарь ЦК, занимавшийся космосом, тяжелой и военной промышленностью...

Да и по человеческим качествам Брежнев подходил на роль лидера больше других. Это не вечно хмурый Косыгин, не тонкогубый Сулов с лицом инквизитора, не грубоватый Подгорный, а улыбчивый и доброжелательный, располагающий к себе Леонид Ильич. Импозантный и артистичный, он умел правильно вести себя, точно чувствовал, как следует говорить с тем или иным человеком, сразу становился центром большой компании, словом, производил очень благоприятное впечатление.

Так что в октябре 1964 года за Брежнева голосовали с легким сердцем. Его избрание вызвало в стране одобрение. Получив газеты, советские люди не без удовольствия всматривались в еще молодое и приятное лицо. Старое-то партийное руководство за небольшим исключением представляло собой малосимпатичную компанию.

Борис Леонидович Пастернак писал тогда:

И каждый день приносит тупо,
Так что и вправду невтерпеж,
Фотографические группы
Сплошных свиноподобных рож.

Люди были довольны отставкой Хрущева, который последние годы вызывал все больше насмешек. Все жаждали покоя, порядка, стабильности и улучшения жизни. Впрочем, в среде интеллигенции (и не только либеральной) об уходе Хрущева сожалели: с Никитой Сергеевичем были связаны благотворные перемены в жизни общества.

Другое дело, что потом, когда начался застой и Брежнев стал вызывать только раздражение, возник вопрос: да почему же нам так не повезло и во главе государства оказался именно такой человек?

Так ведь выбор в принципе был неширок. Хозяином страны мог стать только кто-то из действующей обоймы высших руководителей. Все это были люди, которые добрались до высших должностей не потому, что страна оценила их таланты, а потому что они прищлись по душе

предыдущему поколению руководителей.

После Октября 1917 года происходила специфическая кадровая селекция, результаты которой всего заметнее на примере тех, кто управлял страной. Это не значит, что представители высшего руководства страны не имели никаких достоинств. Совсем нет. Даже скорее наоборот. Но это не было главным: они выбились наверх, потому что знали, как обойти соперников и конкурентов. Даже те, кто от природы был наделен лидерскими качествами, кто обладал знаниями и широким кругозором, были искалечены той борьбой за власть, через которую им всем пришлось пройти...

На следующий день после Октябрьского пленума прошло совещание первых секретарей ЦК национальных республик, крайкомов и обкомов. Им поручили у себя дома собрать актив и рассказать о причинах кадровых перемен в Москве.

Девятнадцатого октября Брежнев по заведенной Хрущевым традиции устроил торжественную встречу троице космонавтам, совершившим полет на корабле «Восход». Все было, как и прежде. Только впервые с рапортом экипаж обращался не к Никите Сергеевичу, а к Леониду Ильичу.

По дороге с космодрома в Москву космонавты, шутя, напутствовали командира корабля Владимира Комарова, которому предстояло рапортовать Брежневу:

— Володя, докладывать нужно так: «Готовы выполнить любое задание любого нового правительства».

Во время праздничного приема 7 ноября министр обороны СССР маршал Р. Я. Малиновский произнес антиамериканский тост. К нему подошел Чжоу Эньлай, глава Госсовета КНР, который приехал посмотреть, что происходит в Москве после смены руководства, и поздравил с хорошим выступлением. Маршал, возможно, несколько возбужденный горячительными напитками, с солдатской прямоотой сказал товарищу Чжоу:

— Мы не должны позволять никакому черту замутить наши отношения. Советский и китайский народы хотят счастья, и пусть никакие Мао и Хрущевы нам не мешают.

— Не понимаю, о чем вы говорите, — возмутился Чжоу.

Малиновский не мог остановиться:

— Мы от своего дурачка — Хрущева — избавились. Теперь вы свергайте своего Мао. После этого у нас вновь начнется дружба.

Чжоу предпочел отойти в сторону. Тогда Малиновский повернулся к члену китайской делегации маршалу Хэ Луну. Похвалил его красивую форму. Хэ Лун ответил, что ему больше по душе френч. Малиновский

согласился, что телогрейка лучше. Показал на свой парадный мундир:

— Эту форму на нас насобачил Сталин, а вашу форму на вас насобачил Мао.

Разразился скандал. Чжоу Эньлай ночью отправил Мао Цзэдуну телеграмму о происшедшем. Утром в резиденцию китайской делегации приехал Брежнев с членами Президиума ЦК извиняться за министра обороны. Но китайцы обратили внимание на то, что маршал не был наказан. Чжоу поклялся, что он больше никогда не приедет в Москву. И до смерти Мао вообще никто из руководителей Китая в СССР не приезжал.

Но фраза Малиновского о «дурачке» прежде всего многое говорит о нем самом. Как минимум, Хрущев мог бы рассчитывать на элементарную благодарность со стороны того, кого спас...

Судьба ближнего круга

Никита Сергеевич еще формально оставался главой партии и правительства, а уже 14 октября сменили руководителей основных средств массовой информации, которые входили в неофициальную «пресс-группу Хрущева» — главного редактора «Известий» Алексея Ивановича Аджубея, главного редактора «Правды» Павла Алексеевича Сатюкова и руководителя Госкомитета Совета министров СССР по радиовещанию и телевидению Михаила Аверкиевича Харламова.

Около полуночи 13 октября заместителя заведующего Отделом по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран ЦК КПСС Николая Месяцева вызвали в приемную Брежнева. Николай Николаевич оделся и из 3-го подъезда здания ЦК на Старой площади по улице перешел в 1-й. Л. И. Брежнев сидел в торце длинного стола для заседаний, сбоку — А. Н. Косыгин, напротив — Н. В. Подгорный. Рядом с ним расположился П. Н. Демичев. Вслед за Месяцевым вошел Л. Ф. Ильичев.

Брежнев спросил:

— Кто поедет на радио представлять Николая Николаевича на коллегии комитета?

Подгорный предложил:

— Ильичев. Это его епархия. Его хорошо знают.

Леонида Федоровича, как ответственного за средства массовой информации, интересовал практический вопрос:

— Хрущев может присутствовать в радиотелевизионных программах или убрать его из эфира совсем?

— Убрать совсем, — откликнулся Демичев.

— Да, так будет правильно, — согласился Брежнев.

Леонид Ильич напутствовал Месяцева:

— Коля, желаем тебе успеха. На днях встретимся. В случае чего звони.

В ту ночь, вспоминал Месяцев, они с Ильичевым долго плутали по Замоскворечью. Водитель никак не мог найти здание радиокомитета. Когда все-таки добрались, Ильичев распорядился вызвать из дома членов коллегии. К двум часам ночи собрались. Ильичев коротко сообщил, что Месяцев назначен новым председателем Госкомитета СССР по радиовещанию и телевидению, а Харламов будет переведен на другую работу. Секретарь ЦК доверительно объяснил руководству комитета, что

Хрущев совершил крупные ошибки и его судьбу решит Пленум ЦК.

Предшественник Месяцева — Михаил Харламов — находился в зарубежной командировке и не подозревал о том, что происходит в Москве. В начале 1950-х он работал в «Правде», после смерти Сталина заведовал Отделом печати МИД. В декабре 1962 года его поставили руководить телевидением и радио. Харламова убрали, потому что он был тесно связан с хрущевским окружением. Один из его подчиненных описывал характерную сцену. В кабинете председателя комитета идет совещание. Вдруг Харламов снимает номер вертушки и звонит Аджубею:

— Алеша, завтра суббота, и вы с Радой у нас. Нет, в прошлую субботу мы были у вас. Теперь наша очередь. Ждем.

И это — нарочито в присутствии подчиненных. Желание показать свою близость к семье Хрущева дорого обошлось Харламову. Его пристроили всего лишь заместителем главного редактора в Издательство политической литературы — большое понижение для человека, только что занимавшего министерскую должность.

Месяцев осведомился у членов коллегии: может быть, кто-то по принципиальным соображениям возражает против смещения Хрущева? Среди руководителей радио и телевидения сторонников Никиты Сергеевича не оказалось. Месяцев всех распустил по домам, кроме своих заместителей, которых попросил лично просмотреть все программы будущего дня, чтобы в них не упоминался Хрущев.

«Ночью, — вспоминала Валентина Хмельницкая, редактор отдела выпуска Главной редакции информации, — проходя мимо приемной председателя комитета, вижу, что на стене справа от двери, где висела табличка с фамилией Харламова, пустое место. Ну, думаю, хозяйственники решили подновить ее, воспользовавшись командировкой председателя.

Приступаю к очередному выпуску новостей. Но телефонный звонок прерывает мою работу: незнакомый мужской голос просит меня с готовым выпуском новостей для “Маяка” зайти в приемную председателя. Как? Ведь он же за границей?

Впервые за годы работы захожу в полуосвещенную приемную. Чуть левее — кабинет. Мне кажется, в нем холодно и неуютно. Мне навстречу из-за стола спешит, улыбаясь, среднего роста худощавый мужчина:

— Здравствуйте! Я — Николай Николаевич Месяцев. Садитесь. Покажите мне выпуск “Маяка”, который подготовлен для эфира.

Берет текст и с первой же страницы что-то решительно вычеркивает, именно вычеркивает, а не правит. Через пару минут возвращает мне материалы:

— С этого часа каждый информационный выпуск, прежде чем отнести его в студию, приносите мне на визу. И внимательно посмотрите мою правку.

Выйдя из кабинета, я тут же открываю выпуск и вижу — на первой странице официальной хроники вычеркнут Хрущев. Вместо этого написано: “Сегодня в Кремле состоялась встреча...”

Дни, пока решалась судьба руководства, Месяцев безвылазно сидел в телерадиокомитете, даже домой не ездил. “Конечно, я понимал, что для меня означало сохранение Хрущева на его высоких постах, — вспоминал Месяцев. — Тюрьма. И не только.”».

Замы доложили новому руководителю радио и телевидения, что вычеркивание Хрущева завершено. Заместитель председателя комитета по внутрисоюзному вещанию Алексей Архипович Рапохин, тоже бывший секретарь ЦК ВЛКСМ, провел Месяцева по коридорам 4-го этажа. Заглянули в службу радиоперехвата, поинтересовались, что передают мировые информационные агентства. Иностранное радио еще не подозревало об отставке Хрущева.

В течение всего дня 14 октября никто руководителю радио и телевидения не позвонил. Он пытался узнать, что происходит на Старой площади, но в руководящих кабинетах никого не обнаружил. Вторую ночь тоже провел на рабочем месте. Только утром позвонили из ЦК и сказали, что посылают официальный указ о назначении Месяцева председателем Госкомитета по радиовещанию и телевидению.

В 7 вечера его принял Брежнев.

В кабинете нового первого секретаря ЦК КПСС было многолюдно. Все говорили свободно и раскованно. Брежнев держался дружелюбно, просил не стесняться и в случае необходимости звонить ему. Месяцева на ближайшем съезде партии избрали кандидатом в члены ЦК, сделали депутатом Верховного совета.

Сместили и главного редактора «Правды» Павла Сатюкова. Он же был и первым председателем созданного в 1959 году Союза журналистов

СССР. Пока искали нового редактора главной партийной газеты, несколько номеров, тряхнув стариной, выпустил сам секретарь ЦК Л. Ф. Ильичев, который редактировал эту газету еще при Сталине.

Ясное дело, сменили главного редактора «Известий».

После пленума Шелепин завел в свой кабинет уже снятого с должности хрущевского зятя Аджубея. Они с давних пор были на «ты». Заказал чаю с сушками, которые выпекали специально по заказу Управления делами ЦК. Посоветовал ошеломленному происходящим

Алексею Ивановичу:

— Не уехать ли тебе года на два из Москвы? Полезут ведь иностранцы с интервью. А потом мы тебя вернем.

Аджубей благоразумно отказался.

— Ушел бы Хрущев в 70 лет на пенсию, — вздохнул Шелепин, — мы бы ему золотой памятник поставили.

Наверное, ему было неудобно перед Аджубеем: Алексей Иванович неизменно нахваливал Шелепина тестю. Для самого Аджубея все происшедшее было тяжким ударом. Он дружил с Шелепиным и не мог предположить, что тот примет деятельное участие в свержении Хрущева и что его самого выбросят со всех должностей.

Незадолго до Октябрьского пленума, выпив несколько рюмок, Аджубей недоуменно бросил правдисту Илье Шатуновскому:

— Вот некоторые полагают, что как только Хрущев сойдет со сцены, мне крышка. А почему? Кто-то захочет отыграться на мне за Хрущева? Но за что?

Ему и объяснять не стали. После Пленума ЦК Аджубей вернулся в «Известия» прощаться с редакцией. Он в последний раз сидел в редакторском кресле. «Конечно, прощаться пришли не все, — вспоминал Мэлор Стуруа, который всю жизнь проработал в «Известиях». — Одних заморозил страх, другие ходили в обиженных, третьим были не по нутру ни Аджубей, ни Хрущев со своими новациями». Бывшего главного редактора проводили до дома два человека, другие не решились.

На следующий день после снятия Хрущева в «Известиях» появился новый редактор — Владимир Ильич Степаков. У него была богатая биография. В последний сталинский год успел послужить в Министерстве госбезопасности, поработать в Московском горкоме партии, перед «Известиями» руководил Идеологическим отделом ЦК по сельскому хозяйству РСФСР. В редакции он держался настороженно.

Собрал партийный актив и огорошил:

— В агитпропе меня предупредили, что посылают в буржуазную газету. Это верно?

Через месяц, на Ноябрьском пленуме ЦК, окончательно решилась судьба хрущевского зятя. Алексей Аджубей не пошел на пленум, полагая, что ему лучше там не появляться — не мозолить глаза.

И ошибся, потому что он понадобился.

Председательствовавший Брежнев зачитал решение Президиума ЦК: вывести Аджубея из состава ЦК КПСС. Но Алексея Ивановича не оказалось в зале. Заочно решать судьбу члена высшего партийного органа

не полагалось. Работников Общего отдела ЦК, ведавших подготовкой Пленума ЦК, отрядили его искать. Нашли.

Брежнев сказал:

— Теперь, товарищи, о дальнейшем порядке нашей работы. Перед тем как перейти к международным делам, давайте вернемся к вопросу о товарище Аджубее. В момент, когда я докладывал Пленуму предложение Президиума ЦК КПСС, товарища Аджубея не было. Сейчас товарищ Аджубей присутствует. Товарищ Аджубей присутствует?

Алексей Иванович откликнулся из зала:

— Да, я здесь.

Брежнев кивнул:

— Я повторю, что Президиум ЦК рассмотрел вопрос о товарище Аджубее и принял решение внести на обсуждение пленума вопрос о выводе товарища Аджубея из состава членов Центрального комитета за допущенные им ошибки в работе и поведении. Уже говорили, что в соответствии с уставом этот вопрос должен быть решен путем тайного голосования. Я хочу спросить товарища Аджубея, имеет ли он что в виду сказать или нет?

— Два слова могу сказать.

— Пожалуйста, товарищ Аджубей. — Леонид Ильич демонстрировал партийный демократизм.

Но ни жестом, ни словом не показал, что еще недавно они с Аджубеем были на «ты». Леонид Ильич дорожил хорошими отношениями с хрущевским зятем.

Алексей Иванович пытался найти какие-то слова в свою защиту:

— Во-первых, я хотел бы сказать товарищам, что я не присутствовал на первой части Пленума потому, что поздно меня предупредили, а не из неуважения к собравшимся. Хотел бы также сказать о том, товарищи, что я прошел обычный журналистский путь. Десять лет работал в «Комсомольской правде», воспитывался без отца, с матерью, кончал университет заочно, был практикантом, репортером, завотделом, редактором, главным редактором, а в 1959 году, когда был назначен в «Известия», постарался сделать так, как я мог, вместе с товарищами, чтобы была интересная газета. Естественно, что в деятельности газеты, наверное, были недостатки, промахи и даже ошибки. Я только хотел сказать членам Центрального комитета партии, Президиума ЦК, это знают товарищи, что никогда в деле не использовал свое положение или родственные отношения. Я никогда не огрызался на критические замечания, мне никогда не приходило этого в голову... Когда я женился, Хрущев был не в таком

зените, он был председателем Совета министров Украины. Я 15 лет прожил со своей женой, люблю ее, у меня трое детей, и реплика насчет того: «Не имей сто друзей, а женись, как Аджубей», — неправильная...

Его слова не имели никакого значения. Как положено, избрали счетную комиссию, проголосовали, и Аджубей, уже оставшийся без работы, перестал быть членом ЦК. 17 ноября все газеты, поместив краткое информационное сообщение о Пленуме ЦК, не преминули упомянуть о выводе Аджубея из состава ЦК.

Потом Алексей Иванович сожалел, что неубедительно говорил на Пленуме ЦК, сосредоточился на семье, а надо было напомнить об успехах газеты, о том, что почти втрое увеличился тираж... Да какие бы слова он ни нашел, судьба его была решена! Алексей Иванович был не просто зятем Хрущева. Самостоятельная фигура, он вызывал ненависть и раздражение партийного чиновничества. М. А. Суслов, говоря на Пленуме ЦК об Аджубее, назвал его «политически незрелым человеком»:

— Президиуму пришлось принимать меры, чтобы обезвредить развязную и безответственную болтовню этого гастролера. Президиум Центрального комитета освободил Аджубея от работы редактора газеты «Известия».

В зале заплодировали и закричали:

— Правильно!

В докладе, подготовленном Д. С. Полянским для Октябрьского пленума ЦК, говорилось еще жестче:

«Хрущев все чаще поручает ответственные переговоры не руководителям партии и государства, не министру иностранных дел, а своему зятю. Политика становится, так сказать, семейным делом, и Аджубей теперь его особо доверенный человек. Товарищ Хрущев ежедневно, порой неоднократно ссылается на него: Аджубей сказал то-то, посоветовал то-то.

Он стал исполнителем многих его затей во внутренней и внешней политике, в расстановке кадров. Хотя надо прямо сказать — это совершенно неподготовленный для таких целей человек и к тому же болтливый, опасный человек, с авантюристическими замашками. Недавно по поручению товарища Хрущева Аджубей ездил в ФРГ. В беседах с западными журналистами Аджубей вел себя безответственно, делал заявления, которые дали повод западной прессе изображать дело таким образом, будто Советский Союз в интересах улучшения отношений с ФРГ готов пойти на уступки милитаристам за счет Германской Демократической Республики и Народной Польши.»

История с командировкой главного редактора «Известий» в Западную Германию в июле 1964 года и в самом деле вышла громкая. Аджубей поехал в ФРГ по приглашению коллег-журналистов, но встречался с видными политиками — тогдашним правящим бургомистром Западного Берлина Вилли Брандтом (будущим канцлером ФРГ), председателем Христианско-социального союза (ХСС) и бывшим министром обороны Францем Йозефом Штраусом и федеральным канцлером Людвигом Эрхардом.

Алексей Иванович в силу своего особого положения и внутренней самостоятельности (и, пожалуй, самоуверенности) за границей говорил и рассуждал свободнее, чем любой советский чиновник самого высокого ранга.

«Во время летней поездки в ФРГ, — записывал в дневнике Владимир Семенов, который в Министерстве иностранных дел курировал немецкие дела, — Аджубей, оказывается, многожды повторял, что Ульбрихт не вечен, что он стар и у него будто бы рак, намекал, что Россия не раз сдерживает орды монголов, катившиеся на Европу...

Вспоминаю, как Аджубей говорил мне перед поездкой в ФРГ:

— Я к вам заеду, конечно, и к Громыко. Вы же знаете эти дела. А в общем я найду, что сказать.

И не приехал, конечно».

А в Восточной Германии ревниво следили за всеми советскими руководителями, приезжавшими в ФРГ. Всякое неосторожное слово трактовалось как предательство идей социализма. В прежней ситуации полученный из ГДР донос на Аджубея списали бы в архив, но в октябре 1964 года он стал желанным поводом для увольнения хрущевского зятя. Вскоре после Пленума ЦК, в первых числах ноября, руководители Восточной Германии нагрянули в Москву — знакомиться с новым руководством.

«Вчера встречал делегацию ГДР, — пометил в дневнике Владимир Семенов. — Ульбрихт весь седой, но бодрый, в приподнятом настроении и настроен как-то зло. Тут, конечно, сказались хулиганские выходки против него Аджубея. Мы получили материалы об этом от Ульбрихта — подобных безобразий не приходилось еще читать».

Первый секретарь ЦК СЕПГ Вальтер Ульбрихт, убежденный в своей величии, с 1950 года единолично правил ГДР. Он не доверял московским руководителям. Боялся, что те в любой момент могут бросить Восточную Германию на произвол судьбы, потому срывал любые контакты СССР с Западной Германией. Неосторожные слова Аджубея стали для Ульбрихта

желанным поводом лишний раз выдавить из Москвы уверения в готовности помогать ГДР. И, разумеется, щедрую материальную помощь.

Алексей Иванович почему-то наивно думал, что его высокое положение объясняется исключительно его собственными талантами, а не должностью его тестя. Он действительно был очень хорошим редактором, но этого было явно недостаточно для того, чтобы возглавить «Известия» и стать членом ЦК. Он вел себя на равных даже с членами Президиума ЦК, с некоторыми из них перешел на «ты». Обращался к Брежневу или Шелепину запросто — Лёня, Саша. Никто другой себе такого не позволял.

Известинец Леонид Иосифович Шинкарев вспоминал, как к Аджубею подошел член ЦК и первый секретарь Иркутского обкома Семен Николаевич Щетинин. Выразил недовольство публикацией в газете о делах в области. Наставительно, как привык разговаривать с журналистами, заметил:

— Обком не станет возражать, если редакция переведет собкора в другую область!

Аджубей побагровел:

— Мы доверяем нашему корреспонденту! Собкоры «Известий» — это те же партийные работники, но еще умеющие писать. Ваше отношение к критике, товарищ Щетинин, настораживает. Советую подумать над этим!

Иркутский хозяин не посмел противоречить хрущевскому зятю, но и Щетинин, и другие первые секретари не простили Аджубею того, что, поверив в свою звезду, он не считался с партаппаратом. Первый секретарь ЦК Компартии Украины Петр Шелест у себя в Киеве жаловался своим соратникам на Аджубея:

— Товарищи, газета «Известия» — это же семейная газета Хрущева! [Аплодисменты.] Кадры избивает. Знаете, что «Известия» может по любому секретарю обкома, любому, понимаете, руководителю, заслуженному у нас, может какую гадость... [С места: «Правильно!». Аплодисменты.] Вот недавно было, товарищи. Всем известен Петр Кривонос. Он, как все мы, имеет и недостатки, и положительные качества. Нету человека, который бы идеально кристально чистым был, такого бы человека мы взяли под колпак и ходили на экскурсию смотреть. Так вот написали о Кривоносе «Свадьба с премией». Фельетон. Это же опозорили человека, коммуниста, члена ЦК нашего, депутата Верховного совета — за что? Я звонил Аджубею: Алексей Иванович, здравствуйте. Он: ну, разве это вопрос первого секретаря ЦК. Он мне дает направление, какими вопросами мне заниматься. Речь идет о коммунисте, о члене Центрального комитета нашей партии, Украины, мне справку о Кривоносе подготовили. Он: ну,

хорошо, спасибо за разъяснение, и положил трубку. Ну вот, мы ему дали разъяснение, сняли его с редактора газеты [Аплодисменты.]...

Больше никого из хрущевского окружения не тронули. Все остались при своих партийных регалиях, членство в Ревизионной комиссии КПСС сохранили за бывшим главным редактором «Правды» Павлом Сатюковвым. Твардовский, который присутствовал на Пленуме ЦК, записал в дневнике: «Сатюков был как маслом облитый, ликовав: меня, мол, снять-то сняли, но не вывели».

Бывшего главного редактора «Правды» отправили в журнал «Партийная жизнь» ответственным секретарем. Потом председатель Гостелерадио С. Г. Лапин взял его к себе руководителем Главной редакции научно-популярных и учебных программ.

А вот А. И. Аджубей в 40 лет остался без работы. Месяц сидел дома, ожидая решения своей судьбы. Его согласился взять главный редактор журнала «Советский Союз» поэт Николай Грибачев. Тот самый «автоматчик партии»: подобное положение позволяло ему в кадровых делах держаться самостоятельно. Но место — незавидное. Журнал был рекламно-экспортным, тексты требовались соответствующие. Здесь Аджубей прозябал до самой перестройки. Ему запретили печататься под своей фамилией, пришлось обзавестись псевдонимом.

Его вызвали в ЦК и настойчиво рекомендовали: надо бы вам вместе с женой перебраться в Благовещенск, работой обеспечим. Рада Никитична написала письмо дочери Брежнева — Галине Леонидовне. Письмо возымело действие. Аджубей пригласил заведующий Общим отделом ЦК К. У. Черненко, успокоил: все утрясется.

Расправились с помощником Хрущева по идеологии и культуре В. С. Лебедевым, который вел себя слишком самостоятельно. Его убрали из аппарата ЦК, где он проработал 20 лет.

Зато не тронули помощника по международным делам О. А. Трояновского. Олег Александрович как бы по наследству перешел к новому главе правительства А. Н. Косыгину, который заинтересовался внешней политикой. Потомственный дипломат, Трояновский помимо иных талантов обладал редким даром нравиться начальству. Его ждала завидная посольская карьера.

Милостиво отнеслись к старшему помощнику Хрущева Г. Т. Шуйскому, которого Никита Сергеевич особо выделял и именовал «боярином». Они работали вместе с 1950 года. Тем не менее Григория Трофимовича не выставили из аппарата, а перевели консультантом в Отдел пропаганды и агитации ЦК, где он трудился до 1976 года, когда его по

возрасту отправили на пенсию. Конечно, за ним присматривали, его разговоры прослушивались. Но, в отличие от Лебедева, Шуйский сохранил высоко ценимые атрибуты принадлежности к высшему чиновничеству, позволявшие вести комфортную жизнь.

Сын Хрущева Сергей полагал, что это была благодарность нового руководства за то, что Шуйский не предупредил Никиту Сергеевича о готовящемся заговоре. Вполне возможно. В последние недели перед Октябрьским пленумом, когда подготовка к свержению Хрущева развернулась полным ходом, аппарат ЦК превратился в штаб заговора. Диктовались и перепечатывались необходимые бумаги, в работу вовлекли большой круг людей. Неужели все это прошло мимо личных помощников Хрущева? Скорее, увидев, чья берет, они поспешили присоединиться к победителям.

ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ. ЖИЗНЬ НА ПЕНСИИ

Как жили те люди, чьи портреты трудящиеся по праздникам носили на Красной площади?

Членов и кандидатов в члены Президиума и секретарей ЦК КПСС охраняли. Каждому полагалась просторная квартира — величайшая ценность по тем временам, персональная машина со сменными водителями, спецполиклиника и больница на улице Грановского, а также собственный врач. Государственная дача — с баней, теплицей, катером; разумеется, с прислугой, оплачиваемой за казенный счет...

К их услугам были правительственные резиденции по всей стране и заграничный отдых. Одни предпочитали поправлять здоровье в Карловых Варах в Чехословакии или на озере Балатон в Венгрии, другие загорали на морских курортах болгарского Солнечного Берега, отдыхали в Крыму, Сочи или Абхазии. В отпуск или в командировку летали не рейсовым, а спецсамолетом. Ни за дачу, ни за отдых в резиденции платить было не надо. 9-е управление КГБ брало на себя не только заботу о безопасности, но и решение любых бытовых проблем.

Вождам не надо было ездить в продовольственный магазин для начальства на улице Грановского. Они заказывали продукты на спецбазе на определенную сумму, но эти цифры в рублях ничего не говорят, потому что цены на спецбазе были мифически ничтожные. Деньги никого не интересовали: покупать, собственно, было нечего, всё или выдавали бесплатно, или платить приходилось сущие пустяки.

Сектор общественного питания Хозяйственного отдела Управления делами ЦК КПСС выдавал помощникам секретарей ЦК «буфетную продукцию» (чай, сушки, кофе, молоко, печенье, бутерброды) и оплачивал из партийного бюджета питание секретарей ЦК. На рабочем месте завтракали, обедали и ужинали бесплатно, и с собой им завертывали все, что душа пожелает.

Никита Сергеевич завел ежедневные совместные обеды членов Президиума ЦК в Кремле. За трапезой в неформальной обстановке обсуждались дела, поэтому никто без особой необходимости такой возможности не упускал. Никита Сергеевич любил компанию. Ввел традицию встречать Новый год на верхнем этаже Кремлевского дворца

съездов. Помимо высшего руководства собирали деятелей культуры и искусства, военачальников, конструкторов, директоров. Ставили елку. Устраивали танцы. Богато сервированный стол можно и не упоминать.

Одни члены Президиума ЦК жили в большом доме на улице Грановского, другие — по традиции — в Кремле. Трехэтажный дом, в котором находились квартиры Молотова и Микояна, больше не существует. На этом месте построили Дворец съездов. А раньше это была Коммунистическая улица, там находились гаражи, медпункт, прачечная, парикмахерская и другие службы, обеспечивавшие быт членов высшего партийного руководства. У входа в жилой дом и на каждом этаже стояли охранники.

По указанию Хрущева на Воробьевском шоссе построили 12 одинаковых двухэтажных особняков для высшего руководства страны. Особняки были отделаны мрамором и дорогими породами дерева. На первом этаже столовая и гостиная. На втором — спальня и кабинет. В особняки провели полный набор линий связи: городской и междугородной (ВЧ) правительственной, обычной Московской телефонной сети и прямой в пункт охраны. Вокруг особняка — немалая территория для прогулок, вдоль забора асфальтированная дорожка. Высокие стены отделяли советскую элиту от горожан. Дежурный офицер открывал и закрывал ворота для черного лимузина хозяина особняка. Рядом построили спортивно-физкультурный центр с бассейном, чтобы руководители страны и члены их семей укрепляли свое здоровье.

Он ожидал худшего

Рада Никитична Аджубей рассказывала мне, что в тот момент даже не особенно сожалела о выходе отца на пенсию:

— Это даже к лучшему. Программа Хрущева исчерпала себя, молодая команда пойдет дальше...

Когда в стране происходила смена власти и Никиту Сергеевича Хрущева, который десять лет руководил Советским Союзом, снимали с должности, его семья ни о чем не подозревала. Его дочь Рада Никитична знала, что отец в этот октябрьский день 1964 года неожиданно прилетел в Москву из Пицунды, где он отдыхал, но не придавала этому никакого значения. И в тот вечер даже не поехала к нему на Ленинские горы.

В 2018 году на ТВ вышла передача, где я брал интервью у Рады Аджубей:

— На следующий день мы с Алешей поехали в особняк, ждали его там. Папа не сразу приехал. Там с родителями жил мой брат Сергей. Вот мы с Сергеем, с Алешей, с Серго Микояном — а Микоян жил в соседнем особняке — ходили перед домом. Ждали. Долго. Там был скверик маленький. И дождались. Они вдвоем приехали. Вышли из машины. Отец мой сразу поднялся к себе наверх, не сказал ни единого слова.

А Микоян задержался с нами. Мы стали его спрашивать, что и как. Он говорит: «Ну, вот, освободили». И произнес фразу, которую я запомнила: «Хрущев забыл, что при социализме тоже бывает борьба за власть». Папа потом спустился, но мы ему особенно никаких вопросов не задавали. Просто я считала, что ему это неприятно, травмировать его будет. И я не помню, чтобы вот в тот момент он что-то рассказывал.

У него был личный врач Владимир Георгиевич Беззубик, очень хороший человек и врач. Он приезжал к папе. Вот с ним он ходил по дорожкам.

И ему Никита Сергеевич изливал душу и говорил, что это для него потрясение, и стоит ли после этого жить. Даже вот такие слова. Но нам он этого никогда не говорил и держался очень стойко.

— Думал ли он о том, что если бы поступил иначе, то не потерял бы власть?

— А что иначе? Сопротивляться? Нет, он никогда на эту тему не говорил. И я думаю, что у него и мыслей таких не было. Одна из таких ключевых фраз, которые он сказал на заседании Президиума ЦК: «То, что

вы меня освобождаете сегодня, это уже огромное достижение в развитии нашей государственности».

— Но он же задавался вопросом: какую ошибку я допустил?

— Я, к сожалению, с ним на эти темы вот не разговаривала. Мне казалось, что это может его ранить. А сейчас думаю, что ему, наоборот, надо было бы высказаться. Но он ведь и до этого пленума, до своей отставки не раз говорил, что пора уходить. Он и дома это говорил: уже мы стары, надо уступить дорогу молодым.

— Его мучило то, что против него выступили те самые люди, которых он сам вознес на вершину власти?..

— Очень мучило. Может быть, больше, чем что-то другое. Хотя при этом он знал им цену. И у меня с ним был разговор, еще до пленума, я даже не помню, почему возник такой разговор. И он мне сказал про Брежнева, что это не тот человек, который может стать во главе государства.

— Зачем же тогда Никита Сергеевич продвигал Брежнева?

— Он хотел под рукой иметь людей, которых знает. А Брежнева он знал еще с довоенного времени.

— Хрущев ожидал худшего. Что помогло ему пережить эти тяжкие времена?

— А он стойкий был очень человек на самом деле, закаленный. Ну, как вы думаете?.. Какую он жизнь прожил. При Сталине... Прошел всю войну. Две войны — Гражданскую и Великую Отечественную. И физически, конечно, он был сильный человек. И стойкий душевно. Ну, потом, я думаю, все-таки его мама поддерживала.

— Чем он занимался, внезапно оказавшись на пенсии?

— Много читал. Моя племянница привозила разные запрещенные книжки. Того же Пастернака. И он прочитал. Сказал: «Господи, из-за чего было все это заводить. Ничего тут такого нет». Завел огород. Выращивал замечательные помидоры «Бычье сердце». Очень вкусные.

— Он томился в одиночестве? Немногие рисковали навестить опального вождя.

— К нему действительно никто не приезжал. Это было ужасно, но такова была ситуация. Меня спрашивали: «Неужели его никто не навещал? Неужели, когда он умер, никто из высшего руководства не пришел на его похороны?»

— Высшие чиновники государства, которые еще недавно ловили каждое слово Хрущева, теперь демонстрировали свою власть над ним.

— С ним разговаривали очень грубо. Особенно Косыгин. Уж не знаю почему. Он ему говорил: «Вы не знаете, как вас ненавидят в народе». И у

папы была охрана, которая, с одной стороны, его охраняла, а с другой стороны, они были надзирателями, и очень неприятными. Но его это, мне кажется, не раздражало. Во всяком случае, он старался на этом не замыкаться. Но, тем не менее. Что он мог особенно видеть? Он, например, любил сесть в машину и проехать по кольцевой дороге, все посмотреть. Нас с Алешей брал. Говорил: «Вот здорово как».

— Хрущева попросили в Москву не приезжать, не показываться на публике, которая могла бы проявить интерес к свергнутому вождю.

— Как-то он выбрался в театр, в «Современник». По-моему, он смотрел спектакль «Большевики». И его очень хорошо принял зал. Ему, наверно, было приятно... А совсем уже в последние годы он выходил за высокий забор этой дачи, беседовал с людьми, которые подходили. Знали уже, что он там сидит на лавочке, что-то они обсуждали.

Бывший помощник Хрущева Владимир Лебедев рассказывал Твардовскому: «Первое время Никита Сергеевич очень переживал, просто плакал горячими слезами, постепенно только утих и, может быть, смирился. Все это было полнейшей неожиданностью».

Ожидал худшего. На даче метался по дорожкам, предполагал, что его могут арестовать или сослать. Томился в одиночестве. Немногие рисковали приезжать к нему.

Известный фотограф Петр Михайлович Кримерман вспоминал, как в 1966 году он навестил Хрущева в Петрово-Дальнем. Ему пришлось преодолеть два пропускных пункта. Показал Никите Сергеевичу фотографии, которые сделал Юрий Алексеевич Гагарин.

Хрущев заинтересованно спросил:

— Петр, а нельзя ли Гагарина пригласить ко мне? Очень хочу с ним увидеться.

Кримерман передал приглашение Гагарину. Тот обрадовался. Потом задумался:

— Ты пока ничего не говори Никите Сергеевичу.

И словно не было разговора. Через какое-то время Кримерман напомнил Гагарину о приглашении. Тот потупился:

— К сожалению, поехать не могу. Не время.

Александр Твардовский записал в дневнике: «Хрущев в больнице. Выйдет в коридор, все ныряют в палаты, чтобы не здороваться, — гнусь. Вот кому пришлось испить чашу».

Сталин умер в присутствии своего величия и, если бы первые дни мог знать, что было после него, мог быть доволен: газеты, речи, Ходынка и т. д. Наконец, Мавзолей.

А этот живым увидел, как можно просто-напросто быть сброшенным с площадки истории (ни развенчания, ни доклада о культе личности Хрущева, ни даже упоминаний иначе как под псевдонимом “субъективизма”)».

История с мемуарами

Никита Сергеевич задумался о мемуарах. Обратился в ЦК и попросил выделить ему машинистку. Новым руководителям страны хрущевские воспоминания точно не были нужны. Так что в просьбе ему отказали.

Но родные считали, что, если Никита Сергеевич займется воспоминаниями, он увлечется. Поставили магнитофон, и он стал диктовать.

Рада Аджубей: «У него не было никакого подсобного материала: ни книг исторических, ни справок. И он никогда не вел никаких дневников. Диктовал только по памяти. Как-то приехала среди недели. Смотрю, он сидит на стуле — огромный у него был комбайн, такой старинный магнитофон, — и рассказывает».

Его воспоминаниями занялся сын Сергей. Когда отца сняли, Сергей Никитич Хрущев, который трудился в Конструкторском бюро создателя ракетной техники Челомея, тоже лишился работы. Благодаря именно его стараниям появились четырехтомные заметки, бесценный источник по истории Отечества.

Многое теперь, на склоне лет, Никита Сергеевич видел и оценивал иначе.

Десталинизацию считал своей важнейшей заслугой.

Хрущев: «Я поднял эти вопросы на XX съезде партии, я по поручению руководства партии делал доклад по этим же вопросам на XXII съезде, на различных митингах и собраниях, разоблачал и клеймил Сталина за то, что он учинил расправу над строителями партии и руководителями нашего Советского государства. И я горжусь этим, считая, что тем самым я сделал что-то полезное для партии и для своей страны.

Зло, которое было причинено Сталиным, нанесло большой вред нашей стране, а всякое зло должно быть заклеено. Нельзя уповать на то, что, мол, все уже в прошлом. Нет! История может в какой-то степени и повторяться. От разоблачения злоупотреблений наше государство не ослабло, влияние нашей партии не уменьшилось. Ее мощь, наоборот, возросла, потому что мы очистились от преступлений, которые совершил Сталин, и показали: чтобы утвердить Советскую власть и утвердить идеи марксизма-ленинизма, не требовалось такого кровопролития».

Ясно было, что дома воспоминания не издать. И возникла мысль выпустить их хотя бы за границей. Неожиданно этим занялся один из

самых любопытных персонажей того времени — окружающие знали его как Виктора Луи, советского гражданина, которому позволялось то, что было смертельно опасно для других.

Нина Хрущева: «В 1966 году отец и Виктор Суходрев, бывший переводчик Хрущева, привезли Луи в Петрово-Дальнее познакомить с Никитой Сергеевичем...

Суходрев уже работал переводчиком у Брежнева, но сохранил теплые чувства к прежнему боссу, а Луи, его друг (и возможный контакт в КГБ), радовался возможности лицезреть живую историю — бывшего руководителя Советского государства на пенсии, шагающего по тыквенным грядкам и гуляющего по лесным тропинкам в окрестностях его дачи.

Отец фотографировал, а Луи снимал все на кинокамеру — как он сказал, для себя, для личного пользования. К ужасу моей матери, отснятый материал появился вскоре в документальном фильме NBC “Хрущев в ссылке. Его мысли и откровения” (1967 год)».

Сергей Никитич Хрущев считал, что особое положение Луи объяснялось его сотрудничеством с КГБ. «Меня познакомили с Виталием Евгеньевичем Луи, — вспоминал он. — Многие почему-то звали его Виктором. Отсидев десять лет по обычному в сталинское время вздорному обвинению, Луи вышел из тюрьмы после XX съезда...

Виталий Евгеньевич устроился работать московским корреспондентом в одну английскую газету, что обеспечивало ему несравненную с обычными советскими гражданами свободу выездов и контактов. После женитьбы на работавшей в Москве англичанке (ее звали Дженифер) его положение еще больше упрочилось.

Конечно, за разрешение работать на англичан госбезопасность потребовала от Луи кое-какие услуги. После недолгих переговоров поладили, и вскоре Виталий Евгеньевич стал неофициальным связным между компетентными лицами у нас в стране и соответствующими кругами за рубежом. Он стал выполнять деликатные поручения на все более высоком уровне, начал общаться даже с руководителями государств».

Луи провернул и комбинацию с отправкой за границу мемуаров Хрущева.

«Луи, — пишет Сергей Хрущев, — предложил изъять из текста упоминания, способные вызвать слишком большое раздражение у Брежнева или других членов Политбюро. Это в основном касалось крайне редких упоминаний о них самих и некоторых одиозных фактов — таких, как помощь супругов Розенберг в овладении американскими атомными секретами, кое-какие “секреты”, касающиеся ракет».

Сергею Хрущеву Луи сообщил, что заручился согласием

Андропова — во время одной из встреч. Забавная деталь. Луи сказал, что предложил Андропову прочитать записки Хрущева, уверенный в том, что тот заинтересуется. Но председатель КГБ, улыбнувшись, отказался.

В то же время 25 марта 1970 года Юрий Андропов отправил в Политбюро ЦК записку:

«В последнее время Н. С. Хрущев активизировал работу по подготовке воспоминаний о том периоде своей жизни, когда он занимал ответственные партийные и государственные посты. В продиктованных воспоминаниях подробно излагаются сведения, составляющие исключительно партийную и государственную тайну. Раскрывается практика обсуждения вопросов на закрытых заседаниях Политбюро ЦК КПСС.

При таком положении крайне необходимо принять срочные меры оперативного порядка, которые позволяли бы контролировать работу Н. С. Хрущева над воспоминаниями и предупредить вполне вероятную утечку партийных и государственных секретов за границу. В связи с этим полагали бы целесообразным установить оперативный негласный контроль над Н. С. Хрущевым и его сыном Сергеем Хрущевым...

Вместе с тем было бы желательно, по нашему мнению, еще раз вызвать Н. С. Хрущева в ЦК КПСС и предупредить об ответственности за разглашение и утечку партийных и государственных секретов и потребовать от него сделать в связи с этим необходимые выводы».

От Сергея Хрущева потребовали отдать все экземпляры отцовских воспоминаний. Ему пришлось пережить немало неприятных минут. А рукопись тем временем отправилась за океан. Луи сам подписал договор с американским издательством. Ему же и причитался гонорар.

Над переводом рукописи Хрущева на английский язык работал молодой советолог Струоб Тэлбот, друг будущего президента США Билла Клинтона и будущий первый заместитель государственного секретаря США. После выхода мемуаров от Никиты Сергеевича потребовали объяснений в ЦК. Разговор на повышенных тонах ускорил его кончину.

Хрущева с удовольствием топтали те, кто еще недавно перед ним трепетал.

Очередную записку по поводу Хрущева Андропов направил в Политбюро ЦК 25 декабря 1970 года:

«В последнее время в адрес Хрущева Н. С. направляется большое количество различной корреспонденции от частных лиц из капиталистических стран.

Большая часть корреспонденции представляет собой открытки с

поздравлениями с Новым годом и Рождеством. В отдельных из них приводятся изречения религиозного характера, сравнения Хрущева Н. С. с библейскими “героями”. Авторы писем обращаются к Хрущеву Н. С. как “к борцу за мир и противнику антисемитизма”, выражают сочувствие в связи с его болезнью...

Учитывая, что подобная корреспонденция носит тенденциозный характер и может инспирироваться зарубежными подрывными центрами, полагали бы целесообразным ограничить ее поступление на адрес Хрущева Н. С.».

В записке что-то вовсе мелочное. Андропов прекрасно понимал, что «враждебной акцией» здесь и не пахнет. Люди со всего света писали Хрущеву, искренне желая сказать что-то доброе пожилому человеку, отправленному на пенсию. Но Юрий Владимирович не упустил случая сделать что-то неприятное бывшему вождю. А ведь когда-то Андропов в разговоре один на один, когда никто не тянул его за язык, восхищенно заявил одному из коллег о Хрущеве:

— Вот это — настоящий коммунист с большой буквы!

Министру иностранных дел А. А. Громыко доставалось от Хрущева. Но он вел себя иначе. Сын Хрущева Сергей Никитич вспоминал, что, когда тяжело заболела его сестра, понадобилась помощь американского врача. Но как получить для него визу? Рискнул позвонить Громыко, с которым жил в одном доме. Андрей Андреевич предложил зайти. Выслушал, сказал:

— Ну что же, это дело гуманное. Я постараюсь помочь. Позвони мне завтра.

Лидия Дмитриевна, оберегавшая мужа от всевозможных неприятностей, вставила:

— Андрюша, сам ты этого вопроса решить не можешь. Это надо согласовать.

Она понимала, что всякое участие в делах семейства Хрущева едва ли понравится Брежневу. Но когда на следующий день Сергей Хрущев позвонил Громыко, выяснилось, что указание выдать визу уже дано.

Прощание и похороны

Нина Львовна Хрущева: «В конце лета 1970 года мы с двоюродным братом Никитой и дедушкой гуляли в окрестностях Петрова-Дальнего. Дед настоял, чтобы мы прогулялись подальше, проверить состояние большого пшеничного поля.

— Самое время собирать урожай, она совсем перезрела, — сказал он.

И мы принялись искать кого-нибудь, чтобы спросить, почему не собирают пшеницу. Когда мы, наконец, нашли одного колхозника, то он в ответ на требование Хрущева, объяснившего, что, мол, радеет о народном хлебе, рассмеялся:

— Ты нам больше не начальник. Иди к черту со своими указами!»

В сентябрьский день 1971 года Хрущева повезли в больницу, откуда он уже не вернется. Ночью у него был сердечный приступ. Помогла таблетка нитроглицерина. Утром опять заболело сердце, и нитроглицерин не помогал. Позвонили врачу. Он сказал, что надо класть в больницу. Никита Сергеевич согласился:

— Пожалуй, хотя и не хочется — последние хорошие дни осени. Но что мы с тобой будем делать, если ночью опять будет приступ?

По дороге Никита Сергеевич увидел посеvy кукурузы и стал огорченно говорить, что не так посеяли, урожай мог быть больше. Жена, Нина Петровна, и лечащий врач просили его не волноваться. Он, как бы оправдываясь, сказал:

— Характер такой!

Никита Сергеевич похвалил каштаны на проспекте Калинина, вспоминал, как сопротивлялись городские озеленители, когда он в 1950-е годы настаивал на том, чтобы посадили каштаны в Москве.

Всю ночь с ним провели врачи. Лечащий врач сказала, что подозревает инфаркт — уже третий. Следующая ночь была тяжелой. У Никиты Сергеевича болело сердце. Нина Петровна сидела рядом. Он не разговаривал. То засыпал, то просыпался.

В субботу, 11 сентября, врачам показалось, что наступило улучшение. Никита Сергеевич сказал, что будет спать, и отослал жену. Она сама нуждалась в лечении и пошла на процедуры. Когда она вернулась, увидела реанимационный аппарат. Ее попросили выйти. Когда появилась врач, Нина Петровна спросила:

— Плохо?

— Плохо.

— Хуже, чем в четверг?

— Умер.

Час она просидела у его тела. Потом приехала машина из морга. Отправились на дачу, а там — пост охраны. Спальня Никиты Сергеевича была опломбирована. Нине Петровне объяснили: распоряжение ЦК, так всегда делается, когда умирает крупный партийный деятель. Через час приехал заместитель управляющего делами ЦК КПСС М. И. Кувшинов. Нина Петровна упрекнула его:

— Что же вы, товарищ майор, так поспешили? Могли бы меня дожидаться и все сделать при мне.

— Мы выражаем вам соболезнование, — хладнокровно ответил Михаил Иванович. — Но я не майор, а работник ЦК.

Тут Нина Петровна узнала его. Когда-то он помог семье въезжать в квартиру в Староконюшенном переулке. Он объяснил, что в ЦК заинтересованы, чтобы документы Никиты Сергеевича были сохранены для истории. По его указанию сняли пломбы и убрали охрану. Нина Петровна открыла им сейф.

Они забрали магнитофонные пленки, поздравление Никите Сергеевичу по случаю семидесятилетия, подписанное всеми руководителями партии. Хотели забрать указ о награждении медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941— 1945 гг.», но оставили. Забрали и магнитофонную запись, надиктованную инструктором по лечебной физкультуре, стихотворение Осипа Мандельштама...

Кувшинов обещал, что все, ненужное для истории, потом вернут. Сказал, что придет сотрудница Управления делами ЦК, которая всем займется — справка о смерти, морг, могила, венки, автобусы.

В понедельник, 13 сентября 1971 года, «Правда» на первой полосе поместила четыре строки объявления о смерти Хрущева. К десяти часам приехали в морг. Зал выделили маленький, все не смогли войти. Зато было множество милиции. Постояли и поплакали под траурную музыку. В 11 сели в автобус.

На Новодевичьем кладбище был объявлен санитарный день. Автобус проехал прямо к месту, выделенному под могилу. Там соорудили помост, на который поставили гроб. Шел проливной дождь. Кто-то держал зонт, чтобы дождь не падал на лицо Никиты Сергеевича. Венков было четыре — от ЦК КПСС и Совета министров СССР, от семьи, от товарищей и отдельно от Анастаса Микояна.

Сергей Хрущев сам сказал слово об отце. За ним выступала Надежда

Диманштейн, которая работала с Никитой Сергеевичем в Юзовке (Донецк), — о принципиальности Хрущева, его умении работать с людьми и их вдохновлять, и друг Сергея Вадим Васильев — о том, как Никита Сергеевич вернул доброе имя его отцу, погибшему в лагере. Как и многим другим, расстрелянным, загнанным в лагерь и оклеветанным... Вот и все прощание с человеком, который десять лет руководил страной. Постарались сделать вид, будто и не заметили его смерти.

Историк А. М. Некрич вспоминал: «Все подходы и проезды блокированы милицией и сотрудниками госбезопасности и, возможно, привлеченными для этой цели активистами. Поодаль во дворах стояли крытые брезентом военные грузовики, в которых томились солдаты войск внутренней охраны, молодые, рослые, чисто одетые и выбритые до синевы. В кабине каждого из грузовиков сидел офицер. Около каждой группы машин, по-видимому, роты находился связист с рацией, поддерживавший непрерывную связь с вышестоящим начальником».

С невероятным трудом Александр Моисеевич все-таки попал на кладбище, чтобы проститься с Хрущевым: «Вокруг очень много сотрудников государственной безопасности. Все в штатском. По манере держаться, по покрою костюмов отличаю довольно высокопоставленных лиц из этого ведомства. Но почему их так много? Почему так много милицейских и солдат внутренней охраны, скрытых под брезентовыми крышами военных грузовиков? Почему “санитарный день”?»

Зачем Новодевичье кладбище, а не Кремлевская стена? Какая ирония судьбы! Никита Хрущев будет покоиться среди артистов, поэтов, академиков, словом, среди интеллигентов, к которым он так часто бывал несправедлив, но лишь они одни поминают его сегодня добрым словом. А Тот, другой, и после своей смерти будет находиться вместе со своими соратниками у стен Кремля...

Мало, очень мало обыкновенных граждан, “простых советских людей”, пожелавших проститься с Хрущевым. Пожалуй, лишь одни интеллигенты. И здесь дело, конечно, не только в том, что не было оповещения о похоронах. Дело в другом: забыты и возвращение заключенных, и посмертная реабилитация, и массовое жилищное строительство, развернутое в годы правления Хрущева. Но помнят о прекращении выплат выигрышей по займам, хотя забыли об их полной отмене. Помнят о повышении цен, о дорогостоящих зарубежных вояжах и о потоках речей покойного.

Немногочисленная толпа, сгрудившаяся вокруг свежей могилы, медленно начинает редеть. Подходим к Раде Никитичне. Коротко говорю ей

слова утешения, называю себя, крепкое рукопожатие. Идем к выходу. Вышли за ворота. На противоположном тротуаре уже скопилось довольно много народа. Перед ними милицейский заслон. За кладбищенские ворота уже больше никого не пропускают.

Оглянулись. По-прежнему висит объявление, написанное от руки красным карандашом: “13 сентября кладбище закрыто. Санитарный день”».

Никита Сергеевич Хрущев — талантливый политик, недооцененный отечественной историей. Он был человеком фантастической энергии, огромных и нереализованных возможностей.

Большей частью соотечественники несправедливы к нему. Единоличная власть была для него инструментом улучшения жизни людей. Он был, пожалуй, единственным человеком в послевоенном советском руководстве, кто сохранил толику юношеского идеализма. Хрущев был наделен взрывным темпераментом, склонностью к новым, революционным идеям и готовностью, ни с кем и ни с чем не считаясь, немедленно воплощать их в жизнь. Пребывание на высоком посту не сделало его равнодушным.

Немалая часть российского общества обижена на историю — она шла не так, как хотелось. Многие с менталитетом обиженного подростка воспринимают напоминания о трагедиях и преступлениях как чей-то личный выпад против них, как попытку «украсть победу», лишить их роли триумфаторов, мирового лидерства.

Споры о XX съезде, о роли Сталина не прекращаются и по сей день. Это споры не только о его личности, но и о том, каким путем идти и какая система власти нужна. Восхваляют Сталина и презирают Хрущева те, кто считает исторический опыт вождя народов образцовым. Они уверены, что лучшие годы страны пришлись на его правление, когда Советский Союз стал великой державой и нас все боялись. Сталин — государственный, который противостоял всему иностранному и давил внутренних врагов. Поэтому нужно возвращаться к его политике и к его методам — никакого либерализма внутри страны и жесткая линия в международных отношениях...

«Никита Хрущев ни в коем случае не хотел разрушить созданную Сталиным советскую систему, — пишет философ Александр Ципко, когда-то работавший в аппарате ЦК КПСС. — Хрущев верил, что можно соединить советскую систему с внутривластной демократией, с правдой».

Но поклонники Сталина увидели, к чему ведет реабилитация жертв массового террора, честный разговор о трагическом прошлом. Никита

Сергеевич выдернул слепое поклонение вождю из фундамента, на котором стояло Советское государство, и система зашаталась. То, что произошло после доклада Хрущева на XX съезде, продемонстрировало слабость системы, державшейся только на вертикали власти, на страхе.

Вот этого Хрущеву простить было нельзя! Вот почему бранили, называя разрушителем государства! Стоило вытащить из этой вертикали хотя бы один элемент — безоговорочное подчинение власти, избавить страну от страха, дать людям свободу слова, и система начала рушиться.

И свергли Хрущева потому, что страха он не внушал — сам избавил от него страну. Только соратников это вовсе не радовало.

Сейчас все вспоминают, как Хрущев в 1954 году передал Крым Украине. Но тогда это прошло под аплодисменты! Отчего же тогда никто не возразил, даже не выразил сомнения? Потому что система осталась прежней! Самовластье, рождавшее страх, и тотальная пропаганда, подавлявшая способность мыслить. А недовольство — только после того, как вождь ушел в мир иной или отправлен в отставку.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н. С. ХРУЩЕВА

1894, 3 (15) апреля — в селе Калиновка Дмитриевского уезда Курской губернии в семье шахтера Сергея Никаноровича Хрущева родился сын Никита.

1908 — переезд семьи на Донбасс, в Юзовку; поступил учеником слесаря на машиностроительный и чугунолитейный завод.

1912 — начал работать слесарем на шахте.

1914 — женился на Ефросинье Писаревой.

1917—1918 — председатель Рутченковского Совета рудничнозаводских комитетов Союза металлистов горнорудной промышленности (Екатеринославская губерния).

1918 — вступил в партию большевиков и Красную гвардию.

1919— 1920 — служба в Красной армии.

1920— 1921 — политический руководитель Рутченковского кустового управления.

1921— 1925 — секретарь парткома Донецкого горного техникума им. Артёма.

1922 — женился на Нине Кухарчук.

1925, июль — назначен ответственным секретарем Петрово-Марьинского райкома КП(б) Украины (Сталинский округ).

Декабрь — избран делегатом XIV съезда ВКП(б).

1926—1928 — заведующий орготделом Сталинского окружкома КП(б) Украины.

1928 — заместитель заведующего орготделом ЦК КП(б) Украины.

1928—1929 — заведующий орготделом Киевского окружкома КП(б) Украины.

1929 — поступил в Промышленную академию в Москве.

1931, январь — назначен секретарем Бауманского райкома ВКП(б) (Москва).

Июль — назначен секретарем Краснопресненского райкома ВКП(б) (Москва).

1932, 30 января — 1934, 16 января — второй секретарь Московского горкома ВКП(б).

1934, 24 января — 1938, 10 февраля — первый секретарь Московского

горкома ВКП(б).

1934, 24 января — 1935, 7 марта — второй секретарь Московского обкома ВКП(б).

1934, 10 февраля — на XVII съезде избран членом ЦК ВКП(б).

1935, 7 марта — 1938, 10 февраля — первый секретарь Московского обкома ВКП(б).

1937 — избран депутатом Верховного совета СССР.

1938, 14 января — избран кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б).

1938, 21 января — 1947, 3 марта; 1947, 26 декабря — 1949, 16 декабря — первый секретарь ЦК КП(б) Украины (утвержден 18 июня 1938).

1938, 17 апреля — 1947, 23 марта — первый секретарь Киевского обкома и горкома партии (утвержден 18 июня 1938).

1938, 27 января — 1949, 16 декабря — член Политбюро ЦК КП(б) Украины.

1939, 22 марта — избран членом Политбюро ЦК ВКП(б).

1941—1944 — член Военных советов ЮгоЗападного направления, ЮгоЗападного, Сталинградского, Южного, Воронежского, 1-го Украинского фронтов.

1943, 12 февраля — присвоено звание генерал-лейтенанта.

11 марта — погиб сын — лейтенант Леонид Хрущев.

1944, 5 февраля — 1947, 26 декабря — председатель Совнаркома (с 1946 года Совета министров) Украинской ССР.

1949, 16 декабря — 1953, 7 сентября — секретарь ЦК ВКП(б).

1949, 16 декабря — 1953, 10 марта — первый секретарь Московского обкома ВКП(б).

1949, 16 декабря — 1950, 25 января — первый секретарь Московского горкома ВКП(б).

1952, 16 октября — утвержден членом Бюро Президиума ЦК КПСС.

1953, 7 сентября — избран первым секретарем ЦК КПСС.

1956, 25 февраля — выступление на закрытом заседании XX съезда КПСС с докладом «О культе личности Сталина».

Избран председателем Бюро ЦК КПСС по РСФСР.

1957, июнь — разгром «антипартийной группы» В. М. Молотова, Л. М. Кагановича, Г. М. Маленкова.

1958, 27 марта — назначен председателем Совета министров СССР.

1959, 15—27 сентября — визит в США. Переговоры с президентом Д. Эйзенхауэром.

1960 — участие в работе сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

1961, 12 апреля — первый полет человека в космос — Ю. А. Гагарин благополучно возвращается на Землю.

Июнь — переговоры с президентом США Джоном Кеннеди в Вене.

1962, 16—28 октября — Карибский кризис.

1964, 14 октября — освобожден от обязанностей первого секретаря ЦК КПСС, члена Президиума ЦК КПСС.

Освобожден от обязанностей председателя Совета министров СССР и отправлен на пенсию.

1971, 11 сентября — умер.

ЛИТЕРАТУРА

Документы

Архив новейшей истории России. Т. 1: «Особая папка» И. В. Сталина. Из материалов Секретариата НКВД—МВД СССР 1944—1953 гг. М.: Благовест, 1994.

Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма Июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М.: Международный фонд «Демократия», 1999.

Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма Июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М.: Международный фонд «Демократия», 1998.

Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945—1953 / Сост. О. В. Хлевнюк и др. М.: РОССПЭН, 2002.

Президиум ЦК КПСС. 1954—1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. В 3 т. М.: РОССПЭН, 2003—2008.

Протокол совместного заседания Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР, 5 марта 1953 г. // Источник. 1994. № 1.

Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени. Документы. В 2 т. М.: Международный фонд «Демократия», 2009.

Никита Хрущев. 1964. Стенограммы пленумов ЦК КПСС и другие документы. М.: Международный фонд «Демократия», 2007.

Воспоминания

Аджубей А. И. Те десять лет. М.: Советская Россия, 1989.

Микоян А. И. Так было: Размышления о минувшем. М.: Вагриус, 1999.

Мухитдинов Н. А. Годы, проведенные в Кремле. Ташкент: Изд-во народного наследия им. Абдуллы Кадыра, 1994.

Суходрев В. М. Язык мой — друг мой: От Хрущева до Горбачева. М.: АСТ, 1999.

Хрущев Н. С. Воспоминания: Время, люди власть. В 4 т. М.: Московские новости, 1999.

Хрущева Н. Л. Пропавший сын Хрущева, или Когда ГУЛАГ в головах. М.: АИРО-XXX, 2019.

Монографии

Медведев Р. А. Н. С. Хрущев: политическая биография. М.: Книга, 1990. Таубман У. Хрущев. М.: Молодая гвардия, 2008.

Хрущев С. Н. Рождение сверхдержавы: Книга об отце. М.: Время, 2003.

Хрущев С. Н. Пенсионер союзного значения. М.: Новости, 1991.
Хрущев С. Н. Реформатор. М.: Время, 2010.

НАД КНИГОЙ РАБОТАЛИ

Редактор К. А. Залесский

Художественный редактор К. В. Забусик

Технический редактор М. П. Качурина

Корректор И. В. Абрамова

Издательство АО «Молодая гвардия»

notes

Примечания

1

В 1924 г. Юзовка была переименована в Сталин, в 1929 г. — в Сталино
и, наконец, в 1961 г. — в Донецк.

По просьбе Юзовского окружного исполкома Малый Президиум Всеукраинского ЦИК 22 апреля 1924 г. переименовал город Юзовку в город Сталин, а Юзовский округ — в Сталинский.

Официальное название — Дом правительства, адрес — улица Серафимовича, 20; он состоял из восьми корпусов, имевших высоту 9— 11 этажей; 25 подъездов дома выходили на Берсеневскую набережную и улицу Серафимовича. Хрущев получил квартиру № 206.

Станислав Францевич Реденс (1892—1940) — член РСДРП с 1914 г., с 1918 г. сотрудник ВЧК. С февраля 1933 г. полпред ОГПУ, с июля 1934 г. начальник Управления НКВД по Московской области; комиссар госбезопасности 1-го ранга (1935). С января 1938 г. нарком внутренних дел Казахской ССР. В ноябре 1938 г. арестован. Расстрелян; реабилитирован в 1961 г.

Бетти Николаевна Глан (1904—1992) — член РКП(б) с 1924 г., в 1930 — 1937 гг. директор и худрук Центрального парка культуры и отдыха им. А. М. Горького В 1932—1937 гг. жена секретаря ЦК КПЮ М. Горкича. В 1937 г. арестована, находилась в заключении, затем в ссылке. В 1955 г. реабилитирована. В 1955—1958 гг. директор Всесоюзного бюро пропаганды Союза композиторов СССР.

Вениамин Хайлович Трейвас (1898—1937) — член РКП(б) с 1918 г.

В 1930—1931 гг. заведующий орготделом Сокольнического и Бауманского райкомов ВКП(б) в Москве. С 1931 г. первый секретарь Вышневолоцкого (Тверская область), с 1934 г. — Калужского райкомов ВКП(б). В апреле 1937 г. арестован. Расстрелян; реабилитирован в 1955 г.

Историческое и современное название — Шелковичная. В 1969—1919 гг. носила название Левашовская, в 1919—1993 гг. — Карла Либкнехта (при немцах в 1941—1943 гг. — Хорста Весселя).

8

Это произошло 14 ноября 1938 г.

Высокочастотная связь использовалась в междугородней системе спецсвязи, которой ведало ведомство госбезопасности. Аппараты ВЧ-связи чекисты по особому списку устанавливали высшим чиновникам. Станции правительственной связи развернули на государственных дачах в Крыму и на Кавказе, где отдыхал Сталин.

Михаил Алексеевич Бурмистенко (1902—1941) — член РКП(б) с 1919 г. С января 1938 г. 2-й секретарь ЦК КП(б) Украины. С 1939 г. член Политбюро ЦК КП(б)У, председатель Верховного совета УССР. В августе 1941 г. он был назначен членом Военного совета ЮгоЗападного фронта. Во время разгрома войск фронта погиб в бою.

После окончания Второй мировой войны Данциг был передан Польше и переименован в Гданьск.

На самом деле А. Дисков служил в штабной роте 222-го пехотного полка 75-й пехотной дивизии.

Николай Владимирович Фекленко (1901—1951) — генерал-лейтенант танковых войск (1943). 15 августа 1941 г. назначен командующим 38-й армией, но 22 сентября отстранен от должности как не справившийся. Затем на второстепенных постах, в 1943—1946 гг. начальник Главного управления формирований и боевой подготовки бронетанковых и механизированных войск РККА.

Будущий генерал армии Яков Григорьевич Крейзер (1905—1969) отличился на поле боя и уже 22 июля 1941 г. был отмечен Золотой Звездой Героя Советского Союза.

Оставаясь первым секретарем ЦК КП(б)У Н. С. Хрущев с февраля 1944го по март 1946 г. также занимал пост председателя СНК УССР, а затем до 1947 г. — Совета министров УССР.

Ростокинский район — на северо-востоке столицы — вошел в состав Москвы в 1935 г. В мае 1945 г. район переименовали в Щербаковский — в память об умершем первом секретаре обкома и горкома партии Александре Сергеевиче Щербакове.

В советское время такое название носил Екатерининский (Купольный) зал Сенатского дворца Московского Кремля.

Видкун Квислинг, премьер-министр Норвегии при нацистах, был после войны осужден и расстрелян за предательство.

Н. А. Булганин в сентябре 1938-го — апреле 1940 г. и в октябре 1940го — мае 1945 г. занимал пост председателя правления Государственного банка СССР.

Все на том же историческом Июньском пленуме ЦК КПСС 1957 г. Жуков стал полноправным членом Президиума ЦК КПСС.

Михаил Сергеевич Гречуха после войны был председателем Президиума Верховного совета Украины, потом его переместили на пост первого заместителя главы республиканского правительства.

Правда, третью звезду ему вручили уже при Л. И. Брежневe.

До начала XX в. Азербайджаном называли северо-западную часть Ирана, где всегда жили азербайджанцы.

Николай Павлович Фирюбин (1908—1983) — в 1955—1957 гг. был послом в Югославии, с 1957 г. заместитель министра иностранных дел СССР, генеральный секретарь Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского договора. В 1956—1966 гг. кандидат в члены ЦК КПСС. У него был бурный роман с Е. А. Фурцевой, в 1954 г. он оставил семью и в 1957 г. женился на ней.

Командиром корабля был капитан 1-го ранга Г. Ф. Степанов, а контрадмирал И. Г. Иванов, ранее занимавший пост главного штурмана Управления боевой подготовки Главного штаба ВМС СССР, состоял помощником начальника Главного штаба ВМС СССР.

См. подробнее: Стыкалин А. С. Дьердь Лукач — мыслитель и политик. М., 2001.

Всегда найдется сукин сын, способный испортить все дело (англ.).

Живописец Александр Михайлович Герасимов (1881—1963) с 1947 г. служил президентом Академии художеств СССР. Прославился не только страстной борьбой против «антипатриотов и космополитов» в художественной критике, но и полным неприятием исканий современных живописцев, видя во всем новом разлагающее влияние Запада.

Официальное название в 1953—1963 гг. Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати при Совете министров СССР.

Никита Сергеевич имел в виду кандидата в члены Президиума ЦК КПСС Мир Джафара Аббасовича Багирова, который 20 лет, с 1933 по 1953 г., был хозяином Азербайджана. Его сняли с должности, судили и расстреляли после смерти Сталина и казни Берию.

На основании Указа Президиума Верховного совета СССР от 19 февраля 1954 г. Крымская область была передана из состава РСФСР в состав УССР. Верховный совет Российской Федерации 21 мая 1992 г. объявил решение Президиума Верховного совета РСФСР о передаче Крыма «не имевшим юридической силы с момента принятия».

В марте 1963 г. Указом Президиума Верховного совета СССР был образован Высший совет народного хозяйства СССР . Ему подчинили все промышленные и строительные госкомитеты, в том числе Госкомитеты по оборонной технике, по авиационной технике, Госплан, Госстрой.

Он родился в день Октябрьской революции — 25 октября (7 ноября) 1917 г.

Средняя ежемесячная зарплата в СССР в 1964 г., по разным данным, составляла от 86,0 до 87,6 рубля.